

Т
89
22

К. ГЕЙДЕН

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

СОЦЭКГИЗ МОСКВА—ЛЕНИНГРАД 1935

КОНРАД ГЕЙДЕН

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Ф. КАПЕЛЮША и А. РИША
С предисловием И. ДВОРКИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935 — ЛЕНИНГРАД

Работа Конрада Гейдена излагает историю германского фашизма от его зарождения до 1934 г. Автор—журналист, в течение долгого времени был корреспондентом «Фоссише цейтунг» в Мюнхене, центре развития фашистской партии. Он имел возможность непосредственно наблюдать за всеми людьми и действиями этой партии и собрал богатый фактический материал по истории германского фашизма.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемые с некоторыми сокращениями две книги Гейдена, из которых одна выпущена автором в 1932 г. и вторая в 1934 г., несомненно представят большой интерес для советского читателя Они интересны не политическими и экономическими взглядами автора. Автор с ненавистью относится к коммунизму, а к фашизму относится как либеральный буржуа. И именно как либеральный буржуа он мечется между полусочувствием фашизму и его робким осуждением. Выступая в качестве историка, журналист, прежний сотрудник «Vossische Zeitung», близкий одно время к социал-демократам, Гейден стремится изо всех сил показать себя объективным. Вот это-то стремление к объективному изложению фактов и делает книгу крайне интересной. Автор прекрасно изучил историю национал-«социалистической» партии так, как она видна из газет, книг и брошюр германских национал-социалистов. Во время своего пребывания в Баварии он лично наблюдал деятельность национал-социалистической партии и ее вождей. Книги Гейдена зачастую помимо и против воли автора сыграют свою роль в разоблачении фашизма именно своим ф а к т и ч е с к и м материалом.

Необходимо, правда, отметить, что вторая книга Гейдена несколько отличается от первой. В ней он уже более решительно выступает против фашизма и ждет его смены другим буржуазным режимом. Между первой книгой, написанной в 1932 г., и второй книгой, написанной в 1934 г., легли полтора года фашистской диктатуры, которые кое-чему научили автора. И если в первой книге он в значительной степени сочувствует фашизму, осуждая его «крайности», то вторую книгу он кончает вынужденным признанием: «Фашизм может выбирать только между нищетой и войной. И то и другое приведет к его уничтожению. Мы хотим надеяться, что гибель эта произойдет на первом пути, но мы должны быть готовы и ко второму исходу. Каждый, кто любит свободу, должен внести свою лепту, чтобы конец фашизма явился не концом, а началом Европы».

Такая эволюция взглядов отражает изменение настроений некоторых кругов германской средне- и мелкобуржуазной интеллигенции, которые поняли на горьком опыте фашистской диктатуры,

что фашизм кроме нищеты, варварства, войны ничего дать не может. Гейден желал бы смены фашистского режима «свободой», буржуазной республикой. В последней части второй книги он показывает свое разочарование фашистским режимом, надеясь еще спасти буржуазный строй на путях буржуазной демократии, поэтому последние страницы книги интересны и как симптом поворота в некоторых интеллигентских германских кругах. Из полусочувствующих они превращаются в противников фашизма.

Пришедший к власти в начале 1933 г. германский фашизм имеет свою историю, свои этапы развития. Мировое коммунистическое движение, ставшее перед фактом осуществления фашистской диктатуры в Германии, заинтересовано в том, чтобы знать, как возник национал-социализм, как он развивался и как он пришел к власти.

Германский фашизм возник как партия столь же рано, как фашизм итальянский, но имел другую судьбу. Итальянский фашизм пришел к власти накануне стабилизации капитализма на волне победоносной контрреволюции, которая сумела благодаря предательству социалистов и анархистов разгромить пролетариат. Итальянский фашизм пришел к власти в 1922 г. Через $1^1/_2$ года наступило относительное укрепление капитализма, относительная стабилизация, которая дала возможность буржуазии временно укрепиться в седле власти после разгрома революции пролетариата в ряде европейских стран за исключением России.

Германский фашизм значительно позднее по сравнению с итальянским достиг зенита своего массового влияния и лишь десять лет спустя захватил в свои руки власть. Объясняется это отличными от итальянских условиями послевоенного развития Германии. Это объясняется в первую очередь силой, организованностью и многочисленностью германского пролетариата, представлявшего собой грозную для буржуазии силу. Итальянский пролетариат потерпел поражение еще до того, как он сумел организовать победоносное революционное восстание. Германский пролетариат—помимо и против воли Шейдеманов и Носке—свалил кайзерскую монархию, прошел через ряд восстаний, направленных против буржуазного господства, в 1919, 1920, 1921 и 1923 гг., имел опыт советской республики в Баварии. Все эти восстания, которые германский пролетариат провел под руководством молодой коммунистической партии, германская буржуазия подавила руками вождей социал-демократии, находившихся в тесном союзе с рейхсвером. Германский буржуа был уверен в своих Шейдеманах, Носке и Эбертах, уверен в том, что они до конца будут защищать капиталистический строй от натиска революционного пролетариата. Но 1919—1923 гг. были годами революционной бури и натиска. Инфляция, ужасные бедствия, порожденные войной, огромный революционный напор рабочих масс, стремившихся свергнуть буржуазию,—все это побудило капитал создать ряд фашистских боевых организаций с целью разгрома пролетариата. Национал-социалистическая партия с ее штурмовыми отрядами в тот период была резервом буржуазии. Эти резервы пускались в дело, когда надо было громить революционные пролетарские выступления. В то же

время этот политический резерв держался на всякий случай, который мог представиться в те бурные и полные всяческих неожиданностей для буржуазного господства времена. Для фашистской диктатуры в тот период время еще не пришло. Буржуазия тогда и вплоть до 1933 г. могла обойтись без нее.

Мы привели это сравнение между итальянским и германским фашизмом, для того чтобы вскрыть особенности фашизма германского. Фашизм итальянский является «классическим» видом фашизма, пришедшего к власти и укрепившего свою власть в обстановке относительной стабилизации капитализма. Германский фашизм—образец фашизма, который пришел к власти в обстановке острого экономического кризиса и конца относительной стабилизации капитализма. Но именно поэтому германский фашизм, стремясь выйти из кризиса и подготовить войну, разваливает хозяйство, всемерно обостряя противоречия, приближая свою гибель.

Фашизм независимо от его конкретной национальной формы является выражением и проявлением всеобщего кризиса капитализма. Он—свидетельство того, что буржуазия уже не может управлять массами методами парламентаризма, демократии, а больше переходит к методам неприкрытого террора и насилия над массами. Фашистская диктатура есть, как отметил XIII пленум ИККИ, «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»[1].

Приход фашизма к власти есть смена парламентской формы буржуазной власти другой—террористической формой, «приход фашизма к власти—это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой—открытой террористической диктатурой»[2].

Неправильно думать, что, как полагают некоторые, фашистское движение датирует свое начало с возникновения войны 1914 г. Говорить так — значит не понимать той роли, которую сыграла Октябрьская революция в образовании общего кризиса капитализма. Мировая война положила начало общему кризису капитализма—это бесспорно. Но лишь Октябрьская революция, выросшая из обострения противоречий, созданных войной, и создала основное противоречие, которым характеризуется общий кризис капитализма,—борьбу двух систем: социалистической и капиталистической. Фашизм—проявление общего кризиса капитализма. Его возникновение свидетельствует о том, что буржуазия перед угрозой пролетарской революции решила мобилизовать все средства белого террора и политического бандитизма для борьбы с революционным пролетариатом. Фашистские партии и группы начинают возникать после победы

---

[1] «XIII пленум ИККИ», Стенографический отчет, стр. 589. Подчеркнуто нами.—*И. Д.*

[2] Димитров, Доклад VII конгрессу Коммунистического интернационала, стр. 10, Партиздат, 1935 г.

Октября в России и после того, как в Европе прокатился ряд революций. В Германии, с ее особо бурным развитием революции, фашистские группы возникают немедленно после победы ноябрьской революции в 1918 г. и в начале 1919 г. Не случайно и национал-социалистическая партия возникла именно в 1919 г.

Особенностью фашизма является не только то, что он представляет собой партию самого циничного белого террора против трудящихся. Его особенностью является также и то, что он «пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс»[1]. Эту особенность фашизма — его стремление путем безграничной демагогии завоевать на свою сторону самые различные слои и группы мелкой буржуазии—Коммунистический интернационал отмечал неоднократно на своих конгрессах и пленумах. Уже IV конгресс Коминтерна отмечал тотчас же после прихода к власти итальянского фашизма следующее: «Характерный признак итальянского „классического" фашизма, который на некоторое время захватил всю страну, состоит в том, что фашисты не только образуют вооруженные с ног до головы контрреволюционные боевые организации, но что они пытаются также путем социальной демагогии создать себе почву в массах: в крестьянстве, в мелкой буржуазии, даже в известной части пролетариата»[2].

Фашизм—выражение упадка производительных сил капитализма, проявление слабости буржуазии, а отнюдь не ее силы. Чем в большей степени фашистская диктатура осуществляется в обстановке ослабления силы буржуазии, тем больше фашистские руководители стремятся создать видимость силы, иллюзию силы фашистского государства в массах.

Характеристику массовой базы фашизма дал уже третий расширенный пленум Коммунистического интернационала в июне 1923 г.

«Фашизм—характерное для наших дней упадочное явление, выражение прогрессирующего развала капиталистического хозяйства и распада буржуазного государства.

Его глубочайшие корни лежат в том обстоятельстве, что империалистическая война, ускоренный и усиленный ею развал капиталистического хозяйства разрушили, вопреки лелеемым надеждам, прежние житейские условия и обеспеченность существования широких слоев мелкой и средней буржуазии, мелкого крестьянства, „интеллигенции". Разочарования и смутные ожидания некоторой части этих социальных слоев на коренное улучшение общественного строя при содействии реформистского социализма, измена революции со стороны реформистских, партийных и профсоюзных вождей, их капитуляции перед капитализмом, их коалиции с буржуазией в целях

---

[1] Из резолюции XIII пленума ИККИ.

[2] «Коммунистический интернационал в документах», стр. 297, Партиздат, 1933 г.

восстановления прежнего классового господства и классовой эксплоатации—все это под знаком „демократии“ заставило этого рода „сочувствующих“ пролетариату разочароваться в самом социализме и его освободительной, обновляющей общество силе»[1].

Эта характеристика и на сегодняшний день остается правильной целиком и полностью. Фашистское движение имеет своей задачей завоевать мелкобуржуазные массы социальной и национальной демагогией и обманом, получить массовую базу в рядах мелкой буржуазии. Фашизм и до прихода к власти поставляет буржуазии армию политических бандитов для расправы с пролетариатом. После прихода к власти фашизм расправляется с революционным пролетариатом, мобилизуя для этого все силы буржуазного государства и фашистских вооруженных отрядов. Конечно международно организованный фашизм невозможен, так как фашизм сугубо националистичен, выполняя неукоснительно задачи, которые ставит перед ним его империалистическая буржуазия. Фашизм наряду с выполнением уже упомянутых функций—завоевание мелкобуржуазных масс и неприкрытое насилие над трудящимися массами—имеет еще одну задачу—п о д г о т о в к у в о й н ы.

Вот что говорил в своей резолюции VIII пленум ИККИ, заседавший в мае 1927 г.: «Во всех капиталистических странах мы видим сейчас усиление реакции, интернационализацию в большей или меньшей степени террористических фашистских методов подавления рабочего класса. Внутренняя реакция идет нога в ногу с внешней агрессивностью. Для того чтобы вести войны, капитализм нуждается в „успокоенном“ тыле. Характер современной войны требует наряду с массами людей на фронте огромных заводских армий, обслуживающих гигантскую машину войны. Эти люди должны стать винтиками ее, в них должна быть убита воля к борьбе»[2]. Подготовка к войне—одна из важнейших задач, которую ставит буржуазия перед фашизмом и которую он выполняет изо всех сил. Если социальная демагогия фашизма ставит своей задачей раздавать обещания самым разнообразным слоям населения (обещания крайне противоречивые), то национальная демагогия имеет своей задачей всемерное раздувание ш о в и н и з м а, психологическую подготовку масс к новой империалистической войне.

«Фашизм во внешней политике—это шовинизм самой грубейшей формы, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»[3].

Борьба всеми средствами против пролетарской революции, стремление завоевать мелкобуржуазные массы, для того чтобы впрячь их в новой форме в колесницу монополистического капитала, выполнение воли самых реакционных, самых империалистических кругов монополистического капитала—таковы отличительные черты всякого фа-

---

[1] «Коммунистический интернационал в документах», стр. 379—380.

[2] Там же, стр. 703.

[3] Д и м и т р о в, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 9.

шизма в любой стране. «Фашизм—это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпенпролетариата над финансовым капиталом. Фашизм—это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции»[1]. Эти черты с наибольшей ясностью выразились теперь в национал-«социализме», и именно поэтому вполне справедлива характеристика германского национал-социализма как «классической» формы фашизма.

Рассмотрим, как возник и развивался германский фашизм. Знание действительной истории помогает выяснить целый ряд особенностей современной политики национал-социалистической партии Германии. Германская национал-социалистическая партия была вызвана к жизни потребностями германского капитализма. Рабочая революция 1918 г. была разгромлена реакционной частью социал-демократии в союзе с буржуазией. В о з м о ж н о с т ь победы фашизма в Германии была уже создана поражением рабочей революции 1918 г., предательством вождей социал-демократии, разгромом восстаний 1919, 1920 и 1921 гг., поражением баварской советской республики, поражением революционных сил в 1923 г. И если тогда в Германии фашистская диктатура не стала действительностью, то это, во-первых, объясняется наступлением относительной стабилизации капитализма, когда буржуазии Германии удалось укрепиться при помощи Веймарской конституции и ее атрибутов, во-вторых, потому что социал-демократия оказалась достаточно сильной, чтобы расколом рабочего класса и подавлением пролетарских восстаний спасти буржуазное господство. Социал-демократия спасла буржуазную власть в 1918—1923 гг., открыв тем самым для буржуазии путь к стабилизации—временной, гнилой, относительной, но все же стабилизации.

Вожди социал-демократии сумели обеспечить разгром пролетарских восстаний, только опираясь на рейхсвер, на многочисленные белогвардейские офицерские отряды и союзы, которые, как грибы после дождя, выросли во всех частях Германии после разгрома кайзерской армии. Безработная офицерня, плоть от плоти и кость от кости юнкерства и крупной буржуазии, ненавидела революцию, считала себя обиженной и ущемленной, готова была продаться кому угодно для борьбы с пролетариатом. Эти кадры белогвардейцев Носке использовал для разгрома спартаковского восстания в январе 1919 г. Они с ведома социал-демократического правительства убили Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Бригада Эрхарта, балтийская оборона, добровольческие отряды Рорбаха, Лютцова, Эппа, организации Эшериха и многие другие чувствовали себя под крылышком социал-демократического правительства очень неплохо.

Национал-социалистическая партия возникла и обосновалась в Баварии и в течение ряда лет главную базу своего влияния имела именно здесь. Это было не случайно. Именно в Баварии после поражения баварской советской республики и для того, чтобы ее разгромить, сосредоточились главные белогвардейские силы. Они обосно-

---

[1] Д и м и т р о в, Доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 9.

вались там и приобрели особое влияние, так как баварская буржуазия была особенно напугана пролетарской революцией и значительные ее слои быстрее, чем в Северной Германии, пришли к выводу о необходимости замены демократического обмана масс неприкрытым насилием над трудящимися в форме белогвардейской диктатуры, опирающейся на добровольческие отряды.

Баварская буржуазия плюс некоторая часть северогерманской буржуазии (тяжелая промышленность, Стиннес) не хотели примириться с уступками, которые они вынуждены были сделать рабочим, для того чтобы спасти свое господство. Конечно и эти части германской буржуазии прекрасно понимали роль вождей социал-демократии, рассматривая социал-демократическое правительство как свое правительство. В то же время они выпестовывали—и в этом им всемерно помогали социал-демократические лидеры—всевозможные белогвардейско-фашистские отряды и союзы, людской материал для которых вербовался из кайзерского офицерства, буржуазного студенчества, озверевших лавочников. Этих отрядов на первых порах было множество, они еще не выкристаллизовались в партию с единой программой, имеющую шансы завоевать мелкобуржуазные массы.

Капповский путч был попыткой офицерства и части юнкерства одним ударом изменить ход событий в расчете на то, что социал-демократия не будет сопротивляться. Но помешал рабочий класс. Социал-демократия вынуждена была пойти на всеобщую стачку, чтобы не утерять влияния в массах. Капповский путч кончился провалом. Его не поддержало и большинство буржуазии, понимавшей, что без парламентаризма и помощи социал-демократии ей не обойтись.

В этой обстановке, когда классовая борьба достигла огромной степени накала, Бавария составила оплот белогвардейских отрядов. Идеи шовинизма, антисемитизма, борьбы против Версаля, «процентного рабства», создания сильной империи носятся в воздухе. Национал-социалистическая партия возникает как течение, которое впитывает в себя все эти идеи. Буржуазии нужна была партия, которая организационно охватила и впитала бы в себя различные отряды белогвардейщины, была тесно связана с рейхсвером и одновременно смогла бы стать м а с с о в о й партией. Гейден прекрасно показывает, как с самого своего возникновения национал-социалистическая партия впитала в себя ряд членов добровольческих отрядов (Рем и другие). Он показывает, как выпестовывал эту партию рейхсвер в лице Лоссова, баварское правительство в лице фон Кара.

Значение книги Гейдена состоит между прочим и в следующем. Собранные им многочисленные факты о связи рейхсвера с национал-социалистической партией, о том, что рейхсвер с самого начала рассматривал эту организацию как свою подсобную, разбивают легенду, что национал-социалистическая партия была мелкобуржуазной партией в течение многих лет. По утверждению социал-демократов, национал-социалистическая партия была и осталась мелкобуржуазной партией. Троцкисты всемерно защищают эту версию. Необходимо указать, что в рядах компартии были товарищи, которые утверждали, что фашизм в Германии был мелкобуржуазным движением,

а партия национал-социалистов—мелкобуржуазной партией по крайней мере до 1925 г.—выхода Гитлера из крепости. Сам Гейден, который в своих политических оценках крайне противоречив, также склоняется к мысли, что фашизм, по крайней мере в первые годы, был мелкобуржуазным движением, а национал-социалистическая партия—мелкобуржуазной партией. Это целиком и полностью опровергают бесчисленные факты, приведенные самим Гейденом. Национал-социалистическая партия была выпестована рейхсвером, который рассматривал ее как свою боевую организацию, которая должна была завоевать мелкобуржуазные массы и двинуть их туда, куда это нужно было рейхсверу. С момента вступления Гитлера, Рема, Федера в организацию, т. е. по существу с момента действительной организации национал-социалистической партии, последняя выступает как партия крупного капитала, находящаяся в теснейшей связи с военщиной.

Многочисленные авторы—Джон Стречи, Иоганн Стил, Эрнст Оттвальд, наконец сам Гейден—в своих работах привели огромное количество фактов, свидетельствующих о том, что партию Гитлера с самого начала всемерно поддерживала крупная буржуазия,—баварская и частично северогерманская. Стиннес неоднократно финансировал эту партию. Многие баварские фабриканты не жалели денег, чтобы помочь пангерманисту Гитлеру. Несмотря на свои сепаратистские симпатии, они прекрасно понимали, что вопрос о взаимоотношениях Баварии с остальной Германией—вопрос третьестепенный по сравнению с основными вопросами.

Национал-социалистическая партия возникает как боевая фашистская организация, как ударный кулак против пролетариата. Но не в этом ее особенность. Боевых фашистских организаций было достаточно много и помимо национал-социалистической партии. Ее ценность для буржуазии заключается в том, что она одновременно ставит своей задачей завоевание мелкобуржуазных масс, превращение в массовую партию. Принятие 25 программных пунктов в феврале 1920 г. в мюнхенской пивной должно было убедить буржуазию в том, что это серьезная партия, имеющая программу и отнюдь не ограничивающаяся бандитскими нападениями на рабочие демонстрации и срывом рабочих собраний.

Гейден в полном противоречии с им же приведенными многочисленными фактами считает 25 пунктов программой «мелкого люда». «В 1926 г.,—пишет он,—возникло новое национал-социалистическое движение, которое уже имеет мало общего с программой „мелкого люда“» (стр. 14). Гейден считает стало быть, что в 1926 г. возникла новая партия в отличие от старой партии, имевшей программу в виде 25 пунктов. «Это была,—пишет он,—программа пангерманцев, переложенная на язык мещанства, в которой нашли отражение идеи революции и контрреволюции в 1918—1919 гг.» (стр. 14). Это конечно совершенно неверно. Партия национал-социалистов и конечно в первую очередь ее вожди, в частности Гитлер, прекрасно понимали, что к чему. Программа с самого начала была демагогической програм-

мой, и утверждение Гейдена, что в 1926 г. возникла новая партия в отличие от старой мещанской, находится в вопиющем противоречии с теми фактами, которые он сам приводит. Идеи расизма, борьбы против Версаля, борьбы против универсальных магазинов, против процентного рабства, требование колоний, автаркия и т. д.—все это представляло собою соединение требований определенной части крупной буржуазии с демагогическими лозунгами, имеющими своей целью завоевать различные слои мелкой буржуазии. В период 1919—1923 гг. германская буржуазия всемерно выпестовывала национал-социалистическую партию, справедливо рассматривая ее как свою партию, имеющую данные стать партией, ведущей за собой значительные мелкобуржуазные массы. Отсюда и внутренняя противоречивость программы.

Особенностью национал-социалистического движения в период до его прихода к власти было стремление завоевать мелкобуржуазные массы, стать массовой партией, не стесняясь никакими средствами и ценой любых обещаний. Уже в 25 пунктах фашисты обещают землю и борьбу против процентного рабства крестьянам. Они разжигают шовинизм требованием создания «великой Германии» и отмены Версальского договора. Они обещают рабочим участие в прибылях крупных предприятий, мелким торговцам—уничтожение универсальных магазинов и избавление от еврейских конкурентов. В то же время Гитлер и его сподвижники постоянно показывают и доказывают крупной буржуазии и помещикам, что они—их партия, *причем партия боевая*, ставящая своей центральной задачей поход против «красного Берлина», т. е. разгром революционного пролетариата.

Национал-социализм с самого своего возникновения—это вооруженный отряд белогвардейщины с одной особенностью—умением завоевать зажигательными лозунгами мелкобуржуазные слои, разоренные инфляцией. Идеология национал-социализма туманна и путанна. Она состояла из отрепьев и лоскутьев разнообразнейших программ и идеологий различных партий, групп и течений буржуазии, возникавших еще до войны с целью завоевать мелкого буржуа. Национал-социалистическая партия растет в эти годы быстро, но значительно медленнее, чем хотелось бы ее вождю Гитлеру. Она остается партией, ограниченной пока баварской территорией.

Растет волна инфляции. Наступает оккупация Рура. За ней нарастает революция в Германии. Крепнет авторитет компартии. Гитлер мечтает стать германским Корниловым с той разницей, что он возглавляет организацию особого порядка, насыщенную взбесившимися мелкобуржуазными элементами. В 1923 г. в обстановке бешеного роста инфляции после разгрома Саксонии войсками генерала Секта Гитлер решает, что его время пришло. Опираясь на штурмовые отряды, твердо уверенный, что рейхсвер его не тронет, а, наоборот, поддержит, он решается на путч.

Гейден, описывая ноябрьский путч в Мюнхене, тратит немало усилий на то, чтобы смазать те элементы комичного, которые так явно сквозят в этой знаменитой «пивной революции». Гитлер рассчи-

тывал, что после оккупации Саксонии в обстановке невероятного озлобления мелкой буржуазии и довольно острых трений между буржуазией баварской и северогерманской ему удастся понудить Кара и Лоссова взять в свои руки инициативу похода на Берлин. Гейден находит всяческие оправдания «пивному путчу». В своей истории национал-социализма (изданной на русском языке в 1933 г.) Эрнст Оттвальд зло и талантливо издевается над «пивным путчем», раскрывая и показывая роль Гитлера и всей его банды в достаточно смешном и жалком свете. Как ни старается Гейден найти оправдание и рациональное объяснение ноябрьскому путчу, факты, которые он вынужден привести, основательнейшим образом раскрывают смешную и комедийную сторону всей этой истории. Но самое выступление Гитлера с расчетом на то, что удастся убедить Кара и Лоссова выступить с походом против Берлина, действительно исходило из предположения, что баварское правительство и рейхсвер готовят корниловский поход на Берлин. Если же он, Гитлер, их подтолкнет, то тем самым партия национал-социалистов станет партией фашистской диктатуры с помощью рейхсвера. Расчет этот не был лишен основания именно потому, что национал-социалистическая партия была детищем баварского рейхсвера, баварской полиции и баварского правительства. Гитлер сам вышел из рядов рейхсвера, а его сподвижник Рем, организатор штурмовых отрядов, был близким другом Лоссова, командующего рейхсвером. Таков был политический расчет.

Были ли здесь элементы мелкобуржуазного бунтарства? Ряд историков пытается утверждать, что в ноябре 1923 г. Гитлер выступал как мелкобуржуазный революционер и что лишь потом, после выхода из крепости, он перешел из стана мелкобуржуазной революции в стан буржуазной контрреволюции. Это конечно совершеннейшая чушь. Гитлер до ноября и в ноябре 1923 г. и после суда над ним был и оставался представителем крупной буржуазии. Его партия оставалась крупнобуржуазной с той лишь разницей, что она тянула за собой мелкобуржуазное охвостье, употребляла огромные усилия для привлечения мелкобуржуазных масс на свою сторону. Конечно в своем ноябрьском выступлении Гитлер отразил нетерпение и озлобление мелкобуржуазных элементов, разоренных инфляцией и дошедших до отчаяния. Здесь были элементы мелкобуржуазного авантюризма. Это бесспорно. Но в то же время Гитлер был и оставался представителем своей партии как партии крупного капитала, подчинившей своему влиянию взбесившегося мелкого буржуа.

За всем этим, далее, стояло нетерпение определенной группы белогвардейщины, которая считала, что ее время приближается и настал момент подтолкнуть события. Необходимо еще помнить, что это был момент приближения революционной ситуации и Гитлер пытался подтолкнуть Кара и Лоссова выступить в роли спасителей буржуазии от пролетарской революции. Не нужно забывать, что национал-социалистическая партия в тот период была еще сравнительно незначительной величиной в общегерманском масштабе и действовала лишь в пределах Баварии. Все дело в том, что буржуазия была довольна своими Шейдеманами и Эбертами, которые обеспечили разгром рево-

люционного пролетариата, разгром гамбургского восстания в 1923 г., переход к относительной стабилизации германского капитализма. Гейден ничего не понимает в соотношении классовых сил, вносит как буржуазный историк невероятную путаницу в важнейшие вопросы расстановки классовых сил вообще и в тот период в частности. Раскрытие действительного смысла событий 1923 г. он нередко заменяет... психологическим анализом переживаний Гитлера. Но он вынужден, подводя итоги развитию германского национал-социализма и превращению его в самую крупную партию германской буржуазии, признать, что социал-демократ Эберт проложил дорогу Гитлеру.

Национал-социализм с самого своего возникновения ставил ставку на завоевание мелкобуржуазных масс. Гейден отрицает это. Он неоднократно говорит о том, что Гитлер против массы, что он боится массы, что он против массовой партии. Конечно германский фашизм в лице своих руководителей прекрасно понимал опасности, ему грозящие. Он прекрасно понимал, что после прихода к власти мелкобуржуазные массы на собственном горьком опыте убедятся в том, что фашизм их жестоко обманул, настанет момент, когда они предъявят векселя к оплате. Отсюда боязнь «массы», ненависть к ней. Выступая как представитель финансового капитала, германский фашизм проповедует аристократический принцип, принцип «избранных» в противоположность серой массе. «То миросозерцание,—писал Гитлер в своей книге «Моя борьба»,—которое отвергает демократический принцип массы и ставит своей задачей отдать власть над всем миром в руки лучшей из наций, т. е. в руки самых лучших людей, логически должно применить тот же аристократический принцип внутри самого данного народа. Другими словами, оно должно обеспечить наибольшее влияние и подлинное руководство за самыми лучшими головами в данном народе. А это значит, что такое мировоззрение все строит не на принципе большинства, а на роли личности... Вся организация общества должна представлять собой воплощенное стремление поставить личность над массой, т. е. подчинить массу личности»[1].

Гейден не понимает, что здесь налицо реальное противоречие, и, прочтя его книгу, читатель остается в недоумении, как могло случиться, что национал-социализм, который резко выступает против принципа «массы», ненавидит массу, превратился в самую массовую партию германской буржуазии.

Конечно это противоречие налицо. Но понимание того, что раньше или позже обманутые мелкобуржуазные массы притянут политических бандитов и обманщиков к ответу, не исключало всемерного

[1] Гитлер, Моя борьба, гл. V.

стремления к завоеванию этих мелкобуржуазных масс средствами любой демагогии, любым обманом. Без этого, без превращения в массовую партию, национал-социализм не мог бы притти к власти. Проповедь «аристократического» принципа выражает другое—оправдание господства кучки монополистов промышленности и банков, обеспечение роли «вождя», создание условий и аппарата, которые можно было бы пустить в ход против той же мелкобуржуазной массы в момент, когда эти массы от него отвернутся.

Создание штурмовых отрядов было созданием армии наемников, имеющей своей задачей террор и расправу с революционным пролетариатом. В то же время они должны были служить оружием в руках «фюрера» на случай, если мелкобуржуазные массы, идущие за партией, взбунтуются. Но эта армия штурмовиков явилась плотью от плоти мелкобуржуазных масс. Штурмовые отряды, созданные для расправы с пролетариатом, явились живым воплощением противоречий между крупнобуржуазной сущностью национал-социалистической партии и ее мелкобуржуазным составом. Мы знаем, что это кончилось бешеным террором штурмовиков против пролетариата. Но это кончилось и 30 июня. 30 июня фашизм вместе с рейхсвером расстрелял верхушку штурмовых отрядов, так как противоречия между обманутыми мелкобуржуазными массами и фашистской диктатурой нашли свое выражение в остром недовольстве штурмовиков и брожении в штурмовых отрядах.

Национал-социалистические вожди и их хозяин—финансовый капитал—прекрасно понимали, что раньше или позже настанет час расплаты, что мелкобуржуазные массы раньше или позже убедятся в том, что фашизм их жестоко обманул. Разговор Гитлера со Штрассером, который приводит Гейден, показывает, что вся мнимосоциалистическая демагогия национал-социализма была с самого начала циничнейшим, сознательным обманом. В откровенной беседе со Штрассером Гитлер прямо заявил, что партия национал-социализма есть партия капиталистов и помещиков и что раньше или позже, когда массы поймут национал-социалистический обман, дело может кончиться плохо. Гейден приводит следующие слова Геббельса из письма Гитлеру: «Люди имеются. Позовите их... И пусть придет тогда день, когда чернь будет галдеть и реветь вокруг вас и будет кричать: распни его. В этот момент мы будем стоять вокруг вас, как железная стена...»

Боязнь грядущей расплаты за демагогию, обман, преступления и террор характерны для национал-социалистических вождей. Фраза Гитлера: «Когда к нам с криками „ура“ придет серая масса, мы пропали» выражала именно эту боязнь грядущей расплаты. Но Гейден совершенно неправ, когда утверждает, что боязнь масс у руководителей национал-социализма такова, что они не хотели превращения в массовую партию, ведущую за собой миллионы мелких буржуа, что это произошло как-то помимо и против воли вождей национал-социалистического движения, Гитлера в частности. Конечно все национал-социалистическое движение носило с самого начала характер

авантюристический. Но разве вся политика финансового капитала в борьбе за установление неприкрытого террора над массами не есть авантюризм? Национал-социализм прекрасно понимает свою необходимость для буржуазии. Он рассчитывал, что, придя к власти, он вместе с рейхсвером сумеет сковать массы железным обручем террора и всей мощью буржуазного государства.

Очень интересны факты, приводимые Гейденом, относительно тех драк и склок, которые происходили в национал-социалистическом лагере между Штрассером и Гитлером, Геббельсом и Герингом, Ремом и Гитлером и т. д. Когда читаешь страницы Гейдена, посвященные этим дракам, перед глазами встает 30 июня, когда Рем и Гейнес, Штрассер и ряд других вождей германского фашизма были убиты Гитлером и Герингом по приказу рейхсвера и по директиве тяжелой промышленности. По иронии истории Рем, ставленник рейхсвера и его офицер, выпестовавший в 1920—1923 гг. национал-социалистическую партию как политический филиал рейхсвера, на протяжении ряда лет представлявший интересы рейхсвера в национал-социалистической партии, был убит в результате соглашения рейхсвера с Гитлером. Ландскнехт и политический бандит Рем, пытавшийся упрочить влияние штурмовых отрядов в ущерб интересам генералитета, был убит своими собственными политическими друзьями.

Политический бандитизм, убийство из-за угла по приговору тайного судилища «фемы», которые имели место на протяжении всей истории германского фашизма, характеризуют методы борьбы фашистских стервятников. К сожалению, Гейден очень мало и глухо пишет об убийствах из-за угла, о террористических актах. Между тем именно эти методы ярко раскрывают действительную суть фашистской партии как партии наиболее реакционных, наиболее империалистических элементов финансового капитала, которые не стеснялись и не стесняются никакими самыми грязными средствами для достижения своих целей.

Начало относительной стабилизации капитализма характеризуется резким упадком массового влияния национал-социализма. Период до начала экономического кризиса есть период, когда партия Гитлера создала ряд организаций на севере Германии, но когда ее демагогия не оказывала серьезного влияния на мелкобуржуазные массы. Приток американских кредитов в Германию, план Дауэса, а потом Юнга, стабилизация марки, расширение производства—все это способствовало относительному укреплению позиций германской буржуазии. В соответствии с этим резко снижается значение национал-социалистической партии. В этот период временного улучшения своего экономического и политического положения (1924—1928 гг.) германская буржуазия не нуждалась в массовой фашистской партии. Она считала, что с делом укрепления буржуазной диктатуры можно пока справиться с помощью лидеров социал-демократии. Это период, когда социал-демократические министры и полицейпрезиденты свирепо расправляются с революционными рабочими, с компартией, опираясь уже не на вольнонаемные отряды белогвардейцев, а на «нормальный» полицейский аппарат. В то же время некоторая

часть буржуазии прекрасно понимала, что фашистская партия нужна будет в связи с приближающимся обострением борьбы пролетариата против буржуазии. И крупная буржуазия всемерно субсидирует гитлеровские организации. Национал-социалисты берут деньги, как это писали Оттвальд, Гейден и ряд других авторов, у Форда и парижских банкиров, у Круппа и еврейских банкиров. Гитлер выступает на собраниях крупных капиталистов, убеждая менее дальновидных из них в том, что демагогические фразы суть только лишь демагогические фразы. Он клянется и распинается в защиту частной собственности, в защиту крупных промышленников как «избранной» части «нации».

Этот период является периодом, когда еще решался вопрос о том, какая партия должна будет стать носительницей фашистской диктатуры. Борьба развернулась между двумя партиями—партией националистов во главе с Гугенбергом и партией национал-социалистов. Характерно, что вплоть до 1930 г. росла массовая база германской национальной партии, получившая на парламентских выборах 1928 г. почти $4^1/_2$ млн. голосов, причем в первую очередь голоса сельских округов. За националистов голосовало 2 млн. батраков Восточной Германии. Но в этой борьбе за привилегию стать самой массовой фашистской партией германской буржуазии, партией носительницей фашистской диктатуры все преимущества были на стороне Гитлера. Правда, националисты создали свою собственную боевую организацию «Стальной шлем», которая готовилась к кровавой расправе с рабочим классом при наступлении революционного кризиса подобно гитлеровским штурмовым и защитным отрядам. Но преимущество все же оказалось на стороне более гибкой, наименее стесняющейся в средствах демагогической партии национал-социалистов.

Партия националистов—партия помещичьих зубров и финансово-капиталистических акул—не сумела завоевать мелкобуржуазные массы, когда разразился мировой экономический кризис и многомиллионные массы разорившихся мелких буржуа—торговцев, ремесленников и т. д., разуверившись в способности старых буржуазных партий спасти их от разорения и гибели, начали искать спасения. Национал-социалистическая демагогия, которая сумела в достаточной степени отшлифоваться за годы относительной стабилизации, оказалась как раз к месту. Национал-социалисты щедро обещали всем всё: крестьянам избавление от «процентного рабства» и превращение в привилегированный слой будущей фашистской империи. Они обещали им помещичьи земли и высокие цены на сельскохозяйственные продукты. Лозунг автаркии, самодовлеющего, замкнутого хозяйства, помимо своего реального империалистического содержания—подготовка сырьевой базы на случай войны,—одновременно прельщал среднее крестьянство перспективами расширения внутреннего рынка и повышения цен на сельскохозяйственные продукты, ликвидации аграрного кризиса. Торговцам национал-социалисты обещали уничтожение универсальных магазинов, устранение еврейских конкурентов и рабочих потребительских обществ. Ремесленникам—госу-

дарственные заказы и дешевые, даже бесплатные, кредиты. Безработным—работу, рабочим—высокую заработную плату. Капиталистам, помещикам и кулакам на специальных совещаниях и в специальной литературе, не доходящей до широких масс, они давали обещания, единственно которые они хотели и могли выполнить,—обещания низкой заработной платы, высоких прибылей, больших субсидий помещикам и повышения цен на зерно, производимое в Германии преимущественно крупными помещичьими и кулацкими хозяйствами. Они обещали им кровавую расправу с рабочим классом, предупреждение нарастающей пролетарской революции и подготовку к войне.

Шовинистическая пропаганда наряду с социальной демагогией была мощным средством в руках национал-социалистов. Они объясняли мелкой буржуазии, что причиной кризиса является Версаль. Национальная демагогия, превращение расового бреда в основу национал-социалистической идеологии и программы—все это было в достаточной мере сильнодействующим средством для завоевания мелкобуржуазных масс, и в течение $2^1/_2$ лет кризиса национал-социалистическая партия сумела завоевать миллионы мелких буржуа. Это завоевание мелкобуржуазных масс само являлось выражением резкого обострения классовой борьбы на почве кризиса. Многомиллионная безработица, резкое снижение заработной платы, систематическое снижение пособий безработным—все это радикализировало рабочий класс. Рабочие массы все больше приходили к выводу, что выход—в насильственном свержении капитализма, в пролетарской диктатуре.

Своей политикой на протяжении всего периода после 1918 г., в частности и в особенности в период 1930—1932 гг., социал-демократия расчистила фашизму дорогу к власти. Опираясь на влияние государственного аппарата, на многомиллионные профессиональные организации, используя партийный аппарат, социал-демократия во имя политики и теории «меньшего зла» поддерживала правительство Брюнинга, Паппена, Шлейхера. Брюнинг проводил политику сокращения пособий безработным, осуществил гигантское снижение заработной платы в общегосударственном масштабе, правил страной на основании чрезвычайных декретов. Социал-демократия поддерживала Брюнинга во всей его политике. Социал-демократия, обладавшая властью в Пруссии, не возражала против существования штурмовых отрядов, запретив в то же время союз красных фронтовиков. Фашистский террор покрывался социал-демократическими полицейпрезидентами.

Расколов рабочий класс, всемерно поддерживая реакцию против коммунистической партии, социал-демократия расчищала Гитлеру дорогу к власти.

К 1932 г. национал-социалисты превратились в самую массовую партию германской буржуазии. Разоренные кризисом миллионы мелких буржуа—ремесленники, торговцы и т. д.—искали выхода из разорения. Мелкий буржуа боялся пролетаризации, тем более что многомиллионная армия постоянной безработицы лишала его перспективы получить когда бы то ни было работу в качестве рабочего. Расколотый социал-демократией пролетариат не сумел повести за

собой миллионы озлобленных и отчаявшихся мелких буржуа. Политику социал-демократии по отношению к крестьянству, мелкобуржуазным слоям города, Версалю мелкая буржуазия города рассматривала как политику, которую вел рабочий класс. Спасти Германию от фашистской диктатуры мог только единый антифашистский фронт. Социал-демократия своей политикой раскола лишила рабочий класс возможности помешать приходу фашизма к власти. Перед лицом наступления фашизма рабочий класс оказался разоруженным, расколотым социал-демократией.

В своем докладе на VII конгрессе т. Димитров показал, что победа фашизма в Германии не была неизбежной. Пролетариат Германии мог ее предотвратить.

«Но для этого он должен был добиться установления единого антифашистского пролетарского фронта, заставить вождей социал-демократии прекратить поход против коммунистов и принять неоднократные предложения компартии об единстве действий против фашизма.

Он должен был при наступлении фашизма и при постепенной ликвидации буржуазией буржуазно-демократических свобод не удовлетворяться словесными резолюциями социал-демократии, а отвечать подлинной массовой борьбой, затрудняющей осуществление фашистских планов германской буржуазии»[1].

Вожди социал-демократии саботировали единый фронт. Массовой борьбы в масштабах, могущих серьезно затруднить или даже предотвратить приход фашистов к власти, не было. Здесь сказались и недостатки массовой работы германской компартии. Ряд товарищей недооценивал фашистской опасности, неправильно рассчитывая, что организованность и многочисленность германского пролетариата сами по себе являются достаточным препятствием против установления фашистской диктатуры.

Мелкие буржуа бросились в объятия фашизма, рассчитывая, что он даст им выход из кризиса и спасение от ужасов разорения. Этот процесс начался уже с самого начала кризиса, и по сравнению с парламентскими выборами в мае 1928 г. количество голосов, поданных за национал-социалистов в сентябре 1930 г., увеличилось в 8 раз—до 6 400 тыс. На президентских выборах 1932 г. Гитлер—кандидат национал-социалистов—получил 11 338 тыс. голосов. На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. партия национал-социалистов получила 13 700 тыс. голосов, сведя почти на-нет большинство старых так называемых «срединных» партий буржуазии. Это был апогей массового национал-социализма. После 31 июля, когда вследствие неудачи переговоров Гитлера с Гинденбургом, срыва плана похода фашистских отрядов на Берлин началось брожение в рядах штурмовиков, прокатилась волна разочарования среди сторонников национал-социалистической партии. И на выборах 6 ноября 1932 г. фашисты потеряли 2 млн. голосов. Это было началом разло-

[1] Доклад т. Димитрова VII конгрессу Коминтерна, стр. 13, Партиздат, 1935 г.

жения массовой базы фашизма — то, чего с ужасом ожидали вожди германского фашизма, чего они так боялись. Гейден ярко, с массой фактов, описывает этот период.

К этому времени правительство Паппена завершило переговоры с Францией, Англией и Италией о ликвидации репараций. Кризис уничтожил эту часть Версальского договора. Германия в результате острого взрыва кредитного кризиса в 1931 г., углубления экономического кризиса, не могла платить репараций. Так или иначе это выбивало из рук национал-социалистов один из антиверсальских козырей. Между тем национальная демагогия, всемерное разжигание шовинизма в массах, была одним из важнейших рычагов национал-социализма при его превращении в массовую партию.

Но за национальной демагогией фашизма скрывалась реальная программа германского империализма, программа подготовки к войне, в первую очередь к войне против страны пролетарской революции. Зоологическая ненависть к пролетариату, к пролетарской революции пропитывает внешнеполитическую линию германского фашизма. Этого не понимает буржуа Гейден. «Эта внешняя политика 1931 г., инспирируемая Людендорфом, генералом Гофманом и Рехбергом, переписанная начисто Розенбергом и по частям излагаемая Гитлером народу, направлена на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы. Хребтом ее должен быть союз между пробудившейся Германией и проснувшейся Францией». В этой тираде все смешано в кучу, смазано то обстоятельство, что и тогда, в 1921 г., фашизм предлагал мировой буржуазии быть поставщиком пушечного мяса для борьбы со Страной советов, что он надеялся привлечь к крестовому походу значительное количество капиталистических держав. В другом месте Гейден правильно указывает, что внешнеполитическая линия Гитлера—Розенберга диктовалась русскими белогвардейцами. Но это подчас ясное понимание вещей сменяется у Гейдена полной путаницей взглядов.

Германский фашизм всегда был и оставался верным проповедником колониальных планов германского империализма и за счет СССР и за счет новых государств, возникших в результате войны, лелея в то же время мечту о войне с Францией. «Расовая» идеология призвана оправдать эти стремления германского империализма. Вот что писал Гитлер в своей книге «Моя борьба»: «Мы должны освободиться от всяких „традиций“ и предрассудков, должны найти в себе мужество объединить весь наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст нам новые земли... Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы конечно можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены...

Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффектного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч»[1].

Война против Советского союза за захват новых территорий на Востоке, провозглашенная Гитлером и Розенбергом как цель внешней политики германского фашизма, сочетается с программой борьбы с Францией на Западе, с одновременным курсом на союз с Англией и Италией. «Нам нужна,—пишет Гитлер,— не западная ориентация, не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа. Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно прежде всего уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы. Вот почему нет той жертвы, которой мы не должны были бы принести, чтобы ослабить Францию. Всякая держава, которая, как и мы, считает для себя непереносимой гегемонию Франции и на континенте, тем самым является нашей естественной союзницей. Любой путь к союзу с такой державой для нас приемлем. Любое самоограничение не может показаться нам чрезмерным, если только оно в последнем счете приведет к поражению нашего злейшего врага и ненавистника...»[2].

Германский фашизм угрожает самостоятельности малых народов Прибалтики, Чехословакии и Балканского полуострова.

Эта программа похода против Советского союза с расчетом на помощь Италии и Англии, с расчетом на вооруженное наступление Японии на Советский союз, при одновременной борьбе против Франции прикрывается ламентациями о высшей германской расе, самим богом предназначенной для господства над миром. Эту программу германский фашизм старается неуклонно проводить в жизнь. На Лондонской мировой экономической конференции германский фашизм предлагал себя в качестве авангарда антисоветской войны. После провала этой попытки германский фашизм не отказался от надежды организовать антисоветский поход. Для выполнения внешнеполитической программы, которая является программой германского империализма, германский фашизм уже истратил не меньше 13,2 млрд. марок.

«Германские фашисты, являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются

---

[1] Гитлер, Моя борьба, гл. XIV.

[2] Там же.

весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский союз, на отторжение от СССР советской Украины. Они требуют для себя колоний, стремясь разжечь настроения в пользу всемирной войны за новый передел мира. Все эти затеи зарвавшихся зачинщиков войны способствуют обострению противоречий между капиталистическими государствами и создают беспокойство во всей Европе»[1].

Но стремление германского фашизма присоединить к себе Австрию рассеяло по крайней мере пока надежды на союз с Италией против Франции. Национал-социалистический путч 25 июля 1934 г. в Австрии чуть не привел к войне Италии против Германии. Резкая агрессивность германского империализма в направлении Австрии и Балкан толкнула Италию на сближение с Францией против Германии.

Польский империализм стал союзником германского фашизма в деле подготовки новой войны. Германский империализм и его вооружения поддерживает английская буржуазия. Заключение англо-германского морского соглашения, согласно которому Германии предоставляется право иметь 35% английского флота, свидетельствует о том, что руководящая часть английской буржуазии ставит ставку на возможный блок с германским империализмом. Это—серьезный внешнеполитический успех германского империализма, который нельзя недооценивать при анализе того, как складываются силы при подготовке образования возможного блока поджигателей войны.

«Руководящие круги английской буржуазии поддерживают германские вооружения, чтобы ослабить гегемонию Франции на европейском континенте, повернуть острие германских вооружений с запада на восток и направить агрессивность Германии против Советского союза»[2].

В результате роста мощи Советского союза и угрозы германского империализма самостоятельности малых народов заложены основы сотрудничества СССР с рядом малых государств в деле сохранения мира. Французская буржуазия перед лицом прямой подготовки германского империализма к большой войне, означающей величайшую угрозу французской гегемонии на континенте Европы, пошла на сближение с СССР, осуществляющим последовательную политику мира.

В результате резкого обострения военной опасности вследствие бешеных вооружений, осуществляемых германским империализмом, произошел процесс сближения стран, заинтересованных в мире. СССР, к которому германский фашизм относится с величайшей ненавистью, в то же время является предметом величайшей любви трудящихся всех стран. Индустриализация нашей страны, превращение ее из отсталой, нищей аграрной страны в страну промышленную, страну передовой техники, объединение 80—85% прежде индиви-

---

[1] Из резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу т. Эрколи.
[2] Там же

дуальных крестьянских хозяйств в социалистические по типу колхозы, ликвидация кулачества как класса, огромный рост технической оснащенности Красной армии и ее блестящие успехи в овладении техникой, одним словом, огромное экономическое, политическое и военное укрепление советской страны—все это гигантски повысило международное значение Советского союза. Французская буржуазия, которую никто не может заподозрить в симпатиях к коммунизму, вынуждена, исходя из своих реальных политических интересов и заинтересованности в мире, пойти на сближение с СССР. Подписание советско-французского и советско-чехословацкого гарантийных пактов—прямой результат мирной политики Советского союза, его исключительной мощи, результат, далее, бешеных вооружений Германии, введения ею всеобщей воинской повинности, постройки ею огромного воздушного флота, создания гигантской армии. Внешнеполитическая программа германского фашизма является программой наиболее реакционных, наиболее империалистических кругов германского империализма. Майская декларация (1935 г.) Гитлера в так называемом рейхстаге, являющаяся ответом на предложение о восточном пакте и на заключение гарантийных договоров между СССР и Францией, СССР и Чехословакией, служит лишним подтверждением того, что германский империализм является величайшей угрозой миру и не собирается итти на какие бы то ни было серьезные соглашения, обеспечивающие коллективную безопасность. Как и прежде, так и ныне германский империализм вновь и вновь декларирует свою величайшую ненависть к Советскому союзу, свое стремление к войне против СССР и Франции и ее союзников.

«Как бы мы ни любили мир (как они любят мир, великолепно известно; германский фашизм всеми средствами пропагандирует в массах идею необходимости, полезности войны.—*И. Д.*), не в нашей воле предотвратить возникновение каких-либо конфликтов, особенно на Востоке... Для дела мира было бы быть может полезнее, если бы в случае такого конфликта весь мир немедленно отмежевался от обеих затронутых конфликтом сторон, вместо того чтобы уже заранее, на основе договоров, оказаться втянутым в этот конфликт. Однако помимо этих принципиальных соображений здесь есть еще один основной момент. Нынешняя Германия является национал-социалистическим государством. Идеи, господствующие у нас, диаметрально противоположны идеям, господствующим в СССР» (из декларации Гитлера в рейхстаге 20 мая).

Политика лжи и клеветы в отношении Советского союза, открытое провозглашение необходимости войны, прямая и ничем неприкрытая ее подготовка—такова линия германского фашизма. Гитлер в своей майской декларации 1935 г. снова и снова заявил полным голосом о своем стремлении к войне.

В отличие от своей экономической и внутреннеполитической программы, которую германский фашизм в части своих обещаний мелкобуржуазным слоям выбросил в мусорную яму, внешнеполитическая программа—подготовка к войне, в первую очередь с СССР, проводится в жизнь последовательно и настойчиво.

«Расовая теория» призвана оправдать и обосновать политику империалистического разбоя, «божественного призвания» германского фашизма к установлению господства германского империализма над другими народами. Германская «раса» объявляется «избранной», самим «провидением» предназначенной к мировому господству. Она стала главным идеологическим орудием германского финансового капитала для психологической подготовки мелкобуржуазных масс к войне. «Расовой теорией», самым диким шовинизмом проникнута вся пропаганда германского фашизма. На этой основе перестраиваются искусство, литература, наука. «Расизм» стал государственным «символом веры» фашистской Германии. В то же время под избранной германской «расой» понимается «раса господ»—помещики и капиталисты. Рабочие, трудящиеся для германского фашизма—нечистая раса, «недочеловеки». Таким образом оказывается, что требование установления господства германцев над другими народами есть на деле установление господства германского капитала, германских господ над всем миром. Под знаком подготовки к войне Германия превращена в казарму, идеалом объявлен прусский фельдфебель.

Безудержная проповедь расовой теории, объявление ее официально государственной «теорией»—ярчайшее проявление гниения и развала буржуазной идеологии, признак приближения конца буржуазного господства в Германии.

Для своих демагогических целей германский фашизм говорил о «социализме». Это была вывеска, без которой нельзя было итти к массам. Гейден же принимает это за чистую монету и считает, что пп. 10—14 и 17 программы германского национал-социализма «представляют собой социалистическую часть программы».

Конечно ничего социалистического в национал-«социализме» никогда не было. Пункты же, о которых говорит Гейден,—требования «...уничтожения процентного рабства», конфискации военных прибылей, огосударствления всех уже (до сих пор) обобществленных производств (трестов), участия в прибылях крупных предприятий, наконец отмены поземельной ренты, запрета спекуляции землей, безвозмездной конфискации земли для общеполезных целей—ничего социалистического собой не представляют. Они были выставлены в 1920 г. для завоевания мелких буржуа, разоренных инфляцией. Германский мелкий торговец и ремесленник в те годы, являясь опорой контрреволюции, в то же время ненавидел и боялся крупного капитала. Германский фашизм выдвинул тогда эти требования для уловления голосов мелкой буржуазии и крестьянства, отнюдь не собираясь в какой-либо мере проводить их в жизнь. Эти же пункты программы он в достаточной мере искусно использовал в 1930—1932 гг. в разгар экономического кризиса.

После своего прихода к власти германский фашизм и не подумал их в какой бы то ни было мере, хотя бы в небольшой части, осуществить. Он пришел к власти на плечах миллионов мелкобуржуазных масс, заранее зная, что ни одного из своих социально-экономических лозунгов фашизм не выполнит, ни одного из своих обещаний не осуществит.

25 пунктов, выдвинутых в 1920 г. в период инфляции и послевоенной обстановки, насыщенной острыми классовыми боями, германский фашизм с исключительной умелостью сумел использовать для обмана масс, для завоевания на свою сторону буржуазных слоев и групп в разгар экономического кризиса и в момент развала относительной стабилизации капитализма. Пуская в ход свои лозунги, которые имели видимость посягательства на крупнокапиталистическую частную собственность, фашизм имел своей задачей удержать массу промежуточных слоев в новой форме под влиянием крупного капитала и не допустить ее перехода на сторону пролетариата.

Германский фашизм особенно хорошо умел приспособлять свою демагогию к нуждам и интересам мелкобуржуазных масс, разоряемых кризисом. «Фашизму удается привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам. Фашизм не только разжигает глубоко вкоренившиеся в массы предрассудки, но он играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях. Почему германские фашисты, эти лакеи крупной буржуазии и смертельные враги социализма, выдают себя массам за „социалистов“ и свой приход к власти изображают как „революцию“? Потому, что они стремятся эксплоатировать веру в революцию, тягу к социализму, которые живут в сердцах широких трудящихся масс Германии»[1].

Выдавая себя за «социалистов», партия германского фашизма эксплоатирует ненависть разоренных кризисом мелкобуржуазных масс к крупному капиталу, помещикам. Германский фашизм «неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма»[2]. Слово «социализм» должно прикрывать действительное лицо этой партии, единственно реальными обещаниями и программными пунктами которой были обещания эксплоататорским классам.

Самый приход фашизма к власти был не только результатом раскола пролетариата социал-демократией, признаком слабости пролетариата. Победа фашизма в Германии является признаком слабости буржуазии. «Победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»[3].

---

[1] Г. Димитров, Доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 11, Партиздат, 1935 г.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 515.

[3] Там же.

В своей второй книге, написанной в 1934 г., Гейден подробнейшим образом описывает все обстоятельства, которые привели к власти национал-социалистическую партию. Буржуазный историк, прекрасно знающий факты, помимо своей воли дает ярчайшую картину противоречий и острейшей борьбы в лагере германской буржуазии в обстановке бушующего экономического кризиса и нарастания революционного кризиса.

Чем же объясняется растянувшаяся почти на целый год задержка, затяжка прихода Гитлера к власти? Выросший на дрожжах кризиса германский фашизм объединил под своими знаменами миллионы взбесившихся мелких буржуа. Массы штурмовиков искренне верили в то, что Гитлер, Геббельс, Геринг, Штрассер поведут их к «национальной революции» во славу мелких торговцев, ремесленников, служащих. Руководящие круги германской буржуазии и помещиков понимали, что, отдавая власть Гитлеру, они отдают власть в руки своей партии, но с очень противоречивым социальным составом. Германская буржуазия была охвачена животным страхом перед пролетариатом. Она опасалась разбушевавшейся мелкобуржуазной черни, которую гитлеровские агитаторы в интересах спасения германской буржуазии от коммунизма доводили до белого каления своей агитацией против банковского капитала, универсальных магазинов и т. д.

Брюнинг вступил на путь проведения чрезвычайных декретов. Но фашистская диктатура означает не прикрытый никакими фиговыми листками парламентаризма и демократии террор против трудящихся масс, осуществляемый всеми средствами насилия, находящимися в распоряжении фашистского государства. Определенные круги германской буржуазии понимали, что это—прыжок в неизвестное, который может кончиться очень печально для буржуазного господства вообще, так как взбешенные мелкобуржуазные массы, разочарованные в фашистской диктатуре, могут перейти на сторону пролетариата. Руководящие круги германской буржуазии выражали ту же боязнь перед мелкобуржуазными массами, пошедшими за национал-социалистической партией, как и сами национал-социалистические вожди, когда говорили о «подлой черни», о «взбунтовавшихся рабах».

Гейден, как и другой автор—Генри, красочно рисует ту внутреннюю драку, которая происходила в лагере буржуазии в связи с вопросом о приходе Гитлера к власти. Драка за распределение резко сократившегося государственного пирога достигла особой остроты. Особенно большую роль во всех событиях 1932 г. бесспорно сыграло помещичье крыло эксплоататорских классов Германии. Объясняется это также личной связанностью и принадлежностью президента Гинденбурга к помещичьим кругам, которые диктовали свою волю дряхлому президенту.

Национал-социалистические вожди в этот период развивают бешеную энергию. Они теснейшим образом связаны с тяжелой промышленностью и послушно выполняют ее указания. В то же время, чтобы убедить помещичьих «зубров» и колеблющиеся круги буржуазии, Гитлер пускает в ход главный козырь. Он снова и снова разъясняет

промышленникам, помещикам, что его задача—спасти буржуазный строй от пролетарской революции. Он убеждает их в том, что национал-социализм—самый важный оплот буржуазной власти в Германии, что в случае развала национал-социалистической партии победа коммунистической революции в Германии неизбежна. Гейден красочно описывает, как убедительно действовал этот довод на руководящие буржуазные круги. Кровавая расправа с рабочим классом, уничтожение остатков буржуазного парламентаризма, подготовка войны—вот реальная программа, с которой Гитлер шел к власти и для осуществления которой германская буржуазия его к власти допустила.

Крайняя острота борьбы между экспортной промышленностью и промышленностью, работающей на внутренний рынок, между тяжелой промышленностью и легкой, между помещиками и промышленными капиталистами ярко выразилась в подготовке, с одной стороны, Шлейхером государственного переворота, с другой—в подготовке вооруженного выступления штурмовиков для захвата Берлина. Это выступление было отнюдь не исключено.

Руководящая часть германской буржуазии прекрасно понимала, какое огромное значение имеет для спасения буржуазного строя в Германии национал-социализм. Об этом свидетельствует тот замечательный факт, что Гитлер был допущен к власти, после того как начался спад массового влияния германского фашизма и на ноябрьских выборах национал-социалисты потеряли 2 млн. голосов. Этого буржуазия испугалась больше всего, так как отлично сознавала, что национал-социализм может развиваться в обстановке бушующего кризиса с исключительной быстротой и что в этом случае пролетарская революция встанет непосредственно в порядок дня. Начавшееся брожение в рядах штурмовиков заставило представителей тяжелой промышленности забить особенную тревогу.

Призывая Гитлера к власти, тяжелая промышленность и помещики рассчитывали на то, что Гитлер расправится и потопит в крови авангард германского пролетариата, восстановит капиталонакопление, обеспечит безграничную диктатуру германского капитала на предприятиях, обеспечит максимальное ограбление рабочего класса, даст зажатой в тисках кризиса промышленности грандиозные военные заказы, обеспечит помещикам большие субсидии и высокие цены на зерно.

Описывая перипетии прихода к власти Гитлера, Гейден называет Гитлера «революционером», приход к власти национал-социалистов и последующий бешеный разгул фашистского террора—«национал-социалистской революцией сверху и снизу». В противоречие с приводимыми им самим фактами Гейден объявляет фашистскую контрреволюцию мелкобуржуазной революцией. Либеральный буржуа Гейден боится неприятных последствий для буржуазии от разложения массовой базы национал-социализма. В своей первой книге он восхищается Гитлером и, описывая его истеричность и неуравновешенность, в то же время сравнивает его с Наполеоном, называет великим человеком современности и пр. Когда же он вынужден приводить факты о составе вождей национал-социализма и жизни Гит-

лера, он вынужден преподнести такое описание руководящего состава национал-социалистической партии, из которого вытекает, что политический штаб национал-социалистов представляет собой сброд бандитов, огромной массы уголовных элементов, маниаков и пьяниц, которые являются точным выражением морального уровня всего фашистского движения. Это лишь свидетельствует о том, что буржуазия, для того чтобы удержать свое господство, вынуждена вручить власть в руки наиболее грязных, наиболее кровавых, наиболее омерзительных людских отбросов, тесно связанных с финансово-капиталистической верхушкой.

«Нельзя, товарищи, представлять себе приход фашизма к власти так упрощенно и гладко, будто какой-то комитет финансового капитала решает такого-то числа установить фашистскую диктатуру. В действительности фашизм приходит обыкновенно к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе даже в самом фашистском лагере, которая иногда доходит до вооруженных столкновений»[1].

Правительство было образовано в конце января 1933 г. с Гитлером в качестве рейхсканцлера. В этом правительстве национал-социалисты были в меньшинстве. Грандиознейшая в мировой истории провокация с поджогом рейхстага была средством укрепить единовластие национал-социализма. Фашизм стремился монополизировать в своих руках привилегию представлять интересы финансового капитала. Поджог рейхстага должен был оправдать чудовищный террор фашистов против пролетариата, против коммунизма. Буржуазный историк Гейден довольно робко намекает на то, что рейхстаг подожжен фашистами. Сказать правду полным голосом ему мешает его полусочувствие фашизму. И так же как совершенно напрасно было бы искать у Гейдена действительного анализа сущности фашизма и его истории, так же напрасно мы стали бы у него искать действительного объяснения и раскрытия виновников поджога.

На лейпцигском процессе Георгий Димитров разоблачил фашистов как действительных виновников поджога рейхстага—этой беспримерной в истории провокации. С бесстрашием и силой пролетарского революционера огромного размаха он из подсудимого превратился в обвинителя. Именно вокруг имени Димитрова создался во время процесса единый антифашистский фронт миллионов рабочих, в том числе социал-демократов и беспартийных. Что рейхстаг подожжен фашистами—было ясно для всех и до процесса. Гейден же довольно робко говорит о меморандуме Оберфорена, разоблачавшем действительных виновников поджога, и обходит ряд убийственных фактов, известных всему миру и до лейпцигского процесса, изобличавших фашистов как виновников поджога и беспримерных провокаторов. Причины этой сдержанности лежат в ненависти Гейдена к коммунизму. В его книге имеется ряд таких мест, которые содержат самые злостные и гнусные нападки на коммунизм, на компартию, выражают

---

[1] Г. Димитров, Доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 10—11, Партиздат, 1935 г.

ненависть буржуа к пролетариату. И только как либеральный буржуа он во второй книге видит неизбежность падения фашизма и мечтает о замене его другой буржуазной властью.

Поджог рейхстага Герингом послужил сигналом к кровавой расправе с пролетариатом. Концентрационные лагери, чудовищные средневековые пытки, издевательства и убийства—все было пущено в ход для выполнения самой важной цели: обезглавить пролетариат, уничтожить коммунистическую партию. Недаром Гитлер еще до прихода к власти требовал в распоряжение своих штурмовиков улицу на три дня, говорил «о ночи длинных ножей». Заявления Гейдена, что Гитлер якобы совершил «революцию», что он поступил как «якобинец», что разгул штурмовых отрядов и деятельность фашистского правительства в совокупности были «революцией сверху и снизу», конечно—бред и глупые фантазии перепуганного либерального журналиста. Это не был переворот, имевший своей целью переход власти из рук одного класса в руки другого класса. Это был переход от одной формы власти буржуазии к другой ее форме. Смысл этого перехода в установлении режима террора над массами. Это была превентивная контрреволюция.

Но нет никакой возможности в этом предисловии опровергнуть и разоблачить все бесчисленные неправильные оценки, которые дает Гейден. Раскусить и разоблачить фальшь и неправильности этих отдельных оценок сумеет всякий советский читатель. Задача предисловия лишь в том, чтобы дать общий анализ действительного развития и тем самым ключ к разоблачению гейденовских оценок, ключ к тому, чтобы очистить богатейший арсенал фактов, который приводит Гейден и который нам нужно знать, от неправильных оценок.

Первый период установления фашистской диктатуры в Германии—примерно до гитлеровской речи 4 июля 1933 г.—был периодом, когда буржуазия для разгрома революционного пролетариата пустила в ход силу штурмовиков. Мелкобуржуазным массам, слепо поверившим национал-социалистической партии, нужно было дать в первые два—три месяца видимость удовлетворения, использовать бешенство мелкого буржуа для разгрома и кровавого подавления рабочего класса. Этот план крупного капитала был выполнен. Всегерманский антиеврейский погром, бойкот еврейских мелких лавок должны были дать хоть что-нибудь мелкому торговцу, разоренному кризисом и ставшему крепкой опорой фашизма. Уничтожение мелких еврейских конкурентов «истинно германского» мелкого торговца, кустаря и служащего должно было дать этим слоям иллюзию того, что фашистская диктатура им что-то дала.

Национал-социализм делал вид, что он облагодетельствует или по крайней мере хочет облагодетельствовать все классы—и помещиков, и крестьян, и рабочих, и буржуазию, и торговцев (мелких), и безработных, и служащих, и ремесленников. Но нельзя дать одному классу, не отнимая у другого. Фашизм отрицает существование классов, для того чтобы утвердить безраздельное господство одного класса монополи-

стического капитала. Под трескучие фразы о расе и «народной общности» совершается беспримерное ограбление масс.

Фашизм пришел к власти в ореоле благодетеля всех классов, в первую очередь мелкой буржуазии. Он открыл свой звериный антипролетарский лик с самого своего возникновения. После прихода Гитлера к власти, как грибы после дождя, растут различные мелкобуржуазные организации вроде боевого союза торговцев, созданного еще в 1932 г., и т. д. Чудовищнейший террор, беспримерный бандитизм, средневековые пытки и насилия над рабочими массами, сожжение книг, преследование культуры, исключительнейший садизм—все это вызвал к жизни фашизм с единственной целью предупредить опасность пролетарской революции, которая до прихода к власти Гитлера нарастала быстро и неумолимо.

Первые месяцы фашистской диктатуры в Германии были месяцами расцвета иллюзий мелкого буржуа, воображавшего, что победа Гитлера есть его победа.

Финансовый капитал как раз в этот период вынужден был пойти на полную ликвидацию всех других буржуазных партий кроме национал-социалистической, прекрасно понимая, что Германия вступила на путь катастрофического развития, что проводить подготовку к войне и самую войну в исключительно накаленной классовой борьбы в Германии будет крайне трудно, имея в стране несколько конкурирующих друг с другом буржуазных партий. Последовал роспуск социал-демократической партии и ее разгром. Приход к власти Гитлера, приход, который обеспечила всей своей деятельностью, тактикой и политикой социал-демократическая партия, был в то же время ее политическим банкротством. Именно ее предательская раскольническая политика лишила рабочий класс возможности сплоченно выступить против фашистской диктатуры, организовать всеобщую стачку. Рабская преданность буржуазному господству, гнуснейшее пресмыкание перед буржуазией, подлейшая трусость и трусливейшая подлость—вот качества, которые показало социал-демократическое руководство. Это «Форвертс» 31 января 1933 г. приветствовал приход к власти правительства Гитлера как конституционного правительства. Это социал-демократическая фракция рейхстага на первом заседании нового фашистского рейхстага после декларации Гитлера полностью присоединилась к внешнеполитической программе, объявленной Гитлером.

Бюрократы из реформистских профсоюзов вместе с реакционными вождями социал-демократической партии до последнего момента рассчитывали на то, что фашистская диктатура отведет им хотя бы какое-нибудь самое скромное местечко в своей системе. Роспуском социал-демократической партии фашистская диктатура показала, что она не намерена терпеть этой партии. Разгромом профсоюзов и образованием «трудового фронта» под руководством пьяницы Лея фашистская диктатура показала, что она боится существования какой бы то ни было легальной организации рабочих даже под руководством готовых на все, угодливых реформистских лакеев. Германская буржуазия прекрасно понимала, что через профсоюзные организации, будь

то под руководством реформистов или партии центра, неизбежно просочится волна рабочего недовольства и профсоюзы смогут стать организационными центрами пролетарской борьбы против фашистской диктатуры. Но национал-социализм именно для уничтожения конкуренции и для обеспечения своей монополии в деле осуществления воли финансового капитала уничтожил одну за другой партии центра, и за ними и другие партии, в том числе и партию националистов. Когда эти задачи финансовый капитал счел выполненными, он дал соответствующий приказ штабу национал-социалистической партии взять в железо штурмовые отряды.

Буржуазия подняла Гитлера на щит, объявив его спасителем германского капитализма.

Вот что писал орган германской тяжелой промышленности «Deutsche Bergwerkszeitung»: «Адольф Гитлер уже давно перерос рамки партийного лидера и стал пробудителем своего народа. Когда он поднимает свой голос, призывая к единению и преодолению раскола, невольно вспоминаешь о древних пророках, считавших, что они призваны богом собрать расколотый, заблуждающийся еврейский народ, очистить его и спасти от грозящей беды. Неудержимая сила заставляла их действовать: „Я—пастух, но бог отозвал меня от стада и сказал мне: иди и пророчествуй против моего народа Израиля". С такой же силой продолжает выступать Адольф Гитлер, с такой же страстной самоотверженностью он осуществляет свою миссию, которая заполняет все его существо.

Миллионы сердец восторженно откликнулись на первомайскую речь Адольфа Гитлера, заявившего: „Германский народ должен вновь себя познать. Миллионы людей, расколотые на разные профессии и искусственные классы, обуреваемые сословными предрассудками и классовым безумием и разучившиеся понимать друг друга, должны вновь найти путь ко взаимному пониманию"».

Орган королей горной промышленности в этих словах выразил свое восхищение тем, что Гитлер и его партия сумели загнать компартию в подполье, разгромить профсоюзы, устроить кровавую расправу над рабочим классом, связать его по рукам и ногам, обеспечив финансовому капиталу возможность свести уровень германского рабочего к жизненному уровню африканского негра.

В припадке восторга редактор газеты и не заметил, что совершает преступление против расовой «теории», сравнивая (ведь это ужасно!) Гитлера с израильскими пророками!

Но германской буржуазии не удалось уничтожить компартию по той причине, что она не может уничтожить германский пролетариат. А ведь уничтожение компартии было главной задачей, которую поставил финансовый капитал перед фашизмом. Несмотря на чудовищный террор, средневековые пытки и концентрационные лагери, героический пролетариат Германии обеспечивает германскую компартию неустрашимыми бойцами. На место одного коммуниста, взятого в плен врагом, расстрелянного, замученного в концентрационном лагере, встают десятки новых. Подпольная литература коммунистической партии Германии находит себе доступ в самые широкие слои не

только рабочих, но и мелкой буржуазии. Множатся сведения о проникновении коммунистической литературы и в штурмовые отряды, чувствующие себя обманутыми Гитлером, недовольные «чисткой» 30 июня 1934 г.

В то время как реакционная часть ЦК германской социал-демократии, спасшаяся за границу, продолжает надеяться на борьбу рейхсвера с фашистским руководством, на то, что их раньше или позже призовет германская буржуазия, перед лицом разгула фашистского террора социал-демократические рабочие организации и руководители внутри Германии не только выступают в своей значительной части за единый фронт с компартией против фашизма, но и на деле этот единый фронт осуществляют. Ряд соглашений о едином фронте между коммунистической партией и местными социал-демократическими организациями, заключенных в 1934 г., свидетельствуют о том, что для социал-демократических рабочих уроки последних лет не прошли даром, что значительные их массы все больше начинают понимать, что свержение фашизма лежит не на пути пресмыкательства перед ним, как это делает пражский ЦК, а на пути революционного свержения фашистской диктатуры, а заодно и германской буржуазии. Массы социал-демократических рабочих понимают все больше, что выход в едином фронте с компартией на основе революционного свержения фашистской диктатуры.

Банкротство социал-демократической политики создало в массах социал-демократических рабочих поворот в сторону революционной борьбы с фашизмом на основе единого фронта с коммунистами. Решения VII конгресса Коминтерна об едином антифашистском народном фронте, о воссоздании единства рабочего класса и борьбе с фашизмом и войной имеют неоценимое значение для рабочего класса Германии. Героическая коммунистическая партия, ведущая беззаветную борьбу с фашизмом на основе решений конгресса, преодолеет сектантские тенденции, еще имеющиеся в ее рядах, поднимет на должную высоту дело воссоздания единства рабочего класса, дело борьбы против фашистской диктатуры. Коммунисты пойдут туда, где есть массы, не исключая и фашистский «трудовой фронт», чтобы на основе борьбы за повседневные нужды рабочего класса переводить антифашистскую борьбу на высшую ступень.

В фашистской Германии, где уничтожены профсоюзы и всякое проявление борьбы рабочего класса объявлено государственным преступлением, всякая стачка является проявлением и показателем величайшего мужества рабочих, революционным выступлением, которое наносит удары фашистской диктатуре и с которым последняя расправляется самым свирепым образом. Но, несмотря на террор, пытки, расстрелы и расправы, отмену тарифных договоров, несмотря на то, что фашистские «доверенные по труду» вместе с целым сонмом шпионов имеют своей главной задачей удушить всякое выступление против фашизма, борьба рабочего класса в Германии против капитала не прекращалась. Она приняла новые формы. Она происходит в формах активнейшей подпольной работы коммунистической партии, в формах стачек, борьбы против каторжных условий работы на предприятиях,

голосования против фашистских доверенных по труду на выборах советов доверия и т. д. Фашистская же диктатура своей политикой содействует против своей воли приближению революционного взрыва, который несомненно будет потрясающим по своей силе и исключительным по остроте борьбы.

Больше двух с половиной лет прошло со времени установления фашистской диктатуры в Германии. За это время политика бешеных вооружений, колоссальных субсидий предпринимателям и помещикам, ограбления масс и дальнейшего снижения их жизненного уровня еще более ухудшила положение германской мелкой буржуазии. Мелкобуржуазные массы разочаровываются в фашизме, начался отход отдельных групп мелкой буржуазии от фашистской диктатуры. 30 июня 1934 г., когда штаб фашистской партии в союзе с рейхсвером разгромил верхушку штурмовых отрядов и начал чистку штурмовых отрядов, было **началом кризиса фашистской диктатуры в Германии**. Это означало, что противоречия внутри фашизма, внутри германской буржуазии настолько обострились, что дальнейший ход событий будет связан с вооруженной дракой в лагере германской буржуазии. Недовольство штурмовиков, которое нарастало в 1933—1934 гг., прямо и непосредственно выражало разочарование значительных слоев мелкой буржуазии в фашизме. Штурмовики, верившие, что они совершают «национальную революцию», начали убеждаться в том, что их нагло обманули и что на деле приход Гитлера к власти лишь усилил власть монополий, власть крупнейших тузов финансового капитала.

Фашизм обещал уничтожить универсальные магазины. Вместо этого владельцы универсальных магазинов получили десятки миллионов марок субсидий. Фашисты обещали уничтожить потребительские общества. Вместо этого они захватили их в свои руки, и последние ожесточенно конкурируют с мелкими торговцами. Национал-социалисты обещали ремесленникам крупные государственные заказы. Первые месяцы в тактических целях фашизм действительно эти заказы давал. Теперь он их свел к жалкому минимуму. Они обещали уничтожить «процентное рабство», национализировать банки. И это оказалось грубым обманом. Банковский капитал чувствует себя в Германии лучше, чем когда бы то ни было, и еврейские банкиры наряду и вместе с стопроцентными арийцами получают многомиллионные прибыли и огромные субсидии фашистского государства. Фашизм обещал уничтожить или во всяком случае резко сократить налоги. Вместо этого налоговый гнет стал значительно тяжелее, чем во времена веймарской республики, когда он тоже далеко не был легким. Перераспределена тяжесть налогов. Монополистический капитал освобождается, а ряд монополий совершенно освобожден от налогов. Главная тяжесть налогов идет по линии повышения налогов на предметы широкого потребления масс.

Фашизм обещал улучшить положение крестьян. Вместо этого крестьянству преподнесли декламации о том, что оно является «новым дворянством», что германское крестьянство является «источником жизни» германского народа. Мелкое и среднее крестьянство надеялось

на реальное улучшение своего положения при фашистской диктатуре. Вместо этого им преподнесли расовый бред и расовые фантазии Дарре.

Законом о наследственных налогах, об установлении майоратного права, согласно которому наследство в крестьянских хозяйствах определенных размеров переходит только к старшему сыну, национал-социализм пытается создать значительный слой кулаков, непосредственно заинтересованных в фашистской диктатуре. Но создание этого кулацкого слоя означает в то же время пролетаризацию всех остальных детей крестьянина, так как они ничего не получают из наследства. Кулачество стало крепкой опорой фашизма в деревне. Но подавляющее большинство деревни, ее бедняцкая и середняцкая часть, получило при фашизме не улучшение, а лишь резкое ухудшение своего положения. Резко повысились цены на зерно и фураж. Но это бьет по средним и мелким крестьянам, которые преимущественно производят на рынок овощи, мясо, масло, яйца и т. д. Они вынуждены покупать хлеб, за который приходится платить втридорога. Чтобы кормить скот, они вынуждены покупать фураж. А 1934 год был годом резкого повышения цен на фураж. Германское правительство создало специальные монополистические организации, которые в принудительном порядке скупают у крестьян продукты, платя по ним низкие цены и сбывая их по высоким ценам. Положение трудящихся крестьян при фашистской диктатуре резко ухудшилось.

Германский фашизм обещал безработным работу, рабочим—высокую заработную плату. Он дал им разгром профсоюзов, уничтожение коллективных договоров, новое снижение заработной платы и номинальной и реальной. Правда, гигантские вооружения привели к расширению военной промышленности. Это привело к увеличению количества занятых рабочих, по утверждению фашистской статистики, на 2,5—3 млн. чел. Но в стране остается попрежнему 5—6 млн. безработных, о значительной части которых лживая фашистская статистика молчит.

Фашизм дал безработным принудительные работы, каторжный труд при казарменном режиме и нищенской оплате. Для занятых рабочих он создал каторгу на фабрике и заводе, предоставив предпринимателям право делать с рабочими то, что они захотят.

Политикой бешеной гонки вооружений буржуазия добилась расширения военной промышленности. Но чудовищная нищета масс, резко понизившаяся покупательная способность рабочих и крестьян, отсутствие перспектив к серьезному обновлению основного капитала при наличии продолжающегося аграрного кризиса свидетельствуют о том, что экономический кризис в Германии продолжается и никакими миллиардами субсидий не удастся пустить в ход механизм оживления промышленности.

Для осуществления гигантских вооружений германский фашизм затратил запасы валюты, еще имевшиеся в государственном казначействе, золотой запас Рейхсбанка упал до жалкой суммы в несколько десятков миллионов марок. Торговый баланс Германии

в 1934 г. был резко пассивным вследствие сокращения сбыта германских товаров на внешних рынках и резкого повышения ввоза сырья для германской военной промышленности.

Исключительные мероприятия, которые провел в 1934—1935 гг. хозяйственный диктатор Германии Шахт по линии сокращения ввоза и увеличения вывоза товаров, не привели к серьезным результатам. Борьба за рынки сбыта и источники сырья на мировом рынке обострилась чрезвычайно. В этих условиях миллиардная субсидия экспортерам за счет установления специального налога на промышленность, работающую на внутренний рынок, приведет лишь к новому обострению конкурентной борьбы на международном рынке. Миллиардный заем на расширение военной промышленности, решение повысить налоги на два миллиарда марок—дополнительный показатель того, какие трудности порождает для фашизма его авантюристическая политика.

Германия фактически обанкротилась, отказавшись платить проценты по подавляющему большинству своих долгов. Германская марка фактически обесценилась, хотя официально поддерживает свой золотой стандарт.

Не менее 13—15 млрд. марок затратил германский фашизм на вооружение. Откуда взяты эти колоссальные средства? Несколько миллиардов марок было взято из сберегательных касс, и таким образом вкладчики были попросту ограблены. О том, что они ограблены, они узнают при первой же панике, так как эти деньги им возвращены не будут. Значительные суммы денег на вооружения получены за счет предоставления казначейством Рейхсбанку краткосрочных векселей, которые не имеют серьезного обеспечения. Портфель Рейхсбанка заполнен дутыми бронзовыми векселями.

Дефицит государственного бюджета равен минимум 7—8 млрд. марок. Но расходы на вооружения продолжают расти бешеным темпом, и неудивительно, что на этой почве в рядах германской буржуазии обнаружились острые противоречия. Очевидно, что важнейшие «обычные» резервы, из которых германская буржуазия вычерпала почти полтора десятка миллиардов марок, близки к истощению. В порядок дня поставлено увеличение в обращении бумажноденежной массы, *переход к открытой инфляции*. Именно на этой почве и разразился в мае 1935 г. конфликт между Шахтом и возглавляемой им группой банкиров, с одной стороны, тяжелой промышленностью с Гитлером и Герингом—с другой. Группа банкиров из боязни инфляции, к которой вынужден будет перейти в ближайшее время германский империализм для выполнения своей программы вооружений, требовала сокращения расходов на вооружение. Банкиры непосредственно заинтересованы в сохранении стабильности германской марки. Обесценение бумажных денег грозит им огромными потерями. В то же время буржуазия в целом боится инфляции. Она прекрасно помнит инфляцию 1919—1923 гг., приведшую к разорению мелкую буржуазию и явившуюся одним из условий революционного кризиса в стране. Обесценение марки приведет к новому добавочному ограблению рабочего класса, к экспроприации

мелкой буржуазии. На этом заработает крупный капитал. Но инфляция окончательно рассеет иллюзии мелкой буржуазии, которые она еще питает по отношению к фашистской диктатуре, и при правильной работе компартии бросит ее в лагерь революционного пролетариата. Для завоевания обманутых фашизмом мелкобуржуазных слоев на сторону антифашистского фронта необходима умелая работа компартии, революционного пролетариата по вовлечению их в народный антифашистский фронт. Это может сразу поставить Германию перед революционной ситуацией, свержением фашистской диктатуры, а вместе с ней и буржуазного господства в Германии вообще.

Своей политикой сумасшедших вооружений при разоренном многолетним кризисом хозяйстве германский фашизм толкает, больше того — ведет Германию к хозяйственной катастрофе. В драке между банкирами и тяжелой промышленностью взяла верх тяжелая промышленность, взят курс на дальнейший рост вооружений, невзирая на те результаты, к которым эта политика может привести. Это значит, что фашизм решил не останавливаться перед инфляцией.

В результате введения пятипроцентного налога для поощрения экспорта в Германии произойдет новый резкий скачок цен. Но тот миллиард марок, который будет выброшен для поощрения экспорта,— чистая потеря, так как это—затраты на демпинг, на продажу германских товаров ниже себестоимости. Но это будет означать новое резкое обострение борьбы за рынки и в то же время резкое повышение цен на внутреннем рынке, в первую очередь на предметы широкого потребления. Германский империализм хочет спасти свою внешнюю торговлю за счет народных масс. Но это ни к чему другому кроме как к дальнейшему обострению внутреннего положения в стране, к обострению классовой борьбы не приведет и привести не может.

Два с лишним года фашистского господства в Германии показали, что фашизм не только не вывел и не может вывести страну из кризиса, а что он все глубже и глубже загоняет страну в трясину хозяйственного развала, приближая катастрофу.

Но фашистская диктатура не упадет автоматически, победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. Отсюда необходимость сильной пролетарской революционной партии, «партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели» [1].

Умение использовать противоречия и конфликты в лагере буржуазии—особенность большевистской тактики. Переход мелкой буржуазии на сторону пролетариата совершится лишь при революционной активности рабочего класса. Компартия—авангард революцион-

[1] Сталин. Вопросы Ленинизма, изд. 10-е, стр. 63.

ного пролетариата, выдвигая конкретные повседневные требования, диференцированные в соответствии с экономическим положением данного слоя мелкой буржуазии, сумеет использовать разочарование и возмущение мелкой буржуазии фашистским обманом и саморазоблачением, чтобы привлечь мелкобуржуазные слои на сторону революционного пролетариата. Единый революционный фронт рабочего класса и—на его основе—единый антифашистский народный фронт в Германии свалят фашистскую диктатуру.

И. ДВОРКИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРИ КОРНЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Начало национал-социализму как идейному направлению положили несколько интеллигентов, преимущественно из северной Германии, в период 1926—1928 гг.

Как живая политическая клетка национал-социализм возник из развалин громадной «Патриотической партии» и «Пангерманского союза», другими словами—из воинствующего аннексионизма времен 1917 г. Самостоятельная жизнь его началась в 1919 г.

Как политическое орудие национал-социализм является детищем мюнхенского рейхсвера. С помощью последнего его оформили Адольф Гитлер, обладающий подвижным умом и непостоянным характером, и капитан Эрнст Рем[1]. Это было в 1921 г.

Название движения заимствовано в Австрии; оно принято было против воли нынешнего вождя и не отвечает характеру этой партии. Крещение последовало в 1920 г., когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила. Члены партии, которые впоследствии всерьез отнеслись к ее «социализму», вынуждены были уйти из партии.

При бурном развитии движения нормальное соответствие между формой и содержанием невозможно. Законченность, неизменность формы противоречили бы характеру партии, которая сознательно шла на то, чтобы приспособиться к обстановке и в случае нужды сгибаться перед сильным.

Вызвавшие столько толков «двадцать пять пунктов»* не являются программой в серьезном смысле слова. Но отсутствие программы—не просто маневр, рассчитанный на общую беспринципность; оно покоится на сознании, что движения возникают вследствие определенных причин, а не для достижения известных целей, и что для людей важнее вожди, нежели правила поведения. Несомненно, здесь сказалась своего рода вера в силу рока, рождающего могучие идеи и в то же время вызывающего активное противодействие против себя же самого. Как и во многом другом, национал-социалисты учились у марк-

---

* Речь идет о первоначальной программе национал-социалистов, сформулированной в 25 пунктах.

сизма подходить к вопросам исторического развития с точки зрения диалектики. Однако, в то время как марксисты желали претворить стихийный характер политики в «науку», более практичные национал-социалисты принимали политику такой, какая она есть. Этому соответствует следующая концепция: народу принадлежат чисто растительные функции жизни—деторождение и рост, а ниспосланные свыше вожди вносят в нее порядок, оформленность и целеустремленность. Коричневый дом[2] носит характер масонской ложи, это особенно ясно выявилось в последнее время; за спиной вождя орудуют неизвестные публике заправилы, наподобие жрецов, находившихся за идолом Ваала в Вавилоне.

АНТОН ДРЕКСЛЕР, ЗАБЫТЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ ПАРТИИ

На облик германской национал-социалистической рабочей партии в значительной мере наложила отпечаток первая группа, из которой она выросла: те два десятка серсньких «людей из народа», которые собирались в мюнхенской пивной и основали там еще до Гитлера кружок для спасения нации. Сказанное остается в силе по настоящее время, хотя только немногие из этих инициаторов участвуют еще в настоящее время в национал-социалистическом движении, не играя в нем никакой роли.

Родоначальником «германской рабочей партии» явился слесарь Антон Дрекслер. Это был скромный ремесленик того типа, которых Раабе[3] называет «нацией рассуждающих филистеров». Дрекслера никак нельзя считать талантом, оставшимся в тени только из-за недостатка образования. С великим трудом давалась ему какая-либо мысль или ее выражение. Зато идеи, завоеванные столь тяжелым путем, обычно владеют человеком безраздельно. Этот тщедушный, узкогрудый, негодный к военной службе человек в очках свято верил в свою книжную мудрость. На подмогу этой вере приходило счастливое неведение всей трудности взятой на себя задачи. Как эту веру, так и свою наивную самоуверенность Дрекслер передал своему позднейшему товарищу по партии Гитлеру; последний обязан своему скромному товарищу значительно больше, чем он теперь признает. Правда, и Гитлер сделал из этого багажа больше, чем мог мечтать об этом Дрекслер.

Впоследствии Дрекслер порвал с Гитлером, так как считал его головокружительные успехи несчастьем для дела. По сию пору все еще остается нерешенным вопрос—не был ли он все же прав.

Бросаются в глаза некоторые черты сходства в биографиях Дрекслера и Гитлера; различие же в их биографиях состоит в том, что у члена партии № 1 (Дрекслера) все осталось в индивидуальном, ограниченном масштабе, а у члена партии № 7 (Гитлера) все приняло раздутые до бесконечности размеры. Еще будучи молодым рабочим, Дрекслер, как и Гитлер, вступил в конфликт с социал-демократическими профсоюзами; он жалуется, что вследствие террора со стороны этих последних он лишился места и должен был зарабатывать

себе на хлеб игрой на цитре в ночных кофейнях. Так было положено начало его ненависти к марксизму. Впрочем, как и у Гитлера, главный политический интерес Дрекслера сосредоточивался прежде всего на вопросах внешней политики.

«Пробуждающийся рабочий» бьется над вопросом об ответственности Германии в мировой войне. В 1914 г. он разъезжал с гастролирующим певческим кружком и пел в Цюрихе в хоре: «Копье в руках, коня пришпорив, помчимся в бой, помчимся в бой!». У Дрекслера эта песня вызывает угрызения совести. Для него эта песня—выражение подлинных настроений народа в данный момент. Но в то же время он сам считает, что будущее Германии покоится не на остриях копий, а зависит от народного характера: «Социалистическая природа немцев исцелит мир».

В социализме—спасение Германии от крупного интернационального капитала, который ныне, как стервятник, кружится над Германией в надежде поживиться мертвечиной. Быть может, не так уж велика была разница между этой теорией немецкого социализма, который должен был «исцелить мир», и практикой того интернационала, сильнейшим членом которого являлась германская социал-демократия.

Дрекслер с одобрением цитирует слова Шейдемана: война ведется не ради коммерции-советников, крупных промышленников и крестьян-кулаков, а ради трудящегося народа, ради тружеников на фабрике, в мастерской, в шахтах и на полях. Германские социал-демократы большинства в годы войны, «социалисты кайзера», как их называли противники из левого крыла, пришлись бы вполне по вкусу иному национал-социалисту.

Но в 1917 г. рейхстаг принимает резолюцию в пользу мира; эта резолюция стоит нашему слесарю-пангерманцу бессонных ночей. Он вступает в мюнхенскую организацию «Патриотической партии», но разочаровывается в ней: душа народа осталась книгой за семью печатями для деятелей этой партии, впрочем людей честных, большей частью ученых, художников и адвокатов. Дрекслер выступает на собраниях за войну до победного конца и против забастовки на патронных заводах; но в то же время он не понимает, почему правительство ничего не предпринимает против растущей дороговизны съестных припасов и обрушивается на обывателя, делающего небольшие запасы. В этой психологии Дрекслера сказывается типичная враждебность городского жителя к сельскому хозяйству; эта враждебность еще в течение многих лет отличала национал-социалистическую партию, которая в настоящее время приобрела столь резко выраженный аграрный характер.

В начале 1918 г. в Бремене организовался «Свободный комитет борьбы за немецкий рабочий мир», в который якобы входило несколько сот тысяч членов. Дрекслер привлек к нему в качестве мюнхенской секции «Свободный рабочий комитет борьбы за достижение доброго мира» с сорока членами. Эта группка, возникшая 7 марта 1918 г., и была началом «национал-социалистической германской рабочей партии».

Таким образом мюнхенский слесарь ощупью набрел на мысль о создании специфической рабочей партии военного времени, партии, начертавшей на своем знамени не только борьбу за победу нации, но также слепое повиновение вождям. «Мы должны,—заявил Дрекслер в 1918 г. в качестве руководителя своего мюнхенского „комитета мира“,—предоставить выработку деталей мирного договора верховному командованию, заслуживающему неограниченного доверия». Что касается самого Дрекслера, то в нем конечно говорила умственная робость человека мало начитанного, которому в то время еще приходилось выслушивать на собраниях объяснение того, что собственно значит по-немецки слово «антисемитизм». Однако и эта умственная робость тоже стала одним из элементов строительства будущей партии.

Из стремления приравнять интересы рабочих к интересам нации, народа развилось затем представление о Германии как особой нации. Созидающая (schaffende) Германия—жертва хищнических (raffende) западных держав. «Граждане-буржуа и граждане-рабочие, объединяйтесь!»—восклицает Дрекслер на собрании, которое ему удалось созвать осенью 1918 г. с помощью «Патриотической партии». Он требует их объединения в «национальный союз граждан». Но собрание отвечает ему руганью, и дело кончается скандалом. Теперь еще не настало время, чтобы люди прислушивались к предостережениям о том, что князья мамона с помощью масонской «ложи» хотят подчинить себе Германию, «продуктивную нацию».

Тем не менее Дрекслер не уходит от своих товарищей по классу. В 1918 г. он даже снова вступает в «свободный» социал-демократический профсоюз железнодорожников. Правда, он—странная фигура в этом профсоюзе. Выступая публично против «систематической деградации ремесла на железных дорогах», он борется против сознательных пролетариев и высоко держит знамя ремесленника. В политике профсоюза в области зарплаты этот «пролетарий» усматривает «уничтожение рабочими среднего сословия, национальной интеллигенции и частного предпринимателя». Кто выставляет такой тезис, тот в сущности мечтает поднять рабочего до положения мелкого и даже крупного буржуа, тот имеет в виду не солидарность рабочего класса, а лишь успех горсточки счастливчиков, вышедших в люди благодаря своему упорству и труду.

Кто же был первым политическим учителем малых сих? Вы не догадаетесь об этом... Не кто иной как Вальтер Ратенау. Его филигранно-тонкие сентенции становятся в руках нашего железноророжного слесаря национал-социалиста мощными метательными «снарядами»: «Мировая революция началась уже с первого момента мировой войны; бессознательной, но действительной целью этой революции было вытеснение капиталистической буржуазией феодальной гегемонии путем установления плутократически-конституционного государственного строя». Таковы были взгляды Ратенау[4], писавшего об этом с оттенком и грусти и цинизма. Дрекслер просто повторяет эту тираду, но у него она уже дышит непримиримой ненавистью. В одном месте Ратенау говорит, что командные высоты мирового хозяйства

находятся в руках каких-нибудь трехсот лиц. Десять лет этот афоризм служит боевым кличем национал-социалистов, украшая их плакаты и столбцы их газет; никакая пропаганда не могла бы выдумать более ходкого лозунга. Такую же роль сыграли слова Дизраэли[5], что расовый вопрос является ключом к всемирной истории.

Ряд социал-демократов объявляется франкмасонами, сиречь слугами золотого тельца. Достаточно «Форвертсу» согласиться по какому-нибудь отдельному вопросу с «Франкфуртской газетой», и Дрекслер видит в этом доказательство ложности социализма «Форвертса»; иначе такое согласие было бы, по мнению Дрекслера, невозможным. Вы назовете это ограниченностью? Но не забудьте, что мы приближаемся к тому времени, когда сильно ненавидеть гораздо важнее, чем правильно мыслить.

При всей своей кажущейся ограниченности этот разъяренный мещанин сохраняет за собой свободу мыслить по-своему. Он обвиняет марксизм в том, что тот превратил революцию в движение за повышение заработной платы и уничтожил способность Германии успешно конкурировать на мировом рынке. Однако вместе с тем Дрекслер позволяет себе также требовать от предпринимателей большего внимания к нуждам рабочих—старая тактика тех профсоюзов, которые стоят на почве классового мира. Тем не менее Дресклер приемлет боевые профсоюзы, он борется только против политических партий, «злоупотребляющих» этими союзами. Судьба Германии зависит, по мнению Дрекслера, от того, будет ли ее руководящая верхушка обладать социальным чутьем, чтобы суметь вернуть себе доверие масс.

В сущности в этой аляповатой формулировке уже заключается материал, из которого сделано национал-социалистическое «учение». Более того: сам Дрекслер как человек и товарищ был для Гитлера отчасти тем сырым материалом, из которого он вылепил первоначальный эскиз своей партии. Несомненно, под началом Дрекслера «германская рабочая партия» осталась бы кружком, разглагольствующим за своим постоянным столом в пивной о высоких политических материях, и Гитлеру, обладающему безусловным комбинаторским талантом, пришлось бы искать зацепки для своей созидательной деятельности где-либо в другом месте.

На долю Дрекслера выпал обычный удел изобретателя. В 1921 г. Гитлер, став хозяином фирмы, фактически устранил его от дел. Дрекслер был почетным председателем партии, которая к тому времени выступала уже с известной помпой; однако этот скромный человек продолжал работать в мюнхенских железнодорожных мастерских, пока раздраженные товарищи по работе не напали на «реакционера» с железными ломами и не прогнали его из мастерских. Это было весной 1923 г. Во время ноябрьского путча 1923 г. Гитлер смотрел на Дрекслера уже как на пустое место; в результате этого Дрекслер порвал с Гитлером; до 1928 г. он был депутатом фелькише[6] (так называемой партии «тевтонцев») в баварском сейме, а затем окончательно сошел с политической сцены.

После революции существование «свободного рабочего комитета борьбы за достижение доброго мира» утратило свой смысл. 5 января 1919 г. Дрекслер перестроил его и основал «германскую рабочую партию». Ее председателем стал журналист Карл Харрер. «Партия» в составе сорока членов чувствовала себя достаточно многочисленной, чтобы выделить еще специальный орган—«политический рабочий кружок» из шести членов.

1 мая 1919 г. придало этому обществу некоторое, хотя и крохотное, политическое значение: советская республика в Мюнхене была свергнута, место ее заняло правительство буржуазно-социал-демократической коалиции; фактическим хозяином положения была военщина. В последней еще жило гордое сознание четырехлетних якобы победоносных боев, жило раздражение против рокового исхода войны, жила ненависть к «предателям». Чтобы дать исход таким чувствам, буржуазные партии были слишком вялы и негибки. На этом фоне выделялась только группка Дрекслера, некогда поставившая себе целью «добрый мир». Огромная патриотическая партия покорно приняла к сведению окончание войны и сошла со сцены. Для старых крупных партий война закончилась печально, но все же закончилась; однако для военщины и для «германской рабочей партии» она еще не кончилась. Это сблизило обе эти группы, и из их идейного объединения возникло гитлеровское движение.

Германия представляла собой в то время вооруженный лагерь различных добровольческих формирований: бригада Эрхардта, Балтийская оборона, стрелки фон-Хайдебрека, отряды добровольцев Пфеффера, Росбаха, Левенфельда, Лютцова, Лихтшлага, Химгау, Оберланда и Эппа[7]. Несколько позднее возник самый крупный из этих союзов—баварская гражданская оборона, а из него в свою очередь развилась «организация Эшериха» («Оргеш»), распространившаяся по всей Германии. Все эти союзы в последующие годы дали впервые кадры «национал-социалистической германской рабочей партии».

В 1919 г. к малочисленной тогда еще партии примкнул капитан Эрнст Рем из добровольческого отряда Эппа. Это имело решающее значение в истории партии. Храбрый солдат и только солдат, грубый вояка, заплесневевший в окопах, покрытый рубцами от ран, он был олицетворением вечной войны. Его настроение после революции характеризуется словами: «Я констатирую, что не принадлежу больше к этому народу. Припоминаю лишь, что некогда принадлежал к германской армии». Рем вкладывает эти слова в уста своего товарища, но на самом деле это его собственные мысли. К доброй половине офицерства этот грубоватый парень, сын баварского чиновника, питал ненависть; его рассказы о поведении многих офицеров во время войны могли бы оправдать десяток мятежей. Для солдат он прекрасный начальник; его организаторский талант проявляется во всем своем блеске при постройке нелегального военного аппарата, который он по долгу службы создает в 1920—1923 гг. в Баварии. Политикой он занимается со страстью, проявляя при этом непонимание ослепленного

страстью человека: «Я смотрю на мир со своей солдатской точки зрения—сознательно односторонне».

Рем был примерно шестидесятым по счету членом «германской рабочей партии» и постепенно вовлек в нее многих своих друзей из рейхсвера—офицеров и солдат. Это было тогда чем-то само собой разумеющимся. До 1923 г. костяком движения были почти исключительно солдаты рейхсвера и полиция.

Партия уже тогда имела двух покровителей, располагавших большими связями в обществе: писателя Дитриха Эккарта и инженера Готфрида Федера[8]. Эккарт был типичным баварцем, крепким круглоголовым парнем, умевшим пожить. В бытность свою временным редактором «Локаль анцайгера» Шерля он написал несколько драм из эпохи Гогенштауфенов и Ренессанса; кроме того он перевел «Пер Гюнта»[9]. Таким образом его внимание было направлено в сторону северных народов. Впоследствии революция зажгла в нем интерес к политике. Слабые стороны революции, в особенности мюнхенской советской республики, раззадорили в нем сатирическую жилку; он основал сатирический листок «Ауф гут дейч» («Чисто по-немецки») который с грубым остроумием, по-журналистски хлестко бил по больным местам противника, служившим мишенью для его антисемитских выпадов. В отношении к «германской рабочей партии» он находился вначале на положении высокого патрона. Симпатии его склонялись больше в сторону «объединения германских граждан», которое он собирался основать в мае 1919 г. «Как будто бы фабричный рабочий не является гражданином,—пишет он в своем воззвании,—неужели каждый оседлый житель непременно лодырь, непременно капиталист? Долой зависть! Но долой также роскошь и мишуру! Мы хотим снова опроститься, снова стать немцами, мы требуем немецкого социализма. Пусть имеет влияние только тот, у кого в жилах течет германская кровь». Это—«идеология» литературной богемы, человека, который хотел бы иметь свой домик и комфорт, сносно зарабатывать пером на жизнь и быть на хорошем счету у своего дворника. Прошло некоторое время, пока Дитрих Эккарт заметил, что ему незачем создавать новую организацию, так как его «объединение граждан» уже существует—в лице «германской рабочей партии».

Тем временем Федер усиленно наставлял эту партию на путь «науки». Федер—по профессии инженер-строитель; одно время он был самостоятельным предпринимателем и работал за границей. Когда ему в 1918 г. стукнуло тридцать пять лет, ему пришла в голову «великая» идея об «уничтожении процентного рабства». В одну ночь он написал докладную записку, в которой изложил свою мысль; полный надежд, он передал записку баварскому правительству и—обычный удел!—получил любезный отказ. Его дальнейшая биография тоже протекает по трафарету: неудачник отстаивает свой проект. Под влиянием Федера, который с готовностью выступает в каждой идущей ему навстречу группе, в «германской рабочей партии» вырабатываются зачатки программы. Основные пункты ее заключаются в следующем: суверенные права собственности на землю сохраняются за государством, запрет частной продажи земельных участков, за-

мена римского права немецким народным правом, национализация банков и уничтожение «вечного процента» путем постепенной амортизации капитала. Отношение к евреям еще относительно мягкое; они не могут больше становиться судьями, учителями и вождями германского народа, но могут посылать своих представителей в парламент соответственно цифре еврейского населения. Это—программа на будущее. Что касается требований настоящего момента, то «они укладываются в рамки требований других левых партий и поэтому нет надобности перечислять их здесь». Так буквально говорится в «Фелькишер беобахтер»[10] (тогда газета называлась еще «Мюнхенер беобахтер») от 31 мая 1919 г.

Да, тогда эти господа считали себя еще «левой партией». Это была ориентировка Харрера, журналиста умеренного толка, и Дрекслера, у которого руки были еще в пролетарских мозолях от напильника. А Федер, уважаемый лектор, был не из того теста, чтобы собственными силами найти новую политическую ориентировку, а тем более повести хотя бы самую немногочисленную группу сторонников по новому пути.

И все же Федер дал Гитлеру его первую руководящую политическую идею, точно так же как Дрекслер дал ему человеческий материал. Существуют такие архимедовы таланты, которые в состоянии творить великое только тогда, когда кто-нибудь другой даст им точку опоры или видимость таковой.

ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ ГИТЛЕРА

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 г. в Австрии в Браунау на Инне, где отец его служил таможенным чиновником. По счастливой случайности семья его переменила (по семейным соображениям) фамилию Шикльгрубер на Гитлер. С прежней фамилией, при всей ее мещанской достопочтенности, Гитлеру было бы труднее стать вождем миллионной партии.

Первые годы детства Гитлер провел в баварском городке Пассау, следующие—в Линце на Дунае. В Линце преподавал историю учитель, настроенный «пангермански» и считавшийся в Австрии Франца-Иосифа «революционером», на самом же деле фальсифицировавший всемирную историю под углом зрения «героического германского эпоса». Впоследствии Гитлер никогда не мог преодолеть результатов этого сусального преподавания. Любимым героем австрийца Гитлера стал пруссак Фридрих Великий. В этой школе Гитлеру привиты были наивная вера в школьную же мудрость и склонность видеть все в упрощенных и грубых очертаниях.

Шестнадцати лет Гитлер потерял отца и мать и перенес тяжелую болезнь легких. Как он сам рассказывает, отец считал его неудачным сыном, из которого не выйдет ничего путного; в школе учился он плохо, последние два года жизни матери он провел дома без дела. В своей автобиографии Гитлер говорит об этих мало привлекательных своих чертах осторожно, но все же так, что читалель получает о них достаточное представление. Свои слабые успехи в школе Гит-

лер оправдывает своим «идеалом»—желанием стать художником. Но для этого у него нет дарования, как сухо заявил ему об этом ректор Венской художественной академии. Имеются, правда, способности к рисованию, но для поступления в архитектурную школу ему нехватало образования, так как он нерегулярно посещал школу и не сдал экзамена.

Молодой человек начал свою самостоятельную жизнь как зазнавшийся и бьющий баклуши недоросль, а вовсе не как необузданный гений. Он сам делает себе упреки. По своему материальному положению он, как и тысячи других, легко мог бы получить школьное образование, но оно было ему не по нутру. Следов самообразования у него тоже не замечается, за исключением беспорядочной страсти к чтению и театру; особенно восторгался он Вагнером. Одним словом, Гитлер имел все данные, чтобы превратиться в то, что называют «фруктом».

Но к счастью для него дела его пошли плохо. Уроки и стипендии прекратились; пришлось взяться за работу, за какую бы то ни было работу. Однако он не знал никакой работы. Поэтому он становится подручным рабочим на постройке в Вене. Еще недавно студент, художник, гений—он носит теперь кирпичи; а между тем от отца он унаследовал уважение к чиновной иерархии. Только сильная натура может перенести такой прыжок с высоты, не сломав шеи. Молодой Гитлер—не такая сильная натура. Но он достаточно крепок, чтобы сохранить свое лицо, а это значит для него: не стать «пролетарием».

В теоретическом отношении он склоняется к социал-демократии. Но практически этот юнец должен еще всему учиться. Первый жизненный опыт, с которым он сталкивается, это—солидарность рабочего класса. Товарищи по работе пытаются заставить его вступить в профсоюз. Как, его, художника! Здесь Гитлер, вынужденный на время стать рабочим, проводит резкую грань между своей судьбой и судьбой пролетария: «Моя одежда была еще приличной, выражался я литературно, вел себя сдержанно. Я лишь искал работы, чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать образование хотя бы урывками. Я вообще, быть может, не обратил бы никакого внимания на окружающую меня среду, если бы не...» Да, если бы эта среда сама не обратила на него своего внимания и не потребовала его вступления в профсоюз, с помощью которого рабочий защищает свои скромные права.

Гитлер наотрез отказался. Он не может и не желает стать товарищем людей, которые «всё отвергают»: нацию как выдумку класса капиталистов, отечество как орудие буржуазии для эксплоатации рабочего класса, закон как инструмент для угнетения пролетариата, школу как институт для воспитания рабов, мораль, как печать глупого овечьего долготерпения.

Ближайшим результатом было то, что товарищи прогнали Гитлера с места его работы. Это зародило в нем его «антимарксизм».

Примерно в двадцать лет Гитлер переменил профессию и изучил архитектурное черчение. В политике он оставался наблюдателем; вероятно политические интересы стояли у него в то время не на первом плане. Веру в великую Германию, ненависть к монархии

Габсбургов он воспринял еще на школьной скамье в Линце. Это были вера и ненависть, характерные для активных элементов среди австрийских немцев, в особенности с 1897 г., со времени издания графом Бадени[11] благоприятных чехам «распоряжений о языках», со времени возникновения в восьмидесятых годах немецко-национального движения под руководством Шенерера и Вольфа[12].

В столице государства, населенного немцами, славянами, мадьярами, итальянцами и румынами, расовый вопрос вставал сам собой. Его специфическое проявление—антисемитизм имел в Вене, в которой живет много евреев из восточных провинций, чисто национальный характер и был господствующим направлением: бургомистром Вены был д-р Карл Люэгер[13], вождь христианско-социальной партии и застрельщик антисемитского движения. Этот выдающийся человек произвел на Гитлера сильное впечатление, во всяком случае гораздо более сильное, чем существовавшие уже тогда австрийские национал-социалисты. С последними он не имел ничего общего. Но антисемитизм Люэгера имел в виду уничтожение еврейства путем крещения. Из Гитлера же развился зоологический антисемит, для которого все дело в наследственных признаках, а убеждения не играют никакой роли. Однако, согласно изложению Гитлера, все это имелось у него в годы, когда он жил в Вене, только в зародыше. Что он оставил Вену уже антисемитом—это возможно. Был ли он тогда уже, как он утверждает, сложившимся «антисемитом», в этом можно усумниться.

По званию своему архитектурный чертежник, на самом же деле маляр, Гитлер переселился в 1912 г. в Мюнхен, где почувствовал себя гораздо лучше, чем в Вене. Что отравило ему пребывание в Вене, мы не знаем. Мюнхен стал его второй родиной. В австрийской армии ему не пришлось служить, так как по состоянию здоровья он был признан непригодным к военной службе. В середине августа 1914 г. он, как и другие его сверстники, поступил в армию добровольцем, а именно в 16-й баварский резервный полк. Этот полк понес особенно тяжелые потери. Предоставим спор о солдатских подвигах Гитлера любителям такого рода полемики; так или иначе он получил орден Железного креста первого класса. Для ефрейтора—редкое отличие, хотя по свидетельству его позднейшего друга Рема его легче было получить при штабе, к которому Гитлер был прикомандирован, нежели в окопах. В 1916 г. Гитлер отклонил австрийское требование о переходе в австро-венгерскую армию. В конце войны он чуть не ослеп вследствие отравления газами. Второй раз организм Гитлера во власти тяжелой болезни, и у него появляются черты истерии.

Двадцатидевятилетний Гитлер, переживший германскую революцию в Пазевалькском лазарете, отличается многими талантами и недостатками. За свои достоинства ему приходится расплачиваться: он не дозрел до среднего уровня своих сверстников; у него больше мыслей в голове, чем у них, он много читал и думал, но ему чужды рассудительность и нормальные чувства прочих людей. Как сообщают его товарищи, в роте Гитлера считали ненормальным, и он не имел друзей. Но такая психика имеет также свои преимущества. Гитлеру не импонирует банальный здравый рассудок, он не боится

суда толпы. Инфантильная черта становится его преимуществом как пропагандиста; он увлекает за собой слушателей с такой же беззаботностью, с какой нервное дитя тиранизирует семью.

Зиму 1918/19 г. Гитлер провел при запасном батальоне своего полка в Траунштейне, в Верхней Баварии. В дни советской республики—он снова в Мюнхене в полку. Передают его высказывания в этот период в кругу товарищей: он иногда заявлял себя сторонником социал-демократии большинства, говорил даже о своем вступлении в эту партию. Если Гитлер действительно говорил это, то несомненно из тактических, а не принципиальных соображений. Тогда немало людей считали эту социал-демократию правой партией, которая давно утратила свое довоенное лицо и не обрела еще нового.

СОЛДАТЫ ИЩУТ СЕБЕ ПАРТИЮ

После завоевания Мюнхена рейхсвером и добровольцами Гитлер исполняет при втором пехотном полку работу, которая не каждому была бы по душе; он работает в следственной комиссии по делам революции и составляет обвинительные акты. Предавать палачу лежачего врага стало для этого человека, так хорошо умеющего ненавидеть, настоящим наслаждением. Будущий «трибунал мести», «летящие с плеч головы»—во всем этом Гитлер упражняется уже во втором пехотном полку.

Решающее значение для карьеры Гитлера имели военно-политические курсы, на которые он записался. На этих курсах он в июне 1919 г. впервые услышал лекцию Готфрида Федера и пришел от нее в восторг. Эти солдаты контрреволюции хотели быть не только солдатами, они хотели основать свою партию. Гитлер стал их оратором и идеологом, заимствовав программу у Федера. Разграничение между «продуктивным» и «спекулятивным» капиталом встретило также горячее одобрение начальника Гитлера, майора Хирля[14].

После антисемитской речи, произнесенной Гитлером на дискуссии в этом кругу, его начальство решило, что он вполне подходит для роли «офицера-лектора» в каком-нибудь мюнхенском полку. Задачей этого офицера было читать солдатам политические лекции; надо было снова научить солдат «мыслить и чувствовать в национальном и патриотическом духе», как это было до революции. Гитлер использовал эту возможность, чтобы наловчиться в ораторских выступлениях, в особенности, чтобы укрепить свой голос, пострадавший от отравления газами. Многие из его тогдашних слушателей образовали впоследствии часть гитлеровской партии.

Вспомним, что Федер, новый знакомый Гитлера, был покровителем «германской рабочей партии» Дрекслера и Харрера и читал доклады на ее собраниях. Таким образом имелась нужная связь. В довершение Гитлер получил служебное поручение познакомиться с этой партией. Дело в том, что рейсхвер, выросший из добровольческих отрядов, проявлял тогда чрезвычайный интерес к политике. Он искал партию, которая проводила бы политику военщины, точнее—с помощью которой военщина могла бы проводить свою политику; он,

так сказать, искал лафета для своего орудия. Гитлеру принадлежит та заслуга, что он нашел партию для политиканствующих офицеров мюнхенского рейхсвера и с помощью своих покровителей приспособил ее для надобностей последнего.

При первом своем посещении собрания дрекслеровцев—оно состоялось в задней комнате одной из мюнхенских пивных—Гитлер дал волю своему темпераменту и разгромил в страстной речи оратора, выступавшего на дискуссии в партикуляристском[15] духе. Это заслужило ему внимание со стороны Дрекслера, который пригласил его вступить в партию. Гитлер согласился и стал членом партии, получив членский билет № 7 «политического рабочего кружка», а не самой партии, которая тогда уже несколько выросла. Это произошло в июле 1919 г. Наряду с этим Гитлер оставался в полку еще три четверти года, до 1 апреля 1920 г. Он был тогда уже известным оратором, «народным демагогом» и мятежником, но рейхсвер все еще давал ему средства к жизни.

Дрекслеровцы принадлежали к числу тех людей, для которых полное согласие семи товарищей по каждому отдельному пункту было важнее, чем согласие тысяч людей с отдельными пунктами их требований. Этот педантизм, убивавший всякое живое дело, можно сказать и толкнул Гитлера на путь диктатуры в кружке. В начале она приняла форму борьбы между отделами партийного аппарата. Гитлер взял на себя область пропаганды и не позволял никому другому вмешиваться в это дело. Устроить ли массовку, на какую тему, в каком помещении—все это решал исключительно он один. Зато такого важного вопроса, как заказать для общества круглую или квадратную печать, он совершенно не касался.

Но это разделение функций удалось не сразу. Весь 1919 г. прошел в ожесточенной и смехотворной склоке внутри кружка. В частности «имперский председатель» партии Харрер был против выдвижения члена № 7 в качестве оратора. Он ценил Гитлера, но считал его плохим оратором. Первые ораторские успехи Гитлера тоже не заставили Харрера изменить свое мнение. Когда Гитлер в октябре 1919 г. выступил впервые на открытом собрании—еще не очень многочисленном, набралось всего несколько сот слушателей,—после его речи на эстраду поднялся Харрер и обратился к публике с предостережением против буйствующего антисемитизма. В этот период партия считала себя еще «левой».

Тема этого первого публичного выступления Гитлера была «Брест-Литовск и Версаль»,—настоящая тема для рейхсвера, также как и Брестлитовский мир был настоящим рейхсверовским миром. Гитлер доказывал—возможно, что по поручению свыше,—что Версальский мир никоим образом не следует считать справедливой карой за тяжелые условия Брестлитовского мира. Итак, первые же публичные выступления новой партии относились к вопросам внешней политики. Лично Гитлер больше предавался размышлениям об уничтожении «процентного рабства» и о роли еврейства; но партия желала прежде всего стать рычагом внешней политики. Такова была также мысль Дрекслера, который все предоставлял верховному командованию,

всецело на него полагаясь. Верховного командования уже не существовало, но новое движение попрежнему сохранило характер такого рычага: это не было движение рабочих за дело рабочих, а движение за дело «нации», причем эта «нация» на деле находилась в лагере офицеров рейхсвера, Эппов и Ремов. Их ученик Гитлер работал теперь в качестве сапера, выполняющего известную предварительную работу для будущего овладения определенными политическими позициями.

ПРОГРАММА √

Благодаря настояниям Гитлера, главной темой дискуссий в кружке стала проблема: «70 или 70 000» (членов)? Гитлер уже отлично знал, в чем заключается сущность пропаганды: в воздействии на широкие массы, в уменьи сосредоточить свою пропаганду в немногих пунктах, в постоянном повторении этих пунктов, в нарочитой формулировке их текста в виде раз навсегда данных утверждений, в чрезвычайной настойчивости при их распространении и в таком же долготерпении при выжидании результатов. Все это очень толково доказывалось Гитлером, но убедило других далеко не сразу. Дело дошло до раздора, который окончился в январе 1920 г. уходом Харрера с поста «имперского председателя» партии.

Тем временем с партией сблизился новый покровитель—врач д-р Иоганнес Дингфельдер. Он писал в националистических газетах под псевдонимом «Германус Агрикола». Его писания можно скорее всего назвать экономической мистикой в немецко-националистическом духе. Федеровская более или менее конкретная агитация против «процентного рабства» приняла у Дингфельдера формы борьбы против «гордыни денег», «иллюзии денег» и т. п. Ему мерещилась гибель человечества в результате общего сокращения производства—так сильно действовало тогда на умы тяжелое продовольственное положение Германии, отголосок английской блокады. Дингфельдер предвидел, что «природа забастует, сократит свои дары, а остальное съедят черви». Дингфельдер, а не Гитлер был главным оратором на окутанном ныне легендами собрании 24 февраля 1920 г. в мюнхенском ресторане Хофброй, на котором была принята программа партии.

Гитлер изображает в своей книге это собрание очень односторонне. Центром внимания на собрании в действительности был доклад Дингфельдера, встреченный присутствующими спокойно. Гитлер вместе с Федером и Дрекслером выработал известные 25 программных пунктов и зачитал их на собрании под шум и шикание противников. Так эти 25 пунктов были преданы гласности; однако никто не уделял им в дальнейшем внимания. «Фелькишер беобахтер» не упоминает о них ни единым словом. Что касается самого собрания, то его кульминационным пунктом была резолюция протеста против предоставления еврейской общине муки на выпечку мацы (пасхальных опресноков).

У нас как-то мало обращают внимания на то, что в действительности не существует программы национал-социалистической германской рабочей партии, а есть только программа «германской рабочей партии». Так называлась партия еще во время своего первого публич-

ного выступления. Что касается Гитлера, то он лично охотнее всего дал бы ей тогда название «социально-революционной партии».

Двадцать пять пунктов не имеют значения подлинной программы; как средство пропаганды они тоже не имели того успеха, которого ожидали от них Федер и Дрекслер. Однако, поскольку в этих 25 пунктах так или иначе сказался дух партии, нельзя оставить их без рассмотрения. Приводим их текст:

«Программа германской рабочей партии является программой на известное время. Вожди партии отказываются выставить по достижении целей этой программы новые цели, выставить исключительно для того, чтобы путем разжигания недовольства масс обеспечить возможность дальнейшего существования партии.

1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права самоопределения народов.

2. Мы требуем равноправия немецкого народа с другими нациями, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем территории и земли (колоний) для пропитания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения.

4. Гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу. Принадлежать к немецкому народу может только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, без различия вероисповедания. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу.

5. Кто не является гражданином государства, может жить в Германии только на правах гостя и подлежит законам о чужестранцах.

6. Право участвовать в управлении и законодательстве государства может принадлежать только гражданину государства. Поэтому мы требуем, чтобы каждую общественную должность, безразлично какую и безразлично на службе ли империи, одного из союзных государств или общины, могли занимать только граждане государства.

Мы боремся против развращающей парламентской практики назначения на ту или другую должность исключительно по партийным соображениям, не считаясь с характером и способностями людей.

7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о заработке и пропитании граждан. Если невозможно прокормить все население государства, необходимо выслать из империи представителей других наций (лиц, не являющихся гражданами государства).

8. Необходимо воспрепятствовать всякой дальнейшей иммиграции лиц не-немецкого происхождения. Мы требуем, чтобы всех лиц не-немецкого происхождения, поселившихся в Германии с 2 августа 1914 г., немедленно заставили покинуть страну.

9. Все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности.

10. Первым долгом каждого гражданина должен быть творческий труд, умственный или физический. Деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества, она должна протекать в рамках целого и на пользу всех.

Поэтому мы требуем:

11. Отмены нетрудового дохода, уничтожения процентного рабства.

12. Ввиду колоссальных жертв—людьми и имуществом, которых каждая война требует от народа, личное обогащение на войне должно считаться преступлением по отношению к народу. Мы требуем поэтому полной конфискации всех военных прибылей.

13. Мы требуем огосударствления всех уже (до сих пор) обобществленных производств (трестов).

14. Мы требуем участия в прибылях крупных предприятий.

15. Мы требуем широкого и систематического обеспечения престарелых.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и отдачи их в аренду по дешевой цене мелким торговцам, особого внимания к интересам мелких промышленников и ремесленников при поставках для государства, провинций и общин.

17. Мы требуем земельной реформы, отвечающей национальным потребностям, издания закона о безвозмездной конфискации земли для общеполезных целей, отмены поземельной ренты и запрета всякой спекуляции землей.

18. Мы требуем беспощадной борьбы против нарушителей общественных интересов. Преступники перед народом, ростовщики, спекулянты и т. п. должны караться смертной казнью независимо от своего вероисповедания или расы.

19. Мы требуем замены материалистического римского права немецким народным правом.

20. Для того чтобы дать возможность каждому способному и прилежному немцу получить высшее образование и таким образом достичь ответственного положения, государство должно провести коренную реформу всего дела нашего народного просвещения. Учебные планы всех учебных учреждений должны быть приспособлены к практическим потребностям. Школа должна внушать детям идею государства уже в самом начале их сознательной жизни (отечествоведение). Мы требуем обучения за счет государства особенно одаренных детей бедных родителей вне зависимости от сословия и профессии последних.

21. Государство должно заботиться о поднятии народного здравия: путем охраны матери и ребенка, запрещения детского труда, введения в законодательном порядке обязательной

гимнастики и спорта в целях поднятия физического уровня и наконец путем самой широкой поддержки всех союзов, занимающихся физическим воспитанием молодежи.

22. Мы требуем упразднения наемного войска и образования народной армии.

23. Мы требуем законодательной борьбы против сознательного политического обмана и распространения его через печать. Чтобы сделать возможным создание действительно немецкой печати, мы требуем:

а) все редакторы и сотрудники газет, выходящих на немецком языке, должны принадлежать к немецкому народу;

б) не-немецкие газеты нуждаются в особом разрешении со стороны государства; они не должны выходить на немецком языке;

в) всякое финансовое участие в немецких газетах или влияние на них должно быть по закону запрещено лицам не-немецкого происхождения; мы требуем, чтобы нарушения этого запрета карались закрытием газеты и немедленной высылкой из Германии провинившихся лиц не-немецкого происхождения.

Газеты, нарушающие интересы общественного блага, подлежат запрещению. Мы требуем законодательной борьбы против направления в искусстве и литературе, вносящего разложение в жизнь нашего народа, и закрытия издательств, которые нарушают вышеприведенные требования.

24. Мы требуем свободы всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не угрожают его существованию и не нарушают морального чувства германской расы.

Партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая себя с тем или иным определенным вероисповеданием. Она ведет борьбу против еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас и убеждена, что длительное оздоровление нашего народа может последовать только изнутри на основе: общее благо выше личной выгоды.

25. Для проведения всего этого мы требуем: создания сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального политического парламента над всей империей и над всеми ее организациями, создания сословных и профессиональных палат для проведения общегерманских законов в отдельных союзных государствах Германии.

Вожди партии обещают неукоснительно бороться за осуществление вышеприведенных требований и в случае необходимости пожертвовать за нее собственной жизнью.

Мюнхен, 24 февраля 1920 г.»

Ключом к этой программе, обращающей на себя внимание своим корявым немецким языком, является последняя строка с датой. Авторы программы назвали ее «временной программой». В действительности это не только программа на время, но также программа своего времени, созданная для определенного времени. Это время

давно уже прошло. Борьба за влияние внутри партии заставила Гитлера в 1926 г. объявить эту временную программу незыблемой и неизменной, хотя сам он сомневается в правильности многих ее положений и в своей книге открыто высказывает эти сомнения. Дело в том, что в 1926 г. возникло новое национал-социалистическое движение, которое имеет уже мало общего со старой программой «мелкого люда».

Это была программа пангерманцев, переложенная на язык мещанства, в которой нашли отражение идеи революции и контрреволюции 1918—1919 гг. Она возникла еще до того, как национал-социализм в качестве партии, стоящей на платформе внутригерманского империалистского меньшинства, повел гражданскую войну против большинства нации, против массы, и уж тем паче до того, как у национал-социализма появилась претензия завоевать и перестроить умы большинства. Эта программа (1920 г.) еще не предъявляет притязаний на государственную власть, она лишь обращается к ней с требованиями. Вместо гордого «мы сделаем то-то и то-то» пункты программы начинаются демагогическими словами: «мы требуем».

Будущий вождь партии Гитлер сделал требование пангерманцев первым пунктом программы; в первом и во втором пункте нашел себе выражение внешнеполитический характер партии. От третьего пункта в его первоначальном смысле партия давно отказалась, объявив об этом во всеуслышание; она отвергает требование колоний вне Европы и требует вместо них расширения на восток.

Антисемитские пп. 4—8, 23 и 24 выражают победу Гитлера над Харрером, но пока еще только компромиссную победу. Это, так сказать, прилизанный, изысканный книжный антисемитизм, парящий в эмпиреях «народности» и еще весьма далекий от позднейшего лозунга: «бей жидов». Но эти пункты, на что редко обращают внимание, в случае надобности могут быть расширены; в следующие годы Гитлер в своих речах придал им в отдельных случаях свирепое расширительное толкование. Много позже, в 1928 г., он снова вернулся к более мягкой формулировке: евреи могут чувствовать себя в Германии хорошо, если будут прилично вести себя, но конечно к немецкому народу они не принадлежат.

П. 9 с его «равноправием» является явной уступкой духу времени. Государство в государстве, которое начинает образовывать национал-социалистическая партия 1930 г., покоится именно на неравенстве обязанностей; такой же характер носит государство будущего, которое защищают в своих речах главари партии.

П. 10—14 и 17 представляют собой социалистическую часть программы. Впоследствии партия забыла эти пункты в своих публичных выступлениях и в своей прессе, а за кулисами отреклась от них. П. 17 был попросту выброшен за борт. Зато п. 11, самый сомнительный, самый спорный и отвергаемый широкими партийными кругами (знаменитое «уничтожение процентного рабства»), получил важное значение, о котором и не догадывались авторы программы—они уразумели его значение лишь с большим опозданием. Этот пункт и отказ от п. 17 завоевывают для партии с 1929 г. сердца сельских хозяев, изнывающих под бременем долгов.

П. 15—«социальная» часть программы, п. 16, пожалуй,—гвоздь ее; мы имеем в виду то место, где говорится о среднем сословии. Поставленный перед альтернативой высказаться в пользу служащих универсальных магазинов или в пользу мелких торговцев, национал-социалистический «германский рабочий союз» в лице своей мюнхенской группы высказался в пользу лавочников.

Дипломатическим шедевром является п. 24, в котором подчеркнут нейтралитет партии по отношению к различным вероисповеданиям, причем этот нейтралитет связывается с «хозяйственной этикой» партии.

П. 23 можно было бы назвать культурной программой, которая сознательно и с верным практическим чутьем ограничивается вопросом о культурных средствах, содержание же культуры предоставляет ее собственному росту. В этом пункте пропагандист Гитлер заблаговременно обеспечил национал-социалистическому государству все орудия культурной пропаганды и сохранил за собой свободу пользоваться ими для тех или других целей. Здесь в программе имеется даже каламбур: как впоследствии пояснялось, п. б означает, что например газете «Берлинер тагеблатт» не возбраняется выходить в свет, но... на еврейском языке.

П. 25—о сильной имперской власти—детище Гитлера. Впрочем впоследствии Гитлеру придется в зависимости от обстоятельств иногда смягчать централизм. Впоследствии при изложении этого пункта Гитлер с особенным блеском проявил силу своего ораторского таланта, свое умение выражаться так, что слова его можно толковать в самом различном смысле. Скрижали своих принципов он окружил фейерверком риторики, в котором они теряют свои очертания и обманывают мишурным блеском. Так произошло впоследствии. Одно было ему ясно уже давно: хотя ему и пришлось в дальнейшем плыть по течению и использовать баварские настроения, тем не менее организованный баварский федерализм является его сильнейшим конкурентом. П. 25 подчеркивает: имейте в виду, это не баварская, не антипрусская программа. Государство покоится на силе, а не на договоре, германская империя—не союз государств, а единое государство с известными подразделениями; немцы не просто живут вместе на одной территории, а управляются единой властью. Центральная имперская власть должна быть мощным, железным кулаком, а не пастушеской идиллией.

Все прочие программные требования более или менее улетучились в процессе роста партии. Но это требование сохранилось, и в отношении его в первую очередь должно будет показать себя национал-социалистическое искусство управления.

ДВА ЧЕЛОВЕКА НАПАДАЮТ НА ГОРОД

На пороге 1920 г. Гитлер очутился, можно сказать, с глазу на глаз со своей сомнительной программой. В самом деле, кого еще имела партия, кроме него? Дитриху Эккарту мерещится буржуазное единение под знаком свастики. Федер конечно доволен программой, в которой имеется так много его идей, но для него важнее основанный им

в мае 1920 г. «Союз борьбы за уничтожение процентного рабства». Последний плохо вяжется с характером Гитлера и его грубоватых вояк. Этот союз «видит в отравлении нашей общественной жизни ненавистническим и неделовым методом борьбы результат погони за деньгами, слепой жажды денег и безраздельного господства золотого тельца». Да, вот какой была некогда программа национал-социалистического теоретика-экономиста! Плохой союзник для Гитлера, проповедующего «фанатизм и даже нетерпимость» как необходимые предпосылки победы и заявляющего своим приверженцам: «не бояться ненависти со стороны врагов нашей народности и нашего мировоззрения, а желать ее—вот наш девиз».

Впрочем в начале 1920 г. у Гитлера появился товарищ, который не был рядовой фигурой. Это—совсем молоденький журналист Герман Эссер[16]. Гитлер познакомился с ним в рейхсвере, где Эссер был референтом по вопросам печати. Это не скромный мечтатель, не тихий рабочий, а крикун и скандалист; он умеет поднимать шум и понимает толк в этом искусстве чуть ли не лучше самого Гитлера. Последний, говоря о «еврейском вопросе», прибегает к образам, часто вплетая в свою речь народные прибаутки; Эссер же сделал открытие, что еврейский торговец обувью Х. незаконно получил в Мюнхене квартиру в семь комнат. Рисуя роскошный образ жизни своей жертвы, Эссер доводит до белого каления своих бедно одетых слушателей, все еще живущих пайком, получаемым по хлебным карточкам. Он словно сорвался с цепи; как и Гитлер, он—демон ораторского искусства, но гораздо более низкого пошиба. В своем тоне и манерах он не знает никакого удержу; они не делают привлекательным самого оратора, но зато с убийственной меткостью бьют его противников. У Гитлера все еще существуют сдерживающие центры; но они совершенно отсутствуют у этого безусого юноши, который в ноябре 1918 г. основал в Кемптене революционный совет школьников, требовал в солдатском совете виселицы для ряда буржуа, а в 1919 г. еще гастролировал в одной из социал-демократических газет. Свою настоящую политическую линию Эссер нашел, только очутившись в рейхсвере. Словом, это тип далеко не идеальный. Даже Гитлер, сам не стеснявшийся в выражениях, впоследствии никогда не выпускает на передний план своего старейшего соратника. Но в первые годы этот человек был незаменим хотя бы потому, что кроме него не было никого другого.

Не следует думать, что оба незнакомца—Гитлер и Эссер—завоевали город Мюнхен сразу, одним бешеным натиском; не следует думать, что первые устроенные ими собрания были чем-то из ряда вон выдающимся. В своих речах и писаниях Гитлер изображает дело так, будто буржуазия в то время вообще не в состоянии была устраивать больших политических собраний; это просто неверно. Напротив, «союз народного наступления и обороны» устраивал довольно часто массовые собрания, на которых слушатели приходили в дикий восторг, когда выступал например антисемитский агитатор Керлен или руководитель движения заграничных немцев д-р Ромедер. Этот союз одно время насчитывал 100 тыс. членов, разбросанных по всей Германии.

Кто в то время публично выступал в Мюнхене против евреев, тому заранее был обеспечен успех, а национал-социалистическая партия была вначале для публики не чем иным как одним из многих антисемитских обществ. Такие выступления вовсе не были сопряжены с опасностью для жизни оратора, как это теперь представляет Гитлер. Со времени подавления советской республики красные были более или менее запуганы; впрочем они и до того терпеливо выслушивали на своих собственных собраниях выступления противников. Конечно бывало, что поднимался шум и оратора прерывали, когда, скажем, он называл социал-демократических лидеров бандой изменников, подкупленных евреями. Но это не выходило из обычных границ и было далеко от «систематического террора на собраниях».

БОРЬБА ПРОТИВ ВЫУТЮЖЕННЫХ БРЮК

В действительности самым опасным врагом для агитаторов из буржуазного лагеря была тогда сама же национал-социалистическая партия. Она еще не срывала тогда собраний буржуазии, но уже ожесточенно конкурировала со своим более мягкотелым соперником и немилосердно побивала его. Буржуазный редактор газеты «Мюнхенер нейесте нахрихтен» д-р Герлих, в настоящее время резкий противник национал-социализма, изобрел в то время понятие «марксизма» в том полемическом смысле, который оно имеет теперь: «марксисты»—это все социалисты, входящие в интернационалы, безразлично—будь то социал-демократия, независимые или коммунисты. Постепенно национал-социалисты сами усвоили этот великолепный лозунг («против марксизма»), но зато потом они без разбора пользовались им почти против всех своих противников. Сам изобретатель этого лозунга впоследствии попал под подозрение как «пособник марксизма» и «товарищ евреев».

Помимо этого представлялось достаточно случаев для конкуренции, на которой юный национал-социализм оттачивал свой клюв. Тогда например существовала «немецкая социалистическая партия», пользовавшаяся милостью тех же покровителей; она была крупнее национал-социалистической и в апреле организовала заправский съезд в Ганновере. В ее программу вошли некоторые тезисы Федера; эта программа была более выдержана в духе земельной реформы, нежели программа соперника; в нее вошли также некоторые мысли Германуса Агриколы. Самым сильным агитатором ее был народный учитель Штрайхер[17] в Нюрнберге. Эта партия отважилась даже выставить своих кандидатов на выборах в рейхстаг в 1920 г. (национал-социалисты не сделали этого тогда только из-за недостатка средств), но потерпела провал.

Больше успеха имел другой конкурент в северной Германии: «немецко-социальная партия» Рихарда Кунце, по прозвищу Кунце с дубинкой, который ныне стал рядовым членом партии Гитлера. Этот Кунце не побоялся выступить за требование Федера, которое не решился поддерживать Гитлер; требование это—государственное банкротство. Вначале Федер требовал допущения всех военных

займов к обращению в качестве платежного средства; повидимому он не боялся инфляции, тогда еще неизвестной. Но потом у него появилась мысль об аннулировании государственных долгов, которое должно было нанести смертельный удар ссудному капиталу; как известно, это аннулирование впоследствии с успехом совершила инфляция. Так или иначе Кунце снискал себе славу грозного агитатора, и его молодой партии предсказывали большую будущность.

Эти соперники боролись за душу народа, переживающего социальную встряску. Что же касается антисемитизма, то несомненное преимущество, казалось, имели союзы, стоявшие на платформе «народности», так называемые «фелькише»; только они, казалось, обладали подлинным кольцом Нибелунгов.

Итак—борьба. Против немецкой социальной и немецкой социалистической партий было выдвинуто прежде всего новое многообещающее название организации. Через посредство чешского немца, д-ра Александра Шиллингса, партия связалась с национал-социалистами бывшей габсбургской империи. Среди них как раз шел тогда спор о том, принять ли им название национал-социалистической р а б о ч е й партии; венцам не нравилось слово «рабочая». В Мюнхене в свою очередь пререкались из-за слова «социалистический», но в конце концов оно было принято против воли Гитлера. В апреле 1920 г. партия Антона Дрекслера, которая называлась до сих пор «германская рабочая партия», приняла название «национал-социалистическая германская рабочая партия».

Вскоре произошли первые стычки с буржуазией. Один из основателей партии, Оскар Кернер выступил на собрании «народного союза обороны» как открытый враг, издевался над тем, что «фелькише» не имеют ровно никакого представления о чувствах народа, что народ не идет за ними и т. д. В результате происшедших трений последовала смена редакции, а в конце концов и собственника газеты «Фелькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»). Редактор Келлер—теперь он снова референт в Коричневом доме—весьма надменно заметил, что идея «фелькиш» (народности) ни в коем случае не может быть запряжена в колесницу какой-либо одной партии. По этому поводу Гитлер публично обвинил его в малодушии, а Кернер написал сердитое письмо в редакцию: он протестовал против того, чтобы его объявляли пролетарием-социалистом только потому, что у него, быть может, не выутюжены брюки.

Кернер был одним из рядовых, оставшихся безымянными членов партии, но в нем говорила душа всей партии: ненависть одновременно и к имущей буржуазии и к пролетариату.

ПЕРВОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Спор был улажен, он должен был быть улажен. Национал-социалистическая партия была еще недостаточно сильна, чтобы повести открытую борьбу против своих конкурентов, в особенности с тех пор, как Гитлер 1 апреля 1920 г. вышел из состава рейхсвера. Он вынужден был отныне искать себе заработка, хотя бы частичного; другую часть

вносили друзья: Дитрих Эккарт и др. На некоторое время Гитлер становится разъездным оратором «союза народной обороны», выступая со своим докладом «Брест-Литовск и Версаль». За выступления на национал-социалистических собраниях он отказывался брать гонорар, но здесь он берет его.

Уже тогда ему причиняла беспокойство его наспех набросанная программа. В августе 1920 г. он заявил на собрании в Мюнхене: для национал-социалиста само собой разумеется, что борьба ведется не против созидающего ценности промышленного капитала, а только против еврейского интернационального ссудного капитала. Это уже отказ от п. 13 программы. Зато непомерно раздувается п. 15 «каждому трудящемуся государство должно гарантировать жизненный минимум». Этот фантом государства-благотворителя оставил далеко позади себя все, что было сделано на этом поприще за последние годы.

ПОМОЩЬ СВЕРХУ

Тем временем волна большой политики чуть было не смыла эту малую партию; время этой партии еще не настало. В Берлине провалился путч Каппа[18]; зато в Мюнхене 13 марта 1920 г. рейхсвер и добровольцы свергли буржуазно-социал-демократическое правительство Гофмана[19] и поставили правительство Кара[20]. К этому делу приложил руку также и Рем, но офицер-лектор Гитлер остался здесь непричастным. В офицерский круг Рема, игравшего роль «железного кулака», Гитлер был введен лишь как гость, представлявший желательную политическую связь с низами. В остальном деятельность Гитлера ограничивалась тем, что он устраивал собрания и организовал «центральное бюро» партии—убогая комнатушка в одной из пивных старого Мюнхена, обставленная несколькими шкапами и полками.

Перемена правительства имела важные последствия для судьбы партии. Последняя стала теперь официальным фаворитом, ее хвалил в ландтаге министр-президент Кар, она пользовалась поддержкой полиции. Сам Кар был скорее подставным лицом, ширмой; тем активнее помогали ей полицей-президент Пенер[21] и его помощник д-р Фрик[22], руководитель политического отделения.

Пенер был вылощенным чиновником и даровитым человеком; его баварский монархизм был весьма далек от типичного баварского добродушия и весьма близок к грубому прусскому монархизму. Он был совершенно глух к веяниям времени, не понимал их даже как враг: он не отвергал их, а просто не понимал. В душе его несомненно сидел бес, но это был бес бесстрастный.

Впоследствии он свысока заявил на суде, что после революции он целых 5 лет занимался государственной изменой и видел в этом свой святой долг.

Старший полицейский советник д-р Фрик, если отвлечься от его несколько тяжелого характера, как нельзя более подходил к роли заместителя при столь интересном начальнике; в этой роли он оказался впоследствии полезным для Гитлера. Правда, большим чутьем в политике он отнюдь не обладал; это он обнаружил и тогда, когда на-

меревался сделать своего партийного вождя жандармом в Гильдбургхаузене. Пенер и Фрик оказывали национал-социалистам всяческие полицейские милости и поддержку. На слова одного посвященного: «Г-н полицей-президент, организации политических убийц у нас действительно существуют», Пенер иронически заметил: «Тэк-с, тэк-с, но их слишком мало». Впрочем небольшой «рабочей партии» Гитлера перепадали пока только те милости, которые вытекали из общего благосклонного отношения ко всему «национальному»; до начала 1923 г. политически более важными были другие группы. Но так как национал-социалисты выступали всегда нахальнее других, им приходилось прибегать к благосклонности полиции чаще, чем их конкурентам.

Скандалы и рукопашные схватки на собраниях и на улице доставили партии первое преимущество над ее немецко-социалистическими соперниками и над «фелькише». Она получила сомнительную славу, но это было гораздо лучше, чем полная безвестность ее конкурентов. А далее пришли на помощь разные счастливо подвернувшиеся случаи. Какой-то мюнхенский раввин пытался на национал-социалистическом собрании опровергать антисемитизм—присутствующие конечно бесновались. Результат был тот, что впредь на каждом национал-социалистическом плакате значилось: «Евреям вход воспрещен». Это действовало еще сильнее, чем самые острые нападки на республику, которые и без того позволял себе в тогдашнем Мюнхене каждый ротозей. Это служило доказательством того, что национал-социалисты дьявольски серьезно относятся к своему антисемитизму, что их ненависть неподдельна,—и эта неподдельность нравилась массе, которой за два последние года надоели общие места политической агитации.

Национал-социалистическая пропаганда—набор крикливых слов и грубых действий—стала выливаться в определенную форму. Однако, ранее чем это можно было предвидеть, движение получило второе духовное крещение: на съезде в Зальцбурге оно объединилось с австрийским национал-социализмом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЪЕЗД В ЗАЛЬЦБУРГЕ

Понятие и название «национал-социализм» существовали в Австрии еще до войны. Уже в девяностых годах прошлого столетия Людвиг Фогель и Фердинанд Бушовский основывали в немецких провинциях Богемии немецкие национальные рабочие союзы для борьбы как против чешских предпринимателей, так и против немецких социал-демократов. Итак, первые зачатки рабочего фронта против «марксистов и врагов народа» возникли из национальной борьбы в Австрии. Вскоре эта организация сблизилась с антисемитской «всенемецкой» партией Георга фон-Шенерера; когда же эта партия распалась вследствие склоки ее вождей Шенерера и Вольфа, распалась и рабочая организация. В 1904 г. в Моравии снова возникла небольшая «немецкая рабочая партия», которая в 1911 г. все же настолько окрепла, что провела несколько депутатов в рейхстаг и в моравский ландтаг, в том числе нынешних вождей ее Юнга и Книрша. На ее партейтаге в Иглау в 1913 г. речь шла уже о земельной реформе и о борьбе против ростовщичества и поземельной ренты. Как мы видим, доктрина Федера не является оригинальной даже в лоне самого национал-социалистического движения. 5 мая 1918 г. партия на съезде в Вене приняла название «австрийско-немецкой национал-социалистической партии», предложенное еще в 1913 г.

Однако, несмотря на программу и название, в партии не было согласия по важнейшим вопросам. Немцы из богемских провинций, возглавляемые Рудольфом Юнгом, подчеркивали рабочий и даже классовый характер партии; венцы, незначительная группа д-ра Вальтера Риля, не хотели и слышать об этом. Окончательное решение должен был вынести партийный съезд, который заседал 7 и 8 августа 1920 г. в Зальцбурге; на съезде участвовали также мюнхенские национал-социалисты, возглавляемые Дрекслером и Гитлером. Явились также «немецкие социалисты» из Дюссельдорфа, но уже по своей малочисленности они не играли роли рядом с многочисленной мюнхенской делегацией.

После доклада Юнга приняты были тезисы, в которых между прочим говорилось, что трудящийся может требовать и добиваться своих прав только в пределах своей народности, категорически выдвига-

лась формула: «не переворот и не классовая борьба, а целеустремленная, творческая реформа»; смотря по обстоятельствам, она могла вести и к национализации. Не моргнув глазом, авторы программы продолжают: «Вредна отнюдь не частная собственность сама по себе, поскольку она вытекает из собственного частного труда и функционирует в рамках, не нарушающих благо общества». Этот порочный круг поражает своим безотрадным недомыслием. Впрочем утверждения вроде того, что безвредное не может быть вредным, неизбежно находят себе приверженцев в эпоху, когда важнее уметь ненавидеть, чем логически мыслить.

Через год в Линце состоялась конференция представителей австрийских и германских национал-социалистов; на этой конференции Юнг добился того, что отказ от классовой борьбы был специальным решением вычеркнут из программы и вместо него внесен был в программу следующий изумительный тезис: «Германская национал-социалистическая рабочая партия является классовой партией созидающего труда». Юнг мотивировал это почти по-марксистски: в народном хозяйстве существуют только две группы, находящиеся в противоречии друг к другу,—это люди, которые занимаются созидательным трудом, и те, которые получают нетрудовой доход. Следовательно национал-социалисты—классовая партия, с той лишь разницей, что понятие класс охватывает не узко очерченный слой; рабочими являются все, живущие своим трудом—физическим или умственным,—стало быть вся масса экономически слабых в нашем народе. В этом смысле партия и стоит-де на платформе классовой борьбы, правда, не в плоскости экономического переворота, а в рамках реформы.

Эти тезисы могли бы войти в гейдельбергскую программу[23] германской социал-демократии; их не могла однако принять ни венская группа национал-социалистов, ни мюнхенское движение, достигшее уже солидных размеров. Ни венцы, ни мюнхенцы не могли согласиться с тем, что две части нации находятся в естественной противоположности друг к другу. Напротив, Гитлер незадолго до зальцбургского партейтага возвестил: «В рядах нашей партии нет места для рабочих, сознающих себя как класс, точно так же как нет места для буржуа, сознающих себя как сословие». Так сказал Гитлер; но как же быть с подчеркивающим свое социальное происхождение буржуа, и членом партии Кернером, который несмотря на невыутюженные брюки, не желал быть пролетарием? А между тем партия состояла из таких людей, как Кернер. Гитлер обладает великим умением заговорить слушателя, отвлечь его от реальности жизни или, как сказал однажды Федер: «приспособить не нашу программу к фактам, а факты к нашей программе».

Но летом 1920 г. Юнг еще далеко не дошел до этого. Он был еще достаточно близок к мюнхенцам и мог оказывать на них влияние. Гитлер не выступал на партейтаге вовсе, представителем мюнхенцев в президиуме был Дрекслер. Мюнхенская партия стала членом «междугосударственной канцелярии национал-социалистической партии немецкого народа», но эта «канцелярия» оказалась на деле пустым местом. Тем важнее было идейное влияние зальцбургского партейтага.

Это влияние исходило от Рудольфа Юнга. Последний уже тогда имел совершенно отчетливое представление о пагубной роли мировой демократии, о связи между интернациональным «мамонизмом» и государственными формами либерализма, об антинемецком характере западной демократии и т. п. Мюнхенцы не дошли еще тогда до таких простых истин. Дрекслеру они были не по силам; Федер не любил примешивать к своей экономической теории высокую политику, эстетствующее политиканство Эккарта не нуждалось в подобных шаблонах, а Гитлер был в состоянии использовать ту или другую идею лишь тогда, когда она приобретала форму, в которую ее можно было бы облечь. И вот он узнал теперь от Юнга, что еврейской нации свойственно все более подчинять своему влиянию другие народы; что реформация Лютера была половинчатой, так как не отделила христианства от ветхого завета; что западный «мамонизм» и восточный большевизм лишь кажущиеся противоположности, а на самом деле союзники, одинаково ставящие себе целью водворение еврейского господства над миром. Гитлер узнал теперь, что международная демократия есть не что иное как политический продукт еврейского духа, что надо поэтому отказаться от парламентаризма и обратиться к сословному строю. Юнг указал также обоих главных виновников слабости Германии; последняя имела: 1) самую сильную в мире социал-демократию и 2) самую сильную клерикальную партию, а наряду с ними очень сильно было также влияние еврейского свободомыслия. То, что жило в смутных представлениях и несвязном лепете Дрекслера, получало в устах Юнга осязательную форму: в мировой войне, политическом перевороте, похожем на великое переселение народов, на стороне Антанты стоял индивидуализм, на стороне же Германии—конечно социализм. Марксизм, видите ли, только карикатура на последний; «социализм есть общее творчество, общая воля. Социализм—это национальный характер германцев, это дух германского народа, он заключается во взглядах на труд как на нравственный долг». Социализм носит столь немецкий характер, что даже Германия Вильгельма II была «единственным государством, в котором, можно сказать, социализм осуществлялся во имя самого государства».

Каждая из этих «доктрин», взятая в отдельности, не являлась новым откровением. В этом духе распространялись уже Лагард, Г. Ст. Чемберлен, Шпенглер[24] (к которому в этих кругах, вообще говоря, относились с недоверием), русские эмигранты. Но только из синтеза всего этого получилось то, что можно назвать национал-социалистическим мировоззрением. Юнг первый говорит о «мировоззрении» национал-социализма, задолго до того, как Гитлер поставил на эту высоту свою собственную политическую проповедь. Еще больше подходит сюда название «немецкий социализм», ибо это учение весьма сильно отличается от того «интернационального» национал-социализма, который распространял впоследствии Розенберг[25] и который Меллер ван-дер Брук[26] определил формулой: «каждый народ имеет свой собственный социализм». Впрочем Гитлер не придает особого значения подобным различиям.

Таким образом возникло учение с богатой фразеологией, допускающее много различных толкований, приемлющее одновременно и социалистическую реформу и государство Вильгельма II. Оно отвечало духовным запросам честных патриотов, которые желали «сделать революцию», но вместе с тем не желали отказываться от прошлого. Национальный социализм 1926—1928 гг. пытался основательно расчистить эту оранжерейную коллекцию противоречащих друг другу взглядов, но именно поэтому и не смог удержаться в партии.

Юнг первый дал также цельное изображение врага—и это, пожалуй, было самое важное. Здесь были свалены в одну кучу совершенно различные вещи только на том основании, что против всех их велась борьба. Впоследствии это чучело врага, искусственно склеенное из многих врагов, получило название «системы».

ЗА КОГО СРАЖАЕТСЯ ГИТЛЕР?

Как и в ряде других случаев, вражда существовала здесь уже тогда, когда и врага-то еще не было налицо.

Германия окончила войну далеко не блестяще. Она не одержала победы над превосходными силами неприятеля, как некогда Нидерланды; она не погибла в пламени поражения, как Карфаген или Мексика. Вместо всего этого ее фельдмаршал просто разнервничался, император бежал, а у народа не оказалось сил для революционного сопротивления. Обвинять ее в этом было бы столь же бессмысленно, как, скажем, упрекать парижан, капитулировавших в 1871 г. перед лицом голода. Однако на ней лежит другая вина: непонимание происходящего, граничащее с невменяемостью. Крушение страны крикливо объявили победоносной революцией, тогда как на самом деле никакой революции не произошло. Поднятие красного флага не было ни великим достижением, ни великим преступлением; но настоящим грехопадением «революции» было то, что она тут же обратилась к свергнутым ею с просьбой не отказать ей в своем сотрудничестве и что в уплату за это «сотрудничество», которое на деле вскоре же привело к передаче власти в старые руки, флаг втихомолку был спущен. Особенно скомпрометировало революцию то обстоятельство, что никто не имел смелости действительно управлять от имени революции. Те, кто менее всего был повинен в революции, были названы «народными уполномоченными» и по недоразумению попали на страницы мировой истории в роли якобинцев. Если бы правительство имело перед глазами определенную цель, вместо того чтобы опрашивать избирателей, не имеющих таковой; если бы оно предложило нации какой-нибудь план, вместо того чтобы поручать его выработку либеральным профессорам; если бы правительство обещало обновление, вместо того чтобы взывать к спокойствию и порядку как к чему-то самому главному,—если бы правительство повело себя таким образом, то с его стороны даже подписание Версальского договора было бы еще революционным актом. Вместо всего этого оно выступило в роли делопроизводителя императорского правительства, которое

не желало само подписать мир, чтобы не марать себе рук принятием унизительных условий.

Правда, кто знает обстановку тогдашнего времени, тому понятно, что все это нелегко было сделать, а кто знаком с действующими лицами, тот знает, что ничего другого от них и ожидать нельзя было. Союз Спартака пытался действовать решительно; независимые также готовы были проявить некоторую активность. Но эти политики были до известной степени в плену у буржуазных настроений, сами того не замечая. Дело в том, что германская буржуазия вначале вовсе не была настроена контрреволюционно. Знаменитый «переход на почву фактов» (признание переворота 9 ноября.—*Ред.*) не был исключительно актом трусости; в нем как бы заключалось молчаливое согласие и готовность «признать» великие события. Но когда со стороны революционеров не последовало великих действий, тогда снова начала действовать буржуазия, причем она действовала уже так, как предписывала ей ее природа, т. е контрреволюционно.

Но воспоминание об этой готовности примириться с подлинно революционным актом сохранилось. Превосходный писатель и зоркий наблюдатель эпохи, Иозеф Гофмиллер, обнародовал недавно в извлечениях свой дневник времен мюнхенской революции: даже в этом интимном дневнике нет почти никакой критики по адресу революционеров. Так сильно было тогда ощущение, что надо дать новому возможность проявить себя. Монархистские публицисты писали дифирамбы политическому обновлению страны. Когда же революционеры обманули ожидания, сама буржуазия догадалась, что она совершила ошибку, в которой ей теперь приходится раскаиваться. Она полностью подтвердила теперь ту характеристику, которую дал немцам Богумил Гольтц: «Наш народ имеет уравновешенный темперамент, но в мыслях склонен к крайностям, легко приходит в возбуждение благодаря фантастическим представлениям и воспоминаниям о прошлом, а в результате его мучат раскаяние и угрызения совести».

Национал-социализм—это нечистая совесть германской буржуазии.

В Мюнхене у буржуазии были особые основания иметь нечистую совесть. Вождем революции был здесь Курт Эйснер[27]—прототип радикализированного либерала, идеалист и мечтатель, писатель, слегка «богема», еврей из Северной Германии и вместе с тем человек, влюбленный в душу баварского народа, как почти все, кто близко соприкасался с ним. В противоположность большинству своих политических друзей он был федералистом; своими горячими нападками на Берлин он привлек на сторону мюнхенской революции местный национальный патриотизм баварцев. С помощью крестьян, уставших от войны и недолюбливающих пруссаков, Эйснер свергнул непопулярного короля и в продолжение нескольких недель был популярнейшим человеком в Баварии; когда он был убит, за его гробом следовали сотни тысяч людей, искренне потрясенных.

Итак, даже баварский федерализм оказался скомпрометированным своей связью с революцией. Политические настроения баварского населения носили более цельный характер, чем на севере; клас-

совые противоречия были здесь менее резкими. Политический темперамент баварцев отличается спокойствием, и когда политический фарватер изменился, то и вся масса политических настроений почти целиком направилась в одну и ту же сторону. Когда же наклон изменился в другую сторону, то и настроения народа резко переменились. Такой характер народа предопределил его судьбу: он дальше всех довел германскую революцию—вплоть до советской республики, а затем дальше всех довел также контрреволюцию—до путча Гитлера.

НОВЫЙ СТИЛЬ БОРЬБЫ

В столице Баварии все еще были крайне сильны антисемитские настроения, и партия должна была использовать их. Любое собрание «союза народной обороны» и всякой другой организации, не поленившейся нанять залу и сочинить соответствующий плакат, все еще бывало переполнено. У «фелькише» было достаточно умелых пропагандистов. Целыми месяцами в антисемитских газетах изо дня в день помещалось следующее объявление: «Арестуйте евреев, и в стране настанет спокойствие». Сам Гитлер не сказал бы этого лучше.

Но дело было не только в этой удачной выдумке. Дело было не в том, что данное объявление регулярно оплачивалось в течение ряда месяцев. Что касается усердия, то Гитлер, человек без определенных занятий, в этом отношении оставил позади себя всех своих соперников. Во второй половине 1920 г. союзы «фелькише» мало-по-малу начинают тяготиться шумными успехами на своих массовых митингах. «Мы не желаем больше собраний со скандалами и хулиганскими выходками; потворствовать низменным инстинктам толпы—ниже нашего достоинства,—пишет некий эстет в «Фелькишер беобахтер».— Каждую неделю мы имеем переполненные собрания; но какой в этом прок? Разве это отменяет Версальский договор, разве это избавляет нас от берлинских марксистов и снова делает предпринимателя хозяином в доме? В Баварии правительство и без этого носит национальный характер».

Понадобился пример Гитлера, чтобы научить этих усталых политиков уму-разуму. Он показал им, что нужно уметь не терять терпения в продолжение целых 13 лет агитационных успехов, если желаешь завоевать действительную власть. Гитлер пришел сам из низов. Для большинства людей приятна похвала масс; для Гитлера, которого до сих пор буржуазия не жаловала своим признанием, такая похвала еще бесконечно приятнее, чем для людей с положением и связями, чем для деятелей из так называемых союзов «фелькише» или для вождей «блока порядка», «совета граждан» и «дружины обороны». Для них одобрение ликующей толпы на собраниях всегда имеет несколько подозрительный привкус, их отпугивает такое политическое средство. Для Гитлера в завоевании этого одобрения— его главная цель.

И вот уже летом 1920 г. одна из газет противников называет Гитлера «самым продувным специалистом по части науськивания»

в Мюнхене. Это—ошибка, он был лишь самый прилежный и в то же время меньше всего разбиравшийся в средствах.

Методы его пропаганды, впоследствии описанные им самим, были приложены на практике. Вначале он прибегает к приемам на первый взгляд совсем простым. Он приглашает на свои собрания с помощью плакатов небывалой величины. Плакаты окрашены в ярко-красный цвет и заполнены длинными передовицами. Длинными? Пожалуй, их можно пробежать в три минуты; напечатаны они не нонпарелью и не утомляют глаз. Их стиль—стиль ученика коммерческого училища, периоды часто неудобоваримы, выручают жирный шрифт и курсив. Лозунги легко запоминаются: «республика еврейских спекулянтов и биржевиков», «ноябрьские преступники», «марксисты—могильщики Германии». Интеллигенты содрогаются от них, но и они запоминают эти примитивные слова.

Все это красуется на столбах для афиш не меньше двух раз в неделю и привлекает толпу. Не меньше двух раз в неделю все это вдалбливается в голову двум тысячам слушателей в зале той или иной из мюнхенских пивных. А на третий раз слушатели считают эти заезженные фразы уже своими собственными мыслями и радуются, что оратор высказывает их собственное мнение. Таким образом по прошествии нескольких месяцев приобретается несколько тысяч приверженцев, для которых уже стало потребностью выслушивать свои излюбленные мысли. Перед оратором теперь уже не просто слушатели, а тысячи восторженных соратников, которые затем вербуют новых приверженцев.

КТО ПЕРВЫЙ НАЧАЛ ПРАКТИКОВАТЬ ТЕРРОР

Настойчивость—лишь одно из свойств его пропаганды. Но еще важнее другая ее черта: активность. Под этим надо понимать не задорность речи. Ничуть не бывало. Активность заключается в следующем: небольшие группы национал-социалистов, незаслуженно носящие название «орднеров»—«людей порядка», патрулируют ночью по улицам. Стоит им встретить человека, чей нос им не понравится, и они толкают его, наступают ему на ногу, тот протестует, и вот вызов с его стороны налицо, можно затеять драку на законном основании. В таких случаях всегда оказывалось, что бог и полиция на стороне более сильного. Бывали забавные случаи. Если злосчастный обладатель орлиного носа отрицал, что он еврей, его подвергали телесному осмотру; однажды в такую переделку попал даже представитель одной из южноамериканских республик. Что эти хулиганские поступки не были выходками отдельных лиц, а системой, партийной линией, об этом свидетельствует между прочим обзор за 1921 г., помещенный партийным руководством в «Фелькишер беобахтер»: в обзоре высказывается пожелание, чтобы «и в будущем году все партийные товарищи, участвующие в движении, были одушевлены тем же бесцеремонно-агрессивным духом».

Отряд национал-социалистических «орднеров» (распорядителей) был образован в 1920 г.; во главе его стоял тогда часовых дел мастер

по имени Эмиль Морис, человек, осужденный за хулиганство, но потом помилованный. Гитлер и основывающаяся на его версии национал-социалистическая легенда представляют дело так, будто этот отряд служил лишь для защиты национал-социалистических собраний от срывавших их «банд» противника. Уже летом 1920 г. одной из наиболее безобидных функций этих «орднеров» было не давать противнику выступать в дискуссии, заглушая его речь своим ревом. В то время еще был в ходу старый либеральный обычай свободы дискуссии на собраниях; можно сказать, что эта свобода даже была отличительным признаком собраний революционного времени, когда программные проблемы волновали всех. Национал-социалисты очень быстро заменили этот старый стиль политических собраний новым: по их инициативе собрание превращалось в «манифестацию», во время которой противник не вправе был нарушать изъявления партийной воли. Если это не удавалось, ораторам, отвечавшим докладчику в его же тоне, просто не давали говорить, заглушая его речь.

Все это было бы еще с полбеды; 20 июня 1920 г. сам «Фелькишер беобахтер» открыто жалуется на то, что некоторые элементы «придают нашим собраниям весьма некрасивый характер, поднимая дикий вой при выступлениях противника». Со временем эта газета научилась мириться с гораздо худшими фактами.

Более круто расправлялись с теми, кто прерывал гитлеровского оратора своими замечаниями с мест и восклицаниями. Так например сильно досталось лидеру федералистского «союза баварцев», инженеру Баллерштедту, противнику, тогда особенно ненавидимому Гитлером. Как сообщает «Фелькишер беобахтер», «возмущенная публика удалила его из зала, предварительно проучив его немного». Со временем вошло в систему выталкивать из зала противника, прерывающего оратора восклицаниями, «легкими колотушками»—выражение национал-социалистического органа.

Однако национал-социалисты не удовольствовались этими успехами по части «защиты» своих собраний. В 1920—1921 гг. они срывают ряд собраний своих противников. Так например в сентябре 1921 г. Гитлер лично явился со своими приверженцами на собрание Баллерштедта и атаковал со своими молодцами эстраду президиума. Произошла свалка, Баллерштедт был снова избит. Когда полицейский комиссар призвал Гитлера к ответу и попросил его прекратить безобразие, тот хладнокровно ответил: «Ладно, ладно, наша цель ведь достигнута, Баллерштедт не выступает». В феврале 1921 г. демонстрация национал-социалистов сорвала даже «праздник печати», одно из крупных благотворительных предприятий во время мюнхенского карнавала.

Были ли это случайные эксцессы? Нет! 4 января 1921 г. Гитлер открыто заявил на массовом собрании в мюнхенской пивной Киндлькеллер (мы цитируем по «Фелькишер беобахтер»): «Национал-социалистическое движение будет в дальнейшем без всяких церемоний срывать, если нужно силой, начинания и выступления, которые могут разлагающим образом подействовать на наших и без того уже больных соотечественников».

Когда летом 1922 г. в помещении Домбаухютте Петера Беренса была устроена мюнхенская промысловая выставка, причем статуя «Христос» Гиса с ее несколько экспрессионистским характером оказалась не по вкусу мюнхенским обывателям, Гитлер пригрозил, что если не уберут этого «Христа», он явится со своими людьми и разобьет его вдребезги. «Христа» убрали. Что «Христос» этот был изображен в «северном» духе, сиречь в духе «народностей севера», этого Гитлер и не приметил.

Конечно в гитлеровской «Моей борьбе» обо всем этом ничего не сказано. Историку национал-социализма пришлось признать, что национал-социалистическое движение обнаружило «мужество» и «энергию», заключавшие в себе ряд предпосылок победы. Плаксивая болтовня о «марксистском терроре» плохо вяжется в книге Гитлера с фактами и с той «бесцеремонностью», которую предписывала партия в обращении с противником; она совершенно неправдоподобна. Впрочем мы должны подчеркнуть, что выступления национал-социалистов пока еще не вели к кровопролитиям, ибо противник, не привыкший к таким методам борьбы, лишь постепенно переходил к самообороне.

Национал-социализму в самом деле нельзя отказать в том, что он ввел новые, в то время еще неизвестные в Германии методы политической борьбы, заимствованные отчасти у итальянских фашистов; впрочем не только у них, но и у русских черносотенцев. Зато, как только и противники сорганизовали сопротивление, дело не могло обойтись без кровопролития, и с тех пор в продолжение 12 лет было пролито немало крови. Ответственность за террор, не прекращающийся с тех пор в Германии, падает в первую очередь на национал-социализм, на Гитлера. В интересах исторической правды необходимо констатировать это на основании самих же национал-социалистических источников.

Приведенные выше факты,—мы подчеркиваем это,—взяты большей частью из «Фелькишер беобахтер». Помимо этого личное участие Гитлера в терроре установлено судом. За насильственный срыв собрания Баллерштедта он был приговорен в январе 1922 г. к 3 мес. тюремного заключения, впрочем из них к 2 мес. только условно.

Предположить, что он не сумел предусмотреть результатов своих действий, значило бы оскорбить такого умного человека, как Гитлер. Полезные для своей партии результаты он ставил выше результатов, вредных для общества; заповеди порядка и спокойствия, правила любви к ближнему и нормы уголовного кодекса он подчинял критерию пользы своей партии, в которой он уже тогда видел грядущее возрождение нации. Путем непрекращающейся агрессии Гитлер добился того, что с движением стали считаться, что его перестали замалчивать. Гитлер бесконечно счастлив, когда враг переходит наконец к контратаке и в конце 1921 г. в свою очередь пытается сорвать собрание национал-социалистов; в партийной легенде эта попытка продолжает жить под именем битвы в пивной «Хофброй». До тех пор, пока противник не оказывал сопротивления, приходилось самим устраивать такие сражения.

В деле добывания средств самым ценным помощником партии был тогда Дитрих Эккарт. Гитлер также лично многим обязан Эккарту. Но самую блестящую услугу Эккарт оказал Гитлеру в декабре 1920 г.

«Фелькишер беобахтер» влез в долги и искал покупателя. Дитрих Эккарт и Федер интересовались этой газетой. Но Эккарт сам находился в стесненных обстоятельствах; его еженедельник «Чисто по-немецки» тоже давал дефицит и должен был закрыться. На помощь пришел рейхсвер. Эккарт получил необходимую сумму через генерала фон-Эппа. Последний вместе с Ремом собрал группу людей для систематической обработки печати в национальном духе; 60 тыс. марок, которые Эккарт получил от Эппа, пошли якобы на ликвидацию журнала «Чисто по-немецки»; фактически они дали Эккарту возможность купить «Фелькишер беобахтер». Правда, при имевшейся у газеты задолженности это было риском. Риск взяла на себя национал-социалистическая партия.

Какой громадный шаг вперед за 15 мес.! Гитлер, дотоле неизвестный солдат, оратор партии, насчитывавшей тридцать единомышленников и располагавшей одной пишущей машинкой, имел теперь свою газету. Правда, она выходила только раз в неделю; но так или иначе это та самая газета, в которой он 15 мес. назад робея дал свое первое объявление, газета, которая до сих пор обмолвилась о его речах считанными двадцатью строками и не раз из зависти задевала его,—эта газета была теперь его органом. 19 декабря 1920 г. «Фелькишер беобахтер» перешел в собственность партии. Гитлер имел отныне свой орган.

Такой прыжок был бы не под силу профессорам и адвокатам из партии «немецких социалистов», «фелькише» и т. д. и т. п. Эти господа не затевали драк с евреями и не срывали собраний, они не поднимали шума, они ничего не добивались силой. У них не было также таких покровителей, как рейхсвер, и таких членов партии, как Рем.

ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЛЕНОВ

Гитлер мог быть доволен истекшим годом. В «Фелькишер беобахтер» его друг Эссер[28] в отчетах о собраниях уже писал о том, какой блестящий оратор Гитлер, как он пленяет и гипнотизирует своих слушателей. Он писал, что Гитлеру надо выступать во всех городах Германии. Возникает тот личный культ Гитлера, который впоследствии приобрел столь важное значение для ореола самого дела.

За истекший год в Мюнхене состоялось 46 национал-социалистических собраний, стало быть—почти еженедельно по собранию. Странное дело, другие не понимают секрета этого успеха, не видят, что последний объясняется только настойчивостью и упорством, с которым национал-социалисты добиваются осуществления поставленной себе цели. Уже Гораций знал, что именно в таких случаях помощь богов обеспечена. В других баварских городах национал-социалисты тоже, как никак, провели за этот год 32 пропагандистских собрания, хотя иногда приходилось думать о том, где добыть докладчику денег

на дорогу. В Розенгейме и Ландсгуте были основаны местные группы. Даже во Франкфурте на Майне имеется уже в одной пивной постоянный национал-социалистический уголок; впрочем это было делом случая. Зато в Пфорцгейме в Бадене возникла уже заправская дисциплинированная местная группа национал-социалистической партии, возглавляемая заводским мастером Витманом; а в Штутгарте некий Ульсгефер руководит национал-социалистическим союзом.

В общем это был хороший год для национал-социалистов. При своем возникновении партия имела 64 члена, теперь же она насчитывала 3 000 членов. Такой успех нельзя объяснить даже ораторским искусством Гитлера. Гитлер лишь давал имя, служил вывеской для группы, наполовину остававшейся скрытой от публики и бывшей прежде всего орудием Рема. А Рем был если не тайным господином, то почти всемогущим агентом разных добровольческих отрядов и дружин, из которых медленно вырастал рейхсвер. Он направлял к Гитлеру солдат и офицеров, посылал в партию всех активистов, которых можно было раздобыть. Другим поставщиком людей и средств был «баварский блок порядка», влиятельное объединение полуполитических правых организаций. Однако всякая помощь тщетна, если нет человека, твердо решившегося использовать ее. В области пропаганды таким человеком был именно Гитлер. То, что другие в состоянии были сказать массам самое большое раза три, он повторял без устали четыре, пять, десять раз. Он не останавливался в своей пропаганде перед самым низменным стилем, если только мог рассчитывать вбить таким образом свои идеи в головы слушателей. Его не пугал не только низменный стиль, но и вещи похуже. Ведь это он подвизался на улицах, устраивал сражения на митингах, срывал собрания противников. Он пошел на то, на что не решались другие,—на террор. Он взял на себя риск борьбы и риск того, что вина будет возложена на него, так как знал, что власть не может возникнуть без вины. Другие убоялись этого и стушевались. За Гитлером же осталась ответственность перед историей и... 3 000 членов партии.

ШАГ В СФЕРУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В январе 1921 г. стало известно, что «зоркий» промышленник и политик Арнольд Рехберг [29] обратился к руководящим деятелям Антанты с запиской, в которой выступал с предложениями о вооруженной интервенции в советской России. Рехберг прежде снабжал «Фелькишер беобахтер» антибольшевистскими статьями; свою записку он составил по поручению генерала Людендорфа [30], незадолго перед тем поселившегося в Мюнхене.

Как раз в эти дни национал-социализм обретает также свою собственную внешнюю политику. Это уже не только система жестов и протестов, а политика тактического расчета. В новогоднем номере «Фелькишер беобахтер»—газета уже десять дней являлась собственностью партии—была напечатана анонимная статья; витиеватые периоды этой статьи долго продолжали служить внешнеполитической программой партии, отчасти являются ею и поныне. Автор статьи

исходит из того, что хотя Россия и проиграла войну с Польшей, Советы в более или менее близком будущем все же попытаются захватить Польшу. Он пишет:

«Но когда эта гроза соберется над немецкими землями на востоке, необходимо будет отправить туда сто тысяч самоотверженных людей. Если по указке разных Конов и Леви[31] германские железнодорожники забастуют, надо будет заблаговременно отправить эти сто тысяч бойцов в пешем строю. Придется считаться с возможностью временного советского режима на некоторых немецких территориях—ничего не поделаешь. Придется быть готовым ко всякой крайности также в связи с поведением западных евреев, засевших за Рейном с французскими пушками и танками; эти евреи поднимут жалобный вой, когда их братьям на востоке придется круто. Если Ленин в Польше задержится, то все еще будет время освободить Польшу. Польша походит на утопающую истеричку, которой надо дать удар по голове, для того чтобы она очнулась и позволила вытащить себя из воды. Главное это—нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать ее обратно в Россию. Это исключительно дело немцев, и это и будет собственно началом нашего возрождения. Армия, хлынувшая назад в страну, будет самым злым врагом советского правительства».

Итак, «большая внешняя политика» национал-социализма начинается с плана германского крестового похода против советской России. Ибо автор этой статьи—новый политик—теоретик партии, балтийский немец Альфред Розенберг.

Он—немец по происхождению, но у него склад ума русского. Он родился в 1893 г. в Ревеле в Эстонии, во время мировой войны был студентом в России; при вступлении немцев,—рассказывает Розенберг,—он явился к немецкому командованию и предложил свои услуги в качестве добровольца, но не встретил доверия. В числе многих других русских эмигрантов он в 1919 г. нашел убежище в Мюнхене, где через Дитриха Эккарта пришел в соприкосновение с национал-социалистами. По своей профессии он архитектор, отсюда и его личная связь с Гитлером. Последнему импонировал человек, талант которого состоял в уменьи построить из самых невозможных предпосылок целую систему идей, целое здание, почти царский дворец. Вероятно в Германии найдется теперь немного людей, предающихся такому беспардонному систематизированию и догматизированию, как Розенберг, обуреваемых такой неукротимой страстью возводить на несуществующем фундаменте здание детальных выводов. Грандиозные проекты, остающиеся на бумаге, архитектурные замыслы, которым не суждено осуществиться,—вот что представляют собой внешнеполитические планы Розенберга.

РУССКИЕ ВЛИЯНИЯ

Планы Розенберга, принесенные им в подарок национал-социалистам, это не немецкая внешняя политика, это—внешняя политика русских белоэмигрантов, Мюнхен—Кобленц[31a] этих эмигрантов, кото-

рые очень желали бы вовлечь Германию в кампанию борьбы против Ленина. Эта политика вообще становится понятной только в связи с тем кардинальным значением, которое она придает еврейскому вопросу.

Было бы преувеличением назвать начинающуюся отныне внешнюю политику национал-социализма царистской. Но фактически ее духовные истоки находятся в царской России, в России черносотенцев и «союза русского народа». Вынужденные эмигрировать из России и скитаться на чужбине, эти слои приносят в Среднюю и Западную Европу свои представления, свои мечты и свою ненависть. Мрачное, кровавое русское юдофобство пропитывает более благодушный немецкий антисемитизм. Уже Мережковский проповедует ненависть к «большевистскому антихристу». У нас в Германии усердно читают так называемые «Протоколы сионских мудрецов»[316]. Для антибольшевизма белой эмиграции старое русское юдофобство—самое подходящее оружие. Но теперь оно—совсем некстати—стало исходным пунктом германского национал-социализма в области его внешнеполитических идей. Можно как угодно подходить к еврейскому вопросу, исходя из немецких национальных предпосылок, но ясно одно, тот антисемитизм, в который балтийские немцы запрягли Гитлера и его друзей, во всяком случае не является немецким делом. Это—двойник Агасфера: вечный антисемит, скитающийся по миру за «вечным жидом».

В конце мая 1921 г. в Рейхенгалле в Баварии состоялся конгресс русских монархистов. Видную роль играл на нем гетман Скоропадский, которому германское командование в 1918 г. отдало власть над Украиной. Его круги поддерживали в продолжение известного времени сношения с национал-социалистами, до тех пор пока несколько лет назад Скоропадский не был заподозрен в симпатиях к Франции. Русские эмигранты писали в «Фелькишер беобахтер», выступали на национал-социалистических собраниях, как например Немирович-Данченко, бывший заведующий отделом печати у Скоропадского.

Розенберг твердо убежден, что еврейские финансисты во Франции—союзники большевиков, Гитлер быстро усваивает эти истины. В том же номере «Фелькишер беобахтер» он высказывает убеждение, что евреи замышляют только революцию и нарушение чистоты чужих рас и что «каждый еврей—какие дьяволы!—в своей сфере действует прежде всего для этой последней великой цели, действует именно политически».

«ПРОСНИСЬ, ФРАНЦИЯ!»

Внешняя политика национал-социалистов была в то время антисемитской и вместе с тем антибританской—во всяком случае в гораздо большей мере, чем антифранцузской. Утверждение, что французское правительство состоит из «приказчиков англо-саксонской мировой фирмы» звучит скорее состраданием к французам, чем ненавистью к ним. «Фелькишер беобахтер» возвещает весну народов в Европе... «когда французский народ, в котором мы без зависти признаем и ценим его благородное ядро, поймет... что... уже теперь можно за-

метить ростки, из которых во Франции, как и в других странах, вырастет национальный социализм будущего. Франция должна снова запереть в гетто евреев. Грядет национал-социалистическая мировая революция, ее лозунг: «Антисемиты всех стран, соединяйтесь!»

Тогда же—это было в феврале 1921 г. на первом грандиозном митинге Гитлера в цирке Кроне—Гитлер мечет громы и молнии против «этой Англии, которая с дьявольским умыслом травит до смерти ирландский народ, доводя его до вечных революций против Англии, которая жульническим способом захватила старое культурное государство—Индию. Кто поверит теперь, что Англия когда-либо добивалась свободы малых наций, если она лишила последних следов свободы один из величайших культурных народов мира, Германию?»

В то время материальные блага нации еще были для Гитлера важнее, чем честь ее оружия. Он согласен на полное разоружение Германии, если будут аннулированы репарации.

«Покончите,—обращается он 15 февраля 1921 г. в «Фелькишер беобахтер» к министру иностранных дел Симонсу,—с вопросом о репарациях (тогда это еще не называлось «данью» для Франции), уничтожьте двенадцатипроцентный сбор с нашего экспорта, прекратите всякую дальнейшую возможность этой унижающей нас опеки разбойничьего союза (Антанты), создайте для нас таким образом возможность существования и освободите нас от вечной угрозы гражданской войны в Германии. Тогда мы готовы будем освободить остальной мир от нависшей угрозы со стороны наших баварских дружин обороны страны. Тогда мы разоружимся». Такого рода внешнюю политику тот же Гитлер в позднейшие годы назвал бы политикой филистеров; ведь за аннулирование репараций она готова продать право на вооружение и самооборону.

Это были дни лондонского ультиматума, установившего сумму репарационных платежей Германии в 132 млрд. Гитлер и Розенберг проповедуют и тогда сопротивление. Но делают это неспроста... нет, у этих реальных политиков уже есть «могучий» союзник на востоке: «Только не подписывайте капитуляции, как в 1919 г., на пять минут раньше времени. Вся Россия как раз восстает против еврейского террора» (Розенберг).

Эта внешняя политика 1921 г., инспирируемая Людендорфом, генералом Гофманом[32] и Рехбергом, переписанная начисто Розенбергом и по частям излагаемая Гитлером народу, направлена на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы. Хребтом ее должен быть союз между пробудившейся Германией и проснувшейся Францией.

ПЕРВЫЙ МАССОВЫЙ МИТИНГ

Была ли эта внешняя политика опасна или, наоборот, не имела никакого значения, она во всяком случае расширила круг деятельности Гитлера. Он познакомился с Людендорфом. Их объединял также один из вопросов внутренней политики—борьба против баварского

федерализма. Впоследствии пути их на долгое время расходятся; они снова сблизились лишь летом 1923 г.

Влияние Гитлера растет. Правда, он еще не владеет массами. Незадолго перед лондонским ультиматумом конкуренты из «патриотической» партии устроили грандиозный митинг на площади Одеон, на котором присутствовало более 20 тыс. чел. Гитлер тоже хотел выступить там с речью, но когда он пытался сделать это, оркестр заиграл туш, и самый пламенный оратор Мюнхена так и не был услышан. Так или иначе он убедился, какие массы народа можно поднять на ноги с помощью лондонского ультиматума. На 132 млрд. может сыграть всякий, кто сумеет инсценировать манифестацию протеста. 3 февраля 1921 г. Гитлер впервые отважился выступить в самом большом зале Мюнхена—в цирке Кроне. Этот зал вмещает больше 8 тыс. чел.; пришли 4 тыс. Благодаря умелой «расстановке» зал с грехом пополам наполнен. Но хотя этот митинг был наполовину провалом, Гитлер показал другим пример того, как надо вести борьбу. Его соперники, гордые своим успехом, своими 20 тыс. слушателей, почили на лаврах. Гитлер же на следующей неделе снова бьет в набат, снова созывает свою публику в цирк Кроне; он неутомим, потому что знает, что в это горячее время масса тоже неутомима. Таким образом он постепенно добился цифры в 8 тыс.; со временем число его слушателей превысит 20 тыс., цифра, на которой успокоились его соперники.

Диапазон растет. Прежний небольшой кружок серых ремесленников постепенно сошел на-нет. Гитлера окружают теперь новые люди различного социального положения; среди них мало мелких мещан. Это—буйные, авантюристские,—есть и темные,—но во всяком случае интересные натуры, как и сам Гитлер. Большинство из них более самоуверенны, чем он, но ни один из них не достигает в решительный момент его нервного неистовства. К Дитриху Эккарту, единственному «кавалеру» в старом кружке, присоединяются теперь Розенберг и молодой студент, заграничный немец Рудольф Гесс[32а], лучший друг Гитлера, ставший впоследствии его личным секретарем и неизменным спутником. Таковы люди, которые бескорыстно или с расчетом верят в него.

«ВОЖДЬ»

Снова подтвердилось старое положение, что если три человека с твердой решимостью стремятся к одному и тому же, они достигнут цели, хотя бы они поставили себе задачей завоевать весь мир. Герман Эссер первый приветствует Гитлера как «вождя» после сомнительного успеха в цирке Кроне. Возникает некий круг руководителей национал-социализма; его несокрушимой догмой является неограниченная власть Гитлера над рядовыми членами партии как над толпой профанов.

Со стороны в партию приходят уже «важные господа» и обладатели громких имен. В партию вступил капитан-лейтенант Гельмут фон-Мюкке[33], командир «Айши» и национальный герой; что еще важ-

нее, он добывает для партии финансовые средства. Однако в то же время начинаются также раздоры между вождями. Эссера обуяла бешеная ненависть в Розенбергу. Забываясь, он иногда переносит эту ненависть даже на Гитлера. В эти моменты он пытается натравить «идиота» Дрекслера против более сильного «товарища». Гитлер начинает верить в самого себя. Ему еще долго придется играть скромную роль «барабанщика» перед другими лицами, превосходящими его своими влиянием, образованием, остроумием. Когда он находится наедине с Людендорфом или Пенером, он в эти моменты пожалуй и сам верит в свою скромную роль. Но потом, оставшись без такого визави, когда он сидит один за столом и речь снова льется потоком из под его пера,—ибо писания его та же речь,—он уже мечтает о том, как «в один прекрасный день явится железный человек, быть может в грязных сапогах, но зато с чистой совестью, положит конец разглагольствованиям этих вылощенных джентльменов и преподнесет нации действия».

Железный человек! Можно побиться об заклад, что это не кто иной как богом одаренный человек, выступивший перед четырьмя тысячами и в своем волнении вероятно принявший их за восемь тысяч. На нем как раз «грязные сапоги»... некогда он прогулял свой экзамен и теперь хвастает перед своими товарищами, капитанами и лейтенантами, что он был только «простым» ефрейтором. Несмотря на грязные сапоги, он превосходит всех других своим подвижным умом, способностью быстро схватывать новые ситуации. Он не только понял сущность фашизма, появляющегося теперь на сцене в Италии, но схватил также стиль коллеги—Муссолини, тоже пришедшего из окопов в грязных сапогах. Гитлер решил «преподнести нации действие».

Впоследствии один итальянский фашист назвал этого подражателя римского стиля «Юлием Цезарем в тирольской шляпе». Однако в Гитлере не раз еще скажется стиль бывшего венского строительного рабочего. Издеваясь над орлом в новом имперском гербе, он пишет в «Фелькишер беобахтер»: «Народную массу гораздо больше интересуют жареные курочки и уточки; наш народ с его здоровым инстинктом смеется над этой безобразной скотиной». Затем трещотка сменяет фанфары: «В этом новом имперском гербе преобладающее большинство народа видит не эмблему честных и свободных мужей, а каинову печать самой низкой измены». В этой мозаике стилей народный тон еще безыскусствен, цезаризм же вымучен. Но Гитлер ставит себе целью стать Цезарем пропаганды, человеком, у которого в крови нечто императорское, человеком, который лишь снисходит к фамильярному тону разговора с толпой. Несколько лет спустя, он без запинки и не краснея перещеголял Куртс-Мелер*: «О судьба, тебя приветствует коричневая гвардия». Когда же в 1932 г. одно время запрещены были штурмовые отряды, наш дуче сладко пел: «Пока у штурмовиков есть сердце в груди, они будут верны мне и только мне».

---

* Куртс-Мелер—оперная певица, выступающая в вагнеровских ролях (*прим. перев.*).

ТРЕБУЮТ ВИСЕЛИЦЫ

«Требуются виселицы»—так изысканно выражается Гитлер в позднейшие годы. Но во время своих первых крупных успехов Гитлер чуть было не испортил все дело своей опасной склонностью к иронии. Его язык порою звучит, как еврейский жаргон. Природа мстила здесь за то, что Гитлер старался слишком наглядно представить своим слушателям манеры и образ мышления «избранного народа». Когда Гитлер говорит о «гоготании истерических дур-революционерок»,— эта травля уже бьет мимо цели,—Гитлер зарапортовался... Гораздо большее впечатление производят следующие слова: «Мы предлагаем повесить Виктора Коппа[34] перед окнами русского посольства; Зеверинг и Герзинг[35] должны получить не меньше двадцати лет каторжных работ».

Это первые членораздельно выраженные угрозы. Впервые здесь произнесена фраза о «головах, которые покатятся с плеч». В программе национал-социалистов фигурирует смертная казнь только для ростовщиков и спекулянтов. Но 28 апреля 1920 г. Гитлер заявляет уже:

«Мы требуем предания суду преступников перед нацией, начиная с Эрцбергера до Симонса (ставшего впоследствии председателем имперского суда) и включая всю парламентскую сволочь, соучастников их преступлений. Все они должны предстать перед судом верховного трибунала. Но мы твердо уверены, что эти преступники умрут не от почетной пули, а на виселице. Уже теперь мы позволяем себе обратить внимание будущего национального трибунала на то обстоятельство, что ввиду экономии света многие фонарные столбы у нас свободны».

Это напечатано в «Фелькишер беобахтер», и прокуратура не воспрепятствовала этому. Несмотря на этот слишком уж кровавый стиль, газета прекрасно отвечала тогда своему назначению—гораздо лучше, чем когда бы то ни было впоследствии. Это было заслугой ее молодого редактора Эссера, специалиста по части «исследования» тайн еврейских квартир. Эссер обладает гораздо большим журналистским талантом, чем Гитлер. Гитлер отлично знает вибрирующие, чувствительные струнки своей аудитории и умеет играть на них, но он не знает чувствительных мест читателя. Аудитория собраний принимает слова на веру, отдельный же читатель настроен более критически, к нему надо подойти конкретно, а этого Гитлер не умеет.

Здесь более темпераментный, более дерзкий и путанный Эссер превосходит своего товарища. Школой для этой национал-социалистической журналистики послужил «Мисбахер анцайгер», захолустная газетка, несколько лет пользовавшаяся чуть ли не мировой известностью благодаря своей борьбе против республики. «Фелькишер беобахтер» быстро усвоил этот тон, но кроме того он имел и некоторое преимущество перед мисбахской газетой: у него была конкретная историческая цель.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Молодая слава Гитлера растет. Он становится известным уже за пределами Мюнхена. В начале лета 1921 г. он живет несколько недель в Берлине. Здесь он связывается с северо-германскими правыми кругами и выступает в национальном клубе. Он замышляет не малое: распространить движение за пределы Баварии. С этой целью Гитлер ведет переговоры также с консервативными лидерами бывшей прусской палаты господ: графом Иорком фон Вартенбургом и графом Бером. Но тут за его спиной произошло событие, которое заставило его спешно вернуться в Мюнхен. Молодая слава вдруг оказалась под угрозой. Основатели партии собираются свергнуть слишком высоко поднявшегося Гитлера.

Первым толчком к этому явилось слишком поспешное распространение движения за пределы Мюнхена. В движение было вовлечено много иногородних групп и много новых вождей, но переварить их сразу не удалось. В Нюрнберге с 1920 г. подвизался Юлиус Штрайхер, по профессии учитель, по убеждениям антисемит и ненавистник «чистой публики», милостью божьей—агитатор, могущий померяться с Гитлером своими местными успехами. Правда, по уму он уступает Гитлеру, язык его примитивнее, беднее, путаннее.

Штрайхер превосходит мюнхенского коллегу своим гражданским мужеством и отсутствием брезгливости: он собственноручно роется в навозе и с небольшими паузами преподносит обывателям Нюрнберга, которые, как все жители больших городов, падки до сенсаций, каждый раз новый скандал. Когда он берет за шиворот противника—большей частью еврея,—разыскав какую-нибудь грязную историю, он, несмотря на все преувеличения и обобщения, оказывается в том или ином пункте действительно прав. Одним словом, подобно Эссеру, он имеет перед Гитлером преимущество бо́льшей конкретности и восполняет ею отсутствие политической прозорливости, а также вкуса и такта.

Штрайхер был смертельным врагом Гитлера. До сих пор ему не приходилось подчиняться последнему, но он хотел большего,—он хотел побить Гитлера, отнять у него руководство мюнхенской организацией. Вскоре он нашел союзника в лице д-ра Диккеля. Последний стоял в Аугсбурге во главе одного из так называемых рабочих содружеств, которые исстари существовали здесь и получили от профсоюзов презрительную кличку «желтых профсоюзов». В «немецкой рабочей партии» Штрайхер видел нечто аналогичное. При этом в некоторых пунктах он был радикалом. Так например в июле 1921 г. он по приглашению мюнхенского партийного руководства выступил с резким докладом, направленным против крупного землевладения: он объявлял последнее столь же опасным, как еврейство. Это был, можно сказать, единственный выпад против крупного землевладения, который когда-либо имел место в национал-социалистической партии, к тому же так близко к ее верхам.

Появление на сцене Диккеля подало сигнал к перевороту. Какое «партийное руководство» пригласило его? Это был не Гитлер—он в то время находился в Берлине,—это сделал старый партийный комитет, т. е. те лица, которые некогда в кафе «Германская империя» основали «германскую рабочую партию» в составе тридцати человек. Ныне они видели, как эта партия все более уплывает из их рук в руки Гитлера.

Эти основатели партии отнюдь не были рабочими, как они воображали, они не были также социалистами, как их в этом убеждали, они были лишь бедняками, до известной степени гордящимися своей беднотой. Их невыутюженные брюки являлись в их глазах признаком более высокой морали, отличавшим их от «спекулянтов». В их среде возникала этика буржуазной бедноты, вернейший признак возникновения нового класса. Помятые брюки стали гордостью пролетаризированных средних слоев, точно так же как в свое время мозолистые руки стали отличительным признаком настоящего пролетария. Этими людьми и выдвинут был первый председатель партии Антон Дрекслер, они же выдвинули руководство партии, одним из членов которой был Гитлер. И тем не менее они все же оказались за бортом.

Ибо член партии № 7 сумел сделать свое ведомство пропаганды чуть ли не единственным органом партии. Председатель, комитет, член партии—все они оказались лишь придатками к этому раздутому ведомству. Отдел пропаганды и его заведующий были видны окружающему миру, а номинальному главе партии приходилось отправляться в провинцию и там импровизировать свои серые выступления посредственного оратора. Возможно, что это распределение ролей в старом партийном аппарате тоже содействовало тому, что Гитлер односторонне увлекся только пропагандой. Политический акт, пожинающий плоды пропаганды, всегда имел для него лишь второстепенное значение.

Чем объясняется это перемещение влияния в партии? Несколько рядовых маленьких политиков, долго и упорно высиживавших свои взгляды, столкнулись с человеком, легко поддающимся влиянию, но каждый раз обнаруживающим большой темперамент. Бороться с ним оказалось им не по силам. Этот темперамент привлек в движение новых людей из других, более обеспеченных слоев студентов и офицеров. Они, правда, не занимали должностей в партийном аппарате, но они писали в «Фелькишер беобахтер», выступали на собраниях, причем прикрывались всегда авторитетом заведующего пропагандой Гитлера и ни в грош не ставили авторитет партийного руководства в целом.

Если в этом партийном руководстве были хоть мало-мальски живые люди, между ними и Гитлером должна была наконец произойти борьба за власть. Случай к этому представился в его отсутствии. В Берлине проявили интерес к партии. Нельзя ли сломить силу Гитлера, перенеся центр в Берлин? Нельзя ли при этом притти к соглашению с «немецкими социалистами» Бруннера и Штрайхера? Диккель раззадорил в этом смысле Дрекслера, а Штрайхер поддержал этот план.

Объединение с другими группами на равных началах должно было по их плану надолго затормозить растущее влияние Гитлера, тем более что ему пришлось бы иметь дело с менее покладистыми людьми, чем мюнхенцы.

Гитлер парировал этот замысел ударом необычайной силы. Он вернулся в Мюнхен и заявил, что выходит из партии. Противники, не ожидавшие такого оборота, стали уговаривать его; в особенности старался Дрекслер. Последнему пришлось слышать в ответ такие комплименты, как «жалкий идиот» и «подлая собака». Кроме того разгневанный Гитлер заявил, что передает дело на суд членов партии и будет сам выступать перед ним. На это в свою очередь не могло пойти партийное руководство. Но поставленное перед альтернативой совершенно потерять Гитлера или подчиниться ему, оно предпочло последнее. Какие соображения играли при этом роль? Вспомним, что и материальными средствами партии, а именно газетой «Фелькишер беобахтер» распоряжался Гитлер. Ибо Федер и Эккарт, в руках которого находились деньги, полученные от генерала фон-Эппа, были на стороне Гитлера, точно так же, как Розенберг и Гесс, т. е., другими словами—вся «чистая публика». Кроме того Гитлера поддерживал также Эссер, самый сильный и влиятельный оратор партии после Гитлера. Партия не могла пойти на потерю своих лучших членов и вместе с ними своих вернейших денежных ресурсов и газеты.

«НА КАКИЕ ЖЕ СОБСТВЕННО СРЕДСТВА ОН ЖИВЕТ?»

Победа Гитлера казалась уже окончательной, когда он 14 июля обратился к партийной верхушке с письмом-ультиматумом, в котором требовал для себя диктаторских полномочий. Но тут противная сторона снова стала на дыбы. Она разослала членам партии листовку-циркуляр, в котором на Гитлера возводились тяжелые, отчасти небезосновательные обвинения. Между прочим там говорилось:

> «Гордыня власти и личное честолюбие заставили Гитлера вернуться на свой пост из Берлина, где он провел шесть недель, причем до сих пор еще не высказался о целях своей поездки. Он считает момент подходящим для того, чтобы по заданию скрывающихся за ним темных личностей внести раздор в наши ряды и таким образом способствовать интересам еврейства и его приспешников. Теперь все более обнаруживается, что национал-социалистическая германская рабочая партия служила ему только средством для грязных целей, для захвата руководства в свои руки и перевода партии в подходящий момент на другие рельсы. Лучшим доказательством этого является ультиматум, с которым он на-днях обратился к партийному руководству. Он требует в ультиматуме, в числе прочего, полной и безраздельной диктатуры для себя, отставки партийного комитета, а также ухода основателя и вождя партии слесаря Антона Дрекслера с поста первого председателя партии. Он требует этого поста для себя; кроме того он требует, чтобы в течение шести лет не велось никаких переговоров об объединении нашей партии с про-

чими национал-социалистами и немецкими социалистами. Уже одни эти требования означают не что иное как попытку держать партию в черном теле и не дать ей возможности расти...

Другим пунктом является вопрос о его профессии и заработке. Когда отдельные члены партии обращались к нему с вопросом, на какие средства он, собственно, живет и какова была его профессия в прошлом, он каждый раз приходил в раздражение и сердился...

А как он ведет борьбу? Он передергивает факты и представляет дело так, будто Дрекслер—плохой революционер и желает вернуться к системе парламентаризма. В чем дело? Дрекслер еще ни на йоту не отступил от своих взглядов, которые высказывал при основании партии. Правда, наряду с революционной деятельностью Дрекслер желает указать немецкому рабочему путь, по которому он должен итти для достижения своей цели, другими словами, наряду с бичующей критикой нынешних возмутительных условий он желает проводить также положительную экономическую политику.

Гитлер нашел компаньона для своих происков в лице г-на Эссера. Человек, которого сам Гитлер не раз называл вредным для движения, человек, который неоднократно требовал у Дрекслера снятия Гитлера, вдруг избран последним для проведения его темных планов. И самое замечательное то, что сам Гитлер неоднократно заявлял (это могут подтвердить свидетели): «Я знаю, что Эссер—негодяй, но буду держать его только до тех пор, пока он может мне пригодиться». Национал-социалисты, судите сами о людях с таким характером. Не давайте ввести себя в заблуждение. Гитлер—демагог и выезжает на своем ораторском таланте; с помощью последнего он надеется одурачить немецкий народ и в особенности втереть очки вам. Он преподносит вам вещи, которые весьма далеки от истины. Протестуйте против того, что с честными основателями нашей партии собираются поступить так же, как это прежде делалось в других партиях...»

ГИТЛЕР ЗАВОЕВЫВАЕТ ПАРТИЮ

Эта листовка была большой тактической ошибкой, хотя ее авторы во многом были правы. Гитлер действительно узурпировал власть в партии и отвлек партию от ее первоначальных целей. Куда?—этого он сам вероятно в то время еще не знал. Верно и то, что он имел вдохновителей, которым во что бы то ни стало надо было оставаться в тени,—они находились в рядах рейхсвера.

Но так как у критиков были только подозрения, но не было доказательств и свидетелей, их выпад оказался на руку Гитлеру. Сам Дрекслер, а также второй председатель партии Кернер вынуждены были отмежеваться от этой листовки и заявить об этом в публичном плакате. На двух чрезвычайных собраниях членов партии 26 и 29 июля Гитлер пожал плоды своей победы и продиктовал свои условия мира. Устав партии был изменен в том смысле, что первый председа-

тель получал неограниченные полномочия; этим первым председателем стал с 29 июля сам Гитлер, а вторым остался Кернер. Дрекслер, который послушно пошел на попятный, был сплавлен на пост почетного председателя; это означало, что он не только побежден, но и связан по рукам и ногам. Те члены комитета, которые имели несколько больше чувства собственного достоинства, вышли из партии; впрочем часть их через несколько месяцев вернулась в нее. Чтобы стало совершенно ясно, кто теперь хозяин в партии, Гитлер сделал своего друга Макса Амана[36] управляющим делами партии.

Это была победа «кавалеров» над мещанами в партии. Революционное настроение партии получило отныне другую окраску; полусоциалистическое возмущение было заменено традиционным фрондированием с сильно выраженной тенденцией к оппозиции «вообще». Преобладающее влияние получает теоретик партии Розенберг, враждебный всякому социализму; расчищается дорога для офицеров, вроде Рема и Геринга[37]. Таким образом деньги, переданные полгода назад Дитриху Эккарту генералом рейхсвера фон-Эппом, уже принесли проценты. Лица, стоящие теперь во главе партии, не все состоятельные люди. Но за ним стоит известная, хотя пока еще скромная денежная сила. Победа Гитлера в 1921 г. была победой человека, имевшего за собой денежные средства. Мы увидим, что впоследствии его примеру последовал ряд других вождей, купивших себе место в партии.

Вместо старых основателей партии, с которыми Гитлер справился без лишних слов, ему приходится теперь иметь дело с людьми другого закала. Он не становится однако игрушкой в их руках, но ему приходится научиться дипломатической игре и во-время создавать противовес против тех, которые могли получить слишком большое влияние в движении... До 1926 г.—в перипетиях подъема, падения, распада и нового подъема—это ему удавалось; но затем начинается новый, более трудный период, начинается более крупная игра, которая продолжается еще и по настоящий момент.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЖДЬ ПОНЕВОЛЕ

Мы можем теперь несколько ближе присмотреться к человеку, который, по мнению своих приверженцев, уже тождественен со своей партией, а по их горячему желанию должен стать олицетворением судьбы Германии. Биография Гитлера до войны известна нам почти исключительно с его слов; в рассказе Гитлера имеются пробелы в целые годы, а то немногое, что он сообщает, самым очевидным образом смазано. По его собственным вскользь брошенным намекам можно предполагать, что политическое прошлое Гитлера вело его к нынешней цели далеко не прямо. В лагере противников даже намекали, что Гитлер имел какие-то связи с евреями. Так или иначе, народ имеет право требовать, чтобы политический деятель, требующий от него столь безраздельного и единственного в своем роде доверия, информировал его о своем прошлом точнее, чем это было сделано до сих пор. Тайна, окружившая движение и его вождя с самого начала, крайне повышала интерес к нему, но вместе с тем иногда вызывала чувство неловкости даже у его горячих приверженцев.

Путь Гитлера от рядового солдата к политическому деятелю известен. Он описывался уже не раз. Большинство профессиональных политиков желают сохранить существующую власть и лишь по возможности увеличить свою долю в ней. Гитлер—не таков. Что касается его позиции по отношению к довоенной власти, то она была и осталась консервативной. Ему достаточен был самый факт ее существования; сам же он собирался тогда только красить и строить дома. Он верит в аристократию; для аристократии нужны подданные, и Гитлер с самого начала согласен быть подданным. Он принадлежит к числу тех, в ком только война пробудила интерес к политике. Такие люди, пришедшие к политике не по внутренней склонности, а в результате того или другого переживания, не всегда оказывались самыми крупными политическими талантами; но Гитлер несомненно не принадлежит к самым худшим из этих талантов.

Этот поклонник Фридриха Великого и Бисмарка[37а] находит в Германской империи Вильгельма II только вредные наросты, нуждающиеся в устранении, но по существу его консерватизм позволяет ему

удовольствоваться прелестями существующего режима и уповать на исцеляющую силу нации. Революция 1918—1919 гг. оскорбила сокровенные чувства Гитлера и не могла не толкнуть его на путь протеста. Гитлер обладал в достаточной мере темпераментом, чтобы довести этот протест до контрреволюции; его образу мышления безусловно противоречит все революционное. И вот сторонник авторитарного государства, поклонник «культа вождя» уже 14 лет оказывается революционером поневоле. Первоначально в нем еще говорит возмущение верноподданного, у которого отняли его короля. Лишь окружающая его обстановка, быть может также пример Муссолини, делают его «вождем», причем первоначально только вождем восстания. Сперва он считает своей задачей только расправу с марксистами. Еще в октябре 1923 г. он заявляет, что задача его будет исчерпана, лишь только он приведет народ к восстанию.

Но жизнь коротка, а путь учения долог; с течением времени образ вождя национальной революции мало-по-малу превращается в его сознании в образ повелителя. В Гитлере уже рано сказывались черты преувеличенного самомнения; они чередуются теперь с внушающей бо́льшую симпатию, хотя и высокопарной, рассудительностью; когда в апреле 1922 г. ему предстоит отправиться на месяц в тюрьму за насильственный срыв собрания противника, он заявляет: две тысячи лет назад некто другой тоже был ввергнут в узилище и сделали это представители той же расы, которые теперь тащат в тюрьму его, Гитлера. Но год спустя он признается с глазу-на-глаз: «Ведь все мы лишь Иоанны Крестители в миниатюре. Я жду пришествия Христа». В этом заключается немалый трагизм; человек ожидает Мессию, тоскует по владыке, но в конце концов сам берет на себя роль повелителя, потому что не нашлось другого господина. Здесь неизбежен надрыв. Поэтому его роль повелителя и остается всегда лишь образом и обещанием, никогда не претворяясь в дело.

ТРАГЕДИЯ ДИПЛОМА

В известной мере этот политический надрыв сопровождается душевным надрывом. Противники и непочтительные сторонники обозвали Гитлера недоучкой. Но этот упрек, самый дешевый из всех, вряд ли справедлив хотя бы наполовину. Благодаря изумительной памяти Гитлер запомнил массу прочитанного материала, причем вовсе не непереваренного. Что он переварил его, видно из той захватывающей, гипнотизирующей манеры, с которой он умеет передавать свое знание слушателям, как ни причудлива порой его собственная приправа. Неверно также, что Гитлер не имеет специальных знаний. Быть может, он был не плохим архитектурным чертежником. Его внешнеполитические проекты, ставшие с течением времени более зрелыми, свидетельствуют о серьезной умственной работе.

Выше упоминалось о ребячестве его стиля. Его постоянное преклонение перед великими, неподражаемыми, гениальными натурами, творившими всемирную историю, просто претит; это действительно стиль ученика третьего класса. Наивный стиль мальчугана из Ленца,

который на торжественном вечере с упоением декламирует одну и ту же высокопарную оду и вдобавок плохо справляется с высоким литературным стилем: «Как основываются государства? Они основываются блистательными вождями и народом, который заслуживает лаврового венка на свое чело». От частого повторения эта фраза становится скучной.

Горячее воззвание—это еще куда ни шло. Но совсем невмоготу становится, когда эти тирады пишутся «железным грифелем» например для обоснования отрицательного отношения к расширению прав президента республики в связи с плебисцитом 1928 г., произведенным по требованию Стального шлема. Послушайте Гитлера: «Только боевая решимость человека, борющегося за свою жизнь, ведет к суверенной свободе действий по отношению к жизни других... Защищая мнение, что путем демократических решений в пользу расширения конституционных прав можно дать людям способность поновому определять судьбы народов, вы этим лишь показываете, в какой мере вы, хотя и совершенно бессознательно, сами заражены уже ядом демократии и кроме того из страха перед силой личности предпочитаете поднимать значение должности».

Здесь немецкий язык отдан в жертву канцелярскому писарю. Сама идея недурна. Гитлеру попросту хочется сказать: «Зачем вы возносите на престол Гинденбурга, раз вы имеете меня, Гитлера?» Разумеется, плохой немецкий язык Гитлера объясняется не тем, что он не писал в гимназии немецких сочинений. Недостатки стиля—это недостатки характера.

Трагедия его образования—это трагедия его характера. В школе он был неудачником; он проворонил экзамены, бездельничал. Это не беда, а вина его, она вечно будет его мучить. Кто имел с ним дело, тому не могла не броситься в глаза его неуверенность по отношению к людям, обладающим дипломами и титулами, прочным общественным положением и репутацией. Неуверенность эта проявляется либо в смущении либо в утрированной грубости. Посмотрите только на его поведение на суде. Как бестактно ведет он себя перед председателем: то кричит на него, то буквально лебезит перед ним... Конечно мы имеем здесь в виду не его короткие выступления в последние годы в качестве свидетеля, а его поведение на прежних процессах, когда он был еще простым обвиняемым, а не «великим человеком».

Трудно предположить, чтобы человек с репутацией Гитлера просто пугался общественного положения своего партнера. Вероятно люди с рангом и титулом представляются ему в некотором роде идеалом, образцом:—ведь они добились в молодости того, что он прозевал. Даже головокружительная слава Гитлера не может полностью заменить ему сознание исполненного долга. Характернейшей чертой этого одностороннего таланта является неуравновешенность.

ЛЕГЕНДА О «ЧЕЛОВЕКЕ ИНСТИНКТА»

Какие дарования вносит Гитлер в свою карьеру?

Пережитая в молодости болезнь легких, отравление ядовитыми газами на войне, чуть было не поведшее к потере зрения и к галлю-

цинациям, придали его организму ту легкую уязвимость, которая часто вызывает усиленную работу ума и иногда закаляет характер. С самого начала своей политической карьеры старый солдат Гитлер подчеркивает, что он—штатский человек. В годы инфляции, когда почти каждый молодой немец расхаживал в гетрах или гамашах, он неукоснительно носит брюки на выпуск.

Перед штурмовиками и их офицерами он всегда старается выступать в позе народного комиссара. В политике он придает большое значение силе, слишком большое в сравнении с левыми. Но среди правых он с самого начала самый видный антимилитарист, если под милитаризмом понимать передачу политики в руки военщины. Он видит в армии главное орудие политики, но только орудие, не более того. На этой почве возникло непримиримое принципиальное разногласие между ним и Ремом, ставшим впоследствии начальником его штурмовых отрядов; это разногласие было преодолено на деле благодаря аполитичности Рема.

У Гитлера нет твердой воли. Многочисленные свидетельства окружающих его людей, его политических партнеров, подчеркивают в нем недостаток самообладания, истеричность. Даже в частной беседе истерические взрывы внезапно сменяются жалким лепетом, как только собеседник переходит в наступление, задает вопросы, переносит спор на почву фактов. Худший из всех игроков, Гитлер не в состоянии спокойно встретить поражение и предвосхищает поражение уже в безобидной форме вопроса на неприятную тему. Как одержимый он по самым ничтожным поводам беснуется в своем бюро, мечется из комнаты в комнату; из-за запропастившейся стенограммы своей последней речи—а его последняя речь всегда самое крупное событие—он в состоянии обещать надавать пощечин своим старейшим сотрудникам. Это—слишком впечатлительный человек, которого более холодные товарищи—а кто не будет в таких случаях более холоден?—не раз с позором осаживают. И тем не менее он все же проводит свою далеко не твердую волю. Проводит ее благодаря своей голове.

Противники, которые его не дооценивают,—а таковы почти все его противники,—считают его человеком инстинкта, который благодаря своему проникновению ясновидца в тайны народной души всегда умеет найти слова, обеспечивающие успех, совершенно вне зависимости от того, правильны ли они по существу. Это суждение противников в высшей степени легкомысленно по отношению к человеку, характер которого в достаточной мере открыт для общественной критики. Несмотря на все свое искусство, Гитлер вначале нередко проваливался перед своими слушателями; он сам рассказывает об этом в своей книге. Как и всем ораторам, ему пришлось подучиться, чтобы иметь успех; правда, он скоро справился с этим и овладел рутиной, которая требуется от оратора. Но инстинкт?

Люди инстинкта—обычно холодные и сдержанные люди, ибо инстинкт говорит неслышным голосом. Гитлер же, напротив, при малейшем поводе теряет самообладание и орет, ему никогда не удается быть господином положения, в момент, когда требуется быстрое решение, он часто запаздывает. Не таков человек, следующий вну-

треннему голосу. Кто изучает его речи не в исковерканной передаче телеграфного агентства, а на месте, на собраниях или же по более или менее дословному изложению их в «Фелькишер беобахтер», тот найдет в них совершенно другой отличительный признак, нежели умение попасть в тон массе, он найдет в них логичность.

НЕДОСТАТОК ВОЛИ, НО ЗАТО ХОРОШАЯ ГОЛОВА

Сила Гитлера—в его железной логике. Быть может, ни один другой политический деятель современной Германии не обладает в такой мере смелостью делать из данной ситуации неизбежные выводы, возвещать их, не боясь насмешек инакомыслящих, а главное—поступать сообразно этим выводам. В этой силе логики и заключается секрет убедительности его речей. Когда генерал рейхсвера фон-Лоссов[38] в 1923 г., уступая настояниям баварского правительства, привел 7-ю дивизию к присяге в пользу Баварии, а потом пошел на попятный и стал искать компромисса, Гитлер является к нему и отчеканивает: «С военной точки зрения здесь немыслимо прощение и соглашение. Военачальник с столь широкими правами, раз поднявшись против своего начальника, либо должен иметь решимость пойти до крайнего предела, либо является простым бунтовщиком и мятежником и должен пасть».

На словах это очень просто, и ход событий соответствовал этому. Но Лоссов пытался вывернуться, не хотел понять этого и—что важнее—не соглашался действовать соответственно этому. И действительно через пять месяцев последовало его падение, хотя он тем временем даже приобрел заслуги в деле подавления гитлеровского путча. Гитлер на пять месяцев раньше других предвидел то, что исторически было само собой разумеющимся; как он тогда выразился: сказав *А*, надо сказать и *Б*. Это—основное правило для людей последовательных, для людей логики.

Кто не признает за Гитлером сильной логики, тот, пожалуй, не найдет ничего замечательного и в его книге «Моя борьба»[39]. В ней нет системы, она бесконечно повторяется и поэтому в общем скучна. Но в ней есть множество интереснейших деталей. Конечно это—книга интернационального антисемита, и кто взял ее в руки, должен учитывать те предпосылки, из которых она исходит.

ПЛОХОЙ ПРОРОК

Но здесь достоинства этого ума превращаются в свою противоположность. Насколько метки его умозаключения, настолько же легковесны, поверхностны и надуманы его наблюдения. Трудно превзойти его в логической дедукции из данного фактического материала, но при подборе фактического материала он часто грубейшим образом ошибается, бьет мимо цели, так как оказывается в плену своих прежних умозаключений и не умеет трезво констатировать факты. Так например в 1921 г. он самым категорическим образом предсказывает предстоящее вскоре падение советской власти; осенью

1923 г. он негодует: Штреземан—притворщик и отлично знает, что французы никогда не уйдут из Рурской области; находясь в заключении в Ландсбергской крепости, он торжественно возвещает своим товарищам по заключению, что в 1928 г. над берлинским дворцом будет развеваться флаг со свастикой; осенью 1931 г. он уверяет товарищей по гарцбургскому блоку[40], что не далее как через три месяца придет к власти.

Конечно другие политические деятели тоже ошибались. Но ведь Гитлер претендует на непогрешимость. После убийства Ратенау в 1922 г. он восклицает: «Я никогда не говорил вам, что то или другое может наступить, я всегда говорил, что оно наступит, потому что должно наступить и иначе быть не может; то, чего мы ожидали, случилось теперь». Речь шла о «пророчестве», что из столкновения между централистской позицией имперского правительства и взглядами баварского федерализма должны будут возникнуть конфликты; чтобы предвидеть это, воистину не требовалось никакого пророческого дара.

«Аподиктическая достоверность» пророчества, которую Гитлер возвел в основной принцип пропаганды, уже не раз мстила за себя и ставила Гитлера в затруднительное положение. В 1925 и 1927 гг. дела его были так плохи, что были почти равносильны краху. Нынешняя кривая его успехов, начавшихся в 1929 г., тоже рано или поздно должна будет упасть и вернуться к своей исходной точке. Тогда видно будет, что останется от исторических перспектив Гитлера. Хуже всего то, что Гитлер повидимому искренне верит в свой пророческий дар—в этом сказывается вся наивность человека, в глубине души—неполитика, считающего удачные политические пророчества не игрой в лото, а результатом политической дальновидности.

Вера в «революционную ситуацию» 1 мая 1923 г., ошибочный расчет 8 ноября того же года, неудавшийся план подчинить себе националистов из других партий в 1925 г., слишком поздно понятое значение союза с Гугенбергом, упорная и тщетная вера в то, что он завоюет рабочий класс, непонимание важности завоевания сельского населения—все это примеры ложных диагнозов по основным вопросам. Однако, как только тот или другой факт установлен, Гитлер умеет лучше кого-либо другого извлечь из него уроки на будущее.

Есть старый каламбур: кто желает делать политические предсказания, тот должен тщательно взвесить все наличные обстоятельства, сделать вывод по всем правилам строгой логики, а после этого принять за истину прямо противоположное. Из этих трех предпосылок Гитлер выполняет только вторую. Для первой у него нехватает терпения, для третьей—мудрости.

ЧЕМ ЖЕ ОН БЕРЕТ?

Вот тирада, произнесенная в 1922 г., в которой сказался весь Гитлер. Советуем прочитать ее вслух.

«Евреи выкинули действительно гениальный трюк. Этот капиталистический народ, который первым в мире вообще ввел беззастен-

чивую эксплоатацию человека человеком, сумел захватить в свои руки руководство четвертым сословием, причем подошел к этому с двух сторон, справа и слева, недаром у них апостолы в обоих лагерях. В правом лагере евреи стараются так резко выразить все имеющиеся недостатки, чтобы как можно больше раздразнить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие, отвратительный снобизм. Все больше евреев пробиралось в лучшие семьи; в результате ведущий слой нации стал по существу чужд своему собственному народу».

Это создало предпосылку для работы в левом лагере. Здесь евреи развернули свою низкую демагогию. Они выкурили национальную интеллигенцию из руководства рабочим классом: во-первых, интернациональной ориентировкой, во-вторых, марксистской теорией, объявляющей воровством собственность как таковую. Это заставило уйти национально настроенную и хозяйственную интеллигенцию. Таким образом евреям удалось изолировать это движение от всех национальных элементов. Далее им удалось путем гениального использования печати в такой мере подчинить массы своему влиянию, что правые стали видеть в ошибках левых ошибки немецкого рабочего, а ошибки правых представлялись немецкому рабочему в свою очередь только как ошибки так называемых буржуа. И оба лагеря не заметили, что ошибки обеих сторон являются не чем иным как преднамеренным результатом дьявольского науськивания со стороны чуждых элементов. Таким образом могло случиться—ирония истории,—что евреи-биржевики стали вождями немецкого рабочего движения. В то время как Мозес Кон, секретарь правления акционерного общества, подбивает последнее на крайнюю неподатливость требованиям рабочих, другими словами—на неправое дело, брат его, вождь рабочего класса Исаак Кон, действует на фабричном дворе и науськивает массы: вот смотрите, как они угнетают вас. Сбросьте же свои цепи!..

А в то же время наверху его же братец помогает ковать эти цепи. Эти господа желают, чтобы народ уничтожил основу своей независимости—хозяйство и тем вернее попал в рабство этой расе, в золотые цепи вечной кабалы процента».

Повторяем: это надо читать вслух, причем надо представить себе обстановку: напряженный, хриплый, вибрирующий голос оратора, заполняющий весь зал... Масса, которая, слыша это, не пришла бы в бешенство, должна была бы состоять из бесчувственных пингвинов. Это—гениальное развитие темы о «сионских мудрецах», гениальная иллюстрация к ней.

ЗАГОВОР РАВВИНОВ

Все это рассуждение построено на целом ряде явных передержек. Прототип всех еврейских вождей пролетариата—Лассаль был далек от того, чтобы выкуривать нееврейскую интеллигенцию; напротив, он всячески привлекал ее и, даже более того, он предостерегал своих товарищей против еврейского руководства. Можно доказать, что еврей-социалист часто оказывается отщепенцем в семье, врагом, а не компаньоном своего «братца». И наконец образ Исаака Кона, под-

стрекающего массы на фабричном дворе, противоречит обычному утверждению из того же источника, что еврей слишком белоручка, чтобы мешаться в рабочую массу. И тем не менее из всех этих передержек создается законченная картина чрезвычайной выразительности.

Требуется доказать существование заговора. По старому приему софистики заговор незаметно в процессе речи превращается в доказанную предпосылку. Из этой предпосылки с необходимостью вытекают затем отдельные мысли и практические выводы, тогда как в сущности они сами нуждаются в доказательстве, прежде чем могли бы послужить доказательствами. Заговор существует, потому что социалистическая и революционная деятельность евреев ведет только к разрушению национальной экономики; эта деятельность ведет только к разрушению национальной экономики, потому что вытекает из еврейского заговора, а заговор существует, потому что... Вся цепь доказательств лжива в целом, но именно поэтому она неуязвима в каком-либо отдельном пункте. В самом деле, допустим даже, что удалось довести дискуссию до основного вопроса: где доказательство заговора? В таком случае вам ответят примерно следующее: заговор можно узнать только по его результатам; если бы известно было его начало, он тогда же был бы раздавлен. И наконец публика всегда предпочитает поверить хотя бы и на 90% недоказанному разоблачению, чем опровержению, хотя бы оно было обосновано на все 100%.

Такова в особенности та публика первых послевоенных лет, которая никак не желала мириться с жребием судьбы, решившим войну не в пользу Германии. Для этих людей величие, проявленное Германией в грандиознейшей из всех войн, шло насмарку, если нельзя было объяснить поражение какой-либо магией. Все легенды о добродушном богатыре и коварном карлике, оказывается, были предвидением этой судьбы Германии, этого падения мировой империи в результате чего-то незначительного, презренного, незамеченного, в результате конгресса талмудистов в Базеле. Признаться в честном поражении в великой борьбе не желали; почему-то считали, что почетнее быть сраженными не мечом, а жалким червем. «Виноваты евреи»— так утешала себя эта публика. Нотабене: таков был народный антисемитизм первых послевоенных лет. Наряду с ним имелась и более глубокая трактовка проблемы; в частности ее культивировала впоследствии берлинская группа национал-социалистов, возглавлявшаяся Отто Штрассером[41]. Но Розенберг стоял за правоверную версию, он верил в чудо «сионских мудрецов» буквально.

МАСТЕР СЛОВА

Приведенная выше цитата проливает яркий свет на психику Гитлера, как «человека инстинкта». Трудно представить себе более печальное заблуждение инстинкта. Задача заключалась в том, чтобы открыть глаза обманутым рабочим. Как же это делается? Гитлер рассказывает им, что евреи пятьдесят лет водили их за нос. Он рассказывает это, можно сказать, эффектно. Но если бы даже он преподнес это в сто раз эффектнее, это должно было лишь теснее сплотить рабо-

чих вокруг старых вождей. Человека нельзя заставить отказаться от своей партии, своих убеждений, своих товарищей, заявляя ему, что все покоилось с самого начала на лжи. Такого рода заявления вызовут только возмущенные протесты. Нет, рецепт должен быть другой. Надо было заявить своим слушателям: ваши стремления, ваши взгляды были и остаются правильными, но изменники воспользовались вашей верой и погубили дело. По этому рецепту поступали впоследствии оба брата Штрассеры и имели по крайней мере частичный успех. Гитлер же, «рабочий вождь», которому осталась совершенно чуждой душа рабочего, не понял, что оскорблял своих слушателей, если вообще у него были рабочие слушатели. На самом деле они к нему не явились. Газета «Фелькишер беобахтер» жаловалась однажды, что партийная нагайка марксистов с успехом удерживает рабочих от посещения национал-социалистических собраний.

Слова Гитлера к рабочим выражали чаяния и мысли совершенно другого общественного слоя. Но об этом речь впереди.

Кто захочет открыть секрет ораторского искусства Гитлера, тот найдет в цитированном отрывке уже все элементы этого искусства. Прежде всего фабула: мировой заговор. Уже одна эта тема наполовину обеспечивает успех. Огромнейший интерес вызывает, во-первых, объект заговора—это сами слушатели; во-вторых, утонченность его методов. Авторы заговора—люди, которым всегда более или менее сознательно приписывали такую утонченность,—евреи. Результаты заговора сказываются на самых противоположных концах; тема охватывает «весь мир». Враги оказываются также там, где их меньше всего можно было ожидать, так сказать у себя же под носом. Разжевав все это в двух-трех версиях, Гитлер несколькими мастерскими мазками набрасывает яркую картину, являющуюся действительно как нельзя более удачной иллюстрацией к его аргументам насчет обоих братцев—Мозеса и Исаака Кон. Конечно внимательный читатель, оставшись сам с собой, без особого труда может распутать этот узел с помощью логики; но массу это гипнотизирует, она легко попадает во власть этих приемов, покорно принимает их на веру.

Блестящий финал—это всегда шедевр у Гитлера. Так например он восклицает: «Что такое интернационализм? Кто должен быть интернационалистом? Конечно немецкий рабочий. Он должен быть «братом» китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса; все эти люди, видите ли, ближе ему, чем его немецкий работодатель. Дорогие друзья, не возражайте, вам действительно десятки лет рассказывали эти басни, и вы верили им. На самом же деле существует только один единственный интернационал, да и то только потому, что он построен именно на национальной основе,—это интернационал еврейских биржевиков и их диктатуры».

ВЕРА В АГАСФЕРА

Гитлер проделал известный путь развития. Это был немалый путь. Но был ли это путь к лучшему? Критики в рядах его собственной партии противопоставляли его примитивности «принципы», пыта-

лись подвести определенную программу под озлобление буржуазии, выразителем которого явился Гитлер. Было ли это к лучшему? Их антисемитизм направлен уже не против заговора нескольких десятков раввинов, а против пагубного влияния «еврейского духа» на всю нашу культуру и хозяйство. Разумеется, такого рода антисемитизм скорее находит отклик у «чистой публики», быть может также у противников. Но он удаляется от духа политики, которой нужен конкретный враг, точно так же как социализм теряет свою силу, если обращается против капитализма вообще, а не против конкретных эксплоататоров-капиталистов. Имеются основания предполагать, что хотя Гитлер, выйдя в люди, прибегает теперь в своих речах к более дипломатическим приемам, он не отказался от своей веры в то, что все зло воплощено в «еврействе». Еще в 1925 г. он, не моргнув глазом, восклицает: «Франкфуртская газета» то и дело плачется перед миром, что протоколы сионских мудрецов—фальсификация; эти ее фокусы—вернейшее доказательство, что протоколы подлинны». Раз человек верит в заговор раввинов, эту веру вряд ли истребит в нем процесс превращения в зрелого человека.

Впрочем, как ни далеко это миросозерцание от действительности, оно представляет столь цельную картину, так умело скомпановано, что оставило далеко позади все предшествующие построения в том же духе. Отдельные краски взяты с чужих палитр, но объединение их в одно целое—дело недюжинного ума, который создал таким образом конечно не картину действительности, но весьма своеобразную выдумку. Создатель этой системы торжествует в ней над фактами.

МАСТЕР-НЕВРАСТЕНИК

Вместе с тем Гитлер торжествует также над собственными недостатками. Этот человек с надрывом, этот хрупкий характер, столь слабый перед сильными, в то же время усилием своего интеллекта главенствует над всеми. Человек, который в часы досуга кажется робким и застенчивым, который перед незначительными посетителями даже не пытается становиться в позу Вильгельма, который не рисуясь дает полный простор своим настроениям, который запускает свою работу и месяцами откладывает решение по ряду второстепенных вопросов, который из простой халатности выпускает из рук важные участки организации,—этот человек в решительную минуту превосходит всех своих сотрудников также своей силой воли. В таких случаях он целыми днями и неделями обдумывает заранее свое поведение и тактику, рассчитывает один за другим свои выпады, удары и ответные удары; он точно подбирает круг участников, сталкивает одних противников с другими, преисполняется соответствующим настроением—и, прежде чем дело дойдет до борьбы, спор уже решен. В таких случаях он умеет оседлать свой не знающий удержу темперамент для одной нужной цели, умеет использовать, где следует, как свою неврастению, так и свои ложные знания, когда же он беснуется, умные не противоречат.

Это-то ему и нужно. Пусть в спокойные моменты более хладно-

кровные люди болтают всякий вздор и заставляют его действовать по-своему; в конце концов они нуждаются в его санкции, без него они ничто. Благоговеющие перед ним сотрудники, как например молодой Эссер, восхваляют его быстроту в решениях. Но эти люди и не представляют себе, что кто-либо может пролежать всю ночь, не смыкая глаз, а на утро преподнести удивленному совету вождей готовое решение.

Недовольные в свою очередь жалуются на обратное. Они заявляют, что от Гитлера чрезвычайно трудно услышать его подлинное мнение, что областным руководителям (стало быть высшим партийным инстанциям) приходится по месяцам добиваться этого. Возможно, что со стороны партийного вождя это в самом деле не идеальное поведение. Но это добродетель повелителя. Не иначе обращался Тиберий со своими любимцами, Фридрих Великий—со своими помещиками, Наполеон—со своими маршалами. Правда, такая медлительность мало годится для современной государственной машины, которой после Бисмарка нужен не повелитель, а смазчик. Но национал-социалистическое государство—а партия, как мы увидим, уже теперь обнаруживает многие черты его—находится в настоящее время только в своем феодальном периоде, в лучшем случае это султанат с довольно самостоятельными визирями. Как, собственно, представляют себе критики управление этим волнующимся морем из одного центра по мановению волшебного жезла? Медлительность здесь не личный недостаток, а практическая государственная мудрость; она необходима, чтобы справиться со всеми этими Махмед-Али национал-социалистической партии, которые в редких случаях желают именно то, что желательно вождю. Это в лучшем случае на одну треть слуги дела, а на две трети честолюбивые сатрапы, думающие только о себе самих.

Сумеет ли однако этот хитрый повелитель национал-социалистического государства, повелитель с явно выраженными «балканскими» чертами руководить также современным государством? Достижения его в качестве партийного вождя заставляют сомневаться в этом.

Этот человек, переходящий от настроения к настроению, придерживается своих взглядов с таким упорством, которое не может не наскучить политическим дилетантам—правда, не массе,—но ведь она и не является политическим дилетантом. Голова, управляющая этим трепещущим комком нервов, умеет всегда направить нервы на путь, признанный правильным головой. Несмотря на все колебания, этот человек в конце концов возвращается к своему исходному «закону», он остается верен этому закону, как магнитная стрелка, которая дрожит и колеблется, но в конце концов все же показывает всегда на север.

Противники смакуют слова генерала фон-Лоссова, которому пришлось близко узнать Гитлера: «Увлекающее и гипнотизирующее красноречие Гитлера произвело вначале и на меня сильное впечатление. Однако чем чаще я слышал Гитлера, тем более притуплялось это первое впечатление. Я заметил, что в этих длинных речах почти всегда содержится одно и то же». Вот как!.. Какая, в самом деле,

досада, что политический деятель постоянно требует одного и того же от власть имущего, который уже твердо решил не выполнять этого требования. Несомненно генералу фон-Лоссову было бы гораздо более по душе, если бы Гитлер хотя разочек поговорил с ним о чем-нибудь другом. Но тогда Гитлер не был бы политиком, а рассказчиком анекдотов.

ДИПЛОМАТИЯ СИЛЬНЫХ СЛОВ

У Гитлера имеются дипломатические способности, но они парализуются недостатком самообладания. Чего стоит например сцена с Лоссовым, которому Гитлер часами проповедует поход на Берлин. Лоссов позволил Гитлеру и Кару вовлечь себя в «мятеж» против Берлина, но скоро ему стало не по себе. «Генерал фон-Лоссов сидел совершенно подавленный»,—рассказывает Гитлер на своем процессе по обвинению в государственной измене. «Это возможно,—ухмыляясь возражает Лоссов, выступающий в качестве свидетеля,—так как я действительно был подавлен речами Гитлера». Кавалер Лоссов хотел своим любезно безучастным поведением дать понять трибуну, что не нуждается в его присутствии. Но когда Гитлер увлечен собственной речью, он ничего не видит и не слышит и его не выпроводишь тонкими намеками—это могут засвидетельствовать Гугенберг[42], Брюнинг и Гинденбург.

Впрочем, когда у Гитлера есть время подготовиться, он умеет также дипломатически использовать свои козыри. Так например, когда он не может увильнуть от ответа на вопрос о своих денежных источниках, он разражается следующей тирадой: «Партия Барматов и Кутискеров[43],—кричит он хриплым голосом и глаза его горят,—партия Парвусов[44], Скляров и Якобов Гольдшмидтов[45], партия еврея-миллионера Розенфельда[46] думает замарать идею, сторонники которой изо дня в день рискуют своей жизнью и этим воочию показывают народу, что составляет нашу силу: эта сила—героическое самоотвержение тысяч и тысяч немецких мужей и юношей, которые бесстрашно проливают свою кровь, они мертвой хваткой держат врага и не выпустят его, пока он не будет повержен впрах». Репортер может уже не стенографировать далее; восхищенные слушатели избавляют оратора от необходимости высказаться по вопросу, откуда же собственно у него взялись деньги.

Если задеть Гитлера насчет его поведения в вопросе о Южном Тироле—а это щекотливая тема, во всяком случае для слушателей из правого лагеря,—он не полезет за словом в карман. «Не мы предали Южный Тироль, а те, кто в 1918 г. нанес германской армии удар в спину». Когда озлобленный бывший соратник фон-Грефе[47] задал Гитлеру вопрос, является ли он еще и поныне «скромным барабанщиком» как прежде или уже Цезарем завтрашнего дня, ответ гласил: «Не говорите мне о п р е ж н е м барабанщике, г-н фон-Грефе. Я был и остаюсь барабанщиком национального восстания, но не для вас и вам подобных».

Лавирование на всех парусах—немалое искусство. Гитлер умеет так уклониться от ответа, так замолчать или запутать вопрос, что

у слушателей создается впечатление пылкой и страстной откровенности. Самые извилистые тонкости, самые рискованные извороты у него—те же удары топором; даже крадучись, он едет в машине с мотором в 100 л. с.

ЕГО ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Неказистой стороной этой дипломатии являются ее соглашения и клятвенные обещания. Вы сговорились о чем-нибудь с ним, а потом вам приходится выслушивать от него, что сговор означал вовсе не то, что усмотрел в нем партнер. Так было дело например с начальником баварской полиции Зейсером, который был уверен, что Гитлер обещал ему не делать путча. Да, Гитлер не сделает его до определенного времени, но потом будет считать себя свободным от всех обязательств и от всех своих уверений в лойяльности.

Глупо конечно, что начальник полиции Зейсер так плохо понял г-на Гитлера. Но ведь генерал фон Лоссов утверждает, что и ему Гитлер дал такое же обещание. Значит, генерал тоже плохо понял великого оратора... Так продолжается из года в год. Гугенбергу и Брюнингу приходится убедиться, что нет возможности правильно понять обещания Гитлера. В 1932 г. Гитлер обещает президенту республики Гинденбургу не выступать против министерства Папена; на сей раз очередь за старым фельдмаршалом неправильно понять Гитлера. Когда Гитлер объявил потом, что требует для себя всей полноты государственной власти, президент республики снова «понял его неправильно». В ноябре 1922 г. Гитлер заявляет баварскому министру внутренних дел д-ру Швейеру: «Г-н министр, я даю вам честное слово, что никогда в жизни не прибегну к путчу!» Потом министру пришлось узнать, что честное слово Гитлера может потерять свою силу через четверть года, когда от него потребовали выполнения данного обещания. При этом Гитлер сам обижается и возмущается, когда ему напоминают о данном им честном слове. Так как «ложное понимание» его обещаний имеет место столь часто и притом со стороны столь многих и столь различных лиц, мы можем позволить себе следующее заключение: не умеющий владеть собой Гитлер просто не знает, что он обещает, его обещания не могут считаться обещаниями солидного партнера. Он нарушает их, как только это в его интересах, и при этом продолжает еще считать себя честным человеком.

Этого игрока, то находящегося во власти своих расходившихся нервов, то хладнокровно взвинчивающего свои же нервы, используя их в качестве козырей, его биограф Шотт назвал «человеком души», «человеком, грезящим наяву». Шотт—сам чувствительный проповедник, его рассудок в плену у его душевных порывов; как и другие разгадчики величайшего народного оратора наших дней, он не понял, что политический оратор должен уметь преподносить трезво обдуманные мысли в неистовых речах. В своей книге Гитлер обижается и протестует против оценки его как оратора-демагога или как блаженного; но противники, а также восторженные приверженцы предпочитают эту общепринятую версию. Ближе подошел к истине один из самых ранних поклонников его, можно сказать, первый член национал-со-

циалистической партии с мировой известностью, Г. Ст. Чемберлен; в 1923 г. он пишет Гитлеру: «Вы вовсе не фанатик, каким мне вас описывали; я назвал бы вас даже прямой противоположностью фанатика. Фанатик стремится воздействовать на других силой слова, а вы желаете их убедить».

СЕКРЕТ ЕГО ФИЗИОНОМИИ

Он тщеславен до чортиков. Наполеон, Гете, Бисмарк тоже были тщеславны на более или менее утонченный манер. Фридрих Великий, Шарнгорст[48], Ленин не были тщеславны. Само по себе тщеславие не является ни украшением, ни позором; все дело в том, в какую сторону оно направлено. «Мои слова и действия принадлежат истории», эта фраза Гитлера первых времен его политической деятельности находится на грани между самосознанием творческой личности и глупостью.

Вначале тщеславие его проявляется, так сказать, наивно, он не разрешает распространять своих портретов. Он поступает так возможно по соображениям чисто внешнего характера; он сбрил свои солдатские усы, которые носил в первые годы после войны, должно пройти некоторое время, чтобы он сам и его окружающие привыкли к его новой физиономии. Так или иначе, может быть даже просто по счастливой случайности, лицо его оставалось неизвестным, а это заинтриговывало публику. Вопрос: «Как собственно выглядит этот Гитлер?»—так же занимал мюнхенцев, как несколько лет спустя другой вопрос: «Кто этот Гитлер, которому правительство то и дело запрещает выступать на собраниях?» Но ореол тайны вокруг личности Гитлера—не только пропагандистский прием. В характере Гитлера есть некоторая скрытность; нельзя сказать, чтобы жизнь его была как на ладони перед товарищами. Он обижается, когда ему задают вопросы об источниках его существования. Сколько ни уверяет друг его Гесс якобы на основании вернейших сведений: «Я знаю, что и эта сторона чиста»,—ему не верят. Возможно, что вообще не было оснований скрывать что-либо. По всем признакам Гитлер принадлежит к тем натурам, которым претит быть нараспашку. Кто доверяет ему, должен верить и не допытываться истины. Это—старый рецепт всех пророков. Таким образом таинственность придает особую силу отношениям между ним и его приверженцами.

Он одевается в обыкновенное штатское платье и по сию пору нарочито не шьет своих костюмов у модных портных. В первые годы это, можно сказать, выделяло его из среды тогдашних правых лидеров, щеголявших в фантастических мундирах защитного цвета. Впоследствии он часто носит форму штурмовика, для того чтобы его солдаты не забыли своего верховного главнокомандующего. Но его «настоящий» костюм выглядит иначе; посмотрите на Гитлера после двухчасовой горячей речи: воротничок образует мокрый жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, манжеты съехали в сторону, пуговицы оторваны...

Для публичных выступлений в роли государственного мужа он придумал себе позу, явно напоминающую скрещенные руки Напо-

леона. Он складывает руки параллельно на животе под прямым углом к плечу, один локоть упирается в кисть руки. Это производит впечатление большого самообладания.

Лицо его—предмет смущения для приверженцев и злорадства для противников. Никакими прикрасами не скрыть, что это—ничего не говорящее лицо, без всякого выражения. Мюнхенский ученый фон-Грубер, специалист по вопросам расовой гигиены, объявляет лицо Гитлера признаком плохой расы и приводит в подтверждение подробные доказательства. Гладкие пряди темнорусых волос и подрезанные усики—что может быть прозаичнее. И только порой в глазах вспыхивают огоньки. Кажется, что видишь перед собой одного из безымянной серой массы, «неизвестного солдата», который в внезапном экстазе изрекает мысли миллионов безымянных, мысли, за которые три года назад безымянные товарищи в окопах осмеивали «помешанного» Гитлера. Быть может, здесь кроется разгадка всей его личности: заурядный тип в самом высшем своем проявлении.

А впрочем разве замечательные люди всегда выглядят «замечательно»? Все мы относимся с недоверием к людям, причесывающимся под Гете или под Наполеона, и известно, что великие люди в общем выглядели вовсе не так, как их изображают на стереотипных портретах. Разные эпохи и в особенности XIX столетие старательно затушевывали ненормальное, одностороннее, болезненное в физиономиях великих людей и наделяли их вместо этого чертами Юпитера, а между тем именно в этой ненормальности выражения лица часто сказывается громадное внутреннее напряжение. Сравните хотя бы голову Муссолини, тоже ставшего жертвой этого стиля, с его стилизованными портретами под Наполеона: как вульгарно и буржуазно выглядит этот толстяк-диктатор. Если Гитлер не выглядит так, как великие люди на медалях, это ничуть не говорит против него; но беда в том, что он говорит ни дать ни взять, как эти великие люди говорят в хрестоматиях для школьников.

За последние годы лицо его неоднократно менялось. Раньше всего в нем появилось выражение, словно судьба только что вылепила человека из необделанного еще материала. В последнее время у него появились признаки ранней старости и выражение недоумения.

В какой мере Гитлер является медицинской проблемой—это пока еще остается тайной его врачей. От людей, часто видевших его, не могли скрыться патологические черты в нем. Подобными симптомами в его поведении являются припадки мизантропии, бегство от людей, порой невменяемые речи.

ПОРТРЕТ

Имеется замечательное описание, принадлежащее одному из близких и посвященных *:

«У него живой, быстрый, находчивый ум; написанные им про-

* В нижеследующем дается перевод по немецкому тексту у Гейдена (*прим. перев.*).

кламации обнаруживают, несмотря на некоторую грубость, мощность и силу стиля; наконец, что самое главное, у него большой прирожденный, бросающийся в глаза, ораторский талант.

Однажды, на одном совещании, произошло следующее. Социал-демократы выпустили листовку, в которой о нем говорилось в грубом тоне как о зазнавшемся демагоге. Кто-то принес с собой эту листовку на совещание. Он прочитал листовку и сразу преобразился. Он как бы рос, глаза его горели. Он с силой ударил кулаком по столу и начал говорить. Слова его не только были незначительны, в них вообще было мало смысла. Он грозил, что «сотрет социал-демократов с лица земли», после того как «покажет их лицемерие и нахальство всем рабочим»; он произнес еще несколько фраз, не более убедительных. Однако впечатление произвел не смысл его речи. Я не раз слышал Бебеля и Жореса. Никогда никто из них не производил на моих глазах такого захватывающего впечатления на своих слушателей, не держал их так в своей власти, как он во время этого выступления, к тому же не на митинге, где гораздо легче говорить, а в небольшой комнате на совещании из нескольких лиц, причем речь его состояла почти исключительно из одних угроз. У него был настоящий талант оратора, и, когда я услышал его дышащие гневом и негодованием слова, я понял, чем этот человек завоевал и подчинил себе массы. Присмотревшись к нему ближе, я не заметил в нем большой и горячей любви к революции».

Эта характеристика относится к русскому священнику Гапону, предводителю знаменитой демонстрации к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Автор описания—террорист Борис Савинков. Каждая черточка этого портрета словно списана с Гитлера. Даже политические речи Гапона и Гитлера сходны. Гапон тоже не был действительным революционером, он был чем-то вроде «всеподданнейшего бунтовщика его величества». Поэтому ему суждено было прослыть за шпиона, хотя он не был им вначале, а стал им лишь впоследствии. Возмущенные товарищи «казнили» его на уединенной даче.

Для роли шпиона обстановка вокруг Гитлера слишком серьезна. Однако по мере своего возвышения Гитлер входит во вкус и злоупотребляет доверием своих приверженцев; он скоро оправдал недоверие, которое с самого начала питали к нему пролетаризированные основатели партии. Гапон, согласно Савинкову, обладал способностью, имеющейся у Гитлера: при желании он умел приноровиться к каждому и вел себя с ним так, что тот принимал его за своего. Как и у Гитлера происхождение и политическое прошлое Гапона покрыто мраком неизвестности; Гапон тоже обособляется от товарищей, скрывает от них свою частную жизнь.

ЕГО СТИЛЬ

Среди умственных интересов на первом месте у него история, на втором—искусство. Это обычный уровень немецкого гимназиста довоенного времени, об этом заботилась школа. У Гитлера сохранились обе эти банальные наклонности. Символы, зрелища, парады и здания его партии проектировались большей частью первоначально

им. Это не просто наклонность к мишуре в духе Вильгельма II. Когда Гитлер тратит несколько дней на то, чтобы набросать проект подходящего знамени для штурмовых отрядов или значка для партийного съезда, это объясняется пропагандистской ролью этих символов: масса привлекается знаменами, а не переговорами, поэтому вождь может со спокойной совестью посвятить часть своего времени знаменам. Что касается художественной стороны, это большей частью кричащие плакаты. Прототип их можно искать то ли в военных символах наполеоновских войск, то ли в Монреале. Готику Гитлер недолюбливает. Его теория искусства представляет собой смесь из ученического культа красоты и расовой социологии. Согласно этой теории все великие произведения искусства носят «северный» и «красивый» характер. Всякий экспрессионизм Гитлер с негодованием отвергает как еврейско-большевистский; при этом он вообще не видит сродства экспрессионистских произведений военных и послевоенных годов— это не свидетельствует о глубине его художественного чутья и его чувства расы.

Но главное—это великий оратор.

Первое условие для хорошего оратора—это не спотыкаться, потеряв нить, не держаться рабски синтаксиса, не бояться тяжелых периодов, если только они бьют обухом по голове.

Следующая стадия: оратор должен быть не только выше синтаксиса, но также выше содержания своей речи. Оратор запутывается в лабиринте мыслей гораздо чаще, чем об этом догадываются слушатели. Главное—не обнаруживать этого перед слушателями и поскорее найти тихую пристань плавных мыслей.

Но самое важное—не довольствоваться холодным преодолением всегда неизбежных запинок, а дать на глазах у слушателей зрелище борьбы и победы. Иные ораторы с дефектом речи приходят из-за него в такое состояние исступления, что слушатели видят не этот дефект, а торжествующего победителя над дефектом и... рукоплещут.

Из всех ораторов, подвизающихся в настоящее время перед массами в Германии, Гитлер—самый исступленный боец. Час-два вы видите на трибуне благообразного проповедника, лишь кое-где подливающего каплю уксуса в свой елей. Он высказывает мысли, которые не вызывают противоречия, а скорее могут навести на вас сон. Но вдруг, словно какая-то муха укусила его, он начинает метаться по эстраде, руки его подымаются и опускаются, выделывая всяческие жесты; эти жесты не образны, не иллюстрируют содержания речи, но зато они отлично выражают душевное состояние оратора и передают его слушателям. Когда в пафосе обвинительной речи указательный палец оратора, словно хищная птица, устремляется на слушателей, каждый из них чувствует себя ответственным за грехи немецкой нации.

Здесь человек на трибуне уже не разбирает вопрос, а дает сражение. Масса не видит подлинного врага; она не знает, что он находится в самом ораторе. Он борется против разложения нации, против политической инертности массы, против преступных упущений прежних и нынешних правителей, но при этом он в действительности борется

против своего же былого марксизма, против своего плохого поведения в школе, против медлительности, благодаря которой он упустил счастливый слуаай в 1922 г., понес дважды поражение в 1923 г., не захватил власти в 1930 г. и упустил ее в 1932 г. Он борется со своим собственным страхом, он борется против дьявола в себе, как старый отшельник,—это уже не агитация и даже не упражнение в красноречии, это настоящие заклинания. Поэтому, что бы он ни говорил, утверждай он даже, что луна—это голландский сыр, слушатели будут ему аплодировать. Там, где падают бомбы, никто не смотрит, окрашены ли они в серый или зеленый цвет.

Тогда он в 1923 г., сам внутренне убежденный в невозможности войны за реванш, восклицает:

«Если бы шестьдесят миллионов обладали хотя бы только волей к национальному фанатизму, оружие явилось бы из-под земли, из вашего сжатого кулака!»

Когда он в 1932 г., чувствуя безнадежность своей кандидатуры на пост президента республики, мечет в берлинском Дворце спорта громы и молнии по адресу противников: «Вы можете сто раз заявлять: мы остаемся на месте во что бы ни стало, а мы отвечаем вам: мы сметем вас непременно и безусловно»—тогда стены дрожат от аплодисментов «более сильных батальонов», тогда дрожат миллионы, читающие об этом на другой день в газетах, тогда дрожит государство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСНОВАНИЕ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

Завоевав неограниченную власть в национал-социалистической партии, Гитлер принялся превращать последнюю в действительную силу. До сих пор он получал фактически от партии только подпись на своих плакатах. Теперь из немногих прежних приверженцев и из вновь вступающих в партию он создал подлинное орудие своего господства над партией—штурмовые отряды.

Так называемые отряды «орднеров» существовали в партии уже с 1920 г.; с начала 1921 г. они делились на «сотни». Фактически это был клуб скандалистов и хулиганов, расправлявшихся с нежелательными элементами на собраниях. У других партий не было ничего подобного; до появления на сцену национал-социалистов в этом и не было необходимости. Дружины обороны («Оберланд», «Оргеш» и др.) принципиально не вмешивались в партийную политику, они ставили себе целью сыграть роль только в момент решительных событий, о которых руководители дружин имели лишь смутное представление. В результате эти союзы неизбежно становились орудием в руках отдельных честолюбивых политиков, умевших воспользоваться ими. Точно так же в те времена склад оружия принадлежал тому, кто знал, где он находится.

Гитлер дал теперь своим молодым буянам новую организацию и внес таким образом нечто принципиально новое в политику; 3 августа 1921 г. были основаны штурмовые отряды. В воззвании, написанном по этому случаю, говорилось:

«Национал-социалистическая германская рабочая партия создала в рамках своей организации отдел физкультуры (спорта и гимнастики). Он особенно тесно должен сплотить молодых членов нашей партии, спаять их в железную организацию, которая будет служить всему движению в качестве тарана. В этом отделе должна воплотиться идея обороны свободного народа. Он должен защищать своей силой идейно-просветительную работу вождей. Но прежде всего он должен воспитывать в сердцах нашей молодежи неукротимую волю к действию, вдалбливать и внушать ей, что не история делает людей, а люди историю, и что человек, который без сопротивления носит

цепи своего рабства, заслуживает своего ярма. Кроме того отдел должен воспитывать взаимную верность и культивировать радостное повиновение своему вождю... Партийное руководство ожидает, что вы все явитесь на его зов, вы понадобитесь в будущем». Воззвание подписано: «Партийное руководство. Председатель физкультурного комитета член партии Клинцш».

Как видно из этого воззвания, название организации не вскрывало ее характера. «Отдел гимнастики и спорта» был лишь маскировкой, это было ясно. Вскоре в связи с целью, преследуемой организацией, и ее практикой появилось оставшееся за ней и впоследствии другое имя.

В воззвании указываются следующие цели новой организации: служить штурмовым отрядом, культивировать идею обороны, защищать вождей и воспитывать своих членов для дела, которое однако не называлось по имени. Мы можем перевести этот эзопов язык таким образом: расправляться с противниками, заниматься военными упражнениями, выкидывать инакомыслящих с собраний за восклицания враждебного характера и готовиться к путчу. Так это и поняли штурмовики. Через два месяца их руководитель Клинцш превратил благонамеренный отдел гимнастики и спорта в штурмовые отряды. Отныне в «Фелькишер беобахтер» появилась рубрика: «Известия штурмовых отрядов»; вскоре затем принято было также сокращение SA (вместо Sturm-Abteilung). Это сокращение нигде не расшифровывается как Sicherheits-Abteilung (отряды обороны). Вместо этого шутники из рядов этих новых войск придумали название Sing-Abteilung (певческие отряды).

В первом приказе по своей новой армии Гитлер так формулировал ее главную цель: «Штурмовые отряды должны быть не только орудием защиты движения, но в первую очередь школой для грядущей борьбы за свободу внутри страны». В более позднем циркуляре от 17 сентября 1922 г. говорится: штурмовые отряды «не только охраняют собрания партии от всякого насилия со стороны противников, но кроме того дают ей возможность в любой момент перейти в наступление».

Действительно, со времени кровавых дней 1919 г., со времени путча Каппа 13 марта 1920 г. эта орава живет лишь мыслью о наступлении. Штурмовые отряды были не чем иным как продолжением бригады Эрхардта в мюнхенской ссылке.

Возникновение штурмовых отрядов имеет свою историю.

БАВАРСКАЯ ВОЕНЩИНА в 1920 г.

После завоевания красного Мюнхена рейхсвером и добровольцами, в том числе бригадой Эрхардта, Бавария находилась в руках военщины—в руках регулярных и нерегулярных войск. Год еще держалось буржуазное правительство, представленное социал-демократией и католической баварской народной партией; оно держалось благодаря разногласиям среди военных вождей и отсутствию у них ясных политических целей.

Политическим вдохновителем стрелковой бригады Эппа, а затем вышедшего из нее командования военного округа был капитан Эрнст Рем. От него исходила инициатива образования мощной «баварской дружины гражданской обороны». Впоследствии лесовод Эшерих из Изена превратил ее в своего рода национальную милицию. Эта гражданская гвардия с ружьем, запрятанным в платяной шкаф, в лучшем случае могла выстроиться стотысячными шпалерами при решительных выступлениях. По поручению Эппа Рем усердно снабжал «дружину обороны» оружием и амуницией; с тем же мастерством бывший подполковник Герман Крибель, старый офицер генерального штаба, организовал военный аппарат Эшериха. Однако эта «дружина обороны» была с самого начала слишком громоздкой. Она ни разу не могла решиться на действительно революционное выступление. Свержение правительства Гофмана 14 марта 1920 г. было делом нескольких лейтенантов, подосланных начальником рейхсвера генералом фон-Мелем, сухим военным чиновником, и Эшерихом. Как говорилось в официальном отчете о событиях, Эшерих с разрешения начальника округа Верхней Баварии и мюнхенского полицейского управления составил депутацию, которая свергла растерявшееся правительство Гофмана. Депутация состояла из начальника округа фон-Кара, полицей-президента Пенера, Крибеля и студента Гофмана.

Достойным завершением этой «революции с разрешения г-на президента» было назначение Кара премьером. Оно означало, что рука военщины отчасти отведена рукой парламента. Ибо Кар, будучи протестантом и сыном либерального чиновника, все же был членом баварской народной партии; он был чрезвычайно тяжел на подъем и попал в политику очевидно за то, что прогневил господа бога. По внешности это был низкорослый, коренастый, черноволосый немец— расовый тип, нередко встречающийся в Баварии; политически Кар был лишь фрондирующим обывателем на кресле министра-президента. Он понимал народную душу и был привязан к своему королю. Для этого королевского чиновника республика, так сказать, не существовала, так как противоречила его служебной присяге. Управлять в этом смысле—вот в чем заключалась для него политическая борьба. Поэтому он и не мог решиться нанести смертельный удар тому, что «не существует».

Лидером партии был в то время д-р Гейм [49], он считал Кара подходящим человеком, так как этот чиновник пользовался популярностью у «союзов обороны» за свою непримиримость по отношению к революции. Кроме его монархизма в его пользу говорила та твердость, с которой он неизменно прикрывал непокорного полицей-президента Пенера от социал-демократических министров.

Под протекторатом Кара в дружины обороны были стянуты силы буржуазии и крестьянства. Наряду с этими дружинами существовали временные добровольческие союзы и добровольческие отряды, вербовавшиеся в значительной части из студентов; они тоже пользовались поддержкой рейхсвера. Под предводительством Эппа добровольческие отряды участвовали в карательной экспедиции против рурских рабочих, помогших свергнуть Каппа. Рем, участвовавший в этом

«походе», сухо описывает, как войска встретили на своем пути возвращавшееся из Штутгарта в Берлин имперское правительство во главе с президентом республики Эбертом: «Весьма недвусмысленные возгласы, раздававшиеся из рядов солдат по адресу «отца родины» и его свиты, не могли оставить у путников сомнения относительно настроения баюварских бойцов, идущих на Рур» (баювары—латинское название германского племени баварцев).

В истории ничего не сказано о том, как имперское правительство немедленно задерживало проявивших себя таким образом баюваров и отправляло их обратно в Мюнхен. Буржуазные правители—по обе стороны политического барьера—чувствовали себя тогда слабее, чем пустившаяся в политику военщина. Правильно ли было это—об этом можно было судить по исходу капповской авантюры в Берлине. Во всяком случае баварцы сделали свои выводы из слабости Эберта. Эпп и Рем замышляли не более и не менее как повторение в Рурской области путча Каппа, только что провалившегося в Берлине. Они обратились с этой целью к начальнику местного рейхсвера генералу фон-Ватерру, но последний не решился на это дело, и баварцам пришлось удовольствоваться кровавой местью по отношению к победителям Каппа.

Член «германской рабочей партии» капитан рейхсвера Рем сделал отсюда свои выводы. В последующие годы он работает над задачей организации в Мюнхене активного центра подготовки грядущего военного переворота. Но душой этого центра должен был стать не генерал, а политический деятель из штатских. Кто именно? Через несколько лет Рем уже знал это.—Это был Адольф Гитлер.

КОНЕЦ «ДРУЖИНЫ ОБОРОНЫ»

Это произошло однако не сразу. Вначале «дружина обороны» пышно расцвела под предводительством Эшериха, Крибеля и землемера Канцлера; 26 сентября 1920 г. на Площади короля в Мюнхене состоялся большой парад,—он показал популярность и мощь дружины, показал мощь Баварии, показал, что за дружиной стоит рейхсвер. Но это оказалось роковым для дружины.

Гражданская власть в Германии была в то время развалена, она до сих пор не оправилась от этого развала. Отдельные провинции, а именно Бавария, возражали против провозглашенной в конституции формы имперского единства, и республика должна была терпеть это противоречие. Рейхсвер представлял собой независимую силу и остался ею поныне. Из него выросли многочисленные организации, называвшие себя союзами обороны, что в переводе на итальянский язык звучало следующим образом: «Fasci di combattimento».

В некоторых частях страны закон и государственная власть были бессильны. Произошли первые случаи убийств по приговору тайных судилищ—тогда все это было ново и действовало разрушительнее, чем теперь.

В Баварии, где республика существовала только формально и фактически не имела влияния, боролись два направления. В одном

представлены были все местные, более или менее сепаратистские элементы, большей частью из католического лагеря. В значительной степени в них ожила старая ненависть к пруссакам; этому способствовал антисемитизм, в особенности после падения советской республики в Мюнхене. Конкретную политическую цель эти настроения нашли в защите самостоятельности Баварии: казалось, что сильная Бавария—цель безусловно достижимая, даже почти достигнутая; что же касается сильной общегерманской империи с новым трехцветным флагом, то она представлялась желательной целью, но откладывалась на будущее и во всяком случае считалась неосуществимой без сильной Баварии. К этому направлению примыкала баварская народная партия с ее лидерами Геймом и Гельдом[50]. К нему же принадлежали Кар, Эшерих и прочие монархисты. Принц Рупрехт[51] не занял открытой позиции, сумев уклониться от этого; впрочем для наследника баварского престола это было столь же излишне, как и для мюнхенского кардинала фон-Фаульгабера[52].

В противоположном лагере находились люди, которые при всем своем баварском патриотизме, выраженном у одних сильнее, у других слабее, имели в виду в первую очередь империю. Для них целое предшествовало своим частям. Впоследствии Пенер выразился о них, что им было «начхать на Баварию»; впрочем эти слова были превратно истолкованы. Действительно ли это было так, или же они считали, что германской республике без правой федералистской Баварии не выжить, во всяком случае они играли наруку бело-голубому (баварскому) лагерю. Со временем их представителем стал Людендорф, а их самым выдающимся поборником, после некоторых колебаний—Гитлер.

И кому же было стать им, как не ему? Большинство других, нимало не смущаясь, стояли обеими ногами в обоих лагерях, не замечали противоречия или считали, что вопрос о нем можно отложить на будущее. Этой беспечностью особенно отличалось высшее руководство рейхсвера, которое впоследствии и поплатилось за нее.

Рейхсвер мог мыслить только по-военному. Даже для таких монархистов, как Эпп и Рем, «дружина обороны» была не столько оплотом самостоятельной баварской государственности, сколько ширмой, за которой можно было создавать новую германскую армию. Именно поэтому Антанта, напуганная смотром на Площади короля, потребовала роспуска «дружины». Имперское правительство Вирта[53] передало это требование в Мюнхен. В Баварии оно вызвало бурю негодования. Гитлер заявил по адресу имперского правительства: «Будьте осторожны с посылкой к нам ваших комиссаров; иначе возможно, что у вас нехватит врачей и хирургов из числа ваших Соломонов и Аронов, чтобы вытащить из проломленных голов ваших комиссаров наши пивные кружки».

Военщина считала момент подходящим для оказания сопротивления, хотя она хорошо знала, как мало стоили «дружины обороны» в военном отношении. Штатские деятели были умнее. Они не хотели поставить на карту государственную мощь Баварии в безнадежной борьбе из-за какого-то стрелкового общества. Кроме того они непрочь

были воспользоваться случаем и покончить с зарождающимся государством в государстве. Эшерих был лойялен; недаром он был государственным чиновником. Когда нынешний министр-президент д-р Гельд от лица баварской народной партии прямо потребовал роспуска «дружины» по соображениям государственной необходимости, Эшерих—это было в конце мая 1921 г.—выступил в руководящем совете «дружины» за самоликвидацию. Пришлось подчиниться требованию Антанты, причем произошло это следующим образом: 29 июня имперское правительство издало постановление о роспуске «дружины», а баварское правительство Кара напечатало этот декрет в своем официальном «Вестнике распоряжений»; таким образом правительство Кара попыталось сохранить свое лицо, ограничившись, так сказать, ролью почтальона. Смехотворная попытка! С этого момента положение Кара на посту министра-президента стало невозможным; ему пришлось также на продолжительное время отказаться от роли политического лидера. Фактически он отступил перед более сильными факторами, но вместе с тем он позорно изменил всему тому, что он провозглашал в своих громких речах. Песенка Эшериха тоже была спета.

ОРГАНИЗАЦИЯ «КОНСУЛ» ВЛИВАЕТСЯ В ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ

С тех пор возрастает значение более мелких военных организаций. В эти союзы входили люди молодые, не семейные, которым легче было рисковать. Нередко это были одновременно ландскнехты и идеалисты. Впрочем в нужный момент и они оказались не на высоте. Во многих случаях это были студенты либо молодые люди, недавно окончившие университеты. Организация «Оберланд» проявила мужество и снискала себе в 1921 г. славу в Силезии. Распущенная в Северной Германии бригада Эрхардта продолжала существовать в Мюнхене под фирмой организации «Консул»; к ней присоединились остатки отряда Россбаха. В организации «Оберланд», пожалуй, в наиболее чистом виде был представлен стоящий над партиями идеализм послевоенной молодежи с ее благородными стремлениями; этот отряд сохранил свою самостоятельность. Напротив, добровольцы Эрхардта большей частью перешли к Гитлеру. Так возникли штурмовые отряды.

Притоку новых сил Гитлер обязан главным образом убийству Эрцбергера. В дело были замешаны члены организации «Консул», в том числе капитан фон-Киллингер. Благодаря преследованиям прокуратуры организация не могла больше держаться. Старые солдаты со «свастикой на стальном шлеме» должны были искать новую организацию. Ходатай всех мюнхенских военных союзов Рем протаскивал их в новообразованные штурмовые отряды. Сам Эрхардт в переговорах с Гитлером сделал хорошую мину в плохой игре и предоставил ему своих офицеров-инструкторов, которые явились для Гитлера ценным подспорьем. Первый руководитель штурмовых отрядов—Иоганн Ульрих Клинцш—был лейтенантом в бригаде Эрхардта. Его тогдашние сподвижники—капитан фон-Киллингер и капитан Гофман—и поныне видные фигуры в национал-социалистической партии.

Все они были преданы Эрхардту, обожали его с оттенком какого-то идеализма и долго еще считали себя связанными с ним; на деле бригада Эрхардта тогда окончательно распалась под влиянием притягательной силы национал-социалистической партии, только небольшая группа продолжала еще существовать под именем «Союза викинга». Впрочем вскоре после основания штурмовых отрядов Клинцш был арестован по обвинению в пособничестве убийству Эрцбергера и просидел несколько месяцев в предварительном заключении; это побудило Гитлера демонстративно подчеркнуть свою солидарность с ним.

Слияние организации «Консул» и штурмовых отрядов осуществляло заветную цель Рема—военизацию его партии. Основание штурмовых отрядов совпало по времени с роспуском «дружины обороны» Эшериха. После этого роспуска фрондирующий мюнхенский рейхсвер стал относиться к гражданскому правительству Баварии враждебно и недоверчиво. Это определяло также политическую линию штурмовых отрядов и их партии.

Однако в тот же момент, когда Рем достиг своей цели, ему пришлось снова повести борьбу за нее—и не с кем иным как с Гитлером. Последний хотел иметь войско для политических целей; главари штурмовых отрядов с пеной у рта называли войско «колоннами расклейщиков афиш». Это войско должно было завоевать улицу и держать ее в покорности Гитлеру; оно должно было образовать хребет армии, делать для нее рекламу своими парадами. Рем же хотел организации тайного войска, замены запрещенной воинской повинности, поскольку это возможно было в данных условиях. «Это невозможно,— восклицает Гитлер,—я старый солдат и понимаю толк в этом: для сколько-нибудь действительного военного обучения требуется два года серьезной службы, и кроме того войско без права дисциплинарных наказаний—бессмыслица; штурмовик не будет хорошим солдатом, если начальник не имеет права посадить его за решетку».

Старый солдат Рем проявил во всех этих вопросах больше гибкости, чем Гитлер, и готов был сообразоваться с обстоятельствами. Между обоими этими людьми, которые были близкими друзьями и говорили друг другу «ты», возник конфликт; вежливый по форме этот конфликт проходит через всю историю партии, принимая порой трагически острый характер; он не ликвидирован и по настоящее время. Здесь сказывается старое противоречие между военщиной и политиками.

СЛИВКИ ПАРТИИ

Для Гитлера важнее, чем рост влияния штурмовых отрядов вовне, был—по крайней мере вначале—рост их внутреннего значения, т. е. завоевание самой партии с помощью этого нового войска. Штурмовые отряды должны были заменить старую демократическую партийную организацию, став машиной, которой можно было бы распоряжаться, нажав кнопку.

Сообразно с этой новой задачей был подобран контингент штурмовых отрядов. Это были молодые, стало быть склонные к повино-

вению люди; отчасти—бывшие офицеры, с которыми легко было иметь дело человеку с очень сильной волей, хотя бы и штатскому, а главным образом люди, окончившие или не окончившие университет и прекрасно понимающие, что такое иерархическая лестница; они сами могли претендовать на руководящие роли, но вместе с тем охотно подчинялись подчинения ради. В жизни германской буржуазии началась новая полоса; возрос интерес к «камераду» в рабочей блузе, поскольку этот «камерад» подчинялся буржуазному строю. Антинародные довоенные взгляды подвергнуты были пересмотру; выражением такого пересмотра было движение Гитлера. Шорника Эберта встречали плевками, но он все же проложил дорогу ефрейтору Гитлеру. Правые чувствовали, что народным мотивам в левом лагере необходимо противопоставить народные мотивы в правом лагере.

К этой публике Гитлер и явился со своим откровением, что еврейский марксизм украл-де душу рабочего. Именно эту буржуазную и студенческую публику, а никак не рабочих он потряс своим разоблачением роли Мозеса и Исаака Кона. На рабочих действовала скорее та часть его проповеди, которая якобы обращалась к буржуазии: призыв к социальным чувствам. Принципиально рабочий мог согласиться с этим лозунгом, на деле же сохранял свое недоверие.

Одетые в военную форму студенты, кандидаты на судебные должности и бывшие лейтенанты, ныне члены штурмовых отрядов, в нормальных условиях стали бы солдатами или офицерами запаса. Но теперь, когда их нормальная карьера была погублена, они стали ландскнехтами. Это было обреченное поколение без будущего и без средств—отцовское наследство быстро растаяло. Эти люди ненавидели человека из народа и вместе с тем были охвачены стремлением обратить его в свою веру. Они направили свой корабль с пиратским флагом на мачте и с миссионерской библией с «25 пунктами» в каюте к незнакомому и непонятому ими пролетариату.

В своем новогоднем воззвании в 1921 г. Гитлер приветствовал эту университетскую молодежь как будущее ядро своей армии. Он обращался к «группам национального студенчества, в котором по сию пору воплощена национальная энергия; при правильном использовании они могут стать незаменимым орудием в борьбе против еврейства». Теперь штурмовые отряды стали этим незаменимым орудием, которое «правильно использовало» студенческую энергию против самой же национал-социалистической партии в ее старом виде. Превращение бесклассовой «германской рабочей партии» в классовую партию было в полном разгаре.

Можно отнестись к этому превращению положительно или отрицательно, но во всяком случае необходима была какая-либо перемена, чтобы партия не погибла вследствие своей безыдейности. Эту безыдейность сознавали и сами национал-социалисты. В 1921 г., когда Гитлер был уже знаменитым человеком, «Фелькишер беобахтер» наивно подтвердил ему, что он «за этот год проделал большое внутреннее развитие и что его учение, всегда опирающееся на историческую основу, постепенно приобретает осязательную форму».

Партия слишком поспешно назвала себя «социалистической». Гитлер хотел назвать ее только «социально-революционной»; это означало у Гитлера, что существующая форма экономики—при некоторых частичных изменениях по существу—должна быть проникнута новой социальной этикой не гуманитарного, а скорее военного характера. Однако, так или иначе, партия приняла название национал-социалистической; Гитлер должен был следовательно вложить новое содержание в слово «социализм», под которым до сих пор при самых различных толкованиях все же понимали обобществление средств производства.

Итак: «Социалист—это тот, кто готов стоять за свой народ всеми фибрами своей души, кто не знает более высокого идеала, чем благо своего народа, кто кроме того понял наш великий гимн «Германия, Германия превыше всего» так, что для него нет на свете ничего выше Германии, народа и страны, страны и народа» (речь от 28 июня 1922 г.). Здесь уже исчезло старое понятие социализма. Вскоре за понятием последовало и слово. «Национальный и с о ц и а л ь н ы й—два тождественных понятия. Быть социальным означает так построить государство и жизнь народа, чтобы каждый действовал в интересах народа и был настолько убежден в его благостности и безусловной правоте, чтобы быть в состоянии умереть за него». «Социальный социализм» этой дрянненькой доктрины стоит на той же высоте, что и ее «безусловная правота». Важно, что Гитлер при объяснении названия своей партии замалчивает слово «социалистический» и заменяет его словом «социальный».

В начале 1923 г. этот «социализм» обнаруживает полностью свое лицо. В приветствии национал-социалистическому партийному съезду Гитлер 27 января 1923 г. заявляет: «Марксизм выставил три возмутительные и нелепые теории: во-первых, он отрицает значение личности, во-вторых, он отрицает частную собственность как таковую и, в-третьих, он означает ввиду этого уничтожение всей человеческой культуры и развал всякого хозяйства, стоящего на более высокой ступени (ибо предпосылкой последнего всегда является частная собственность)». Хорош социалист, который находит отрицание частной собственности возмутительным и нелепым! В 1930 г. социалистическая группа Отто Штрассера сделала открытие, что Гитлер отпал от социализма. Нельзя не сказать этим честным социалистам, что за все это время они палец о палец не ударили, чтобы познакомиться со взглядами своего вождя.

Замечательно, что дольше всего социалистические взгляды сохранились в области земельного вопроса. В апреле 1921 г. Эссер заявляет, что необходимо «в первую очередь отдать землю во владение действительной нации, т. е. всех честно работающих немцев, собственно не отдать, а вернуть». Это мыслилось в виде кооперативов мелкого люда. Что опорный п. 17 программы[54] относится только к спекулятивному землевладению, является теперь партийной догмой. Однако еще в начале января 1923 г. Розенберг в своей книге «Сущ-

ность, принципы и цели национал-социализма», в составлении которой принимал участие и Гитлер, заявляет: «Для государства может возникнуть необходимость отчуждения земельных участков для общеполезных целей (под дороги, железные дороги, каналы). Необходимо издание закона, что такие участки в случае надобности могут отчуждаться также безвозмездно. В подобных случаях это лишь справедливо, так как проведение железной дороги облегчает сельскому хозяину, владельцу отчуждаемого участка, подвоз удобрений, транспорт его продуктов». Здесь еще принципиально приемлется «аграрный большевизм». В то время партия вообще не интересовалась еще крестьянством и не думала, что со временем оно составит ядро партии.

Тем временем судьба и тактика привели к тому, что из программы партии была выброшена и эта частица «социализма». В последнем издании книги Розенберга нет ни малейшего намека на это опасное место; ничего не говорится об этом также в аграрной программе от марта 1930 г., цель которой обезвредить п. 17.

КЛАССОВОЕ ГОСУДАРСТВО ГИТЛЕРА

Вместе с отношением к социализму изменилось также отношение к той части населения, для которой предназначалось социалистическое название партии. Для Дрекслера рабочий был гражданином, а гражданин—рабочим. Гитлер первоначально собирался выбрасывать из партии буржуа, сознающих себя как сословие, и рабочих, сознающих себя как класс. Но в апреле 1922 г. он говорит уже другое: «Да, конечно мы тоже признаем, что всегда должны быть и будут сословия, хотя бы сословия часовых дел мастеров и рабочих тяжелого физического труда или техников, инженеров, чиновников и пр. Да, сословия возможны. Но какова бы ни была борьба этих сословий между собой за выравнивание экономических условий, недопустимо, чтобы она принимала чрезвычайные размеры и создавала пропасть, разрывающую между ними расовые узы». Образование классов, видите ли, возможно только между различными расами, различие между человеком творческого труда и тунеядцем сводится по существу к различию между арийцем, который видит в труде «основу сохранения народного единства», и евреем, который видит в нем только «средство эксплоатации других народов».

Здесь Гитлер спешит набросить антисемитский покров на классовую борьбу, существование которой он признал несколькими строками выше. В самом деле, безразлично, говорит ли он вместо борьбы классов о борьбе сословий, ибо эти последние носят у него классовый характер, между ними происходит борьба интересов на почве частной собственности. В государстве Гитлера «может притти к власти только избранная верхушка из самых лучших и самых дельных; это то же самое, что происходит в природе». Итак—отбор самых лучших и самых дельных в хозяйстве, покоящемся на принципе частной собственности и распадающемся на «сословия»; если все это не есть классовое государство, то тогда слова вообще не имеют никакого смысла. В качестве образца такого отбора лучших и самых дельных Гитлер

приводит наиболее застывшее в классовом отношении современное государство, государство, в котором деление на классы отчасти освящается еще национальной традицией. В самом деле, послушаем его дальше: «Мы видим это на примере сильных народов нашего времени. Возьмите Британскую империю: она создана не изменниками отечеству».

Разумеется, «самые лучшие и самые дельные», так же как и «часовых дел мастера», имеют право образовать сословие. Итак, сословие генеральных директоров акционерных обществ будет вести борьбу с рабочими тяжелого физического труда за «выравнивание экономических условий». Государство заботится лишь о том, чтобы не разрывались расовые узы; но в обществе, свободном от евреев, это и без того вряд ли возможно. Нигде мы не находим намека на то, что с высот социальной этики национал-социализма награда лучших и дельных будет заключаться в счастливом сознании исполненного долга или же в гордом чувстве человека, стоящего на командном посту. Нет, благороднейшие это те, «которые возлюбили отечество превыше всего; поэтому и отечество должно любить их больше, чем других».

В реальной обстановке борьбы в 1923 г. от отечества требовалось, чтобы оно проявило эту любовь, отдав улицу в руки «благороднейших». Что же потребуется от него в национал-социалистическом государстве? Через несколько лет это открыто выскажет Розенберг, неподражаемый мастер всех национал-социалистических теорий (в своей книге «Г. Ст. Чемберлен как провозвестник и основатель немецкого будущего»). «Итак,—говорит он,—если Германия останется республикой, то ясно, что это должна быть республика с сильной руководящей верхушкой и с аристократией заслуг. Но это означает, что эта республика должна будет признать естественный монархический принцип единственным устоем государства и неравенство сословий необходимой иерархией социальных ценностей. Каждый мельник знает, что колесо его мельницы движется только благодаря разнице в уровне воды». Итак, и здесь остается целью создать в Германии английские условия.

Быть может также русские условия? В июле 1922 г. Гитлер наряду с императорской Германией выставляет в качестве политического образца также Россию. В Англии, которую он недавно превозносил до небес, видите ли, уже воцарилось господство евреев, а тем более во Франции. В чем разница между этой Западной Европой, с одной стороны, и Восточной и Средней Европой—с другой? «Евреи поняли, что в этих последних странах не исключена возможность нового просвещенного деспотизма. В самом деле, глава государства располагал здесь тремя мощными факторами. Это—армия с ее громадным, изумительно подобранным офицерским составом, чиновничество с его мощным аппаратом безусловно верных своему долгу чиновников и широкие народные слои, не зараженные еще внутренним ядом». Гитлер не особенно высоко ценит русских как расу; но конечно царскую Россию как антисемитское, расовое государство он ставит выше республики; просвещенный деспотизм он прославляет как орудие против еврейства.

СЛИВКИ НАЦИИ ПРОТИВ МАССЫ

По мере роста аристократических настроений у Гитлера усиливается его недружелюбное отношение к рабочим; если прежде он свысока, в покровительственном тоне говорил еще о «привлечении (рабочих) к национальной идее», то теперь он говорит о рабочих с открытой ненавистью. «Марксизм должен автоматически стать движением людей, которые, работая только физически, либо не в состоянии логически мыслить, либо отвернулись от всякой умственной работы вообще. Это—гигантская организация рабочей скотины, оставшейся без руководства» (Гитлер в «Фелькишер беобахтер» от 27 января 1923 г.).

Две недели спустя «Фелькишер беобахтер» высказывает это в стихотворении Богислава фон-Зельхова следующим образом:

«Ich hasse
die Masse,
die kleine,
gemeine,
den Nacken gebeugt,
die isst und schläft und Kinder zeugt.
Ich hasse
die Masse,
die lahme,
die zahme,
die heut an mich glaubt
und die mir morgen mein Herzblut raubt»*

«Которая сегодня верит в меня...» Предполагают ли нынешние слушатели Гитлера, посетители его массовых собраний, подобные мысли у своего излюбленного вождя?

Гитлер, сам того не замечая, противоречит себе. С одной стороны, он старается доказать, что только евреи «низвели» широкую массу на положение класса, только они заразили ее ядом классовой ненависти, сделали из нее людей второго сорта. С другой стороны, он сам верит в естественное неравенство между людьми, в биологическую аристократию, которая известным образом связана с аристократией социальной. С одной стороны, низкий уровень массы— только вина Исаака и Мозеса Кона, вина чужаков, которые «портят расу, все более углубляют пропасть, возвеличивают братоубийцу, организуют гражданскую войну и таким образом увековечивают состояние нашей внутренней революции», вина чужаков, для которых «еврейская демократия большинства всегда служит только средством уничтожить фактическое руководство арийцев»; вина чужаков, о которых Гитлеру достоверно известно, что «еврей не знает любви, он знает только плоть. Он стремится растлить, стремится испортить нашу германскую расу, поэтому в Рейнской области он бросает немецкую женщину в объятия негра».

---

* «Я ненавижу массу, мелкую, низкую, которая гнет спину, ест, спит и рожает детей. Ненавижу массу, инертную, покорную, которая сегодня верит в меня, а завтра выпустит из меня последнюю каплю крови».

Все это, как полагается последовательному антисемиту, вытекает, так сказать, из сострадания к обманутой части нации. В этом духе Гитлер доходит даже до возмущенного восклицания: «Почему в Пруссии не дали народу всеобщего избирательного права?» (из речи, произнесенной в 1921 г. в день юбилея германской империи). Но тут же в противоречии с этим заявлением масса германской нации как таковая объявляется им чем-то низкопробным. «Свергнута идея авторитета, связана свобода и творческие возможности личности, на гениальность вождей наложены цепи, мешающие им развернуться,—все это заменил демократический принцип большинства, который всегда и везде означает лишь победу более низкого, плохого, слабого и прежде всего трусливого, безответственного. Масса убивает личность». Какая масса: арийская или неарийская? В январе 1923 г. это уже не имеет значения для Гитлера.

Притворное сетование по поводу отказа массам в избирательном праве и тут же хула на демократию как на победу низости! Это лишь небольшой ляпсус в сравнении с тем отвратительным винегретом, с тем смешением славословий и ругани, которые неслучайно достаются на долю массы. Славословия и ругань—это на деле лишь два этапных пункта движения.

Масса попала на ложный путь только благодаря евреям—таково политическое мировоззрение старой «германской рабочей партии» Дрекслеров, Харреров, Кернеров. Эта масса не «низка» сама по себе, ее можно «привлечь» проповедями с амвона и это—дело партии.

Но теперь партия уже не проповедует с амвона. Мечтатели и просветители либо ушли раздосадованные, либо отстранены. И место заняла когорта воинов со стиснутыми зубами. Идея партии воплотилась в штурмовых отрядах. «Нам нужны не миллионы равнодушных людей, а сотня тысяч действительных борцов, идущих напролом,—заявляет Гитлер своим приверженцам,—энергия, как и все великое, таится только в меньшинстве. Мировую историю всегда делало меньшинство». Здесь масса снова только чернозем, свита, стадо для избранной верхушки вождей. «Нашу борьбу будет вести не большинство, составленное из парламентских фракций, а большинство силы и воли, независимо от мертвых цифр». Поэтому Гитлер предостерегает: «Одного должно избегать наше новое движение—оно не должно видеть свою задачу в том, чтобы посылать возможно больше депутатов в рейхстаг и ландтаги и увеличивать таким образом число охотников до депутатского жалованья. Нет, необходимо другое, необходимо «нести просвещение в национальном духе» в самые широкие слои нашего народа, сделать из этих слоев орудие борьбы против попыток разрушить наше культурное и национальное единение, от которого зависит наша судьба».

Итак, народ фигурирует здесь в виде орудия: в начале января 1923 г. здесь снова сказался старый распространенный взгляд на партию как на орудие.

Это были два аспекта одного и того же метода; один возвышал войско до роли десницы нации, другой низводил массу до роли орудия нации. Психологическим шедевром в этой агитации было

уменье воодушевить массы на такую бессловесную роль. Для этого масса искусно расщеплялась на единицы. Гитлер говорил об избранной верхушке нации, и каждый мог воображать, что он имеет в виду его, а не других. Каждая частица массы, увлекаемая этой агитацией, считала, что она выделяется из массы, индивидуализируется и возвышается. Впоследствии это превращено было в систему в самой политической организации партии и еще в большей степени в штурмовых отрядах с их многочисленными рангами. Эта замечательная система—любопытный антипод профсоюзов с их воздействием на психику рабочих. Профсоюзы до сих пор остаются для политически активных рабочих чуть ли не единственной возможностью сделать карьеру. Национал-социализм вначале не мог обеспечить материальной карьеры; зато он давал моральное удовлетворение, выдавая каждому из своих приверженцев диплом, что он уже не принадлежит к массе.

Национал-социализм заявляет принципиально: «Мы не пойдем в парламент; кто отправляется в болото, тот в нем завязнет» (речь Гитлера от 22 февраля 1922 г.). В секретном циркуляре от августа того же года Гитлер прямо заявляет: «Наше движение обладает всего каким-нибудь десятком первоклассных ораторов, мы не можем допустить, чтобы они загубили свои ценные дарования в парламенте».

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ—ЧАСТНОЕ ДЕЛО

Лишь на первый взгляд это презрение к массе и демократии сочетается в национал-социализме с противоречащим ему равнодушием к монархии. В поучение профанам «Фелькишер беобахтер» объявляет в ноябре 1922 г.: «Вопрос монархия или республика для нас вообще не существует, он, выражаясь ходячим термином, является частным делом». Когда эта газета величает бывшего германского кронпринца «еврейским кронпринцем», потому что он в своих «Воспоминаниях» призывает к национальному сотрудничеству также еврейских граждан, то это отнюдь не есть принципиальный антимонархизм. То же самое приходится сказать, когда газета Гитлера по адресу этого будущего гитлеровского избирателя заявляет: «Как же однако растеряли вы свое былое величие, Гогенцоллерны!»

В самом деле, где написано, что будущий монарх должен быть Гогенцоллерном, Вительсбахом, вообще княжеской крови? Имеющий уши, чтобы слышать, не может не понять Гитлера, когда тот в апреле 1922 г. заявляет: «Форма правления вытекает из народного характера, из моментов, столь элементарных и мощных, что со временем, когда Германия будет едина и свободна, их поймет каждый без спора». Но может ли такой человек, как Гитлер, считать республику элементарной формой правления, соответствующей немецкому характеру? На своем процессе он утверждает: «В конце концов я—тоже республиканец». А кто же не знает, что «в конце концов» означает: «но это неправда». Впоследствии Розенберг в произведении, вышедшем не под маркой партии, объявил себя сторонником монархии. Но уже тогда, в 1922 г., «Фелькишер беобахтер» констатирует по вопросу о

монархии: «Нам нужна национальная сплоченность вовне и изнутри, а главой будет тот, кто сумеет совершить это дело».

Что если его совершит Гитлер? Тогда он в силу элементарной «сущности» немецкого народа станет его неизбранным, пожизненным повелителем, и, надо полагать, он будет иметь также право назначить себе преемника. Или, как он сам называет это, он будет «просвещенным деспотом» немецкого народа.

ПРИЧИНА УСПЕХА—В ПЕРЕОЦЕНКЕ СИЛ ПРОТИВНИКА

Государственная доктрина национал-социалистической партии проделала за три года ее существования удивительный круговорот. Вначале партия была партией массы, имея считаных тридцать человек. Тогда она полагала, что масса находится в руках меньшинства, чуждого немецкому духу и враждебного немецкому народу; отсюда она заключала, что марксизм является только результатом искусного, но пагубного руководства. Более глубокие причины, а также стихийные общественные движения тоже не совсем скидывались со счетов и при случае не отрицались, но на первом плане все же оставалось засилье властной враждебной расы, замысел покоряющего меньшинства, происки сионских раввинов. Созревает двоякое решение: отнять массы у этого враждебного меньшинства, а с этой целью необходимо-де самим подражать его методам и превзойти их.

На почве недостаточного знакомства с историей в головах национал-социалистических вождей создается убеждение, что своей силой «марксизм» обязан бесконечно утонченному искусству еврейских совратителей, их дьявольскому знанию человеческой души, пошедшему на пользу их пропаганде. Это—безмерная и наивная переоценка противника, но она весьма пригодилась национал-социалистическому движению. Последнее «подражало» методам и средствам, которых вовсе не было у врага, придумывало хитрости, чтобы восторжествовать над несуществующими вражескими хитростями и благодаря этому создало такую пропаганду, какой Германия еще не знала. Таким образом национал-социалистический инструмент оказался еще гораздо более искусственным, гораздо более насилующим природу, чем возраставший десятилетиями марксизм. Но этот механизм получил ток от источника политических страстей, который прежде оставался в Германии неиспользованным.

Если масса слепо следовала за прямым врагом, то почему бы ей не пойти также за национал-социалистическим вождем? Руководство необходимо; масса, подпавшая под еврейское влияние, не только испорчена этим влиянием, она и сама по себе становится неустойчивой. Ницше[55], Гобино[56], Лагард, Г. Ст. Чемберлен, Медисон Грант[57] проповедывали теорию расы-повелительницы, теорию властной расы господ, и тысячи людей еще задолго до Гитлера разделяли это учение. Большой оратор, который так быстро доставил известность небольшой «германской рабочей партии», был вместе с тем прилежным учеником. Дитрих Эккарт и Розенберг указывали ему источники. В течение ближайших лет он был почти исключительно рупором этих двух людей. Розенберг дал ему прежде всего теорию, Эккарт—стиль.

ЗАТРУДНЕНИЯ

Став единым хозяином в национал-социалистической партии, Гитлер вначале имел ряд неприятностей.

Хотя Дитрих Эккарт и ценил его как партийного вождя, он все же дружески, но решительно отобрал у Гитлера «Фелькишер беобахтер». Он выставил из газеты приятеля Гитлера Эссера, бывшего несколько месяцев ее главным редактором. Молодой Эссер выступал неосторожно во внутрипартийной борьбе; кроме того виновато было его слишком хлесткое перо—в конце концов даже Пенер и Фрик не могли вечно смотреть сквозь пальцы на его художества. Возникли пререкания с Пенером. Дитрих Эккарт сам взял на себя обязанность главного радактора; ведь в конце концов в газету вложены были его деньги и кредит. Гитлеру тоже пришлось теперь держать про себя свои ежедневные политические излияния или же сбывать публике приходящие ему в голову мысли только с ораторской трибуны.

Во внешнем положении партии тоже кое-что изменилось к худшему. Поражение Кара по вопросу о «дружине обороны» Эшериха поколебало его положение; 21 сентября 1921 г. он ушел с поста министра-президента. Ушел также Пенер, и, хотя полиция продолжала быть милостивой к национал-социалистам, все же старого покровителя уже не было. Фрик был переведен из полиции в другое ведомство. Когда министром-президентом назначен был граф Лерхенфельд[58], отношения между партией и главой правительства заметно охладели: при Каре, правда, тоже не было личной близости, но было согласие по существу.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

Новая «идея вождя» испытывается на новом орудии Гитлера. Штурмовые отряды—это то меньшинство, которое должно стать «большинством воли и самопожертвования». В штурмовых отрядах Гитлер находит также в готовом виде идею вождя. До сих пор ее лелеяло только ближайшее окружение Гитлера, которое берегло ее как ценную тайну. Впервые преподносит ее широкой публике Гесс во время июльского кризиса 1921 г. «Неужели,—пишет он в ,,Фелькишер беобахтер'',—вы слепы и не видите, что этот человек—прирожденный вождь, который один лишь в состоянии провести эту борьбу?» Но только в штурмовых отрядах «прирожденный вождь» мог оседлать своего коня.

Дело в том, что старый отряд Эрхардта был единственным в своем роде. Когда Эрхардту не оставалось ничего другого как приказать своим людям перейти к Гитлеру, они повиновались; но они еще долгое время считали себя как бы делегатами Эрхардта в национал-социалистической партии. Своего старого капитана они почти никогда не называли по фамилии, он просто назывался у них «шефом». Иностранное слово заменяется теперь немецким «Führer»—вождь; точно так же старая песня эрхардцев о свастике на стальном шлеме становится теперь песней гитлеровцев, только слова «бригада Эрхардта» заменяются теперь словами «штурмовые отряды Гитлера».

«Hakenkreuz am Stahlhelm,
Schwarz-weissrotes Band,
Sturmabteilung Hitler
Werden wir genannt» *

Благодаря денежным пожертвованиям состоятельных членов партии штурмовые отряды получили возможность снять в начале ноября 1921 г. свое первое более или менее импонирующее помещение. В это же время произошло другое событие: первое боевое крещение недавно созданных штурмовых отрядов. Им пришлось выдержать битву с неприятелем, превосходившим их численностью.

4 ноября Гитлер должен был выступать в залах пивной Гофброй. В помещение пришли большие группы социал-демократов с намерением отплатить национал-социалистам за неоднократные срывы их собраний и не дать говорить Гитлеру. По ошибке на данное собрание явилось только около сорока гитлеровских штурмовиков. Чувствуя себя в меньшинстве, они были в взвинченном настроении, которое еще усугубилось после зажигательных слов Гитлера у входа в зал. Он сказал им, что надо сокрушить врага, что борьба будет не на жизнь, а на смерть, что у трусов он лично отнимет повязки и значки. Его инструкция гласила, что при малейшей попытке сорвать собрание они должны немедленно вступить в бой; они должны помнить, что «лучшая защита есть нападение». Его тирады были подражанием обращению Фридриха Великого к своему войску перед Лейтенской битвой.

Обработанные таким образом штурмовики приготовились к драке. Гитлер утверждает, что во время его речи противники все время собирали под столами пивные кружки, чтобы употребить их потом в качестве метательных снарядов. Таково было его подозрение, а вот как все происходило в действительности по его же собственному описанию:

«Из толпы раздалось несколько возгласов, и вдруг кто-то вскакивает на стол и орет на весь зал: «Свобода!» По данному сигналу борцы за свободу начали действовать. В несколько секунд весь зал был заполнен дико ревущей толпой, над головами которой летали, словно снаряды гаубиц, бесчисленные пивные кружки; слышно было, как ломаются стулья, разбиваются кружки, люди визжали, орали, вскрикивали. Это была безумная свалка.

Я остался на своем месте и мог наблюдать, как мои ребята полностью выполнили свой долг.

Да, хотел бы я видеть буржуазное собрание в таких условиях!

Свистопляска еще не началась, как мои штурмовики—с этого дня они так назывались—напали на противника. Как волки бросились они на него стаями в восемь или десять человек и начали шаг за шагом вытеснять его из зала».

Последуем за этим описанием. Итак, противники первые закричали: «Свобода!». Они якобы имели также намерение бомбардировать

---

* «Свастика на стальном шлеме, черно-бело-красная повязка—мы называемся штурмовыми отрядами Гитлера».

национал-социалистов пивными кружками. Может быть они исполнили бы свое намерение, может быть нет—истории это осталось неизвестным. Но она знает, что штурмовики, не дожидаясь этого, напали на противника, как категорически приказывал им это Гитлер. «Свистопляска,—говорит он сам,—еще не началась, как штурмовики напали на противника». Кто-то из противников нарушил порядок и спровоцировал штурмовиков—его вины нельзя отрицать. Но национал-социалисты даже не сделали попытки задержать его; вместо этого штурмовики обрушились на всех подозрительных посетителей собрания. Первыми начали драку штурмовики—это засвидетельствовано самим Гитлером; при этом они не ограничились рукопашной—в зале раздалось также два выстрела. «Сердце снова запрыгало от радости, вспомнились старые военные переживания»,—пишет Гитлер.

Наш добросовестный историк заявляет, что нельзя было установить в суматохе, кто стрелял. Нет, это установлено самым положительным образом: стрельбу открыл небольшой отряд штурмовиков, теснимый противником.

С точки зрения пропаганды этот бой, данный штурмовиками и выигранный ими, означал большой успех. «Битва в Гофброй» была использована Гитлером, как следует. Но вряд ли она может служить доказательством любви марксистов к террору и национал-социалистов—к законности.

МЮНХЕН ОСТАЕТСЯ ЦЕНТРОМ ДВИЖЕНИЯ

Положение Гитлера в партии было в то время нелегкое; но слава его как самого крупного оратора националистов, если не правых вообще, тогда уже установилась в Южной Германии и начала распространяться также в северной Германии. Конференция главарей националистов в Магдебурге показала, что в годы революции из всех националистических и немецко-социалистических кандидатов только Гитлер проделал известное развитие. Рудольф Юнг, все еще своего рода идейный патрон национал-социализма, произвел торжественное помазание Гитлера в вожди всех германских национал-социалистов. Юнг писал националистическим группам:

«На севере нет сколько-нибудь значительной национал-социалистической партии, Мюнхен фактически остается центром движения в Германии. Я ожидаю от благоразумия наших партийных товарищей в Берлине, Лейпциге и других местах, что для развертывания движения во всей Германии они подчинятся Гитлеру». Да, так выразился бы Гитлер. Но немецкий депутат из Богемии еще не усвоил «теории вождя»; конечно и он желал фактического руководства Гитлера, но он мыслил его в обычных мягких формах современных ферейнов. Поэтому он пишет: «Ожидаю, что они будут помогать Гитлеру в развертывании движения во всей Германии». Затем он дает мюнхенцам советы, как им объединить все родственные направления под одной вывеской. Под «родственными направлениями» он понимает даже «Пангерманский союз» известного политического интригана Класса и, что еще хуже, «Объединение немецких профсоюзов» и в первую голову «Союз немецко-национальных торговых служащих».

Немецко-национальные торговые служащие Мюнхена были одной из первых ячеек движения «фелькише» еще до Гитлера. Впоследствии они оказались полезными движению также и в финансовом отношении. Но предложение Юнга об объединении родственных направлений слишком отдавало парламентским клубом с его мандатом, обеспеченным по общему кандидатскому списку; эта мысль родилась в мозгу, безнадежно застрявшем в рутине парламентских правил. Возмущенный Гитлер воспротивился этому. Он не только считал, что другие должны подчиниться ему, но и открыто объявил это. Вместе с тем он заявил: возможно, что представители северной Германии придут к нему, но он никогда не пойдет к ним. Со времени бунта в партии в июле 1921 г. он не хотел и слышать об опасных попытках объединения, а тем паче о продвижении на север.

Он закрепил эту провинциальную линию партии на первом партийном съезде в конце января 1922 г. Тогда оказалось, что в остальной Германии уже существуют различные небольшие местные группы, частью преданные центру, частью требующие равноправия. В Ганновере, Штутгарте, Мангейме, Рейнском Пфальце, Галле и даже Верхней Силезии работали национал-социалисты, не говоря уже о верных соратниках в Розенгейме и Ландсгуте. Из некоторых других мест посылались по меньшей мере телеграммы. Большей частью национал-социалистами были студенты, которые некоторое время учились в Мюнхене. Их немного, и Гитлер противопоставляет им всю массу мюнхенцев, образующих «общее собрание» членов партии.

Речь идет теперь о том, чтобы окончательно упрочить руководство Гитлера и сделать его незыблемым. В своей прокламации к партийному съезду Гитлер заявляет, что необходимо отказаться от «горсти трусливых и дрянненьких буржуа, которые легко кричат ура, а на самом деле дрожат перед каждым уличным крикуном». Необходимо также произвести чистку в собственных рядах, так как движение стало «очагом благонамеренных, но тем более опасных болванов, которые умеют только смотреть в зеркало прошлого и желают отодвинуть наш народ на тысячу лет назад. В своем ослеплении они не замечают, что речь может итти не о возрождении отживших форм, а только о создании нового немецкого права, самым непосредственным образом приспособленного к экономическим условиям нашего времени». А так как никто не проник в эти новые условия так глубоко, как Гитлер и те, кто находится под его руководством, то движение должно быть централизовано в Мюнхене. «Мюнхен должен стать образцом, школой, но также гранитной скалой; в первую очередь не должно быть сомнений, что у движения есть руководство, и все должны знать, где оно находится».

Впоследствии эту централизацию партии в Мюнхене прославляли как непревзойденный маневр руководства, но в основе ее лежала конкретная причина: для того чтобы перенести партийное руководство из Мюнхена, надо было бы перевести также мюнхенский рейхсвер. Ибо он был ядром и основой партии. Господа из рейхсвера могли и не приказывать Гитлеру не допускать такого перенесения. Он уж

полгода назад сам ответил отказом на заманчивые предложения из Берлина, так как знал, что все его дело зиждется только на рейхсвере.

Несмотря на то, что партийный съезд в первую очередь был сколочен из мюнхенцев, последним не удалось провести тезисы своего вождя с таким единодушием, которое выглядело бы как всеобщий энтузиазм. Партийный съезд закончился 31 января довольно бледным «non liquet» (дело еще не выяснено), без резолюций и без шумных оваций. Австрийцы и немцы из Богемии и Моравии вообще не явились. Однако за кем остается владение, за тем остается и право; так как положение Гитлера не подверглось нападкам, оно фактически укрепилось.

Число членов партии возросло по сравнению с 1921 г. вдвое: с трех тысяч до шести тысяч. Для всякой другой партии это было бы громадным шагом вперед; но для национал-социалистов это означало замедление темпа их роста. Год кризиса задержал рост партии, а внутри партии еще не привел к единой ориентации и к полной консолидации партийной линии.

1922 г. был переходным годом, годом строительства. Необходимо было сорганизовать бюро партии, добыть больше денег. Меньше размаха, больше прилежания—таков был лозунг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПУТЧ П. П. (Т. Е. ПУТЧ ПИТТИНГЕРА И ПЕНЕРА)

В начале января 1922 г. государственная власть впервые применила к Гитлеру серьезную репрессию. Вместе со своим приятелем Эссером он был приговорен к трехмесячному заключению за срыв митинга. Баварский министр внутренних дел д-р Швейер собирался выслать Гитлера из пределов Баварии, новое правительство Лерхенфельда относилось к Гитлеру холодно. Однако Швейер не в состоянии был провести эту высылку; сила была здесь на стороне старого фронтовика Гитлера. Солдатские союзы протестовали, и из плана (март 1922 г.) высылки Гитлера ничего не вышло. После этого удара Гитлер снова стал избегать людей, долго не давал о себе знать и в конце концов объявился в Берлине. Там он снова выступал в Национальном клубе, где между прочим познакомился со своим будущим соратником фон-Грефе и с фабрикантом фон-Борзигом [59], лидером германских работодателей.

В конце июля 1922 г. Гитлер снова в Мюнхене и отбывает свое наказание; оно было сокращено ему до одного месяца; что касается остальных двух месяцев, то он добился, чтобы наказание было признано условным. Он приступил к отсидке своего наказания как раз во-время. Случись это на месяц позже, Гитлер оказался бы в тюрьме во время политического шторма, чуть не бросившего Баварию в объятия революции.

Шторм этот вызван был убийством германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау и последовавшим вслед за этим изданием законов о защите республики. Правые союзы в Баварии ответили на это тем, что «довели народную душу до белого каления». прерогатив общеимперских властей в упомянутых законах; но и все Присяжные баварские патриоты не могли мириться с расширением правые одинаково восстали против энергии, с которой республика после проявленной ею в прошлом дряблости поставила существующую форму правления и демократию под защиту закона. Надо сказать, что возмущение правых не лишено было основания, так как припадок мужества и энергии у имперского правительства был деланным, и энергия эта скоро улетучилась; этот припадок нарушал обычное

право, установившееся за последние годы в государственной политике, согласно которому в Германии правили левые, а правые делали все, что им угодно.

Из столкновения между авторитетом империи, государственной самостоятельностью Баварии и возмущением правых правительство Лерхенфельда пыталось выйти с помощью компромисса: оно согласилось на новый закон, но для проведения его в действие выговорило себе право учредить южногерманский сенат при верховном государственном трибунале и добилось от президента республики Эберта заявления, что политика централизации на этом остановится и не пойдет дальше.

Однако руководящие политические круги в Баварии увидели в этом компромиссе только поражение. Если прежде бурные, но лойяльные демонстрации имели целью усилить позицию баварского правительства, то теперь происходило опасное брожение, направленное против самого правительства. Во время большой демонстрации на Площади короля, Гитлер—это было еще до его тюремного заключения—впервые получил возможность выступить перед десятками тысяч людей вместе с лидерами других организаций. Характерно его выступление против бело-голубых (цвета баварского герба) и против травли пруссаков: «Прошу вас,—сказал он,—не ругайте пруссаков и не пресмыкайтесь в то же время перед евреями, а проявите твердость перед нынешними хозяевами в Берлине, тогда за вас будут стоять миллионы немцев во всей Германии, называются ли они пруссаками или баденцами, вюртембержцами или австрийцами».

Впрочем в то время даже самые пламенные речи Гитлера не представляли еще опасности для правительства. Зато за кулисами произошли события, которые могли повести к катастрофе. В баварском рейхсвере подготовлялось военное восстание.

Начало восстанию было положено в стане генерала фон-Эппа, начальника пехотных частей седьмой дивизии, постоянного защитника и покровителя всех правых союзов. Рем и несколько других офицеров задумали свергнуть имперское правительство вооруженной силой. Расчет их заключался в следующем: когда сойдутся генералы рейхсвера и вынесут составленное в вежливых выражениях решение, что внутреннее положение стало невозможным, Эберт окажет не больше сопротивления, чем в свое время Гофман. Рему удалось склонить в пользу этого начинания Эппа, а тот склонил на свою сторону начальника баварской дивизии фон-Меля. Баварская дивизия находилась в состоянии полной боевой готовности: она была собрана для маневров на военном плацу в Графенвер в северной Баварии.

На этот раз план расстроился вследствие преждевременного вмешательства буржуазных политиков.

Дело в том, что нечто подобное замышлял также самый влиятельный из баварских военных союзов—союз «Бавария и империя». Во главе его стоял советник Питтингер из Нюрнберга, поставленный Эшерихом в качестве своего преемника. Это был прирожденный закулисный деятель со всеми данными стать злым гением движения баварских военных союзов. Он отличался пронырливостью, рассудитель-

ностью, честолюбием, а также отсутствием сдерживающих центров, не обладал он лишь одним—доверием своих сотрудников и союзников. И вот Питтингер пришел к выводу, что для него теперь настало время действовать.

Не имея представления о приготовлениях генералов рейхсвера, находившихся далеко, в Графенвере, он созвал 24 августа 1922 г. своих помощников в мюнхенской пивной Киндлькеллер, вызвал с курорта Пенера и приступил к подготовке военного переворота, который должен был свергнуть правительство Лерхенфельда.

Однако, когда он через своего посланца конфиденциально уведомил офицеров в Графенвере о своем самовольном начинании, Рем пришел в бешенство и отказался поддержать путч П.П. (названный так впоследствии по начальным буквам фамилий обоих духовных отцов его—Питтингера и Пенера). Тогда у Питтингера душа ушла в пятки, и он, не поднимая шума, отослал своих сообщников домой, а сам отправился на курорт. После этого злосчастного преждевременного выпада потерпело неудачу также предприятие рейхсвера, и все участники предстали перед глазами друг друга далеко не в виде героев или великих государственных мужей.

Меньше всего пристало это Гитлеру, который уже видел себя мысленно в роли политического лидера в путче рейхсвера. По мысли Рема штурмовые отряды Гитлера должны были в числе других участвовать в перевороте; в конце концов для этого Гитлер и создал их. Гитлер считал, что настал час для действий в большом масштабе. В эти лихорадочные недели надежды снова обманули его, его исступленные речи снова оказались произнесенными впустую. «Если мы,—кричит он своим слушателям хриплым от волнения голосом,—не используем этого момента, он никогда более не повторится». Это было незадолго перед тем, как он отправился в тюрьму.

Действительно, уже много лет обстоятельства не складывались столь счастливо. Гитлер имел шансы выехать на рейхсвере, будучи, так сказать, его политическим экспертом. В обозе рейхсвера ему открывалась возможность добиться если не власти, то политической славы, после которой ему нечего было бы беспокоиться за свое дальнейшее возвышение. Но эти шансы растаяли, и он не мог помешать этому.

Из неудавшейся затеи в сентябре 1922 г. Гитлер сделал вывод, что как бы государственная власть ни желала переворота, она всегда нуждается в таких случаях в небольшом толчке извне. В ноябре 1923 г. он дает ей этот толчок.

РАЗРЫВ РЕМА С ЭППОМ

После проигранного боя или неудачной спекуляции компаньоны обыкновенно устраивают между собой потасовку. Так было и здесь. В ноябре министерство рейхсвера решилось на геройский шаг и перевело Рема из штаба генерала Эппа в штаб генерала фон-Меля при седьмой дивизии, т. е. разъединило обоих заговорщиков: Эппа и Рема. Приказ сопровождался вежливым письмом, в котором мини-

стерство писало, что это делается собственно в интересах самих участников: «Рем, который переводится по приказу министра, может видеть в своем переводе в дивизию только повышение по службе».

Речь шла о том самом Реме, который два месяца назад замышлял сбросить правительство с оружием в руках.

Тем не менее Рем чувствовал себя обиженным. Вместе с Эппом он смотрел на местное командование рейхсвера, на командование дивизии как на «враждебное начальство, перед которым мы, т. е. генерал Эпп и я, не желали бы обнаружить свои сокровенные планы». Он считал изменой, что Эпп выдал его врагу; Эпп в свою очередь считал Рема изменником, потому что тот покорно перешел к врагу. Между ними произошла размолвка. Рем вспомнил, что за все последние годы генерал пользовался славой, которая в действительности была в значительной мере заслугой его, Рема. Благодаря своей импульсивно-мечтательной натуре он не обращал на это внимания, пока находился в дружеских отношениях с Эппом. Но теперь это его задевало. Впоследствии между Эппом и Ремом произошло примирение, но некоторая горечь осталась, и это сыграло свою роль в истории национал-социалистической партии.

Генерал фон-Мель вскоре переведен был в Кассель в качестве командира группы, и начальником Рема стал генерал фон-Лоссов. На первых порах Рему в его новом положении пришлось нелегко. Ему был брошен ряд серьезных упреков, в том числе также оскорбительного личного характера, и однажды Рему даже пришлось потребовать дисциплинарного суда над собой. Согласно его рассказу, он был реабилитирован, и поэтому нам нет надобности возвращаться к содержанию этих упреков. Пока не будет доказано противное, в пользу Рема говорит то, что он пользовался личным доверием таких людей, как Лоссов и Людендорф. Его солдатские доблести вскоре приобрели ему расположение Лоссова, однако его политические интриги много повредили ему потом у командира, который был не более как военным.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ МАССЫ

После несчастного случая в 1922 г. теперь наступил весьма счастливый случай: поход Муссолини на Рим. Он произошел спустя два месяца после того, как баварский рейхсвер чуть было не предпринял похода на Берлин. Благодаря походу Муссолини было обращено внимание на вождя баварских штурмовиков. Эссер, который беззаветно верил в звезду Гитлера и связал с ним свою судьбу, заявляет в ноябре 1922 г. на собрании: «Нам не надо подражать итальянскому Муссолини, у нас уже есть свой, это—Адольф Гитлер».

В значительной мере впечатление, произведенное в Германии походом на Рим, обязано было спокойному и бесперебойному развитию итальянских событий. Не произошло ни одного уличного сражения, ни одной забастовки, корона не получила ни одной зазубрины, ни у кого не вскочила на лбу шишка. Именно такая революция была по душе немецкому обывателю. Гитлер обещал поступить с парламентом таким же образом, как Муссолини. Совершенно в стиле Муссолини он

заявил, что «политическая свобода всегда является только вопросом силы». Правда, за этим следовало добавление, говорящее о мучительной внутренней борьбе и сомнениях: «а сила является только результатом воли». Но эта психика неврастеника была слишком утонченна, чтобы масса могла обратить на нее внимание. Во всяком случае государственный переворот Муссолини способствовал вере в «безболезненность» грядущей фашистской революции. Подражатель Муссолини Гитлер стал популярным революционером.

ИНФЛЯЦИЯ

Таким образом в ноябре 1922 г. произошло внезапное усиление партии. До сих пор ей долгое время приходилось на собственном опыте чувствовать, что слава редко дает осязательные результаты. Но многие из тех, кто после безумного гипноза советской республики в Мюнхене впал в состояние усталости, теперь были выведены событиями из этого состояния и созрели для Гитлера. Начался период инфляции.

Начался? Да. Прежде имел место только «рост цен». Как резкое падение валюты инфляция начинается в 1919 г., как падение моральных ценностей—только в 1922 г., в промежутке между убийством Ратенау и вторжением французов в Рурскую область. В программе «германской рабочей партии» фигурировала смертная казнь для ростовщиков и спекулянтов. Это значило: для мародеров хозяйства, которые из жажды наживы «взвинчивают» цены. О работе печатного станка, о пагубных результатах несбалансированного государственного бюджета, о влиянии крупных промышленников на обесценение денег—обо всем этом главари партии в то время не имели ни малейшего представления. До 1922 г. в народном сознании жило только представление о бессовестном ростовщичестве товаровладельцев и, пожалуй, о слабом государстве, не решающемся повесить их.

Постепенно товаровладельцы получили отпущение грехов, и распространилось страшное подозрение-догадка, что государство путем какого-то алхимического процесса уничтожает частные состояния—конечно сознательно, с помощью злостного обмана. Ибо, чем менее организованны массы, тем отчетливее они представляют себе организованные силы государства и хозяйства, тем меньше верят они в анархический ход событий. Внезапно многим показалось правдоподобным то, над чем они еще недавно смеялись; люди поверили, что государство, хищнически манипулирующее валютой, действительно находится в руках евреев.

В то время спекулировал каждый, у кого было несколько пфеннигов за душой; никогда еще биржевой отдел газет не имел так много читателей. По движению курсов своих бумаг мелкий спекулянт чувствовал, что его держат мертвой хваткой анонимные, темные силы биржи—те самые, против которых вот уже несколько лет Гитлер произносит по две большие речи в неделю. Мелкие вкладчики начали прислушиваться к Гитлеру; в ноябре 1922 г. он выступил в один вечер на десяти собраниях в самых больших помещениях Мюнхена, причем все эти собрания были переполнены.

МЕЧТА ОБ ОБЕСПЕЧЕННОЙ ЖИЗНИ

Личные переживания Гитлера в этот период весьма сложны. «Когда,—говорил он близким друзьям,—проходишь через десять зал и тебе навстречу отовсюду несутся крики энтузиазма и восторга, это действительно возвышенное чувство». В то время его риторика была на высоте, он выступал с большой уверенностью. Ныне у Гитлера выработалась поза, «под Цезаря», но в то время он позировал в роли добродушного народного оратора, делал слушателям знаки пивной кружкой, останавливал ревущую от восторга толпу комическим «тс» на манер директора цирка.

Но затем настроение упало. «Беобахтер» медленно, но верно завоевывал свой круг читателей; в 1922 г. их было уже двадцать тысяч; мало-помалу создавались предпосылки для превращения его в ежедневную газету. Итак у Гитлера, у бывшего скромного маляра, будет своя газета с большим тиражем, и он сам будет ее лучшим агитатором. Перед Гитлером открывалась заманчивая перспектива буржуазного благополучия. «Ведь я немногого требую от жизни,—говорит он тогда друзьям, стоящим на несколько другой политической платформе,—я хотел бы только, чтобы движение приостановилось и чтобы я мог прилично существовать как редактор «Фелькишер беобахтер».

Прилично существовать! Не прошло еще и года с тех пор, как ему приходилось жить на средства своих товарищей по партии. Да и теперь еще самый крупный оратор Мюнхена занимает только небольшой домик; в чужом автомобиле он едет с собрания на собрание и старается, чтобы партия не тратилась на него.

Гитлер—человек богемы, которому хочется стать буржуа и иметь возможность существовать прилично. Вполне последовательно, что он начинает выступать в пользу солидной, натерпевшейся страхов буржуазии. В интересах этой буржуазии он клянется защищать частную собственность, а в виде награды требует от нее признания себя вождем.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ СРЕДНЕГО СОСЛОВИЯ

Эту буржуазию Розенберг (в своих комментариях к партийной программе, вышедших в 1923 г.) возвел тогда в герои и мученики национал-социалистической борьбы: «Единственное сословие, оказывавшее еще сознательное сопротивление (к сожалению, только в теории) этому всемирному обману, было среднее сословие». Он говорит о том, что в тисках процентного рабства и марксизма «грозит погибнуть идейная Германия, и не только одна Германия».

«Гибнет не одна лишь Германия!»—восклицает пекущийся о мире балтиец. Заметьте: национализм патриотичен, он подчеркивает свой немецкий характер, но антисемитизм интернационален. «Идея национал-социализма,—пишет Розенберг в «Беобахтер»,— под тем или другим названием распространяется во всем мире». Затем следует пророчество: «Придет время, когда у нас будет французская национал-социалистическая рабочая партия, английская, русская и италь-

янская». Это уже не учение Рудольфа Юнга, согласно которому социализм—специфически немецкая форма государства и был ею даже при Вильгельме II; еще меньше это подходит к прусскому социализму Шпенглера, уж скорее—к тезису Меллера ван-дер Брукка: «Каждый народ имеет свой собственный социализм». Мюнхенские националисты начинают хмурить брови и констатируют, что национал-социалисты не менее интернациональны, чем марксисты.

Растет русско-немецкий сектор партии. Розенберга почти затмил новый метеор: русский немец по происхождению, авантюрист по призванию—Макс Эрвин фон-Шейбнер-Рихтер. У него бурное прошлое: между прочим он был политическим агентом в Турции, и генерал фон-Лоссов, раскусивший его там, весьма недвусмысленно называет его темным авантюристом. Шейбнер еще энергичнее формулирует суть нового интернационализма. «Народы,—пишет он,—начинают понимать, где их враг, они видят, что под лозунгом извращенного, ложно понятого национализма они уничтожили друг друга в угоду этому общему врагу». Это уже нечто новое. До сих пор мы слышали лишь, что враг, сиречь еврей, извращает лозунг интернационализма; отныне для этих сверхнационалистических юдофобов уже сам национализм стал опасным призраком. «Если удастся развить в великую освободительную идею то, что теперь во многих случаях лишь смутно живет в сознании и еще ищет оформления, если удастся превратить ее в систему, причем не только для немцев, но также для других народов, то жертвы мировой войны были не напрасны».

Летом 1923 г. Шейбнер-Рихтер одно время задавал тон у национал-социалистов. Иные видели в нем будущего национал-социалистического министра иностранных дел. Этот русский антисемит умышленно старался вывести национал-социализм из внешнеполитического тупика. С тех пор за канонадой громких слов у национал-социалистов скрывается своя внешняя политика, отличающаяся большой гибкостью и порой также поразительной уступчивостью.

Наиболее резкие формулировки антисемитского интернационализма нашел сам Гитлер. «В удивительном сотрудничестве,—поучает он своих слушателей по части истории,—демократия и марксизм сумели разжечь между немцами и русскими совершенно безрассудную, непонятную вражду; первоначально же оба народа относились друг к другу благожелательно. Кто мог быть заинтересован в таком подстрекательстве и науськивании? Евреи». При этом Гитлер не брезгует следующей передержкой: «Да, Бебель, который не соглашался дать проклятому милитаризму ни единого солдата, ни единого гроша для защиты против Франции, этот Бебель заявил: когда дело дойдет до войны с Россией, я сам вскину на плечо ружье».

Между тем в известной цитате у Бебеля о России не говорится ни слова ни в прямом, ни в переносном смысле, а речь идет только о Германии и защите ее территории.

Далее: «Во Франции (у нее, правда, были коренные расхождения с Германией, но для Германии они после 1871 г. ликвидированы) всеми возможными средствами культивировали непримиримую ненависть к Германии. Здесь тоже вполне ясно, что евреи стараются

создать конфликт, чтобы использовать его». Итак, слушайте и поражайтесь: даже борьба с «наследственным врагом» оказывается проделкой евреев. Англию тоже науськивает на войну против Германии еврейская пресса. «Кто возглавляет всю английскую прессу мировых лавочников? Еврей Нортклифф»[60]. Нужды нет, что в настоящее время брат Нортклиффа, лорд Ротермир[61], является рупором Гитлера в Англии. «Надо было разрушить Германию, последнее социальное государство в мире; с этой целью на нее натравили двадцать шесть государств. Это было делом прессы, находящейся в исключительном владении одного и того же вездесущего народа, одной и той же расы, которая фактически является смертельным врагом всех национальных государств. В мировой войне победил Иуда».

ШОВИНИЗМ, ОБРАЩЕННЫЙ ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО ВРАГА

Это не значит, что Гитлер жертвовал шаблонным патриотизмом своих слушателей в угоду интернациональному антисемитизму и антибольшевизму, что он объявил французов дружественным народом, находящимся лишь под игом евреев. Но Гитлер был на пути к этому, и на практике его агитация во всяком случае действовала в этом смысле.

Когда в начале рурской войны в январе 1923 г. правительство Куно[62] старалось создать единый фронт и в Рурской области действительно возникло нечто вроде такого фронта, антимарксисту Гитлеру, разумеется, трудно было включиться в него. Ему удалось вскоре вывернуться из затруднительного положения благодаря возникшему спору о том, следует ли прибегать к активному или пассивному сопротивлению—спору о методах. Это послужило основанием для издевательств Гитлера над наивными людьми, надеющимися «выкурить врага из Рура своей ленью и ничегонеделанием». Но вначале ему не оставалось ничего, кроме ядовитых и весьма непопулярных насмешек над «болтовней об едином фронте». Старая тенденция—изображать национальные противоречия в качестве интернациональных манипуляций евреев—привела Гитлера на необычный путь: 12 января 1923 г. он заявляет на собрании в пивной Бюргерброй: «Долой не Францию, а изменников отечеству, долой ноябрьских преступников—вот что должно быть нашим лозунгом!» В то время национал-социалисты еще мало помышляли об активном сопротивлении, которое впоследствии они проповедывали с таким пафосом. Это полностью признал Дитрих Эккарт; 8 февраля он пишет в «Фелькишер беобахтер»: «Евреям конечно хотелось бы втянуть нас в безумную войну с Францией, безумную потому, что мы проиграли бы ее с молниеносной быстротой, как это заранее известно».

Таким образом интернационализму своих суфлеров из балтийских немцев Гитлер придал более удобную форму «внутреннего» национализма, который в отличие от старого национализма направлял свое острие не против внешнего врага, а против части германского же народа.

Впрочем на несколько месяцев рурская война лишила почвы национал-социалистическую идею антибольшевистского континентального блока. У «мелкого люда» в партии, у ее неимущих основателей снова выступила на первый план старая стихийная ненависть к капиталистам. Устраненный недавно второй председатель партии Кернер выступил в дискуссии на одном коммунистическом собрании и доказывал, что национал-социалисты желают лишь объединения всех немцев, настроенных против капитализма, что национал-социалисты согласны с коммунистами даже в принципиальной области, а именно насчет необходимости положить конец хищничеству матерых волков биржи. Как ни старался Розенберг высмеять горячую речь Радека о Шлагетере[63] как «еврейскую удочку», как ни заклинал он заблудших овец и как ни призывал их к вечной ненависти, твердя им, «у нас только одна конечная цель, сокрушение большевизма, и ничто не может отвратить нас от этого», все было тщетно. Штутгартские национал-социалисты, всегда отличавшиеся в партии особым упрямством, даже пригласили коммунистического депутата Реммеле выступить у них на дискуссии.

ОТКАЗ ОТ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ

Итак ближайшей целью Гитлера было разделаться с немецким марксизмом, а конечной целью Розенберга являлось разбить восточный большевизм. Куда же спрашивается девалось сведение счетов с Францией? Что касается Англии, то национал-социалисты все еще колебались. Порабощена ли она евреями или является англосаксонской расой господ? Тем решительнее был поворот национал-социалистов в сторону Италии.

Спустя несколько месяцев после победы фашизма в Италии Гитлер обронил на небольшом собрании несколько еретических слов о Южном Тироле[64]. Итальянцы вступили тогда в Меран, притесняли и запугивали его немецкое население. Гитлер отозвался по этому поводу в начале 1923 г. в том смысле, что не следует относиться к этому слишком трагически.

18 июня 1923 г. Розенберг установил линию, которой с тех пор придерживается национал-социалистическая партия: «Вопрос об освобождении Южного Тироля встанет на практике лишь тогда, когда у нас вообще будет немецкое государство», т. е. «когда Рур и Рейн, Познань и Данциг, в котором бьется пульс немецкого народа, будут снова принадлежать нам». Поэтому долой не угнетателей Тироля, а долой ноябрьских преступников. «Для итальянцев найдется немало пунктов, представляющих для них бо́льшую ценность, чем Южный Тироль. В грядущей международной ситуации быть может окажется достаточно одного слова усилившейся снова Германии и легкого давления с ее стороны, чтобы помочь итальянцам добиться предмета их желаний, а Южному Тиролю вернуть его свободу». Другими словами, грядущая Германия должна будет выкупить у итальянцев Юж-

ный Тироль за политические компенсации, за поддержку итальянских требований.

Принятая во время рурской войны политика партии в южно-тирольском вопросе—один из устоев будущей внешней политики национал-социализма: союз с Италией против Франции, по возможности с привлечением Англии. Наряду с этим имеется и противоречащий этому союзу план антибольшевистского блока; поскольку этот план мобилизует весь мир на крестовый поход против России, он логически должен был бы вести к соглашению с Францией. Со временем, правда, лишь после тяжелой внутрипартийной борьбы руководители партии поняли всю несолидность такой политики с вечно меняющимися установками. После этого они долгое время склонялись к тому, чтобы предоставить Россию самой себе, но после победы на выборах 1930 г. снова вытаскивается из платяного шкафа и публично демонстрируется старая жандармская шашка, которая должна спасти культуру и покончить с Советским союзом.

Впрочем внешняя политика—вообще неблагодарное поприще для доктринеров. С тех пор внешняя политика национал-социалистической партии—надо признать это—отчасти утратила свой доктринерский характер.

БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ

Уход национал-социалистов из «единого фронта» мог быть понятен для социалистов, но не для националистов обычного толка. Но в том-то и дело, что национал-социалисты были не обычными националистами, их национализм был направлен против «внутреннего врага», они защищали материальные основы существования буржуазии, но нападали на ее взгляды. Они уже тогда не были даже добрыми христианами в обычном смысле слова.

«Разорвем в клочья ветхий завет, библию похоти и дьявола!»—восклицает Дитрих Эккарт 11 августа 1921 г. в «Фелькишер беобахтер». А Гитлер, который добрую часть своего лексикона перенял у Эккарта, послушно повторяет за ним: «Перевод библии Лютером,—говорит он в беседе со своим учителем,—быть может принес пользу немецкому языку, но нанес страшный вред силе мышления немцев. Боже правый, какой ореол окружает теперь эту библию сатаны! Поэзия Лютера сияет так ослепительно, что даже кровосмешение дочерей Лота получает религиозный отблеск». Впоследствии эти слова опровергались, но еще в 1927 г. «Фелькишер беобахтер» рекомендовал книгу Эккарта, в которой приведена эта цитата.

Так уж суждено антиклерикальным партиям, что их стрелы против вражьего замка попадают также в церковные окна.

С самого начала трудную проблему для национал-социалистов представлял мюнхенский кардинал-архиепископ фон-Фаульгабер. Истинный князь церкви по своим взглядам и осанке, быть может несколько уступавший по уму Пачелли [65], бывшему тогда в Мюнхене нунцием, мастер политических сентенций, великолепно умевший выбирать для них место, время и нужное слово, Фаульгабер был монархистом и врагом революции. Но вместе с тем он как католик был

врагом национализма, а как баварский кардинал придавал своему ультрамонтанству[66] заодно характер не от мира сего и местный, партикуляристский оттенок. Национал-социалисты вскоре открыли эти черты Фаульгабера. Кардиналу принадлежит крылатое слово, что революция была клятвопреступлением и государственной изменой; с течением времени это выражение почти не утратило своей зажигательной силы. На мюнхенском католическом съезде в августе 1922 г. он выступил также против «басен еврейской прессы». Правые союзы с их баварским патриотизмом находили в этих изречениях благодарнейший материал для своих лозунгов, но национал-социалистам изречения кардинала были не совсем по душе. Так например этот человек, проповедующий «римский мир», протестовал против военных праздников, осуждал политические убийства и приравнивал к этим убийствам также травлю, которую вела пресса крайнего правого лагеря. Это било, можно сказать, не в бровь, а в глаз.

Поэтому национал-социалистам не нравился также лозунг о клятвопреступлении и государственной измене, тем более, что он отдавал монархизмом и слишком мало говорил о долге по отношению к своему народу, долге естественном, не нуждающемся в присяге. «В речах мюнхенского кардинала имеется «хорошее и вредное»,— констатировал Розенберг, выступая против подозрительного князя церкви как бы в роли провозвестника новой религии.—Из всех классов и вероисповеданий с непреодолимой силой вырастает новое, юное и жизнерадостное миросозерцание. Со временем оно явится куполом, под которым будут собраны и будут бороться друг за друга не все расы, но все немецкие племена. Это—идея народности».

Эта розенберговская теория «купола» была впоследствии развита в настоящую догму. Это—учение о новом миросозерцании; во многом оно остается умышленно индиферентным, предоставляя каждому спасаться на свой лад. Бедное программными положениями, индиферентное в этическом отношении, оно зато универсально в своих притязаниях на господство; в этом отношении распростертый над добром и злом «купол» всеоправдывающего национал-социализма является явным конкурентом единоспасающей церкви.

Гитлер и здесь придал идее форму, приспособленную для масс: «Мы не желаем другого бога, кроме Германии. Что нам нужно, так это фанатизм в вере, надежде и любви к Германии».

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД

Уход из единого фронта с треском разбил то зеркало, в которое два года самодовольно смотрелись скудные умом патриоты из военных союзов. Для Гитлера это оказалось опаснее, чем уличные драки и срывы собраний. Ему грозило нечто худшее, чем высылка.

Прежде всего он своей позицией поставил в затруднительное положение рейхсвер, который дарил свою материнскую ласку и защиту всем военным союзам и по праву считал их своим детищем. Гитлер попрежнему не намеревался выступать как самостоятельная сила, попрежнему считал своей задачей победить с помощью богом данных

авторитетов. Но он полагался не на гражданскую власть, а на политическую сознательность рейхсвера и вместе с Ремом изо всех сил старался пробудить эту сознательность. Высшая инстанция, генерал фон-Лоссов, не имела определенной политической ориентации. Лоссов ценил все «национальные» тенденции и проводил различие между ними разве лишь в зависимости от степени их покладистости. В этом отношении Гитлер, который любил пролезать вперед, не всегда мог получить высший балл.

На 27 января 1923 г. Гитлер созвал новый партийный съезд, который в противоположность неудачному прошлогоднему съезду должен был стать грандиозным смотром его военных сил. Он стянул своих штурмовиков со всей Баварии и обмундировал их по-новому; в общем собралось около пяти тысяч человек. Они должны были в военном строю собраться на площади одного из предместий Мюнхена, на так называемом Марсовом поле. Не менее чем в двенадцати залах должны были одновременно состояться массовые митинги. За последние годы Мюнхен видел гораздо более грандиозные манифестации, но то были мирные собрания, в которых царил дух гармонии и благодати под покровительством отцов города. Это же была мобилизация масс, направленная против внутреннего врага, и если по своим размерам она и уступала майской демонстрации социал-демократов, то она была все же опаснее благодаря своему военному характеру.

Съезд должен был состояться 27 и 28 января. Многие опасались путча, так как знали, что в сентябре 1922 г. Гитлер готов был плестись в хвосте путчистской армии. Поэтому уже в ноябре его пригласил к себе министр внутренних дел Швейер и сделал ему серьезное внушение, предложив «не делать глупостей». Гитлер вскочил, ударил себя в грудь и поклялся: «Г-н министр, даю вам честное слово, что никогда в жизни не прибегну к путчу». Министр ответил, что высоко ценит честное слово Гитлера, но движение перерастет Гитлера, если он будет держать свое слово, и поэтому в решительный момент он, Гитлер, все же поплывет по течению.

Когда Гитлер стянул пять тысяч человек на празднество освящения своих знамен, министр вспомнил свой старый принцип, что государству лучше защищаться против революции с помощью полицейских карабинов, а не честных слов революционеров. Тогда еще не привыкли к характеру массовых представлений Гитлера и не могли себе представить, что пять тысяч человек явятся в Мюнхен только для того, чтобы выслушать речь. Поэтому власти без всяких церемоний запретили освящение знамен под открытым небом, а также половину из предполагавшихся двенадцати собраний.

Гитлер бросился к полицей-президенту Нортцу и разыграл там неописуемую сцену. Сначала он пытался сыграть на слабой струнке Нортца. Опять-таки вспомним, как вел себя Гапон. Он приноровлялся к каждому и держал себя так, как мог пожелать его партнер. Аккуратный чиновник Нортц желал видеть в людях корректных граждан, и Гитлер выступил в позе лойяльного гражданина, являющегося столь же рассудительным патриотом, как и сам полицей-президент; он подчеркивал лишь, что с массами надо говорить их языком, сам

же он отлично понимает язык полицей-президента. Гитлер доказывал, что запрещение партийного съезда будет иметь роковое значение не только для него, Гитлера, оно будет также ударом для национального движения и в этом смысле нанесет рану отечеству. Гитлер расчувствовался. Темнорусый молодой воин заклинает седовласого чиновника, горячо говорит об отечестве. Это чуть ли не маркиз Поза перед Филиппом II. С удивлением седой чиновник видит, как его актерствующий гость преклоняет колено. Правда, лишь на одно мгновение. Гость и в самом деле мог бы воскликнуть: «Ваше величество, дайте свободу собраний!» В действительности сцена разыгралась несколько иначе. И полицей-президент не ответил дрожащим голосом, как Филипп II, а вместо этого сухо заговорил об авторитете государства, о полицейских карабинах, которым должны повиноваться и патриоты. Тогда Гитлер меняет тон и кричит: «Будь что будет, а я соберу своих людей и пойду во главе их, пусть полиция стреляет в меня».

Правительство сохранило однако спокойствие. В интересах безопасности оно объявило осадное положение и запретило все двенадцать собраний.

ПОМОГ РЕЙХСВЕР

Гитлер был в отчаянном положении. Он знал, что пойти во главе своих людей и быть расстрелянным не имеет смысла. Но он знал также, что отступление перед правительством навсегда подорвет его авторитет у старых эрхардтовских ландскнехтов, которые теперь находились под его началом.

Но здесь впервые вмешалась в его пользу та сила, которая с тех пор неоднократно спасала его. Это был рейхсвер—доблестный Рем, достопочтенный Эпп. Они пустили в те дни в ход свое влияние как лица, в чьих руках находилась значительная часть рейхсвера, и спасли Гитлера от поражения, от которого ему, пожалуй, никогда бы не удалось потом оправиться. Они знали, что делали. Ведь это была их партия, их политическое войско, созданное ими на их же деньги и из их же людей.

Генерал фон-Лоссов, командир седьмой дивизии, чувствовал, что в воздухе пахнет путчем, и созвал своих офицеров на совещание. Вероятно этот трезвый человек хотел услышать от них, что они держат солдат в руках и будут повиноваться любому его приказу. Вместо этого Эпп разразился следующей речью: невыносимо видеть, как поступает правительство по отношению к национальному движению, а именно к национал-социалистам; рейхсвер ни в коем случае не должен терпеть такого третирования национальной идеи. Выступление Эппа придало храбрости младшим офицерам. Новый сотрудник Лоссова Рем открыто обвинил правительство в измене национальному делу. «Как можете вы совместить такие взгляды с вашей присягой?»—спрашивает его один из офицеров. Многие, в том числе и командир дивизии, пришли в замешательство. Собрание разошлось в нерешительном настроении.

Тогда Рем, решив пойти ва-банк, собирает несколько единомышленников и еще раз обрабатывает Эппа. Он доказывает ему,

что надо во что бы то ни стало повлиять на Лоссова, скрутить его. Эпп имеет разговор с глазу на глаз со своим начальником. Рем в лихорадочном ожидании стоит в другой комнате. И вот—растворяются двери и выходит Лоссов: «Можете ли вы привести сюда Гитлера?»

«Само собой разумеется». И сияющий от счастья Рем полетел за Гитлером.

Генерал-фон-Лоссов еще не был знаком с г. Адольфом Гитлером. Он узнал его теперь с лучшей стороны. Гитлер, не умеющий владеть собой в неожиданных ситуациях, в состоянии после тщательной подготовки произвести впечатление добродушного и прямого человека, проникнутого самыми благими намерениями. На генерала личность Гитлера и его дело произвели впечатление, пожалуй, чего-то маловажного. Во всяком случае он приходит к выводу, что не стоит из-за этого пришедшего в экстаз мещанина расстраивать господ офицеров и огорчать доблестные военные союзы.

«Не могли ли вы, по крайней мере обещать министру Швейеру, что вы не устроите путча?»—спрашивает он осторожности ради.

Здесь чаша терпения Гитлера переполнилась; его подготовленное самообладание не выдержало. Ведь он уже раз дал честное слово министру два месяца тому назад. Разве тот уже забыл это?

«Министру Швейеру я вообще не даю больше честного слова,—кричит он,—но я уверяю ваше высокопревосходительство своим словом, что 26 января не устрою путча; 28 января я снова явлюсь к вашему высокопревосходительству». Лицо его налилось кровью.

«Какой однако сердитый господин,—думает генерал.—Ну и революционер же! «Честное слово, не устрою путча». Тэк-с. Впрочем дело не в честном слове. Этот субъект несомненно не устроит путча, ему бы только заниматься освящением знамен».

Верный Рем слушал и молчал. Ему дается теперь поручение отправиться в министерство и сообщить там, что генерал фон-Лоссов считает г-на Гитлера и его партийный съезд неопасными и в интересах национальной обороны он сожалел бы, если бы национальные союзы подверглись зажиму; он предлагает поэтому правительству пересмотреть свое решение. Рем не только выполнил это поручение, он также показал министру Швейеру, что национально настроенный капитан рейхсвера ставит его ни во что. Рем отправился не к Швейеру, а к старому патрону и покровителю всех националистов фон-Кару. Последний в качестве начальника округа Верхней Баварии был подчиненным Швейера, но как политическая величина он был сильнее последнего. Ему Рем и Гитлер передали пожелания генерала фон-Лоссова, причем, чтобы равенство было полным, Кару тоже пришлось выслушать излияния Гитлера. В конце концов правительство уступило. Нортц на втором свидании с Гитлером лишь просил его уменьшить вдвое число собраний и произвести освящение знамен в помещении цирка Кроне, расположенного на Марсовом поле. Гитлер знал, что эти условия должны лишь замаскировать поражение полиции. «Пожалуй,—ответил он,—посмотрим, что можно будет сделать». Побитый

полицей-президент должен был проглотить эту пилюлю. На самом деле состоялись все двенадцать митингов и знамена были освящены под открытым небом.

ОБМОРОК ДРЕКСЛЕРА

Это было позорным поражением государственной власти на глазах у всего населения. Посвященные знали, что это было скорее отступлением гражданской власти перед военщиной, но ни широкая общественность, ни штурмовики Гитлера не принадлежали к этим посвященным. Общественность видела теперь в Гитлере сильного человека, не испугавшегося полицейских карабинов и благодаря своей твердости одержавшего верх над слабым полицей-президентом и злонамеренным министром. Положение Гитлера в партии еще более укрепилось на этом партийном съезде; старый противник Кернер был удален со своего поста второго председателя партии, его место занял Якоб. Вероятно при этом не обошлось без бурных сцен; Дрекслер упал в обморок посреди своей приветственной речи к многотысячному собранию.

Приток членов в партию все усиливался. Пришлось закрыть на время центральное бюро партии, так как оно не в состоянии было справиться с заявлениями о вступлении в партию. В апреле Гитлер мог позволить себе роскошь устроить в течение четырех недель восемь массовых митингов в цирке Кроне; мюнхенцы наперебой устремлялись на собрания, чтобы послушать Гитлера.

ПОБЕДЫ И ДОГОВОРЫ

Чем больше росла слава Гитлера, тем легче ему было добывать деньги на руки, минуя посредников и соглядатаев вроде Эккарта. Денежная поддержка восторженных друзей позволила ему отнять «Фелькишер беобахтер» у Дитриха Эккарта.

Это было сделано в несколько приемов. 8 февраля газета в первый раз вышла ежедневным изданием; 10 марта Розенберг, ментор Гитлера, стал ее главным редактором. Дитрих Эккарт еще несколько месяцев подписывался как издатель. Когда 29 августа «Беобахтер» перешел на его нынешний громадный формат, Эккарт перестал уже значиться и как официальный издатель. В финансовом отношении газета трещала по всем швам. Но если она и была ненадежна в этом смысле, если она по уши задолжала своим меценатам, то все же она была теперь бесспорным политическим орудием в руках Гитлера. Эккарт остался верен партии и пользовался в ней почетом, он остался также другом Гитлера. Но пока что он выбыл из строя, так как ему пришлось скрываться от имперской прокуратуры за нарушение закона о защите республики. Потом он избрал несколько более созерцательный образ жизни как художник и любитель удовольствий, для которого существовали кроме политики и другие интересы.

Была одержана еще одна победа: в северной Баварии Гитлер привел к подчинению своего старого соперника Штрайхера. Впрочем

вначале он приобрел в сущности только формальный патронат над нюрнбергским учителем и ничего более. Против Штрайхера, как в свое время против Гитлера, имелась фронда в собственном лагере в лице Бюргера и Келлербауера, но Штрайхер не справился с ней так удачно, как Гитлер с Дрекслером и Кернером; он даже выпустил из рук нюрнбергскую националистскую газету. Он основал свою газету «Штюрмер», которая достигла гигантского тиража благодаря своему граничащему с порнографией смакованию еврейских скандалов—еще почище, чем это делал Эссер. Но пока Штрайхер должен был быть рад, что в склоке со своими соперниками он нашел моральную поддержку в лице Гитлера. Последний выступил в январе 1923 г. в Нюрнберге перед собранием в несколько тысяч человек, на котором Штрайхер превозносил его как образец немецкого вождя. Несмотря на внешнее единение, отношения между ними остались натянутыми, и до ноября 1923 г. Штрайхер не отказывался от надежды иметь с Гитлером дело на положении равного с равным. Мюнхенцы считали его ненормальным, не совсем чистым наруку и учредили за ним слежку с помощью нескольких эмиссаров, в том числе руководителя штурмовых отрядов Буха; кроме того они основали в Нюрнберге собственную ячейку, верную Гитлеру. В вихре событий осенью 1923 г., когда Гитлер стал уже чуть ли не мировой знаменитостью, вопросы борьбы за овладение организацией отступили на задний план перед проблемой боевой готовности. Лишь в 1925 г. были окончательно урегулированы отношения между мюнхенским партийным руководством и Нюрнбергом, а также прочей Германией.

Третьим большим успехом Гитлера был заключенный в марте 1923 г. договор с недавно основанной «партией немецкой национальной свободы». Новая партия образовалась в результате отхода депутатов фон-Грефе, Вулле[67] и Геннинга от немецкой национальной партии «банковского дельца» Карла Гельфериха, которая была для них недостаточно антисемитской; к ней принадлежал также писатель пангерманского направления граф Ревентлов[68]. По договору национал-социалистической партии возбранялась агитация в северной Германии, которая досталась Грефе; южная Германия осталась за Гитлером.

РЕМ ОСНОВЫВАЕТ СВОЕ ЧАСТНОЕ ВОЙСКО

Между тем именно в этот период успехов Гитлеру пришлось убедиться в том, как мало он владел своей партией и самим собой.

Это было во время рурской «войны». Какая игра велась тогда, отчасти вскрывают слова Рема: «Теперь уже не тайна, что рейхсвер принял в то время меры для защиты отечества, которому угрожала опасность». Меры эти заключались в числе прочего в усиленном снаряжении и обучении военных союзов. В глазах последних этим преследовалась цель «понести немецкие знамена по ту сторону Рейна». Тогда началась военизация этих союзов, предназначавшихся первоначально для внутриполитических целей; именно этой военизации Гитлер обязан был тем, что Лоссов помог ему перед правительством при попытке запрещения его партийного съезда.

С тех пор как вооруженные силы нации были объединены для предстоящей борьбы в один военный кулак, лозунг «Долой ноябрьских преступников!» должен был потерять свою притягательную силу. Руководящие круги рейхсвера, которые уж конечно не были противниками внутренних переворотов, потеряли всякий интерес к этому лозунгу. В конце концов правительство Куно не было марксистским, а президент республики—это не было тайной—вряд ли еще оставался марксистом. В феврале имперский канцлер Куно приехал в Мюнхен и привлек Лоссова на свою сторону; впрочем попытки некоторых лиц из его окружения воздействовать на Гитлера остались безрезультатными. Разговор между имперским чиновником и вождем национал-социалистов состоялся при посредничестве Рема в служебном бюро последнего. Гитлер и Рем убеждали гостя из Берлина, что первый выстрел должен быть сделан по внутреннему врагу и что марксисты худшие враги, чем французы. Гостю это показалось чуть ли не государственной изменой. Разговор принял резкий характер, и с тех пор Гитлер стал заклятым врагом Куно.

Самый крупный авторитет для военных и штатских генерал Людендорф—«целый армейский корпус на двух ногах»—объявил себя противником Гитлера и его взглядов. В конце февраля в Берлине состоялась конференция патриотических союзов всей Германии. На этой конференции Рему и капитану Гейсу, руководителю нюрнбергского «Имперского флага», союзнику Гитлера, пришлось убедиться, что Людендорф—солдат, мало смыслящий в политике. В самом деле, Людендорф заявил, что теперь необходимо поддерживать Куно и Секта[69], что фронт должен быть обращен против внешнего врага. Все национальные союзы должны объединиться. В основе этой политики лежала мысль: выступая за отечество, мы добьемся также власти внутри страны.

Что мог сделать Рем в этой ситуации? Он продолжал сколачивать из баварских военных союзов военную организацию, в которой политическим лидерам доставалась чуть ли не роль швейцаров. Он связал национал-социалистическую партию с некоторыми другими группами, из которых самой значительной был «Имперский флаг», в «Объединение патриотических союзов борьбы». Гитлер тщетно пытался дать этому «Объединению» определенную программу; она не была принята. В этой программе он между прочим требовал, чтобы только военные союзы имели право заниматься политикой, и отстаивал необходимость создать национальное государство, «которое даст немцу все права, а тому, кто не желает быть немцем, оставит разве только смерть». Эта программа кровавой тирании по существу является конкретным дополнением к лозунгу «Долой ноябрьских преступников!», предназначавшемуся для внешнего употребления.

В ПЛЕНУ У РЕЙХСВЕРА

Гитлер больше не был хозяином в своей партии. Военщина отняла у него штурмовые отряды, созданные им как орудие его личного господства в партии, причем сделал это не кто иной, как его лучший

друг Рем. Последний сначала даже не заметил, какой удар он наносил этим своему партийному вождю. Он заставил Гитлера превратить партию в сборище ландскнехтов, с которыми офицеры рейхсвера смогут в одно прекрасное утро сделать все, что им заблагорассудится.

Штурмовые отряды росли, но именно поэтому Гитлер не мог сохранить власть над ними. В марте 1923 г. штурмовики уже образовали в Баварии три отряда, из которых каждый насчитывал 3—5 тыс. человек; по настоянию Рема отряды стали потом называться полками. Рейхсвер проводил с ними, как и с другими дружинами и союзами, большие ночные маневры и смотры, а Гитлер выступал в этих военных играх исключительно как оратор. В штурмовых отрядах жил дух активного сопротивления французам; из этих отрядов, вернее из среды бывших мюнхенских солдат Россбаха, который никогда не был особенно верен Гитлеру, вышел например Шлагетер, которого французы расстреляли в Рурской области.

Таким образом и политической активности Гитлера мешала сеть полевых уставов и соглашений с другими группами. Но тут ему посчастливилось получить в руководители штурмовых отрядов человека, который за отсутствием войны на внешнем фронте знал толк в гражданской войне. Это был бывший летчик, капитан Геринг, во время мировой войны он был начальником воздушной эскадрильи Рихтгофена и получил орден Pour le mérite. Он на четыре года моложе Гитлера, провел несколько лет в Дании и Швеции в качестве летчика и директора авиационных компаний, учился после этого в Мюнхене. Это был человек со средствами, а такие люди всегда были нужны Гитлеру; он не раз помогал и лично Гитлеру, который все еще жил в скромных условиях. Геринг жертвовал не только собой для партии, он приносил ей в жертву также свои средства,—один из примеров, когда за деньги покупались руководящие посты в партии. Он умел увлечь за собой солдат, но для обычного обучения рекрут был слишком нервен. Рем всегда относился к нему скептически. Более стойким, зато менее блестящим сотрудником был его начальник штаба капитан Гофман, старый соратник Эрхардта.

В продолжение года войско все увеличивалось и настолько отбилось от рук, что Гитлеру пришлось создать специальные отряды для внутрипартийных целей. В августе один из старых членов партии, принадлежавший еще к ее основателям, лейтенант в отставке Берхтольд сформировал своего рода штаб телохранителей, так называемый «Ударный отряд Гитлера». Этот ударный отряд был той ячейкой, из которой выросли нынешние SS («Защитные отряды»).

ПУТЧ 1 МАЯ 1923 г.

Три месяца Гитлер влачил цепи, которые наложила на него военщина. Затем он попытался порвать их, но ему при этом не поздоровилось.

Первого мая мюнхенские социал-демократы и коммунисты устроили свои обычные маевки на Терезиенвизе за чертой города. Кто знает, какое настроение господствует на социал-демократических маевках, тому известно, что участники их меньше всего думают о революции.

Однако мощная организация, которая считает себя всесильной, видит уже в самом появлении противника провокацию. Поэтому Гитлер и связанные с ним боевые союзы объявили маевку провокацией и решили воспрепятствовать ей силой. Баварскому правительству предъявлен был ультиматум; гитлеровцы не заявляли: «Запретите маевку, иначе мы выступим», а поставили вопрос так: «Запретите маевку и дайте нам выступить». Боевые союзы хотели, чтобы правительство поручило им в качестве «чрезвычайной полиции» подавить майскую демонстрацию, т. е. истязать, арестовывать, а по возможности и расстреливать демонстрантов.

Чтобы некоторым образом пойти навстречу боевым союзам, правительство запретило шествие социал-демократов через город; но устройству праздника за городом оно не стало чинить препятствий. Гитлеру и его друзьям дано было знать, что против «эксцессов» с их стороны правительство выступит с вооруженной силой.

Боевые союзы тоже имели оружие, но оно находилось на складах рейхсвера. Вожакам союзов было обещано, что оружие будет выдано им по первому требованию. Гитлер надеялся и на этот раз использовать рейхсвер против гражданской власти; вместе с Ремом и некоторыми вожаками союзов он отправился к Лоссову и потребовал от него выдачи того, что, как он полагал, принадлежало ему по праву. Но к безграничному удивлению Гитлера Лоссов холодно ответил, что оружия нет. Гитлер вскипел и напомнил генералу про обещание выдать оружие.

«Можете, если хотите, называть меня нарушителем слова,— сказал Лоссов,—но оружия я не выдам, я знаю, как обязан поступать в интересах государственной безопасности». Генерал не ссылался на то, что его прежние обещания были превратно поняты; он просто сказал нет—и баста. Ему как военному ландскнехты были не по душе, контрреволюцию он считал делом генералов, а не главарей добровольческих отрядов и народных ораторов.

Полуобезумевший от гнева Гитлер решил захватить рейхсвер врасплох; он пошел на риск. Вопреки запрету Лоссова он посылает за оружием в казармы; выдрессированные Ремом нижние чины не оказывают противодействия. К складам оружия подъезжают большие грузовики, посланцы Гитлера вызывают из цейхгаузов солдат рейхсвера и приказывают им грузить ружья на грузовики. Руководитель нижнебаварских штурмовых отрядов Грегор Штрассер был задержан в Ландсхуте офицерами как раз во время такого налета. Видя, что ему не вывернуться, он дает им честное слово, что отвезет оружие на своем грузовике обратно в казарму. Офицеры отпускают его. Но Штрассер не поворачивает в ворота казармы, а дает полный ход машине и уезжает по шоссе в Мюнхен. «Это была военная хитрость»,—весело заявил он, когда впоследствии ему напомнили в баварском ландтаге про эту историю с его честным словом.

Своим вооруженным выступлением Гитлер хотел заставить колеблющегося генерала фон-Лоссова перейти Рубикон. День, начавшийся мятежом, должен был закончиться государственным переворотом, произведенным рейхсвером. Но замысел Гитлера полностью про-

валился. Началось с того, что часть организаций, которые должны были выступить вместе с Гитлером, испугалась и дезертировала. Сама по себе эта потеря даже не была значительной, но Гитлер потерял присутствие духа и бежал. Вместо того чтобы занять со своей хорошо вооруженной армией к утру 1 мая центральные пункты города, он отвел ее за городскую черту на военный плац — Обервизенфельд. Как осторожный стратег Гитлер позаботился, чтобы между ним и противником оказался весь город Мюнхен,—противник на другом конце города, на Терезиенвизе, спокойно слушал своих майских ораторов.

На Обервизенфельд, где происходили военные упражнения, боевые союзы братались с рейхсвером, тогда как главари союзов в замешательстве обсуждали, что же теперь делать. Тем временем Лоссов узнал о похищении оружия. Взбешенный генерал разнес в пух и прах Рема и отдал приказ немедленно разоружить националистических бунтовщиков. Последним не оставалось ничего другого как по возможности дружелюбно сговориться относительно условий разоружения. В последний момент Гитлеру удалось избежать позорной выдачи оружия на поле сражения. Союзам разрешено было самим отвезти оружие в казармы. Так Гитлер «разделался» с марксистами.

Это было самое тяжелое поражение, понесенное до сих пор Гитлером,—хотя бы потому, что оно показало, что в груди у Гитлера не билось неустрашимое сердце бойца. Когда пять месяцев спустя Гитлер снова захотел силой переправить Лоссова через Рубикон, он опять опростоволосился.

Союзники тоже оказались ненадежными. Двойная система подчинения рейхсверу и соглашений с другими организациями доказала свою несостоятельность. У Гитлера была армия, но в решительный момент противник мог лишить ее свободы действий; у него была политическая программа, но в решительный момент она крошилась, лишалась важных частей. Но он уже не мог повернуть назад. Путь к успеху вел только через рейхсвер, который обучал войска Гитлера, командовал ими, вооружал их и в случае надобности и оплачивал их. Поэтому Гитлер должен был стремиться любой ценой—хотя бы ценой своих принципов—уговорить рейхсвер, не уступивший ему в этот момент, и подчинить себе ненадежные военные союзы. В вечер 1 мая эта задача еще не представлялась ему в столь ясном виде, но события сами привели его на этот путь.

РАЗРЫВ С РЕЙХСВЕРОМ

После провала в день 1 мая национал-социалистическая партия переживает политический кризис, а Гитлер—личный кризис. Отношения между партией и Лоссовым были сорваны, сам Рем окончательно впал в немилость у своего командира. Он отомстил колкой жалобой, поданной им подчиненному Лоссова—коменданту города Мюнхена генералу фон-Даннеру,—разительный пример нарушения дисциплины, объясняющийся только настроениями того времени, когда

многие офицеры рейхсвера, хотя они по службе были генералами, майорами, капитанами, в своем кругу видели друг в друге «камерадов»—революционеров. «Камерад» Рем обвинял «камерада» Лоссова в том, что он скомпрометировал его перед боевыми союзами.

«Я не желаю,—пишет этот офицер своему начальству,—быть изменником по отношению к людям, которые мне доверяли. Их борьбу за свои права (подразумевается оружие рейхсвера для целей гражданской войны) я должен сделать своей и должен повести эту борьбу за них, если не хочу изменить самому себе».

Последняя фраза допускала различные толкования. Лоссов должен был опасаться, что Рем пожалуй вынесет сор из избы.

Поэтому он заключил перемирие, которое позволило Рему остаться и продолжать получать свое жалованье. По существу произошел разрыв между рейхсвером и боевыми союзами. Лоссов заставил дружинников подписать обязательство, в котором говорилось: «За то, что рейхсвер берет на себя обучить меня военному делу, я обязуюсь... без вызова не принимать участия ни в каких враждебных или насильственных действиях против баварского рейхсвера или баварской полиции». Боевые союзы должны были со скрежетом зубовным покориться, но—как это было сказано в приказе по штурмовым отрядам от 9 мая 1923 г.—они дополнили свое обучение у рейхсвера «теоретическим курсом о поведении во время уличных боев».

Кризис в отношениях между партией и рейхсвером был кризисом могущества партии; в сравнении с этим организационные успехи партии в то время были лишь чем-то второстепенным. Партия впервые позволила себе роскошь иметь отдельного, подчиненного Гитлеру, председателя партии в одном из союзных германских государств, а именно в Вюртемберге. Но за этим блистательным внешним успехом скрывался тот факт, что вюртембержцы не желали терпеть вмешательства Мюнхена.

ГИТЛЕР ШОКИРУЕТ

В частной жизни Гитлера появилась в это время трещина. Ему открыт был доступ и дружеский прием в одном из лучших мюнхенских семейств, которое в настоящее время играет заметную роль в национал-социалистическом движении. Он получал здесь деньги, возможность развлечься, привычку жить в культурном кругу. Это шокировало вечно недовольных ветеранов партии, злые языки издевались над «рабочим вождем, проводящим время за шампанским и в обществе красивых женщин». Один из старых основателей партии—Кернер, второй председатель партии Якоб и несколько других лиц составили своего рода союз для спасения рабочей души Гитлера. Во главе союза стояли Готфрид Федер и один высший железнодорожный служащий, связанный с Гитлером приятельскими отношениями. Федер доказывал, что к вождю, как к человеку с художественными запросами, не следует подходить с мелким масштабом; но вместе с тем он подчеркивал, что о партии судят по поведению Гитлера. Короче, Гитлера призвали к порядку. Впрочем—безрезультатно.

Это конечно свидетельствует лишь о том, что ханжи не переводятся нигде. Однако Гитлер заслужил эти обвинения не своим поведением в частной жизни, а своими прежними нападками на левых политиков, провинившихся не больше, чем он сам. Впрочем описания возмущенных партийных товарищей Гитлера показывают, что в своих похождениях последний не отличался особой опрятностью. Правда, чтобы возмущаться распущенностью гитлеровского стиля, нет надобности следовать за Гитлером в его личную жизнь.

Вождь—на летних квартирах в Капуе[70]. Его партия, оставшись почти без руководства, переживала полосу молчания и затишья. «Гитлер перестал занимать народное воображение»,—констатирует корреспондент «Нью-йоркер штатсцейтунг». Инфляция бешеным темпом приближалась к своему апогею, склока между патриотическими союзами завела их в тупик, народ уже не верит в них и только то и делает, что изо дня в день бегает с получкой в бакалейные лавки, чтобы успеть купить консервы до очередного повышения цен.

ПОБЕДА НАД ПРАВОСУДИЕМ

Тем временем в тиши ведомственных канцелярий разыгралась трагикомедия, которая отчасти вознаградила Гитлера за пощечину, полученную им 1 мая. Баварское правосудие наконец собралось «наказать» Гитлера за нарушение общественного спокойствия в день 1 мая.

Прокуратура при окружном суде в Мюнхене открыла следствие. Можно было ожидать наверняка, что Гитлер будет признан виновным. Тогда ему пришлось бы отсидеть и те два месяца условного наказания, которые оставались за ним еще за срыв собрания. Наконец-то министр внутренних дел получал возможность осуществить свой старый план и выслать Гитлера из пределов Баварии. Все, что таило в себе будущее,—теперь мы знаем, что именно: ноябрьский путч 1923 г., сентябрьские выборы 1930 г., кровавый 1932 г.,—всего этого не случилось бы. По всей вероятности Гитлер жил бы в Австрии на положении малоизвестного агитатора.

Но Гитлер ответил дерзким и сильным встречным ходом. Он подал прокурору заявление, в котором между прочим писал:

«Так как меня в продолжение ряда недель самым невероятным образом поносят в парламенте и прессе, причем соображения должного уважения к отечеству лишают меня возможности публично защищаться, я благодарен судьбе, позволившей мне теперь выступить с этой защитой в зале суда и следовательно не считаться с упомянутыми соображениями».

На высокопарном дипломатическом языке Гитлера это было недвусмысленным предостережением. И прокурор Дрессе понял угрозу. В страхе он докладывает министру:

«Существует опасность, что руководители боевых союзов не остановятся перед такого рода защитой, которая произведет крайне опасное антигосударственное впечатление. Гитлер дошел даже до угрозы опубликовать свое заявление в печати».

Министр читает доклад прокурора и связывает его с другими обстоятельствами, тоже вызывающими тревогу. Гитлеру и его друзьям было известно, в каких плохих отношениях находились между собой министр-президент фон-Книллинг и министр внутренних дел д-р Швейер; оба они ядовито огрызались в присутствии делегатов боевых союзов. Министр юстиции боялся, что может создаться крайне неудобное положение, если Гитлер вынесет сор из избы и расскажет на суде об этом внутреннем конфликте в лоне правительства. Кроме того министр—это был тот самый д-р Франц Гиртнер, который впоследствии стал германским министром юстиции в кабинете Папена,—как немецкий националист считал, что национал-социалисты «плоть от плоти нашей» (он однажды так выразился). В душе он был убежден, что скоро «все равно должен наступить поворот» и что Гитлер либо полностью выиграет, либо полностью проиграет. По мнению министра, только тогда для государства наступит время творить суд и расправу, а не теперь, в этом переходном состоянии слабости.

Он дал прокурору директиву в том смысле, что «в настоящий момент обвинение должно быть отложено до более спокойного времени». Швейер остался в полном неведении о положении вещей. Он несколько раз справлялся в министерстве юстиции. Ему отвечали уклончиво, что дело недостаточно «созрело» (южногерманский официальный стиль),—на самом деле оно было положено под сукно. После путча Гитлера дело было совсем прекращено на основе происшедших к тому времени изменений в уголовном судопроизводстве. Попытка путча, совершенная Гитлером 1 мая 1923 г., осталась по сию пору безнаказанной.

Путем угрозы он добился от государственной власти безнаказанности. Кто в состоянии задержать ход правосудия, тот имеет власть, а власть в руках отдельных граждан соответственно ослабляет действительную государственную власть. Гитлер был силой благодаря рейхсверу; последний держал его в своих руках, но давал ему возможность в свою очередь наложить руку на гражданскую власть, по крайней мере, поскольку это безусловно необходимо было для движения Гитлера.

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Летом 1923 г. юстиции-советник Клас, стоявший во главе пангерманского союза в Берлине, задумал план. Клас видел, как рурская война сходит на-нет, как правительство Куно колеблется между забастовкой против французов и активным сопротивлением, между единым фронтом и уничтожением марксизма. Между начальником рейхсвера генералом фон-Сектом и прусским министром внутренних дел социал-демократом Зеверингом существовали неплохие отношения. Клас задумал свергнуть правительство Куно—Геслера—Розенберга—Хамма. Дерзкий замысел для частного лица, но у Класа была пылкая фантазия в области политики. Он хотел независимо от парламента установить с помощью рейхсвера национальное правительство, директорию, как его стали называть в тесном кругу. Военной опорой

нового правительства должен был стать генерал фон-Сект, а его вдохновителем—Клас.

Нити заговора тянулись также в Баварию, а именно к Пенеру и Кару; последний был покровителем всех монархистов и стоял во главе окружной администрации Верхней Баварии. Правой рукой Кара был Питтингер, так сказать баварский двойник Класа. План берлинского советника Питтингер перекроил по мудрому партикуляристскому рецепту и таким образом сделал его приемлемым для Баварии: директория должна была стать придатком к баварскому правительству и возглавляться Каром. В директорию должны были войти кроме того Пенер и Гитлер.

Это было великим искушением для Гитлера. Этот столь тягостный год имел для него и кой-какие светлые стороны. Так например 20 апреля, в день рождения Гитлера (ему исполнилось 34 года), Рот, бывший всамделишный министр юстиции, торжественно приветствовал Гитлера как великого вождя. Далее, у Гитлера была беседа с Людендорфом и Лоссовым о судьбе Германии. Но все это перекрывалось предложением Питтингера. Самый влиятельный закулисный деятель в Баварии хотел сделать его соправителем страны. Если даже допустить, что Питтингер хотел таким образом поймать Гитлера и обезвредить его—«ему не следует произносить столько цирковых речей»,—выразился о Гитлере Питтингер,—если даже допустить это, то все же такое предложение показывало, как высоко уже котировался Гитлер.

Как Гитлер ответил бы лично от себя на это искушение, мы не знаем. Несомненно, что в своих многозначительных речах он оставил все лазейки для разрешения баварской проблемы на свой лад, проблемы, которая теперь подступала к нему в образе сатаны. «В разные времена,—сказал он в июле 1922 г.,—спасение для Германии являлось из разных мест. В настоящее время на долю Баварии впервые за все время ее существования выпадает общегерманская миссия. Возможно, Бавария воспрепятствует тому, чтобы пожар большевизма распространился с востока на Европу». Эта тирада была кокардой, которая годилась ко всякому мундиру. На основе ее можно было принять предложение Питтингера или отклонить его, можно было воздвигнуть на Майне плотину или построить мост. Но речи Гитлера, которые содержали решительно все и ни к чему определенному не обязывали, уже давно не являлись директивами самого Гитлера; он должен был просто повиноваться силе, во власть которой он попал. Пленник рейхсвера, он даже при желании не мог проводить политику баварского партикуляризма, о которой не желали и слышать националистическая молодежь, офицеры и не баварские покровители партии.

Снова выступили друг против друга оба баварских фронта, черно-бело-красный (сторонники имперского единства) и бело-голубой (баварские партикуляристы). Первый лагерь возглавлялся Людендорфом, за ним шли военные союзы: «Имперский флаг» во главе с Гейсом, союз «Оберланд» со своим новым главой ветеринарным врачом д-ром Вебером, штурмовые отряды, предводительствуемые Герингом,

и наконец радикальные офицеры рейхсвера во главе с Ремом. В другом лагере в качестве идейного вождя находился Питтингер с его союзом «Бавария и империя» и Каром как почетным председателем союза, затем принц Рупрехт и на некотором расстоянии кардинал фон-Фаульгабер и часть баварских министров. Иные все еще находились между обоими лагерями и либо не сознавали противоречия между ними, либо не хотели знать его. Сюда принадлежали те баварские деятели, которые не желали обособления Баварии и которые, напротив, скорее всего предпочли бы поднять бело-голубой флаг над Бранденбургскими воротами[71]: Пенер, Рот и профессор Бауер, руководитель «патриотических союзов», существовавших больше в воображении, чем в действительности. А Лоссов колебался на другой лад: он предпочел бы остаться в стороне от всякой политики. Для тех, кто яснее всего видел противоречия, труднее всего было решиться примкнуть к той или другой стороне; Гитлер принадлежал к их числу.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЛЮДЕНДОРФА

Военные союзы, стоящие за Людендорфом, устроили 2 сентября в Нюрнберге так называемый «немецкий день». Это была грандиозная демонстрация; явилось около ста тысяч человек, для тогдашнего времени неслыханная цифра. Сто тысяч человек маршировали в стальных шлемах, в спортивных шапочках, в обмотках; отовсюду неслись крики, песни, слышались неистовые речи—все это создавало картину бурного политического сражения. Цель этого выступления была выражена в резкой и заносчивой речи Людендорфа в прусском стиле: «Единение и сила, так блестяще проявившие себя на полях сражения, были делом государей». Гитлер никогда не мог бы сказать что-либо подобное; но еще невозможнее было то, что последовало за этими словами: «В первую очередь это было делом династии Гогенцоллернов, которую теперь так поносят, потому что боятся ее и больше всего ненавидят. Но народ, лишенный чувства своей национальной и расовой солидарности, поверг вправ мощь государства».

Это был тот же офицерский стиль, то же презрение к народу, которое сказалось в словах Рема: «Я констатирую, что не принадлежу более к этому народу». У слушателей «сперло дыхание», они смущенно потупили головы. Национал-социалисты вообще не пожелали слушать речь Людендорфа, что с их стороны было красноречивым жестом.

Но этот жест не помог им. Людендорф обладал в то время поистине сверхчеловеческим престижем во всем правом лагере; несмотря на все свои бестактности, он был героем дня. Через свое доверенное лицо Шейбнера-Рихтера он заставил и Гитлера подчиниться обстоятельствам. На большом смотре боевых союзов стояли рядом Людендорф и Гитлер. Публика видела в этом единение вождя и народа.

В то время Гитлеру не везло. Боевые союзы, в том числе и его штурмовые отряды, еще раз были склеены в Нюренберге в одно целое, причем о руководстве Гитлера не было и речи. Новая организация называлась «Германский боевой союз» и состояла из «Имперского флага»

капитана Гейса, из союза «Оберланд» под руководством д-ра Вебера и из штурмовых отрядов национал-социалистической партии. Тяжеловесная прокламация в стихах и прозе отвергала Веймарскую конституцию, нападала на «жалкое преклонение перед большинством», на марксизм, еврейство и пацифизм; она выступала за союзное государство в духе Бисмарка и за частную собственность и требовала смертной казни за измену отечеству.

Эта прокламация была творчеством Людендорфа. Составил ее помощник генерала по части публицистики, капитан в отставке Вейс; Готфрид Федер внес в нее некоторые национал-социалистические штрихи. Гитлер вел себя апатично. Не будь Людендорф таким мало разбирающимся в земных делах полубогом, он мог бы тогда отнять у Гитлера политическое руководство его штурмовыми отрядами; военное руководство уже раньше было отнято у него рейхсвером, потребовавшим от членов союзов уже известное нам обязательство. Так или иначе политические дела союза вел доверенный Людендорфа Шейбнер-Рихтер. Гитлер сидел в золотой клетке и изведал всю горечь высоких почестей.

РЕМ ДЕЛАЕТ ГИТЛЕРА ВОЖДЕМ

Вызволить его стало теперь главной заботой его друга Рема. Сплочение боевых союзов было в сущности его делом. Новая организация должна была представлять собой не партию, а армейский корпус; но вместе с тем она должна была находиться в боевой готовности на случай политического выступления, к которому никак не удавалось в нужный момент склонить генералов. Гитлер собственно не желал всей этой военной игры, но так как он каждый раз позволял использовать себя как безвольное орудие, то в глазах Рема он являлся подходящим политическим руководителем. Итак, Рем изо всех сил старался завоевать для Гитлера политическое руководство боевым союзом.

В записке от 24 сентября Шейбнер-Рихтер выработал основную линию будущей политики Рема, т. е. овладение государственной властью с помощью переворота и в обход конкуренции из бело-голубого лагеря. В этой записке говорилось:

«Национальная революция не должна предшествовать взятию политической власти; овладение полицейским аппаратом государства является предпосылкой национальной революции. Другими словами—необходимо по крайней мере сделать попытку овладеть этим аппаратом хотя бы по внешности легальным путем; при этом мы безусловно согласны, что на этот легальный путь придется вступать под более или менее сильным нелегальным давлением... Риск будет тем меньшим, чем больше выступление будет опираться на симпатию народа и чем больше оно будет производить вовне впечатление легальности».

Провозглашаемая здесь Шейбнером-Рихтером «легальность» как средство борьбы легла с 1925 г. в основу национал-социалистической политики.

В результате упорных настояний Рема лидеры «Боевого союза» согласились признать вождем Гитлера. Внешним поводом для этого послужило прекращение рурского сопротивления, декретированное Штреземаном[72] 24 сентября. На другой день состоялось совещание лидеров союза, в котором участвовали военный руководитель союза Крибель, затем лидер «Имперского флага» Гейс, д-р Вебер из союза «Оберланд», Рем и капитан Зайдель от мюнхенского «Имперского союза» и наконец Геринг, Шейбнер-Рихтер и Гитлер. На этом совещании речь Гитлера продолжалась два с половиной часа; закончилась она просьбой к товарищам передать ему руководство «Германским боевым союзом». Когда он кончил, Гейс вскочил и со слезами на глазах протянул ему руку; Рем тоже плакал, и даже д-р Вебер, всегда сохраняющий внешнее спокойствие, был взволнован. В результате этого патетического совещания появилась следующая заметка в печати:

«Ввиду серьезности политического положения мы считаем крайне необходимым единое политическое руководство. В полном согласии относительно наших целей и средств мы, лидеры боевых союзов, сохраняя полностью их внутреннюю самостоятельность, передаем политическое руководство г-ну Адольфу Гитлеру».

Рем решил окончательно уйти из рейхсвера и всецело посвятить себя подготовке «акта, который решит дело свободы». Он подал своему другу стремя; теперь надо было позаботиться о том, чтобы Гитлер действительно поехал.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРИНЦУ РУПРЕХТУ

Получив руководство в свои руки, Гитлер на другой же день первым делом отправил Шейбнера-Рихтера к графу Содену, начальнику канцелярии принца Рупрехта, с просьбой устроить ему аудиенцию у принца. Стараясь выслужиться перед новым лидером, Шейбнер прибег в переговорах с графом ко всякого рода уловкам, которые казались ему мудрой дипломатией. «Конечно,—заявил он,—никто не желает навязывать принцу свои взгляды, но если принц станет на платформу национального движения, Гитлер, в душе монархист, ничего не будет иметь против установления монархии в Баварии; напротив, волна движения поднимет принца на своем гребне и он станет верховным вождем движения. В противном случае,—круто заявил Шейбнер,—движение пройдет мимо принца».

Эта пыжащаяся лягушка не произвела должного впечатления на графа, которому было отлично известно, что Людендорф относился к Вительсбахам с недоверием. Посланец «Боевого союза» слишком театрально представлял себе мир реальной политики; чего же ожидать от его хозяина? Гитлер так и не получил аудиенции у принца.

КАР—ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИССАР

В тот же день Гитлер узнал причину своей неудачи и понял, что пришел слишком поздно.

Выбор его в вожди боевого союза должен был явиться ударом, но удар противника был гораздо сильнее. Получив руководство союзом в свои руки, Гитлер собирался выступить с речами—как он это всегда делал в решительные моменты. Он собирался выступить не менее как на четырнадцати собраниях в один вечер. Эти собрания могли стать увертюрой к путчу. Под их прикрытием могло быть проведено давно подготовляемое выступление. Книллинг объявил осадное положение и назначил Кара генеральным государственным комиссаром с чрезвычайными полномочиями. Баварский премьер, с помощью которого «Боевой союз» надеялся «легально» завоевать государственную власть в Баварии, вместо этого вооружил 26 сентября противную сторону.

Гитлер потерял присутствие духа. Больше всего вывел его из себя запрет его четырнадцати собраний. У него помутилось в глазах. «Как,—бесновался он,—из-за четырнадцати безобидных собраний поднять такой шум, объявить осадное положение и назначить генерального государственного комиссара! Что же сделают эти господа, когда мы повесим первых четырнадцать мошенников, первых тысячу четыреста мошенников?» В течение одной ночи он все больше входил в раж, забыл про честное слово, про свою тактику «легальности», про данную Лоссову подписку, одним словом—он действительно готов был совершить государственный переворот, который до сих пор существовал лишь в воображении противника. На квартире Шейбнера-Рихтера он обсуждал вместе с Шейбнером, Пенером и Ремом шансы путча. Но в конце концов солдатское вето Рема восторжествовало над расходившимися нервами вождя. Безнадежный план путча отпал, и тысяча четыреста ноябрьских преступников избежали виселицы.

На следующий день Кар потребовал от Гитлера объяснений насчет того, как он намерен держать себя по отношению к новой власти. Гитлер ответил, как упрямый ребенок: его не спрашивали, когда назначали г. фон-Кара генеральным государственным комиссаром, поэтому его позиция будет зависеть от того, как поведет себя фон-Кар.

Это был беспомощный лепет. Вождь «Боевого союза», лишь двенадцать часов тому назад собиравшийся смести с лица земли противника, не сумел даже скрыть, в какой мере он чувствовал себя побитым.

МОБИЛИЗАЦИЯ СИЛ ПРОТИВ БЕРЛИНА

В лице Кара пришла к власти «революция с разрешения г-на президента». Задачей Кара была борьба против имперского правительства. Его планы представляли собой весьма неопределенную смесь из баварской обороны и германского наступления. Неграмотный в экономических вопросах чиновник Кар наивно верил во всемогущество декретов, в возможность сделать Баварию счастливым оазисом, задержать обесценение денег, декретировать твердые цены, отправив «ростовщиков» в тюрьму и выслав всех «восточных» евреев. Кар надеялся с помощью этих мер добиться народного успокоения.

Он даже успел приступить к делу: в Нюрнберге было задержано золото Рейхсбанка, кроме того Кар запретил податным инспекторам посылать в Берлин поступающие налоговые суммы.

Все эти меры проводились с помощью совершенно непригодного для этих целей чиновничьего персонала окружного управления Верхней Баварии. Это управление прекрасно исполняло до сих пор свои функции в области школьного надзора, дорожного строительства и страхования от градобития на территории к югу от Дуная; теперь оно с места в карьер должно было перейти на другое амплуа: не более и не менее как подготовлять освободительную борьбу Германии...

Кар принял также военные меры. Он отменил в Баварии закон о защите республики и таким образом открыл границы Баварии капитану Эрхардту, который со времени капповского путча скрывался от ареста. Конечно это было сделано не для того, чтобы предводитель добровольцев мог наслаждаться горным воздухом в баварских Альпах. Эрхардту поручено было организовать с помощью своего «Союза викинга» военный лагерь на баварско-тюрингенской границе, официально якобы для защиты от красных сотен Тюрингии и Саксонии, на самом же деле для подготовки похода в Северную Германию. Вначале Кар надеялся, что имперское правительство само обратится к нему с просьбой навести порядок в «красной» Средней Германии. Но вместо этого берлинское правительство отправило в Тюрингию вюртембергский рейхсвер, и комиссар его, д-р Гейнце, 27 октября насильственным путем сверг левое правительство Цейгнера в Саксонии. Кар остался при пиковом интересе: Берлин не обратился к его помощи, его план водворить порядок в Средней Германии и затем во главе баварских войск продиктовать центру условия создания новой Германии разбился о его собственную медлительность.

Вторым мероприятием Кара был захват баварской дивизии рейхсвера. Повод к этому подала злосчастная позиция Лоссова в вопросе об осадном положении в Баварии и Германии. На основании осадного положения, объявленного имперским правительством, Лоссову принадлежала высшая исполнительная власть в Баварии; конечно Кар не признавал этого и требовал этой власти для себя на основании баварского осадного положения. Колеблющийся Лоссов, попавший в политику, как кур во щи, повиновался Кару как власти, находившейся в его непосредственной близости—в Мюнхене. Когда он отказался запретить по приказу из Берлина «Фелькишер беобахтер», возник открытый конфликт. После этого последовал приказ о снятии Лоссова. Но баварское правительство не признало этого приказа, устраняющего угодного ему генерала, и освободило седьмую дивизию от подчинения главному командованию в Берлине. Это было нарушением конституции, мятежом и фактически своего рода войной против Берлина. Бавария вооружалась, мобилизуя все свои ресурсы, людские и финансовые; причем неизвестны были ни день мобилизации, ни пути ее, ни цели.

В бесконечных переговорах тех дней между баварскими заправилами, лидерами «Боевого союза» и гостями из Северной Германии обсуждались следующие возможности.

Империя развалится, Средняя Германия станет большевистской, Западная Германия отложится—что последует за этим? В Рейнской области объявлена была 26 октября «Рейнская республика», однако в общем управление продолжало оставаться в руках старой администрации; Пфальц собирался отпасть от Баварии, имперский министр внутренних дел Яррес готов был отказаться от Рейнской области; в Гамбурге 22 октября вспыхнуло кровавое коммунистическое восстание, продолжавшееся несколько дней. При таких обстоятельствах не должна ли была Бавария ожидать самого худшего и подумать о себе? Красной нитью во всех совещаниях того времени проходят намеки на «отделение». Их старательно избегали конкретизировать. Но в одно прекрасное утро они могли стать фактом. Впрочем все участники искренне стремились не допустить этого.

Второй возможностью было выступление черного рейхсвера в Берлине и вокруг столицы и присоединение к нему Баварии; 1 октября вспыхнул так называемый Кюстринский путч майора Бухрукера[73]. Это была изолированная, преждевременная и безрезультатная попытка, отдельная вылазка, но она свидетельствовала о боевой готовности всего фронта. Конечно добровольцы могли добиться чего-либо только в совместном выступлении с рейхсвером. В конце сентября, немедленно после провозглашения осадного положения, Клас явился к генералу фон-Секту и склонял его к государственному перевороту; ему пришлось уйти, не солоно хлебавши. Старый юрист Клас доказывал Секту, что в условиях осадного положения он может совершить переворот собственно вполне «легально». Но у Секта были свои планы: директория, но без потрясения государственной власти; законная власть должна была перейти к рейхсверу, при котором образовывается совет из специалистов. Благоговение немцев перед специалистами еще раз принесло свои плоды—на сей раз это были специалисты-хозяйственники. Казалось, что если заручиться содействием господ Мину[74], Витфельдта и фон-Гайля[75], то дело в шляпе. В то время Германия все еще страдала от голода, и очень распространено было мнение, что в недостаточном снабжении виновата только плохая администрация.

«ГОСПОДА С СЕВЕРА»

Лоссов, надеявшийся, несмотря на переворот, на примирение с Сектом, изложил эти проекты Гитлеру, снова ставшему в то время его частым гостем. Народный трибун кипел негодованием и издевался: неужели вы думаете, что крестьяне понесут своих кур и яйца в город, потому что там будет сидеть национальное правительство? Ждать «господ с севера»—это значит трусливо складывать руки, это будет началом конца. Вы никогда не найдете там таких людей по той простой причине, что они не существуют. Берлинцы так же бесплодны,

как и мюнхенцы. На сей раз Гитлер был снова прав. Но Лоссов не мог, подобно мюнхенцам, принимавшим генералов и крупных промышленников севера за специалистов революции, поверить, что берлинцы так же слепо возложат все надежды спасения Германии на кудесника Кара.

Гитлер считал, что эти специалисты имеются только в Баварии. Это была третья возможность. Кто же они? В первую очередь—Людендорф. Рейхсвер, доказывал Гитлер, ни за что не будет стрелять, если на пути в Берлин к нему выйдет Людендорф. Возможно, что генералы отдадут приказ стрелять, так как они цепляются за свои теплые местечки. Но приказ не будет исполнен, так как все офицеры в чине майора и ниже горячо стоят за Людендорфа. Что же касается политического руководства, то «я не желаю скромничать в деле, в котором, насколько мне известно, я понимаю толк»,—так буквально выразился Гитлер. Он сам желал быть политическим диктатором. Программа? «Надо только вступить в управление страной, а программа уже явится». Лоссов был совершенно подавлен.

Людендорф тоже не верил в «мифических господ с севера». Если Лоссов одно время надеялся перетянуть к себе берлинского командира рейхсвера генерала фон-Берендта, то Людендорф только и грезил о том, как он выйдет к рейхсверу, как некогда Наполеон к гренобльским канонирам, и как тогда разлетится вдребезги все величие республиканских генералов. В этом пункте он сходился с Гитлером. Но перед посторонними он порой постыдно отказывался от солидарности с Гитлером. В начале ноября один из лидеров силезского ландбунда доказывал им обоим, что без северо-германского рейхсвера ничего не удастся сделать. Гитлер хотел резко оборвать его, но Людендорф призвал Гитлера к порядку: «Да нет же, Гитлер, г-н майор вполне прав»—в этот момент оба дворянчика из Восточной Пруссии нашли общий язык и южногерманскому барабанщику пришлось замолчать.

Что генерал-квартирмейстер мировой войны совсем не умел использовать действительные шансы, доказывает судьба самого конкретного из всех предложений, которые были ему сделаны. 25 октября к Кару явился генеральный директор Мину, бывший сотрудник Стиннеса[76]. Баварский диктатор был в восторге. Мину не только был представителем крупной промышленности, прекрасным дельцом и специалистом. Он оказался также посредником для связи с Сектом. Генерал вызвал к себе этого умного промышленника, чтобы обсудить с ним план знаменитой директории. По дороге Мину остановился в Мюнхене. Баварцы не могли бы найти более подходящего посредника. Лоссов с торжеством привел Мину также к Людендорфу. Но здесь последовало великое разочарование. Людендорф тоже был восхищен талантами Мину, но его политические взгляды привели генерала в ужас. Ему не нравилось уже то, что этот специалист был связан с Сектом. Но это было еще с полбеды. Несравненно хуже было то, что Мину не считал возможным управлять без евреев. Он не мог обойтись без помощи таких людей, как Варбург или Мельхиор[77]. «Мой дорогой г-н Мину, то, что вы говорите, очень интересно, но, знаете,

для меня здесь слишком много экономики»—и затем Мину так намылили голову, что он не знал, куда деваться. Лоссов покраснел и заявил потом с огорчением, что Людендорф—дикарь, который портит все начинания.

«ОСЕННИЕ МАНЕВРЫ 1923 г.»

В то время как в генеральном государственном комиссариате росли политические разногласия, машина военщины работала во-всю и заглушала все сомнения. Под лозунгом осенних маневров 1923 г. баварский рейхсвер усердно обучал военные союзы; они должны были увеличить втрое боевую силу баварской дивизии. Тайный приказ 26 октября предписывал каждому батальону пехоты образовать два полевых батальона и один батальон гарнизонной службы, каждая пулеметная рота должна была составить две роты,—разумеется, за счет пополнений из военных союзов. Предлогом для выступления должны были явиться пресловутые «внутренние беспорядки»; телеграфный пароль для мобилизации всех сил гласил: «восход солнца».

В процессе военного обучения, работ по обмундированию и по сбору оружия Лоссов привлек к себе всех военных руководителей военных союзов. Он был в то время своего рода военным полубогом в Баварии. В сравнении с ним совершенно стушевывалась личность мелкой сошки из штатских—Гитлера, который без устали доказывал, что пора обнажить меч. Но Лоссов не обнажал его.

Власть Лоссова над Гитлером покоилась, во-первых, на том, что у Лоссова было оружие, во-вторых, на том благоговении, которое питают перед регулярной армией все предводители нерегулярных войск, все бывшие офицеры, и наконец—на деньгах. Осенние маневры 1923 г. давали военным союзам единственную возможность удержать своих дружинников под знаменем свастики, так как рейхсвер выплачивал последним жалованье и кормил их. «Денежное содержание и продовольствие то же, что у чинов рейхсвера. Оплата по штатному месту, на котором используется данный доброволец, но не выше, чем следует по его служебному рангу»,—так говорилось в тайном приказе Лоссова от 26 октября. Баварский министр финансов, которому собственно не было никакого дела до рейхсвера, должен был давать средства; ни одна инстанция не проверила когда-либо отчетности рейхсвера.

Вероятно оплата рейхсвером штурмовых отрядов и их союзников имела гораздо большее влияние на исход баварских событий, чем все тонкости высокой конспирации. Этот придаток рейхсвера был связан с последним золотой цепью. Рейхсвер не имел лишь возможности затянуть эту цепь более туго, т. е. регулярно выплачивать дружинникам их денежное содержание и регулярно выдавать им паек; если бы не это, рейхсвер, пожалуй, мог бы воспрепятствовать гитлеровскому путчу. Когда вышли деньги, это толкнуло добровольцев на авантюры в поисках новой добычи. Начальник мюнхенского полка штурмовиков, отставной обер-лейтенант Вильгельм Брюкнер, превосходно описал этот момент на процессе Гитлера в заседании при закрытых дверях:

«У меня создалось впечатление, что сами офицеры рейхсвера были недовольны отсрочкой похода на Берлин. Они говорили: «Гитлер такой же обманщик, как и все другие. Вы все не выступаете; нам же совершенно безразлично, кто выступит,—мы просто пойдем за любым». Я сказал самому Гитлеру: скоро я не буду в состоянии сохранять власть над своими штурмовиками; если ничего не произойдет, они просто сбегут. Среди штурмовиков было много безработных, они отдавали свое последнее платье, последнюю пару сапог, последнюю никелевую монету на учебу и думали: теперь уж не долго, скоро начнется дело, мы поступим тогда в рейхсвер и выйдем из беды».

Даже такой рассудительный военный, как Людендорф, в конце октября назойливо приставал к генералу фон-Лоссову: больше нельзя медлить, дружинники из «Боевого союза» голодают, их трудно удержать от выступления.

Дружинники голодали, офицеры избегали встречаться с ними взглядом, а Гитлер повидимому сидел сложа руки. Штурмовым отрядам угрожал полный развал. Гитлер не имел мужества пойти на ликвидацию отрядов, он позволил увлечь себя на путь, от которого не раз клятвенно отказывался прежде, имея для этого веские основания.

КТО ДАВАЛ ДЕНЬГИ

В ноябре 1923 г. национал-социалистическая партия насчитывала около пятнадцати тысяч членов, имевших членские билеты и вероятно плативших членские взносы. Но на членские взносы, вносимые в бумажных марках, не могла тогда существовать ни одна партия. Добровольные пожертвования были очевидной необходимостью. «Фелькишер беобахтер» высказал это в начале 1923 г. в следующих словах: «Заявляем совершенно хладнокровно: если бы нашелся немец, который выложил бы на стол сто или двести миллионов—без всяких условий,—мы ни минуты не колебались бы употребить эти деньги на благо нашего народа».

С такой установкой партия при всех своих благих намерениях должна была в конце концов попасть в кабалу. Денежные пожертвования, особенно если они носят регулярный характер, всегда влекут за собой покорность желаниям жертвователя, даже если эти желания не диктуются открыто. Эта покорность обусловлена тем, что пожертвования прекращаются, как только партия начинает следовать курсу, который неугоден жертвователю.

Как мы видели, первые годы партия вынуждена была каждый раз снова ориентироваться на рейхсвер, точнее, на определенную группу офицеров рейхсвера. О созданном генералом фон-Эппом кружке для финансового воздействия на прессу мы уже говорили.

Затем Гитлеру посчастливилось найти несколько жертвователей и особенно жертвовательниц, относившихся к нему лично теплее, чем это обычно бывает между жертвователями и вождем политической партии. Этому своему личному успеху он обязан тем, что приобрел преобладающее влияние в партии. Его личные расходы оставались при этом скромными. Еще на пасху 1923 г. он занимает у Геринга

несколько марок на праздничную экскурсию в горы. Если условия его существования стали несколько более сносными, то он обязан был этим гостеприимству некоторых своих богатых приверженцев. Между ними следует в первую очередь назвать друга Гитлера Эрнста Ганфштенгля, являющегося ныне его заведующим отделом печати за границей. Ганфштенгль принадлежит к известной культурной мюнхенской семье издателей, среди которой имеются также решительные противники национал-социалистов. В марте 1923 г. Ганфштенгль дал партии ссуду в тысячу долларов—баснословная цифра для того времени и для тогдашнего финансового положения партии. В обеспечение долга он получил закладную на весь инвентарь газеты «Фелькишер беобахтер». Впоследствии Ганфштенгль продал свой вексель старому другу и соратнику Гитлера Христиану Веберу, который доставил своему вождю немало неприятных минут, настаивая на уплате.

Важную роль сыграли денежные пожертвования Елены Бехштейн, жены владельца известной фабрики роялей, и заграничной немки Гертруды фон-Зейдлиц. Супругов Бехштейн познакомил с Гитлером Дитрих Эккарт. Госпожа Бехштейн почувствовала к Гитлеру глубокую материнскую привязанность; впоследствии, когда Гитлер отбывал наказание в Ландсбергской крепости, она выдала его за своего приемного сына, чтобы получить право на свидания с ним. Бехштейн не скупился на денежную помощь, когда Гитлер,—что бывало нередко,—навещал его в Берлине и жаловался на плохие дела гезеты. Когда у супругов не было наличных денег, они давали Гитлеру картины и другие произведения искусства, которые он превращал в деньги. Столь же щедра была госпожа фон-Зейдлиц, совладелица одной заграничной фабрики; она отдавала партии буквально все, что могла, добывая деньги также у своих друзей в Финляндии.

Пример обеих женщин интересен тем, что объясняет один из мотивов финансирования партии: состоятельные частные лица предоставляли более или менее значительные средства в распоряжение партии не из материальной заинтересованности, а из искреннего сочувствия делу; нередко они отдавали последнее. Правоверные последователи материалистического взгляда на историю могут истолковать это в том смысле, что и эти лица бессознательно служили лишь интересам своего класса. Во всяком случае в их сознании такая заинтересованность отсутствовала; правда и то, что деньги давались не на социалистические цели. Нет оснований сомневаться в субъективной искренности выступления Гитлера в пользу частной собственности, но для партийной кассы оно было безусловно полезно.

Гораздо более трезвые и понятные мотивы выступают в рассказе мюнхенского крупного промышленника, тайного коммерции-советника Германа Ауста. В своих показаниях следователю в процессе Гитлера он сообщил следующее: «Однажды в бюро тайного советника д-ра Куло (синдик союза баварских промышленников) состоялось совещание с Гитлером, на котором кроме Куло присутствовали также д-р Нэль, затем председатель союза баварских промышленников

и я; на совещании должны были обсуждаться негласные цели Гитлера в области хозяйства. За этим совещанием последовало также небольшое совещание в Клубе господ, а затем—более многочисленное собрание в купеческом казино. Г-н Гитлер выступил там с речью о своих целях. Речь его встретила большое сочувствие; оно проявилось также в том, что некоторые из присутствующих, не знакомые еще с Гитлером лично, но предполагавшие с моей стороны такое знакомство, вручили мне пожертвования в пользу его движения и просили передать их Гитлеру. Насколько я помню, среди прошедших через мои руки пожертвований были также швейцарские франки».

Новый метод отличается от описанных выше методов тем, что Гитлер отказывается в данном случае от выдвинутого «Фелькишер беобахтер» требования: жертвователь должен давать деньги «без всяких условий». Быть может до этого грехопадения Гитлер или Дитрих Эккарт представляли себе денежные сделки в политике как своего рода договор с дьяволом: получающий деньги должен собственноручно обязаться проводить определенную политику. Но вот оказалось, что никакой подписи не требуется, достаточно небольшой речи. Обошлось без каких-либо явно нечистоплотных моментов. Но на деле Гитлер пошел на самые обширные уступки: вождь партии изложил перед промышленниками свои цели в области хозяйства, которые он до сих пор замалчивал перед общественностью.

Подобные же финансовые связи Гитлер завязал по случаю своих выступлений в Национальном клубе в Берлине. Там он в 1922 г. познакомился с владельцем паровозостроительного завода фон-Борзигом, лидером германских предпринимателей. К числу первых жертвователей принадлежал также фабрикант Грандель в Аугсбуге, сторонник Класа.

Это было время инфляции, и все получавшие деньги старались получить их в устойчивой валюте. Поэтому Гитлер организовал также систематические сборы за границей. Одним из его усерднейших сборщиков был некий д-р Гансер в Швейцарии. Надо полагать, что агенты его не всегда выбирались с достаточной осторожностью. Так например сделана была во всяком случае попытка получить деньги у Генри Форда. Покойный Морель, английский депутат-лейборист, утверждал в разговоре с Каром, что агенты Гитлера получили без ведома национал-социалистов деньги из французских источников. Морель утверждал, что слышал это от члена французского правительства. Возможно, что известные круги во Франции ожидали от успеха гитлеровского движения выгод для сепаратистской французской политики в Рейнской области, тем более, что люди, недостаточно знакомые с германскими условиями, могли спутать антиберлинское движение Гитлера с баварским сепаратизмом. Можно предположить, что из французских денег, шедших в первые послевоенные годы в Баварию, кое-что предназначалось таким образом и для Гитлера. Попали ли эти деньги к Гитлеру, вероятно никому в Германии неизвестно.

Ответственные партийные работники, если не все, то во всяком случае в штурмовых отрядах, получали часть своего жалованья

в иностранной валюте: так например Крибель получал двести швейцарских франков в месяц. Фактические руководители штурмовых отрядов были несколько скромнее; так, один отставной майор получал девяносто франков, ряд других офицеров—по восемьдесят франков—для того времени тоже солидные суммы.

Пожертвования направлялись непосредственно Гитлеру, он один нес перед жертвователями ответственность за использование этих денег. Он должен был хранить молчание об их происхождении; в тайну посвящен был только его управляющий делами Аман. Подобные отношения являются корректными, если получающий деньги политически и морально безупречен; они становятся невозможными, если он лишается доверия одной из сторон: жертвователя или партии. По вопросу о поступающих пожертвованиях у Гитлера вышел крупный конфликт со вторым председателем партии Якобом, желавшим знать, у кого партия берет деньги. Якоб ничего не добился.

В те времена можно было многое сделать на сравнительно небольшие суммы в полноценной валюте. С другой стороны, опубликованные ведомости на выдачу жалованья «Боевому союзу» свидетельствуют о том, какие крупные суммы тратились на высший командный состав в штурмовых отрядах и в других союзах. Такое положение могло продолжаться лишь в том случае, если можно было учесть вексель на предстоящий в скором времени победоносный путч, на политические перемены. Пока длилась инфляция, пожертвования еще поступали. Но их нельзя было вложить в реальные ценности, их надо было вкладывать только в политические выступления, причем каждый раз во все более серьезные и крупные. В течение некоторого времени помощь шла еще также от рейхсвера в виде оплаты кадров. Но потом состояние партийной кассы заставило решиться на крайние меры.

«С ПЛЕЧ ПОКАТЯТСЯ ГОЛОВЫ»

События хлестали Гитлера во-всю, но его поддерживали самомнение и самоуверенность, равных которым не имел до него ни один партийный вождь в Германии.

«Что можете вы дать народу,—обращается он к старым правым партиям,—какую веру, за которую он мог бы ухватиться? Ровно никакой! Ибо вы сами не верите в свои собственные рецепты. Зато величайшая задача нашего движения—дать этим алчущим и заблуждающимся массам новую, крепкую веру, чтобы они могли хотя бы отдохнуть душой. И мы выполним эту задачу, будьте уверены!»

Такому человеку, основателю новой религии, приходилось обивать пороги у генералов-карьеристов, у тупоголовых чиновников, у тертых полицейских! Это были люди без веры, и никакая новая вера не могла пробить себе дорогу к ним. Они считали Гитлера полупомешанным, пригодным только «для масс». Ежедневные мытарства у этих представителей власти разжигали все его злые инстинкты. И вот однажды, вернувшись к своим, он произнес знамени-

тые слова: «В этой борьбе покатятся с плеч головы, либо наши, либо чужие. Постараемся же, чтобы это были чужие!»

Это—холодные, обдуманные слова; их никак нельзя ставить на одну доску со стереотипными «лозунгами» вроде: «На виселицу изменников!» От этих странных слов Гитлера отшатнулся даже кое-кто из его сторонников. Поэтому он и сам настаивает, что эти слова надо понимать самым серьезным образом. «Нас спрашивают: неужели, придя к власти, вы найдете в себе достаточно жестокосердия, чтобы осуществить это? Будьбе уверены, мы найдем в себе достаточно жестокосердия!» Гробовое молчание царило в зале... Палач, который уже в 1919 г. составлял обвинительные акты для военно-полевых судов, не устает вдалбливать в головы своих слушателей: «Милосердие не наше дело. Оно принадлежит тому, что выше нас. Мы же должны будем творить правый суд». И далее: «Мы спокойно можем отказаться от гуманности, если только сделаем таким образом немецкий народ снова счастливым!»

Устоят ли его нервы в решительный момент перед этой жуткой жаждой крови? До сих пор он постоянно откладывал момент испытания. Он прививал массам веру в кровь: ту кровь, которая течет в наших жилах, и в пролитую кровь. Но его единственное дело,—оно должно было совершиться в ноябрьские дни 1923 г.,—было делом не веры или кровожадности, а отчаяния.

СФИНКС В МИНИСТЕРСТВЕ РЕЙХСВЕРА

В конце октября Кар окончательно и притом без всякой нужды рассорился с Штреземаном. Окончательно—потому, что мятеж баварского рейхсвера, можно сказать, толкнул Секта и его генералов в объятья республики. Без нужды—потому, что Штреземан готов был исполнить самые крайние требования и заветные мечты баварцев. Он отправил к Кару своего товарища по партии, адмирала Шера, и предложил Баварии расширение ее государственной самостоятельности, собственную армию, собственные железные дороги, почту и финансы. Это не было разбазариванием и без того тающего достояния; нет, это должно было послужить началом строго консервативного упрочения республики. В начале ноября социал-демократы были устранены из имперского правительства. Штреземан собирался привлечь в правительство немецкую национальную партию. Рурская промышленность с помощью так называемого соглашения «Микум»[78] наладила отношения с французами и была утихомирена известной субсидией в шестьсот миллионов, полученной от имперского правительства. Идеи рейнского сепаратизма сохранились еще только в некоторых не имевших влияния кругах; сепаратисты могли теперь надеяться лишь на французские пулеметы. Центр и немецкая народная партия мирным парламентским путем отошли от большой коалиции и готовились повернуть направо; таким образом отпадал импульс к перевороту, идущий из кругов, которые представляли народное хозяйство. Итак, подготовлялись серьезные перемены; к ним необходимо было подойти по-деловому, торговаться из-за конкретных

деталей. Казалось бы, теперь надо было сдать в военный музей романтический поход кимвров и тевтонов на Берлин.

Создалась трудная ситуация. Чтобы выяснить положение, был отправлен в Берлин полковник Зейсер; он обратился к Секту. Тот сказал несколько туманных фраз на тему о преобразовании правительства: «В конце концов вопрос о темпе надо предоставить мне». Что именно имел он в виду, говоря о «темпе»,—насильственный переворот или сохранение легальности,—так и осталось невыясненным.

В те короткие исторические фазы, когда понятия превращаются в живую действительность, политические проекты оказываются обычно неготовыми, решения недостаточно твердыми, а внутренняя связь между событиями не столь ясной, как это желательно было бы для человека, изучающего прошлое. Во всяком случае Зейсер не мог разгадать загадку сфинкса в министерстве рейхсвера, и баварские заправилы не открыли в тумане севера верхушки мачты, к которой мог бы причалить их слишком высоко поднявшийся воздушный шар. Если они не желали упасть на поля штреземановской реальной политики, им оставалось только смело довериться собственным силам. Кар страшно вырос—по крайней мере в собственных глазах. Итак, никаких компромиссов с Эбертом! Ни в коем случае не итти на мировую с Штреземаном! Кар сам хотел стать теперь диктатором Германии; «господа с севера» должны были фигурировать только в его свите. В перспективе ему уже мерещилась императорская корона для Вительсбахов; ведь сам Клас пустил этот метеор в своих газетных статьях.

«ПЯТЬДЕСЯТ ОДИН ПРОЦЕНТ» ЛОССОВА

Но предварительно надо было затоптать огонь дворцовой революции у себя дома. Гитлер в экстазе чуть не потерял рассудок и сравнивал себя в присутствии Лоссова с Гамбеттой[79] и уж конечно с Муссолини; сотруднику Лоссова, подполковнику барону фон-Берхему, он заявил. что чувствует в себе призвание спасти Германию. На возражения Берхема, что в проектируемой Гитлером германской диктатуре Людендорф невозможен по соображениям внешней политики, Гитлер ответил: «Людендорф будет выполнять только задачи военного характера, он нужен мне для привлечения рейхсвера. Он никоим образом не должен соваться в политику и мешать мне». В докладе подполковника мы находим следующее замечательное место: «Гитлер прибавил, что Наполеон при образовании своей директории тоже окружил себя только незначительными людьми».

Ближайшие сотрудники смеялись над такими выходками зазнавшегося Гитлера. И уж во всяком случае никто не мог в то время поверить, что Людендорф только монумент на колесах, который по желанию Гитлера подвозят на показ публике. «Разумеется, руководящий пост займет не Гитлер,—успокаивал Крибель, военный руководитель «Боевого союза», одного посетителя из Северной Германии,—да у него вообще в голове только его пропаганда». Геринг уже 23 октября заявил начальникам штурмовых отрядов, что имперским

диктатором будет конечно Людендорф, а Гитлера «уж как-нибудь включат в правительство». Как-нибудь... Геринг еще не представлял себе в точности, какое полезное занятие можно будет дать народному трибуну после захвата власти.

Однако—кто знает—быть может человек, «снимающий головы», окажется самым подходящим для того «крайнего террора», который Геринг возвестил на упомянутом совещании? «Кто будет нам чинить малейшие препятствия,—сказал будущий председатель рейхстага,—того мы немедленно расстреляем. Вожди уже теперь должны наметить себе лиц, которых нужно будет уничтожить. Для устрашения надо будет сейчас же после переворота расстрелять хотя бы одного человека».

Это было подлинно революционное настроение, но для человека такого склада, как Кар, оно было слишком кровожадным. Он решил произвести чистку среди своих сподвижников и устранить слишком увлекающихся. С этой целью он созвал 6 ноября начальников военных союзов и вместе с Лоссовым сделал им строгое отеческое внушение, смысл которого сводился к следующему: Кар запрещает всякий переворот, кроме того, который он сам подготовляет. «Выступление начнется лишь тогда, когда все будет готово. Приказ к выступлению отдаю я».

А у Лоссова, припертого к стене начальниками военных союзов, вырвались тогда ставшие знаменитыми слова:

«Мой бог, ведь я готов выступить, я готов выступить, но только тогда, когда у меня будет пятьдесят один процент вероятности успеха».

ГИТЛЕР БОИТСЯ ОПОЗДАТЬ

Бесхитростные военные, присутствовавшие на этом совещании, досадовали на трусость баварских диктаторов; они не подозревали худшего. Но когда они доложили в главном штабе национал-социалистов о совещании у Кара, Шейбнер-Рихтер вскочил, как ужаленный. Нет, Кар медлит не из трусости, напротив, у него очевидно на уме решительный шаг, он желает обойти Гитлера и Людендорфа.

Гитлера охватил страх. Он боялся, что его обойдут в решительный момент. Вечером он совещался с Шейбнером и Дитрихом Эккартом. Балтиец доказывал, что надо что-нибудь предпринять и воспрепятствовать Кару обойти Гитлера. А так как Кар все же скоро выступит, то лучше всего опередить его, сохраняя видимость дружбы. Крибель телеграфировал в провинцию и призвал своих дружинников к оружию. В ночь с 10 на 11 ноября должно было состояться военное ученье под Мюнхеном, а утром дружинники должны вступить в столицу, провозгласить национальное правительство и поставить Кара и Лоссова перед совершившимся фактом.

Но предварительно Гитлер сделал еще одну попытку убедить Кара добром: он попросил у него аудиенцию 8 ноября. Если бы Кар дал ему эту аудиенцию, Гитлер, возможно, удовольствовался бы ролью союзника и соправителя и с этим результатом спустился бы по лестнице верхнебаварского окружного управления. Возможно и то,

что Кар арестовал бы его в приемной своего кабинета. Но Кар избежал этой дилеммы, так как вообще не принял Гитлера. В последние недели вождь национал-социалистов слишком зазнался и не желал присутствовать на конференциях у генерального государственного комиссара как один из многих. Поэтому Кар не дал ему просимой на 8 ноября аудиенции для разговора с глазу на глаз. Чтобы выдержать тон, диктатор счел нужным хотя бы отсрочить свидание до 9 ноября. Возможно, что трибун подождал бы и до 9-го, но тут случилось нечто, повергшее его в тревогу.

8 ноября Лоссова посетил граф Гельдорф[80], впоследствии ставший руководителем берлинских штурмовиков, а тогда состоявший адъютантом при руководителе «Стального шлема» Дюстерберге. Он привез плохие известия. Генерал потерял самообладание. «Если,— вскричал он,—в Берлине у вас только евнухи и кастраты, слишком трусливые, чтобы принять какое-либо решение, то от одной Баварии тогда нельзя ждать спасения для Германии». Это было покуда безобидным брюзжанием. Но вот что последовало затем: «Мы здесь в Баварии не намерены застрять вместе с севером в болоте. Если у севера нет воли к жизни, то в конце концов, желаем мы этого или нет, это должно в той или иной форме повести к отпадению». Так говорил Лоссов.

Лоссов, описывая впоследствии эту сцену, злорадно прибавил: «Граф Гельдорф сидел, как в воду опущенный, и ушел в таком же настроении». Повидимому Лоссов вовсе не понимал тогда, какую он заварил кашу.

В большой тревоге граф поехал к Шейбнеру-Рихтеру и сообщил ему: баварцы угрожают отпадением.

Повидимому Шейбнер, направлявший тогда политические шаги Гитлера, действительно опасался в этот момент близкого сепаратистского путча в Баварии и решил, что для националистического движения пришел исторический момент спасти Германию от развала. Нельзя было терять более ни часу.

«УМЕЕШЬ ЛИ ТЫ МОЛЧАТЬ, ТОНИ?»

Для путча представлялся замечательный случай. По просьбе некоторых промышленных организаций фон-Кар выступал 8 ноября с большой программной речью в пивной Бюргерброй. Это было совершенно безобидное собрание самых мирных обывателей Мюнхена. На этом и построил свой план Гитлер, собравший наспех несколько сот вооруженных людей. Кроме его ближайших соратников был посвящен в дело только Пенер; сговориться с Эрхардтом не удалось. Не будь Гитлера, собрание разошлось бы около десяти часов вечера, провозгласив «ура» в честь г-на генерального государственного комиссара, и Кар мог бы попрежнему дожидаться Класа, Банга и других «господ с севера».

Гитлер надел 8 ноября свой лучший костюм—поношенный сюртук, прицепил орден железного креста и позвонил организатору собрания коммерции-советнику Центцу, прося его повременить с открытием собрания до его прихода. Он имел в виду вызвать Кара из зала

до его речи, показать ему, что помещение окружено вооруженными людьми, и заявить, что национальная революция началась. Кар должен был бы покориться и вместо речи, подготовленной для него секретарями, выступить совместно с Гитлером и провозгласить новое правительство.

Но Кар был возмущен тем, что Гитлер просил его обождать.

«Для г-на Гитлера найдется еще место,—сказал он.—Мы не можем из-за него заставить ждать три тысячи человек». И он начал свою речь.

Тем временем Гитлер ехал к Бюргерброй на автомобиле. Рядом с ним сидел Дрекслер, который ничего не подозревал и думал, что они едут на загородное собрание. Вдруг Гитлер обращается к своему почетному председателю .«Тони,—сказал он,—умеешь ли ты молчать? Так знай, мы не едем в Фрейзинг. В половине девятого я начинаю!» Ошарашенный Дрекслер понял обиду. Он сухо ответил: «Желаю тебе успеха».

Прибыв в помещение, Гитлер вначале толкался в зале, незамеченный публикой; ему не удалось протесниться к Кару. Вестибюль тоже был битком набит людьми, сотни людей осаждали помещение, надеясь еще попасть в зал. Как было пробраться здесь штурмовикам Гитлера? Это неминуемо должно было бы вызвать панику со смертными случаями. В этом затруднительном положении Гитлера осенила мысль. Он, штатский в черном сюртуке, подошел к дежурному полицейскому чиновнику и приказал ему очистить вестибюль и улицу от публики, так как иначе в зале может возникнуть паника. И что же, чиновник стукнул каблуками и велел полицейским удалить публику. Полиция по приказу Гитлера очистила дорогу для путча Гитлера.

Шейбнер-Рихтер вскочил теперь в автомобиль и поехал за Людендорфом. По рассказам всех участников, в том числе и самого генерала, последний ничего не подозревал и был поставлен Гитлером перед совершившимся фактом. По всей вероятности так оно и было. Гитлер отомстил за «немецкий день» в Нюрнберге.

ВЫСТРЕЛ В БЮРГЕРБРОЙ

Кар говорил уже около получаса, когда к помещению подъехали штурмовики. Это была «ударная бригада Гитлера». Не встречая сопротивления, они заняли вестибюль, столь старательно очищенный полицией, и установили здесь два пулемета. Начальник небольшого полицейского отряда не знал, как ему быть, позвонил своему дежурному начальству и попросил инструкций. Начальство ответило, чтобы он поддерживал порядок на улице; а в общем надо выждать, ведь пока еще неизвестно, в чем дело. Этим начальством был д-р Фрик. Час спустя Гитлер назначил его начальником мюнхенской полиции.

Тем временем, примерно в три четверти девятого, Гитлер со своими вооруженными людьми с револьвером в руке с шумом вошел в зал и устремился к трибуне, на которой стоял Кар. Как рассказывал потом очевидец граф Соден, Гитлер производил впечатление совершенно помешанного. Его штурмовики установили у входа в зал

пулемет. Гитлер, вряд ли сознавая, что делает, вскочил на стул, выстрелил в потолок, затем спрыгнул и ринулся далее к трибуне среди внезапно затихшей толпы. Навстречу ему поднялся полицейский офицер, держа руку в кармане. Гитлер, опасаясь револьвера полицейского, в мгновенье ока приставил к виску майора свой револьвер и заорал, как в уголовном романе: «Руки вверх!» Другой полицейский быстро схватил Гитлера сбоку и отвел его руку. Гитлер поднялся на трибуну. Бледный и растерявшийся фон-Кар отступил от него на несколько шагов.

«Национальная революция,—возвестил Гитлер собранию,—началась. В зале находятся шестьсот человек, вооруженных с ног до головы. Никому не позволяется покидать зал. Если сию минуту не наступит тишина, я велю поставить на хорах пулемет. Казармы рейхсвера и полиции заняты нами; рейхсвер и полиция уже идут сюда под знаменем свастики».

После этого он повелительным тоном приказал следовать за собой Кару, а также сидевшим поблизости Лоссову и начальнику полиции Зейсеру. Под конвоем штурмовиков Гитлер вывел из зала трех властителей Баварии! Из толпы раздался возглас: «Не будьте снова такими трусами, как в 1918 г. Стреляйте!». Но у них не было при себе огнестрельного оружия. Лоссов успел только шепнуть Зейсеру: «Разыграть комедию!» Зейсер передал пароль Кару и некоторым чиновникам.

Зал снова зашумел. Отвратительная сцена с револьвером вызвала возмущение всего собрания. Настроение публики стало столь угрожающим, что Геринг взошел на трибуну и громовым голосом заверил собравшихся: выступление не носит враждебного характера, а является началом национального восстания, имперское и баварское правительства низложены, в настоящий момент там, в другой комнате, формируется временное правительство. Он закончил свое сообщение словами: «А в общем вы можете быть довольны, ведь у вас есть здесь пиво».

«ЗАВТРА ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ»*

Между тем в смежной комнате Гитлер открыл переговоры окриком: «Никто не оставит живым этой комнаты без моего разрешения». Затем он обрушил на застывших в испуге людей горячий поток слов: «Господа, имперское правительство уже составлено, баварское правительство низложено. Бавария станет трамплином для создания нового имперского правительства, в Баварии должен быть наместник. Пенер будет министром-президентом с диктаторскими полномочиями, вы, г-н фон-Кар,—наместником». Затем он коротко, отрывисто выпалил: «Гитлер—имперское правительство, Людендорф—национальная армия, Зейсер—министр полиции». «Барабанщик» сбросил маску.

Не получая ответа, он поднял револьвер и продолжал в экстазе: «Я понимаю, господа, что вам трудно решиться на это. Но вы должны

---

* Слова старинной немецкой песни (*прим. перев.*).

это сделать. Я хочу лишь облегчить вам прыжок. Каждый из вас должен занять место, на которое он поставлен; если он не сделает этого, он не имеет права на жизнь». Собеседники продолжали упорно и мрачно молчать. Тогда нервы Гитлера не выдержали: «Вы должны, поймите меня, вы обязаны бороться вместе со мной, вместе со мной победить или вместе со мной умереть, если дело не выгорит. В моем револьвере четыре пули, три для вас, если вы меня покинете, и последняя для меня».

Он приставил себе к виску револьвер и торжественно произнес: «Если завтра днем я не окажусь победителем, я умру».

Это была настоящая речь римлянина. Вспомним благородного Брута. «Для блага Рима,—говорит он у Шекспира,—я убил своего лучшего друга; пусть же этот кинжал послужит и против меня, если моя смерть понадобится отечеству».

Однако г-н фон-Кар оказался на высоте положения. Он понял угрозу Гитлера как прямое покушение на убийство и ответил самым достойным в таком случае образом: «Г-н Гитлер, вы можете велеть меня расстрелять, вы можете сами расстрелять меня, но для меня не имеет значения, буду ли я жить или умру». Он хотел сказать этим, что не позволит вырвать у себя политическое решение под угрозой револьвера.

Дело не двигалось с места. Лоссов, которого собственно прежде всего имел в виду Гитлер, молчал. Зато заговорил Зейсер. Он упрекал Гитлера, что тот нарушил данное им слово.

Опять старая история! Гитлер дал уже с полдюжины таких честных слов. Он действительно не раз обещал Зейсеру не прибегать к путчу против полиции. В припадке гнева—полиция запретила несколько его собраний—он взял свое слово назад, это было в конце октября. Но потом, по уговорам Лоссова, он снова взял назад и этот отказ от своего слова; впрочем Зейсеру он сказал тогда: «За исключением того случая, если меня принудят к этому». Триумвиры не обладали здравым смыслом министра Швейера, который не придавал значения клятвенным уверениям Гитлера, «так как полиция при исполнении своих обязанностей не должна ни давать клятвенных уверений, ни принимать их от других».

Гитлер просит теперь извинения у Зейсера; он вынужден был поступить так в интересах родины. Однако это не рассеяло тяжелой атмосферы. Гитлер то говорил об отечестве, то запрещал своим пленникам разговаривать между собой. У дверей и окон стояли вооруженные до зубов караульные и время от времени грозили своими винтовками.

ПОХОД НА ВАВИЛОН

Не будучи в состоянии справиться с этой тройкой, Гитлер возвращается в зал и произносит там краткую мастерскую речь. По выражению одного из свидетелей, ему удалось изменить настроение собрания, бывшее первоначально враждебным, словно «вывернуть перчатку». Он объявил президента республики низложенным, объявил низложенными имперское и баварское правительства, предложил

Кара в качестве наместника Баварии, Пенера в качестве министра-президента и затем заявил:

«Я предлагаю: до конца расправы с преступниками, губящими ныне Германию, руководство политикой временного национального правительства беру на себя я. Его высокопревосходительство генерал Людендорф принимает на себя руководство национальной германской армией. Генерал фон-Лоссов—имперский министр рейхсвера, полковник фон-Зейсер—имперский министр полиции. Задачей временного национального германского правительства явится поход против мерзкого Вавилона—Берлина. Я спрашиваю вас—там, в другой комнате, сидят три человека: Кар, Лоссов и Зейсер. Им очень трудно было притти к этому решению,—согласны вы с этим решением германского вопроса? Мы желаем построить союзное государство федеративного характера, в котором Бавария получит то, что ей полагается. Завтрашний день либо застанет в Германии национальное правительство, либо не застанет нас в живых».

Это была настоящая гитлеровская речь, произнесенная с жаром и порывом и вместе с тем не обошедшаяся без неприятного трюка. Он представил слушателям дело так, будто тройка уже согласилась с ним, и собрание ответило на это ликованием. Теперь он мог снова пойти к тройке и сообщить подавленному Кару, что публика с энтузиазмом понесет его на руках.

ПОЧИВШИЙ В БОЗЕ РОДИТЕЛЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

В этот момент вошел в комнату также Людендорф с Шейбнером-Рихтером. Не глядя по сторонам, ни о чем не спрашивая, он сразу заговорил: он также не ожидал случившегося, как и другие, но речь идет о великом национальном деле, он может дать всем троим только совет не отказываться от участия, он протягивает им руку и предлагает ударить по рукам. Все это стоило Людендорфу некоторого усилия над собой: он был рассержен тем, что Гитлер самовольно распределил обязанности, причем ему, Людендорфу, досталось только командование армией, не больше. В продолжение всего вечера он игнорировал Гитлера, не сказав с ним и пяти слов. Разгоряченный и самоуверенный Гитлер вначале ничего не заметил. «Возврата нет,—воскликнул он,—все это уже стало историческим событием».

Лоссов первый превозмог себя; в конце концов не мог же он оставить Людендорфа стоящим с протянутой рукой. Он пожал руку и пробормотал сквозь зубы: «Ладно». Его примеру последовал Зейсер. Кар все еще боролся с собой; ведь он монархист, он не может принять участие в такого рода восстании, он чувствует себя представителем короля.

Гитлер со сложенными молитвенно руками упрашивал Кара: «Вот именно, ваше высокопревосходительство, необходимо загладить великую несправедливость по отношению к монархии, павшей в 1918 г. жертвой позорного ноябрьского преступления. С разрешения вашего высокопревосходительства я немедленно после собрания отправлюсь к его величеству (принцу Рупрехту, находившемуся

тогда в Берхтесгадене) и сообщу ему, что германское восстание загладило несправедливость, причиненную почившему в бозе родителю его величества». Эта изумительная тирада дословно засвидетельствована Непером, который тем временем тоже вошел в комнату. Кар нашел теперь выход и холодно произнес:

«Хорошо, я вижу, в конце концов мы все здесь монархисты. Я принимаю на себя наместничество только как наместник короля».

КЛЯТВА НА ГОРЕ РЮТЛИ[81]

С именем своего короля на устах баварский диктатор вышел в зал. Публика лихорадочно волновалась. Диктатор вышел на трибуну с каменным лицом. Людендорф был бледен, как смерть; по выражению одного из очевидцев, на нем лежала печать смерти. Только Гитлер был весел—по выражению того же свидетеля, весел, как дитя. Он еще раз обратился к публике, повторил уже сообщенное раньше распределение функций и прибавил:

«Теперь я исполню то, в чем поклялся пять лет назад, лежа полуослепший в военном госпитале: я не успокоюсь до тех пор, пока не будут повержены вправ ноябрьские преступники, пока на развалинах нынешней несчастной Германии не восстанет великая и мощная Германия, свободная и счастливая. Аминь!»

Это веселое дитя не знало в тот момент никаких сомнений. Голос инстинкта его не предостерегал. Счастливая Германия и баста, аминь! Он не заметил двусмысленного оттенка в словах Кара: «В минуту величайшей опасности для родины и отечества я принимаю на себя руководство судьбами Баварии в качестве наместника монархии, разбитой дерзновенной рукой пять лет назад. Я делаю это с тяжелым сердцем, надеюсь, к благу нашей баварской родины и нашего великого германского отечества...»

С тяжелым сердцем диктатор пошел на участие в этом деле. Но Гитлеру волнение Кара было в этот момент столь же безразлично, как и гнев Людендорфа. Последний мрачно произнес: «Преисполненный величием момента и застигнутый врасплох, я в силу собственного права отдаю себя в распоряжение германского национального правительства». Когда впоследствии прокурор спросил его, что означают слова «в силу собственного права», Людендорф ответил: «Собрание могло подумать, что я повинуюсь Гитлеру; я хотел этим сказать, что поступаю так не по приказу Гитлера, а самостоятельно».

«НЕЛЬЗЯ ИТТИ НА ПОДОБНЫЕ ВЕЩИ»

Быть может, если бы удалось вырвать руководство путчем из рук Гитлера, Кар попытался бы продолжать его самостоятельно и придать ему некоторое лицо—кто знает! Когда генеральный государственный комиссар через полчаса оставил помещение, в толпе к нему подошел и заговорил один из окружных начальников из окружения министра-президента фон-Книллинга. Кар шепнул ему: «Коллега, я чрезвычайно огорчен. Как вы сами видели, меня заста-

вили сказать «да». Нельзя итти на подобные вещи!». В этих трех фразах сказался окружной начальник Верхней Баварии, с разрешения которого Гитлер собирался делать революцию.

Гитлер как никак все же догадался арестовать всех баварских министров, оказавшихся в помещении, во главе с министром-президентом фон-Книллингом. Среди задержанных был также граф Соден, начальник канцелярии принца Рупрехта. Замечательный улов! Ведь Гитлер собирался отомстить за почившего в бозе родителя принца! Очевидно Гитлер хотел отомстить за то, что в свое время Соден не допустил его к принцу. «Однако хорошие же вы монархисты, нечего сказать!»—воскликнул разгневанный граф при своем аресте.

Вскоре после сцены единения в зале пришло известие о стычке между отрядом союза «Оберланд» и солдатами рейхсвера, пытавшимися его обезоружить. Оказалось, Гитлер слишком поспешил с заявлением, что казармы в руках «Боевого союза». Под видом братания штурмовики сделали несколько попыток занять казармы, но эти попытки не увенчались успехом. Слишком велика была разница между скоропалительностью Гитлера и Шейбнера-Рихтера, с одной стороны, и военными приготовлениями Крибеля—с другой.

Гитлер поехал в казармы улаживать конфликт; вероятно он думал, что по своем возвращении застанет Людендорфа и Лоссова за обсуждением плана похода на Берлин, т. е. застанет, так сказать, военный совет в полном разгаре. Но Людендорф разрешил трем свежеиспеченным членам правительства разойтись по домам. Когда Шейбнер-Рихтер позволил себе скромное возражение, генерал прикрикнул на него: никто не смеет сомневаться в честном слове германского офицера.

ВЗБЕШЕННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Рассказывать подробно о том, что побудило Кара и Лоссова приступить к подавлению путча, не входит в нашу задачу. Упомянем лишь, что версия о вмешательстве принца Рупрехта и кардинала фон-Фаульгабера является вымыслом. Если в эту ночь что-либо поддержало триумвиров в их далеко не твердой решимости оказать сопротивление, то это в первую очередь была позиция мюнхенских генералов, оставшихся в стороне от событий. Комендант города, генерал-лейтенант фон-Даннер, в разговоре с третьими лицами обругал Лоссова «бабой»; когда Лоссов вернулся, он резко спросил его: «Надеюсь, все это было только блефом?». Теперь сказалось все раздражение офицерства против партизанщины; в сцене, разыгравшейся в пивной Бюргерброй, генералы видели позор для армии. После истории с револьвером Гитлер, по традиционным понятиям об офицерской чести, должен был быть зарублен на месте. Этого не учел бывший ефрейтор.

Еще прежде чем сговориться с Лоссовым, Даннер, Кресс фон-Крессенштейн и майор Леб, впоследствии начальник воинских сил Баварии, сошлись на совещание и приняли меры, чтобы войска были приведены в боевую готовность. Надо думать, они не преминули бы

также послать их против Лоссова. К тому же стало известно, что президент Эберт передал генералу фон-Секту всю исполнительную власть в империи, а Сект дал знать в Мюнхен, что он намерен подавить путч военной силой. Взбешенные генералы были хозяевами положения.

Одним словом, у триумвиров была тысяча причин одуматься и как можно скорее притти в себя после этого кошмарного вечера, в котором если не все трое, то уж во всяком случае Кар на минуту потерял рассудок. Приняв решение, Кар, Лоссов и Зейсер в следующую ночь и в течение следующих недель не без достоинства несли бремя событий и воспрепятствовали тому, чтобы их неосторожное поведение привело к опасным последствиям.

ВИСЕЛИЦЫ И ЗАЛОЖНИКИ

Тем временем Пенер и Фрик составили прокламацию, которая на следующее утро была расклеена по городу:

«Для суда над преступниками, представляющими опасность для народа и государства, учреждается национальный трибунал в качестве верховного судилища. Приговоры его будут гласить: виновен или не виновен. Во втором случае следует оправдание, в первом—смертная казнь. Приговоры приводятся в исполнение в продолжение трех часов».

Другой декрет объявлял вне закона «негодяев-верховодов» 9 ноября 1918 г. и провозглашал долгом каждого немца предать в руки национального правительства мертвыми или живыми Эберта, Шейдемана, Оскара Кона, Пауля Леви, Теодора Вольфа, Георга Бернгарда[82] и их «приспешников и помощников». Автор этого замечательного декрета к сожалению остался неизвестным.

«Национальный трибунал» Пенера и Фрика опирался на проект конституции, выработанный членом высшей баварской судебной палаты Теодором фон-дер Пфордтен. Этот проект,—творчество одного из высших судей в Германии,—содержал тридцать один параграф, из которых каждый третий угрожал смертной казнью за то или иное «преступление». При этом «имперский наместник», который предусматривался этой конституцией, не был даже связан применявшимися до сих пор способами смертной казни; Пфордтен предлагал казнь через повешение или через расстреляние, но текст его конституции во всяком случае не исключал также колесования или сажания на кол. Никаких правовых гарантий! Имперский наместник и наместники в отдельных союзных государствах имели также право по своему произволу изменять вынесенные приговоры (параграф 29-й). Кроме того они могли объявлять человека вне закона, т. е. предоставлять первому встречному право убить его; за помощь объявленному вне закона назначалась смертная казнь (параграф 27-й).

На другой же день было сделано несколько попыток применить к делу это новое правосудие.

Утром 9 ноября штурмовики ворвались в мюнхенскую ратушу и арестовали девять социал-демократических членов городской управы и первого бургомистра Шмида. Несколько главарей штурмовиков,

в том числе будущий руководитель «защитных отрядов» Берхтольд, посадили арестованных на грузовик, отвезли их за город в лес, велели им здесь сойти и увели их в сторону. «Видно, пришел мне конец»— сказал седовласый бургомистр. Придя на прогалину, Берхтольд сказал заложникам, что имеет сообщить им нечто неприятное. Они были уверены, что это—смерть. Но это был только садизм. Штурмовики тем временем узнали, что путч подавлен; им теперь нужна была штатская одежда их пленников, которую они и отобрали.

Затем к ним подъехало несколько чиновников муниципалитета. Они рассказали штурмовикам, что арестованные нужны в ратуше, так как без их подписи не могут быть выплачены пособия безработным. Если их расстреляют, беднота не получит пособий и произойдут беспорядки. Неизвестно, поверили ли штурмовики этому обману или просто рады были случаю развязаться с арестованными, не роняя своего достоинства. Для арестованных важно было, что они получили свободу и могли хотя бы в одном нижнем белье вернуться с ближайшим поездом в Мюнхен.

Другие группы грабили частные квартиры еврейских граждан и увели около двух десятков заложников; имена их они нашли в списке абонентов телефонной сети. Они арестовывали наобум тех, чьи имена казались им еврейскими. Таким образом в числе арестованных попал один граф и несколько националистов. Заложников отвели в подвалы пивной Бюргерброй, где под конец стража собиралась их пристрелить и уже направила на них винтовки; арестованные бросились ничком на землю, в этот момент ворвалась полиция и освободила их.

НЕХВАТАЛО ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ

В ночь на 9 ноября Гитлера бросало то в жар, то в холод, он пережил минуты ликования, отчаяния, разочарования и надежды. «Теперь настанут лучшие времена,—сказал он Рему, сияя от счастья, и обнял друга,—мы будем денно и нощно работать для нашей великой цели, для спасения Германии от нужды и позора». Часом позже он уже мрачно говорил, что хорошо будет, если удастся из этой истории кое-как выбраться; если же не удастся, придется повеситься. Прошло еще несколько времени, и он властно обращается к Пенеру: «Г-н министр-президент,—он произнес это слово величественным тоном, как Наполеон сказал бы своему маршалу: герцог Тарентский!—Г-н президент, мы дали вам в руки власть, используйте же ее! Мы должны теперь проявить инициативу. Когда наши патрули пройдут по городу с кличем: «выходите под знамена», посмотрим, не проявит ли тогда население энтузиазма!».

Действительно, несмотря на политическое фиаско, революционеры еще могли бы заставить военное счастье повернуться в их сторону, если бы только они были несколько лучше подготовлены. Вечером у них было восемьдесят человек, но за ночь к ним прибавилось много народу. Если считать всех тех, кто стоял на бивуаках в различных концах города, подходил к Мюнхену по шоссейным дорогам,

подъезжал на грузовиках, у Гитлера несомненно было несколько тысяч человек. По своей численности силы «Боевого союза» превосходили правительственные войска. У союза не было также недостатка в пулеметах и орудиях, у него нехватило только двадцати четырех часов, когда время было так дорого. Поэтому он не мог занять казарм, отрезать вокзалы, захватить контроль над телеграфом, хотя для всего этого были выработаны точные планы. Какие возможности были тогда упущены, в этом пришлось в ту же ночь убедиться Кару и Лоссову в казармах рейхсвера. Им пришлось переходить из барака в барак, чтобы обеспечить себя от неожиданностей со стороны своих верных солдат. На другой день в одном батальоне офицеры двух рот отказались выступить, командир третьей роты «лишь скрепя сердце стал на военную точку зрения». Офицерство раскололось: между старшими и младшими офицерами прошла резкая грань, водоразделом можно было считать чин майора. Временами положение казалось столь тревожным, что Лоссов должен был забыть свое самолюбие и обратиться на следующий день к Секту с просьбой прислать еще три батальона и три батареи. Впрочем их уже не пришлось пустить в дело. Генерал убедился, что против ожидания путч уже сошел на-нет.

ОСТОРОЖНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР ФРИК

Силы повстанцев были разрознены, и правительство разбило их по частям. Первой жертвой был Фрик. В десять часов он узнал от своего секретаря в управлении полиции, что он назначен полицей-президентом. Как он сам рассказывает, этот новый высокий чин внушил ему только страх. «Я буду вести дела—заявил этот революционер Пенеру—только в качестве заместителя арестованного в Бюргерброй полицей-президента Мантеля, предварительно же я должен иметь соответствующее поручение от Кара». Гражданское мужество полицейского советника Фрика в эту ночь оставляло желать многого.

Недалеко ушел от Фрика также один из его коллег по полицейскому управлению, которому принадлежит следующее классическое изречение о позиции высших чинов полиции в революционных ситуациях: «В таких случаях ничего не поделаешь, ответственного правительства не существует, и не знаешь, к кому обратиться». Сказал это человек с титулом «министерского советника».

Вскоре затем Фрик и Пенер были арестованы двумя полицейскими чинами, которые лишь два часа назад поздравляли их с назначением.

МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ ЛЮДЕНДОРФ

Своим единственным военным успехом во всем путче «Союз обороны» был обязан Рему. Рем стоял наготове со своим «Имперским флагом» в пивной Левенброй; он якобы ничего не подозревал и пришел сюда под предлогом какого-то юбилея своей организации; потом по приказу Крибеля он занял здание командования рейхсвера, свое старое место работы. Людендорф, которому принадлежала идея этой операции, выразился о ней так: надо поставить почетный караул

Лоссову. Почетный караул окружил здание проволочными заграждениями и выставил в окнах пулеметы. В продолжение этой ночи здание командования рейхсвера служило главной квартирой повстанцев.

Новые хозяева в командовании рейхсвера очень скоро сообразили, что что-то не в порядке. Они предполагали, что Кар и Лоссов захвачены в плен генералами; собственно говоря, это было не так далеко от истины. Они посылали в казармы одного за другим офицеров связи, но там их по приказу Лоссова арестовывали. Когда один из офицеров просил не оставить хотя бы Людендорфа без ответа, Лоссов крикнул на него: «В мятежников стреляют!»

Генералы действовали энергично, а противник обнаружил мягкотелость. Лейтенант из командования рейхсвера заявил Людендорфу со всем подобающим уважением, что если дело дойдет до боя, рейхсвер будет защищать свои казармы, пока не расстреляет все свои патроны. Людендорф ответил ему на это не так, как должен был ответить революционер: «Что ж, в лучшем случае вы погибнете лишь несколько позже, когда расстреляете свои патроны». Вместо этого он в товарищеском тоне меланхолически заявил: «Я вполне разделяю ваши чувства. Я никогда не отдам приказ напасть на казармы и на рейхсвер».

В этом отношении Гитлер вел себя иначе. Когда он впервые услышал, что в казармах оказано сопротивление, он пришел в ярость и закричал: «Подведите две пушки и палите в них во-всю, можете не оставить камня на камне». В пять часов повстанцы узнали через полковника Лейпольда из юнкерского училища, что Лоссов намерен стрелять. Как быть? Отвечать ему тем же? Многие собирались поступить так же, многие так и поступили. Но Людендорф, вождь, решил, что теперь для него настал момент показать себя: он хотел пойти прямо на дула ружей и заставить солдат опустить их.

БОЙ У ФЕЛЬДГЕРНГАЛЛЕ

Утро было потрачено на укрепление берега р. Изар для целей обороны; в некоторых местах были поставлены орудия. Около одиннадцати часов Гитлер и Людендорф с несколькими тысячами дружинников отправились на «рекогносцировку» в город. Очевидно в целях рекогносцировки ружья держали наготове, частью с примкнутыми штыками; за первыми рядами ехал автомобиль с пулеметами.

Если революционеры хотели в точности знать намерения правительства, у них уже не было надобности в этой рекогносцировке. На стенах были расклеены плакаты следующего содержания:

> «Честолюбивые проходимцы с помощью обмана и измены своему слову превратили манифестацию национального возрождения в сцену отвратительного насилия. Заявления, вынужденные у меня, генерала фон-Лоссова и полковника Зейсера под угрозой револьвера, недействительны и не имеют силы. Германская национал-социалистическая рабочая партия, а также боевые союзы «Оберланд» и «Имперский флаг» распущены.
>
> Фон-Кар,
> генеральный государственный комиссар».

Во главе колонны шли Гитлер, Людендорф, д-р Вебер, Шейбнер-Рихтер и Крибель. Несколько дальше шел с угрюмым видом лидер «фелькише» Северной Германии Альбрехт фон-Грефе. Он в это утро приехал в Мюнхен на зов Людендорфа—единственный представитель «господ с севера».

На мосту через Изар колонна натолкнулась на заградительный отряд полиции. Полицейские не опустили ружей. Будут ли они стрелять? Геринг вышел из строя вперед, приложил руку к козырьку и объявил: «За первого убитого в наших рядах поплатится жизнью один из заложников». На самом деле однако повстанцы вовсе не вели с собой заложников. Заслуга Гитлера, что он лично удалил их из колонны. В мгновенье ока полицейские были обезоружены; их наградили плевками и пощечинами. Колонна двинулась дальше в центр города. Настроение населения было подавленное. Оказали свое действие воззвания Кара и заместителя министра-президента, министра народного просвещения Матта, который из Регенсбурга предостерегал своих баварцев против «пруссака Людендорфа».

Людендорф вел колонну, как он впоследствии рассказал, без определенного плана; у него на этот счет имелись лишь самые общие представления. Под Танненбергом, говорил он потом, он тоже сначала дал битву, а потом уж придумал ее стратегические обоснования. В результате колонна после бесцельных метаний по узкой, словно ущелье, Резиденцштрассе очутилась на перекрестке, где эта улица выходит между Фельдгернгалле и Резиденцштрассе на широкую площать Одеон. Там находился заградительный отряд полиции, по своей численности далеко уступавший приближавшейся колонне. Полиция могла задержать шествие только в этом узком проходе; лишь только повстанцы очутились бы на площади, они ввиду своего численного превосходства оказались бы хозяевами положения.

Кто первый начал стрелять,—об этом, разумеется, впоследствии возгорелся горячий спор между сторонами. Правдоподобнее всего показания руководителя союза «Оберланд» д-ра Вебера. По его словам, один из дружинников схватил рукой протянутый вперед карабин полицейского, и в борьбе между дружинником и полицейским раздался первый выстрел. Во всяком случае после этого обе стороны открыли огонь по всем правилам искусства. За секунду до этого один из дружинников выскочил вперед и крикнул полиции:

«Не стреляйте, с нами идет его высокопревосходительство Людендорф». Это была секунда, когда речь шла о жизни или смерти, но несчастный и в этот момент не забыл почтительно упомянуть титул: «его высокопревосходительство». Впрочем, утренний приказ Крибеля тоже начинается словами: «Его высокопревосходительство фон-Лоссов нарушил свое честное слово...»

Гитлер шел между Людендорфом и Шейбнером-Рихтером; последнего он держал за руку. В правой руке у него был револьвер. Перед тем как началась стрельба, от крикнул полицейским: «Сдавайтесь!». В этот момент Шейбнер-Рихтер был сражен пулей насмерть; падая, он вывихнул руку Гитлера. Гитлер тоже очутился на земле; увлек ли его в своем падении Шейбнер-Рихтер или же Гитлер по ста-

рой солдатской привычке искал прикрытия, это он вряд ли сам может сказать теперь точно. Конечно, кто хотел оказать моральное воздействие на противника, тот должен был бы остаться стоять; кроме того перед «рекогносцировкой» Гитлер еще раз заявил, что готов грудью встретить вражеские пули. Однако пусть упрекает его тот, кто со спокойной совестью может утверждать, что на его месте он остался бы стоять. Ряд полицейских показывает, что после первого залпа все без исключения бросились ничком на землю, в том числе и Людендорф. Последний утверждает обратное. Во всяком случае Людендорф не бросился бежать. Вместе с отставным майором Штрекком из «Боевого союза» он прошел мимо ружейных дул на площадь. Если бы за ним последовало пятьдесят или хотя бы двадцать пять человек, день окончился бы иначе. Теперь же Людендорф был единственным пленником полиции. Когда его арестовали, он вне себя от волнения заявил, что отныне для него более не существуют немецкие офицеры и что он никогда больше не наденет офицерского мундира.

Действие ружейного огня в узкой уличке было ужасно. На мостовой лежало четырнадцать убитых. Среди них был Оскар Кернер, бывший второй председатель партии умер смертью неизвестного солдата. Погиб также член судебной палаты фон-дер Пфордтен, автор известной нам кровожадной конституции. В смерти Шейбнера-Рихтера сказалась рука Немезиды: подавленный у Фельдгернгалле путч больше всего был и его духовным детищем.

Как только прекратился огонь, Гитлер первый встал и побежал назад, об этом сообщает спасший его национал-социалист д-р Вальтер Шульц. Шульц раздобыл автомобиль из числа тех, которые ехали за колонной. Гитлера внесли в автомобиль, и последний поехал за город, причем полиция неоднократно стреляла в него. Гитлер жаловался на сильную боль, но вывих оказался неопасным. Гитлер поехал в находящийся в шестидесяти километрах от Мюнхена Уффинг на озере Штрафель, где у его друга Ганфштенгля была своя вилла. Два дня спустя он был здесь арестован.

По прошествии пяти лет Гитлер рассказал про это бегство удивительную историю. Однажды он вышел на эстраду пивной Левенброй, ведя за руку мальчика, и заявил, что этого мальчика он нашел у Фельдгернгалле в день путча, взял его на руки и вынес из-под обстрела. Можно конечно возразить, что при всей любви Гитлера к детям ему подобало скорее остаться во главе своей колонны и провести бой до конца. Впрочем надо констатировать, что из свидетелей никто ни словом не упоминает об этом мальчике.

Спустя два часа после залпов у Фельдгернгалле сдался Рем в своей крепости в здании рейхсвера. Он потерял двух человек убитыми; в общем было убито шестнадцать членов «Боевого союза». Полиция потеряла убитыми трех человек.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИМЕЛ ЛИ ГИТЛЕР ПРАВО БЕЖАТЬ?

В общем о путче Гитлера надо сказать: он был инсценирован плохо. Первой ошибкой было начинать путч без достаточной военной подготовки, второй ошибкой было неудачное психологическое воздействие на командующего рейхсвером и третьей—недостаток мужества в день 9 ноября. Даже такой храбрый солдат, как Рем, позволил окружить себя противнику, так как у него нехватило духу угрожать своим товарищам пулеметами. Людендорф вообще хотел не бороться, а колдовать. Когда сам Гитлер перед походом в город оробел и заметил: «Они будут стрелять в нас», у Людендорфа нашелся столь же геройский, сколь бессмысленный ответ: «А мы все-таки пойдем!».

Буржуазное население столицы Баварии показало после путча, что оно готово было выйти на улицу. Два дня подряд улицы были запружены волнующейся толпой, она оскорбляла солдат рейхсвера, угрожала напасть на здание, в котором помещалась канцелярия Кара, разгромила редакции нескольких газет и кричала: «Долой изменников!» Конная полиция неоднократно въезжала в толпу и разгоняла ее резиновыми дубинками—ничто не помогало. В университете бушевала против Кара тысячная толпа студентов: она чуть не сбросила с галереи ректора, обратившегося к студентам со словами увещания, и освистала даже Эрхардта, пытавшегося подойти к ним добром.

Имея за собой такое фанатическое население, можно было добиться больших результатов. Но для этого «Боевой союз» должен был оправдать свое имя и действительно биться, а не бежать после первых же выстрелов. Каждый выигранный час времени все более расшатывал бы положение правительства среди враждебного и взбудораженного населения. Это население продолжало два дня бесстрашно, но бесполезно демонстрировать, тогда как вожди бежали и попрятались.

Разве сколько-нибудь похоже на это поведение коммунистов, восставших в Гамбурге, Берлине, Мюнхене и Средней Германии! Те действительно сражались. Напротив, дружинники не последовали

за Людендорфом. С д-ром Вебером, руководителем «Оберланда», сделался нервный припадок, он рыдал несколько часов сряду, а Гитлер первый удрал на автомобиле, оставив свое войско на поле брани.

В защиту побежденных можно привести то, что большинство из них считало Людендорфа убитым. Это сломило их дух, но это во всяком случае не оправдывает поспешного бегства Гитлера; напротив, в таком случае он тем более должен был понимать, что остался теперь единственным вождем.

Впоследствии вожаки «Боевого союза» в свое оправдание постоянно ссылались на то, что им казалось непостижимым, как это немцы будут стрелять в немцев. Но в Рурской области или же при подавлении советской республики в Мюнхене они без смущения сами стреляли в немцев, тогда это не было для них непостижимым, они стреляли даже в безоружных. На самом деле они хотели сказать другое, но только не могли выразить это на своем языке; они хотели сказать, что революционная борьба возможна между двумя классами, т. е. между группами населения, которые правильно или неправильно считают себя врагами.

Среди павших у Фельдгернгалле был один кельнер и один ремесленник; все остальные были купцы, банковские служащие и офицеры в отставке.

Тем не менее национал-социалистической партии кровавый день 9 ноября пошел на пользу. Он окончательно отрезал ее от пуповины рейхсвера. Таким образом партия родилась собственно в этот день.

ПРИПАДАЮТ К СТОПАМ ПРИНЦА

В эту ночь душа Гитлера подверглась гораздо большей опасности, чем со стороны полицейских карабинов. Гитлер обратился за защитой к принцу Рупрехту.

Он прибег к посредничеству друга Рема—отставного лейтенанта Нейнцерта, пользовавшегося расположением принца. Нейнцерт должен был просить принца воздействовать на Кара в том смысле, чтобы тот не допустил столкновения между рейхсвером и «Боевым союзом».

Кроме того Гитлер и его друзья не должны были подвергнуться преследованию.

Нейнцерт рано утром отправился курьерским поездом в Берхтесгаден. Принц поставил ему условия: Гитлер должен извиниться перед Каром, он должен сказать, что действовал под давлением масс,—надо сказать, что это не было лишено доли истины. Кроме того он должен покориться законной власти. Принц был очень недоволен словами Кара, что тот считает себя наместником короля, но велел передать своему «наместнику», что стрелять ни в коем случае не следует; кроме того он предлагал ему употребить все усилия, чтобы против организаторов путча не было возбуждено преследования по обвинению в государственной измене.

До сих пор принц защищал свои права на престол все же без

фанатизма. Генеральному государственному комиссару он до сих пор покровительствовал и однажды публично выступил в его пользу. Трудно сказать, надеялся ли он получить из его рук корону. Теперь он немедленно воспользовался случаем, чтобы выступить в роли третейского судьи между сторонами. 11 ноября он выпустил манифест, в котором отмежевывался от Кара и призывал противников подать друг другу руки над открытыми могилами. Но манифест не был обнародован, так как Кар грозил в таком случае уйти в отставку.

Таким образом этот эпизод не сыграл роли в истории Германии. Но для истории национал-социализма он в высшей степени замечателен. Уже в сентябре Гитлер сделал попытку приблизиться к принцу, и Шейбнер-Рихтер даже предлагал Рупрехту роль протектора над национальным движением. Предложение Шейбнера звучало тогда еще очень гордо, как предложение одной великой державы — другой.

Но на рассвете кровавого 9 ноября, когда надо было в самом деле отправляться под пули, Гитлер и Шейбнер обратились к принцу как просители. Им не хотелось итти в огонь.

Но Людендорф хотел этого. Для него было вдвойне важно показать, что он и без баварского принца может заставить склониться перед собой ружья правительственных войск. Людендорф присутствовал при том, как Гитлер посылал Нейнцерта с поручением к принцу, но сам не промолвил при этом ни слова.

Тот самый Гитлер, который капитулировал перед вительсбахским принцем, через несколько часов кричит баварским полицейским: «Сдавайтесь!» Так великолепно, с такой непосредственностью этот человек может играть роль и пускать пыль в глаза.

ГИТЛЕР ПОМЫШЛЯЕТ О САМОУБИЙСТВЕ

В первые недели после путча было сделано немало попыток к посредничеству. Дело в том, что Людендорф не желал явиться на суд. Но эти попытки кончились ничем, так как баварская народная партия, чей политический вес после краха диктатуры снова усилился, настояла на процессе. Гитлер тоже не желал предстать перед судом. Первые дни после путча он носился с мыслями о самоубийстве. Затем он хотел объявить голодовку в крепости Ландсберг, где находился в предварительном заключении. Дрекслер отговорил его от этого.

Вначале во всей Баварии свирепствовала буря негодования против Кара. Среди ставших на его сторону был генерал Эпп. «Освободитель Мюнхена» пытался успокоить студентов. Его собственные слова об этом слишком характерны для позднейшего военного политика партии и не могут быть опущены здесь.

«Ко мне явилось,—рассказывает он на суде с явным замешательством и запинаясь,—несколько пожилых граждан и просили меня обратиться к студентам со словами успокоения. Но мне не очень улыбалась перспектива быть замешанным в спор, так как в таких

случаях на твою голову обрушиваются удары с обеих сторон». После этой вспышки гражданского мужества он все же согласился принять студенческую депутацию, которой между прочим сказал, что Гитлер нарушил свое слово.

На суд явилась только часть лиц, ответственных за путч.

Людендорф и д-р Вебер попали в руки полиции еще у самой Фельдгернгалле. К Людендорфу отнеслись с величайшим уважением и почтительностью и избавили его от предварительного заключения, после того как он дал слово отказаться от политической деятельности. Его негодование по поводу столкновения у Фельдгернгалле сменилось в дальнейшем своего рода нигилизмом по отношению ко всему, что касалось государственной власти и ее авторитета.

Лишь с трудом удалось уговорить его явиться на допрос в мюнхенский дворец юстиции. Когда же он явился, то почему-то не захотел выйти оттуда через общий выход; вероятно он не хотел быть замеченным публикой. Пришлось спустить его по лифту черного хода и выпустить через боковой ход.

На месте преступления схвачены были Рем, Фрик, Пенер и обер-лейтенант в отставке Брюкнер, начальник мюнхенского полка штурмовиков. Кроме того перед судом предстали лейтенант в отставке Вагнер, который совместно с бежавшим предводителем добровольческого отряда Россбахом привлек к участию в путче юнкерское училище рейхсвера, и приемный сын Людендорфа Пернет, безобидный попутчик, служивший для связи между юнкерским училищем и Людендорфом. Незадолго перед процессом добровольно явился в суд Крибель. Напротив, тяжело раненый Геринг, Эссер и Россбах бежали за границу. Геринг некоторое время жил в Инсбруке, где вызвал своим образом жизни нарекания у бежавших туда штурмовиков; часть их жила здесь в большой нужде. Впоследствии он вместе с Эссером переехал в Италию.

Среди арестованных был также тяжело больной Дитрих Эккарт. Незадолго перед рождеством его освободили из заключения, и он умер 23 декабря в Берхтесгадене. В его лице сошел со сцены второй духовный отец гитлеровского путча.

Полиция тщетно искала обличительных документов в помещениях «Боевого союза» и национал-социалистической партии. Действительно изобличающий материал находился в безопасности в железном шкафу командования рейхсвера. Никакой прокурор не посмел бы искать его среди папок рейхсвера, куда запрятал его Рем.

ЛЮДЕНДОРФ ПРОТИВ МОНАРХИИ И ЦЕРКВИ

Процесс Гитлера—самый большой политический процесс, который когда-либо велся в Германии,—оставил после себя удивительно мало материала серьезного исторического значения. Единственным крупным политическим моментом на процессе было сенсационное выступление Людендорфа, объявившего войну католической церкви и отмежевывавшегося от имущих и образованных классов. «В борь-

бе, которую вела Германия,—сказал генерал,—Ватикан не соблюдал нейтралитета и был враждебен нам. Франции он оказывал почет и покровительство. Я высоко ценю благодеяния и дисциплину католической церкви (реверанс воспитанника кадетского корпуса перед воинствующей церковью!), тем более тяжело мне было видеть, как прошлым летом святейший отец выступил против идеи саботажа в борьбе за Рур и Рейн, как маршалу Фошу во время его посещения Соединенных штатов тамошние иезуиты поднесли почетную саблю, как Клемансо получил от них за свои заслуги докторский диплом, словно эти враги Германии состояли на службе общества Иисуса. Напомню также о влияниях, которым подвергался император Карл, про его измену Германии, про враждебные речи католических пастырей против Германии».

Эти счеты с ультрамонтантством настроили генерала также против федерализма католической Баварии. Он видел в этом федерализме «длительное закрепощение Германии Францией; оно должно осуществиться путем уничтожения Пруссии». Во избежание превратных толкований генерал прибавил: «Я не сторонник великой Пруссии, я немец, желающий видеть могучую Германию—Германию на платформе Бисмарка».

Быть может в 1918 г. Людендорф был еще в большей мере сторонником великой Пруссии, чем он допускал это в 1923 г. Но, вступив в контакт с националистическим движением, он освободился от старых предрассудков:

«Я пришел к убеждению, что необходимо дать народу нечто новое, что внесло бы содержание в его жизнь. Освободительное национальное движение стало для меня насущной потребностью. Я—монархист, но считаю, что вопрос о монархии не может быть разрешен в настоящее время. Династии существуют для народа, а не народ для них».

Затем следовало признание, которое говорило о внутреннем обращении и просветлении после высокомерного выступления в Нюрнберге. «Тяжелей всего то, что события привели меня к убеждению, что ведущий слой нашего общества оказался неспособным внушить немецкому народу волю к свободе».

Слуга кайзера отворачивался от трона и уходил в народ. Шестидесятилетний Людендорф вступил на путь, по которому до него пошли Штейн[83] и на закате своей жизни—Бисмарк. Вскоре затем он порвал с баварским офицерством и разошелся с Гинденбургом, а в конце 1927 г. выступил из протестантской церкви.

ЧТО ТАКОЕ «БАРАБАНЩИК»

Гитлер явился в зал суда с сознанием, что процесс должен прославить его еще больше, чем путч. Съехались лучшие корреспонденты со всего мира. Перед лицом мировой прессы самомнение вознесло Гитлера еще выше тех головокружительных высот, на которых стоят государи и министры:

«Примите уверение, что я не добиваюсь министерского поста.

Я считаю недостойным большого человека стремиться к тому, чтобы записать свое имя в историю в качестве министра. Я ставил себе другую цель, которая с самого начала была для меня в сто раз важнее, я хотел стать сокрушителем марксизма. Эту задачу я выполню, а когда я ее выполню, титул министра будет для меня жалким пустяком. Когда я впервые стоял перед могилой Рихарда Вагнера, сердце мое сильно забилось при мысли, что этот человек запретил написать на своей гробнице: здесь покоится тайный советник, музыкальный директор его высокопревосходительство барон Рихард фон-Вагнер. Я гордился тем, что Рихард Вагнер и столько великих людей немецкой истории удовольствовались тем, что передали потомству свои имена, а не свои титулы. Не из скромности я желал быть «барабанщиком». Это—самое высшее, все остальное—мелочи».

Это не совсем верно: Гитлер вначале был действительно скромен. Эта патетическая тирада не отличается большим тактом. Но величие не нуждается в такте. Слова же эти свидетельствуют о величии замысла; в этом мы должны отдать справедливость барабанщику. Гитлер имел смелость поставить себе большую задачу, рискуя стать смешным в чужих глазах. Быть может только это и отличает его от стаи политиканствующих современников и, как бы ни сложилась его дальнейшая судьба, это обеспечивает ему если не целую страницу, то во всяком случае строку в истории Германии.

«ПОВОРОТ» ЛЮДЕНДОРФА

Почти все обвиняемые сознались в своих действиях, причем даже с некоторым задором. Любопытно, как Крибель объяснил свое участие в путче; его мотивировка заслуживает быть увековеченной в учебниках отечественной истории. Военный руководитель «Боевого союза» и в прочих отношениях невинный агнец, знающий только свое военное дело, заявил на суде: «Я не знаком ни с веймарской, ни с баварской конституцией. Я участвовал в то время в комиссии по заключению перемирия и впоследствии также не читал конституции. Но все баварские газеты, патриотические деятели, министры восклицали в один голос: надо бороться против веймарской конституции! И я своим простым солдатским умом решил: раз все кричат об этом, почему бы и мне не бороться?».

Единственное исключение представлял Людендорф. Прочие обвиняемые признали факт государственной измены и лишь настаивали на том, что Кар тоже должен быть привлечен к суду за государственную измену. Напротив, Людендорф утверждал, что он поступал в соответствии с законами и конституцией.

В мотивировке приговора суд тоже подтвердил, что в своей защите Людендорф занял особую позицию. Суд не решился вынести обвинительный приговор человеку, который в то время был вероятно самым знаменитым из немцев во всем мире. Но в конце концов Людендорф все же присутствовал при том, как Гитлер с эстрады в пивной Бюргерброй низложил президента республики Эберта и имперское правительство. Людендорф все же приложил свою руку к это-

му; это было наказуемое действие, и никакими ухищрениями этого нельзя было отрицать. Судьи нашли выход в следующем удивительном построении, которому впрочем никто не поверил; они заявили, что в вечер 8 ноября Людендорф был настолько взволнован, что не видел и не слышал ничего из того, что происходило вокруг него. Разумеется, вынесенное на этом основании оправдание Людендорфа вряд ли было почетным, и генерал с пафосом воскликнул, что оно является позором для его мундира. Но этот позор не был незаслуженным.

МИЛОСТИВАЯ ЮСТИЦИЯ

Некоторые факты, а именно деятельность принца Рупрехта, президиум суда счел нужным скрыть от публики и печати; историк может лишь пожалеть об этом. Стороны не были заинтересованы в выяснении этих обстоятельств; Гитлер, утверждавший, что его путч был ответом на монархический государственный переворот, должен был стараться не обнаружить своих действительных отношений к принцу.

Благодаря этому молчаливому соглашению между судом и обвиняемыми последние были хозяевами на процессе. Учтивый председатель не мог справиться с их бушевавшей ратью. На одном заседании при закрытых дверях произошел следующий диалог между председателем и обвиняемым Брюкнером. Последний говорил о рейхсвере и его эмблеме, причем все время наделял имперского орла обидным прозвищем*.

Председатель.—Прошу вас не употреблять так часто это выражение!

Обвиняемый.—Я не нахожу в сущности другого названия для этого создания.

Председатель.—Полагаю, это не является техническим термином? Это—издевательство над символами империи...

И заседание продолжалось своим чередом.

Для характеристики того впечатления, которое процесс производил на население Мюнхена, может послужить следующая сцена. Однажды защитник Гитлера, адвокат Родер, поднялся и зачитал суду письмо, полученное им от союза баварских парикмахеров. Представители последних присутствовали на собрании в пивной Бюрхгерброй; парикмахеры жаловались, что в качестве свидетелей были допрошены о событиях пока только «лица высшего сословия». Защитник Гитлера с серьезной миной заметил: он тоже того мнения, что действительно надо вызвать в качестве свидетелей не только лиц высшего сословия, но также ремесленников, так как тогда, возможно, получится другая картина. Однако суд отказал ему в этом.

Впрочем мюнхенские обыватели и без того не остались в накладе. Народные заседатели были фанатическими сторонниками обви-

---

* В подлиннике—непереводимая игра слов: Geier—орел, Pleitegeier, как называет Брюкнер орла,—синоним банкротства.

няемых и требовали их оправдания. Чтобы получить необходимое для обвинительного приговора число голосов, председатель должен был обещать заседателям, что осужденным не придется или почти не придется отбывать свои наказания.

Таким образом, хотя по объявленному 1 апреля приговору Гитлер, Вебер, Крибель и Пенер получили по пять лет заключения в крепости за государственную измену, им обещано было, что по отбытии шестимесячного заключения остальные четыре года будут считаться условным наказанием. Все прочие, за исключением Людендорфа, получили за пособничество в государственной измене по году с четвертью заключения в крепости, причем с самого начала в виде условного наказания. Приговор был в сущности не чем иным как апологией гитлеровского путча со стороны суда. Но важнее, чем шесть месяцев заключения в крепости, важнее, чем подаренные четыре с половиной года, было для Гитлера то, что в приговоре суда ничего не говорилось о его высылке из Германии, хотя закон о защите республики, казалось, категорически предписывал эту высылку. Кроме того суд не аннулировал условного характера двухмесячного тюремного заключения, которое числилось еще за Гитлером за срыв собрания в 1921 г.

С весов правосудия было снято еще несколько гирек в пользу Гитлера. За ним все еще числилось дело по обвинению в попытке путча 1 мая 1923 г. Теперь министерство юстиции решило прекратить это дело, так как при незначительности наказаний, назначенных за осуществленную 9 ноября государственную измену, уж совсем нельзя было ожидать, что суд присудит Гитлера к надлежащей каре за попытку путча 1 мая.

Мало того. В том единственном случае, когда механизм юстиции все еще продолжал действовать, в пользу Гитлера снова вмешалось высокопоставленное лицо.

Прокурор напрасно апеллировал против вторичного условного наказания, напрасно заявлял, что оно чуть ли не равносильно поощрению насильственных действий против государства и подрыву закона. Возможно, что высшая судебная инстанция в Баварии, которая в праве была не посчитаться с заседателями, признала бы апелляцию прокурора правильной, возможно, что в таком случае Гитлеру пришлось бы просидеть в крепости до конца 1928 г. Но баварский министр юстиции Гюртнер и на этот раз постарался сохранить Гитлера для политической деятельности. Через своего шурина д-ра Дюрра, советника в баварском министерстве юстиции, он предложил прокурору взять свою апелляционную жалобу обратно. Постановление суда об условном наказании вступило таким образом в силу.

9 ноября 1923 г., несмотря на свой провал или, вернее, благодаря своему провалу, было самым важным переломным пунктом в послевоенной истории Германии. Бавария при новом правительстве Гельда вернулась в состояние равновесия. Больше того, и германская республика, отразив это нападение, стала укрепляться. Крупнейшая сила в лагере оппозиции, немецкая национальная пар-

тия, объявила устами Хергта[84] о своей готовности лойяльно сотрудничать с имперским правительством; ей принадлежит главная заслуга в укреплении республики. Вторичное поражение республики последовало тогда, когда партия Гитлера второй раз выросла и отняла поле сражения у немецкой национальной партии.

УСТРАНЕНИЕ ГИТЛЕРА

Преодолев первое чувство подавленности, Гитлер не намеревался отказаться за стенами крепости от руководства партией, ибо баварская юстиция не считала нужным затруднить Гитлеру ни во время предварительного заключения, ни после его осуждения за государственную измену продолжение его деятельности в этом направлении. Ему разрешалось в тюрьме принимать делегации, устраивать совещания и выпускать воззвания, как если бы он действовал в своем партийном бюро. Он не мог только разъезжать. Поэтому он назначил своим уполномоченным для переговоров вне крепости Розенберга. Последний вместе со вторым председателем партии Якобом основал вместо запрещенной национал-социалистической партии Великогерманское народное сотрудничество, которое однако вначале ничем себя не проявляло.

Гитлер хотел, чтобы под этим новым именем продолжала существовать на прежних началах его старая партия. Но Людендорф требовал слияния с «немецкой народной партией свободы» Грефе и Вулле. Гитлер сухо ответил, что он согласен на слияние, но в таком случае в новой партии первую скрипку должен играть национал-социализм как в смысле программы, так и в подборе вождя. На такую уступку Грефе не пошел бы, даже если бы Гитлер находился на свободе, а тем более когда он сидел в тюрьме.

Гитлера больше не слушались. Он был против того, чтобы партия приняла участие в парламентских выборах, но все остальные были за это. При составлении списка кандидатов Гитлер был попросту обманут; из его ближайших друзей почти никто не попал в список. Снова всплыли на поверхность «фелькише»—«странствующие схоласты», отставные министры и советники, библиотекари и судьи, референдарии и учителя; все они на основании своих великих заслуг перед немецким народом требовали для себя мандатов и все они получили их. Среди «людей с именем», которые 7 января 1924 г. образовали в Бамберге «Национальный блок в Баварии», намереваясь нажить капитал на славе Гитлера и пройти в ландтаг, не было почти ни одного национал-социалиста. Это были бывшие либеральные интеллигенты, которые, собственно говоря, составляют и поныне ядро партии. В настоящее время они отказались от своей буржуазной спеси по отношению к маляру Гитлеру. В качестве рабочего «для вывески» привлечен был Дрекслер, устраненный Гитлером почетный преседатель партии. С большим трудом Гитлер в последний момент добился того, чтобы прошел в ландтаг хотя бы Штрейхер.

Результат выборов был блестящий: из ста двадцати девяти мандатов в баварский ландтаг завоеваны были двадцать четыре; че-

рез четыре недели, 4 мая, завоеваны были тридцать два мандата в рейхстаг. В сравнении с апрельскими выборами в ландтаг получено было значительно меньше голосов, но этого почти никто не заметил.

Этот поток мандатов обрушился на узника в Ландсбергской крепости, словно ушат холодной воды. Гитлер оказался явно неправым в своем отрицательном отношении к парламенту; ведь успехи на выборах являлись блестящей пропагандой. Гитлер разнервничался, стал избегать людей, у него появились припадки беспричинного страха. Посетители находили, что ему трудно принимать определенные решения, что у него семь пятниц на одной неделе. Правда, это было его постоянным свойством, но на свободе он умел лучше скрывать свои недостатки. Упадку влияния Гитлера способствовала также личность его уполномоченного Розенберга, который не обладал авторитетом и оттолкнул всех своим неуживчивым характером. Поэтому на смену Розенбергу пришлось взять Пенера. Надо сказать, что последний был единственным видным националистом, восставшим против Людендорфа. Пенер ненавидел Людендорфа после его «поворота» на процессе. К несчастью для Гитлера Пенер представлял определенное течение, но не имел задатков вождя. Товарищи обвиняли его в бездеятельности, и руководитель националистического блока писал по этому поводу гневные письма Людендорфу и Грефе.

После того как националистам удалось провести тридцать два депутата в рейхстаг, Грефе стал настаивать на объединении движения «фелькише» во всей Германии. Ему удалось обработать в этом смысле Розенберга, и он провозгласил это объединение, прежде чем Гитлер дал на него согласие. На другой день они вместе с Федером поехали в Ландсберг; там они развили перед Гитлером план объединенного движения под отдельным руководством для Северной и для Южной Германии, но они скрыли от Гитлера, что под влиянием Людендорфа фракция рейхстага уже вынесла постановление об объединении. Гитлер, как всегда недоверчивый, ни на что не соглашался. Но когда он на следующий день прочитал в газетах, что якобы по его требованию «фелькише» должны образовать единую организацию во всей Германии, он вспылал гневом и обрушился на людей, пользующихся своей свободой, чтобы обманывать и устранить его от дел. Он обратился в националистические газеты с письмом, в котором объявлял, что слагает с себя руководство национал-социалистическим движением и будет во время своего заключения воздерживаться от всякой политической деятельности. Он заявлял, что берет обратно все выданные им полномочия и просит не ссылаться больше на него. Кроме того он выражал желание, чтобы его бывшие приверженцы перестали посещать его. Он не может брать на себя политической ответственности.

Это означало объявление войны Людендорфу. У последнего лопнуло терпение: на карту поставлено было все его политическое влияние.

До сих пор генерал был самым крупным козырем движения «фелькише»; уже один ореол, создавшийся вокруг его имени, вызывал энтузиазм. Организатор мировой войны не вмешивался в органи-

зационное строительство патриотических союзов; человек, повелевавший половиной Европы, предоставил это генералам второго ранга, подполковникам и государственным советникам. Он до сих пор давал волю также Гитлеру, хотя мог бы приказывать ему в силу своего авторитета. Но при создавшемся теперь положении какая бы то ни была снисходительность была недопустима.

ЛЮДЕНДОРФ БЕРЕТ РУКОВОДСТВО В СВОИ РУКИ

В тот самый момент, когда Гитлер отстранился от движения, Людендорф дает движению свое прогремевшее на весь мир имя. На пользу национальному движению пошел теперь тот культ личности, который со времени войны воцарился у немцев как нечто в своем роде совершенно новое. У немецкого народа и прежде были свои герои, причем не только разукрашенные легендой. Но официальная гогенцоллернская легенда сделала из них лишь придатки, барельефы к памятникам королей. Даже из Бисмарка она сделала приторного кирасира, который дома расхаживает в халате и курит трубку. Герои, которых знал до сих пор немецкий народ, все были паиньками. Только у Людендорфа бушевал ад в душе. Такого человека у немцев уже давно не было. Слава этого человека, отстранившего кайзера и увлекшего в водоворот бравого Гинденбурга, имела в себе нечто мятежное; в его лице националистическая молодежь обожала не степенного представителя прусской традиции,—для этого у Людендорфа было мало данных; нет, немцы с высшим образованием любили Людендорфа потому, что он был гениален в своей специальности; потому, что в свою область он не позволил вмешиваться даже кайзеру,—это был самый гордый и непреклонный военный специалист в немецкой истории. Лишь для него одного немецкая любовь к порядку допустила всеми приветствуемое исключение. Когда же он впоследствии разочаровал немцев, на смену ему уже готов был притти Гитлер, выходец из народа, человек без специальности; ему предстояло теперь утолить неудовлетворенную жажду необычайного.

В силу «собственного права» Людендорф взял на себя руководство вновь основанной национал-социалистической партией свободы. Вместе с Грефе он образовал имперское руководство партии; в качестве представителя национал-социалистов он привлек аптекаря Грегора Штрассера из Ландсхута в Нижней Баварии.

ШТРАССЕР ВСПЛЫВАЕТ НА ПОВЕРХНОСТЬ

Грегор Штрассер является в настоящее время пожалуй самой известной личностью в национал-социалистическом лагере. По внешности—это исполин-гвардеец с зычным голосом и медвежьей силой; в сравнении с ним Гитлер—лишь комок нервов. В 1921 г. он узнал Гитлера как оратора; вначале между ним и партийным вождем было мало точек соприкосновения в области политики, последние сводились чуть ли не к слову «национал-социализм». Возможно, что Штрас-

сер и не замечал этого. От других партийных лидеров он отличался своей трудоспособностью и властолюбием; его чутье развито слабей. Перед многими из своих коллег он имел то преимущество, что в его карьере, а следовательно и в характере не было того «надлома», который был несчастьем многих его партийных товарищей, включая Гитлера. Штрассер почти не знает колебаний, поэтому он больше годится в управляющие делами, чем в творцы. Как политик он один из самых ярких представителей того послевоенного типа, который взрастило национал-социалистическое движение: это — обыватель, возмущающийся тем, что в рейхстаг попадают только старые авторитеты; это—неизвестный немец, пришедший из окопов и стремящийся теперь прибрать дела к рукам. Надо сказать, что ему это удается, тогда как например вожди «Стального шлема» не пошли в этом отношении дальше благих намерений.

В национал-социалистической партии Штрассер был в последнее время лидером в Нижней Баварии и руководителем тамошних штурмовых отрядов. Он не принадлежал к узкому кругу Гитлера и не имел влияния на партийное руководство: в день путча он защищал безнадежную позицию на мюнхенском берегу р. Изар и находился под началом других командиров, которые оставили его на произвол судьбы. На выборах 1924 г. он прошел в рейхстаг и ландтаг и таким образом впервые выдвинулся.

Из числа самых невзрачных сподвижников Гитлера двое стали на его защиту. Это были Эссер и Штрейхер. На удар Людендорфа они ответили мощным контрударом. Эссер, трусливо бежавший после путча в Зальцбург и потом вернувшийся, метал на собраниях «фелькише» громы и молнии против «кавалеров и докторов». В парламенте, ораторствовал он, слишком много людей с высшим образованием; кто не подчиняется безусловно Гитлеру, пусть отправляется туда, откуда пришел. При этом он угрожающе потрясал своей тростью. Штрейхер тщетно пытался утихомирить его; Эссер не унимался, он требовал, чтобы депутаты «фелькише» только тем и занимались, что хлопали бы крышками своих пюпитров и свистели бы во всю мочь. А между тем «фелькише» заявляли в ландтаге, что желают вести деловую работу!

Эссер нашел союзников в лице Штрейхера и несколько позднее в лице писателя д-ра Артура Динтера, примкнувшего к националистам в Тюрингии. В начале июля Эссер нанес главный удар: он завоевал основанное Розенбергом Великогерманское народное сотрудничество и был выбран главой его. Розенберг принадлежал к числу немногих, оставшихся верными Гитлеру, но с Эссером он был на ножах и дал ему публично такую характеристику, что дружба с Эссером должна была бросать тень и на Гитлера, сильно компрометируя его. Эссер провозгласил своим принципом: «Пусть суд выносит нам приговоры за оскорбление, мы к этому совершенно равнодушны, даже если бы мы случайно задели невиновного. Плох тот полководец, который после отбитой атаки бросает оружие». Розенберг и Штрассер, как они ни недолюбливали друг друга, с одинаковым возмущением относились к таким «полководцам».

НОВАЯ ЧАСТНАЯ АРМИЯ РЕМА

Тем временем Людендорф завершил свое дело. 16 и 17 августа в Веймаре состоялась большая конференция лидеров «национал-социалистической партии свободы». Напрасно Гитлер телеграфировал Штрассеру и требовал, чтобы он порвал с «фелькише»; напрасно Розенберг, Эссер и Штрайхер приставали к нему. Он оставался в лагере Людендорфа в роли лидера имперского масштаба. Возможно, что на сторону генерала толкнуло его также то наплевательское отношение, которое национал-социалисты открыто проявляли по адресу Людендорфа. На особо созванной конференции старой национал-социалистической партии они вели себя так, что рассерженный Людендорф в виде протеста оставил зал.

Впрочем генерал сам давал поводы к нападкам. За что бы он ни брался, все не удавалось ему и причиняло неприятности. Ко многим его старым ошибкам прибавилась теперь новая, а именно военная организация, которую он намеревался создать с помощью Рема, так называемый «Фронтбанн».

Рем имел полномочия от Гитлера и Геринга продолжать организацию штурмовых отрядов. Но когда он сообщил Гитлеру в крепости план Людендорфа, Гитлер встревожился; он опасался, что посредством «Фронтбанна» у него будет окончательно отнято руководство движением. Кроме того новая организация могла дать предлог прокуратуре задержать его освобождение. С другой стороны, однако он не желал оставаться совершенно в стороне от того или иного нового политического начинания. Поэтому он не сказал ни да, ни нет. Рем, задумав какое-нибудь военное предприятие, редко позволял урезонить себя политическими соображениями: он-то во всяком случае ретиво принялся за работу. После ухода из рейхсвера капитан Рем остался без настоящего дела; теперь он с величайшим педантизмом стал сочинять для новой организации подробный устав и одновременно собирал из старых военных союзов новое войско, которое могло бы соперничать со «Стальным шлемом».

К сожалению он был мало знаком с уголовным уложением. Он сочинил формулу, по которой новое войско должно было принести присягу генералу Людендорфу и назначенным им начальникам в верности и повиновении «до гробовой доски».

Это была зацепка для прокуратуры. Гитлер и его товарищи по заключению были заподозрены в соучастии и не были выпущены из крепости 1 октября, как они на то надеялись. Гитлер, Рем и Людендорф осыпали друг друга резкими упреками. Размолвка еще обострилась, когда Грефе и Штрассер тоже вздумали вмешаться в руководство «Фронтбанном». Рем энергично выступил против этого и со своей стороны потребовал для себя более видной роли во фракции рейхстага, к которой он принадлежал в качестве депутата. Когда после недолгого существования рейхстаг 1924 г. был распущен и предстояли новые выборы, Рем, ударив кулаком по столу, потребовал, чтобы его и Геринга поставили на такое место в кандидатском списке, которое действительно обеспечивало бы их избрание. Тогда произошел раз-

рыв. Геринг, живший в то время в Италии, был совсем устранен, а самого Рема включили в список одним из последних, и он на выборах провалился. С тех пор Штрассер и Рем—непримиримые враги.

В результате следствия, открытого по вопросу о «Фронтбанне», Гитлер просидел в крепости еще почти три месяца.

ПОРАЖЕНИЕ И РАЗВАЛ

На выборах в рейхстаг 7 декабря 1924 г.[85] оказалось, что более половины избирателей «фелькише» покинуло партию. Успокоению умов отчасти способствовала стабилизация, отчасти их оттолкнула склока между вождями. На этот раз в рейхстаг вернулось только четырнадцать «фелькише».

Гитлер мог быть благодарен судьбе, что это поражение имело место тогда, когда он сидел в крепости. Для него лично поражение на выборах было моральным удовлетворением за обиду, которую нанесли ему, приняв участие в апрельских и майских выборах. Он переменил теперь свой тон в разговорах с посетителями (между прочим он уже давно снова принимал их, несмотря на то, что в свое время отказался от приемов). В сентябре он еще заявлял, что готов на худой конец примириться с участием партии в выборах. Но теперь он снова возмущался парламентским болотом. И в партии пошли разговоры, что дело не дошло бы до катастрофы, если бы Гитлер был на свободе и сам стоял во главе движения.

В действительности и Гитлер не мог тогда спасти движение от поражения; причины последнего коренились слишком глубоко. Валюта была стабилизирована; с принятием плана Дауэса,[86] к чему приложила руку также парламентская фракция немецкой национальной партии, наступило успокоение в области внешней политики; соглашение с Францией казалось делом близкого будущего, народное хозяйство Германии находилось на подъеме. Ставки процентов по внешним займам упали с того фантастического уровня, на котором они находились до стабилизации; они еще были ненормально высоки, но именно благодаря этому в страну в изобилии притекали иностранные капиталы. Последние были использованы для реконструкции германского народного хозяйства, известной отчасти под именем рационализации. Эта реконструкция вначале давала занятие почти всем рабочим,—безработных не оставалось.

Поскольку национал-социалистическая волна 1923 г. была результатом развала хозяйства—а в значительной мере это было именно так,—она начинает спадать. Многие ожидали новой политической волны в результате массового недовольства людей, потерявших свое состояние вследствие инфляции и требовавших ревалоризации ценных бумаг. Думали, что на гребне этой волны национал-социализм сможет еще раз подняться и усилиться. Однако здесь еще раз подтвердилось правило, что в политике нельзя просто повторять лозунги прошлого. Инфляция была делом прошлого, и нация рада была забыть это проклятое время; через трупы и жертвы она стремилась скорей перейти к очередным делам.

Среди этих «очередных дел» не было теперь места для национал-социализма. Гитлер и Людендорф—эти имена означали пулеметы, путч и диктатуру. 9 ноября 1923 г. все это еще имело большие шансы на успех. Но теперь времена были не те: с помощью нормальных методов создано было снова более или менее сносное положение, и за пределами тесного круга «фелькише» избирателям казалось, что имя Гитлера никогда больше не всплывет в политической жизни страны.

Чем равнодушнее становилась общественность к национал-социализму, тем ожесточеннее разгоралась склока внутри движения. «Кавалеры» поняли, что необходимо предпринять какие-либо шаги для освобождения Гитлера не только за кулисами, но и перед лицом всей страны. Штрассер сделал это на свой лад, со скандалом. Когда ландтаг обсуждал предложение об освобождении Гитлера, Штрассер поднялся со своего места и крикнул министру-президенту Гельду: «Это—подлинная классовая юстиция, это—позор для Баварии; Баварией управляет банда свиней, подлая собачья свора управляет Баварией...» Голос его прервался от волнения, а оратор «фелькише» Буттман, человек с высшим образованием и с хорошими манерами, побледнел; министр-президент оставил зал заседаний. Штрассер был немедленно удален и больше никогда не появлялся в ландтаге. Он посвятил себя отныне только рейхстагу; как он выражался, он взял «билет на более далекое расстояние»[87].

К моменту освобождения Гитлера блок «фелькише» неудержимо распадался. Многие депутаты отходили к родственным партиям, большей частью к немецкой национальной партии. Среди них был и Пенер, опора и путеводная звезда Гитлера. Он ушел на том основании, что «фелькише», дескать, слишком гнут в сторону единой империи. В конце концов ему нужно было привести какую-нибудь мотивировку; на самом деле он был разочарован. Главным образом разочаровался он в Людендорфе.

ОТ ЛЮДЕНДОРФА К ГЕЛЬДУ

Наконец Гитлер вышел из Ландсбергской крепости; теперь он свободен, но—и только. У него в стране всего несколько тысяч друзей и много завистников, а прочее население к нему равнодушно, оно не обнаруживает к нему даже любопытства. Год назад Бавария была ареной большого национального движения, теперь участники его просто стыдятся этого прошлого, а для посторонних оно стало предметом насмешек.

17 декабря, после прекращения дела о «Фронтбанне», последовало распоряжение прокурора об освобождении Гитлера. Государство обращалось с Гитлером не лучше и не хуже, чем с любым из «ноябрьских преступников». Правда, их камеры были не так комфортабельны, как у Гитлера, но одновременно с ним была выпущена на свободу и часть деятелей советской республики в Мюнхене, в том числе Эрих Мюзам[88] и Феликс Фехенбах, жертва судебной ошибки.

В мюнхенской квартире Гитлера собрались встретить его Эссер и Штрейхер. Гитлер просил их все же не ликвидировать Великогер-

манского народного сотрудничества: нельзя знать, к чему оно еще может пригодиться.

Затем он отправился к соратнику, ближе всего стоявшему к нему; это был Пенер. Ныне он—ренегат, член партии, стоящий на платформе пакта Дауэса. Вот кто указывал теперь Гитлеру политическую линию на будущее. Друзья уже шептались в ужасе, что основатель национал-социализма перейдет в немецкую национальную партию.

Нет, этого он не собирался делать. Но Гитлер и Пенер представляли теперь в некотором смысле одно направление в двух партиях. Прежде всего, они пришли к соглашению относительно разрыва с Людендорфом.

За последние месяцы генерал сделал все возможное, чтобы стать крайне непопулярным в католической Южной Германии. Он приветствовал восторженным письмом съезд евангелического союза и призывал протестантизм к борьбе против Рима. С принцем Рупрехтом он затеял совершенно ненужный конфликт перед офицерским судом; он без всяких оснований упрекнул принца в том, что тот несет вину за подавление путча 9 ноября. Офицерский корпус старой баварской армии раскололся по этому поводу на два лагеря. Гинденбург пытался уладить дело, но безуспешно. В конце концов двадцать семь генералов старой баварской армии, выступая за своего принца, отказались иметь что-либо общее с генерал-квартирмейстером. Замечательно, что в их числе не было Эппа.

Эти крупные бестактности лишь укрепили убеждение Гитлера в том, что генерал никуда не годится как политик; а ряд мелочей должен был вызвать его раздражение. Людендорф не побрезгал тем, чтобы отвратить от Гитлера его телохранителя, мясника Ульриха Графа. Этот Граф хвастал, что, «как собака, верен Гитлеру», поэтому у старых национал-социалистов он считался фигурой, и Эссер включил его в свой кандидатский список для городских выборов, чтобы сделать этот список более популярным. Гитлер втихомолку поддерживал этот список. Это вызвало неудовольствие генерала; он вызвал к себе на квартиру Графа и приказал ему порвать с Эссером. Бедный мясник не хотел расставаться со старыми товарищами. Тогда Людендорф со всей резкостью объявил ему, что будет считать его непослушание направленным лично против него. Граф вздыхая ответил, что он—солдат и поэтому у него нет другого выбора, он должен подчиниться Людендорфу, и согласился снять свое имя с кандидатского списка Эссера. Со стороны Людендорфа это было возмутительным злоупотреблением солдатскими чувствами и послушанием бесхитростного человека, к тому же человека, связанного с Гитлером особыми узами.

Из общей обиды у Гитлера и Пенера родилась общая ненависть. Между Гитлером и Людендорфом произошел крупный разговор. Гитлер объявил генералу, что отныне им в политике не по пути. Впрочем он не сказал ему, что намерен в такой же мере пойти навстречу римской церкви, в какой генерал отошел от нее.

Через несколько дней после своего освобождения Гитлер посетил министра-президента Гельда. Бывший лидер баварской народной партии Гельд, став во главе правительства, подвергался самым

ожесточенным нападкам со стороны «фелькише». Поэтому визит Гитлера явился сенсацией. Гитлер пытался ослабить впечатление, заявив, что цель его посещения—только просить за товарищей, оставшихся еще в крепости. Кроме того он просил также за Пенера. Но дело было не в этом. Он предложил министру-президенту «примирение с Римом», как это назвали его критики из лагеря «фелькише».

Гитлер начал с заверений в своей лойяльности и легальности своих намерений; путч 9 ноября был ошибкой, он сам это понял. Гитлер дал понять, что не откажется от политического сотрудничества, было даже произнесено слово консолидация. Министр-президент ответил на это вопросом: как собственно представляет себе такое сотрудничество Гитлер, раз «борьба против Рима» является одним из главных моментов в политике «фелькише»? Это—частное дело Людендорфа, поспешил возразить Гитлер; он, Гитлер, никогда не вел борьбы против Рима и никогда не будет ее вести. С генералом он после путча в холодных отношениях. Он не ведет борьбы против какой-либо буржуазной партии и не будет ее вести также и впредь; борьба его направлена только против марксизма. Если и баварский министр-президент борется с марксизмом, то он, Гитлер, предлагает себя в его распоряжение.

Что намерения его были совершенно серьезны, Гитлер доказал несколько дней спустя: вооруженный нагайкой из крокодиловой кожи, он явился в помещение фракции блока «фелькише» в ландтаге и стал упрекать ее за то, что она не вошла в состав баварского правительства. Необходимо либо участвовать в правительстве, либо стать к нему в самую резкую оппозицию; здесь не может быть середины.

Значит правильны были слухи, которые временами шли из Ландсбергской крепости. Гитлер не одобрял борьбы против баварской народной партии, не одобрял также борьбы против немецкой национальной партии—он хотел мира в лагере буржуазии.

Еще недавно «арестант» и «государственный изменник», Гитлер вдруг стал опорой государственной власти, впервые ориентирующейся теперь в Баварии на трехцветное знамя германской республики. К этой цели стремился и Пенер, старавшийся собрать для этого группу испытанных политиков, так называемую группу Пенера. Гитлер включился в нее, запретил своим сторонникам борьбу против национальной правой, против «Рима» и против баварского правительства. Если считать главными закулисными деятелями в этой партийной дипломатии принца Рупрехта и генерала Людендорфа, то принц в тот момент имел явное преимущество. Вступив в группу Пенера, Гитлер продолжал политику, которую он проводил и в ночь на 9 ноября,—политику объединения националистической и монархической реставрации, политику «мести за почившего в бозе родителя».

Министр-президент Гельд лишь частично принял предложения Гитлера. Запрет национал-социалистической партии был отменен, но легальному вождю партии Гельд холодно заявил, что будет защищать авторитет государства против кого бы то ни было и ни в коем случае не потерпит такого положения, какое имело место до 9 ноября 1923 г. Пенер не избежал заключения в крепости; 5 января

1925 г. он отправился отбывать свое наказание в Ландсбергскую крепость.

Критики «фелькише», порицавшие сближение Гитлера с баварским правительством, доказали этим, что они никогда не понимали основной линии гитлеровской политики. Революционер, радикальничающий перед публикой на митингах, в то же время всегда искал прикрытия у фактической государственной власти. До ноября 1923 г. это был рейхсвер. С окончанием рурской войны, со вступлением немецкой национальной партии в имперское правительство и принятием плана Дауэса армия снова отступила за кулисы и предоставила управление государством гражданской власти. Со стабилизацией иссякли также денежные источники, из которых субсидировались бесчисленные частные солдатские банды, именовавшиеся «дружинами обороны». Наступила буржуазная эра в политике.

В это время—примерно в конце декабря 1924 г.—Гитлер заявил делегации товарищей по партии из Ингольштадта, что движение должно держаться в стороне от Берлина, этого неисправимого Вавилона. Оно должно также уйти из парламента, должно избавиться от охотников за теплыми местечками и даровыми железнодорожными билетами. Он, видите ли, попрежнему враг парламентаризма, и его борьба все еще направлена против этих бесплодных говорилен.

Итак он хотел повернуть назад на путь баварского народного движения под эгидой правого, благожелательного правительства. Ближайшим этапом должно было быть участие в этом правительстве, а в конце концов Бавария должна была стать центром национал-социалистической мощи. Для него все еще оставалась в силе старая программа, согласно которой до истечения пятилетнего срока нельзя было думать о распространении партии также в Северной Германии. Он хотел оставаться врагом парламентаризма, но вместе с тем действовать мирными средствами. Всегда пользоваться милостями власть имущих—вот лейтмотив его «легальности».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НОВАЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Тем временем Грефе продолжал строить свою новую народную партию. В конце января в Берлине состоялась «прусская конференция» деятелей «национал-социалистической партии свободы». После разрыва с Людендорфом Гитлер не мог уже ожидать от северогерманских деятелей снисходительного отношения. Грефе и Вулле обвинили его в том, что он вознамерился быть уже не барабанщиком, а папой. Со времени его визита у Гельда они видели в нем агента клерикализма, и граф Ревентлов напечатал в своей «Рейхсварт» ядовитую статью о «примирении Гитлера с Римом». Одновременно Людендорф объявил, что если Гитлер снова станет лидером, то он, Людендорф, немедленно сложит с себя руководство движением в имперском масштабе и не примет впредь никакого политического поста. Действительно, 13 февраля имперское руководство Людендорф—Грефе—Штрассер объявило о своем уходе, а 17 февраля Грефе выступил со своей новой партией, которую он назвал немецкой народной партией свободы; новую партию возглавляли наряду с ним Вулле, Ревентлов и Фритч.

До сих пор различные направления «фелькише» после выхода Гитлера из крепости хранили между собой видимость мира. Но теперь Гитлер спустил свою свору. Эссер приветствовал Грефе и Ревентлова как «политических козачков, как «фелькише», страдающих манией величия, взбеленившихся поклонников Вотана, как компанию иллюминатов с севера», назвал их кучкой восточнопрусских снобов и идиотов.

Когда Эссер говорил о «Восточной Пруссии», он на словах имел в виду Грефе, Вулле и Ревентлова. Но на деле под этим понимался и Людендорф.

Между тем баварское правительство отменило запрещение старой национал-социалистической партии, и Гитлер немедленно сделал то, что являлось само собой разумеющимся,—он снова основал свою старую партию. Это была старая партия, но вместе с тем новая: программа и вождь были те же, но устав партии был изменен, причем так, что отныне стали невозможны подвохи против вождя со стороны какого-либо секретаря или рядового члена партийного руководства.

27 февраля Гитлер впервые после своего освобождения выступил перед тысячами людей в пивной Бюргерброй. Он хвастал, что у него все еще около четырех тысяч приверженцев, и вел скрытую полемику против Людендорфа. Нельзя-де одновременно ставить себе двадцать целей. Существуют только два врага: это еврейство персонально и марксизм по существу. Тем не менее, называя одного врага, можно одновременно иметь в виду также другого.

Он тщательно обдумал свою речь и построил ее на ярких контрастах. «Когда перед вами что-либо красивое—это признак арийского характера; когда перед вами что-либо плохое—это дело рук еврея. Мы можем разбить навязанный нам мирный договор, можем аннулировать репарации, но Германии грозит гибель от еврейской заразы. Взгляните, прошу вас, на берлинскую Фридрихштрассе, где каждый еврей ведет под руку немецкую девушку. Я не ищу благосклонности толпы. Вы будете судить о моих словах через год. Если я поступал правильно, дело в порядке; если нет, я сложу с себя свое звание, и вы можете распоряжаться им. Но до тех пор остается в силе наш уговор: я руковожу движением, и никто не ставит мне условий, пока я лично несу ответственность. А я снова полностью несу ее за все, что происходит в нашем движении. В нашей борьбе имеются только две возможности: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его трупам. И я желаю, чтобы моим саваном стало знамя свастики, если мне придется погибнуть в борьбе».

Речь произвела громадное впечатление. Гитлер, разжиревший в заключении, произнес ее с лицом, налившимся кровью от гнева. На трибуну вдруг вышли старые враги: Эссер, Штрейхер и Динтер—с одной стороны, Фрик, Буттман и Федер—с другой, и подали друг другу руки в знак примирения. Это была блестящая инсценировка, мастерская, как и речь Гитлера. Пора положить конец всем раздорам вождей, заявил Гитлер, а Буттман сказал, что у него исчезли все сомнения после слов вождя. Штрейхер восторженно бормотал: сам бог вернул нам Гитлера; жертвы, которые мы приносим Гитлеру, мы приносим народу.

Но кой-кого недоставало в этой сцене примирения, например Дрекслера. Накануне Гитлер по телефону просил его председательствовать на собрании. Но старый почетный председатель партии поставил свои условия и в первую очередь требовал удаления Эссера. Взбешенный Гитлер послал его к чорту и повесил трубку. Штрассера тоже не было; он еще не решил, должен ли он подчиниться Гитлеру, с которым его лично ничто не связывало и с которым по существу у него было мало общего.

НЕЧТО О МОРАЛИ

Важнейшей задачей, встававшей перед Гитлером на долгие годы, было создание руководящей верхушки партии. Вероятно от решения этой задачи будет в ближайшем будущем зависеть судьба национал-социалистической партии. Основывая свою новую партию, Гитлер выставил свои принципы относительно отбора вождей; бросается в гла-

за разница между гнилым оппортунизмом этих принципов и тем строгим критерием, который Гитлер обычно применяет к противнику. Эти директивы имеют такое важное значение для характеристики партии, что мы приводим их здесь дословно в том виде, как они были обнародованы Гитлером 20 февраля 1925 г. в «Фелькишер беобахтер»:

«Я не считаю задачей политического вождя предпринимать попытки улучшения человеческого материала, а тем более добиваться его объединения по одному трафарету. Темпераменты, характеры и способности отдельных людей настолько различны, что нет возможности сколотить сколько-нибудь значительную массу совершенно одинаковых, подстриженных под одну гребенку людей. В задачу политического вождя не входит также выравнивать эти недостатки путем «воспитания» воли к единству. Каждая попытка в этом направлении заранее осуждена на неуспех. Натура человека—конкретный факт, который не поддается изменению в каждом отдельном случае; здесь необходим процесс развития, продолжающийся столетия. А в общем даже в этом последнем случае предпосылкой являются изменения основных элементов расы.

«Итак, если бы политический вождь пошел по этому пути, ему пришлось бы для достижения своих целей рассчитывать на целую вечность, а не на годы или даже не на столетия.

«Задача его следовательно может заключаться только в том, чтобы в результате долгих поисков находить в различных людях те стороны, которые дополняют друг друга и, будучи сложены вместе, образуют одно целое.

«Пусть руководитель не обольщает себя надеждой, что ему удастся дать движению «универсальных» людей. Нет, он будет иметь дело с людьми самого различного склада, которые только в своей совокупности (приспособляясь друг к другу в деталях) могут дать гармоническое целое.

«Если он уклонится от этой истины и вместо этого будет искать людей, отвечающих его идеалу, то в результате не только потерпят крушение его планы, но и организация через короткое время превратится в хаос. И напрасно он будет винить в этом отдельных членов партии или своих помощников, это будет исключительно следствием его собственного непонимания и неспособности».

Все эти рассуждения заканчиваются словами: «Поэтому я буду считать своей задачей указывать людям с различными темпераментами, способностями и характерами такую роль в движении, в которой они могли бы, взаимно дополняя друг друга, проявить себя на общую пользу».

Гитлер высказывается здесь за отбор вождей по принципу: «цель оправдывает личность». Внешним поводом к этому признанию послужили те обвинения личного характера, которые взводили друг на друга диадохи[89] во время его заключения в крепости, в особенности же обвинения против Эссера и Штрейхера. И что же? До сих пор Гитлер оказывался прав, ибо имел успех и массы не находили ничего плохого в личностях национал-социалистических вождей. Конечно среди ответственных работников партии имеются

и честные люди, но партия принципиально не исключает также противоположных характеров. Каким образом Гитлер при таких принципах может называть свою партию партией приличных людей, не вполне понятно. Что касается разных темных, весьма темных афер, то национал-социалистическая партия вплоть до самой верхушки чрезвычайно изобилует ими.

Наличие подобных элементов в главном штабе партии—одно из величайших несчастий национал-социалистической партии, и вероятно рано или поздно партия сломает себе на этом шею. Быть может равнодушие Гитлера к характеру своих помощников объясняется превосходством его личности, всецело устремленной к своей цели и незапятнанной? К сожалению вопрос об отборе вождей не единственный пример неразборчивости Гитлера. Не надо забывать, что национал-социалистическое движение родилось в кругу людей, для которых было священным делом убийство из-за угла по приговору тайного судилища. Это была организованная Ремом вооруженная подпольная организация. Эта организация совершила в Баварии целый ряд тайных убийств, обстоятельства которых до сих пор не выяснены; Рем прятал концы в воду, простирал свою длань над убийцами и защищал их с помощью своих связей и своего влияния. Через всю политическую карьеру Гитлера красной нитью проходит его подчеркнутая солидарность с этими кровавыми делами, начиная с признания своей солидарности с убийцами Ратенау, с назначением Шульца и Гейнеса[90] на ответственные посты в партии и кончая телеграммой убийцам в Потемпе[91]. Не думайте, что здесь Гитлер приносит свою совесть в жертву делу; этот неврастеник не раз заявлял, что жизнь человеческая ему нипочем. Преданность идеалу могла бы извинить нарушения морали, но не может оправдать ту легкость, с которой совершались эти убийства.

Эти люди, ни во что не ставящие закон и мораль, видели к тому же в своих действиях «моральную революцию».

Пожалуй откровеннее всего высказал это Рем:

«Нет более гнусной лжи, чем так называемая общественная мораль. Я наперед констатирую, что не принадлежу к так называемым добросовестным людям, я не гонюсь и за тем, чтобы быть причисленным к ним. А к «нравственным» людям я и подавно не желаю принадлежать, так как опыт показал мне, какого сорта в большинстве случаев их «мораль»... Когда так называемые государственные деятели, народные вожди и прочие распространяются насчет морали, это обычно показывает лишь, что им не приходит ничего лучшего в голову... Когда на этом поприще подвизаются «националистические» литераторы известного пошиба, в большинстве случаев не побывавшие на фронте и «пережившие» войну где-нибудь в тихой пристани, то этому конечно можно не удивляться... Но если само государство претендует на то, чтобы своими законами властвовать над инстинктами и влечениями человека и направлять их на другие пути, то это представляется мне неразумной и нецелесообразной установкой профанов... Призраки, призраки, всюду призраки!—говоря словами Ганса Сакса у Рихарда Вагнера».

Это требование полной свободы для диких инстинктов остается великим злом; дело не меняется от того, что это провозглашается через громкоговоритель так называемого мужественного пафоса. Ибо нельзя отказаться от старого принципа, что разрешается лишь то право, которое не нарушает права другого. Единственное, что можно сказать в пользу этого поколения разнузданных вождей, это то, что их породило безвременье; оно взвалило на их плечи трагическую вину, которая оказалась сильнее их. Возможно, что и они и эта вина предусмотрены в плане истории. Но народ и государство лишь тогда обретут снова свое нравственное содержание, когда это обреченное поколение уйдет с руководства.

ПРОВАЛ БАВАРСКОЙ ПОЛИТИКИ ГИТЛЕРА

Если Гитлер надеялся вести борьбу против Берлина под защитой баварского правительства, то ему скоро пришлось разочароваться в этих расчетах. Уже разговор с Гельдом не мог удовлетворить его. Затем оказалось, что ему просто не поверили, когда он заявлял, что единственный враг—это марксизм, ибо в пылу речи у Гитлера вырвались две роковые фразы. Во-первых, он сказал, что под одним врагом можно разуметь нескольких. Баварское правительство не могло не чувствовать себя затронутым этим. Во-вторых, полиции не понравились слова Гитлера о «трупах врага», по которым он намеревался пройти к своей цели.

Недолго думая, баварский министр внутренних дел запретил Гитлеру выступать с речами. Подобный же запрет вынесен был в Пруссии и большей части других германских государств. Что касается самой партии, то она снова разрешена была также в Северной Германии.

Это опрокинуло политические планы Гитлера. Надежда мобилизовать против берлинского Вавилона трехцветную Баварию окончилась крахом. Можно оставить открытым вопрос, понял ли это сразу сам Гитлер. Но некто другой понял, что теперь центр тяжести движения непременно должен быть перенесен на север,—этот другой был Грегор Штрассер.

Аптекарь из Ландсхута еще не заключил мира с Гитлером. Этому препятствовало многое: Штрассер не доверял ни личности вождя, ни его целям; еще подозрительнее были для него те лица, которых он видел вокруг Гитлера. Кроме того хотя Штрассер в гораздо большей степени коренной баварец, чем Гитлер, он в меньшей мере отличался баварским провинциализмом; в частности он был против того, чтобы руководство движением оставалось в Мюнхене.

Старт Гитлера 27 февраля показал Штрассеру, что Бавария потеряна для немецкой народной партии свободы. Оба ее баварских депутата в рейхстаге—Фрик и Федер—перешли к Гитлеру, хотя в душе остались при своих оговорках, как и депутат рейхстага «фелькише» Дитрих. Все трое не играли до сих пор никакой роли в лагере «фелькише» и попали в него чисто случайно. После гитлеровского путча блок «фелькише» в Баварии отправил всех своих членов с «име-

нем» в ландтаг; он очень торопился с этим; когда через четыре недели наступили выборы в рейхстаг, пришлось выставить кандидатами всех, кто только остался. Таким образом оказалось, что влиятельный Пенер был только депутатом ландтага, тогда как его старый чиновник Фрик, никогда в жизни и не помышлявший о политике, попал в рейхстаг. Фрик проявил себя в рейхстаге не как политик, а как чиновник, привыкший иметь дело с папками и быстро разбирающийся в печатных материалах комиссий рейхстага. Таким образом этот человек, не умевший самостоятельно сформулировать ни одной политической мысли, стал ценной вспомогательной силой в парламенте, и переход его к Гитлеру был приятным приобретением для последнего.

Неужели в таких условиях Штрассер должен был один из всех баварских депутатов повести борьбу против Гитлера? Он сделал еще одну последнюю попытку: запросил окружные союзы «фелькише» в Баварии, как поступить. Ответы показали ему, что сопротивление бесполезно; большинство высказалось за переход к национал-социалистической партии. На последней конференции баварского националистического блока 11 марта Штрассер произнес жалостливую речь: конечно Эссер и Штрейхер—сомнительные товарищи, и моральные доводы против них остаются в силе. Но оставляя в стороне вопрос о личностях, он должен сказать, что национал-социализму безусловно предстоит блестящее будущее, в этом он убедился во время своих поездок по Вестфалии и прочей Германии. «Если я живу для известной идеи, я пойду за тем, о ком знаю, что эту идею, которая для меня выше всего на свете, он будет проводить самым энергичным образом и с наибольшими шансами на успех. И хотя я вижу в его окружении людей, которых считаю вредными для идеи, я все же говорю—идея выше всего. Поэтому я предложил Гитлеру свое сотрудничество».

Здесь Штрассер оказался умнее Дрекслера, заявившего, что от него не могут требовать, чтобы он работал вместе с такими людьми, как Эссер или Штрейхер. Дрекслер вместе с несколькими товарищами, тоже не приемлющими моральной неразборчивости Гитлера, основали «Национально-социальный народный союз». Эта группа дала Гитлеру несколько сражений на митингах и проиграла их; на выборах 1928 г. она сошла с политической арены.

Переход Штрассера сдвинул центр тяжести в национал-социалистической партии. Почему? Это кажется смешным, однако это так: потому что в его лице пришел в партию владелец «железнодорожного билета на дальнее расстояние». Он мог бесплатно разъезжать повсюду в целях агитации, а человеку с энергией это давало тогда возможность сразу выдвинуться в национал-социалистической партии. Другие депутаты рейхстага не были народными ораторами. Штрассер принес партии не только железнодорожный билет, но также наличные деньги, полученные им от продажи своего склада аптекарских товаров в Ландсхуте. Это была небольшая сумма, но в то время партии пришлось снова научиться ценить каждую копейку. Штрассер в буквальном смысле слова купил себе место в партии; лучшего покупателя последняя тогда вряд ли нашла бы. Вскоре Штрассер проявил выдаю-

шиеся способности агитатора и неутомимое прилежание; в этом последнем пункте он намного превосходил Гитлера. Это оправдывало то сомнение, с которым Штрассер «ради идеи» предложил Гитлеру свое «сотрудничество», а не подчинился ему. Он избежал публичного братания и сцен примирения с людьми, которых считал недостойными, мог не заключать ложного примирения с Эссером или Штрейхером. В лице Штрассера в партии получило перевес парламентское направление. Гитлер уже не мог помышлять о том, чтобы увести свою партию из парламента.

В то время когда Штрассер стремился перенести центр тяжести партии из Баварии, Гитлер утратил друга, с которым он собирался создать национальную Баварию. 11 апреля Пенер попал под автомобиль и был раздавлен; это произошло через несколько дней после его выхода из крепости, где он отбывал трехмесячное заключение. Политические убийства следовали тогда одно за другим, и друзья Пенера серьезнейшим образом утверждали, что владелец автомобиля, сам управлявший им, умышленно повернул колесо, чтобы задавить Пенера и тем устранить националистического политического деятеля. Состоялся даже судебный процесс. Злой умысел в этом деле подозревал даже такой человек, как Рем.

РАЗРЫВ С РЕМОМ

Второй, не менее тяжелой потерей был для Гитлера его разрыв с Ремом. Со времени основания «Фронтбанна» Гитлер злился на своего друга. Рем упрямо цеплялся за свое творение и не соглашался превратить «Фронтбанн» в чисто партийную военную силу, как того желал Гитлер.

26 февраля вождь новой национал-социалистической партии взял большой чистый лист бумаги и «начертал» на нем схему аппарата партии со всеми его разветвлениями. Тут была и партия в тесном смысле, и издательство «Фелькишер беобахтер», и фонд национал-социалистической прессы... были наконец и тактические директивы. В них говорилось, что не так важно немедленно собрать большое число членов, как с самого начала обеспечить внутреннюю сплоченность движения и его организованность. Кто не согласен подчиниться руководству, выбранному нормальным путем, тому не место в партии. При создании крупных партийных организаций в качестве постоянной предпосылки должно существовать правило: сначала вождь, затем уже организация, а не наоборот. Организация должна быть не самоцелью, а средством; лучшей является не та организация, которая обладает самым большим аппаратом, а та, в которой связь между вождем и рядовыми членами партии осуществляется с наименьшим количеством передаточных инстанций.

Важным пунктом в этих директивах было восстановление штурмовых отрядов. О них было сказано следующее:

«Новые штурмовые отряды создаются на тех же основаниях, которые имели силу до февраля 1923 г.

«Организация их строится в соответствии с законом о союзах.

Вооруженные группы или союзы не принимаются в штурмовые отряды.

«Кто в нарушение распоряжений руководства носит оружие или пытается хранить его на складах, подлежит немедленному исключению из штурмовых союзов и из партии.

«Отряд, который в нарушение распоряжения руководства устраивает уличные шествия или принимает в них участие, подлежит немедленному роспуску. Руководители его подлежат исключению из штурмовых отрядов и из партии.

«Цель новых штурмовых отрядов та же, что и прежде до февраля 1923 г.:

«Физическая закалка нашей молодежи, воспитание в духе дисциплины и преданности общему великому идеалу, обучение службе «орднеров» (распорядителей) и разведочной службе».

Последний пункт недостаточно искренен. Та цель, которую преследовали штурмовые отряды до 1923 г. и которой они должны были служить и теперь, вовсе не была такой безобидной, как это изображал Гитлер на своем эзоповом языке. Вспомним, что старые штурмовые отряды должны были служить «тараном», «воспитывать неукротимую волю к действию» и давать возможность движению в любой момент «перейти в наступление». Поэтому старые отряды назывались официально «штурмовыми отрядами», теперь же это название должно было отпасть.

Для организации новых штурмовых отрядов в старом духе и с прежними заданиями Гитлер нашел человека, который гораздо больше понимал в этом толк, чем находившийся в эмиграции Геринг. Рем тоже соглашался взять на себя руководство штурмовыми отрядами, но только под условием, что они войдут в состав «Фронтбанна». На конференции главарей в Вольмирштедте, в замке графа Гельдорфа, перешедшего из «Стального шлема» в «Фронтбанн», начальники последнего сошлись на том, чтобы следовать за Гитлером как вождем и представителем национал-социалистического движения и за Людендорфом как своим патроном. Это решение служить двум господам в результате лишь обозлило обоих. Ни Людендорф, ни Гитлер не показались в Вольмирштедте; Гитлер даже спрятался от посланцев Рема, искавших его в Байрете.

Тем временем Штрассер со своей стороны сделал попытку снова свести Людендорфа и Гитлера.

Умер президент республики Эберт. Для первого тура выборов буржуазные правые партии сошлись, за неимением другого, более подходящего кандидата, на обербургомистре Дуисбурга Ярресе [92], совершенно неизвестной народу личности. Грефе призывал голосовать за Ярреса; таким образом «фелькише» оказались бы в одном лагере с буржуазной правой, с «партиями плана Дауэса». Грегор Штрассер выступил тогда с требованием, чтобы национал-социалисты противопоставили этому буржуазному сброду без действительного вождя личность, пользующуюся мировой славой, — Людендорфа. Гитлер согласился на это без особого восторга.

Людендорф согласился выставить свою кандидатуру и получил

на выборах около двухсот тысяч голосов. Это было менее того, что ожидали. Но зато в «Фелькишер беобахтер» появилось письмо Людендорфа в редакцию, в котором генерал писал, что он попрежнему видит в национал-социализме путь к подъему страны.

После поражения на выборах снова разгорелся спор между Гитлером и Ремом. Произошли трения между Гитлером и начальниками «Фронтбанна», не желавшими безоговорочно подчиниться бывшему ефрейтору. Рем после этого стал еще энергичнее настаивать на том, чтобы Гитлер принципиально не вмешивался в его руководство штурмовыми отрядами.

Рем был одним из лучших друзей Гитлера. В области политики это был друг безусловно надежный. «Тебе надо только заказать мне: в такой-то день в шесть часов утра будь со своей ротой у Триумфальных ворот—и я буду там непременно»,—так он сам описывает свое политическое отношение к Гитлеру. Но в своих взглядах на военные дела Рем значительно расходился с Гитлером и обычно проводил свою точку зрения, невзирая ни на что. Так он в свое время отнял у Гитлера руководство штурмовыми отрядами, сделав национал-социалистическую партию исключительно орудием рейхсвера; надо думать, что он не отдавал себе ясного отчета в том, насколько он этим самым совершал насилие над Гитлером. Ответственность за столь роковую для партии эволюцию ее в 1923 г. в значительной мере падает на Рема, который в своей записке сам характеризует свою тогдашнюю деятельность в следующих словах: «В продолжение четырех лет я по службе, исполняя приказы и поручения своих начальников, действовал против закона и распоряжений власти».

Теперь у него уже не было начальников по службе; от командования рейхсвера он уже не получал приказов нарушать закон. Но он считал, что должен и может продолжать в рамках «Фронтбанна» то, что он под различными названиями организовывал вплоть до 9 ноября 1923 г., в последний раз в «Боевом союзе». Он не заметил, что настали другие времена.

Но Гитлер заметил это. За спиной Рема уже не стоял мощный рейхсвер. Это был теперь просто человек без денежных источников и не имеющий влияния, только друг,—ничего больше. Гитлер воспользовался случаем, чтобы отделаться от слишком напористого друга. Последний внезапно с огорчением констатирует некрасивые черты характера Гитлера:

«Я знаю, что многие терпеть не могут людей, обращающихся к ним со словами предостережения и напоминания; я всегда занимаю противоположную позицию. С Гитлером меня связывала искренняя дружба. Я видел, как его обступали льстецы, как они ловили каждое желание его, не осмеливались перечить ему ни словом; именно поэтому я считал долгом как верный товарищ открыто говорить ему правду».

16 апреля Рем вручил Гитлеру записку, в которой требовал, чтобы была проведена четкая грань между национал-социалистической партией, с одной стороны, и «Фронтбанном» и штурмовыми отрядами—с другой. «Фронтбанн» станет на политическую платформу Гитлера, но наотрез отказывается впутываться в повседневные конф-

ликты, в споры о лицах и т. д. Партийная политика нетерпима в «Фронтбанне», а также в штурмовых отрядах. Рем хотел строго-настрого запретить последним всякое вмешательство в партийные дела, но вместе с тем запретить им также принимать указания от партийных вождей.

Гитлер не только не был согласен на эти предложения Рема, он был глубоко уязвлен ими. Он обвинял Рема, что тот поступает с ним не по-дружески. Ведь если сделать так, как требует Рем, то он, Гитлер, окажется в таком же недостойном положении, как в 1923 г., когда он был в политическом плену у рейхсвера. Вместо этого Гитлер требовал полного подчинения «Фронтбанна» партии.

Это было слишком. Рем прервал разговор и на другой день возвратил Гитлеру свой мандат на руководство штурмовыми отрядами. Гитлеру он сообщил, что выходит из всех политических союзов; руководство «Фронтбанном» он передал графу Гельдорфу. Организация распалась тогда на местные группы, которые впоследствии включены были в новые штурмовые отряды.

Для Рема это было не только крушением его дела, но и моральной катастрофой. Возможно, что личные переживания в тот момент сделали его особенно чувствительным; этот коренастый, дюжий человек был сентиментальным другом. Личный разрыв с Гитлером должен был явиться для него одним из самых тяжелых разочарований в его жизни. Он написал другу, что сердечно благодарен ему за пережитые вместе радостные и тяжелые времена, будет всегда помнить их и просит не лишать его своего дружеского расположения.

Он не получил никакого ответа. Официальное заявление об уходе тоже оставлено было Гитлером без ответа. Рем напечатал свое последнее заявление в близко стоящей к нему прессе. «Фелькишер беобахтер» перепечатал это заявление без комментариев. Гитлер продолжал молчать как публично, так и в личных отношениях. Ни слова благодарности. Ни одного дружеского слова по адресу человека, который в действительности был строителем национал-социалистической партии.

Вместе с Ремом ушел также Брюкнер[93], бывший руководитель мюнхенского полка штурмовых отрядов, а ныне личный адъютант Гитлера.

После этого разрыва партия в течение ряда лет оставалась без штурмовых отрядов. Дела Рема пошли плохо. «Мои пути приводили меня порой в такие ситуации, от которых морализирующий мещанин должен был бы содрогнуться и отшатнуться с краской стыда», — признавался он впоследствии.

ШТРАССЕР СТАНОВИТСЯ НЕУДОБНЫМ

1 мая 1925 г. Гитлер был еще более одинок, чем 17 декабря, в день своего выхода из крепости. Пенера не было в живых, попытка сближения с баварским правительством кончилась неудачей, штурмовые отряды были потеряны, половина партии в идейном и денежном отношении находилась в руках Штрассера. Таков был баланс

его новой партии. Деятельность надежных друзей, Эссера и Штрейхера, он должен был из-за Штрассера ограничить рамками Южной Германии; кроме того он сам в душе питал отвращение к таким соратникам.

В это время агитация велась почти одним только Штрассером. Бурными темпами он строит, можно сказать, совершенно новую партию на севере. Уже в конце марта он созывает в Гарбург на Эльбе своих людей из Северной Германии, разгоняет их страхи перед «римским курсом» Гитлера и успокаивает их недоверие к немцу из Южной Германии. «Принцип вождя» все же остается еще чуждым этим «мужам с севера»; во всяком случае они представляют себе роль вождя иначе, чем Гитлер. Но в конце концов ведь они непосредственно имеют дело только со Штрассером, они и будут за него держаться. Он сразу основывает не менее семи новых окружных организаций: в Шлезвиг-Голштинии, Гамбурге, Мекленбурге, Померании, Геттингене, Люнебурге и Ганновере. Национал-социалистическая география была впрочем несколько произвольной: где имелся хоть сколько-нибудь пригодный свой человек, там основывалось областное руководство.

Затем Штрассер направляется со своим «билетом» снова в Баден и ведет организационную работу в Гейдельберге и Фрейбурге. В Берлине тоже основывается областное руководство; во главе его стоит д-р Шланге, человек не очень подходящий для этой роли. Основывается на первый взгляд мощная сеть районных организаций и опорных пунктов в столице, но на деле—это избушка на курьих ножках; уже к концу года районные бюро втихомолку ликвидируются. Берлин остается покамест пустым местом для национал-социализма.

В то время как Штрассер создает себе на севере свою собственную мощную организацию, Гитлеру приходится бороться в Южной и Средней Германии за свои кадры. Национал-социализм уже снова резко выделяется своим особым оттенком из конгломерата «фелькише», но в организационном отношении нити все еще безнадежно спутаны. В баварском ландтаге из хваленой фракции в двадцать четыре депутата остаются верны Гитлеру только шесть во главе с Буттманом. В Тюрингии Динтеру приходится отсекать ненадежные организации. Подобным же образом обстоит дело и в Саксонии. В середине июня в Веймаре собралась конференция руководителей; она с грехом пополам «наводит порядок». Руководство в Тюрингии переходит фактически—без смещения Динтера—к управляющему делами Заукелю, несколько депутатов в ландтаге снова отходят от крыла «фелькише» к Динтеру, так что последний получает возможность образовать фракцию из трех человек. В Саксонии у Гитлера появляется новый приверженец, фабрикант Мартин Мучман в Плауене[94]. Это сатрап, который настаивает на самостоятельности у себя дома, но во внутрипартийной борьбе держит сторону Гитлера; что еще важнее, он дает деньги. Ему поручается руководство в Саксонии; старый, еще с 1922 г., руководитель Титтман должен ограничиться Восточной Саксонией.

Самой тяжелой и неудачной была борьба Гитлера за Вюртемберг. После Баварии партия впервые пустила здесь корни. Правда, здесь с самого начала признавали руководство Гитлера лишь с известными ограничениями. Население Вюртемберга принадлежит к различным вероисповеданиям, здесь подвизается воинствующий протестантизм, и по своему духовному складу население мало подходит для того личного режима, который стремился установить Гитлер в своей партии.

Гитлеру более или менее удалось завоевать одним натиском движение «фелькише» в Саксонии; в Тюрингии это удалось наполовину, но в Вюртемберге он потерпел полную неудачу. Съезд вюртембергских «фелькише», выслушав в середине июня большую речь Гитлера, в которой он предлагал подчинить движение «фелькише» в Вюртемберге его руководству и влить его в мюнхенскую национал-социалистическую партию, отклонил это предложение. Преобладающее большинство вюртембергских «фелькише», возглавляемое профессором Мергенталером и депутатом ландтага Штегером, отвернулось от Гитлера. За ним осталась в Вюртемберге только местная штутгартская организация, руководимая честным, но мало энергичным Мундером.

Среди всех этих неприятностей скудным утешением было то, что в октябре к партии примкнула австрийская немецко-национальная группа Вольфа. Это были лишь жалкие остатки когда-то значительной политической партии; Вольф, теперь больной и обедневший, был некогда наряду с Шенерером видным вождем австрийских антисемитов. Впрочем австрийская группа оставалась еще годами столь же ненадежной для Гитлера, как вюртембергская.

Тем временем Штрассер расширял сферу влияния в партии. Гитлеру пока не удалось провести требование о том, что руководители местных групп должны назначаться партийным центром. В Северной Германии эти руководители попрежнему назначались на местах, причем большей частью это были ставленники Штрассера или его агентов. В сентябре Штрассер предпринял большую агитационную вылазку в Рур. Здесь он открыл на скромном посту в Рейнской области новый талант, который он немедленно извлек на свет божий: это был управляющий делами северной рейнской организации в Эльберфельде д-р Пауль-Иозеф Геббельс[95]. Штрассер и Геббельс нашли друг в друге большое сродство взглядов; на этом можно было построить общий фронт против Мюнхена. С этой целью они создали новый орган, который должен был проводить в партии идею социализма, «Национал-социалистические письма», двухнедельный журнал, не предназначавшийся для открытой продажи. Первый номер журнала вышел 1 октября 1925 г.; редактором журнала был Геббельс.

На каких же взглядах сошлись Штрассер и Геббельс? Это были главным образом социализм и восточная ориентация.

«Будущее принадлежит диктатуре социалистической идеи в государстве». Это напечатано не в «Роте фане», а в «Фелькишер беобахтер» в середине 1925 г., и автор этой любопытной фразы—Геббельс. Свободный от предубеждений, автор даже заявляет: «Борьба классов,

как все исторические факты, имеет две стороны». В конце апреля Штрассер в собственной газете Гитлера пишет, что в сущности старая социал-демократия 1914 г. была прекрасной партией: «Вспомним эту веру, этот порыв, это воодушевление миллионов, которые одни лишь могли заглушить и оправдать боль и ужас тех дней (ноябрь 1918 г.) и мучащий по ночам кошмар обиды и позора за унижение нации». Невольно возникает мысль: не был ли национал-социалист Штрассер в 1918 г., чего доброго, марксистом, ибо так возмущаться может только обманутая любовь.

«Партия, которую возвеличил такой пылкий идеалист, как Бебель, партия, в которой некогда бились тысячи горячих сердец, преисполненных самоотвержения и самоотречения, превратилась теперь в партию Бауэров и Гейльманов, Рихтеров и Барматов». Это звучит иначе, чем учение вождя о том, что евреи отравили германских рабочих ядом марксизма, что социал-демократию надо было уничтожить еще до войны.

С упрямством политического примитива Штрассер отклоняет антисемитское руссофильство Розенберга. «Ни в коем случае,—пишет он в широковещательной передовице в центральном органе партии,— Германия не должна ориентироваться на Запад и помогать американскому капитализму и английскому империализму в их борьбе против России. Где ведется борьба против Версальского договора, там находятся естественные друзья и союзники Германии. Место Германии на стороне грядущей России, на стороне Турции, Китая, Индии, рифов-кабилов и друзов. Для Германии существуют не «народы Европы», для нее существуют только защитники Версальского договора или борцы против него. Так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она—союзник Германии; до ее внутреннего режима никому нет дела».

А между тем теоретик и авторитет партии по внешней политике заявлял, что конечная цель партии—уничтожение большевизма, и проповедывал крестовый поход с помощью Польши против большевистских палачей мира. В редакцию «Беобахтера» посыпались негодующие письма русских друзей. Бывший заведующий отделом печати у гетмана Скоропадского—Немирович-Данченко—возмущается неграмотностью Штрассера: последний-де не знает даже, что теперь вообще не существует России... Розенберг же считает абсолютно нежелательной германскую интервенцию в нынешнем положении и в настоящий момент; внешняя политика, подчеркивает он, никогда не должна носить догматического характера.

Лишенный возможности открыто противоречить Штрассеру, Розенберг останавливается на излияниях молодого Геббельса, ставшего неосторожным. Геббельс сочинил вымышленную беседу с коммунистом, в которой реальная внешняя политика Штрассера преподносится в пышном оперном стиле. «Мне нет надобности,—так начинает он свою статью,— рассказывать своему коммунистическому другу, что для меня народ и нация нечто иное, чем для краснобая с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская советская система, которая вовсе не доживает своих последних дней,

тоже не интернациональна, она носит чисто национальный, русский характер. Ни один царь не понял души русского народа так глубоко, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства». Затем следовало новое, еретическое для национал-социализма открытие: «Еврейский вопрос сложнее, чем думают; по всей вероятности еврей-капиталист и еврей-большевик не одно и то же».

Вот оно как! Разве Геббельс не замечает, что это уж почти не антисемитизм? Во всяком случае Розенберг не пропустил этого мимо ушей.

Однако Штрассер добился того, что на некоторое время его взгляд стал официальным взглядом партии. Только в одном пункте Гитлер урезал эту внешнеполитическую программу, а именно в вопросе о Южном Тироле. В этом отношении громкая речь против Локарно, произнесенная Штрассером 24 ноября в рейхстаге, интересна столько же тем, что он говорит в ней, сколько и тем, о чем он умалчивает. «Мы, национал-социалисты, солдаты и офицеры-фронтовики, никогда не откажемся от Эльзас-Лотарингии, от Эйпена и Мальмеди, от Саарской области и наших колоний; мы не отказываемся от Северного Шлезвига, равно как от Мемеля и Данцига, Познани и Западной Пруссии и Верхней Силезии. Мы не желаем отделываться от наших братьев в Австрии и Богемии дешевыми фразами». Это—длинный список, но Южный Тироль в нем отсутствует. Здесь чувствуется рука Гитлера. Зато в следующих фразах опять возвышает голос противник интервенции против Советской России:

«Мы протестуем против того, чтобы миллионы германских безработных в ближайшем будущем проливали свою кровь в качестве ландскнехтов Лиги наций и ее хозяев повсюду, где борющиеся за свою свободу народы восстают против французского милитаризма, английского империализма и американского капитализма».

ОТКРЫТАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ГРЕФЕ

Хотя Гитлер выступал против «фелькише» очень решительно, на деле он не желал борьбы. Если бы они предоставили ему без спора юг, он охотно уступил бы им север, хотя бы уже потому, что это подорвало бы господство Штрассера.

В июне 1925 г. национал-социалисты в рейхстаге даже объединились в одну фракцию с большей частью сторонников Грефе и застрельщиком ревалоризации д-ром Бестом. Положение оставалось двусмысленным, так как Штрассер конечно продолжал агитировать в стране против национализма тайных советников и майоров из лагеря «фелькише».

Эта надуманная тактика исходила из предпосылки, что Мюнхен с молчаливого согласия националистов будет предоставлен Гитлеру. Но они этого не сделали. В конце концов и в Южной Германии у них были элементы, от которых они не могли просто-напросто отказаться. Там был еще Дрекслер, затем националистический лидер судья Дерф-

лер и другие. Они вели скромное существование в своем «Национально-социальном народном союзе». Гитлер не побрезгал явиться со своими приверженцами в небольшую пивную, где собралось около ста членов этого союза, и лично сорвать их собрание. Когда же один из противников попытался на митинге взять под лупу прошлое Гитлера, приверженцы Гитлера попросту не дали ему говорить. Мир был сорван окончательно. Гитлер обратился к своим преторианцам с призывом «положить конец проискам» противников, тут же выступить против них и не допустить дальнейших оскорблений партии и ее вождей. Это было не совсем «легально», но зато ясно сказано. Несколько времени спустя, когда Грефе и граф Ревентлов возымели неосторожное желание выступить в мюнхенской пивной Хофброй, Гитлер снова появился со своими приверженцами в зале; не говоря ни слова, он вскочил на стол, подал знак и улыбнулся—в результате поднялся такой кавардак (его между прочим устроили женщины), что полиция должна была закрыть собрание. Ни Грефе, ни Ревентлову не удалось говорить. Последний, стоя на трибуне за живой стеной полицейских, с холодной миной созерцал бушующую толпу; когда Гитлер удалился, он крикнул ему вслед: «До свидания».

ФРОНДА В ГАННОВЕРЕ

После того как снова разгорелась открытая борьба, Штрассер уже не встречал никаких помех на севере. Он уводит своих людей из конгломерата «фелькише» и старается ориентировать их в столь же социалистическом, как и националистическом направлении. Наряду с Геббельсом главным помощником его был его брат Отто, бывший социал-демократ. Почти во всех северных и восточных областных организациях национал-социалистической партии сидели социалисты штрассеровского толка. Они принадлежали к тому типу членов партии, которые не читали ни программы партии, ни воззваний партийного руководства и приемлют партию ради ее «субстанции», а не ради ее теорий. Они считали своей задачей найти для этой субстанции соответствующую программу; это предстояло сделать на конференции северонемецких организаций, созванной Штрассером на 22 ноября в Ганновере.

На этой конференции оказалось, что существуют уже две национал-социалистические партии: одна—гитлеровская, другая—штрассеровская. Как выразился руководитель ганноверской организации Руст[96], немцы из Северной Германии не желали, чтобы ими управлял мюнхенский папа; в слове папа сливалась вся гамма враждебных чувств против баварца-католика Гитлера. Конференция объявила себя «сотрудничеством северных и западных организаций». Из Мюнхена явился в качестве наблюдателя Федер. Этот борец против «процентного рабства» уже давно действовал на нервы «друга коммунистов» Геббельса. Последний предложил просто указать Федеру на дверь, так как участники конференции собрались здесь в закрытом кругу. Действительно, уполномоченный Гитлера ничего не добился

на конференции. Грегор Штрассер развил на конференции обширную социалистическую и внешнеполитическую программу; за нее голосовали все участники конференции, за исключением д-ра Лея[97], руководителя южнорейнской организации. Программа выступала за промышленные и аграрные пошлины и вообще за автаркию народного хозяйства, за самое интенсивное обложение посреднических прибылей и корпоративное построение хозяйства. Особенно резко программа высказывалась против профессиональных союзов, стоящих на платформе хозяйственного мира. Практически важнее всего была позиция конференции в вопросе о тактике повседневной борьбы. Свои устремления в этой области ганноверцы бесстрашно охарактеризовали самым сильным словом: политика катастроф. Согласно этой доктрине национал-социализм должен приветствовать все, что приносит вред существующему государству, будь то бомбы голштинских крестьян или стачки коммунистических рабочих.

Во всем прочем, в социализме и в вопросе о восточной ориентации, Гитлер быть может еще уступил бы северянам. В принципиальных вопросах он всегда был очень уступчив; это была хитрость мизантропа, знающего, как мало люди в решительный момент руководятся принципами и сколько программ терпит крушение в действительности. Но он не мог мириться с апологией путча и бомб. Ведь за ним еще числилось три года условного заключения, он все еще мог быть выслан из пределов страны. В начале года он вышел из австрийского подданства; теперь он вообще не числился гражданином какого-либо государства. Он должен был отнять у северян их бомбы, если не хотел взлететь вместе с ними на воздух.

Хорошо было бы теперь, если бы у Гитлера имелась где-нибудь в Германии хоть какая-либо связь с государственной властью и можно было бы укрыться под ее крылышко, как это бывало прежде, до ноября 1923 г. Динтер в Тюрингии пытается завязать такую связь. В декабре он ведет переговоры с другими правыми партиями о предоставлении Гитлеру поста государственного советника, но партнеры отказывают ему в этом. Следовательно пока эти надежды тщетны. У партии нет уже силы, а в бессильной партии в свою очередь невелико влияние Гитлера. Нет больше и старого орудия господства над партией—штурмовых отрядов. Единственное, чем они хоть сколько-нибудь проявляют себя перед общественностью,—это их коричневые блузы. Их выдумал в 1924 г. оберлейтенант Россбах, и Гитлер сам носил коричневую блузу в Ландсбергской крепости. Теперь это дает хлеб товарищу Россбаха Гейнесу, открывшему торговлю коричневыми блузами.

НЕУДАЧИ В ПОЛИТИКЕ И ЛЮБВИ

Этот год был безотрадным для Гитлера и кончился он так же неутешительно. В июне вышел в свет первый том его книги: «Моя борьба». Но Гитлер, еле перебивавшийся до сих пор, захотел заработать на ней слишком много. За книгу была назначена слишком высокая цена в двенадцать марок, и она в течение ряда лет раскупалась плохо.

Ко всем огорчениям в области партийных дел прибавились также тяжелые личные переживания. Гитлер безнадежно влюбился в одну даму мюнхенского общества. Его счастливым соперником был известный профессор мюнхенского университета. Мы не упомянули бы про этот случай, если бы не произошло следующее обстоятельство: распространился слух, что Гитлер помолвлен с дамой еврейского происхождения. Тогда «Фелькишер беобахтер» напечатал (в середине октября) опровержение: «В слухах о помолвке нет ни слова правды, к тому же девица, о которой идет речь (следовала фамилия), вовсе не еврейского происхождения».

Влияние, исходящее от Штрассера и его окружения, не прошло бесследно и для Гитлера. В конце этого года у него прорываются более мягкие, более человечные тона, чем это имело место когда-либо прежде или впоследствии.

«У марксистов,—сказал он в середине декабря на одном большом собрании в Штутгарте,—как никак есть свое миросозерцание. Мы должны противопоставить им наше национальное миросозерцание. Мы придем к цели лишь тогда, когда буржуазия тоже проявит горячее чувство социальной справедливости. Пока имущие будут считать жертвой то, что они иногда дают деньги, они не имеют права требовать, чтобы другие жертвовали своей жизнью. Ибо социальная идея требует не жертв, а восстановления социальной справедливости».

Красиво сказано! После стольких громов и фанфар эти мягкие слова звучат в устах Гитлера чуть ли не меланхолично. В том же настроении он выступил на рождественском празднике в баварской провинции, где сказал, что быть может пройдут еще двадцать, еще сто лет, пока победит идея национал-социализма. Но пусть умрут те, кто верит теперь в этот идеал; что значит жизнь человеческая в развитии народа, в развитии всего человечества?

Оглядываясь на 1925 год, Гитлер, чего доброго, должен был прослезиться...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРЕТОРИАНЦЫ ГИТЛЕРА

В начале 1926 г. Гитлер не знает, будет ли у него еще партия к концу года. На бумаге партия якобы насчитывает тридцать тысяч членов, но они принадлежат не ему, а его ненадежным генералам. Вполне надежно он держит в руках только Южную Баварию. Франкония тоже лучший округ в партии. По числу членов партии Нюрнберг уже в 1925 г. перегнал старую цитадель Мюнхен; ряд успешных походов против согрешивших еврейских сограждан сделал здесь Штрейхера пугалом для города, временами он на своем посту члена городской управы представляет серьезную угрозу даже для обербургомистра города, демократа Луппе. Однако Штрейхер не позволяет вмешиваться в дела своего района и вообще в свою компетенцию. В Тюрингии агент Гитлера Динтер рассорился с местными руководителями; в Саксонии Мучман вынужден распустить мятежную восточносаксонскую окружную организацию. От вюртембергской организации остались только обломки; Баден повинуется, но слаб. Северная Германия представляет собой сплошную зияющую рану на теле партии—Штрассер с семью непослушными окружными организациями образовал здесь партию в партии и обдумывает лишь, совсем ли ему отделиться от Гитлера или же только низложить его и сплавить на синекуру почетного председателя партии.

Штрассер жаловался тогда графу Ревентлову, что при ближайшем рассмотрении Гитлер оказывается только оратором, а не политиком и не государственным деятелем. Это, говорил он, в конце концов не укрылось от лучших умов в партии; вечное увиливание Гитлера от конкретных политических решений, его скорее философские, чем политические, проповеди делают почти невозможной всякую работу с ним. Штрассер считал, что если он совместно с Геббельсом поставит перед Гитлером альтернативу: новое распределение партийного руководства или раскол в партии, то Гитлер должен будет уступить и удовольствуется постом номинального председателя партии и ее главного оратора.

Не забудем, что все эти партийные вожди и члены партии, товарищи и заговорщики—отнюдь не испытанные политические деятели,

а обыватели, более или менее случайно попавшие в политику; что их взгляды и надежды—это взгляды и надежды профанов и поэтому чрезвычайно раздуты, а главное, что у них еще нет верного чутья, они не понимают, насколько инертна политическая обстановка, и поэтому любят строить на бумаге самые фантастические проекты. 1925 год был для Штрассера годом слишком быстрых триумфов среди масс, изголодавшихся по идеалам. Такие агитаторы, завоевывая десятки тысяч, легко забывают, что это все же лишь ничтожная доля многомиллионного населения страны. Штрассер еще не испытал разочарований, за подъемом еще не следовала реакция, поэтому он уверен, что и в партии у него дело пойдет, как по маслу. Между тем Гитлер тоже приступил к созданию своей когорты внутри партии.

Центральный орган партии был почти единственной материальной и правовой базой Гитлера на этом этапе движения. В 1926 г. ему удалось выкупить газету из рук кредиторов. В начале 1927 г. Гитлер уже мог сказать, что газета в денежном отношении поставлена на ноги и самостоятельна. В 1926 г. пропаганда его берет упор главным образом не на привлечение новых членов партии, а на завоевание новых читателей для «Фелькишер беобахтер».

Этой цели должны были служить даже защитные группы (Schutzstaffel). В небольшом масштабе они уже несколько месяцев существовали в Мюнхене; в январе 1927 г. такие группы основываются повсеместно. Защитные группы становятся наследниками исчезнувших штурмовых отрядов. Задача их как официальной военной силы партии заключается в том, чтобы своей конкуренцией убить и поглотить бесчисленные местные группы штурмовых отрядов, товарищеские союзы, местные дружины россбаховцев и т. п. Поэтому при их создании необходимо поступать очень осторожно. Если прежде, при основании штурмовых отрядов, заявлялось: «Партия ожидает, что вы все явитесь на ее зов», то теперь подчеркивается: «Партийное руководство исходит из того положения, что гораздо больше ценности представляет горсть самых лучших, самых решительных и стойких, чем масса попутчиков без решимости и энергии. Поэтому защитные группы строятся по очень строгим директивам, и численность их весьма ограничена».

Впоследствии, когда партия стала силой, по этому принципу были построены защитные отряды (SS), которые по отношению к штурмовым отрядам (SA) играют такую же роль, как гвардия по отношению к линейным войскам. Вначале защитные группы были ограничены в своей численности, их членов самым тщательным образом отбирали, оставляя только безусловно верных Гитлеру; эти группы должны были составить в окружных организациях верное Гитлеру ядро среди ненадежных штатских членов партии и защищать дело Гитлера против Штрассера. Поэтому эти группы не прививаются за пределами Баварии. Руководителем их был старый друг вождя Берхтольд, бывший руководитель «ударного отряда Гитлера». На веймарском съезде партии в мае 1926 г. Гитлер торжественно вручил своему новому войску «окрашенное кровью знамя»,

которое 9 ноября 1923 г. сопровождало гитлеровцев в их шествии к Фельдгернгалле.

Этот цвет партии, который впоследствии стал рассматривать себя как новое дворянство германской нации, получил весьма скромное задание. Правда, на него возлагалась также защита партийных собраний. Но время драк и рукопашных боев за завоевание улицы теперь миновало (впоследствии оно еще вернется). Главная задача нового войска определяется в воззвании следующим образом: «Вербовать абонентов и объявления для газеты «Фелькишер беобахтер» и привлекать новых членов в партию». Агенты по сбору объявлений со «знаменем, окрашенным кровью»!

ГОСПОДА И ХОЛОПЫ

В продолжение всего 1926 г. в партии ведутся страстные споры относительно ее идейных задач и ее направления. Если попытаться свести эти споры к основным, четким расхождениям, то пожалуй можно сказать так: в партии начался теперь спор между сторонниками народной солидарности и сторонниками сословного расслоения. Первые считали себя социалистами, причем под социализмом понималось нечто иное, чем обычное представление о нем. Этот социализм отличался не только от марксизма. Под «социализмом» понималась солидарность людей с равными шансами, причем однако эти шансы не зависели от совместного владения материальными благами. Расхождение мнений проявлялось в партии как спор между рабочими и студентами, как дискуссия о равноправии или подчинении женщины, как вопрос о том, стоять ли за особые национал-социалистические боевые профсоюзы или же за профсоюзы на платформе «хозяйственного мира». Разногласия касались и области внешней политики. Здесь Розенберг перешел в своем интернациональном антисемитизме от отрицания к некоторой положительной программе, он выступал за господство арийской расы вообще и за мировое господство англосаксов в частности; напротив, Штрассер требовал, чтобы германская народность выступила вождем всех угнетенных против тех же англосаксов. Итак, и здесь рабы против господ.

В этом свете приходится рассматривать также борьбу, которую вел против студенческих корпораций «Союз национал-социалистских студентов», основанный в феврале 1926 г. и возглавлявшийся Вильгельмом Темпелем. Молодое поколение студентов, заявляет Темпель, почти совершенно оторвалось от народа; невозможно быть вождем, если выступаешь против важнейших народных требований и кормишь голодных людей националистическими фразами. Разумеется, Розенберг не остается в долгу. Да, говорит он, в этой критике много верного, но ведь немецкое студенчество должно иметь свою организацию; даже революционизировав свои устарелые взгляды, оно всегда должно будет сохранить известные формы организации. Он стало быть не желает отказываться от студенческих корпораций. Молодые студенты, к которым в этом отношении должен быть причислен также Геббельс, оказываются более передовыми, чем их мюнхенские вожди.

На противоположном конце ведется борьба за душу рабочего. Гитлер как-то высказался в том смысле, что руководящие органы местных групп должны состоять на две трети из рабочих. Красивая, но неосуществившаяся мечта, констатирует лидер ганноверцев Зейферт в начале февраля 1926 г. в «Фелькишер беобахтер». Его поддержал профсоюзный работник из национал-социалистов: да, партия слишком мало внимания уделяет рабочим. Забыты пламенные протесты против рурских локаутов. Ошибка партии заключается в том, что она оставила в стороне насущные интересы рабочих; поэтому последние и питают к ней недоверие, поэтому они разочаровались в ней.

Этому не назвавшему себя профсоюзному работнику грозно отвечает помещик фон-Корсвант, впоследствии руководитель померанской партийной организации. По-вашему, возмущается он, национал-социалистическая партия должна быть той же коммунистической партией, лишь очищенной от еврейского руководства? «Наш вождь Адольф Гитлер в борьбе за национал-социалистическое государство будущего просто из соображений целесообразности считает важным прежде всего завоевать для национал-социализма класс рабочих физического труда (потому что тогда и другие пойдут по этому пути). Но это не имеет ничего общего с принципиальной установкой, ставящей на одну доску рабочего физического и умственного труда». Корсвант выступает за союз с профсоюзами, стоящими на платформе хозяйственного мира. В вопросе зарплаты надо ради конечной цели отказываться от мелких проходящих выгод. Точка зрения Корсванта не является ныне в партии господствующей, потому что в партии вообще нет никакой точки зрения по рабочему вопросу, а царит полный хаос. Однако лично Гитлер косвенным образом присоединился к точке зрения Корсванта, отказавшись от создания особых национал-социалистических профсоюзов.

Эта борьба между точкой зрения «господ» и платформой национальной солидарности породила также неуклюжую дискуссию о женском вопросе. Дискуссия эта возникла, несмотря на то, что уже 21 января 1921 г. партия приняла принципиальное решение по женскому вопросу: женщины никоим образом не могут участвовать в партийном руководстве. Это решение особенно горячо приветствовали присутствовавшие при этом женщины. Теперь прежнее единодушие миновало.

У партии еще не было своей женской организации. В дружественных отношениях с партией находился «Орден немецких женщин», возглавляемый Елизаветой Цандер; но этот орден имел лишь небольшое значение. Лозунг ордена гласил: немецкая женщина—не феминистка, она должна думать не о правах женщины, а о ее обязанностях. Против этого теперь энергично выступила член партии д-р Хадлих. Она указывала на то, что древняя германка выступала с решающим голосом на совете мужчин, а теперь-де, при господстве мужчин, царит двойственная мораль. Мы должны воспитывать не мужчин и женщин, а немцев; мы не должны проповедывать девушке с самого раннего возраста, что единственное призвание ее—быть женой и матерью; женщины должны иметь право занимать ответственные

посты во всех областях общественной жизни, так как господство мужчин отчасти обусловило равнодушие современного государства к расовому вопросу.

Розенберг выступил с резкими возражениями. Все это, заявил он,—гуманитарный демократизм; подобные аргументы порождают «третий пол»; а что касается древних германцев, то для них мужское руководство было чем-то само собою разумеющимся, мы видим это на примере Зигфрида, Бальдура и Локи. Женщина должна вносить в немецкую жизнь лирику, мужчине же принадлежит «архитектоническое» руководство.

Хадлих нашла эту антитезу слишком красивой и слишком бессодержательной. Она утверждала, что мужчины в партии—«безнадежно ориентализированные национал-социалисты, так как угнетение женщины проистекает из еврейского духа».

Розенберг резко ответил, что взгляды Хадлих—это сданный в архив дарвинизм; а впрочем, «в свое время» будет опубликовано определенное мнение партийного руководства по женскому вопросу.

Все эти споры являются частью общей борьбы между точкой зрения свободы для всех и идеей гегемонии расы. Здесь в микрокосме национал-социалистической партии отражается великая борьба нашего времени. Вещий пророк Геббельс пытался нахлобучить на эти споры широкую шапку штурмовика. «В нашем лагере,— сказал он в 1925 г.,—возгорится идейная борьба между националистами и социалистами, и лишь из ее результата родится национал-социализм в его окончательном виде».

ШТРАССЕРА ПРИБИРАЮТ К РУКАМ

Чтобы удержаться на своей позиции, Гитлеру нельзя было выступать арбитром во всех этих неулаженных в лоне партии спорах. Он не в состоянии был истребить оппозицию как таковую, но он мог дать ей в зубы, как только она их покажет. А она не замедлила это сделать. В Германии началось в то время широкое политическое движение—борьба против уплаты так называемых компенсаций бывшим государям. В действительности это была борьба против консервативных сил, не тронутых революцией; с помощью легальных средств, допускаемых новым государством, эта борьба могла бы стать завершением революции: республика находилась тогда на вершине власти, президент маршал Гинденбург салютовал ее флагу, немецкая национальная оппозиция управляла с помощью закона о защите республики и через несколько лет даже торжественно подтвердила изгнание бывшего кайзера. Движение против уплаты «компенсаций» нашло приверженцев также среди национал-социалистов в Северной Германии.

Особенно горячился и протестовал против уплаты компенсаций д-р Отто Штрассер. Он требовал, чтобы национал-социалисты тоже приняли участие в плебисците. Это стало той петлей, с помощью которой Гитлер удавил северонемецкую оппозицию.

14 февраля в Бамберге состоялась конференция главарей партии. Из Северной Германии приехали только Штрассер и Геббельс—у прочих якобы нехватило денег на дорогу. Руководители областных организаций выполняли тогда свою партийную работу еще безвозмездно; они выезжали в другие места только в том случае, если могли надеяться сколотить себе средства на проезд денежными сборами на собраниях. Гитлер уже мог быть щедрее по отношению к себе, да и не только по отношению к себе; руководители организаций Тюрингии, Саксонии и Баварии легко могли приехать в Бамберг, лежащий между этими тремя провинциями.

Гитлеру не стоило большого труда нанести поражение защитникам экспроприации государей. Это была их ахиллесова пята. Агитация против государей, заявил он, покоится на лжи; экспроприируйте сначала «государей» биржи, денег, торговли. Чтобы прикрыть свою борьбу против экспроприации государей, национал-социалисты внесли в рейхстаг предложение, первый параграф которого гласил: «Безвозмездно отчуждается на благо общества все состояние князей банков и биржи, иммигрировавших в Германию с 1 августа 1914 г., восточных евреев и прочих представителей других национальностей, затем также прирост имущества, последовавший с этого момента в результате наживы на войне, революции, инфляции и дефляции».

Кроме приведенного выше главного возражения у Гитлера было припасено еще несколько пустых, но благозвучных «мотивировок». Мы, заявлял он, не намереваемся давать государям то, что не принадлежит им, но не следует также отнимать у них то, что им принадлежит, «так как мы стоим на почве права». Никто, продолжал он, не в праве заключать из этого о пристрастии нашей партии к монархии: вопрос о форме государственного управления имеет такое же второстепенное значение, как вопрос о цвете солдатских мундиров.

Это было не очень почтительно по отношению к монархам, но фактически помогло Гитлеру справиться с фракцией сторонников экспроприации. Месяц спустя партийное руководство открыто декретировало: «Члены национал-социалистической партии должны воздержаться от участия в инсценированном евреями плебисците».

Надо полагать, в Северной Германии вряд ли было известно в то время, что Гитлер 9 ноября намеревался довести до конца свой путч с помощью баварского кронпринца. Там была известна только официозная партийная версия—легенда, будто Гитлер должен был предупредить монархический государственный переворот. Так или иначе отказом от плебисцита Гитлер отстранил свою партию от участия в самом мощном народном движении, имевшем место в Германии со времени революции. В основном это движение было враждебно государям, но в нем отчасти сказалось также возмущение верноподданных, разоренных инфляцией,—таких людей было немало; Гитлер мог бы привлечь их в свою партию, выступая за экспроприацию, но он отказался от этого.

Итак, северонемецкая оппозиция была убита при помощи королевского скипетра. Ганноверское «сотрудничество» было распущено.

Однако Гитлеру не удалось заставить Штрассера отречься и по другим пунктам. Штрассер остался при своем тезисе, что не следует смущать умы и сердца национальной молодежи антибольшевизмом, лишенным правильного инстинктивного чутья. Это, заявил он,—можно сказать, классический пример искусной работы капитализма: ему удается запрячь в свою борьбу против антикапиталистического большевизма и такие силы нации, которые не имеют ничего общего с капиталистической эксплоатацией.

Гитлер резко возражал: тот, кто, совершенно не понимая нынешней России, высказывается сегодня в пользу германо-русского союза, упускает из виду, что подобный союз означает немедленную большевизацию Германии. Гитлер высказывался за союз с Италией; вообще, по его мнению, на первый план во всей внешней политике должен стать вопрос о союзах. Южный Тироль не должен играть никакой роли, вопрос о нем не должен мешать возможности соглашения с Италией. Все равно, отвоевание южного Тироля силой—утопия, так как слишком много пришлось бы поставить на карту для этой цели. Никаких сентиментальностей! Кроме того Муссолини—железный человек, свергнувший демократический режим и заслуживший этим ненависть масонов всего мира.

ДЕЗЕРТИРСТВО ГЕББЕЛЬСА

Мы видим: все это—чисто академические споры. Правда, для Гитлера это были вопросы величайшей важности, но в то время они не могли иметь другого практического значения кроме того, что приукрашивали склоку на бамбергской конференции. В конце концов главной целью Гитлера было разбить северогерманскую оппозицию. Это было достигнуто не только формальным роспуском ганноверского «сотрудничества»; еще важнее было то, как это произошло. Дело в том, что Геббельс перешел на сторону Гитлера. Он примкнул к Гитлеру, Федеру, Штрейхеру; Штрассер остался совершенно один. Геббельс, извлеченный на свет божий Штрассером, поступил с последним точно так же, как сам Штрассер год назад поступил с Грефе. С тех пор Геббельс и Штрассер ненавидят друг друга. Господство Гитлера в партии до осени 1932 г.—впрочем с течением времени оно становилось все более шатким—покоилось на вызванных им раздорах между Штрассером и Геббельсом.

В Бамберге ликвидирована была партия заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот в национал-социалистической партии. Но Штрассер продолжал борьбу. Если Гитлер употребляет теперь все силы, чтобы упрочить финансовое положение своего партийного центра, то оба Штрассера пытаются наверстать упущенное и создают с этой целью свое собственное издательство. Со времени ганноверской конференции имелось предложение руководителя померанской окружной организации, профессора грейфсвальдского университета Валена, которому принадлежал ряд газет «фелькише» в Северной Германии. Братья Штрассеры оба обладали некоторыми средствами, они купили у Валена его задолжавшееся издательство и основали

1 марта 1926 г. в Берлине «Кампф-Ферлаг» (издательство «Борьба»), в котором с течением времени стало выходить пять национал-социалистических газет. Главной из них была еженедельная «Берлинская рабочая газета», она редактировалась Отто Штрассером и отличалась несколько тяжелым стилем. Вопреки названию издательства, эта газета скорее поучала читателя и вызывала его на размышления, чем звала к борьбе; разносторонностью своего содержания и своей порядочностью она однако была на голову выше, чем «Фелькишер беобахтер».

Создание этой публицистической цитадели Штрассеров несколько запоздало. А может быть нападение ганноверцев и плебисцит против государей последовали слишком рано. Братьям Штрассерам удалось создать себе в Северной Германии политическую базу, из которой Гитлер не мог их вытеснить, но пока и им пришлось отказаться от мечты окружить мюнхенского вождя и обезвредить его на посту почетного председателя. Переход Геббельса—«неслыханная измена своим друзьям», как назвал этот поступок руководитель штурмовых отрядов капитан фон-Пфеффер,—был вызван, надо думать, тем простым соображением, что в условиях, когда влияние ограничивалось только Северной Германией, у Гитлера было больше шансов сохранить свою власть. Так или иначе Геббельсу отныне был закрыт доступ в ряд мест на севере; Гитлер использовал его для агитации в Баварии и Вюртемберге, где руководитель местной организации Мундер оказался не на высоте своей задачи.

ПАДЕНИЕ ЭССЕРА

Новая карьера Геббельса в партии началась как раз тогда, когда окончилась карьера другого вожака, кое в чем сходного с ним. Мы имеем в виду Германа Эссера. Этот невозможный молодой человек вызвал своими интимными связями нарекания в нюрнбергских партийных кругах. Когда к нему обратились с упреками, он огорошил своих обвинителей следующим ответом: благодаря своей связи с той нюрнбергской дамой, о которой идет речь, он в плохие времена добывал у ее мужа деньги для партии, Гитлер же до сих пор не вернул этих денег.

Если это было верно, то это чрезвычайно компрометировало партию. Эссер должен был дать своему шефу, не желавшему портить отношений с нюрнбержцами, обещание, что не будет более показываться в Нюрнберге. Он однако не сдержал своего слова, и взбешенный Гитлер заявил: теперь конец моему долготерпению, ради Эссера я уже не раз жертвовал более достойными друзьями. Пусть молодой человек совершит что-нибудь дельное, а до этого не показывается мне на глаза. Конечно этого не нужно было понимать буквально. Гитлер не мог бросить человека, знавшего многие его тайны; это было бы опасно для него. Однако с тех пор Эссер, самый старый и долгое время самый преданный соратник Гитлера, вынужден был подвизаться в партии на вторых ролях.

Отдавая себе отчет в положении, создавшемся после бамбергской конференции, Гитлер не мог не видеть, что он добился полновластного господства над чем-то вроде пустого места. Партия, несмотря на все свои митинги, фактически сошла с политической арены в Германии. Для любой партии важны не только ее безусловные сторонники, но важно также настроение широкой неорганизованной массы, тех, кто по меньшей мере не является ее противником. Число зарегистрированных приверженцев было в 1923 г. не выше, чем теперь, но тогда многие охотно оказывали поддержку новому движению. В 1926 г. у гитлеровцев было несколько сот тысяч приверженцев, и только; все остальное население Германии не было даже враждебно им, оно просто было к ним совершенно равнодушно. Гитлеровцы шептались по углам о том, что партия умирает. Положение было хуже, чем при новом основании партии в 1925 г. Тогда имелись еще надежды, тогда было еще четырнадцать депутатов в рейхстаге и оставалось большое наследие от движения «фелькише» в стране. Это наследие растаяло теперь под теплыми лучами экономического подъема. Каждый день приносил печальные известия. То и дело от партии отходили ее старые друзья: Крибель купил себе небольшое имение в Каринтии, Брюкнер получил место в «Обществе заграничных немцев», Рем работал на железопрокатном заводе. Все это были не исключения. Все лица с именем и положением, которые прежде наперебой теснились вокруг Гитлера, теперь старательно избегали его. В 1923 г. баварская буржуазия в целом, не только национал-социалистические избиратели, была в душе за Гитлера; теперь она стыдилась своего тогдашнего настроения; бывшие штурмовики приходили в замешательство, когда им напоминали о старом.

Не потерять духа в эту тяжелую годину тоже было немалым делом. Но это было не столько заслугой отдельных лиц, сколько самого движения. Что касается Гитлера, то он охотно пришел бы к соглашению с «фелькише», если бы только они желали этого; братья Штрассеры возможно тоже поступили бы так, если бы были хозяевами в партии, но теперь им приходилось опасаться, что при соглашении с «фелькише» они-то первые и будут принесены в жертву. Таким образом раздоры между главарями способствовали тому, что партия сохранила свою жизнеспособность.

Гитлер постарался теперь обеспечить свое руководство в партии всеми мыслимыми гарантиями. На общем собрании членов партии, состоявшемся 22 мая 1926 г. в Мюнхене, он дал партии новый устав, в котором вождю отводилась исключительная, решающая роль. Чтобы раз навсегда положить конец попыткам северян, собрание постановило, что в программе партии не допустимы никакие перемены, а между тем сам Гитлер в своих рефератах давно уже не оставил живого места в этой программе. Из буквы программы сделали теперь частокол, защищающий вождя.

По новому уставу центральной организацией партии являлось теперь «Национал-социалистическое немецкое рабочее общество

в Мюнхене». Руководство его является в то же время имперским руководством партии, а также мюнхенской местной группы. Таким образом за первоначальным мюнхенским союзом признавалось исключительное положение в партии; он остался вотчиной Гитлера. Задача партии—объединение всех трудящихся с целью «создания для нашего народа предварительных условий к достижению политической и экономической самостоятельности»; согласно программе мюнхенского союза, это должно произойти на почве «моральных факторов и усовершенствования как отдельных личностей, так и народа в целом. Партия строится из местных групп; местные группы объединяются в окружные союзы. Для обеспечения твердого руководства движением за все направление отвечает в первую очередь председатель партии».

Имперское руководство создает ряд комитетов, как-то: комитет пропаганды, комитет молодежи, спорта и гимнастики, организационный и финансовый комитеты. Председателей, а отчасти также членов этих комитетов назначает первый председатель партии, т. е. тот же Гитлер. Имперское руководство партии состоит из президиума, т. е. первого председателя Гитлера, секретаря и казначея (обычно не имеющих влияния), затем из председателей упомянутых комитетов и наконец из секретаря центрального хозяйственного бюро партии, который тоже зависит от Гитлера и не имеет влияния. Президиум несет ответственность только перед общим собранием членов.

Интересен § 8: «Чтобы дать председателю партии полнейший простор в его руководстве и сделать его независимым от решений большинства того или иного комитета, а с другой стороны, воспрепятствовать нарушению принципов, предписываемых партийной программой или уставом, десятая часть членов партии имеет право созвать чрезвычайное общее собрание членов, привлечь перед ним к ответственности председателя партии и предпринять новые выборы; упомянутая десятая часть членов должна потребовать созыва чрезвычайного собрания в письменном виде, изложив цель и мотивы этого требования». Воистину, должно произойти нечто ужасное, прежде чем будет реализована подобная гарантия.

Для обеспечения диктатуры Мюнхена в партии были приняты еще три важных решения. Во-первых, постановлено было, что руководители окружных организаций должны назначаться Гитлером; таким образом положен был конец старому «демократическому слюнтяйству», при котором эти организации сами назначали своих руководителей или же их давал им Штрассер. Во-вторых, решено было построить по-новому штурмовые отряды; с этой целью создан был упомянутый выше комитет спорта и гимнастики. Защитные отряды Берхтольда признаны были не удовлетворяющими своей цели; этот молодой человек, совершенно неизвестный в Германии, не мог зарекомендовать себя в окружных организациях и у руководителей местных групп. Эти руководители хотели собственной властью строить свои местные «защитные группы» и назначать их руководителей. Теперь строительство новых штурмовых отрядов поручено было бывшему начальнику «Фронтбанна» в Эльберфельде, отставному капитану Францу-Феликсу Пфефферу фон-Саломону. До сих пор Пфеффер

был соглядатаем Гитлера в руководстве рурской окружной организации, главной вотчины Штрассера, и контролировал руководителя ее Карла Кауфмана, назначенного Штрассером и конспирировавшего вместе с ним, а также Геббельса.

Третьей гарантией, предусмотренной Гитлером в партийном аппарате, была следственная и примирительная комиссия, сокращенно УША (по начальным буквам ее немецкого названия). Официальной задачей комиссии был разбор предложений об исключении из партии и о полюбовном улаживании споров, а также контроль над приемом членов в партию. Важное политическое значение этой комиссии заключается в том, что первый председатель партии может по согласованию с ней исключать из партии местные группы; так как по уставу первый председатель назначает не только руководителя комиссии, но и членов ее, то эта комиссия является фактически орудием его безраздельного господства над партией; тем не менее сохранена видимость, будто права членов партии, в известной мере их «права человека», находятся в руках «демократической» корпорации. Первым председателем УША был генерал-лейтенант в отставке Гейнеман, его преемником до конца 1927 г.—отставной майор Вальтер Бух, слепо преданный Гитлеру; членами были старый слуга Гитлера Граф и адвокат д-р Франк 2-й, т. е. тоже безусловно преданные Гитлеру люди. УША сделалась в партии чем-то вроде черного кабинета Гитлера. Подобные же следственные и примирительные комиссии были организованы также при руководителях окружных организаций.

§ 12 содержит важный тактический маневр. Целые группы из других союзов или партий принимаются в партию только под тем условием, что они не будут требовать для себя никакой «компенсации». Дело в том, что теперь уже нежелательно было полностью отказывать, как прежде, в приеме таким группам из разваливающейся партии «фелькише», но они не должны были выговаривать себе никаких привилегий.

30 июля этот устав был внесен в реестр мюнхенских обществ. Таким образом руководство в партии торжественно перекочевало обратно в Мюнхен. Штрассер был побежден. Правда, он немедленно снова ринулся в бой, неутомимо разъезжая, выступая на собраниях и митингах; за один год он выступил на 180 собраниях. Эта цифра, а также 2 400 массовых митингов, организованных небольшой партией в 1925—1926 гг., могут объяснить много тем изумленным наблюдателям, которые непременно желают добраться до причин успеха национал-социализма. Однако отныне Штрассер работал уже не для себя, а как батрак в вертограде своего господина.

Гитлер празднует победу: в начале июля он созывает в Веймаре партийный съезд. Впервые новая национал-социалистическая партия выступает перед общественностью как единое целое. Съезд инсценирован «сознательно антипарламентарно». Еще год назад это было бы невозможно: тогда северогерманские партийные работники попросту высмеяли бы Гитлера, если бы он попытался явиться к ним в позе «дуче».

Теперь однако диктатура иссушила и обескровила движение. Никогда еще партия не была такой чахлой, как на этом смотре в Веймаре. Штурмовиков, которых в их пестрых мундирах согнали из всех окружных организаций, было не больше, чем некогда на параде Гитлера 29 января 1923 г. на мюнхенском Марсовом поле; а ведь там были только баварцы. В Веймаре было обронено крылатое слово о «мертвом национал-социализме».

Но Гитлер остался верен себе. Он предпочитал повелевать тремя тысячами, чем договариваться с тремя миллионами; нужды нет, если партия на время захиреет. Национал-социализм был «мертв», но зато здоровье его величества Гитлера никогда не было в лучшем состоянии.

РЕЧИ К ГЕРМАНСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ*

В пустынном ландшафте своей партии Гитлер прокладывает теперь сеть дорог и опорных пунктов в надежде, что новые поселенцы так или иначе появятся. Для этого ему первым делом нужны были средства. Вступительный взнос в 1 марку и увеличение членских взносов до 80 пфеннигов давали немного, раз число членов партии оставалось невысоким. Надо было найти другие источники.

Летом 1926 г. Гитлер начал систематически объезжать Рурскую область и выступать в закрытом кругу перед тамошними магнатами промышленности. Так например в середине июня он выступил перед таким закрытым кругом в Эссене; в начале декабря—в Эссене и Кенингсвинтере. В апреле 1927 г. на его реферат в зале Круппа в Эссене явилось уже четыреста приглашенных гостей.

В этом кругу произвело приятное впечатление, что вождь национал-социалистической партии не требовал от работодателей ничего невозможного,—так писала «Рейнско-вестфальская газета» о июньском докладе Гитлера. Гитлер и здесь повторял свое: национал-социализм выступает за частную собственность, он будет защищать хозяйство, построенное на конкуренции, как самую целесообразную или, лучше сказать, единственно возможную форму хозяйства. С другой стороны, он требовал от предпринимателей, чтобы они безусловно стояли за народность и государство.

Дух германского хозяйства был в 1925 г. другой, чем в 1895 г.; это надо учесть, для того чтобы настоящим образом понять речи Гитлера к германскому хозяйству.

То обобществление хозяйства, против которого так восстает национал-социализм в своей программе, заставило мысль работать в новом направлении с «социальным» уклоном, заставило разумнее относиться также к человеческому материалу. Взгляды на народное хозяйство, как ни примитивны они еще у многих так называемых лидеров нашего хозяйственного мира, ушли теперь бесконечно далеко от той жалкой политической экономии лавочников, которая царила над умами старого поколения. Часть наших действительно крупных лидеров хозяйства, юридически являющихся служащими, а фактически господами,

* Иронический намек на «Речи к немецкому народу» Фихте (*прим. перев.*).

чувствует свою ответственность не только в области выплаты дивидендов. Да, надо сказать, что обычные теперь жалобы на зажим акционеров со стороны правления часто вызываются той энергией и любовью к делу, которые кое-где должны пойти на пользу и рабочему. Новая роль выросшего слоя служащих нисколько не смягчила резких противоречий, но создала известное расщепление как раз в очень деликатных пунктах; деспотия капитала, которой классический марксизм справедливо предсказывал недолговечное существование, уступила место гибкой иерархии. Лестница Иакова, идущая от капиталистического неба, еще не достигает до низов общества. Пока еще далеко не каждая способная личность попадает хотя бы на нижнюю ступеньку, однако удлинение лестницы донизу остается целью многих просвещенных капиталистов в интересах капитализма и внутреннего мира. По достижении этой цели капитализм согласно этим новейшим взглядам должен будет уж только служить обществу в целом, точно так же как рабочий будет уже не слугой капитала, а общества. Это положение Гитлер назовет впоследствии национальным социализмом; служба личности целому есть национализм, служба целого личности—социализм. Система, в которой осуществляется то и другое, и есть национал-социализм.

Итак, полная гармония небесных сфер. Сохранение капитализма возможно было лишь благодаря тому, что именно Гитлер назвал «социализмом», а осуществление гитлеровского социализма—только благодаря сохранению капитализма.

ПФЕФФЕР ВЫХОДИТ ИЗ ПОВИНОВЕНИЯ

Тем временем Пфеффер организовывал штурмовые отряды.

«Мы должны усвоить дух союза красных фронтовиков»—писал в 1926 г. в «Беобахтере» один молодой национал-социалист. Напротив, Пфеффер как нечто само собой разумеющееся считал своим священным долгом изгнать этот дух—этого красного дьявола.

С каждого члена партии взималось 10 пфеннигов на штурмовые отряды. В начале 1927 г. бельевая торговля Гейнеса перешла к партии и положила начало ее хозяйственным предприятиям. За это Гейнес безоговорочно перевел своих «россбахцев» в штурмовые отряды. Россбах дал на это свое согласие, как в свое время и Эрхардт; он отошел от политической борьбы и занимался теперь обучением труппы артистов-любителей, перекочевав, стало быть, в область культуры. Берхтольд со своими защитными группами проявлял одно время непокорность; он заявил, что не желает подчиняться Пфефферу и так взбесил этим Гитлера, что дело дошло до драки между ними. Однако в марте 1927 г. Берхтольд ушел со своего поста и занялся национал-социалистической публицистикой.

Пфеффер быстро расширял свое господство в партии. К концу 1926 г. он добился также подчинения себе «Гитлеровской молодежи», организации, возникшей на веймарском съезде партии; руководитель ее—Курт Грубер—являлся с тех пор только заместителем

главного начальника штурмовых отрядов (ОЗАФ)*. Влияние этого нового человека так быстро возросло в партии вместе с его делом, что Гитлеру пришлось запастись гарантиями против него.

Так как у него не было другого выхода, то он должен был публично дезавуировать начальника своих штурмовых отрядов. В апреле 1927 г. Гитлер объявил, что все распоряжения и приказы принципиального характера, касающиеся штурмовых отрядов, не действительны, если кроме подписи «ОЗАФ» они не снабжены также подписью Гитлера. Это был щелчок, после которого Пфеффер должен был собственно отказаться от своего поста. Но соотношение сил было теперь уже не то. Очевидно Гитлер предвидел, что Пфеффер, получив этот щелчок, будет гнуть прежнюю линию; поэтому он присовокупил: ответственность за распоряжения, не имеющие подписи председателя партии, персонально несет подписавший их.

Гитлер здесь уже не столько умывал руки, сколько в отчаянии ломал руки... Ведь еще только два года назад он заявлял, что только он один несет ответственность за все, происходящее в партии.

Распоряжения Пфеффера, за которые Гитлер не желал нести ответственность, но которых он не мог предотвратить, возобновляли опасные традиции «Фронтбанна», и штурмовые отряды вооружались и проводили военные упражнения. Напрасно Гитлер запрещал это, запрещал даже вещи, напечатанные в национал-социалистическом ежегоднике на 1927 г. Это была та же старая борьба, что с Ремом, но при гораздо более опасных обстоятельствах. Теперь такая нелегальная игра в солдатики не имела за собой защиты рейхсвера и милостей полиции; напротив, каждое уклонение от закона могло повлечь за собой для Гитлера аннулирование условного характера числившегося за ним наказания и высылку из страны.

В партии повеял неспокойный осенний ветер, она встретила ропотом победу Гитлера в Бамберге. Так, гамбургскую окружную организацию пришлось распустить в ноябре 1927 г., а также многие другие местные группы. В Мюнхене против осторожного курса Гитлера фрондировал вечно недисциплинированный, совершенно лишенный способности политически мыслить ландскнехт Гейнес. На главном сборе штурмовиков в конце мая 1927 г. Гитлер исключил этого беснующегося активиста из партии. Это явилось своего рода сигналом, это должно было показать и Пфефферу, кто является хозяином в партии.

ГЕББЕЛЬС ПЕРЕЕЗЖАЕТ В БЕРЛИН

Особенно плохо обстояли дела в Берлине, где руководителем окружной организации был работник, слабый для своего поста—д-р Шланге, а руководителем штурмовых отрядов—Далюеге[98]. Один из вожаков берлинских штурмовиков, известный со времени борьбы в Руре Гейнц Гауенштейн, напал с несколькими товарищами на другого члена партии и избил его.

---

* ОЗАФ—начальные буквы слов Oberster SA Führer, главный начальник штурмовых отрядов (*прим. перев.*).

По требованию Штрассера заместитель руководителя берлинской организации Шмидике исключил из партии Гауенштейна и его соучастников. Но Штрассеру не удалось взять верх над фрондирующими берлинцами. Берлинское «следственное бюро» реабилитировало Гауенштейна, несмотря на то, что Штрассер объявил его полицейским шпионом. В организационном отношении Берлин ничем не проявлял себя в партии; первый проявленный им признак жизни заключался в открытом бунте.

Гитлер воспользовался этим случаем, чтобы вырвать Берлин из рук Штрассера и отдать его своему человеку. Он распустил берлинскую и потсдамскую окружные организации, образовал новую организацию Берлин-Бранденбург и назначил ее руководителем д-ра Геббельса, занимавшего до того времени пост управляющего делами в эльберфельдской организации. 26 октября 1926 г. Геббельс получил самый важный в пропагандистском отношении пост в партии.

Он получил при этом необычайные полномочия. Геббельс, заявил Гитлер, отвечает только предо мной лично; Геббельс был целиком освобожден от подчинения руководителям имперских комитетов организации и пропаганды. Берлинские штурмовые отряды, всегда ревниво охранявшие свою самостоятельность от посягательств руководителей гражданской организации, тоже были подчинены Геббельсу. Далюеге был отозван.

Геббельс имел основания добиваться независимости в области пропаганды. Дело в том, что с середины сентября Штрассер стал имперским руководителем всей партийной пропаганды. Это был «второй по важности» пост в партии, как меланхолически выразился сам Штрассер; первый пост, а именно руководителя в области организации, Гитлер поручил генерал-лейтенанту в отставке Гейнеману, не преследовавшему честолюбивых целей. В качестве руководителя пропаганды Штрассер мог развивать свою деятельность только на глазах у всех; здесь у него не было возможности создавать тайные опорные пункты и устраивать подпольные связи между окружными организациями.

В своей новой должности Штрассер подарил партии несколько удачных идей. Так, он объявил день 9 ноября днем партийного траура в память павших у мюнхенской Фельдгернгалле; далее, он обязал каждого члена партии носить в свободное от работы или службы время на видном месте партийный значок—свастику как самое лучшее средство пропаганды.

Он держался теперь в партии в известной мере легального курса; только повиновение Гитлеру и лойяльная работа могли дать ему влияние в партии. Брат его Отто продолжал однако работать в берлинском издательстве над программой будущего национал-социалистического строя,—уже самый факт такой работы означал неповиновение Гитлеру. Лучи нового учения оказали сильное действие на клеточную ткань растущего национал-социализма, но сам источник этого излучения должен был скрываться в тени. Когда же он под конец показался на свет божий, его немедленно устранили.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Д-Р ПАУЛЬ ГЕББЕЛЬС

Гитлер поставил молодого Геббельса во главе берлинской организации не только в благодарность за его услуги в Бамберге и Веймаре. Геббельс показал себя не только горячим приверженцем национал-социализма, но и восторженным поклонником самого Гитлера, по крайней мере он сумел прикинуться им.

«Уважаемый, дорогой Адольф Гитлер,—пишет он в заискивающем тоне после бамбергской конференции,—я очень многому у вас научился, вы по-товарищески показали мне совершенно новые пути...» Вслед затем он просит Гитлера включить его в свой «генеральный штаб».

«Люди имеются. Позовите их. Еще лучше—призовите их, одного за другим, если вы найдете их достойными... И пусть придет тогда день, когда чернь будет галдеть и реветь вокруг вас и будет кричать: распни его. Мы в этот момент будем стоять вокруг вас, как железная стена, и петь: «Осанна».

Конечно этот услужливый певец осанны не может вычеркнуть из своего прошлого, что он некогда вместе с участниками группы Штрассера строил козни против Гитлера; но он реабилитирует себя опять бранью по их адресу: «Теперь я вижу вас насквозь; вы—революционеры на словах, пустые болтуны... Моя установка никогда не была такой... Не болтайте так много про идею и не воображайте, что вы одни носители этой идеи. Учитесь и имейте доверие. И верьте в победу этой идеи. Тогда с вашей стороны не будет уходом в Дамаск, если мы сплотимся вокруг ее творца, вокруг вождя; тогда мы поклонимся ему не из византийского раболепия, а как наши предки, сохранявшие свое гордое достоинство перед престолом, мы преклонимся перед ним с чувством уверенности, что он больше каждого из нас, что и он лишь орудие в руках божественной воли, которая творит историю».

Кроме того Геббельс постарался итти за вождем также в мелочах. Он копирует например его позицию в вопросе об участии в выборах. Так, когда д-р Фрик с гордостью доказывал в «Национал-социалистическом ежегоднике» за 1927 г., как много может сделать даже небольшая национал-социалистическая фракция в рейхстаге своим прилежанием и искусно сформулированными законопроектами, Геббельс напал на него в открытом письме:

«К чорту ваши законопроекты! Что общего у нашего евангелия с законопроектами?» Затем он с умилением рисует картину, как в один прекрасный день вождь пошлет из своего сераля всем этим депутатам шелковый шнурок: «Когда придут выборы, только вождь решает, кто попадает в список кандидатов. Старый мандат дает только право выжидать, позовут ли его обладателя. В списке будут чередоваться лучшие агитаторы и лучшие боксеры движения... В большие дни парламента эти двадцать человек выступают единой фалангой. Как дубы стоят они перед трибуной рейхстага: десять ораторов, прошедших через огонь и воду и медные трубы, десять боксеров, искусных во всех приемах боксерской борьбы. Десять человек, умеющих прерывать оратора крепкими словечками, выведут из себя даже г. Штреземана, и, когда хулиганствующая демократия красной и розовой масти, занявшись швырянием чернильниц, попытается таким образом доказать величие свободы, равенства и братства, несколько сокрушительных зуботычин быстро научат ее уму-разуму».

Если бы сам Геббельс попал в парламент, из вышеописанного разделения труда на его долю достались бы только крепкие словечки, а не раздача зуботычин. Это—тщедушный, маленький, прихрамывающий человечек. Среди товарищей, которые почти все побывали на войне, он единственный «неслуживший», должен прокладывать себе дорогу хитростью, как карлик среди великанов. По уму он превосходит средний уровень национал-социалистических политиков, но у него нет стойкости и целеустремленности, он лавирует между различными системами и методами и тверд только в одном — в продвижении своей собственной персоны. В своей брошюре «Наци-соци» Геббельс изображает национал-социалистическое государство будущего: во главе его стоит диктатор, а органы его—сословно-профессиональный экономический парламент и сенат из двухсот членов, назначаемых диктатором пожизненно (в случае смерти одного из них сенат выбирает ему преемника путем кооптации). Сенат выбирает канцлера, который «определяет» политическую линию. Это, можно сказать, сон на яву, ибо Геббельс конечно имеет в виду не государство будущего «вообще», а национал-социалистическую партию, в которой при «диктаторе» Гитлере фактическое руководство будет когда-нибудь принадлежать «канцлеру» Геббельсу.

Геббельс не рожден для роли политического деятеля; для него остается скрытой внутренняя связь событий, у него нет также логики Гитлера. Но этот мечтатель умеет находить людей: он окружил себя лучшими и более преданными сотрудниками, чем это удалось Гитлеру. Он действительно обладает правильным инстинктом, который зря приписывается Гитлеру; хотя он мыслит и выражается куда менее доступно для масс, чем Гитлер, он умеет привлекать и ослеплять их именно этой «дистанцией». Главная заслуга Геббельса как агитатора заключается в том, что он стилизовал национал-социалистическую пропаганду под героическую легенду. Гитлер требует героев для спасения Германии, у Геббельса они уже налицо. Когда он в своем «Ангрифе» («Нападение») описывает, как штурмовики идут по улицам спя-

щего Нейкельна в дождливую ночь, это напоминает поход десяти тысяч[99], и никто из национал-социалистических мучеников не был в такой мере воспет и канонизирован, как убитый берлинский студент Хорст Вессель[100]. Геббельсу не дана простота стиля; когда он в своем органе прощается с рурской организацией, он не сообщает просто о том, что его перевели в Берлин, нет, он выражается так: «Жребий пал и судьба решила против вас и против моей воли». Он не может просто сказать, что он, как все смертные, купил билет в Берлин и в сорок минут восьмого прибыл на вокзал Зоологического сада. «С грустью в душе,—пишет он,—я снимаюсь с лагеря, и когда эти строки будут в ваших руках, пар будет бешено мчать меня в великую асфальтовую пустыню Берлина». Даже в вагоне он желает казаться героем. «Национал-социалистическую песню будут когда-нибудь распевать на баррикадах», но Геббельс не может произнести эти слова просто, это звучит у него куда вычурнее: «Аккорды ее (песни) станут революцией на баррикадах свободы». А когда он хочет сказать, что надо сначала завоевать улицу, а потом уже приступить к завоеванию государства, он пишет: «Доминанта (!) улицы—ближайший претендент на государство».

Это так и просится в александрийские вирши. Не случайно речь Геббельса—винегрет из имен существительных, порой смешных, иногда удачных.

Быть может наша оценка несколько обидна для Геббельса как человека, но не для Геббельса как агитатора. Он родился в 1897 г. в Рейнской области; ему пришлось выдержать борьбу, чтобы освободиться от влияния среды. Стипендия католического «Общества Альберта Великого» дала ему возможность учиться, и семь университетов видели в своих стенах этого беспокойного гостя—он слушал германистику и историю литературы. По своим влечениям это литератор, если хотите—даже беллетрист; не столь даровитый, сколь путаный и тяжеловесный, лишенный чувства гармонии и всего связанного с ней: такта, вкуса и стойкости. В глубине души он всегда чего-то ищет; сомнения явно преобладают в нем над верой, жизнь до сих пор не подарила ему ничего, что вызвало бы в нем действительное, искреннее восхищение. Несчастливые задатки, быть может также физический недостаток, сделали его беспочвенным эгоистом. Таким образом талант его сосредоточился на собственном «я» еще в большей мере, чем у Гитлера. «Под конец я при затаившем дыхании в зале произнес новое слово: неизвестный штурмовик»—так он способен, не краснея, славить самого себя как непревзойденного творца крылатого слова.

Геббельс утверждает, что он еще в 1923 г. основал в оккупированной территории местную группу национал-социалистической партии и был посажен бельгийцами в тюрьму. Это одна из его версий. При других обстоятельствах он рассказывал, что попал в тюрьму за свою агитацию в пользу Гинденбурга; при этом его якобы избивали нагайками. Его бывшие партийные товарищи неоднократно объявляли в печати это утверждение ложью, и он ни разу не обращался против них к помощи суда. Что касается его местной группы 1923 г., то в «Фелькишер беобахтер» за этот год ни единым словом не упоми-

наются ни эта группа, ни ее основатель, а между тем «Беобахтер» отмечал тогда даже малейший успех партии. В 1924 г. Геббельс редактировал националистическую газету в Эльберфельде, находясь вначале на стороне Людендорфа, затем его привлек к национал-социалистам руководитель местной организации Карл Кауфман, откуда его извлек на свет божий Штрассер. Его романы и драмы не имеют художественной ценности,—это отсебятина автобиографического характера; в них говорится о религиозных и моральных сомнениях автора и его внутренней борьбе с ними, это протест сознательной личности против духовных оков; в этих произведениях нет не только социализма, но и какой бы то ни было политики.

Геббельс много занимался, покуда получил свое докторское звание; несмотря на это, он превосходит даже Гитлера по части непереваренности материала, составляющего его умственный багаж. Его речи и писания—самые кипучие и быть может самые оригинальные в национал-социалистической литературе, но вместе с тем они беднее всего по части продуманного содержания. Гитлер так или иначе приобрел познания хоть в специальной области—по вопросам внешней политики; у Геббельса же нигде не заметно следов солидных знаний.

Итак, лучший после Гитлера агитатор партии был, как и сам он, «богемой» и остался им еще в большей мере, чем Гитлер. Он—изящно выражающийся партийный оратор. Иногда ему удаются замечательные зарисовки; так например он констатирует, что в настоящее время множится тип рабочего, который смело можно противопоставить буржуазным филистерам как «рабочего филистера», так как не только сытость, но и голод, раз человек к нему привык, делает его филистером. И тут же он обращается к своим рабочим со страстным призывом: «Поднимайтесь, молодые рабочие аристократы! Вы дворянство третьей империи; посев, окропленный вашей кровью, даст прекрасную жатву. Сожмите кулаки, наморщите лоб. Разрушьте равенство демократии, которое закрывает рабочей молодежи путь к выполнению ее исторической миссии». Можно ли поверить в искренность этих слов? Когда Геббельс называет рабочих своими товарищами и обещает «сгладить грубость пролетария», то это производит примерно такое же впечатление, как если бы элегантная артистка поцеловала революционера матроса.

Очень скоро среди берлинских приверженцев Геббельса пошли разговоры, что «доктор» не всегда проявляет достаточную храбрость.

«Я разъезжаю без партийного значка и редко вмешиваюсь в политические разговоры, обычно нахожу это ненужным и нецелесообразным»—признается он. А между тем имперский руководитель партийной пропаганды чуть ли не приказал носить значок со свастикой как самое лучшее средство пропаганды. С красноречием испуганного насмерть человека автор статьи в «Фелькишер беобахтер» (1927 г. Судя по стилю она принадлежит самому Геббельсу) описывает, какими опасностями окружена жизнь руководителя берлинской организации.

Автор посетил кого-то в больнице и, выйдя на улицу, видит, что она «занята марксистскими слугами мамона, совсем как во время гражданской войны; противник реквизировал с соседних строек кирпичи

и сложил их у себя под рукой, чтобы забросать д-ра Геббельса камнями по (ветхозаветному) ритуалу. Тяжелый, роковой час! И вот как раз в тот момент, когда д-р Геббельс находится в раздумьи, повернуть ли назад в один из корпусов больницы Вирхова или же пойти вперед на улицу—принять смерть под рев Freiheit!.. слабоумных единоплеменников—как раз в этот роковой момент на улице появляется символ этой республики: резиновая дубинка. Улица свободна».

Еще больше «ужасов» в другой истории, описанной тем же бойким пером. Это—поездка на автомобиле, во время которой руководитель берлинской организации видит чуть ли не привидения. «Вдруг д-р Геббельс приподнимается со своего места. Стой, товарищ шофер, стой! Автомобиль останавливается. Что случилось, доктор?—Не знаю, но нам угрожает опасность. Мы нащупываем в кармане револьверы и выпрыгиваем из автомобиля. Никого не видно, ничего не слышно. Осматриваем со всех сторон машину: все четыре камеры надуты и прочны. Но стой, что это? Действительно, на заднем левом колесе недостает четырех гаек. Из пяти гаек нехватает четырех. Дьявольская подлость. Злой умысел подтверждается следами неумелой работы».

И для других национал-социалистических главарей профессия агитатора тоже была не безопасной. Грегор Штрассер после одной потасовки даже пролежал несколько недель в кровати. Однако никто не проявил такой нервности, не чуял на каждом шагу опасностей; никто так старательно не вносил свои переживания в партийную хронику. Не удивительно, что Штрассер возмущенно пишет в конце апреля 1927 г. в своей «Берлинской рабочей газете»: «У солдат фронтовиков не принято рекламировать свои поступки и каждый раз восхвалять себя в торжественных статьях, как это практикуется кое-где в нашей партии». Геббельс вообще давал обильную пищу для злых языков из кругов Штрассера.

Эрих Кох, впоследствии руководитель кенигсбергской организации, хорошо знавший Геббельса еще по эльберфельдскому периоду, поместил в том же номере штрассеровской газеты статью под заглавием: «Результаты смешения рас». На первый взгляд безобидный «научный» очерк, доказывающий, что «люди с изуродованными ногами — подозрительные субъекты». «Берегись меченого» — говорит нижнесаксонская пословица. Эта народная мудрость, пишет автор, продиктована опытом, она указывает на результаты смешения рас и предостерегает от людей, являющихся продуктом такого смешения. Ричард III был горбатым и хромым, шут Людовика XIII был калекой, а у Талейрана, с его неуклюжими обрубками вместо ног, был особенно плохой характер.

«Вряд ли можно применять к этому человеку почетное слово—характер. Он умел раздувать дело, ослеплять, распускать на весь мир ложные сенсации, без зазрения совести использовать преданность других и затем бросать их как выжатый лимон, чтобы присвоить себе чужие заслуги. К тому же он был искусен в благородных искусствах клеветы, интриг и лжи. Он предал по очереди своего императора Наполеона и своего короля Людовика XVIII».

Под маской истории перед нами конечно не что иное, как пасквиль на руководителя берлинской организации; в партии подвергали большим сомнениям арийское происхождение Геббельса, которого ненавидели за его характер. «Довольно примеров,—говорится дальше в указанной статье,—все они показывают нам, к каким ужасающим результатам приводит смешение рас, дегенерация рас. Лица с физическими и духовными недостатками, обусловленными их расовым происхождением, правда, нередко обладают качествами и способностями, которые вначале подкупают в их пользу; но эти достоинства подобны вспыхиванию электрической лампочки перед коротким замыканием тока и наступлением постоянной темноты. Это—всегда смышленые, но безмерно честолюбивые, бесчувственные эгоисты, приносившие до сих пор народу только вред».

БОРЬБА ОТРАВЛЕННЫМ ОРУЖИЕМ ЗА БЕРЛИН

Лозунг «завоевания Берлина», с которым выступил Геббельс в конце 1926 г., был вначале чисто академическим начинанием с подделкой под народный тон. Гитлер со своей семеркой сразу попал из Мюнхена в мировую политику, и в 1927 г. он уже «учитель» всего немецкого народа, а не просто агитатор. Напротив, Геббельс сознательно ползает со своей пропагандой по дну столицы и нападает не на верхушку, а на низших представителей власти. Гораздо больше, чем рейхсканцлер Маркс и министр президент Браун, его интересует помощник начальника полиции д-р Вейсс; этого чиновника еврейского происхождения Геббельс тотчас же наградил именем Исидор. Когда д-р Вейсс доказал на суде, что его имя вовсе не Исидор, Геббельс стал полемизировать просто против Исидора без фамилии; «Исидор»—это система, имя же берлинского помощника начальника полиции ему совершенно безразлично. Словечко «система» придумано Геббельсом; он же ввел в обиход в национал-социалистической пропаганде слова «третья империя», заимствовав их из книги Меллера ван-дер Брукка.

«У нас здесь не желают знать о «высоком уровне» полемики, нам здесь наплевать на эти финтифлюшки»—писал он прежде из Рурской области и с этим же «принципом» он двинулся в поход на Берлин. Перед ним великая цель: «Совершить революцию, чтобы освободить класс, а через этот класс отечество, вот наша задача, задача немецкой рабочей молодежи физического и умственного труда. Историческая задача немецкого рабочего заключается в освобождении Германии».

«Эта свобода должна быть сначала завоевана внутри страны: без свободного рабочего нет свободной Германии»—заявляет он. Но эта Германия—не Германия старых мечтателей-утопистов: «Новое государство покоится не на однообразии, а на диференциации. У нас никогда не было принято смазывать различия, фактически вытекающие из труда, жертв и заслуг».

Это было уже более чем высокомерное «привлечение рабочих»; это звучало как «обновление» пролетариата, как возведение его в дворянство продуктивной нации. Здесь есть пожалуй доля беллетристики; пожалуй больше от Моммзена [101], чем сострадания к не-

счастным, которых Геббельс гнал на битву в интересах партии, утешая их перспективой национального рая, векселем на предъявление в потусторонний мир. Но в истории таким пророкам всегда приходится отвечать на вопрос малых сих: учитель, скажи, что же нам делать? «Приносите жертвы,—отвечает Геббельс,—приносите жертвы, как вам приказывают». Но после его пламенной проповеди его конкретные указания просто омерзительны. «Национал-социалисты,—пишет «Ангриф» в сентябре 1927 г.,—остерегайтесь дома № 14 по улице X, 2-й этаж. Там живет г. Y, один из самых опасных ваших преследователей». Через несколько дней он тем же манером науськивает своих читателей на другого противника: «Национал-социалисты! Мы опять должны предостеречь вас от одной опасной местности...». Если г. Y или г. Z станут теперь жертвой жестокого избиения, то «Ангриф» умывает руки: ведь он «предостерегал»... Такое циничное подстрекательство к чисто хулиганским, люмпен-пролетарским поступкам тоже заставляет сомневаться в искренности Геббельса и его превознесения рабочих до небес; слишком уж напоминает оно даровое пиво.

Самым подходящим центром для берлинского национал-социализма были буржуазные предместья Фриденау и Штеглиц, старые вотчины немецкой национальной партии; отсюда уже в 1927 г. начато было наступление на северную часть города. Восточная часть еще долгие годы оставалась неприступной крепостью для национал-социалистов. Зато в залах Фаруса и в пивной Бок-Брауерей они во-всю дрались с коммунистами, и Геббельс не преминул увековечить в партии битву в залах Фаруса по образцу битвы в пивной Хофброй. Кровавый миф о столкновении при Фельдгернгалле, при котором как-никак действительно погибло четырнадцать человек, почти не дошел до сознания берлинцев; зато вокруг нескольких крупных драк в предместьях у городской железной дороги скоро создалась своя «традиция». Два года спустя официальная, наспех состряпанная история партии, говоря о «первых стадиях движения», подразумевает под этим уже никак не пивную Хофброй или гитлеровский путч, а «битву в Лихтерфельде», и вождем был здесь уже не Гитлер, а Геббельс. Последний в интересах собственной славы преподнес берлинцам политику, ориентирующуюся на местные интересы, впрочем он мог сослаться в свое оправдание на то, что гордым жителям германской столицы никак нельзя было преподнести национал-социализм в виде баварского продукта. «Нужды нет, пусть движение получит в разных местах несколько разную окраску»—сказал даже Гитлер, когда ему жаловались на это обстоятельство.

ГЕББЕЛЬС НАРУШАЕТ ЗАКОННОСТЬ

Однако руководитель берлинской организации вскоре разочаровал Гитлера в другом отношении.

Геббельс отправился в «асфальтовую пустыню», в «резиденцию неполноценного человека» с намерением сыграть здесь роль апокалиптического всадника в греховном Вавилоне. С июля 1927 г. он издает

здесь еженедельную газету «Ангриф», которая стремится убить своей конкуренцией стоящую в идейном отношении выше ее «Берлинскую рабочую газету» Штрассера. Геббельс ищет борьбы на улицах и на митингах и руководится при этом следующим соображением. Кто с помощью террора и грубых наскоков проводит свое миросозерцание против всех внешних сил, тот будет рано или поздно иметь в своих руках власть и следовательно будет иметь право свергнуть существующее государство. Что мешает нам и здесь додумать до конца, а главное—действовать до конца? В результате его сражений на митингах и на подземной железной дороге берлинская полиция получила повод уже в мае 1927 г. запретить национал-социалистическую партию в Берлине и пригородах. Можно оставить в стороне вопрос о том, охотно или неохотно воспользовалось прусское правительство Брауна и Гжезинского этим поводом. Во всяком случае то обстоятельство, что оно нашло этот повод только в Берлине и кроме того в нескольких небольших городках прирейнской области, не свидетельствует об искусном руководстве берлинской организации. Гитлер, который в том же мае впервые выступал в Берлине перед закрытым массовым собранием в несколько тысяч человек в «Клу» и ничего не желал так страстно, как получить наконец разрешение выступать публично также в Пруссии, был очень раздосадован «несчастным случаем» с Геббельсом.

В самом деле, кое-где Гитлер постепенно снова наладил более или менее сносные отношения с правительством. Баварское правительство отменило в начале марта 1927 г. запрет публичных выступлений Гитлера. Зато Гитлер должен был через лидера своей фракции в баварском ландтаге Бутмана заверить министра внутренних дел: «...что партия не преследует никаких противозаконных целей и не будет также применять никаких противозаконных средств для достижения своих целей». Кроме того партия должна была взять на себя обязательство, что при основании и использовании штурмовых и защитных отрядов и прочих вспомогательных партийных организаций не будет допущено никаких нарушений закона, а именно, что эти организации не будут заниматься военными делами и не будут присваивать себе полномочий полицейских.

Итак баварский министр внутренних дел снова приступил к старой, лишь несколько модернизованной практике соглашений на «честное слово»; впрочем не для того, чтобы успокоиться на обещаниях Гитлера, а для того, чтобы связать его как агитатора. Гитлер согласился на все, лишь бы получить снова разрешение выступать. Ибо в конце концов, если его движение стало кое-чем, то конечно благодаря его речам, а не благодаря военным упражнениям капитана Пфеффера.

ПРИСТАВШАЯ ЩЕПА ИЗ ПРАВОГО ЛАГЕРЯ

Люди рассудительные признали это открыто. «Я без околичностей подчиняюсь г. Адольфу Гитлеру. Почему? Потому что он доказал, что умеет быть вождем». Это сдержанное признание было написано в январе 1927 г. тем же графом Ревентловым, у которого Гитлер еще

год назад лично сорвал созванный им митинг. Ревентлов разошелся с Грефе и Вулле, когда «народная партия свободы» стала таять под натиском национал-социалистической агитации в Северной Германии. Лично Ревентлов был врагом «помещичьего скрыто капиталистического направления среди националистов» и помышлял о национал-социалистической партии под совместным руководством своим и Штрассера. Однако Штрассер должен был признаться ему, что успешное сотрудничество между ними возможно лишь в том случае, если он,— где наша не пропадала,—послушно подчинится партийному папе в Мюнхене. Граф отправился к Гитлеру и вступил с ним в переговоры. Ему пришлось торжественно отречься от своих прежних утверждений, что Гитлер продался Риму; после этого он был принят в партию. Ему был обещан верный мандат в рейхстаг. Через несколько дней вступил в партию на тех же условиях представитель немецко-национальных торговых служащих в рейхстаге Штер, наряду с Фриком пожалуй самый типичный парламентарий в национал-социалистической партии. Оба они усилили в партии крыло, возглавляемое Штрассером; в частности Ревентлов поддерживал внешнюю политику Штрассера. Вскоре после своего перехода в национал-социалистическую партию Ревентлов, выступая официальным докладчиком на партийном съезде в Нюрнберге, заявил: мы не должны забывать, «что мы— национальные социалисты и поэтому никогда не должны проводить такую внешнюю политику, которая служит или могла бы служить капиталистическим интересам».

В июне того же года вернулись к Гитлеру также вюртембергские «фелькише» во главе с Мергенталером. Выждав для приличия некоторое время, сплавили весной 1928 г. слабого руководителя Мундера. После небольшого интермеццо Мергенталер сменил его в руководстве вюртембергской организации.

За исключением Мергенталера эти перебежчики не имели за собой армии, и «усиление» ими фракций Гитлера было в лучшем случае личным триумфом сомнительного характера. К берегу Гитлера приставала щепа от потерпевшего крушение корабля «фелькише»; это не давало добавочного тоннажа. И если Гитлер еще должен был быть благодарен этим подозрительным возвращенцам и обещать им мандаты, то это лишь свидетельствует о том, что ему дозарезу необходим был даже малейший прирост партии.

В то время национал-социалистическая партия пользовалась лишь умеренным влиянием на правом фланге немецкой политики; по политической активности ее превосходил не только Стальной шлем, но даже младогерманский орден.

Однако рост влияния, к тому же преувеличенный, той части левых, которые в душе желали нового обострения ситуации, толкнул эти союзы на неосторожные поступки; это пошло потом на пользу Гитлеру. Поворот младогерманцев в сторону центра расстроил фронт военных союзов: Мараун[102] предпринял свою «рекогносцировку» в Париж в интересах франко-германского соглашения и своим меморандумом министерству рейхсвера сорвал сплоченное выступление других организаций. Уже в октябре 1926 г. Стальной шлем, к которому

одно время примкнул и капитан Эрхардт, выступил с лозунгом: «Работать с государством». Он дошел в этой «положительной» политике вплоть до требования: «больше власти президенту». Цель заключалась в том, чтобы обходным путем через президента создать правительственный правый блок, который потом пожрал бы государство. Но именно это отвергалось Гитлером; он считал, что таким путем правые не пожрут государства, а будут пожраны им. Это было правильно, пока левая вообще имела еще вес в немецкой политике, а она имела его еще много лет.

СОЛДАТЫ СТОЯТ ДЕНЕГ

Если партия вообще желала иметь политическое будущее, она не могла не стать теперь во враждебные отношения с обособленными военными союзами. Но в таком случае Гитлер должен был дать своей партии также собственную военную организацию, занимающуюся не только расклейкой плакатов и сбором объявлений для «Беобахтера». Поэтому ему приходилось во многом мириться с пфефферовской игрой в солдатики, с чем он в душе был не согласен. Таким образом в середине 1927 г. Пфеффер привел штурмовые отряды в такое состояние, что, если как сила они еще далеко не могли сравняться со Стальным шлемом, то отчасти могли соперничать с ним как образцовое предприятие. Во время Нюрнбергского съезда партии 21 августа демонстрировало около двадцати тысяч штурмовиков, стало быть в три раза больше, чем в прошлом году. Гитлер мог отважиться теперь превратить в дело свои слова: «Нам не нужны люди, которые душой еще с другим союзом». Принадлежность национал-социалистов к другим военным союзам—в 1925 г. нечто чуть ли не само собой разумеющееся—стала с 1927 г. невозможной.

Гитлер торжественно связывал теперь свои штурмовые отряды с судьбами Германии; на Нюрнбергском съезде он давал им поручения всемирноисторического значения:

«Вы сохраните это знамя,—сказал он при освящении рейнского штандарта,—пока придет день и немецкий Рейн снова будет немецким». Венского знаменосца он напутствовал словами: «Вы принимаете это знамя как знак неразрывности нашего движения, пока не будут разорваны Версальский и Сен-Жерменский позорные договоры». Эссенцам он вручил знамя со словами: «Представителям старой оружейной мастерской германской империи».

Смотр сил на Нюрнбергском партийном съезде принес некоторое утешение после печальных веймарских дней. Заслуга в этом принадлежала в первую голову Пфефферу, так как партийный съезд был главным образом триумфом штурмовых отрядов. В ряды последних удалось привлечь остатки Фронтбанна и всех прочих местных дружин, не поглощенных Стальным шлемом или Вервольфом. Это конечно стоило денег, а средства партии были еще скудны; почти все ушло на штурмовые отряды. Геббельс например приехал еще в 1926 г. в Берлин, можно сказать, без пфеннига в кармане, хотя был тогда уже знаменитым в Германии агитатором. Поэтому на съезде

решено было приложить особые усилия, чтобы добыть денег. Был основан «имперский круг жертвователей», который в свою очередь состоял из местных «кругов жертвователей», т. е. из состоятельных членов партии и сочувствующих, регулярно плативших большие взносы.

Кроме того на всех членов партии возложен был чрезвычайный единовременный сбор по две марки с человека; на собраниях, в которых выступал Гитлер, стали продавать по высокой цене места в ложах. В общем «круги жертвователей» вскоре дали руководителям областных организаций возможность работать в более сносных условиях, улучшили их материальное положение. В 1927 г. Геббельс уже разъезжает по Берлину в большом автомобиле, и корреспонденция в «Ангрифе» с упоением описывает красоту этого автомобиля (причем газета не преминула также несколько раз назвать марку автомобиля), который во время одной пропагандистской поездки бросался вперед, словно большой серый тигр.

ВТОРОЙ СТАРТ ШТРАССЕРА

Больным местом был не только денежный вопрос. И в прочих отношениях гражданская организация оставалась в загоне в сравнении со штурмовыми отрядами. Это со временем не могло не стать опасным, так как усиливало преобладание Пфеффера. Генерал-лейтенант Гейнеманн, человек больной, не справлялся со своей задачей главного партийного организатора. Волей-неволей Гитлеру пришлось поставить на этот пост лучшую силу, имевшуюся в его распоряжении,—Грегора Штрассера. В декабре 1927 г. Штрассер заменил Гейнеманна. К тому же времени партия получила новое пополнение из лагеря «фелькише»; в нее вступил депутат прусского ландтага Кубе. Кубе, как и Ревентлов и Штер, был близок к кругу Штрассера; с Геббельсом он одно время был в столь враждебных отношениях, что вызвал раз полицию против берлинских национал-социалистов. В его лице Штрассер получил стало быть нового союзника. Другой опорой его были защитные группы. Во главе их стоял старый соратник Штрассера—Химмлер[103]; эти группы как гражданская организация партии постепенно становились противовесом пфефферовским штурмовым отрядам. В конце 1927 г. положение Штрассера в партии снова очень упрочилось, поскольку это вообще возможно было при Гитлере. Через два года после неудачи в Бамберге Штрассер снова выслужился.

ПРОВАЛ НА ВЫБОРАХ

Майские выборы 1928 г.[104] показали, как жестоко обманулась партия, судя о своем политическом влиянии по успехам на митингах и по парадам штурмовых отрядов.

Вначале казалось, что выборы пройдут успешно для партии. Попытка конкурентов из лагеря «фелькише» сколотить блок окончилась ничем. В Баварии генерал Эпп перешел к национал-социа-

листической партии и немедленно был выставлен во главе кандидатских списков в трех избирательных округах.

Эпп напечатал в «Беобахтере» пространную и довольно высокопарную декларацию по поводу своего вступления в партию Гитлера. Он должен был признаться, что первоначально искал связи с баварской народной партией и намеревался даже организовать для последней особый военный союз. С достойной похвалы откровенностью он признался, что сблизился с баварской народной партией потому, что «в ее руках находились в правительстве ведомства, наиболее важные для национального движения»—другими словами, потому что она имела власть. Эпп был монархистом, но он разошелся с принцем Рупрехтом; поэтому он держался в стороне, когда баварские генералы предали остракизму Людендорфа за его конфликт с принцем. В своей декларации Эпп заявлял, что теперь не время спорить о будущей форме правления в Германии, хотя он считает этот вопрос немаловажным, а напротив, весьма существенным; никто, писал генерал, не будет ожидать, что я изменю свой образ мыслей в этом вопросе; точно так же я остаюсь верен своим федералистским убеждениям; ни один разумный человек, желающий использовать силу Баварии, не может отрицать роли последней. Это была старая баварская программа Гитлера; в последнее время она была лишь несколько видоизменена Розенбергом, который объявил второстепенными как вопрос о монархии, так и вопрос о федерализме.

Партия могла еще позволить себе такие разногласия, так как ясно было, что пройдет немало времени, пока от слов она должна будет перейти к политическим действиям. На выборах 20 мая 1928 г. партия получила во всей Германии 807 000 голосов, тогда как националисты из лагеря Грефе собрали только 265 000 голосов и не провели ни одного из своих кандитатов в рейхстаг. У Гитлера было теперь двенадцать депутатов вместо прежних семи; однако по сравнению с декабрьскими выборами 1924 г. число мандатов все же сократилось на два, а по сравнению с майскими выборами 1924 г. даже на двадцать. В прусском ландтаге у Гитлера было теперь шесть депутатов вместо одного, в Баварии—девять вместо шести, в итоге все-таки почти в три раза меньше, чем в 1924 г. После майских выборов 1928 г. партия производила такое невзрачное впечатление, что 31 мая был отменен запрет берлинской организации, а через несколько месяцев был отменен также запрет для Гитлера выступать в Пруссии.

Из выбранных на этот раз двенадцати депутатов Гитлер мог безусловно положиться только на двоих: на председателя его УША, майора Буха и на Геринга. Последний вернулся из-за границы, и его друг Гитлер поставил его на пост, купленный им ценой крови и денег. Нельзя сказать, чтобы Геринг принадлежал с тех пор к числу неутомимых работников партии; как Гитлер и Эпп, он был одним из сибаритов в партии. Отныне он наряду с Розенбергом, которого впрочем сильно недолюбливал, принадлежал к кругу приближенных советников Гитлера; его симпатии и связи в обществе делали его посредником между партией и всем ее не национал-социалистическим, капиталистическим, на худой конец и еврейским окружением.

После выборов 6 мая 1928 г. ни один национал-социалист не думал, что его партия через два года станет второй по силе партией в Германии, а еще через год—даже самой сильной. Было смутное чувство, что партия до сих пор шла не по настоящему пути. Партия—заявил Штрассер—нуждается не только во внутреннем развитии и укреплении своей организации, но и в пересмотре и усовершенствовании своих методов, особенно же в сосредоточении своих духовных сил. Когда он писал это, он вряд ли отдавал себе отчет, что и как должно быть сосредоточено. Это было лишь присущее всем мнение, что у партии не было тогда никакой линии.

Сущность идейного кризиса, переживаемого партией, заключалась в том, что члены ее должны были отрешиться на время от всяких воспоминаний о пулеметах и ручных гранатах 1923 г., но в то же время сохранить в душе свою боевую романтику и солдатскую верность вождю. Обыкновенная партия могла бы быть довольна результатами выборов 1928 г. У нее было в общем тридцать восемь представителей во всех германских парламентах—для молодой, существующей всего три года партии это приличное достижение. Но партийная публика не могла забыть, что партия собственно существовала еще в 1919 г. и что в 1923 г. она объявила низложенным президента республики. Волей судеб реванш затягивался; члены партии естественно приходили к мысли, что во всем виновата перемена тактики партии. Гитлер счел целесообразным отказаться в этом году от обычного партийного съезда и заменить его более узкой «конференцией вождей» в связи с полагающимся по уставу партии созывом общего собрания членов в Мюнхене.

О брожении, происходившем тогда среди партийной публики, ярко свидетельствует следующий шаг Гитлера. В конце июля 1928 г. он поспешил запретить местным организациям созыв конференций своих членов до мюнхенского общего собрания членов партии; назначенные конференции должны были быть отменены. Различные местные группы были распущены за неподчинение. Очевидно Гитлер опасался, что окружные организации предъявят через своих представителей определенные требования; таким образом получалось бы нечто вроде парламентаризма, который мог бы подорвать его авторитет на конференции вождей.

Однако, даже заткнув всем рот, Гитлер, открывая 31 августа конференцию, чувствовал, что ему не удалось подавить критики. Он произнес взволнованную речь о принципиальных вопросах, заявив: мы вообще не будем говорить, все дело—в послушании и дисциплине; каждый в составе имперского руководства партии имеет свою область и должен в точности держаться рамок своей компетенции; иначе не выйдет никакого толку.

Тем не менее нашелся человек, который не дал себя запугать. Это был Артур Динтер, руководитель окружной организации Тюрингии; он предложил учредить при вожде «сенат»; правда, сенаторов должен был назначать сам Гитлер. Однако при созыве первых палат

всем монархам приходилось в общем брать тех людей, которых им предлагали. Раз собравшись и начав работать, сенат в одно прекрасное утро, чего доброго, выбрал бы себе также председателя. В таком случае в партии уже осуществлено было бы государство будущего с канцлером, имеющим «решающее значение»,—план, о котором мечтал Геббельс.

Гитлер обрушил на Динтера град насмешек и издевательств. Нет, он ни в грош не ставит советников. Он никогда не прибегнет к совету людей, не отдающихся своей должности целиком, не несущих за нее полной ответственности. «Когда мне надо знать что-нибудь о рейхстаге,—сказал Гитлер,—я обращаюсь к Фрику (не к Штрассеру); когда мне надо знать что-нибудь о штурмовых отрядах, я обращаюсь к Пфефферу. По вопросам религии я обращаюсь только к умным и мудрым людям, а умные и мудрые люди вообще исключают эти вопросы из компетенции партии».

Последнее означало не только отказ принять предложение Динтера, но и расправу над самим Динтером. Руководитель тюрингской организации, работавший над созданием нового религиозного учения, названного им «духовным христианством», в самом деле имел неосторожность навязывать партии свои религиозные взгляды. А после катастрофы с Людендорфом каждый ответственный работник в партии считал это верхом политического неразумия. Поэтому Гитлер закончил свои издевательства над д-ром Динтером также угрозой: «...я не потерплю в партии людей, желающих сделать ее ареной религиозно-философских споров. Мне важно, чтобы наша партия, напротив, засыпала пропасть, разделяющую наш народ. Она должна сплотить и католиков и протестантов». Итак, частным делом оказывалась не религия, а вероисповедание.

Гитлеру опять повезло в том смысле, что ему пришлось иметь дело с неловким противником. Конференция единогласно отклонила как «сенат» Динтера, так и его религиозную пропаганду; Динтер был отозван со своего поста руководителя тюрингской организации и вскоре затем исключен из партии.

ПЕРЕСТРОЙКА ПАРТИИ

Конкретным результатом конференции была перестройка партии. С 1 октября партия была поделена на двадцать пять окружных организаций в соответствии с избирательными округами при выборах в рейхстаг. Политически имело значение то, что старый центр влияния Штрассера, рурская организация, был окончательно ликвидирован.

Между руководителями этой организации шла в последнее время грязная склока. Районный руководитель Кох обвинял окружного руководителя Кауфмана в нечестном ведении дел, в том числе денежных. Следственная комиссия района Бергиш-Ланд подтвердила эти обвинения на основании документов, не выслушав однако самого Кауфмана. Во всяком случае подобные инциденты лишали авторитета руководство организации. Гитлер разделил организацию на

два округа, отозвал Кауфмана, а Коха перевел в отдаленный Кенигсберг, назначив его руководителем организации, фактически почти не существовавшей. По прошествии годичного испытательного срока Кауфман был назначен руководителем гамбургской организации.

Стремясь сохранить за собой власть, Гитлер объединил баварские областные организации в один союз, оставив за собой лично руководство последним. Равным образом он долго сохранял за собой высшее руководство австрийским сектором партии, опираясь на решение партийного съезда 1926 г., согласно которому партийное руководство имело право включать в партию всех единомышленников в «государствах под немецким суверенитетом». Таким образом заграничные немцы, какими собственно являлись немцы Богемии и Моравии, торжественно освобождались от суверенитета Мюнхена, и за ними признавалось право на самостоятельность; тем более Гитлер настаивал на подчинении австрийцев. Оскорбленное чувство независимости дунайских единомышленников отомстило за себя тем, что в течение ряда лет число приверженцев Гитлера в Австрии оставалось ничтожным.

ОСОБЫЕ ГРУППЫ

В 1928 г. национал-социалистическое движение начинает обрастать бесчисленными организациями. Если не считать штурмовых отрядов, занимающих особое положение, одним из старых предприятий этого рода был «Национал-социалистический союз борьбы за немецкую культуру». Он возник в 1927 г. на Нюрнбергском партийном съезде. Этот союз был детищем Розенберга; с целью вовлечения членов первоначальная связь союза с партией была замаскирована. Слова «национал-социалистический» уже в 1928 г. были вычеркнуты из названия союза, и последний перестал считаться составной частью партии. На Мюнхенской конференции вождей было возвещено, что союз должен стать отныне «объединением всех немцев в мире без какой-либо политической тенденции, должен собирать беспартийных немцев, духовных и культурных вождей». Нельзя сказать, чтобы беспартийные были подходящим резервом для боевого национал-социалистического движения; с другой стороны, это движение вряд ли могло стать для них духовной родиной. Чувства их примерно выразил один такой «беспартийный» в октябре 1926 г. в «Беобахтере», где он плакался по поводу того, что Гитлер в своей книге безжалостно издевается над «тихими деятелями» и отвергает их. Тем резче критиковал этот «тихий» слишком громких деятелей в штурмовых отрядах: «Членская масса национал-социалистических организаций ведет себя во время публичных выступлений часто так недостойно и недисциплинированно, что стыдишься принадлежать к этому движению». Автор говорил о «сброде», предлагая не слишком полагаться на силу оружия. Розенберг нашелся ответить лишь тем, что в смутные времена нельзя всегда выступать в лайковых перчатках; впрочем он признавал, что теперь нужна организация также и

для чувствительных натур. Но партия в целом никогда не могла по-настоящему сойтись с этими нежными натурами.

Второй аналогичный особый союз был еще более далек от партии в организационном отношении; он и вышел не из нее, а из движения «фелькише» в Средней Германии, однако с течением времени он сросся с партией главным образом на основе личной унии. Это были так называемые «артаманы», «Союз артам»; слово «артаманы» означало на древнегерманском языке: «те, которые защищают страну». Этот союз был основан в феврале 1924 г. Бруно Танцманом и Вильгельмом Котцде и распространился вначале в Саксонии и Средней Германии. Центром союза был город Галле. Конкретной задачей союз ставил себе подыскание работы в деревне для безработной молодежи. В значительной мере этому союзу национал-социализм обязан своим распространением в деревне.

Партия принципиально ни разу не пыталась создать свой особый союз чиновников и служащих. Когда не в меру усердные члены партии выступали с подобными попытками, партийное руководство всегда сводило эти начинания на-нет. В своих собственных интересах партия не могла и не желала конкурировать с большими союзами, представляющими интересы служащих и чиновников. Среди этих слоев росли симпатии к национал-социализму; и партия тем вернее могла рассчитывать на эти симпатии, чем старательнее избегала даже видимости нарушения материальных интересов этих слоев. Еще в начале 1923 г. Гитлер поспешил заявить, что он «всегда защищал основные права государственных служащих против злоупотреблений и нарушения их интересов». В 1926 г. Веймарский партийный съезд по предложению Фрика выступил с требованием «сохранения профессионального чиновничества и его конституционных прав». Итак партия готова была даже признать веймарскую конституцию, лишь бы обеспечить себе симпатии чиновников и служащих.

Если национал-социалисты имели таким образом разумные основания не создавать своих организаций чиновников и служащих, то они все же охватили часть служащих, особенно важную в культурном отношении, а именно учителей. В начале 1929 г. основан был сперва в Верхней Франконии «Национал-социалистический союз учителей» во главе с выбранным впоследствии в рейхстаг Гансом Шеммом из Байрейта. После сентябрьских выборов 1930 г. этот союз сильно разросся. С той же целью насадить в важных профессиях национал-социалистических вожаков основаны были «Союз национал-социалистических немецких юристов» во главе с депутатом рейхстага адвокатом д-ром Гансом Франком 2-м в Мюнхене и «Союз врачей национал-социалистов» во главе с д-ром Либелем в Ингольштадте. По мере роста движения обе организации приобрели известное значение благодаря тому, что устроили у себя центральное бюро по приисканию работы для безработных и старались доставлять практику или места ассистентов молодым врачам национал-социалистам и устраивать молодых юристов в канцеляриях сочувствующих партии принципалов.

К более широким слоям обращались другие организации, причем с разным успехом. В начале 1928 г. был положен конец неопреде-

ленному отношению партии к «Ордену немецких женщин»; орден в полном составе был включен в партию под названием «Красного креста—свастики». Как показывает само название, женщинам разрешались только дела милосердия, а не борьба бок-о-бок с мужчиной. Чтобы не оставалось никакого сомнения на этот счет, руководительница организации Елизавета Цандер категорически заявила на Мюнхенской конференции 1928 г., что женщины национал-социалистки хотят только «служить», что они не хотят бороться за равноправие женщины, а ставят себе целью помогать борющимся штурмовикам.

Больше значения имела «Гитлеровская молодежь», руководитель которой Курт Грубер, по профессии юрист, был в сентябре 1928 г. включен в состав имперского руководства партии и переселился в Мюнхен. «Гитлеровская молодежь» была независима от гражданской организации партии и имела свои собственные окружные организации; однако последние были подчинены штурмовым отрядам. Отдельной организацией для учащихся среднеучебных заведений был «Национал-социалистический школьный союз», созданный в ноябре 1928 г. и возглавляемый д-ром Адрианом фон-Рентельном.

Из всех этих организаций наибольшее значение приобрел «Союз национал-социалистических студентов»; надо полагать, что влияние его будет сказываться еще в течение десятилетий после грядущего развала гитлеровского движения. В 1928 г. национал-социалист впервые стал председателем одной из студенческих организаций; это было в Киле. Упомянутый союз под председательством Темпеля, будучи еще небольшой организацией, занял критическую позицию по отношению к очень большой организации «Немецкое студенчество», которая с 1926 г. не признавалась прусским правительством. Собственно гитлеровский союз должен был бы от всей души принять участие в борьбе студенчества против правительства. Ведь это была борьба за расу, так как «немецкое студенчество» не пожелало отказаться от организационной связи с австрийскими антисемитскими студенческими представительствами (как того требовало правительство). Именно из-за этого оно и было запрещено. Но национал-социалисты считали массу студенчества слишком высокомерной в социальном отношении и отсталой. В июле 1928 г. национал-социалистическому руководителю одной местной группы удалось добиться решения президиума «Немецкого студенчества», что так называемая «Техническая помощь» (штрейкбрехерская организация) не должна ставить палки в колеса экономической борьбы рабочих и препятствовать таким образом включению пролетариата в великогерманскую народную общину. Это было громадным шагом вперед по сравнению с тупой ненавистью к спартаковцам в 1920 г., когда «Техническая помощь», состоявшая большей частью из студентов, вызвала своими выступлениями во время забастовок справедливую ненависть рабочих. В июле 1928 г. Темпель отказался от руководства союзом; его заменил Бальдур фон-Ширах[105]. При новом руководстве, шедшем по стопам Розенберга, союз снова несколько приблизился к идеологии студенческой массы. Это усилило его влияние. Союз снова оживил

несколько охладевший расизм «Немецкого студенчества». В стенах немецких университетов и политехникумов стал прививаться новый тон, неизвестный до 1923 г.—в первые годы борьбы «Немецкого студенчества». Когда прежде в почтительном письме к ректору заявлялся протест против приглашения на кафедру профессора еврея, весь университет приходил в волнение; но теперь такие невинные выступления сданы были в архив, теперь национал-социалистические студенты устраивали скандалы на лекциях и драки в коридорах и во дворе университетов.

Число членов всей этой пестрой сети организаций составляло в 1928 г. только 60 тыс. Темп роста замедлился; в 1926/27 г. число членов партии выросло с 17 тыс. до 40 тыс. Наблюдалось чрезмерное разбухание околопартийных организаций при столь слабенькой партии. Не удивительно, что Штрассер уже в 1929 г. приходит в отчаяние и жалуется, что партия находится в состоянии сверхорганизованности; он требовал, чтобы при построении низовых организаций соблюдались известные пропорции. Однако ничто не помогало; дальнейший рост организаций превзошел темпы роста числа членов партии, которое тогда увеличилось скачкообразно. В 1930 г. сам Гитлер жаловался, что организации грозят стать «самоцелью». С тех пор дело не улучшилось. Когда в конце 1930 г. Рем, неутомимый сочинитель уставов (иногда на нескольких стах страницах), снова стал во главе штурмовых отрядов, партия превратилась в чащу различных инстанций, в которой неизбежно должен был заблудиться даже ее собственный вождь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БЕРЛИНСКИЙ НАЦИОНАЛ-МАРКСИЗМ

Это обилие организаций, обогнавшее одно время прирост членов, было в свою очередь превзойдено множеством новых идей, которые вырастали из недр национал-социализма. Главным источником этого бурного идейного потока был кружок Грегора и Отто Штрассеров; в устах Геббельса эти идеи получали самую бойкую формулировку. Перед ними отступили на задний план изделия мюнхенских мастеров. Этот северонемецкий национал-социализм, несмотря на все свои старания, не сумел создать «системы» и разделяет в этом отношении судьбу движения 1920—1923 гг., когда партия была определенно мелкобуржуазной; в нем преобладали моменты чувства, а его формулы и лозунги часто противоречили друг другу.

ОТСРОЧЕННЫЙ РАБОЧИЙ ВОПРОС

Изобилие идей в партии проистекало из нездоровых условий; в основе этого лежал тот факт, что партия уклонялась от принципиальных решений. По двум важнейшим вопросам она отчасти вообще не установила своей позиции, отчасти установила ее лишь слишком поздно.

Нюрнбергский партийный съезд 1927 г. предложил партии в возможно короткий срок созвать конгресс для обсуждения вопроса о профсоюзах. Конгресс должен был вынести решение, следует ли создавать собственные национал-социалистические профсоюзы или нет. Уже давно раздавались жалобы, что партия слишком равнодушна к интересам рабочих. Сторонники Штрассера проявили и тут большую активность; они однажды высказались даже за плебисцит, требующий запрещения каких бы то ни было отступлений от восьмичасового рабочего дня. В октябре 1927 г. Отто Штрассер требовал «широкого и существенного повышения реальной заработной платы». За это Гитлер назвал его «обманщиком общественного мнения»; нельзя обещать порабощенному народу, что путем повышения реальной заработной платы можно улучшить его участь. Это прямой обман, говорил Гитлер.

Но разногласия остались. Решение Нюрнбергского съезда не было проведено в жизнь. Оно поставило бы партию перед альтернативой: либо основывать «желтые» профсоюзы на платформе «хозяйственного мира», либо вести борьбу против хозяев. Первое еще более усилило бы недоверчивое отношение рабочих к партии, второе подорвало бы политическую опору партии в рядах буржуазии и ее денежную опору среди промышленников. Кроме того профсоюзники, имевшиеся уже в рядах партии, слишком тяготели к своим старым союзам и вряд ли согласились бы на основание новых, конкурирующих союзов. В результате всего этого 9 августа 1928 г. партийное руководство выступило со следующим заявлением:

«Обращаем внимание общественности на то, что никто не в праве основывать от имени партии профессиональные союзы. При всей желательности и необходимости приступить в определенный момент к созданию национал-социалистических профессиональных союзов партийное руководство считает, что в настоящее время еще нет предпосылок для этого. Партия заранее объявляет, что не имеет ничего общего с попытками создания подобного рода организаций».

Итак, партия не могла и не желала сделать что-либо для рабочих по линии профсоюзов; это тем более побуждало ее обращаться к методам непосредственного воздействия и пытаться таким образом переводить на свою сторону отдельных рабочих из лагеря противника. В конце 1928 г. берлинский национал социалист Рейнольд Мухов начинает организовывать по примеру коммунистов производственные ячейки на предприятиях. Он понял, что партия еще слишком слаба для выступления перед рабочими на крупных предприятиях и должна поэтому перенести центр тяжести своей работы на средние и мелкие предприятия. Мухов советовал обращаться главным образом к «желтым», предварительно «разъяснив им ложный и предательский характер их идеологии».

Впрочем, если не считать руководства берлинской организации, методы Мухова встретили мало сочувствия. «В партии,—жаловался он,—преобладает тот взгляд, что прорвать марксистский фронт невозможно». Этот взгляд парализовал работу партии против марксизма. Но эта точка зрения не лишена была основания. Ведь владельцы средних и мелких предприятий, где Мухов собирался «защищать» (хотя и по-своему) «насущнейшие интересы» рабочих, были главным оплотом партии. Бороться против них, разбивать их желтые профсоюзы значило рубить сук, на котором сидишь.

Большинство рабочих физического труда до сих пор не пошло к национал-социалистам; лишь экономический кризис бросил часть рабочих в их объятия.

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ!

Итак, в рабочем вопросе партия не заняла определенной позиции. С 1928 г. она подвергает пересмотру свою позицию по отношению к сельскому хозяйству. Точнее говоря, она вообще лишь начинает вырабатывать свою позицию в этом вопросе. Благодаря своему

мещанскому происхождению, своим связям с военными, контакту с фронтом и с буржуазным тылом партия еще долго сохраняла свой городской характер, сохраняла некоторую антипатию жителей столицы к «деревне». В пресловутых двадцати пяти программных пунктах не случайно не было ни слова о сельском хозяйстве.

Гитлер долго не менял своей позиции. В 1927 г. он выступал в Гамбурге перед четырьмя тысячами крестьян из Шлезвиг-Голштинии. Они хотели услышать от него, уже имевшего тогда славу самого выдающегося оратора Германии, что-нибудь утешительное относительно снижения ставки процентов и повышения таможенных ставок, ведь он был вождем партии, в программе которой говорилось об уничтожении процентного рабства. Вместо этого Гитлер преподнес им следующее: «Наше несчастье не в том, что то или другое сословие остается в загоне. Не думайте, что налоги, заграничная конкуренция, низкие цены и растущая задолженность—признаки разложения только вашего сословия, нет, они свидетельствуют о разложении всего народного организма». Это было логично, последовательно и с известной точки зрения правильно, но таким образом не добывают крестьянских голосов.

Действительно Гитлер в то время не сознавал еще значения голосов крестьянства для его партии, да и вообще его тактика не основывалась тогда в первую голову на избирательных успехах. «Резервуаром, из которого должно черпать силы наше молодое движение, будет в первую очередь наша рабочая масса»—писал он в своей книге.

Партия пока не могла мобилизовать сельских хозяев, потому что ей нечего было сказать им, а сказать им было нечего потому, что среди партийных главарей слишком еще мало было сельских хозяев. Группа Штрассера первая поняла, какое важное значение представляет для партии крестьянство, изнывающее под бременем долгов и налогов. Но этой группе грезилась крестьянская революция, бомбы и красный петух в зданиях податных управлений. Гитлер еще не мог согласиться на то, чего требовал от него за свой голос избиратель-крестьянин. Он довольствовался пока тем, что время от времени рассеивал недоразумения, возникавшие в связи с названием его партии. Уже в 1923 г. он категорически стал на платформу частной собственности. Федер заявил тогда в комментариях к программе партии: «Национал-социализм принципиально признает частную собственность и ставит ее под защиту государства».

Это противоречило 25 пунктам, а также первому розенберговскому комментарию (от 1923 г.) к программе партии, но не речам Гитлера с того момента, как последний—это было 13 апреля 1928 г., перед выборами в рейхстаг—публично заявил: «В противовес лживым толкованиям 17-го пункта нашей программы противниками необходимо констатировать: так как партия стоит на почве частной собственности, то отсюда само собой вытекает, что слова о «безвозмездном отчуждении» относятся только к созданию законных возможностей для отчуждения, в случае надобности, тех участков, которые приобретены незаконным путем или же не управляются в интересах народного блага; это направлено таким образом в первую очередь

против еврейских обществ, занимающихся земельной спекуляцией».

Через два года партия сделала еще один шаг назад. Безвозмездному отчуждению подлежали уже только участки, приобретенные незаконным путем; что касается участков, управляемых не в интересах народного блага, то они отнимаются у владельцев только за «соответствующее вознаграждение».

Таким образом партия окончательно продала свою аграрную реформу за голоса крестьянства. Это зафиксировано в разделе 3-м пункта 6-го аграрной программы, опубликованной 6 марта 1930 г. в форме «официального извещения» партии. В своей главной части это «извещение», надо думать, принадлежит новому советнику Гитлера «по вопросам сельского хозяйства» Вальтеру Дарре[106], основателю учения «фелькише» о «дворянстве»—таким дворянством должно-де явиться крепкое крестьянство, живущее на закрепленных за ним участках. Это «извещение» идет навстречу крестьянству в большей мере, чем все прежние заявления партии. Оно не только признает «выдающееся значение сословия, кормящего наш народ», но видит в «сельском населении залог унаследованной от предков крепости и здоровья нашего народа, вечный источник юности народа и оплот нашей военной силы». Отсюда оно делает вывод: «Одной из основных задач национал-социалистической политики является сохранение мощного крестьянства; численность его должна находиться в соответствии с общей цифрой населения».

Национал-социализм никогда не признается—в этом надо отдать ему справедливость,—что его расчеты являются лишь расчетами. Он мог бы обосновать свою аграрную программу экономическими мотивами, но это не к лицу движению, так решительно отрицающему примат экономики во всех областях. Поэтому крестьянские тезисы партии в первую очередь пекутся о чистоте немецкой крови и лишь во вторую очередь о полноте немецкого желудка. Поскольку речь идет о последнем, национал-социалистическая программа отличается от других программ автаркии разве только неопределенностью своих требований: «До войны мы могли оплачивать ввоз предметов продовольствия из-за границы доходами от вывоза наших промышленных изделий, от нашей торговли и наших капиталов, вложенных за границей. Этой возможности мы лишены, после того как проиграли войну... Освобождение от этого рабства (под этим подразумевается зависимость от иностранного капитала) возможно лишь в том случае, если немецкий народ в состоянии будет в основном питаться продуктами собственной почвы... Наличие экономически сильного сельского населения, обладающего большой покупательной способностью, имеет также решающее значение для сбыта продукции нашей промышленности, которая в будущем будет все более зависеть от внутреннего рынка».

Итак, замкнутое торговое государство в программе национал-социализма располагает рядом лазеек (внутренний рынок выступает на первый план только «в основном», только «все более»).

Раздел аграрной программы, касающийся вопроса земельной

собственности, устранил все сомнения насчет того, будто национал-социалисты являются сторонниками аграрной реформы и помышляют об уничтожении собственности на землю. «Земельное владение, законным образом приобретенное лицами немецкого происхождения, признается наследственной собственностью». Это требование, являющееся в имперской конституции только красивой фразой, превращается у национал-социалистов в реальную действительность: «Надзор за выполнением этого обязательства принадлежит корпоративным судам, состоящим из представителей всех земледельческих профессий и представителя от государства».

Это вводит нечто аналогичное принудительному севообороту, применявшемуся в старину. С этим должен мириться и самый упрямый индивидуалист-крестьянин; ведь он сам вместе со своими товарищами будет решать в сословном суде вопрос о порядке землепользования.

Решительнее те пункты программы, которые устраняют земельную спекуляцию, запрещая закладывать участки и предоставляя государству предпочтительное право купли земельных участков в случаях их продажи. Несколько поверхностный характер носит брошенное вскользь замечание, в котором крестьянину обещаются необходимые производственные кредиты на благоприятных условиях—их должно давать государство или официально признанные товарищества, причем земля не должна обременяться долгами.

Большое значение имеет следующее выступление программы в пользу крупного землевладения: «Что касается величины сельскохозяйственных участков, то здесь регулирование по той или иной схеме невозможно. С точки зрения роста народонаселения важнее всего большое число жизнеспособных мелких и средних крестьянских хозяйств. Но наряду с ними крупное хозяйство тоже выполняет свои особые, необходимые задачи и имеет право на существование при нормальном соотношении к средним и мелким хозяйствам».

ПРЕКРАЩАЕТСЯ ЛИ ПРОЦЕНТНОЕ РАБСТВО?

Весьма любопытно, как изображается в этой аграрной программе «уничтожение процентного рабства» в сравнении с комментариями Федера.

Федер назвал свою идею «сердцем» всей программы. Но на самом деле она могла получить некоторое значение в партии только благодаря своей абсолютной бессодержательности в той ее формулировке, которую она официально получила. Уже 25 пунктов никоим образом не обещают реальной отмены процентного ига, не обещают также устранения тех или иных конкретных видов его или даже конкретного снижения процентных ставок. Они обещают буквально только «уничтожение процентного рабства» и ничего больше. В 1920 г. Федер желал заменить «вечный процент» постепенной амортизацией—так заявлял он в своем «Манифесте об уничтожении процентного рабства»; амортизации должны были подлежать главным образом облигации и ипотеки. Возможность получения процента по личному кредиту

Федер уже тогда впускал через другие двери. Ссуды под товары и рабочую силу могли выдаваться «свободной корпорацией посредников», построенной на «строгой сословной дисциплине». Корпорация могла взимать по своим ссудам также «сборы»; размер последних «устанавливается главной государственной кассой». Фактически это было не что иное, как регулирование уровня процента, осуществляемое в настоящее время Рейхсбанком с помощью его учетной политики и без каких-либо принудительных мероприятий.

В позднейших писаниях Федера процентный кредит в значительной мере отмирает благодаря уничтожению государственных долгов. Государственные предприятия—Федер вовсе не пытается передать их в частные руки—финансируются с помощью беспроцентных казначейских облигаций; выпуская последние, государство пользуется своим правом «творить деньги». Покрытием облигаций служат реальные ценности, которые государство собирается создать: гидроэлектрические станции, дороги и др. Для частного строительства средства тоже представляются беспроцентно. Строительный и земельный банки выпускают с этой целью беспроцентные «строительные билеты». Итак, эти «федеровские деньги», как их окрестила публика, должны были постепенно освободить от бремени процента государственные предприятия и жилищное строительство, сделав каждое отдельное лицо сберегателем поневоле, не пользующимся выгодой процента. В самом деле, всякий, кто вынужден принимать в оплату «федеровские деньги», тем самым создает из-под палки капитал для вышеупомянутых предприятий; нельзя себе представить, чтобы это так или иначе не сократило его реального заработка или дохода.

В настоящее время Федер сам оставляет открытым вопрос, будет ли в его новом хозяйстве еще существовать процент; фактически вся широкая область личного кредита остается нетронутой. И уж совершенно очевидно, что аграрная программа национал-социалистической партии сохраняет процент. Она требует лишь следующего: «Необходимо задержать дальнейший рост задолженности сельского хозяйства, снизив в законодательном порядке процент на ссудный капитал до довоенного уровня и приняв самые решительные меры против ростовщичества».

«Уничтожение процентного рабства» сводится здесь таким образом к постановлению, что размер процента не должен превышать 3,5—5.

Собственно программа защиты сельского хозяйства выдержана в самых общих тонах и могла бы фигурировать в любой приветственной речи на празднестве какого-нибудь местного земледельческого общества: «... сельское хозяйство необходимо защитить путем пошлин, государственного регулирования ввоза и целеустремленного национального воспитания (ешьте больше ржаного хлеба?)... переход крупной торговли в руки сельскохозяйственной кооперации... государство должно вмешаться и добиться существенного снижения цен на искусственное удобрение и на электрическую энергию». Для сельских рабочих программа требует «социально справедливых трудовых договоров и возможности перейти на положение поселенца». Улучшение жилищных условий и повышение заработной платы про-

грамма ставит в зависимость от улучшения общего положения сельского хозяйства. Привлечение иностранных сезонных рабочих воспрещается.

Аграрная программа партии, как и прочие ее программы, оставила открытым ряд вопросов. Можно было подумать, что это сделано нарочно, по великой мудрости. Программа, дающая ответ на все вопросы, оставляет мало простора для воображения, поэтому она скучна и быстро забывается. Напротив, национал-социалистическая аграрная программа давала пищу для дальнейших размышлений. Она не разрешала всех сомнений, но не в этом была ее соль, а в том, что она привлекала и манила избирателя. Она обещала защиту собственности, снижение процента и поддержание цен, а главное—она ставила крестьянство во главе немецкой нации, причем это казалось логическим выводом из всего миросозерцания национал-социализма. Геббельс провозгласил новоявленным дворянством пробужденный пролетариат, Розенберг сделал то же со средним сословием, Гитлер объявил студентов сливками нации, теперь явился Дарре и обещал крестьянству, что оно станет со временем дворянством «крови и земли». Чем более партия развивала свою идеологию, тем более она оказывалась любезным и гостеприимным хозяином, мешающим карты таким образом, чтобы каждый гость мог выиграть.

МЕЖДУ БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИЕМ

«Отсрочка» рабочего вопроса и приурочивание аграрной программы к желаниям заинтересованных слоев показывают, что идейный порыв партии постепенно ослабевал и не в силах был претвориться в дело. Когда Гитлер в Гамбурге похвалялся перед слушателями-крестьянами: «Мы больше чем политическая партия, у которой нет ничего за душой кроме нескольких пунктов ее программы», то он и сам не подозревал, в какой мере он втирает очки. У партии в то время не было даже этих нескольких программных пунктов, потому что у нее не было достаточно сведущих лиц. Поэтому она выжидала, расширялась и при расширении натолкнулась на желания заинтересованных слоев; эти слои, которыми обросла партия на своей периферии, и дали ей видимость программы. Итальянский фашизм сделал из этого отсутствия программы догму и назвал это «динамикой»; эту догму повидимому усвоил Гитлер, когда сказал в 1927 г., что народ в сущности не желает ничего иного, как знать, что есть на свете человек, который им правит.

Личный состав партии рекрутировался до 1930 г. в результате целого ряда случайных обстоятельств; один слой партии знал о другом очень мало, борьба не была объединена. На основе высказываний штрассеровского кружка можно показать, что эти люди были мало знакомы даже с писаниями вождя, а то малое, что они знали, ценили невысоко. В свою очередь мюнхенцы видели в северянах только «путаных литераторов»: кружок Штрассера не останавливался перед неприятными выводами, додумывал свои идеи до конца, и это было особенно неприятно. Все эти «вожди» были пока чем угодно, только

не мощной группой, а тем паче не системой таких групп или политических школ. Даже еще в 1928 г. они в сущности представляли собой только несколько расширенный застольный кружок политических дилетантов со скромными бюро где-нибудь на задворках мюнхенской Шеллингштрассе, в Шарлоттенбурге или Ленице, близ Берлина. Правда, их собственная жизнь стала в материальном отношении несколько легче. Осенью 1929 г. Гитлер переехал со своей старой квартиры из трех комнат на новую квартиру из девяти комнат напротив дворца баварского министра-президента.

Этот круг первоначально имел намерение завоевать рабочих, но мало-по-малу события направили его больше в сторону крестьянства. С течением времени он стал отдавать себе отчет в том, что базис его разваливается: он заметил развал германской буржуазии. Этот горный обвал сдвинул с места небольшую часовенку национал-социализма, которую ее строители считали воздвигнутой на гранитной скале. Гитлер вместе с Дитрихом Эккартом и Дрекслером строил первоначально свои планы на германской буржуазии, которая должна была «вернуть рабочего в лоно нации». Теперь он вынужден был (в сентябре 1927 г.) с грустью констатировать, что эта буржуазия сама с каждым годом все больше пролетаризируется. «Толпа и не подозревает, сколько здесь переживается горя и печали». Однако в отличие от Гитлера в кругу Штрассера не проливали слез по этому поводу.

В феврале 1928 г. «Берлинская рабочая газета» с ликованием возвещает о «смерти буржуа»: «Буржуа умер, раздавлен. Личность— некогда его идеал—импонирует ему теперь только тогда, когда сидит на набитых золотом мешках. Это дрянной человек без убеждений».

«Мы уважаем бойцов Ботропа и заводов Лейна, борцов Мюнхена и Гамбурга. Конечно среди пуль, разивших вас, были и наши пули, потому что тогда нам еще застилал глаза туман. Но теперь мы знаем: и мы и вы были обмануты».

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА»

Однако и эти северогерманские национал-социалисты, кадившие во внутрипартийной борьбе божку социализма, должны были убедиться, что боги умирают и оставляют по себе лишь одно воспоминание. Уже в 1926 г. Штрассер начинает отходить от социализма своего брата не только на словах и на деле, но и в собственных своих взглядах. Он уже считает, что надо «преодолеть дух материализма» и развить совершенно новое экономическое мышление; надо понять, что в народном хозяйстве речь идет не о доходности и прибыли, а исключительно об удовлетворении потребностей народа, не о сверхпродукции, а о душах людей; надо понять, что труд выше обладания материальными благами.

В 1926 г. Штрассер требует, чтобы каждый немец один год работал на государство, причем не на дорожных работах и т. п., а изучая какое-либо ремесло. Лучшие же должны поступать добровольно на военную службу, причем этим воинам полагается на выборах по десять дополнительных голосов. Штрассер, видите ли, глубоко убеж-

ден в том, что люди не равноценны; солдаты для него—самые ценные люди. Иллюзия равенства угрожает убить культуру; священный порядок вытекает из той дистанции, которую создает между людьми их неравенство, но это неравенство не имеет ничего общего с нынешним строем, так как должно покоиться единственно на деятельности и заслугах людей. Фактически люди не равны от рождения: неравенство растет в их последующей жизни, и поэтому их положение в обществе и государстве должно быть неодинаковым. Это государство не знает свободы, «мы желаем заменить капиталистическую свободу социалистической связанностью!»—восклицает Штрассер, но зато оно печется о гражданах, точнее—об их душах. «Знают ли еще люди нашего века, что такое жизнь? Они мечутся и бьются, как рыба об лед, надрывают свои силы, изводят себя, несут непосильную барщину—и все это только для того, чтобы жить жизнью, пустота которой может привести в ужас... Мы должны уразуметь, что понятия мировое хозяйство, торговый баланс, расширение экспорта относятся к отживающей эпохе. Мы должны понять всю ложность спекулятивного производства, создающего искусственный с рос всеми средствами разнузданной рекламы, мы должны понять, что это обман и издевательство над человеком и его жизнью. Хозяйства могут преследовать только одну цель—удовлетворение потребностей людей, они должны отказаться от производства продуктов, спрос на которые вызван искусственно, должны отказаться также от стимула и бича доходности и прибыли».

Это конечно не социальные требования социал-демократии, а между тем было время, когда Штрассер готов был «в полной мере сохранить» эти последние. Это также не социализм его брата Отто. Возможно, что кто-либо из этого круга читал «Республику» Платона и это отразилось на его взглядах с той разницей, что во главе штрассеровского государства, берущегося изменить человеческие страсти, стоят не философы, а солдаты. Этот идеал государства подстать любому гарнизонному священнику. Это не социалистическое государство грядущего человечества и не государство-опекун эпохи абсолютистского прошлого. Это, так сказать, государство духовных пастырей во главе с генеральным штабом армии.

«В понятие освобождения рабочего,—утверждает тем не менее Штрассер,—должно входить участие в прибылях, в собственности, в руководстве». С другой стороны однако: «Если не остановиться на этом и не подчеркнуть значения той революции умов, которая толкает нас против духа нынешнего строя, то это значило бы мерить все старой мерой. Мы сознательно противопоставляем критерию собственности критерий дел и заслуг, равным образом у нас венчают человеческие стремления не богатство и роскошь, а чувство ответственности. Это—новое мировоззрение, новая религия хозяйства, и из нее вытекает, что отвратительное царство золотого тельца пришло к концу».

Итак, здесь все же так или иначе затрагивается вопрос о частной собственности. Но уже довольно робко.

Здесь в лоне партии борются два воззрения. Даже под антисеми-

тизмом они понимают нечто разное. Гитлер в феврале 1928 г. дошел до следующего обещания евреям: «Если они будут себя хорошо вести, они могут остаться; если нет, вон их!». На этой платформе партия может в один прекрасный день бесшумно ликвидировать весь «еврейский вопрос»; но другое дело—точка зрения штрассеровского кружка, сформулированная несколько месяцев спустя: «Буйствующий антисемитизм умер, эта детская болезнь преодолена и не повторится. Примитивные проявления ненависти к евреям, мало убедительные публикации прежнего времени (под этим очевидно разумеются протоколы «сионских мудрецов»), все это—дело прошлого. Растет новый антисемитизм, да здравствует антисемитизм!». Это звучало как предостережение Гитлеру: не продавать ненависти к евреям за чечевичную похлебку преходящей политической ситуации данной минуты.

ПАРТИЯ ПРОТИВ ЗАКОНА ПРИЧИННОСТИ

В то время как Гитлер вел свою колеблющуюся и в сущности не пронизанную каким-нибудь определенным мировоззрением политику, кружок Штрассера выработал за годы своей идейной работы политическую идеологию, в иных отношениях менее замечательную, чем многие речи Гитлера, но зато более цельную. Плоды этой идейной работы использовал впоследствии пропагандист Гитлер среди интеллигенции и молодежи. Незадолго до последнего большого съезда партии в Нюрнберге в 1929 г. кружок Штрассера обнародовал манифест, названный им «14 тезисов германской революции». В манифесте между прочим говорилось:

8. Германская революция отвергает индивидуалистическую хозяйственную систему капитализма; ее свержение является предпосылкой успеха германской революции. Столь же твердо германская революция стоит за корпоративную хозяйственную систему социализма, исходя всецело из того, что смысл хозяйства состоит исключительно и единственно в удовлетворении потребностей, а не в богатстве и барыше.

9. Поэтому германская революция провозглашает свое верховное право собственности на землю и недра, их собственники—лишь ленники нации, обязанные отчитываться перед ней и служить ей, между тем как вся нация защищает эту собственность.

10. На основании того же права германская революция провозглашает участие всех занимающихся созидательным трудом в собственности, доходах и достижениях нации; последней служат также те немцы, чья личная доля во владении, доходах и руководстве приобретена или обусловлена бо́льшими заслугами или большей ответственностью.

11. Германская революция усматривает благо нации не в накоплении материальных ценностей, не в беспричинном повышении уровня жизни, а исключительно в оздоровлении, в здоровом состоянии богом данного организма нации; только с помощью этого оздоровления возможно выполнение задач, предначертанных судьбой германской нации.

12. Эту задачу германская революция видит в полном развертывании неповторяемого своеобразия нашей нации и поэтому всеми средствами борется против вырождения расы, против засасывания чуждой культурой, за национальное обновление и чистоту расы, за немецкую культуру. По существу это есть борьба против еврейства, которое в союзе с интернациональными силами масонства и ультрамонтанства—частью по своей расовой природе, частью с умыслом—разлагает немецкую душу.

По своему языку эта «программа» является недоступным пониманию народа фельетоном и не годится для политической борьбы.

Гитлер в речи на тему о «большевизме в искусстве» выступает перед студентами, как завсегдатай пивной:« Я предпочитаю один единственный немецкий военный марш всей дряни какого-нибудь современного композитора; этим господам место в санатории; мы капитулируем перед нахальными еврейскими композиторами, рифмоплетами и художниками, преподносящими нашему народу свою отвратительную грязь». Гитлер пережевывает здесь старую жвачку, протесты против давно канувшего в Лету экспрессионизма. Напротив, северогерманские национал-социалисты действительно прилагали старания, чтобы выработать новое мышление. Когда физик Эрвин Шредингер[107], один из основателей новейшей механики по принципу волнообразного движения,выразил осенью 1929 г.сомнения в действительности законов причинности в физике, «Берлинская рабочая газета» Штрассера писала: да, идея причинности рушится, миром снова начинает править вера в судьбу, в неповторяемое; мир рационализма трещит по всем швам, и это относится не только к физике, но и ко всем процессам жизни. Не умея найти действительного объяснения, люди заменяют логику чувством. Та же газета пишет далее: «Национал-социализм является сильнейшим орудием против принципа причинности, он штурмует этот принцип».

Статья была озаглавлена: «Да здравствует необразованность!».

ПРОЦЕСС ИЗ-ЗА ПРИНЦА РУПРЕХТА

Штрассер все эти годы искал поводов, чтобы сразу поднять на ноги широкие массы. Однако борьба против плана Дауэса, против Локарно, против господства марксистов при Брауне и Зеверинге и за свободу выступлений для Адольфа Гитлера—все это не было достаточно конкретно и мало говорило массам. Этой пропаганде нехватало достаточно ярких поводов. У нее было много теорий, отчасти противоречащих друг другу, но не было ясной цели.

В глазах избирателей национал-социалисты были партией, борющейся против республики. А между тем такой видный представитель партии, как Штрассер, вдруг заявляет, что партия вовсе не борется против республики, а приемлет ее. Это не могло не создавать путаницы.

В действительности республику вовсе не встречали с распростертыми объятиями, по крайней мере в кругу Гитлера. К семидесятилетию Вильгельма II 27 января 1929 г. Розенберг написал первую

статью, в которой защищал бывшего кайзера от нареканий, обычно взводимых на него в среде национал-социалистов.

«Не следует,—писал Розенберг,—лицемерно возлагать на Вильгельма вину, которая падает на все поколение». Розенберг требовал для бывшего кайзера разрешения вернуться в Германию в качестве частного лица. Статья заканчивалась характерными словами: «Мы приветствуем (в лице экскайзера) добрые старые традиции чести и долга старой Германии. На них должны покоиться и устои третьей империи».

Годом позже сам Гитлер воспользовался случаем и излил перед общественностью те противоречивые чувства, которые возбуждает в его груди вопрос о монархии. Он выступил с нападками на бывшего баварского кронпринца Рупрехта. Принц отказался поддержать плебисцит против плана Юнга, и это стало достоянием гласности. Тогда Гитлер поместил резкую статью в своем «Иллюстрированном наблюдателе». «До сих пор,—писал он,—мы умышленно обходили молчанием вопрос о монархии и республике, но теперь, возможно, придется коренным образом пересмотреть нашу установку в этом вопросе. Если сами монархи так мало ценят мнение партии, то нет никакого смысла оставлять открытым вопрос «монархия или республика?» и таким образом давать республиканским властям основание для преследования партии. При таких обстоятельствах я считаю безусловно правильным, чтобы и мы открыто признали республиканский образ правления».

Это опять-таки был сказано весьма дипломатически. Ударение делалось не на «пересмотре мнения», а на признании партии монархами—«мнение» ставилось в зависимость от этого признания. Гитлер еще больше раскрыл свои карты на судебном разбирательстве, которым окончился его выпад против Рупрехта. Он подал в суд за оскорбление на мюнхенскую газету, ставшую на сторону принца. В мягком и откровенном тоне Гитлер говорил на суде о том, как больно ему, старому солдату, быть вовлеченным в конфликт со старой Германией. Правда, эта старая Германия отошла в вечность, с этим надо считаться и примириться, «но нас эта старая Германия ничем не обидела. Я не мог 11 ноября осуждать то, чему я поклонялся 9 ноября, в чем я видел воплощение всего самого великого на свете. Мы не поносили республику; я не желаю, чтобы поносили нынешнее знамя—оно тоже было одно время символом великой немецкой веры, но я не могу забыть старое знамя, оно остается для меня безусловной святыней, и я считаю невыносимым, чтобы какая-нибудь придворная канцелярия вбивала клин между нашей новой Германией и старой Германией. В лагере этой старой Германии находятся миллионы уважаемых людей, которые не понимают нас; это самые лучшие представители лучшей эпохи. Мы не хотели бы быть оторванными от них, от старой консервативной Германии, имевшей свою огромную ценность».

На этом процессе и в этой речи Гитлер, можно сказать, объявил вопрос о форме государственного управления «частным делом» для членов партии, вопросом, до которого массам нет дела. «Подлинное

решение» проблемы оставлено было для дипломатических ходов и для застольных разговоров; партия не связана в этом вопросе и может вести торг за свою позицию в вопросе о монархии как ей покажется более целесообразным. В этом смысл гитлеровской речи.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ИЗБИРАТЕЛЕМ

Партия не могла также ясно сказать общественности, как собственно она намеревается притти к власти. Вряд ли могла обрадовать избирателей презрительная речь, произнесенная Гитлером 1 сентября 1928 г. на общем собрании членов партии в Мюнхене. «Мы,—сказал он,—соберем историческое меньшинство; оно составляет в Германии возможно от 600 тыс. до 800 тыс. человек. Когда мы привлечем их в партию, мы таким образом создадим центр тяжести в государстве. Но если к нам с криком «ура» придет широкая масса, нам от этого не поздоровится. Поэтому мы проводим грань между членами партии и ее приверженцами. Приверженцы—это весь немецкий народ, членов партии—от 600 тыс. до 800 тыс. человек. Только эти последние—пригодный для нас материал; все остальные—только попутчики, которые идут за нами, когда мы выступаем сомкнутыми колоннами. Это не личности, а единицы, просто голосующие номера».

Несмотря на свою неудачу на выборах 1928 г., Гитлер снова настроен более оптимистически, с тех пор как в сентябре этого года ему разрешены были публичные выступления в Пруссии. За снятие запрета высказался с трибуны рейхстага также социал-демократический председатель рейхстага Лебе. Он заявил, что не следует обращаться с иностранным подданным немцем, четыре года служившим во время войны в германской армии, хуже, чем с германским гражданином. С отменой запрета сносные отношения между партией и правительством установились по всей видимости даже в Пруссии.

НОВЫЕ РАЗДОРЫ С РЕЙХСВЕРОМ

Если бы только Пфеффер не портил каждый раз дело своей игрой в солдатики! В сентябре 1928 г. на общем собрании членов партии Гитлер уверял недовольных руководителей гражданских окружных организаций, что штурмовые отряды нужны ему в первую очередь как централизованное орудие для выполнения его распоряжений. «Поймите,—говорил он,—что штурмовые отряды служат для обеспечения единства партии». Но это были пустые фразы. Под начальством Пфеффера штурмовые отряды скорее нарушали единство партии. Как некогда Рем, а также руководители всех других военных организаций, Пфеффер желал организовать под видом штурмовых отрядов некую нелегальную государственную армию. В этом отношении Гитлер среди едва ли не всех прочих политических деятелей правого лагеря занимал особую позицию и относился к этой идее отрицательно.

«У национал-социалиста,—заявил он в то время,—нет ни малейшего повода палец о палец ударить для нынешнего государства.

Мы должны отдавать свои силы только борьбе за новую империю. Как наши ораторы борются только за эту империю, так и наш штурмовик должен защищать только нашу пропаганду этой империи и сознавать себя пропагандистом грядущего государства».

Этот принцип, переведенный на точный язык приказов, заслужил впоследствии в партии упрек в том, что она занимается государственной изменой.

Новые директивы Гитлера внесли полную путаницу в дело обучения штурмовиков. Он упрямо стал на ту точку зрения, что его распоряжения ставят вне всякого сомнения невоенный характер штурмовых отрядов. Однако на деле Пфеффер продолжал давать последним инструкции военного порядка. В конце концов вождь партии вынужден был пререкаться на суде со своим главным начальником штурмовых отрядов о том, кто из них может приказывать последним. В декабре 1929 г. суд в Швейднитце разбирал дело о нарушении общественного спокойствия; обвиняемыми были члены штурмовых отрядов. В качестве обвинительного материала прокурор привлек также приказы Пфеффера, в которых между прочим по старой традиции SA назывались штурмовыми отрядами (Sturm-Abteilung). Обвиняемые отвечали, что эти приказы недействительны. В качестве свидетелей вызваны были Гитлер и Пфеффер. Гитлер тоже показал, что приказы в настоящее время устарели; SA основаны были в качестве защитных отрядов (Schuts-Abteilung). Но тогда выступил Пфеффер и с еле скрываемой враждебностью заявил, что SA означает именно штурмовые отряды и ничто другое. Кроме того он показал, что упомянутые приказы еще вполне сохраняют свою силу.

Гитлер уже давно охотно готов был сбыть с рук Пфеффера, который оказался еще хуже Рема. Со старым другом он помирился. В октябре 1928 г. Рем торжественно явился во главе своих старых товарищей из «Имперского флага» на одно национал-социалистическое собрание и произнес речь, в которой выражал надежду, что «наш день» не за горами. Гитлер хотел снова передать Рему руководство штурмовыми отрядами, но Рем колебался и остался пока в распоряжении вождя. В 1929 г. Рем принял предложение правительства Боливии и поступил к нему на службу в качестве военного инструктора; очевидно он не рассчитывал, что «наш день» придет очень уж скоро. Впрочем через год он вернулся, так как его день действительно наступил: в конце 1930 г. он заменил Пфеффера на посту начальника штаба, т. е. фактически главнокомандующего штурмовыми отрядами.

По существу дела разногласия в вопросе о роли штурмовых отрядов вытекали из неудовлетворительных взаимоотношений между партией и рейхсвером. Со времени путча 9 ноября 1923 г. обе стороны официально «не знали» друг друга, хотя Гитлер в своем заключительном слове на процессе о государственной измене выразил желание, чтобы ему пришлось снова когда-нибудь бороться вместе с рейхсвером под одним и тем же знаменем. Министерство рейхсвера считалось главной опорой ноябрьской республики; в сущности оно представляло в глазах национал-социалистов еще большую опасность, чем

прусская позиция противника. В этом отношении боевая позиция партии была отлична от позиции «Стального шлема», который в первую очередь стремился к завоеванию Пруссии, одобрял лойяльное отношение рейхсвера к конституции, сам был сторонником политической реформы и отказался от мысли о перевороте. Желая включиться в государственную машину, «Стальной шлем», разумеется, не мог быть в претензии на рейхсвер, уже включившийся в нее; «Стальной шлем» потому и отказался от революционной тактики, что желал усиления военной мощи государства. Напротив, национал-социалисты не видели пока возможности заключить мир с этим руководством рейхсвера. Отношения снова обострились, в частности в результате процессов о тайных политических убийствах (так называемых фемеморд: феме—средневековое тайное судилище, морд—убийство.—*Перев.*). Министерство рейхсвера отказалось признавать этих убийц солдатами и таким образом проводило различие между собой и черным рейхсвером[108] или по крайней мере его методами. Национал-социалисты были особенно задеты процессом в Штетине о так называемом розенфельдском убийстве. Главным обвиняемым на этом процессе был Гейнес; он был приговорен (в мае 1928 г.) за убийство к пяти годам тюремного заключения, но в начале 1930 г. был освобожден по амнистии. Гитлер снова с почетом принял его в партию, хотя в 1927 г. исключил его за бунт; он провел его в рейхстаг и даже поставил впоследствии во главе штурмовых отрядов в Силезии. А министерство рейхсвера открыто объявило опалу национал-социалистической партии, «так как эта партия поставила себе целью насильственное свержение существующего в германской империи государственного порядка».

«НА ВИСЕЛИЦУ ШЛЕЙХЕРА!»

Гитлер решил теперь взять быка за рога. В 1930 г. он повел систематическую борьбу за рейхсвер. Штурмовики—возможно, что Гитлер и не вполне одобрял это,—связывались со своими старыми товарищами, поступившими в рейхсвер, и через них распространяли среди солдат рейхсвера газеты и листовки. Сам Гитлер взывает в одной своей речи к министерству рейхсвера в следующих выражениях: «Господа генералы!—говорил он (в марте 1929 г.).—С войском в сто тысяч человек конечно нельзя вести внешнюю войну, но можно ввести новый порядок в стране. От армии в значительной мере зависит, какое направление победит в Германии: марксизм или мы? Если победит левое направление, то вы можете навсегда надеть шапку якобинца и из офицеров стать полицейскими вахмистрами!». Гитлер заклинает генералов возобновить добрые отношения с национал-социалистической партией. Но в тот же день Штрассер произнес в рейхстаге страстную речь, в которой присоединялся к предложению коммунистов выразить недоверие министру рейхсвера Гренеру; он закончил эту речь словами: «Нам до чорта надоели эти генералы от канцелярии, все эти Шлейхеры, Штюльпнагели и т. п., которые представляют на Бендлерштрассе (в министерстве рейхсвера) господствующую ныне систему и которых уже полностью раскусили также

в кругах революционных националистов. ...Грядущий трибунал, за который мы боремся, в свое время вынесет свой приговор всем этим изменникам, разлагающим волю народа к обороне, и приговор этот будет: «На виселицу их!»

Эти дикие лозунги, провозглашавшиеся под прикрытием парламентской неприкосновенности, никого не испугали кроме Гитлера. Тех же генералов, которых Штрассер обещал повесить, Гитлер хотел убедить добром: ведь он сам пришел к убеждению, что победа национал-социализма зависит от доброй воли генералов. Гитлер протягивал—пока-что только в воздухе—тонкую, совсем тонкую нить; быть может когда-нибудь из нее образуется сеть вроде той, которая некогда связывала его с рейхсвером? Он чуть не задохся в этой сети, но что поделаешь—без рейхсвера нельзя построить третью империю.

Партия стояла перед обломками своих гигантских планов. Правда, оставшись в одиночестве, она сумела усилить свою чисто партийную организацию и уберечь ее от притока нежелательных для себя элементов. Но не казалась ли она после выборов 1928 г. осужденной на безнадежно комическую роль прежней партии антисемитов на пороге этого столетия? Противники ее определенно считали, что это так. Однако эти противники видели только неуспехи у Гитлера, но не замечали медленного, но верного развала в недрах республики, которая казалось была на вершине могущества.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РАЗВАЛ РЕСПУБЛИКИ

За выборами 1928 г. последовали длинные и смехотворные переговоры о коалиции между большими парламентскими партиями; эта коалиция должна была обеспечить победившей на выборах социал-демократии руководящую роль в имперском правительстве, а за лидером побежденной на выборах народной партии—Штреземаном—сохранить руководство внешней политикой Германии. Если судить по игре цифр, которую в то время называли парламентаризмом, единственно возможным казалось тогда правительство большой коалиции, т. е. сотрудничество трех партий, враждебных друг другу по своему мировоззрению. Только у такого «оригинала», как Штрассер, могла появиться мысль, что победоносная социал-демократия с ее 153 депутатами, самая сильная партия в стране, должна теперь доказать перед нацией свою государственность, образовав кабинет, опирающийся на меньшинство рейхстага.

Кабинет Германа Мюллера с самого начала натолкнулся на недоверчивое отношение партии центра, которая находила недостаточной внешнюю политику Штреземана. Новые вожди партии центра Каас и Брюнинг чуяли предстоящую перемену. Социал-демократии, лишь недавно одержавшей на выборах крупную победу, пришлось изведать почти одни лишь неприятные стороны участия в правительстве. В первую очередь надо назвать следующий «несчастный случай», оказавшийся весьма роковым для нее: сохраняя преемственность, т. е. продолжая политику прежнего правительства, она должна была согласиться на постройку нового военного корабля. Социал-демократическое правительство должно было включить в смету рейхсвера расходы на постройку броненосца А, хотя оно само на выборах вело сильную кампанию против роста вооружений. Именно при социал-демократическом правительстве Мюллера империя натолкнулась на бюджетные трудности—это тоже произвело плохое впечатление. А между тем в этих затруднениях виновата была не социал-демократия, а виновато было прежнее правительство, которое повысило оклады государственных служащих и взвалило таким образом дополнительное бремя на имперский бюджет. Все это было бы еще с пол-

беды, если бы как раз тогда не сказались уже грозные признаки приближающегося перелома конъюнктуры. Вслед за падением биржевых курсов в 1927 г. и ростом безработицы дают себя тяжело чувствовать платежи по иностранным долгам, еще недавно оказавшим столь плодотворное действие на хозяйство; в особенно затруднительном финансовом положении оказались муниципалитеты. В довершение всего стал уменьшаться приток иностранных кредитов и оказался невозможным трансфер платежей по плану Дауэса. В августе 1929 г. афера «Фаваг» открыла собой ряд крупных крахов.

Германская политика всюду терпела неудачи, республике нечем было похвастать. В этом упадке была не только вина отдельных лиц. Республика была больна, и от этой болезни страдало не только правительство Германа Мюллера. Разложение веймарского режима сказалось также на немецкой национальной партии, на первый взгляд враждебной республике. На самом деле партия Хергта и графа Вестарпа[109] тоже стала составной частью республики и поплатилась за это тяжелым поражением на выборах 1928 г. После выборов она распалась. В партии образовалось приспособившееся к условиям современности крыло, к которому в числе прочих принадлежали представитель немецко-национального союза торговых служащих Вальтер Ламбах, депутаты Тревиранус, проф. Гетцш, фон Линдейнер-Вильдау и д-р Лежен-Юнг; несколько в стороне стоял лидер партии граф Вестарп. В общем эти молодые «аристократические консерваторы» по своему темпераменту и политическим задаткам были склонны к созерцанию. Но когда один из них, Ламбах, позволил себе в статье непочтительный выпад против монархии как призрака отжившего прошлого, он не миновал своей судьбы. Из-за кулис внезапно появился «властитель прессы и кино» д-р Гугенберг, финансировавший партию и державший ее в своих руках; он заставил партию исключить Ламбаха из своих рядов. Это было первым шагом Гугенберга в борьбе за лидерство в немецко-национальной партии. Борьба эта кончилась тем, что 21 октября 1928 г. конференция ответственных представителей партии выбрала Гугенберга первым председателем партии и таким образом выдвинула этого «человека в тени» на самое видное место.

БОРЬБА ПРОТИВ ПЛАНА ЮНГА[110]

Гугенберг вывел немецко-национальную партию из лагеря лойяльной оппозиции, готовой поддерживать республику, в лагерь ожесточенной борьбы против правительства. Партия потеряла при этом около половины своих членов, но это не тревожило Гугенберга. Первые связи с Гитлером были установлены после выборов 1928 г. через посредство общего их друга—депутата немецкой национальной фракции д-ра Банга. Для совместного выступления националистических партий требовался теперь лишь подходящий повод. Гугенберг тоже искал какого-нибудь удобного лозунга, отсутствие которого так затрудняло агитацию Гитлера.

Повод вскоре нашелся.

В июне 1929 г. в Париже закончились переговоры о плане Юнга. Германская промышленность отвергла результат этих переговоров

как неудовлетворительный. Ее представитель д-р Феглер[111], участвовавший в германской делегации в Париже, разошелся во мнениях со своим коллегой д-ром Шахтом[112] и отказался от своего мандата. Однако имперское правительство по соображениям внешней политики не желало, чтобы французские переговоры кончились провалом, и поэтому согласилось с результатом, достигнутым Шахтом.

Результат парижских переговоров известен под именем плана Юнга. Возражения германской промышленности вызвали в Германии сильное движение протеста. В свое время эти промышленные круги приветствовали план Дауэса и агитировали за его принятие; впоследствии они согласились с политикой Локарно и вступлением Германии в Лигу наций. Крайне устойчивое положение Штреземана покоилось именно на этой поддержке. Однако в течение трех последних лет эта поддержка становилась все слабее, а после вступления социал-демократов в правительство она сменилась явной враждой. С этих пор германская промышленность оказывает сопротивление плану Юнга; одним из орудий этого сопротивления стала национал-социалистическая партия.

Разумеется, последнюю не приходилось подстегивать для этого. Штрассер немедленно после оглашения плана Юнга потребовал перевыборов рейхстага на платформе борьбы против этого плана; однако вместе с тем он по испытанному рецепту обрушился на конкурента, т. е. на Гугенберга, и разнес его в пух и прах. У него были для этого свои основания, так как Гугенберг настаивал перед Гитлером, чтобы партия отказалась от «социализма» Штрассера, а также от федеровской агитации против «процентного рабства». Однако, в то время как Штреземан разглагольствовал против Гугенберга, Гитлер уже заключил союз с последним. Гитлер сделал это неохотно, так как это противоречило прицнпу «блестящей изоляции», к которой он приучил своих приверженцев. В частности он отказывался вначале вступить в «имперский комитет германской народной инициативы». Лишь мало-по-малу Гитлер понял, что эта кампания предоставит к его услугам огромный аппарат пропаганды гугенберговского концерна и даст ему возможность воспользоваться этим аппаратом для своего триумфа.

ПАРТИЯ ВЫЕЗЖАЕТ НА ПЛЕЧАХ ГУГЕНБЕРГА

«Германская народная инициатива против плана Юнга и против легенды об ответственности Германии за войну» была в сущности протестом магнатов промышленности против внешней политики Штреземана. Гитлер с самого начала искал контакта с этими кругами; теперь он приобрел друга и порой даже горячего поклонника в лице старика Эмиля Кирдорфа, распоряжавшегося большими денежными фондами, предназначенными для их политических целей. Денежная поддержка национал-социалистической партии из кошелька тяжелой промышленности была временно прекращена лишь весной 1932 г. после ярко антикапиталистических речей Штрассера. Гугенберг со своего рода бескорыстием предоставил на борьбу за плебисцит свои

богатые технические средства. Последние на сей раз были самым блестящим образом использованы национал-социалистами, а не его партией. Только союз с Гугенбергом, т. е. поддержка со стороны промышленников, создал тот громкоговоритель, который год спустя донес речи национал-социалистических ораторов до шести с лишком миллионов избирателей.

Народная инициатива чуть не провалилась; в ней приняли участие 10,06 процента всех имеющих право голоса, т. е. как раз требуемый законом минимум. Рейхстаг конечно отклонил этот закон, причем против закона голосовали также несколько депутатов из левого крыла немецкой национальной партии. Гугенберг немедленно выбросил этих депутатов из партии. В общем плебисцит дал только 5,8 миллиона голосов, т. е. едва одну треть требуемого числа. Это было несомненным поражением.

Когда Гинденбург 13 марта 1930 г. поставил свою подпись под планом Юнга, Розенберг писал в «Беобахтер»: «Без всякой сентиментальности мы констатируем, что президент фон Гинденбург порвал с Германией и принял решение в пользу колонии Юнга. Поэтому пробуждающаяся Германия в свою очередь рассталась с ним». А Штрассер хладнокровно заявил в парламенте: «Мы потребуем перед государственным трибуналом грядущей третьей империи голов тех, которые подписали план Юнга и связанные с ним законы, игнорируя при этом жизненные необходимости немецкого народа».

Плебисцит [113] провалился, но благодаря поддержке Гугенберга национал-социалистическая партия была у всех на устах и приобрела самую широкую известность в стране. Однако своей собственной энергии она обязана тем, что сохранила эту популярность и впредь. С осени 1929 г. вплоть до сентября 1930 г. она сражается с противниками на бесчисленном количестве митингов.

КОАЛИЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

Уже в мае 1929 г. национал-социалистическая партия имела солидный успех на выборах в саксонский ландтаг. Она получила почти вдвое больше голосов, чем в 1928 г.; правда, это дало ей всего только пять мандатов из шестидесяти девяти. Но эти пять мандатов решали, от них зависело, будет ли перевес на стороне буржуазного блока или марксистской левой. Более крупную победу партия одержала к концу года в Тюрингии, где она получила шесть мандатов. На прусских коммунальных выборах 1929 г. она получила такое количество голосов, что могла уже претендовать на двадцать два места в ландтаге вместо прежних семи. Летом 1929 г. партия насчитывала уже 120 000 членов, причем эта цифра с тех пор возрастает в геометрической прогрессии; в марте 1930 г. их было уже 210 000.

Этим притоком партия обязана между прочим новому пропагандистскому средству, которое она получила у своих буржуазных конкурентов путем хитрости и ловких тактических ходов: она получила свой первый министерский портфель. Уже после саксонских

выборов Гитлер настаивал на том, что партия должна принять участие в правительстве.

«Ради бога,—воскликнул тогда Штрассер,—только не это! Нам нужна политика катастроф, ибо только она очищает дорогу национал-социализму».

Лидер национал-социалистов в саксонском ландтаге, капитан-лейтенант в отставке фон Мюкке, тоже лишь с большой неохотой вел переговоры с буржаузными партиями. Он высказался в том смысле, что предпочитает открыто марксистское правительство буржуазной мешанине, и имел даже неосторожность заявить это в письме к саксонской социал-демократической партии, которой он сделал известные предложения. Это привело к разрыву: Мюкке выступил из партии, а преемник его, его личный враг, капитан-лейтенант в отставке фон Киллингер, повернул руль в сторону буржуазии. Однако немецкая народная партия отклонила предложения Киллингера и предпочла удовольствоваться министерством чиновников, и поныне (1932) управляющем Саксонией.

Зато партии удалась вылазка в Тюрингии в январе 1930 г., в которой Гитлер принял личное участие. В лице депутата рейхстага Фрика Германия получила первого министра национал-социалиста. По мысли Гитлера, Фрик никоим образом не должен был быть «тихим работником», за которого говорят только его дела, он должен был возможно чаще выступать сам и давать избирателям материал для разговора. На массы действовал уже тот факт, что партия, враждебная конституции, держала в своих руках полицейскую власть в одном из германских государств; успех создает популярность. В этом смысле назначение Фрика тюрингенским министром внутренних дел (23 января 1930 г.) было наилучшей пропагандой. Фрик ввел в школах национал-социалистские молитвы и вступил в конфликт с имперским министром внутренних дел Зеверингом—тюрингенское «правительство наци» стало злобой дня в Германии. В этом конфликте Фрику повезло: в конце апреля Зеверинг вместе со всем имперским правительством вышел в отставку, а его преемник д-р Вирт пошел на уступки. Разумеется, эта победа над «марксистским» министром внутренних дел завоевала национал-социалистам новые симпатии буржуазии.

Итак, эксперимент в Тюрингии привел не к тому, чего опасались оба Штрассера, а к противоположному результату. Впрочем, в своей оппозиции против участия в правительстве Грегор Штрассер вел себя гораздо умнее, чем его брат Отто: он шел лишь до предела дозволенного. Напротив, д-р Отто Штрассер еще накануне назначения Фрика обратился к руководящим членам партии с циркулярным письмом, в котором протестовал против участия в тюрингенском правительстве. Это было открытым ударом по авторитету Гитлера, ударом, который хозяин партии уже не мог оставить без ответа.

РАЗРЫВ С ОТТО ШТРАССЕРОМ

В многочасовом и горячем споре с Отто Штрассером (21 и 22 мая 1930 г.[114]) Гитлер требовал от последнего не более и не менее как лик-

видации его издательства «Кампф». Во внешней жизни партии эта беседа не была крупным политическим событием и не оказала влияния на организацию и рост партии. Но в идейной жизни партии она сыграла большую роль, ибо, так сказать, установила «вечные идеалы». Во многих своих деталях эта беседа была чисто немецкой, можно сказать—до смешного немецкой. Гитлер открыл политический спор разговором об... искусстве. Поводом к этому послужил призванный Фриком в Веймар профессор Шультце-Наумбург, первоклассный «художник», как выразился Гитлер. В кругу Штрассера, напротив, видели в Шультце ретрограда и вообще осуждали высказывания Гитлера в духе Вильгельма II против нового стиля в искусстве. Это побудило вождя партии раз навсегда констатировать:

«Все, что вы здесь говорите, показывает лишь, что вы не имеете ни малейшего представления об искусстве. В искусстве вообще нет «молодых» и «старых», как нет и «революции в искусстве», а есть вообще только одно вечное искусство, именно гречески-северное искусство; что касается всего прочего, то все разговоры о голландском искусстве, об итальянском искусстве, о германском искусстве лишь вводят в заблуждение; столь же неразумно видеть в готике особый вид искусства—все это не что иное, как северно-греческое искусство; все, что заслуживает названия искусства, может вообще быть только северно-греческим».

Однако в конце концов собеседники оставили эту интересную тему и перешли к вопросу о социализме. «Широкая рабочая масса,—сказал Гитлер,—не желает ничего другого кроме хлеба и зрелищ, ей недоступны какие-либо идеалы, и мы никогда не сможем рассчитывать на то, чтобы привлечь в широкой мере рабочих. Мы желаем отбора нового слоя господ. Отбор этот не будет исходить из какой-то морали сострадания, как вы того хотите. Мы уясним себе, кто имеет право на господство на основании своей лучшей расы, и сохраним и обеспечим это господство, невзирая ни на что».

Далее Гитлер сказал, что интересы Германии требуют сотрудничества с Англией, так как необходимо установить северо-германское господство над Европой и над миром—последнее в соединении с северо-германской Америкой.

В дальнейшем Отто Штрассер презрительно высказался о «так называемом прогрессе», а Гитлер выступил в защиту прогресса. Перед нами, сказал он, все же колоссальный прогресс человечества от каменного века до чудес современной техники. Однако толчок к этому прогрессу всегда дают отдельные великие личности. Когда же Штрассер выразил сомнение даже в роли этих великих личностей, Гитлер резко спросил его, не станет ли он чего доброго отрицать, что Гитлер является творцом национал-социализма. Штрассер, представьте, отрицал это: национал-социализм, сказал он,—идея, которая «сама идет вперед». Гитлер лично играет при этом лишь особенно важную роль. Речь идет об и д е е социализма. Тут его прервал Гитлер: помилуйте, этот ваш мнимый социализм есть просто чистейший марксизм. Вообще в действительности не существует никакого капитализма. Разве фабрикант не зависит от

своих рабочих? Когда они бастуют, вся его так называемая собственность идет прахом. Здесь Гитлер обратился к сидящему рядом заведующему его издательством Аманну:

«По какому праву эти люди требуют для себя участия в собственности и даже в руководстве? Скажите, г-н Аманн, согласились бы вы, чтобы ваши машинистки вдруг заявили притязание вмешиваться в ваши распоряжения. Предприниматель несет ответственность за производство и дает хлеб рабочим. Именно наши крупные предприниматели вовсе не стремятся к тому, чтобы загребать деньги, жить в свое удовольствие и пр. Для них самое важное—это ответственность и власть. Они проложили себе дорогу своими способностями и на основании этого отбора—свидетельства высшей расы—имеют право на руководство».

Высказавшись таким образом за высшую расу директоров фабрик, Гитлер заявил, что мерилом в вопросах правильного ведения хозяйства всегда должна быть доходность (в полном разногласии с Грегором Штрассером)! Отто Штрассер возражал против этого и хвалил автаркию национального хозяйства.

«Но ведь это,—воскликнул Гитлер,—самая абстрактная теория, дилетантизм худшего сорта. Неужели вы думаете, что мы когда-либо сможем оторваться от мирового хозяйства? Напротив, наша задача—организовать в грандиозном масштабе весь мир; каждая страна должна производить то, что ей больше всего подходит, а белая раса, северная раса, возьмет на себя организацию этого гигантского плана. Верьте мне, весь национал-социализм не стоил бы гроша ломаного, если бы он ограничился одной Германией и не увековечил по меньшей мере на две-три тысячи лет господства высшей расы над всем миром».

Здесь в разговор вмешался Грегор Штрассер, который до сих пор был только молчаливым слушателем. Он обиженно заметил, что целью национал-социализма все же является хозяйственная автаркия. Гитлер пошел на попятный: да, он согласен, быть может, автаркия—как далекая цель через сто лет; но в настоящее время еще невозможно оторваться от мирового хозяйства.

Штрассер еще раз заговорил о социализме. Гитлер ответил: «Выражение «социализм» само по себе не годится, и во всяком случае оно не означает, что предприятия д о л ж н ы быть социализированы, оно означает только, что они м о г у т быть социализированы, а именно, если они нарушают интересы нации. Покуда этого нет, было бы просто преступлением разрушать хозяйство».

Кроме того у нас ведь имеется перед глазами пример, который мы можем принять без дальних слов: фашистское корпоративное государство в Италии. Ответственность пред высшим, власть над низшими.

Штрассер: «Значит, капиталист—хозяин у себя в деле».

Гитлер: «Эта система безусловно правильна, другой вообще и быть не может. В нынешней системе недостает только этой окончательной ответственности перед нацией. Участие рабочих в собственности и управлении—это марксизм, я же считаю, что только государство, руководимое высшим слоем, имеет право на такое участие».

Собеседники не пришли к соглашению. Разговор этот не означал, как думал Отто Штрассер, «перемену курса» партии, а лишь излагал—с несколько более богатым набором слов—тот курс, которого Гитлер держался с 1920 г. и который, правда, уже с самого начала уклонился от двадцати пяти пунктов. Теперь эта позиция вождя национал-социализма проявилась лишь резче.

Через несколько недель Федер в частном письме оправдывал пожалуй самое циничное место во всем этом разговоре, а именно слова Гитлера, что «рабочие в сущности желают только хлеба и зрелищ». В основном, писал он, эти слова, если они действительно были произнесены, придется признать в известном смысле правильными. Федер, так же как Гитлер, высказывался против огосударствления акционерных обществ.

Во всяком случае после этого обмена мнений между представителями различных миросозерцаний внутренний разрыв между Гитлером и кружком Штрассера стал фактом. Гитлер поручил Геббельсу «чистку» берлинской организации. Геббельс с наслаждением выбросил из партии всех сторонников Отто Штрассера. Грегор Штрассер, оставаясь в душе во многом еще на стороне своего брата, послушно подчинился, отказался 30 июня от своих газет, выпускаемых издательством «Кампф», и публично заявил, что он самым энергичным образом осуждает поведение своего брата, что он стоит в резкой оппозиции к нему и попрежнему самым лойяльным образом следует за Адольфом Гитлером. Издательство «Кампф» осталось в руках своего юридического владельца Отто Штрассера, но вследствие бойкота со стороны партии дела его пошли плохо, тогда как «Ангриф» Геббельса вскоре после этого стал ежедневной газетой. Отто Штрассер совместно с несколькими друзьями (в том числе отставным майором Бухрукером, руководителем Кюстринского путча в 1923 г. и писателем Гербертом Бланком) основал «Боевое сотрудничество революционных национал-социалистов», впоследствии принявшее название «черный фронт»; оно не получило до сих пор серьезного политического влияния.

Хотя Отто Штрассер возвестил: «Социалисты уходят из национал-социалистской партии», фактически с ним ушли только очень немногие. На преобладающее большинство не действовали никакие разоблачения о бюрократизации партийного аппарата, о материальной зависимости главарей от Гитлера и об их недостойном сервилизме; что же до спора о том, что такое социализм, то этот спор не интересовал почти никого.

БУНТ ШТУРМОВИКОВ И ПАДЕНИЕ ПФЕФФЕРА

Устранение Отто Штрассера было победой руководителя берлинской организации Геббельса также и над Грегором Штрассером. Одна из основ независимости Грегора Штрассера—издательство «Кампф»—была разрушена. Впрочем ввиду неосторожности и ненадежности Геббельса за Штрассером был оставлен второй пост в пар-

тии после Гитлера: он остался во главе организационного руководства, причем временами в непосредственном соседстве с ним оказывался Геббельс, возглавлявший с 1929 г. партийную пропаганду. Однако более чем когда-либо прежде Штрассеру теперь стало ясно, что он является одним из лидеров п а р т и и Г и т л е р а, а не лидером национал-социалистского движения вообще. Впрочем и при этом положении открывались весьма заманчивые перспективы для честолюбия. Штрассер мог стать со временем министром, тогда как Гитлеру нелегко было стать им, а с этого момента собственно наступило бы для Штрассера время его возвышения, он мог бы развернуться.

Вскоре после этого Геббельсу еще раз повезло. Пфеффер пал. Внешним поводом к этому явился мятеж штурмовых отрядов. В этой среде уход Отто Штрассера вызвал известный отклик; роптали не потому, что усумнились в подлинности социализма Гитлера, а против бюрократизирования партийного руководства, против зазнавшихся «бонз» в партии и их синекур. В этом отношении эти люди повторяли то, что писал Отто Штрассер. Некоторые руководители штурмовых отрядов были недовольны тем, что их не выставили кандидатами в рейхстаг; их подчиненные роптали против тяжелой неоплачиваемой работы во время избирательной кампании. В конце августа штурмовики открыто забастовали и не явились на охрану митинга в берлинском Дворце спорта. Пришлось вызвать защитные отряды в качестве «технической помощи». В отместку за это штурмовики заняли помещение берлинской организации, разгромили его и пригрозили весьма недружелюбным приемом Геббельсу, руководителю организации. Дело дошло даже до перестрелки с защитными отрядами. У Геббельса нехватало духа явиться к разгневанным штурмовикам. Гитлер должен был лично приехать в Берлин. С ним случился нервный припадок, но он поборол себя и заставил себя выступить перед штурмовиками. Он ездил из одной казармы в другую, проливал слезы и заклинал своих ребят не давать маху в решительный момент. Но лучше слез подействовали деньги. Гитлер обложил всех членов партии «налогом в пользу штурмовых отрядов» по 20 пфеннигов с человека, увеличил вдвое вступительный взнос в партию и отнял в пользу штурмовиков половину избирательных фондов у местных групп. Отныне штурмовики несли свою тяжелую службу не из одного идеализма. Таким образом сделан был первый шаг по тому опасному пути, по которому пошло все дальнейшее развитие штурмовых отрядов: если не все они, то во всяком случае часть их превратилась впоследствии в настоящих ландскнехтов.

В регулярном войске мятеж карается смертью мятежников; начальнику же, который не сумел предотвратить мятеж, последний обычно стоит его эполет. Гитлер мог прибегнуть только ко второму средству: он воспользовался случаем удалить неудобного Пфеффера. Последний получил почетную отставку с пенсией и выражением благодарности и поселился в Мюнхене. Место его в качестве главного начальника штурмовых отрядов занял сам Гитлер. Таким образом Гитлер окончательно стал самодержцем в партии, объединив в своих руках гражданскую и военную власти. Однако он не в силах был

взяться на деле за нелегкую задачу управления штурмовыми отрядами; для этого надо было создать должность начальника штаба — назвать его начальником генерального штаба было еще неудобно. Одно время в кандидаты намечался Геринг; за его кандидатуру особенно выступал Геббельс. Однако Гитлер назначил не Геринга, а возвратившегося из Боливии Рема.

ПАДЕНИЕ МЮЛЛЕРА И ОШИБКА БРЮНИНГА

В конце апреля правительство Германа Мюллера вышло в отставку. Социал-демократия и народная партия рассорились по вопросу о страховании безработных, из-за статьи в бюджете, составлявшей всего каких-нибудь 70 млн.; из-за этого пало последнее республиканское правительство в Германии. В рядах социал-демократии впоследствии стало притчей во языцех, что не следовало жертвовать властью из-за пустяка. Но дело было не в этом пустяке, а в том, что социал-демократия вследствие своей уступчивости в правительстве, мелочности в полемике, бездеятельности в пропаганде и неудачливости ослабела и перестала быть силой, которая внушала бы страх. Президент республики охладел к социал-демократическому министру-президенту Пруссии Отто Брауну [115], к которому одно время казался расположенным и которого как будто ценил. К Гинденбургу стали вхожи несколько молодых деятелей из правого лагеря, остававшиеся пока на вторых ролях, в том числе отошедший от Гугенберга Тревиранус (из немецкой национальной партии) и лидер партии центра д-р Брюнинг [116]. Не радовало президента и то, что правительство Мюллера не могло предложить ему ничего лучшего, как подписать безотрадный план Юнга. Внешняя политика Германии уже при Штреземане становилась все менее утешительной, а после его смерти (октябрь 1930 г.) осталась фактически без руководства и колебалась без руля и без ветрил между традицией осторожности Курциуса и стремлением центра к «новой динамике». Канцлер добросовестно исполнял свои обязанности в качестве честного маклера, желавшего дать удовлетворение каждой из партий; рейхстаг превратился в торжище, на котором шли препирательства обо всем вплоть до спора о зеленых бобах и пряже, точнее, о пошлине на эти товары. Правительства ломали себе шею на частных вопросах, которые великолепно могли быть улажены ведомственным порядком. В конце концов, когда по наущению Шлейхера министр рейхсвера Гренер отказался поддерживать кабинет, последний потерял почву под ногами.

Когда правительство Германа Мюллера вышло в отставку, оказалось, что в запасе уже имелся налицо новый кабинет. Президент республики поручил образование нового министерства д-ру Брюнингу, который составил кабинет без участия социал-демократов. Это правительство не опиралось на большинство в рейхстаге, но зато у него была надежда на будущее в лице отколовшихся от Гугенберга депутатов немецкой национальной партии; они возглавлялись

новым министром Тревиранусом и называли себя теперь народными консерваторами. Брюнинг решил взять рейхстаг в ежовые рукавицы, держаться с ним не маклером, а хозяином и твердо управлять, проводя свою волю при наличии двух примерно равносильных партийных фронтов с их крикливой бестолочью. Он рассчитывал импонировать нации, отняв у рейхстага бобы и пряжу и предоставив решение по этим вопросам правительству. Тревиранус должен был защищать эту политику перед избирателями правого лагеря; выступая паладином импозантного правительства твердой власти, он должен был добиться успеха у избирателей.

Но Брюнинг ошибался. Смена правительства настроила общественное мнение еще более недоверчиво ко всякому парламентскому правительству; нового веяния не ощущали, зато чувствовали, что старое рушилось. Брюнинг дебютировал самым неудачным образом: он распустил рейхстаг и апеллировал к народу по вопросу о бюджете, проведенном им в порядке чрезвычайного декрета. Тревиранус отправился в поход, чтобы завоевать избирателей для консервативной идеи. Но со стороны правительства это было самой неумелой пропагандой; народ хотел хлеба, а его кормили иностранными словами—ораторы грызлись между собой, сражаясь за консерватизм, либерализм, парламентаризм и воображая, что избиратели—за демократию. А избиратели были только против налогов и безработицы. Новый метод Брюнинга—«разгон неспособного рейхстага»—даже не был еще как следует замечен избирателем. Его смаковали пока только молодые «государствоведы», учуявшие здесь принцип сильной власти.

ПОБЕДА С ПОМОЩЬЮ СЕРОЙ МАССЫ

Когда Брюнинг назначил новые выборы, национал-социалисты развили бешеную предвыборную агитацию по всей стране. В истекшем году уже чуть ли не в каждой деревне долгое время красовался на каком-нибудь амбаре национал-социалистский плакат. Национал-социалисты были единственной партией, серьезно взявшей под обстрел деревню и неутомимо устраивавшей здесь свои собрания. Штрассер распространил свою организацию и на деревню. В деньгах недостатка не было, людей не жалели. Эти новички шли напролом, с радостью выступали в деревнях, тогда как испытанные ораторы других партий делали это с неохотой, обычно лишь в случае крайней необходимости, во время избирательной кампании. Партия Гитлера в течение целого года вела агитацию, словно в период выборов.

В начале избирательной кампании Гитлер рассчитывал получить пятьдесят мандатов; когда кампания близилась к концу, у него закружилась голова, он уже смело надеялся на восемьдесят мандатов. Ему должны были достаться почти все голоса избирателей, обычно воздерживающихся от участия в выборах; поскольку удалось бы расшевелить эти элементы, они должны были голосовать за национал-социалистов, так как вряд ли можно было ожидать, что старым пар-

тиям именно теперь удастся сломить их косность и потащить к урнам эти малоподвижные элементы. Если это вообще было возможно, то это могло удаться только национал-социалистам. Из молодого поколения, только теперь достигшего возраста, требуемого по закону для участия в выборах, тоже большая часть должна была достаться Гитлеру. Весь вопрос заключался в том, удастся ли поднять на ноги массу избирателей, обычно не участвующих в выборах.

Это удалось. Число депутатов рейхстага увеличилось с 490 до 577; это означало, что в выборах участвовало круглым счетом на 4,6 млн. чел. больше, чем в последний раз. В рейхстаг вступило 87 новых депутатов. Буржуазные партии правее центра понесли большие потери, особенно немецкая национальная партия, которая собрала почти вдвое меньше голосов; немецкая народная партия потеряла треть своих голосов. Кое-что отошло от них к крестьянской и христианско-социальной партии; в общем буржуазная правая потеряла 24 мандата. Таким образом всего перешло к другим партиям 111 мандатов правых партий. Львиная доля из них досталась партии, которая подняла на ноги наибольшую часть из 4,6 млн. новых избирателей. Из 111 мандатов национал-социалисты завоевали 95. Их фракция в рейхстаге составила 107 чел.

Вот где скрывалась тайна выборов 14 сентября 1930 г.

«Когда к нам с криками «ура» придет серая масса, мы пропали»,—так сказал Гитлер еще два года назад. Теперь эта масса пришла. Партия опасалась не только прихода серой массы, но и причины этого прихода. Штурмовые отряды послушно, отчасти даже с энтузиазмом шли на смерть за свои убеждения. Но 6,4 млн. избирателей, голосовавших за партию 14 сентября 1930 г., пришли к ней не с энтузиазмом, а раздраженные разваливающейся республикой. Являлись ли эти раздраженные люди, половина которых доселе вообще не интересовалась политикой, действительно лучшими сынами Германии?

После сентябрьских выборов наступил период «легальности», вызвавший столько толков. С внешней стороны этот период был лишь продолжением линии партии после 1925 г. Однако провозглашение легальности под присягой означало также нечто большее: это было уже притязание на способность заключить прямой союз с государственной властью. Старая игра, практиковавшаяся в Баварии, повторилась и в Берлине—переговоры с Брюнингом, аудиенции у Гинденбурга, обещание поддерживать Папена и наконец лихорадочные переговоры с партией центра. Самая сильная теперь партия не находила других путей к власти, как те же извилистые пути, по которым она шла крадучись, когда была самой малой партией в Германии. И первым делом она старалась снова укрыться под бронированное крылышко рейхсвера. Прекрасно обученные Ремом с 1930 г. штурмовые отряды должны были служить приманкой для рейхсвера: партия в некотором роде подкупала его предложением своего солидного военного аппарата.

Эти переговоры с государственной властью принесли большую пользу национал-социалистской партии, хотя остались на первых

порах безрезультатными. Она выступала здесь как сила, которой уже были доверены некоторые задачи государства. Она могла утверждать, что благодаря дисциплине своих штурмовых отрядов она впрямь удерживает социальную смуту в Германии по крайней мере от самых худших эксцессов и предупреждает голодные бунты; она могла утверждать, что самоотверженность штурмовиков препятствует открытому уличному грабежу. Главари партии завтракали у Брюнинга и Шлейхера и старались создать впечатление, что они негласно участвуют в управлении государством; это ободряло их приверженцев, путало противников и импонировало избирателям— все это тоже было превосходной пропагандой. В конце концов однако получалось неблагоприятное впечатление: как Ахилл не мог обогнать черепахи, так они на волосок приближались к власти, но никак не могли перейти через этот волосок. Публика начинала подозревать то, что было уже ясно серьезным наблюдателям работы партии: Гитлер питал страх перед конкретной целью, поэтому он отодвигал ее на недосягаемую высоту. Это было хорошим методом, покуда цель была далека, но это ставило его в смешное положение, когда он подошел близко к цели.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Вторую часть книги, охватывающую первый год владычества фашистов в Германии, Гейден написал в Швейцарии, уже находясь в эмиграции. Наиболее интересны главы, посвященные описанию борьбы и интриг в правящем лагере, предшествовавших приходу Гитлера к власти. Эти главы Гейден писал по живым, неизгладившимся еще воспоминаниям. Многого однако он здесь не договаривает, не разоблачает до конца, несмотря на свои заявления о готовности бороться с фашизмом. Мы опустили во второй части три начальных главы, повторяющие предшествующее изложение, часть главы о поджоге рейхстага, написанную накануне Лейпцигского процесса, а также сократили заключительную часть, содержащую ряд общих рассуждений. В переводе главы переименованы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСХОД ИЗ РЕЙХСТАГА

13 октября 1930 г. фракция сто семи в первый раз появилась в рейхстаге. Ее оратором и бесспорным вождем был Грегор Штрассер. Спустя несколько дней он произнес речь, которая несомненно произвела бы впечатление, если бы ее не затмило впечатление от уличных демонстраций национал-социалистов в памятный день 13 октября. Во время демонстраций были разбиты витрины многих еврейских магазинов. Гитлер заявил по этому поводу одному иностранному журналисту, что беспорядки были совершены главным образом хулиганами, карманниками и коммунистическими провокаторами. Виновных-де он немедленно исключит из партии. «Беобахтер», со своей стороны, писал, что в «третьей империи» витрины еврейских магазинов будут находиться в большей сохранности, чем теперь, при марксистской полиции.

В феврале 1931 г. партия на продолжительное время снова сменила парламентские домашние туфли на уличные сапоги. Фракция решила не принимать больше участия в заседаниях рейхстага, так как ее систематически старались держать вдали от власти. Брюнинг же вообще ни во что не ставил рейхстаг. Дейч-националы присоединились к национал-социалистам и впервые таким образом продемонстрировали, что они уступили подлинное руководство правыми более сильному партнеру.

Брюнинг, на которого Гинденбург перед лицом всей Германии возложил задачи облеченного властью вождя, был самым торжественным образом покинут той частью нации, к которой президент чувствовал себя ближе всего.

ОТСТАВКА ФРАНЦЕНА И ПАДЕНИЕ ФРИКА

В 1930 г. вскоре после выборов в рейхстаг национал-социалисты сумели добиться второго министерского портфеля в одной из германских провинций. В Брауншвейге, где они одержали избирательную победу, кильский судебный советник д-р Францен был назначен министром внутренних дел. Францен был мало известен в партии; его избрание вызвало некоторое недовольство; и в самом деле

Гитлеру вскоре пришлось разочароваться в нем. В июле 1931 г. национал-социалистское самосознание Францена возмутилось против того, что он в качестве бессильного провинциального министра обязан был подчиняться приказам вражеского имперского правительства Брюнинга, особенно его чрезвычайным декретам, против которых боролись национал-социалисты. Францена поддержал руководитель национал-социалистской фракции в брауншвейгском ландтаге Гро, и в один прекрасный день Францен без ведома партийного руководства подал в отставку. Гро последовал за ним и исчез из национал-социалистских рядов. Стоило немалых трудов сохранить этот пост для национал-социалистов. Преемником Францена был назначен в конце концов народный учитель Дитрих Клаггес.

Возмущение Гитлера по поводу измены Францена было особенно велико потому, что еще ранее партия должна была пожертвовать министерским постом Фрика. В день стенесовского кризиса, 1 апреля 1931 г., Фрик был смещен своими прежними союзниками в тюрингском ландтаге. Союзники внезапно выступили против Фрика, которому они в свое время помогли занять министерский пост; 29 голосами против 22 ландтаг выразил ему недоверие, и министерское кресло в Тюрингии оказалось потерянным.

МАССЫ И ПРИНЦЫ

Тюрингское министерское кресло национал-социалистская партия завоевала, когда она была еще самой малочисленной политической партией в Германии. Больно было поэтому лишиться этого кресла в момент, когда она фактически стала самой крупной партией. Теперь считалось «современным» принадлежать к ней.

Знатнейший из знатных, сын экс-кайзера, принц Август-Вильгельм Прусский, уже весной 1930 г. вступил в партию. «Там, где Гитлер вождь, каждый может занять место в рядах»,—заявил принц. В коричневой рубашке этот гогенцоллерновский принц выступал оратором на национал-социалистских собраниях. Весной 1931 г. во время одной из стычек он был избит кенигсбергской полицией резиновыми дубинками. Для истории пожалуй было не столь любопытно то, что полиция Зеверинга избила гогенцоллерновского принца, как то, что Гогенцоллерн позволил избить себя ради Гитлера. Это, казалось, понял даже экс-кайзер в своем голландском изгнании. На собрании в Мюнхене принц зачитал замечательное место из письма Вильгельма II: «Ты должен гордиться тем, что стал одним из мучеников этого великого народного движения».

Среди тех, кто обратился к национал-социалистской партии, был также бывший президент рейхсбанка д-р Шахт—тот самый д-р Шахт, который принимал участие в составлении плана Юнга и защищал этот план от национал-социалистской критики. Официальной членской книжки он в то время еще не получил, однако принадлежал к числу экономических советников, которых очень ценил Гитлер. Чистая публика, в своем бессилии преклоняющаяся перед национал-социалистами и предвидящая их успех, все быстрее устремля-

лась в ряды этой партии, которая превратилась в центр тяжести всего правого фланга

НАРОДНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ СТАЛЬНОГО ШЛЕМА

Соперники национал-социалистов перепугались и с шумом стали пробираться вперед. Стальной шлем вспомнил при этом о старой тактической линии правых: «кто владеет Пруссией, тот владеет всей Германией». Он полагал, что Брюнингу, находящемуся под покровительством президента, покуда нельзя нанести никакого вреда, поэтому более простой и благодарной задачей было бы лишить его марксистской опоры в Пруссии. С этой целью Стальной шлем организовал допускаемое конституцией народное голосование, во время которого большинство избирателей должно было высказаться за роспуск прусского ландтага. После выборов, как надеялись инициаторы голосования, правительство Брауна не будет больше располагать большинством в ландтаге. Для осуществления этого необходимо было мобилизовать свыше 50% всех пользующихся правом голоса. Это едва удалось правым в Германии даже в марте 1933 г.; совершенно безнадежным было такое предприятие летом 1931 г. Под давлением обстоятельств в этом предприятии приняли участие также национал-социалисты. 9 августа оно потерпело крушение. Всего лишь 9,8 млн. избирателей, т. е. 37%, были внесены в списки. Даже этот успех был достигнут лишь потому, что коммунисты приняли участие в народном голосовании. Таким образом эти 37% нельзя было назвать сколько-нибудь серьезным успехом. Геббельс после голосования с досадой заявил, что национал-социалисты вторично не позволят чужим людям злоупотреблять собой во имя совершенно безнадежных лозунгов.

БРЮНИНГ — «БЕДНЫЙ ИОНАТАН»

Тем не менее национал-социалисты вторично поступили именно таким же образом. Спустя 2 месяца после того как Стальной шлем предпринял свой неудачный поход против прусской опоры Брюнинга, второй конкурент Гитлера—Гугенберг—решил выбить из позиций канцлера самый большой камень: он попытался оказать моральное давление на Гинденбурга. Гитлер, по крайней мере вначале, оказал ему полную поддержку. Политическая борьба из-за привлечения на свою сторону Гинденбурга является с тех пор одним из самых замечательных политических зрелищ, которое только приходилось переживать этой богатой подобными зрелищами стране.

К числу личных друзей президента принадлежал дейч-националовский депутат рейхстага, старый камергер фон Ольденбург-Янушау из Восточной Пруссии. Уже во времена кайзера он был известен как юнкерский фрондер, который не без остроумия играл роль реакционного грубияна и в эту довольно либеральную эпоху привел в волнение общественное мнение своим заявлением, что кайзер вправе распустить парламент в любой момент с помощью одного

лейтенанта и 10 солдат. Впрочем его реакционные наклонности не омрачали ему политической перспективы. Уже в 1917 г. он разозлил кронпринца своими мужиковатыми пророческими словами: «Ваше королевское высочество, поверьте мне, престольчика вам придется лишиться». Старый Янушау, который еще до войны представлял собой в политике один из пережитков господствующих классов, теперь внезапно опять выплыл на поверхность и благодаря влиянию, оказываемому на президента, играл весьма любопытную роль в государстве.

Юнкерскому лукавству старого Янушау Гинденбург был обязан тем, что стал главой всех помещиков в Германии. Президент происходил из обедневшей юнкерской семьи, которая до сих пор не особенно блистала в государстве. Сам Гинденбург не имел состояния, был всего-навсего армейским офицером и рассчитывал закончить свои дни в качестве генерала в отставке. Тут появился на сцене камергер фон Ольденбург-Янушау, чтобы на склоне лет превратить этого старого господина в одного из благородных помещиков, к которым принадлежал некогда его род. Имперский союз германской промышленности должен был с этой целью организовать сбор денег и приобрести имение Нейдек в юго-западной части Восточной Пруссии, которое некогда являлось родовым поместьем Гинденбурга; он получил этот дар в 1927 г. в день своего 80-летия. Так стал Гинденбург крупным землевладельцем; точнее говоря, им стал его сын и влиятельный советник полковник фон Гинденбург; таким путем рассчитывали очевидно избавиться от предстоящей в скором времени уплаты налога на наследство. Эта деловитость, мягко выражаясь, не являлась доказательством особенно сильно развитого чувства государственности. В дальнейшем полковник фон Гинденбург, подлинный владелец Нейдека, проявил себя как политик, для которого интересы крупного землевладения и государства были равноценны.

Что касается самого президента, то он был уверен, что выполнял свой святой долг, охраняя крупных землевладельцев, одну из опор государства, от государственного «аграрного большевизма». Под аграрным большевизмом аграрии понимали например требование об уплате своих долгов. Во главе одного из двух крупнейших учреждений, ведавших краткосрочным аграрным кредитом,—Прусской кассы находился Отто Клеппер, человек холодный и расчетливый, последний министр финансов Пруссии левого направления. Он считал значительную часть крупного землевладения переобремененной долгами и не способной далее держаться. Поэтому он настаивал, чтобы эти крупные поместья были поделены на части и предоставлены крестьянам. Даже Брюнинг, который вначале оттеснял Клеппера в сторону, в конце концов понял, что часть латифундий не может быть больше сохранена. Еще в 1931 г. посредством колоссальных подарков так называемой Восточной помощи он надеялся спасти помещиков, а в 1932 г. он и его советники признали это невозможным.

Вот почему в 1931 г. Брюнинг пользовался еще доверием старого Янушау, а в 1932 г. потерял это доверие. Благоприятным образом было истолковано то, что этот старый господин через несколько меся-

цев после того, как Брюнинг стал канцлером, заявил, что нынешний рейхсканцлер «со времен Бисмарка самый лучший». Вскоре однако он взял свою похвалу обратно. Знаток библии, старый барон из Восточной Пруссии печально заявил: «Жаль мне тебя, брат мой Ионатан».

Это было плохое предзнаменование для Брюнинга

ГАРЦБУРГСКИЙ ФРОНТ

Осенью Гугенберг счел момент подходящим, чтобы ввергнуть «бедного Ионатана» в немилость у царя Саула. Он выступил перед президентом до известной степени от имени всей национальной правой с жалобой на Брюнинга.

Скамья подсудимых была воздвигнута в небольшом курортном городке Гарцбурге, в Брауншвейгской провинции. Здесь под покровительством наполовину дейч-националовского, наполовину национал-социалистского правительства 11 октября 1931 г. собрались на демонстрацию крупные отряды штурмовиков и Стального шлема. Во время этой демонстрации Гугенберг вместе с Гитлером и вождями Стального шлема Зельдте и Дюстербергом намерен был образовать национальный фронт для свержения правительства Брюнинга. На несколько натянутом торжественном заседании перед множеством господ во фраках и мундирах вождь дейч-националов зачитал заявление, которое в подражание вступлению к Веймарской конституции начиналось следующими словами: «Национальный фронт, единый в своих партиях, союзах и группах и воодушевленный стремлением действовать сообща и решительно, извещает о следующем:...» О чем собственно он извещал? По существу лишь о том, что «мы требуем немедленной отставки правительств Брюнинга и Брауна». Эта тяжеловесная фраза, казалось, была написана кровью, ибо далее значилось: «Мы заявляем, что во время предстоящих беспорядков мы будем защищать жизнь, собственность, дома и место работы тех, которые вместе с нами открыто примкнут к нации. Мы отказываемся однако защищать ценой своей крови нынешнее правительство и господствующую ныне систему». Этим довольно открыто было сказано: «Будьте готовы к гражданской войне».

Влияние гарцбургского фронта было однако ослаблено, после того как стали известны раздоры между союзниками. Гитлер нехотя и только из тактических соображений направился в Гарцбург. Еще за несколько часов до совместного выступления его подчиненные вожди выражали сильное сомнение, следует ли вообще итти туда; таким образом еще накануне выступлению грозил срыв. Фрику в конце концов удалось добиться того, чтобы национал-социалисты приняли участие в выступлении. Он выставил между прочим аргумент, что и Муссолини начал с коалиционного правительства, из которого он позднее выбросил своих союзников. Национал-социалисты неоднократно выступали с той же откровенностью, как и на этот раз, и их нынешние союзники имеют быть может моральное, но не интеллектуальное право жаловаться на их ненадежность и нетоварищеское поведение.

Выступление Гугенберга заканчивалось угрозой: «Будь проклят всякий, кто разобьет наш фронт!» Проклятие это тут же на месте было обращено против национал-социалистских вождей. Гитлер зачитал собственное заявление и отказался присутствовать на совместном параде при прохождении Стального шлема.

День гарцбургской демонстрации положил конец роли Гугенберга как идейного вождя германской оппозиции. Спустя несколько дней это было подтверждено важными политическими переговорами Гитлера. Прежде всего—впервые в своей жизни—он был принят президентом Гинденбургом. Еще важнее было его двухкратное посещение генерала фон Шлейхера, начальника канцелярии министерства рейхсвера, человека, который больше года тайно направлял политическую игру в Германии. В свое время Шлейхер уже добился падения социал-демократического канцлера Мюллера и помог Брюнингу притти к власти. Теперь он постепенно отказывал Брюнингу в той поддержке, без которой не может править ни один государственный деятель, а именно—в поддержке пулеметов.

КАМАРИЛЬЯ ГИНДЕНБУРГА

Важнейшим партнером Гитлера в этой игре, то союзником, то противником, оставался до начала 1933 г. генерал фон Шлейхер.

Этот генерал, который проявил себя на ответственном посту лишь весьма посредственным государственным деятелем, был подлинным политиком кулис и полумрака, в котором очертания политического характера остаются скрытыми от глаз, а блестящие эполеты и яркокрасные генеральские лампасы вызывают трепет. Шлейхер, занимая официальный пост начальника канцелярии министерства рейхсвера, был доверенным лицом министра рейхсвера Гренера[117], его всесильным и опасным советником. Его влияние в государстве, которое вскоре переросло влияние Гренера и Брюнинга, покоилось частично на дружбе детства с полковником фон Гинденбургом, сыном президента. 85-летний глава государства в умственном отношении едва был способен осознать свои политические задачи: лишь в частностях, в вопросах, касающихся отдельных лиц, он проявлял иногда с трудом преодолимое упрямство. В общем и целом дело обстояло таким образом, что в случаях, когда речь шла о президенте Гинденбурге, его взглядах и решениях, в действительности имелся в виду круг лиц, состоявший из сына этого престарелого господина, статс-секретаря д-ра Мейснера[118], молодого консервативного депутата д-ра Герике, генерала фон Шлейхера и наконец из известного числа ост-эльбских политиков и помещиков, самым выдающимся из которых был старый камергер фон Ольденбург-Янушау. Эта группа лиц, как бы различны ни были взгляды ее участников, преследовала в общем одну и ту же цель: сохранить власть угасающего старца и даже по возможности усилить ее, что при параличе и самоупразднении рейхстага и благодаря поведению некоторых партий было нетрудно. У группы Гинденбурга была поэтому политически сходная стратегия с группой Гитлера: быть

среди двух борющихся противников третьей, выигрывающей стороной. Политически наиболее изобретательный и самый деятельный человек из этой камарильи, генерал фон Шлейхер, бывший полковой товарищ полковника Гинденбурга, надеялся в один прекрасный день использовать полностью или частично также национал-социалистов в качестве одной из опор диктатуры Гинденбурга; при этом он недооценил этого противника и переоценил собственные силы, как и многие другие политики из буржуазных серединных партий в Германии. Из группы Гинденбурга стали раздаваться по адресу Брюнинга упреки в том, что он не в состоянии расположить правые партии и их вождей, Гугенберга и Гитлера, в пользу Гинденбурга; этим самым, как говорили они, Брюнинг подрывает популярность президента среди национально мыслящей части народа. Такие нашептывания оказывали свое действие на престарелого тщеславного господина, опасающегося за свою популярность. Если Брюнинг хотел сохранить свое положение, то он должен был представить доказательство того, что он твердо намерен примирить Гинденбурга с вождями правых.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ БРЮНИНГА ГИТЛЕРУ

Отсюда возник фантастический политический план. Вначале, после гарцбургской демонстрации, Шлейхер снова вступился за Брюнинга и добился для него передышки. Правда, канцлер должен был согласиться на удаление из своего кабинета нескольких министров левого направления, в том числе республикански настроенного министра внутренних дел д-ра Вирта и министра иностранных дел д-ра Курциуса; последний попал в невозможное положение после неудавшейся попытки добиться присоединения Австрии к Германии под видом таможенного союза. Правда, в дальнейшем Брюнингу не удалось ввести в свой кабинет вождей крупной промышленности, несмотря на то, что, проводя политику снижения заработной платы, он старался добиться их расположения. После долгих домогательств с его стороны в его кабинет в качестве министра хозяйства вошел лишь представитель И. Г. Фарбениндустри профессор Вармбольд. Во всяком случае судно Брюнинга снова получило возможность держаться некоторое время на воде, тем более что министр рейхсвера Гренер по настоянию Шлейхера изъявил готовность наряду с прежним министерством взять на себя обязанности министра внутренних дел. Этим самым рейхсвер до известной степени заявлял, что он согласен итти с Брюнингом до конца. Укрепившись таким образом и обеспечив свой тыл, Брюнинг в состоянии был перейти к разрешению более трудной задачи: заключить мир, дружбу, завоевать доверие Адольфа Гитлера и сложить эту драгоценнейшую добычу к ногам своего президента. Через посредство Шлейхера он пригласил к себе Адольфа Гитлера.

Встреча эта произошла в январе 1932 г. и имела огромные последствия для германской политики. Внешним поводом для переговоров явились предстоявшие весной перевыборы президента. Семи-

летний срок пребывания Гинденбурга на своем посту уже истек. Брюнинг предложил национал-социалистскому вождю избавить германский народ в это тревожное время от избирательной борьбы и заявить о своем согласии на продление полномочий Гинденбурга; с помощью национал-социалистских голосов рейхстаг мог продлить полномочия этого престарелого господина, внеся изменение в конституцию. В виде ответной услуги Брюнинг соглашался добровольно подать в отставку и предложить президенту назначить Гитлера рейхсканцлером. Правда, Гитлеру приходилось еще потерпеть свыше года, ибо Брюнинг за это время хотел добиться внешнеполитической цели, к которой он стремился уже в течение ряда лет, а именно—отмены репарационных платежей, которые Германия должна была вносить согласно мирным договорам. Брюнинг с полным основанием утверждал, что бывшие противники Германии возможно сделают эту уступку рейхсканцлеру Брюнингу, но никогда не сделают ее рейхсканцлеру Гитлеру. Разумеется, большой вопрос, сделали ли бы они эту уступку Брюнингу, зная, что тот же самый Брюнинг втихомолку работает над тем, чтобы проложить Гитлеру дорогу к власти. Своей политикой Брюнинг обманул бы союзников так же, как он оставил в дураках германские левые партии. В конечном счете во всей этой игре мог оказаться еще один обманутый: сам Гитлер. Ибо в течение года, который ему пришлось бы еще ждать, могло произойти немало событий. Прежде всего, поддерживая политику Брюнинга, Гитлер мог лишиться доброй половины своих избирателей.

В национал-социалистских руководящих кругах, равно как и в лагере Гугенберга этот план встретил тотчас же резкое сопротивление. Младшие национал-социалистские вожди совершенно правильно осознали опасность вовлечения партии в сети Брюнинга, к тому же они мало заботились о последствиях поражения Гитлера в открытой избирательной борьбе. В качестве представителя этой оппозиции при вторичном посещении канцлера Гитлером вместе с вождем появился начальник штаба штурмовиков Рем. Такого рода свидетель переговоров по многим причинам мог привести Брюнинга в плохое настроение: католические круги в связи с некоторыми личными наклонностями Рема, которые стали известны как раз в эти дни, считали предосудительной личность вождя штурмовиков.

Гитлер понял, что его согласие с планом Брюнинга оказалось бы поддержкой самого канцлера, ибо чрезвычайно укрепило бы его личное влияние на президента, и поэтому на прямой вопрос, поставленный личным советником Гинденбурга, статс-секретарем д-р Мейснером, Гитлер ответил, что на продление полномочий Гинденбурга он может согласиться только в том случае, если Брюнинг подаст в отставку.

Это было неприемлемым требованием. Такой политической дани ни один партийный вождь, как бы силен он ни был, не должен был требовать от президента за согласие на продление его полномочий. Гинденбург отверг требование Гитлера и стал готовиться к борьбе. Одного однако Гитлер все же добился: солнце президентских мило-

стей, которое все же слабо светило над канцлером Брюнингом, затянулось еще одной тучей. Этот канцлер, который вовлек президента в открытую борьбу с правыми, ни в коем случае не мог больше казаться господину фон Гинденбургу лучшим со времен Бисмарка.

РЕГИРУНГСРАТ В БРАУНШВЕЙГЕ

Дело дошло до избирательной борьбы, в которой сражение вели между собой не только Гинденбург и Гитлер, но и Гугенберг, выставивший своего кандидата: второго вождя Стального шлема, полковника в отставке Дюстерберга. Появились наконец и коммунисты, выставившие, как и 7 лет тому назад, кандидатом в президенты председателя своей партии Тельмана. До сих пор Гитлер все еще не решался вступить в безнадежную борьбу; наконец Геббельс в берлинском дворце спорта провозгласил его кандидатуру, быть может даже против его собственной воли. Для того чтобы Гитлер вообще мог выставить свою кандидатуру, он должен был в самом срочном порядке стать германским гражданином. Теперь только выяснилось, какое важное значение имеет даже самый маленький министерский пост в одной из германских провинций. Правительство Брауншвейга, в котором преобладали национал-социалисты, назначило господина Адольфа Гитлера регирунгсратом брауншвейгского посольства в Берлине. Ирония судьбы заключалась в том, что с помощью такого пережитка германской разрозненности великогерманский централист Гитлер приобрел германское гражданство.

ПОБЕДА ГИНДЕНБУРГА

В действительности избирательная кампания явилась ареной ожесточенной битвы между Гитлером и рейхсканцлером Брюнингом, который повел страстную борьбу за сохранение исчезающего расположения Гинденбурга. Руководящие группы правых выступили на стороне Гитлера; имперский сельский союз, одна из самых обширных организаций, при всем своем респекте к Гинденбургу высказался за Гитлера, и даже бывший германский кронпринц высказался за него же. В этой избирательной кампании оказались разорванными все прошлые связи и смешались все направления. За протестантом Гинденбургом пошло большинство католических избирателей, чьи министры еще недавно должны были уйти в отставку из-за недоверия протестантов; за католиком Гитлером шли высшие круги в протестантской Северной Германии, и напрасно старался Гугенберг подставить ножку «австрийцу», публично разглашая о его римско-католическом исповедании. За исключением центра, за императорским фельдмаршалом Гинденбургом пошли социал-демократы, в то время как консервативное сельское население в большей своей части пошло за Гитлером.

Результат был тот, что 13 марта 1932 г. в первом туре Гинденбург получил 18,6 млн., т. е. 49,6% всех поданных голосов, а Гитлер только 11,3 млн., или 30%. Это было меньше того, на что рассчитывал

Гитлер при самой пессимистической оценке. Коммунисты получили около 5 млн., а Дюстерберг только 2,5 млн. голосов. Компактные народные массы высказались в пользу Гинденбурга, однако не в таком числе, чтобы он оказался избранным абсолютным большинством. Первостепенным политическим событием явилось то, что преобладающая часть сельскохозяйственных районов Германии голосовала за Гитлера, в том числе и восток, к которому лежало сердце фельдмаршала. Неприятным курьезом явилось также и то, что в верхнебаварском местечке Дитрамсцель, летнем местопребывании Гинденбурга, большинство населения голосовало за Гитлера. С тех пор Гинденбург избегал это местечко.

Никаких видов на то, чтобы быть избранным, у Гитлера больше не было. Тем не менее уже на следующий день после поражения он призвал своих сторонников принять участие во втором избирательном туре. Это было единственно возможное решение. Необходимо было сохранить в борьбе единство армии, ей нельзя было дать опомниться. 10 апреля во втором туре Дюстерберг снял свою кандидатуру, и Гинденбург был избран, получив 19,3 млн., или 53% всех голосов. Однако и Гитлеру удалось относительно увеличить число поданных за него голосов, а именно довести это число до 13,4 млн., или до 36%.

Трудно сказать, кто вышел победителем из этой избирательной кампании; побежденным во всяком случае оказался Брюнинг. Ибо фельдмаршал никак не мог забыть, что по вине своего канцлера он оказался на противоположной стороне фронта. Гинденбург вероятно считал себя обязанным дать доказательство того, что он стоит над партиями. В 1925 г., будучи избран правыми, он вскоре разочаровал своих избирателей, высказавшись за единство народа и за республику. Этой системе разочарований можно было приписать даже более глубокий политический смысл—президент старался добиться доверия своих избирателей к тем, кто не участвовал в его избрании, и таким образом стремился в своем лице установить связь между борющимися частями народа. Так же разрывал он узы доверия, когда опасался, что они могли превратиться в оковы. Втайне он вероятно в один прекрасный день собирался показать, что он не изменил своих позиций, а лишь воздал каждому должное. Германская правая после семилетних разочарований дожила неожиданно до этого счастливого дня.

Из случайных замечаний Гинденбурга можно было однако понять, что и по отношению к правым, если бы они не справились с задачей, «которую я поставил перед ними» и которая заключалась в ликвидации безработицы, президент намерен дать почувствовать всю силу своей надпартийности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОКСГЕЙМСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

При таких настроениях президенту понадобилось сделать немало усилий над собой, чтобы вскоре после своего избрания решиться на удар против Гитлера: на запрет всех штурмовых и особых отрядов.

Этот удар уже давно подготовлялся решительными противниками национал-социализма. Социал-демократия пыталась доказать противозаконность частной армии Гитлера; доказательство, которое считалось бы излишним в каждом нормальном суверенном государстве. Даже такой человек, как генерал Людендорф, который давно уже отошел от Гитлера, который исповедывал своеобразные религиозные идеи и в частности посвятил себя борьбе против иезуитов и франкмасонов, возмущался по поводу коричневой армии и называл Германию оккупированной страной.

В конце ноября 1931 г. социал-демократическому правительству в Гессене попали в руки в имении Боксгейм ужасные планы тамошних национал-социалистов. Эти боксгеймские документы представляли собой план выступления гессенских национал-социалистов на случай легендарного коммунистического восстания. Главный составитель их был д-р Бест, советник по сельскохозяйственным вопросам гессенской организации партии. Государственная власть, согласно этому плану, должна была перейти к штурмовикам, все доходы подлежали конфискации, частные доходы временно отменялись. Население должно было получать общественное питание, и с этой целью все сельскохозяйственные продукты подлежали конфискации.

Монотонно, пункт за пунктом, в этом документе за каждое сопротивление предусматривалось наказание: «подлежит расстрелу», «подлежит смертной казни», «подлежит расстрелу».

Подлинность этого плана национал-социалисты вовсе не отрицали; они утверждали лишь, что мюнхенское партийное руководство ничего об этом не знало. В связи с этим разоблачением сразу же возник вопрос, несмотря на повторные заверения Гитлера, что в партии ничто не совершается против его воли и без его ведома, не хранятся ли и в других окружных комитетах партии подобные проекты, о которых руководство также «ничего не знает».

В самом деле некоторые детали плана, как например возвещенная конфискация крестьянской собственности, могли не соответствовать пожеланиям партийного руководства. Однако в основе своей боксгеймские планы являлись повторением политической стратегии Гитлера: вооруженное вмешательство штурмовиков на случай коммунистического восстания являлось великим тайным политическим рецептом партии, до известной степени запечатанным приказом, который сопровождал каждое партийное постановление. Коммунистическое восстание было тем пунктом, с помощью которого Гитлер хотел вынудить определенное решение у колеблющейся государственной власти; во имя этого великого дня распростер он сеть своей легальности. Мятежные коммунисты должны были заставить государство обратиться за помощью к Гитлеру или примириться с Гитлером, хотя бы и незванным. Господин фон Кар, разгромив тюрингский и саксонский коммунизм, собирался организовать проектировавшуюся Баварией федералистскую Германию. Точно так же и Гитлер хотел стать господином Германии в качестве ее спасителя от коммунизма. Он заявил об этом еще в 1923 г. и с тех пор неоднократно повторял свое заявление. Геббельс разъезжал по Германии с темой «Ленин или Гитлер», и Гитлер, как мы видели, сумел убедить даже заграницу в неизбежности этого решающего столкновения. Когда в 1933 г. национал-социализм пришел к власти без предварительной коммунистической революции, то подготовляемая в течение ряда лет стратегия оказалась сильнее несоответствующих программе событий. Вот почему 5 марта 1933 г., незадолго до выборов в рейхстаг, изумленный мир узнал, что Германия находилась под непосредственной «угрозой» коммунистической революции, и в подтверждение этого заявления запылал рейхстаг.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЗЕВЕРИНГА

Через несколько месяцев после опубликования боксгеймских документов прусский министр внутренних дел Зеверинг снова выступил с разоблачительными материалами. Во время обыска в руки полиции попали планы крупных выступлений штурмовиков. В них предусматривалось, разумеется, окружение Берлина, а также тщательно разработанная курьерская и транспортная связь на мотоциклах и грузовиках. Кроме того стало известно, что в день первого избирательного тура президентских выборов штурмовики были собраны в своих казармах. Правда, Рем уведомил об этом генерала фон Шлейхера и сумел изобразить это мероприятие как совершенно безобидное: они-де хотели убрать штурмовиков с улицы, чтобы избежать столкновений. Однако государственная власть, о которой штурмовики открыто говорили как о своем злейшем враге, имела все основания считать эти сборы достаточно опасными; тем более, что в этих планах снова встречались секретные условные выражения на случай открытого выступления. Так например в случае выступления нужно было телеграфировать: «Бабушка умерла».

В документах, которые Зеверинг 6 апреля 1932 г. частично опуб-

ликовал и полностью передал верховному прокурору лейпцигского государственного суда, имелся также пункт, который побудил прусского министра внутренних дел бросить штурмовикам упрек в государственной измене. Все эти разоблачения оказали свое влияние на президента.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

Поэтому 14 апреля штурмовые и особые отряды были объявлены распущенными. Это был самый тяжелый удар, который государство нанесло национал-социализму с 1923 г. Удар этот был тем сильнее, что он исходил не от политических противников, а от имперского правительства, стоявшего ближе к национал-социализму, чем к социал-демократии. Сам Зеверинг никак не мог решиться на роспуск штурмовых отрядов в пределах Пруссии и настаивал на том, чтобы ответственность за этот шаг взяло на себя имперское правительство. Обосновывая этот запрет, Брюнинг и Гренер прибегли к словам, в которых впервые был проявлен здравый смысл: «только государство вправе содержать организованные вооруженные силы. Если такие вооруженные силы организуются частными лицами и если государство относится к ним терпимо, то отсюда возникает опасность для общественного спокойствия и порядка... Каждая частная вооруженная организация по существу своему не может быть легальной». Это обоснование было совершенно правильно, но тем непостижимее казалось оно, принимая во внимание терпимое отношение правительства к штурмовикам до самого последнего времени. Что было верно сегодня, являлось столь же верным уже в течение многих лет. Имперское правительство не в состоянии было объяснить, почему оно издало распоряжение о запрете штурмовых отрядов именно теперь, а не распустило их раньше. Наилучшим аргументом, который оно могло бы выдвинуть, являлись пожалуй государственные соображения, а не правовые.

Запрет штурмовых отрядов мог явиться важнейшим поворотным пунктом в послевоенной истории Германии. И он действительно должен был бы стать им, если бы запрет был проведен в жизнь. Он должен был положить конец политике терпимости в отношении одного из крупнейших германских военных союзов—политике, которая всем правительствам, левым и правым, казалась национальной необходимостью. Ибо даже социал-демократические министры придерживались того взгляда, что военные союзы необходимы для поддержания мужских добродетелей, которые в прошлом процветали благодаря всеобщей воинской повинности. Это убеждение являлось причиной совершенно непонятного постороннему лицу великодушия государственной власти к организациям, которые относились к этой власти с величайшей ненавистью. Левые были в этом отношении еще предупредительнее буржуазной правой. Правые на запрет штурмовых отрядов не ответили требованием о его отмене, а, наоборот, стали настаивать, чтобы политика запретов была продолжена. Они потребовали запрета социал-демократического союза имперского флага,

и даже президент фон Гинденбург отнесся благожелательно к этому требованию, хотя союз имперского флага при должном подходе к нему со стороны государства также был расположен способствовать развитию упомянутых добродетелей. Во всяком случае терпимое отношение к военным союзам предусматривало такое соотношение между силами союзов и силами государства, при котором последнему не грозило бы никакой опасности. Со временем об этом соотношении забыли и сохранилось лишь преклонение властей перед террором правых, которые рассматривали каждое мероприятие, направленное против военных союзов,—разумеется, лишь тогда, когда речь шла не о левых союзах,—как преступление. Этот террор парализовал также силы государства в его борьбе с радикализмом справа.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ПРУССИЮ

Было бы однако вполне достаточно, если бы правительство хотя бы теперь осознало, что оно должно добиваться победы. Лишь недавно закончилась избирательная кампания, во время которой консервативная государственная власть одержала верх над довольно сильной революцией; теперь не время было по-рыцарски выражать сожаление по поводу того, что и во вражеских рядах находятся храбрые люди. Через 14 дней после президентских выборов был переизбран прусский ландтаг, и результаты этого переизбрания снова показали, какое широкое поле деятельности открыто энергичному правительству. Национал-социалисты сохранили 36% голосов, которые они получили во время президентских выборов; со своими 162 мандатами из 423 они стали самой сильной партией в ландтаге. Одного из своих агитаторов, судейского чиновника среднего ранга, Керля из Ганноверской провинции, они в состоянии были провести председателем ландтага. И наконец величайшее достижение—они свергли посредством вотума недоверия министерство Брауна—Зеверинга. Однако у них нехватило сил, чтобы образовать новое правительство взамен старого. Последнее поэтому спокойно продолжало вести дела, как это имело место несколько лет назад в Баварии и Саксонии. Внимательно присматриваясь к результатам выборов в Пруссии, можно было сделать вывод, что они не знаменуют собой дальнейшего роста национал-социалистских сил. Одновременно на выборах в Вюртемберге, Баварии и некоторых других провинциях партия собрала только 32% и даже 26% голосов. В среднем во всей Германии национал-социалисты не добились даже того успеха, которого им удалось достигнуть во время президентских выборов. Во всяком случае партия была далека от того, чтобы собрать абсолютное большинство голосов. Теперь германское правительство перешло к контрнаступлению, смело с улицы штурмовые отряды и благодаря этому с одобрения большинства народа впервые после целого ряда лет обеспечило нормальный ход общественной жизни. Национал-социализм находился на такой высоте, когда, получив решительный удар, он мог легко споткнуться; споткнувшись же однажды, он мог в один прекрасный день упасть.

Имперское правительство, которое заговорило бы с народом на понятном ему языке, предложило бы ему конструктивную программу хозяйственного обновления, сумело бы хоть отчасти использовать лозунги и обещания так, как это позднее сделали пришедшие к власти национал-социалисты,—такое правительство вероятно могло бы одержать верх над Гитлером. Для этого требовалось однако объединение всех наличных сил, для этого необходимо было, чтобы все эти силы действовали в одном направлении и осознали свою общую задачу—так как национал-социализм является общим врагом, то и все они должны были стать врагами национал-социализма.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ФРОНТ»

На пути к такому объединению социал-демократия в те месяцы предприняла свой последний, весьма интересный шаг. В течение многих лет под ее покровительством находился военный союз—союз имперского флага. Он был основан в 1924 г., с тем чтобы явиться республиканским противовесом военным союзам правых, которые правительство не запрещало. На бумаге это была колоссальная армия, фактически же под руководством своего малопригодного вождя Герзинга она не представляла собой опасного противника правых. Правда, союз имперского флага располагал в общем и целом более крепким человеческим материалом, чем штурмовые отряды, и столь же готовым на жертвы. Однако его политические вожди за отсутствием популярных целей не сумели воодушевить этот союз так, как Гитлер воодушевил своих сторонников. Военное обучение велось плохо, ибо союз испытывал недостаток в хороших инструкторах. Бывшие офицеры старой армии и рейхсвера были по своим взглядам ближе к военным союзам правых, и лишь немногие из них отдали себя в распоряжение союза имперского флага, который к тому же считался «пацифистским». Пара энергичных людей из союза имперского флага попыталась в 1931 г., правда, довольно поздно, положить конец этой жалкой роли союза. Они сместили Герзинга и посадили на его место его же прежнего сотрудника, Карла Хельтермана. Как организатор и агитатор Хельтерман превосходил своих товарищей. Он обладал также более широким политическим кругозором. Отличался ли он также твердостью и непреклонностью, которые требуются от великого вождя? Этих качеств не успел проявить этот слишком поздно пришедший человек, которого к тому же опередили события. Во всяком случае он сумел на пару месяцев увлечь за собой усталых и отчаявшихся социал-демократических рабочих на борьбу против Гитлера. Он объединил союз имперского флага и прочие рабочие организации под единым слегка хвастливым названием «Железного фронта», образовал боеспособные отряды и в ряде звучных речей создал нечто вроде нового стиля в пропаганде рабочих партий. Его идеология была явно антипацифистской и воинственной. Это было воскрешение отмерших уже социал-демократических представлений о народной милиции. С помощью этих идей он сумел приобрести расположение в министерстве рейхсвера, правда, с большим

опозданием. Стратегическим ядром этой новой организации являлись так называемые «молотки». Под этим названием союз имперского флага объединил своих сторонников на предприятиях и собрал свои кадры на случай всеобщей забастовки. Это была, можно сказать, идея творческого отчаяния. Ибо было мало надежд на то, что рабочие окажутся в состоянии долго сопротивляться легально пришедшему к власти национал-социалистскому правительству, на стороне которого будет рейхсвер, полиция и быть может Стальной шлем. Однако приходилось считаться с тем, что в последней отчаянной борьбе «молотки» могли нанести стране огромный экономический вред, такой вред, что в глазах руководящих хозяйственных кругов потери от их выступлений должны были показаться гораздо тяжелее, чем выгоды от передачи власти Гитлеру. В этой игре с мыслью о риске, которому подвергалось народное хозяйство, был некоторый блёф. На самом деле они не попытались даже оказать сопротивление, несмотря на то что могли бы опереться на поддержку части рейхсвера и полиции. Однако этот блёф оказал некоторое политическое влияние и мог в первую очередь послужить помощью правительству Брюнинга—Гренера, если бы оно решилось оказать серьезное сопротивление Гитлеру и не носилось все время со странной идеей—«связать» национал-социализм, предоставив ему больше власти.

ШЛЕЙХЕР ПРОТИВ БРЮНИНГА

Соображения этого рода могут показаться кое-кому жалобой. Однако они содержат чрезвычайно полезный урок, который могут извлечь из них лица, участвовавшие и не участвовавшие в событиях 1932 г. Ибо сегодня каждый понимающий человек в Германии знает, что как генерал Шлейхер, так и социал-демократические вожди от всей души хотели бы вернуть упущенные ими возможности, чтобы поступить совершенно иначе, чем они действовали в то время. Причина, почему они всегда поступали неправильно, кроется в полном непонимании ими своего национал-социалистского противника. Полным самообманом являлось, с одной стороны, представление о национал-социализме как о куче демагогической грязи, с другой—как о благородном вине, которое еще бродит и которое может быть легко разлито и закупорено в бочках, причем трубку, через которую льется это вино, держит в своих руках рейхсвер. Тактика консервативной государственной власти по отношению к Гитлеру в 1932 г. служит одним из прекраснейших доказательств беспомощности такого рода государственной мудрости, которая в погоне за тайнами не видит белого дня, в поисках выхода не замечает открытой дороги, а из любви к интриге забывает о собственных силах.

Классическим примером этой исторической слепоты стал генерал фон Шлейхер, который выступил в то время на политическую авансцену. Начальнику канцелярии министерства рейхсвера внезапно показался опасным, слишком прямолинейным, слишком простым запрет штурмовых отрядов, за который он сам первоначально высказался. Он предпочел добиться тех же результатов с помощью

дипломатического фокуса и в последний момент внезапно потребовал, чтобы вопрос о запрете снова был обсужден с Гитлером, с тем чтобы на последнего можно было возложить ответственность за это мероприятие. Так же как и стратеги XVIII в., он был больше заинтересован в изящном по форме разрешении тактической задачи, чем в победе. Генерал очевидно не сознавал, что здесь надо было пустить в ход уже не переговоры, а вывести государственную власть из состояния позора. Получив меньшинство на заседании кабинета, он ушел и хлопнул дверью.

По сей день осталось неизвестным, что собственно в глубине души собирался делать генерал фон Шлейхер с национал-социалистами. Вероятно и сам он не представлял себе достаточно ясно, хочет ли он заключить с ними честный союз, или же он намерен при помощи дипломатических уловок устроить ловушку и в конце концов уничтожить национал-социалистов. Разумеется, его политика не была бесплановой, она, скорее, страдала избытком плановости. Правительство Брюнинга к тому времени почти полностью разрешило одну из своих внешнеполитических задач: освобождение Германии от репараций. Оно находилось, как выразился в то время Брюнинг, в 100 метрах от цели, которую единым духом сумел достичь преемник Брюнинга, Папен. Теперь рейхсвер стал выдвигать вторую цель: достижение равенства в вооружениях. Рейхсвер выдвинул это требование до некоторой степени самостоятельно, причем, по крайней мере в вопросе о методах борьбы, он никогда не пользовался полной поддержкой министерства иностранных дел. Ибо наряду с этой политикой военщины из года в год, то ослабевая, то усиливаясь, продолжается политика, целью которой является искреннее соглашение с Францией. Будучи рейхсканцлером, фон Папен, опираясь на некоторые французские круги, пытался объединить в одно дипломатическое целое вопрос о соглашении с Францией и стремления к равенству в вооружениях. Попытка эта, со времени которой сейчас (в 1933 г.) прошел только один год, кажется отдаленной от нас целыми столетиями.

ПАДЕНИЕ ГРЕНЕРА И БРЮНИНГА

Разумеется, для генерала фон Шлейхера вопросы военной политики стояли на первом плане. При этом он вероятно полагал, что встретит в людях, которые следовали за знаменами Гитлера как при нынешнем руководстве, так и при реорганизации этой партии, более боевых союзников, чем в социал-демократии. Военный пыл, который поддерживался союзом имперского флага в социал-демократических рядах, Шлейхер либо не замечал, либо не принимал всерьез. Во всяком случае после запрета штурмовых отрядов он поспешил выразить свое соболезнование представителям Гитлера и то же высказал президенту.

В этот момент в помощь национал-социалистам в более чем достаточной мере пришла германская юстиция. Верховный прокурор не нашел в опубликованных Зеверингом документах ничего преступного и отказался возбудить против национал-социалистов преследо-

вание за государственную измену. Поэтому президент, подписавши декрет о роспуске штурмовых отрядов, почувствовал себя поставленным в неловкое положение. Он написал нелюбезное письмо Гренеру и дал ему понять, что необходимо распустить также союз имперского флага. Когда у Гренера, больного человека с прерывающимся голосом, хватило мужества под неистовые крики национал-социалистов в рейхстаге отклонить это требование,—сцена эта несколько напоминает историю с Бюловым и Вильгельмом в деле «Дейли телеграф»[119],—Шлейхер воткнул ему нож в спину. После речи Гренера он подошел к своему начальнику и заявил ему в известной степени от имени армии, что его дальнейшее пребывание в качестве министра рейхсвера недопустимо и что он должен подать в отставку. Гренер был поражен словно ударом молнии. Он любил Шлейхера как «приемного сына» и самым бескорыстным образом собирался открыть широкую дорогу талантам своего протеже. После своего назначения министром иностранных дел в октябре 1931 г. он собирался добровольно уступить Шлейхеру министерство рейхсвера, с тем чтобы предоставить поле деятельности честолюбию этого способного человека. Его измены он не ожидал.

Покинутый Гинденбургом и фон Шлейхером, Гренер должен был оставить пост министра рейхсвера. При такой ситуации кабинету Брюнинга морально наносился смертельный удар. Старый президент в то время находился в своем имении в Нейдеке в Восточной Пруссии, где ему прожужжали уши жалобами на Брюнинга. Планы канцлера, желавшего поделить на участки часть обанкротившихся ост-эльбских поместий и заселить их крестьянами, были представлены президенту как «аграрный большевизм». Престарелый господин понял из всего этого лишь одно слово «большевизм». Министр труда Штегервальд, бывший рабочий, затем вождь христианских профсоюзов, в прошлом политический опекун Брюнинга, а теперь его министр, особенно упорно защищал эти планы и даже лично занялся вопросами расселения крестьян. У старого фельдмаршала возникли подозрения.

Брюнинг решил вывести интригу на чистую воду. Он хотел обратиться непосредственно к президенту с вопросом, пользуется ли он еще его доверием, и рассчитывал, что у Гинденбурга нехватит духа ответить «нет». Но он не знал седого фельдмаршала так же хорошо, как знал его генерал Гренер, который собственными глазами видел, как фельдмаршал с невозмутимостью бревна расставался с Людендорфом, с Вильгельмом II, со своими избирателями 1925 г. и с Германом Мюллером. «На что вы безусловно можете положиться,— сказал Гренер,—это на неверность старого господина».

Когда Гинденбург вернулся из Нейдека, Брюнинг поставил вопрос о доверии. Это произошло во время их двухдневных переговоров. Они продолжались в первый раз один час, во второй раз четверть часа, ибо престарелый господин не в состоянии был долго разговаривать. На записочках большими буквами он записал свои вопросы, которые затем зачитал. «У вас в кабинете, как передают, министры носятся с большевистскими планами?»—был один из вопро-

сов. Брюнинг попытался объясниться, но старого господина трудно было отвлечь от его записочек. На другой день он дал понять, что Брюнингу лучше отказаться от канцлерского поста и остаться в кабинете, подобно Штреземану, министром иностранных дел. Брюнинг однако отклонил это предложение. Со словами «и у меня есть свое доброе имя и своя честь» он оставил комнату. 30 мая 1932 г. после двухлетнего пребывания на своем посту пал этот «лучший со времени Бисмарка» канцлер под напором национал-социализма, недовольства генерала фон Шлейхера и происков ост-эльбских юнкеров.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПАПЕН ВЫСТУПАЕТ ИЗ МРАКА НЕИЗВЕСТНОСТИ

В качестве нового канцлера генерал фон Шлейхер избрал политического деятеля партии центра Франца фон Папена, которого Гинденбург пригласил на свое совещание. Папен происходил из вестфальской католической дворянской семьи, был прежде офицером, а затем во время мировой войны военным атташе германского посольства в Вашингтоне. Там он не только себя скомпрометировал, но и стал посмешищем в глазах людей благодаря участию в политических заговорах против Соединенных штатов, вступления которых в войну с полным основанием опасалось германское правительство. Ибо политические интриги, которые становятся известны всему свету из выкраденных папок, вызывают скорее смех, чем возмущение.

Благодаря женитьбе он стал крупным промышленником Саарской области. Под знаком угля и железной руды, а также под знаком ключа апостола Петра этот националист проводил политику немецко-французского соглашения, которое должно было обеспечить хотя и основанный на расчете, но устойчивый мир в Европе. Его сердце было доступно довольно варварскому национализму и весьма культивированному господскому католическому универсализму. При этом он не был достаточно глубок, чтобы осознать эти противоречия или даже сделать выбор между ними. За свои политические ошибки в меньшей степени несет ответственность он сам, чем те, кто насильно после многих лет политического ничтожества извлек его из мрака неизвестности. Много лет подряд «Францхен» пытался добиться разрыва своей партии с левыми и направить ее на путь консервативной католической политики; он терпел при этом исключительно неудачи, вызывая скорее презрительное, чем возмущенное эхо. Напрасно пытался он снова поступить на дипломатическую службу, хотя бы на пост посланника в Люксембурге. Папен—страстный любитель, а не счастливый любовник политики. Когда он говорит, испытываешь чувство, будто человек небольшого роста становится на цыпочки.

Шлейхер извлек Папена из политической неизвестности и рекомендовал его президенту. С помощью Папена он надеялся либо перетянуть на свою сторону, либо расколоть центр. Привлечение

центра на свою сторону сразу же оказалось несбыточной мечтой, ибо оскорбленный центр немедленно перешел в оппозицию к бывшему члену партии, который позволил использовать себя для свержения достопочтенного Брюнинга. Не произошло также и раскола, наоборот, центр в борьбе против Франца Папена собрал большее количество голосов.

В данный момент гораздо важнее было перемирие на другом участке фронта. Гитлер обещал как генералу фон Шлейхеру, так и советнику Гинденбурга статс-секретарю Мейснеру толерировать кабинет Папена. В виде ответной услуги Папен отменил запрет штурмовых отрядов. Они тотчас же снова появились на улицах, сохраняя при этом выправку, которая свидетельствовала, что они не прекращали своего существования и во время запрета. Их обмундирование за это время несколько изменилось и приблизилось к военному покрою.

Второй уступкой со стороны Папена явился роспуск рейхстага, чтобы дать возможность Гитлеру удвоить число мандатов в соответствии с возросшим числом его сторонников. Обе уступки способствовали усилению позиций национал-социалистского вождя, и поэтому он сохранял доброжелательный нейтралитет в отношении правительства, которое вскоре проявило себя как консервативное, чуждое народу и реакционное. Быть может случайностью являлся тот факт, что все министры, за исключением двоих, были дворянами. Тем не менее эта случайность была теснейшим образом связана с миром идей и кругом знакомых господина фон Папена. Часть этих министров, как и сам канцлер, принадлежала к Клубу господ, консервативной политической организации, название которой раздражающе действовало в эту демократическую эпоху, хотя ее политическое значение и переоценивалось. Папен начал свое правление весьма неудачным заявлением, разработанным очевидно в холодной тиши кабинета. В нем он между прочим упрекал все прежние германские правительства в том, что они пытались превратить государство в благотворительное учреждение и этим ослабили моральные силы народа. Трудно было придумать нечто более бестактное в момент, когда шесть миллионов людей не по своей вине были лишены работы и выброшены на улицу.

Тем не менее Гитлер продолжал толерировать «правительство баронов», несмотря на сопротивление таких людей, как Штрассер и Геббельс. Наступил поворот в германской внутренней политике: впервые национал-социализм не был вполне враждебен правительству. Подобные явления не имели места с тех пор, как в декабре 1924 г. Гитлер предложил тайный союз баварскому премьеру Гельду. Теперь наконец он снова вступал на путь, на который его всегда влекло тактическое благоразумие: на путь союзов и дружбы с государственной властью, которая таким путем постепенно размягчалась. Троянский конь переступил одной ногой через стену[120].

Гитлеру приходилось бояться последствий этого союза для исхода избирательной кампании. Настроения в Германии были таковы, что свержение любого правительства ослабляло авторитет государства

и усиливало авторитет Гитлера, независимо от того, были ли свергаемые правительства правыми или левыми. Это был один из тех фактов, которых не замечали правящие круги. Замена Брюнинга Папеном, как и замена Мюллера Брюнингом в 1930 г., оказалась на пользу национал-социализму.

Папену сразу же удалось добиться большого внешнеполитического успеха. В данном случае он явился лишь наследником Брюнинга. В Лозанне было достигнуто окончательное урегулирование репарационных платежей, причем Германия обязалась уплатить лишь 3 млрд. марок. Однако Папену не удалось добиться далеко идущего соглашения с Францией. Это соглашение было одним из излюбленных планов Папена, по поводу которого он поддерживал контакт со своими католическими и промышленными друзьями во Франции. Это была политика, которая добивалась солидарности христианской Европы против антихристианских Советов.

ЗЕВЕРИНГ УСТУПАЕТ СИЛЕ

Самостоятельнее и оригинальнее по своему замыслу были внутриполитические мероприятия Папена: насильственное устранение социал-демократического правительства Брауна—Зеверинга в Пруссии. Несмотря на толерирование правительства со стороны Гитлера, новый канцлер никак не мог отказаться от попытки помешать дальнейшему росту национал-социализма. Для этой цели он сам должен был повести энергичную борьбу против марксизма в обоих его видах. Нападение на коммунизм и социал-демократию можно было даже под разными предлогами объединить. Папен упрекал правительство Брауна—Зеверинга, на которое коммунисты нападали как на своего смертельного врага, что оно якобы недостаточно энергично борется с коммунистами. Главным свидетелем в подтверждение этих обвинений был привлечен один из чиновников Зеверинга, оберрегирунгсрат Диль, который позднее, при Геринге, был назначен в Пруссии начальником тайной полиции. Целью этих обвинений было придать по возможности популярный характер походу против Пруссии. Более серьезным политическим основанием служил аргумент, что Пруссией управляет кабинет, не пользующийся авторитетом в парламенте, формально смещенный, кабинет, против которого парламентское большинство вело яростную борьбу. Правда, база самого Папена была еще уже, тем не менее рейхсканцлер, казалось, чувствовал себя прекрасно и проводил в жизнь обширные политические проекты.

Именно этого не делали Браун и Зеверинг. Они довольствовались тем, что продолжали вести дела. Так поступали они уже задолго до своего падения. Считаясь с множеством мельчайших интересов партий большинства, они не занимались никакой конструктивной работой, не считая двух-трех полицейских законов и соглашений с церковью. К тому же министр-президент Браун, после того как он был формально смещен, получив вотум недоверия, был против сохранения власти и ушел в отпуск. Уже давно шли толки о том,

что имперское правительство назначит в Пруссии комиссара для контроля над деятельностью прусского кабинета. Зеверинг в душе уже давно был готов к такому назначению и рассчитывал очевидно, что сумеет все же сохранить и дальше свой пост.

Утром 20 июля Папен внезапно вызвал к себе трех наиболее неудобных в политическом отношении прусских министров: Зеверинга, министра финансов Клеппера и министра общественного призрения Хиртзифера—и заявил им, что Зеверинг, равно как и отсутствующий министр-президент Браун должны считать себя отставленными. Он, Папен, берет на себя обязанности министра-президента на правах имперского комиссара, а эссенский бургмистр Брахт, человек, принадлежащий к правому крылу центра, вечный претендент на высокие посты, назначается комиссаром по внутренним делам. Зеверинг ответил на это, что уступит только силе, после чего Папен спросил, какую именно форму насилия он считал бы желательной. Папен полагал, что речь идет лишь о жесте для сохранения апарансов (видимости). Зеверинг ответил, что речь идет не об апарансах, а о праве. На этом разговор был прекращен. Три прусских министра вернулись в свои министерства, а Папен, по соглашению с Шлейхером, немедленно объявил страну на исключительном положении.

В послеобеденные часы к Зеверингу явился новый министр внутренних дел Папена, Брахт, и потребовал, чтобы тот передал ему дела. Зеверинг снова повторил, что уступит только силе, и Брахт удалился, выразив сожаление по поводу того, что теперь ему действительно придется применить силу. В это время в здании Всеобщего объединения германских союзов собрались политические вожди германской социал-демократии, профсоюзов и союза имперского флага. Нужно ли обороняться? Ведь это был именно тот случай, во имя которого в течение ряда лет они сохраняли прусские «позиции», несмотря на всю непопулярность такой политики, обучили полицию и напоследок преобразовали союз имперского флага в «Железный фронт». Оглядываясь назад, можно сказать, что продолжительное сопротивление было вероятно невозможно, ибо рабочие технически, а значительная часть полиции морально не смогли бы устоять против рейхсвера. Одни из них были бы разбиты, в то время как другие в лучшем случае сохраняли бы нейтралитет. Социал-демократические вожди вероятно считали, что отступление перед Папеном дело плохое, однако если они окажут сопротивление, на сцену могут выступить штурмовые отряды, и путч правящей «дворянской клики» превратится в революцию национал-социалистов, а это была куда бо́льшая опасность. Против не имеющего никакой опоры в народе Папена можно было с успехом заниматься оппозицией, но против Гитлера с его 13 миллионами избирателей такая оппозиция была бесполезна. Наконец социал-демократические вожди не хотели поставить под угрозу выборы 31 июля и дать этим повод Папену отсрочить их.

Все эти соображения вполне соответствовали духовному складу социал-демократического руководства. Разумеется, можно было рассуждать и иначе: можно было предпочесть славную смерть позор-

ной капитуляции, можно было превратить конец республики в памятный день борьбы и славы, который, подобно 18 марта 1848 г.[121], в течение десятилетий сохранился бы в памяти людей, в день воспоминаний о славном конце, который затмил бы все позорные полумеры истекших 13 лет. Только такая гибель обеспечивает бессмертие в истории и служит залогом грядущего воскресения.

Но, разумеется, кто уже мертв, тот не может умереть славной смертью. Люди, которые 20 июля заседали в берлинском доме профсоюзов, были слишком трезвы для подобных фантазий. Их нехватило даже на жест, о котором заявил ранее Зеверинг. Когда вечером Брахт появился у него с парой полицейских и учтиво попросил очистить помещение, Зеверинг беспрепятственно удалился на свою частную квартиру. Точно так же берлинский полицей-президент Гжезинский вместе со своим вице-президентом Вейсом[122] и полковником Хейманбергом спокойно дали арестовать себя. Двор полицей-президиума гудел от прощальных приветствий полицейских чиновников, которые были политически близки к своему арестованному начальнику. «Свобода!»—восклицали они. Это было приветствие «Железного фронта». Таково было прощание с веймарской свободой.

Всех трех арестованных вежливо отвели в полицейскую камеру, где они пользовались хорошим уходом. Там они очевидно пришли к выводу, что незачем было собственно итти под арест, после того как даже Зеверинг не был насильно удален из министерства. Чтобы положить конец этому зрелищу, они дали подписку, что больше не будут вмешиваться в полицейские дела, пока верховный суд в Лейпциге не вынесет решения по этому вопросу. Браун и Зеверинг, благоразумно уступив силе, вспомнили под конец о том, что есть еще судьи в Лейпциге, и возбудили жалобу против Папена. Этот процесс, тянувшийся много месяцев, в котором дело шло собственно о канцеляриях и служебных автомобилях, был достойным завершением этого режима, который хотел быть популярным, а в действительности стал еще бюрократичнее старого, кайзерского правительства.

20 июля положило конец тому выродившемуся социал-демократическому господству в Германии, которое представляло собой не что иное, как полицейский социализм. Во имя борьбы за бессмысленную, самым бесполезным образом используемую власть это правительство годами оттачивало и полировало полицейскую саблю. Когда же наконец пришло время пустить ее в ход, оно побоялось затупить ее.

ПАКТ ГИТЛЕРА С ШЛЕЙХЕРОМ

Гитлер между тем вел борьбу на два фронта. Как было упомянуто—и о чем еще напомнят нам будущие события—он обещал Шлейхеру и Мейснеру, что будет толерировать Папена. Разумеется, он дал это обещание не с тем, чтобы сохранить кабинет Папена на вечные времена. Напротив, он надеялся, что сам Папен очистит ему в один прекрасный день место рейхсканцлера. Во всяком случае Гитлер из дипломатических соображений готов был в избирательной борьбе пощадить Папена. Совершенно явно щадил он в этой избира-

тельной кампании генерала Шлейхера. Возможно, что Гитлер считал его в то время своим другом. Во всяком случае он понимал, что в своем кабинете он должен будет примириться с Шлейхером в качестве министра рейхсвера, ибо за Шлейхера твердо стоял Гинденбург. Своей прессе он уже давно приказал щадить Шлейхера. Он выкинул вон руководителя одной из окружных организаций, когда тот не подчинился этому приказу. Глава вооруженных сил, лишь недавно в интересах штурмовых отрядов свергший Брюнинга и Гренера, и в самом деле не мог служить предметом нападок.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ НЕБЕСА ПОЛНЫ ИЛЛЮЗИЙ

Избирательные кампании в 1932 г. проходили под знаком великого стремления, которое Грегор Штрассер назвал «антикапиталистическим» стремлением и которое в устах народа получило следующее простое и меткое выражение: «Дела должны пойти по-иному». Этот проникший в массы лозунг, эта разменная монета, в виде которой распространялась патетическая программа Гитлера, оказал влияние на исход весенних и летних выборов 1932 г. В то время как из уст в уста передавалось это простейшее из всех волшебных слов, национал-социалистская пропаганда пускала в воздух мыльные пузыри утопий. Так например Федер опубликовал 2 апреля в «Фелькишер беобахтер» хозяйственную программу, в которой для верующих — а таких было бесчисленное множество — иссохшая земля превращалась в прекраснейший мираж.

Предстоящее великое преобразование, писал этот теоретик движения, разумеется, нельзя провести в один день, нельзя также сразу создать работу, но то, «чего можно достигнуть одним ударом, после того как национал-социализм переступит порог политической власти, это немедленное предоставление работы. С этой целью предусмотрено большое количество разного рода работ, о которых в настоящий момент нельзя, да и не следует подробно говорить. Все же можно утверждать, что каждый, кто внимательно занимается этими вопросами, должен был почувствовать и убедиться в том, как серьезно и добросовестно соответствующие отделы имперского руководства национал-социалистской партии заняты разрешением проблемы создания работ. Одним из первых мероприятий явится практическое осуществление идеи трудовой повинности. Без каких бы то ни было трудностей в кратчайший срок по крайней мере 500 тыс. человек могут быть охвачены трудовой повинностью... Вторым мероприятием, которое также может вовлечь в хозяйственный процесс по крайней мере полмиллиона людей, является технически простая налоговая мера: вовлечение квартирного налога в хозяйство таким образом, что до 75% квартирного налога будут слагаться, если финансовым управлениям будут представлены расписки о произведенных ремонтных работах в собственных домах. Несомненно во всей Германии на следующий же день раздастся стук молотков, начнется побелка, покрытие крыш, укладка полов и проводка электричества, штукатурка и окраска».

Еще большее впечатление произвела на избирателей официаль-

ная «немедленная хозяйственная программа» национал-социалистов, которая разошлась в стране в 600 тыс. экземплярах. Это брошюра в 32 странички во все времена будет служить примером того, как можно с помощью беспардонной агитации обмануть отчаявшийся народ. Первое из обещаний этой брошюры касалось работ по улучшению почвы, которые должны были повысить доходность германских полей на 2 млрд. марок в год. Подумать только, увеличение доходов народного хозяйства на 2 млрд. марок, а явно преступное правительство до сих пор отказывалось даже приступить к этому полезному делу! План этот, как утверждала брошюра, исходил якобы от испытаннейших специалистов, ибо он опирался, как можно было прочесть в примечании, на печатные издания союза германских обществ обработки земли. Народ, разумеется, не знал, что эти товарищества по обработке земли представляли собой организацию землевладельцев, а не лиц, занятых обработкой земли, и что план этой организации, опубликованный год назад, был отвергнут всеми действительно сведущими людьми как несомненная утопия. Не моргнув глазом, авторы этой «немедленной программы» утверждали далее, что расходы на эти мероприятия должны составить 10 млрд. марок. Они забывали, что можно было добиться немедленного расцвета германского хозяйства, притом без всяких немедленных программ, без товариществ по обработке почвы и даже без национал-социалистов, если бы только удалось раздобыть как-нибудь 10 млрд. марок.

Такой же характер имела вся брошюра. В течение одного года должно было быть построено 400 тыс. собственных квартир, это должно было дать на год работу 1 млн. рабочих. Финансировать это предприятие собирались путем искусственного кредитования. Еще более важным пунктом в программе была широко идущая хозяйственная автаркия. Необходимейшее сырье предполагали получать главным образом у дружественных европейских государств. Ту же цену имело требование об отказе по английскому образцу от золотой валюты. Завершением и некоторым образом идейным венцом всей программы была трудовая повинность, которая распространялась на всех молодых людей, достигших определенного возраста. «Не будет допущено никаких исключений для окончивших высшие учебные заведения и прочих людей из имущих классов; каждый должен будет взять лопату в руки»,—говорилось в брошюре.

Что же сказали избиратели по поводу всех этих фокусов? Они сказали следующее: 31 июля Гитлер получил в рейхстаге 230 мест из 607, т.е. почти $^2/_5$ всех мест. Что было еще важнее, по крайней мере опаснее для Папена, Гитлер вместе с центром располагал в рейхстаге абсолютным большинством. Это был высший триумф его легальности; сохраняя полную верность конституции, он мог сбросить любого противника, который стал бы на его пути под видом верного конституции правительства. В этом была лишь негативная сторона его успеха; из нее пытался он вывести свое позитивное требование: получить от существующих властей в свои руки правительство, хотя бы и вразрез с законом и конституцией.

Эту претензию Гитлер обосновывал с невиннейшим видом простака: если вы не предоставите мне власти, то я не смогу дольше держать в узде штурмовые отряды. Этот аргумент, говоривший скорее о его слабости, тем не менее импонировал его оторванным от масс партнерам, которые всегда испытывали тайный страх перед народом.

Уже во время избирательной кампании сказалось раздражение штурмовых отрядов, чьи страсти разжигались в течение нескольких лет с помощью кровожадных речей. Их руководители на случай победы обещали им устроить «ночь длинных ножей», и даже такой влиятельный человек, как Фрик, ухмыляясь заявил, что с тысячами марксистских функционеров «произойдут неприятности».

Среди штурмовиков постепенно укрепилось представление, что они якобы подвергаются нападениям со стороны коммунистов, хотя исторически верно было противоположное. Старые гитлеровские штурмовики первыми перенесли борьбу на улицу, и Геббельс при вступлении в Берлин учил своих людей, что они должны завоевать улицу силой. По-человечеству понятно, когда все злое приписывается противнику. Поэтому человечностью особого рода была также речь Геринга, с которой он выступил 15 июля 1932 г. в берлинском Дворце спорта:

«Банды убийц рассчитывают на дисциплинированность штурмовых отрядов. Они знают, что существует приказ, запрещающий штурмовикам пускать в ход оружие. Говорю вам: теперь настал конец. Когда в ближайшие дни вождь вернется из Восточной Пруссии, я вместе с другими вождями партии буду просить его,—я знаю он исполнит нашу просьбу,—чтобы этот приказ был отменен. Трижды по 24 часа права на самооборону и свободы действий коричневых рубашек—и трусливая сволочь расползется по всем щелям». То же примерно сказал Штрассер в Билефельде: если правительство не может или не хочет действовать, то национал-социалистское движение само очистит улицу.

СЛУХИ О ПУТЧЕ

«Чистить»—именно это выражение употребляли национал-социалисты, говоря об уничтожении человеческих жизней в рядах противника. После выборов в рейхстаг штурмовые отряды в разных частях страны сами весьма серьезно занялись «чисткой». Много людей пало жертвой этой «чистки», которая в некоторых местах, например в Восточной Пруссии, производилась с помощью бомб. Штурмовики по меньшей мере стали запасаться грузовиками и пулеметами для похода на Берлин. Министерство рейхсвера сочло необходимым самым недипломатическим образом дать понять противной стороне, что оно вовсе не собирается капитулировать из страха перед пролитием человеческой крови: рейхсвер будет стре-

лять. И армия действительно готова была стрелять, тем более что она считала себя обманутой Гитлером. Вскоре после выборов национал-социалистский вождь в речи перед младшими вождями в Берхтесгадене призывал их между прочим к лояльности в отношении рейхсвера. Текст этой части своей речи он официально переслал в министерство рейхсвера, которое также официально сообщило ее содержание армии. Любопытный факт: настроение солдат было очевидно таково, что министерство считало полезным обратить внимание своих людей, в каких добрых отношениях оно находится с Гитлером, с тем чтобы армия знала, что с этой стороны ей не придется вступать в конфликт со своей совестью. Теперь, когда штурмовые отряды нарушили эти добрые отношения, когда они угрожали путчем и «чисткой» улиц, высшее руководство рейхсвера почувствовало себя обманутым. Оно сочло поэтому момент подходящим, чтобы внушить некоторую часть этих враждебных чувств армии.

Чтобы не оставить никаких сомнений в своих намерениях, германское правительство издало 9 августа чрезвычайный декрет против террора. Декрет предусматривал драконовские наказания. За проступки, которые до сих пор карались лишением свободы, новый декрет грозил смертью. Можно себе представить, какое настроение вызвал чрезвычайный декрет у штурмовых отрядов! Среди них живо было еще представление о двоякого рода праве, которое по-разному относится к людям национально и не национально мыслящим. Эту теорию возвестил им в начале своей карьеры Гитлер, заявивший, что правительство должно больше любить тех, кто больше любит его. «Ангриф» требовал, чтобы чрезвычайный декрет не применялся к тем, кто «прибегает к самообороне как последнему средству», т. е. требовал применения двоякого права в отношении левых и правых. В огне таких настроений Гитлер рассчитывал закалить скипетр своей власти. В Германии снова запахло путчем. Однако мы слишком хорошо знаем Гитлера, чтобы быть уверенными, что он не решится на насильственный шаг против рейхсвера.

ПАМЯТНАЯ ДОСКА

Радостный и уверенный в победе устремился Гитлер к близкой наконец цели: к власти. Он не станет добиваться ее силой. Напротив, ему сами передадут эту власть для блага народа, загипнотизированные его успехами. В Фюрстенберге на военном плацу встречается он с генералом фон Шлейхером и снова находит в хозяине рейхсвера рассудительного союзника, который готов употребить все влияние, чтобы провести народного трибуна в рейхсканцлеры. Гитлер так доволен этой беседой, что обращается к генералу со словами: «Нужно на перекрестке прибить доску: «Здесь произошла достопамятная беседа Адольфа Гитлера с генералом фон Шлейхером, благодаря которой...» Достопамятная! Жизнь Гитлера напоминает ленивую, ничем не сдерживаемую реку, которая лишь в отдельные мгновенья вскипает в мощных водопадах. Ее же собственному носителю она кажется цепью достопамятных событий.

В таком приподнятом настроении направляется Гитлер 13 августа в Берлин, куда он был вызван телеграммой, для переговоров с президентом. Он станет канцлером, ибо Шлейхер обещал ему это. Шлейхер—единственный человек в кабинете, который, по мнению национал-социалистов, чего-нибудь да стоит, ибо он единственный, за которым стоят 100 тыс. солдат. Однако какое жестокое разочарование ждет его здесь! Из разговора с Папеном выясняется, что ни он, ни по всей видимости Гинденбург и не помышляют о канцлере Гитлере. Причины? Их много. Несомненно то, что президент считает «австрийца» чужаком. Он очень ценит национальное движение, однако с большим недовольством относится к тому, что оно находится в руках «богемского ефрейтора». Для президента Гитлер только честолюбец, которого нельзя обойти и которого можно отблагодарить «в лучшем случае портфелем министра почт и телеграфа». При таких настроениях президента Папен чувствовал себя в полной безопасности. Спокойно объяснил он Гитлеру, каково именно настроение президента, и спросил его, не удовлетворится ли Гитлер постом вице-канцлера. Сюда можно присоединить еще пост прусского министра внутренних дел, т. е. распоряжение полицией в самой крупной германской провинции. У людей с истерическими темпераментами, какой имелся у Гитлера, определенные реплики в состоянии вызвать немедленный взрыв. К этим репликам принадлежало и слово «вице-канцлер», которое Гитлеру приходилось так часто слышать в последние месяцы и которое в данный момент было для него равносильно насмешке и отказу. Фонтаны его красноречия раскрылись, и Папену пришлось на личном опыте познакомиться с тем, с чем до него уже познакомились Лоссов, Гугенберг и Брюнинг: тяжело спорить с человеком, который в состоянии только говорить, но не слушать.

Он объявил господину фон Папену, что требует для себя в кабинете того же положения, которое имел Муссолини после своего похода на Рим. Папен, который не изучал фашистский переворот так подробно, как ученик из Коричневого дома, понял, что речь идет о диктатуре. Гитлер со своей стороны даже не подозревал, что мало сведущий в этих вопросах буржуа не понимает его образной речи: Муссолини вначале был лишь главой коалиции, в которой сам он находился в меньшинстве. Разумеется, про себя он думал о том, что Муссолини спустя некоторое время выбросил своих союзников и стал самодержцем. Вслух же он произнес нечто иное: своей первой задачей он считает «истребление» марксистов. Одновременно он выдвинул требование—«на три дня улица должна быть предоставлена штурмовикам». Были ли при этом произнесены слова «Варфоломеевская ночь» или они только послышались собеседнику, по существу не имело никакого значения. Папена подрал мороз по коже, как некогда господина фон Кара, когда ему стали известны кровожадные речи Геринга. Он сдержанно посоветовал Гитлеру с божьей помощью попытать счастья у старого господина; пусть он постарает-

ся убедить его. Когда Гитлер, заметив ловушку, обратился к Папену с требованием, чтобы не он, Гитлер, а сам Папен расположил фельдмаршала в пользу рейхсканцлера Гитлера, Папен не рассмеялся ему в лицо и не заявил: «Как, я, канцлер, буду защищать дело своего противника?» Нет, он сохранил тот же патетический стиль не совсем искренне звучащего патриотизма, в силу которого хозяин 13 миллионов голосов должен рассматриваться как национальная святыня. Святыня должна сегодня после обеда направиться с визитом к старому господину. И пожимая ему руку—«ведь, собственно говоря, все мы хотим только блага Германии»,—Папен расстилает свою сеть у его ног.

ОТКАЗ ГИНДЕНБУРГА

В гневе Гитлер покидает рейхсканцлера. Он теперь уверен в двух вещах: что Папен не подал в отставку и не освободил ему место канцлера и что Гинденбург повидимому не хочет назначить его канцлером. Он едет на квартиру к Геббельсу, где находится также Геринг, и слышит от них слова о «расставленных ловушках». В это же время происходят взволнованные разговоры по телефону, из которых выясняется: Гитлер ошибается, президент еще не принял никакого решения. У Гитлера снова появляется надежда. В таком настроении, сохраняя некоторую уверенность, появляется он в 4 часа 15 минут во дворце президента и—своевольный жест!—рядом с ним Рем. Во дворце у них является опасение, что спутник Гитлера может вывести фельдмаршала из себя и Гинденбург может поэтому отказать Гитлеру в приеме. Однако фельдмаршал, который лично осуждает широко известные наклонности начальника штаба штурмовых отрядов, овладевает собой и бережет свои нервы для предстоящей сцены.

Гитлер все еще надеется, что дело все же закончится по церемониалу, надеется, что коммюнике уже подготовлено: «господин президент поручил вождю национал-социалистской партии господину Адольфу Гитлеру образовать кабинет его доверия, опирающийся на национальные силы». Глазами пропагандиста он уже видит себя подымающимся на ступени перед затаившей дыхание Германией: всему свету показывает он, как добывают корону.

Вместо всего этого он встречает почти несговорчивого сердитого старого господина, который ведет беседу с ним стоя и даже не предлагает ему сесть. Стоя вынужден Гитлер выслушать слова старого господина, который развивает перед ним свои планы относительно кабинета Папена и в заключение со строгим видом спрашивает Гитлера, согласен ли он сотрудничать с Папеном. Гитлер ворчит под нос: «он уже изложил свои условия господам фон Папену и фон Шлейхеру; он хочет сказать: «только в качестве канцлера...», хочет сказать: «на вопрос старого господина я отвечаю, нет». Но он молчит. Окружающие надеются, что по старой привычке Гитлер произнесет теперь с божьей помощью длинную речь. В настоящих условиях этот не всегда применимый талант мог бы спасти положение. Но

Гитлер чувствует себя бессильным. Старый господин, который уже кое-что слышал от Папена, спрашивает: «Вы хотите получить всю власть?» Гитлер хочет ответить «нет», хочет остановиться на примере Муссолини, но Гинденбург не дает отвлечь себя от сложившегося у него представления. Рассерженный и разочарованный Гитлер молчит. Гинденбург дает беседе крутой поворот, который в официальном коммюнике изложен следующим образом: он весьма определенно отклонил требование Гитлера на том основании, что его совесть и долг в отношении отечества не позволяют ему передать всю правительственную власть исключительно в руки национал-социалистского движения, которое намерено односторонне использовать эту власть. Гинденбург относится с отвращением к Варфоломеевским ночам. В заключение этот восьмидесятишестилетний, престарелый господин рекомендовал Гитлеру в будущем проявлять больше рыцарских чувств в борьбе, учительски разнес его и отослал домой.

Меньше чем через 15 минут, которые он провел на ногах, Гитлер оставил помещение рейхсканцлера; в глазах своих сторонников, своих противников, всего германского народа и раньше всего в своих собственных глазах он—человек, понесший поражение. В его душе возникают горячие и вполне обоснованные сомнения насчет того, правильно ли он действовал. Только два человека были вероятно вполне довольны исходом этого визита: Геринг и Геббельс. Ведь они уже раньше предупреждали вождя, советуя ему остерегаться ловушек Папена, они оказались правы. Теперь Гитлер еще больше, чем раньше, принадлежал им.

НАРУШЕНИЕ СЛОВА?

На этом однако унижения не кончились. Гинденбург и раньше невысоко ценил национал-социалистского вождя, теперь же он решил, что имеет дело с человеком, который не держит слова. Он сказал ему это со всей резкостью и столь же резко велел внести этот момент в официальное коммюнике о состоявшихся переговорах; он жалеет, что господин Гитлер не считает возможным в соответствии с заявлениями, сделанными перед выборами в рейхстаг, оказать поддержку национальному правительству, облеченному доверием президента. «Нарушение слова», «нарушитель слова»—выражения эти облетели всю прессу. Какое же слово дал Гитлер? Он дал его генералу фон Шлейхеру и статс-секретарю Мейснеру. Он заявил, что согласен толерировать Папена. Теперь Шлейхер и Мейснер узнали от национал-социалистов, что обещание Гитлера имело значение лишь до выборов. Из забвения выступили Кар, Лоссов и Зейсер. Они напомнили, что обещания Гитлера всегда бывают неверно поняты. Эти канувшие в неизвестность после 1923 г. господа не имели больше случая полагаться на обещание Гитлера. Мы не знаем поэтому, решились ли бы они вторично поверить ему. Напротив, фон Папену и наконец фон Гинденбургу, еще представится случай показать, как мало человек в состоянии использовать в решающие часы свой собственный опыт.

Покинув с позором президентский дворец, Гитлер, пылая гневом, вернулся домой в Берхтесгаден и решил двинуть Ахерон[123] против высокомерных господ в Берлине. Он был разбит, это не подлежало никакому сомнению, серия выигрышей прервалась, его подъему был поставлен предел. Он коснулся границы своих возможностей и при блеске молний получил резкий электрический удар. Быть раскрытым—самое опасное для легенды. Теперь легенда его успеха была раскрыта, верхняя граница возможностей Гитлера стала видна всему миру—с небожителями он равняться не мог. Но имелись еще безграничные необследованные пространства внизу. Быть может перед низвергнутыми с высот раскроются теперь глубины пролетариата, куда до сих пор национал-социалистскому движению не удавалось проникнуть.

Если там, наверху, полагали, что он не нужен больше для того, чтобы успокоить брожение народа, то пусть же они на собственную беду узнают, что он способен с помощью пылающей народной души испепелить всякое сопротивление и всякую государственную власть.

Вскоре после опубликования чрезвычайного декрета о терроре пять национал-социалистов самым зверским образом убили в верхнесилезской деревне Потемпа рабочего Пьетжуха в его же квартире. Чрезвычайный суд в Бейтене присудил всех пятерых к смерти. Смертный приговор привел в неистовство штурмовиков, которое охватило и их верховного вождя. Гитлер обратился к осужденным убийцам в Потемпа со следующей телеграммой:

«Мои товарищи! Перед лицом этого невероятного кровавого приговора я чувствую себя связанным с вами безграничной верностью. С этого момента ваша свобода становится вопросом нашей чести. Борьба против правительства, при котором это было возможно,—наш долг».

Подумать только, убийцы из Потемпа вовсе не были честными парнями, которые в пылу борьбы переступили границы самообороны, по крайней мере один из них не действовал даже в состоянии аффекта, а совершенно хладнокровно и обдуманно подговорил других на убийство. С такими-то людьми национал-социалистский вождь чувствовал себя товарищем, связанным безграничной верностью.

Против двух людей—Папена и Гинденбурга—обратилась теперь ненависть Гитлера. Но не против генерала фон Шлейхера. В нем он все еще видел союзника, стремящегося установить с ним добрые отношения. Но глава государства и его доверенное лицо, который не хотел добровольно освободить пост канцлера,—оба они казались ему заговорщиками, которые хотели лишить его того, что уготовила ему судьба.

Ненависть к Папену после приговора в Бейтене нашла выход в неистовом послании к национал-социалистам, в котором Гитлер писал: «Немцы, всякий из вас, в ком еще живо чувство борьбы за честь и свободу народа, поймет, почему я отказался вступить в это правительство. Юстиция господина фон Папена в конце концов при-

говорит к смерти тысячи национал-социалистов. Неужели кто-нибудь мог рассчитывать на то, что я прикрою своим именем это пораженное слепотой, провоцирующее весь народ поведение? Эти господа ошибаются. Господин фон Папен, ваша кровавая «объективность» мне известна теперь! Я желаю победы национальной Германии и уничтожения ее марксистских разрушителей и губителей. Я не подхожу в палачи для борцов за национальную свободу германского народа... Пусть господин фон Папен назначает германские кровавые трибуналы для суда над нами! Опираясь на национальное восстание, мы справимся с этой системой и сумеем устранить марксизм, несмотря на все попытки его спасения».

Что за стиль по адресу доверенного лица президента! Неужели уважение к генерал-фельдмаршалу не в состоянии было заставить Гитлера понизить тон? Нет. В это время он произносил речи, в которых совершенно открыто говорил о том, что он еще достаточно молод, чтобы подождать до ближайших перевыборов президента. Перед лицом всей Германии он открыто занимался политическими расчетами по поводу близкой естественной смерти восьмидесятишестилетнего президента. Некоторые же из его друзей не хотели дожидаться даже естественного конца.

БОРЬБА ЗА ОТСТАВКУ ГИНДЕНБУРГА

Вспомним теперь на мгновенье об оскорбленном центре. Летом 1932 г. он был лишен возможности принять участие в борьбе за власть. После ухода Брюнинга центр был лишь партией, а партии в Германии ничего общего с властью не имеют. Центру пришлось даже быть свидетелем того, как в Пруссии были смещены его собственные министры, находившиеся в коалиционном правительстве Брауна. Правда, при частой смене счастья в политической игре можно было примириться с потерей одной из позиций, однако никак нельзя было примириться с существованием правительства Папена, которое представляло собой смертельную опасность для центра. Ибо с ростом авторитета Папена росла также опасность, что этот ренегат сумеет в один прекрасный день основать новую консервативную католическую партию, что могло подорвать дальнейшее существование центра. Вот почему Брюнинг вел главным образом борьбу против Папена, вел ее со всей страстью низвергнутого. Однако страстность его борьбы едва могла сравниться со страстностью национал-социалистов, вместе с которыми Брюнинг добивался падения Папена. Во время переговоров о коалиции в сентябре 1932 г. выплыло национал-социалистское предложение. Национал-социалисты хотели сместить президента парламентским постановлением, которое впоследствии должно было быть подтверждено народным голосованием. Партия Гитлера рассчитывала при этом на недовольство, которое царило среди левых, после того как Гинденбург так жестоко разочаровал своих избирателей и сместил Брюнинга, готового итти за ним в огонь и воду. Однако Брюнинг с полным основанием отказался поддержать эти авантюристские планы национал-социалистов. Не

говоря уже о том, что нападение на героя мировой войны, избранного большинством народа, всегда было непопулярно, самый успех в лучшем случае мог привести к замене Гинденбурга Гитлером, а этого Брюнинг никак не хотел допустить.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КОНЕЦ РЕЙХСТАГА

Двинуть Ахерон можно было однако и тысячью других способов. В начале сентября собрался рейхстаг. Со своими 230 национал-социалистскими и 89 коммунистическими депутатами рейхстаг не являлся больше работоспособной частью государственного аппарата, функционирующей волей народа, а котлом кипящего народного недовольства. Правда, Папен сумел накрыть котел покрышкой.

Хотя национал-социалисты добились избрания Геринга председателем рейхстага, хотя Геринг и Фрик и обсуждали с центром вопрос о смещении канцлера,—у Папена против них имелось все же достаточно острое средство, лежавшее наготове в традиционной красной папке: приказ президента, объявлявший рейхстаг распущенным. Роспуск парламента является прерогативой главы государства. Однако тяжеловатая на подъем практика последних лет сумела использовать это сильнодействующее средство. Президент заблаговременно передает приказ о роспуске в руки канцлера, которого он почтил своим доверием. Последний хранит приказ в красной папке и в случае нужды извлекает его оттуда, нанося дьявольский удар, от которого распадается строптивый парламент. Уже некоторое время господин фон Папен на худой конец владел этой волшебной формулой в красной папке, и когда 12 сентября рейхстаг собрался, он поступил бы очень мудро, если бы сразу извлек этот приказ на свет божий. Ибо было известно, что центр и национал-социалисты из жестокой ненависти к Папену собираются свергнуть его с помощью других оппозиционных партий. Однако действительно ли они намерены были сделать это? Это не было вполне достоверно. И господин фон Папен очевидно доверился этой недостоверности. Ибо фигуры на доске были расположены следующим образом: национал-социалисты из одного чувства мести могли попытаться свергнуть Папена, однако если бы канцлер опередил их и распустил рейхстаг, то национал-социалистам предстояла бы избирательная борьба, в которой они могли потерять не только шерсть, но и часть шкуры.

Ибо случившееся 13 августа сильно повредило им в глазах избирателей, и недаром Гитлер приходил в неистовство по поводу поражения, которое Папен сумел превратить во всеобщее зрелище. При попытке захватить власть Гитлер поскользнулся, и это означало не кратковременное, а очевидно глубокое падение для партии, застрявшей между вершиной и пропастью. Благодаря своей политике собирания голосов эта партия на деле не стала сильнее, а лишь сильнее нуждалась во власти. Она не могла больше спокойно дожидаться власти. Она не могла, подобно другим партиям, сказать своим избирателям: дайте мне побольше голосов, и я осуществлю ваши требования. Притягательная сила этой партии покоилась не на уверен-

ности избирателей в том, что она уже теперь в состоянии выполнить их требования, а в их доверии к ее грядущей победе. Она должна была проявить свои таланты не в министерствах, а лишь после завоевания власти. Если бы она не в состоянии была в ближайшем будущем добиться власти, то престиж ее неизбежно должен был пасть и она должна была лишиться части голосов. А если бы отход избирателей начался, трудно было сказать, когда он прекратится.

Вот почему партия не могла решиться на новые выборы в близком будущем и должна была всеми способами избегнуть роспуска рейхстага. Таковы были действительно намерения руководителя фракции д-ра Фрика, когда 12 сентября коммунисты внесли вотум недоверия Папену и потребовали немедленной постановки его на голосование. Так можно было свергнуть Папена, но, и будучи свергнут, канцлер, продолжая вести дела и имея ордер президента, мог распустить рейхстаг. Такое толкование конституции было мало приятным для национал-социалистов, однако против него нельзя было выдвинуть никаких возражений.

По требованию Фрика заседание рейхстага было прервано на полчаса, с тем чтобы руководители фракции обсудили положение. Папен использовал перемирие для собственного вооружения: сломя голову он помчался в свою канцелярию за красной папкой с приказом о роспуске рейхстага. Когда национал-социалисты увидят на столе красную папку, думал Папен, у них пропадет охота свергнуть правительство. Он и не подозревал, какой удар готовил ему в это время Геринг.

Заседание рейхстага возобновилось. Совершенно неожиданно Геринг решил, что пришло время поставить на голосование вотум недоверия. Лишь теперь сидящий рядом на министерской скамье канцлер понял, какую игру собирается разыграть Геринг. Он потребовал слова. Геринг сделал вид, что ничего не слышит. Происходило голосование, утверждал он позднее, и поэтому он не мог предоставить слова Папену. Тут Папен молча дрожащей рукой извлек записку из красной папки, на которой в одну строчку был нацарапан пером приказ о роспуске рейхстага, встал и положил помятый клочок бумаги на стол перед Герингом. Торопясь, он быть может положил записку обратной стороной. По крайней мере Геринг утверждал, что не имел никакого представления о том, что именно лежало перед ним на столе. С достоинством продолжал он вести заседание. Тут, с шумом передвигая стулья, члены правительства встали и все как один оставили зал. С этого момента дальнейшее заседание рейхстага было незаконным. Однако это незаконное заседание продолжалось и далее. Голосование было самым торжественным образом доведено до конца, готовя канцлеру лишь мнимое падение.

Это был бесполезный жест, который Геринг не предпринял бы, если бы был лучше знаком с государственным правом. И без того было известно, что Папен не располагает большинством в рейхстаге. Сильнейшее впечатление на общественное мнение произвело однако то, что могущественная национал-социалистская партия вместе со своими союзниками оказалась не в состоянии свергнуть Папена

лишь потому, что канцлер сумел быстро принести и положить на председательский стол невзрачный клочок бумаги. Гитлер вторично потерпел поражение, а Папен вторично одержал победу. В глазах народа только это имело значение. То, что национал-социалисты, и раньше всего свирепый Геринг, в ближайшие недели должны были перед лицом всей Германии изливаться в пламенных декларациях по поводу священных прав народного представительства, которое все они ругали «говорильней»; то, что Герингу пришлось оправдывать свое поведение перед парламентской следственной комиссией с помощью самых жалких уловок, вроде таких выражений, как «не видел», «не расслышал»; то, что он должен был признать свои грубейшие ошибки, допущенные при выполнении им обязанностей председателя рейхстага, и должен был позволить более сведущим социал-демократам вести себя на цепи, подобно медведю на паркете регламента,—все это говорит о затруднительном положении, в котором оказались национал-социалисты в это несчастливое для них впервые после 1924 г. время. Гитлер, разумеется, был мало доволен поведением своего председателя рейхстага.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НСБО

Паралич, поразивший партию после 13 августа, лишь обострился после такого парламентского массажа. Напрасно больное движение пыталось всей своей тяжестью опереться на пролетариат, напрасно метало оно громы и молнии против «дворянской клики» господина Папена и его Клуба господ. Напрасно произносил Штрассер речи к немецким рабочим и напрасны были происки организации национал-социалистских ячеек на предприятиях.

Эта организация национал-социалистских ячеек на предприятиях (НСБО*) была основана Рейнгольдом Муховым в 1928 г. В начале 1931 г. она была реорганизована и уже давно пыталась перебраться из небольших предприятий на крупные. Под руководством Мухова и Шумана она разрослась в довольно крупный аппарат с центром в Мюнхене. Однако она все еще опасалась выступать в качестве профсоюза и вмешиваться в вопросы заработной платы. Гитлер попрежнему запрещал ей заниматься этими делами, ибо образование национал-социалистских профсоюзов, как Гитлер упоминает в своей книге, он считал задачей гения, которым движение однако не располагало. Кроме того он опасался, что интерес к экономическим вопросам может парализовать активность движения. Поэтому НСБО должна была удовольствоваться ролью ячеек, занятых вербовочной работой. Она являлась таким образом запрудой, расположенной перед партийным бассейном. Ее члены вначале не принимались в партию. НСБО в своей работе исходила из уверенности, что приход третьего царства неизбежен. «Особой задачей НСБО являлось,— утверждал Мухов в своих организационных положениях,—превратить рабочих в правящий слой в новом государстве. Кто хотел провести это в жизнь, должен был своевременно примкнуть к ячейке».

«АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ»

Сколько труда затратил Грегор Штрассер, идейный вождь социального крыла национал-социалистской партии, чтобы завоевать

* По начальным буквам немецкого названия: National-socialistische Betriebsorganisation.

в 1932 г. душу рабочего. Непроходящим свидетельством этих трудов была большая речь, произнесенная им 10 мая 1932 г. в рейхстаге. Речей, которые могли бы быть поставлены рядом с нею, мы не встречаем ни у Гитлера, ни у Геббельса. Прислушаемся же внимательно к ней, ко всем, заключающимся в ней нелепостям, ибо она является совершеннейшим выражением национал-социалистского мировоззрения. Кто хочет знать, что собственно представляет собой национал-социализм, должен прочесть эту речь.

«Подъем национал-социалистского движения,—сказал Штрассер,—является протестом народа против государства, которое отказывает ему в праве на труд и пропитание. Если аппарат распределения мировой хозяйственной системы в настоящее время не в состоянии правильно распределить богатства природы, то система эта лжива и должна быть изменена... Существенным в нынешнем развитии является великое антикапиталистическое стремление, которое сознательно или бессознательно охватило в настоящее время быть может 95% нашего народа. Это антикапиталистическое стремление ни в коей мере не означает отрицания морально правомерной собственности, возникшей благодаря труду и бережливости. Оно не имеет ничего общего с бессмысленными и разрушительными тенденциями Интернационала. Оно является протестом народа против вырождающегося хозяйства и требует, чтобы государство во имя самосохранения порвало с демонами золота, мирового хозяйства, материализма, с образом мыслей, покоющимся на статистике внешней торговли и учетном проценте Рейхсбанка, и сумело бы обеспечить честное существование за честный труд. Это антикапиталистическое стремление является доказательством того, что мы стоим перед великим поворотом: перед преодолением либерализма, появлением нового образа мыслей в хозяйстве и перед новым отношением к государству».

Речь Штрассера заставила зазвучать давно заржавевшие струны в груди некоторых профсоюзных деятелей. Дело дошло до переговоров между Штрассером и вождями всеобщего объединения германских профсоюзов, которые до сих пор были тесно связаны с социал-демократией, но уже в течение ряда лет резко выступали против репарационных платежей и отошли от умеренной линии внешней политики социал-демократии. То, что отдаляло их от национал-социалистов, постепенно теряло в глазах свободных профсоюзов свое значение, тем более, что они становились все нерешительнее в вопросе о собственных целях. Духовное оскудение социал-демократии, особенно ее неспособность к конструктивным решениям, стало совершенно очевидным. Напротив, национал-социализм штрассеровского толка делал вид, что он по крайней мере располагает множеством проектов. Его основная мысль—государству можно приказать, чтобы оно было в состоянии заботиться о всех. Эта основная мысль была, собственно говоря, заимствована им у рабочего движения, где она была лишь прикрыта ученостью эпигонов вождей, вышедших из буржуазных университетов. В свою вторую большую речь, произнесенную им в октябре 1932 г. перед собранием завод-

ских ячеек в берлинском Дворце спорта, Штрассер вплел комплимент по адресу вождя социал-демократических профсоюзов Лейпарта[124], выдав этим отчасти свои тайные намерения. Этой связью между Лейпартом и Штрассером и возникшими отсюда политическими проектами вызвано очевидно то, что соперник Штрассера, доктор Лей, позднее лишил свободы и возбудил процесс против этого столь ценимого Штрассером рабочего вождя.

ПАДЕНИЕ 6 НОЯБРЯ 1932 г.

В то время как Штрассер стремился привлечь родственные силы из левых партий,—не для того чтобы влить их в национал-социалистскую партию, а с тем, чтобы направить в общее русло все политически активные элементы Германии независимо от их партийной принадлежности,—на его собственном судне произошла беда.

6 ноября на выборах в рейхстаг Гитлер понес сильный урон. Он потерял свыше 2 млн. голосов, общее число собранных им голосов упало до 11,73 млн. Вместо 230 он располагал лишь 197 мандатами. Правда, и социал-демократы получили вместо 133 мандатов 121—запоздалый расчет за 20 июля, а центр—89 мандатов вместо 97. Напротив, коммунисты увеличили число своих мандатов с 89 до 100 и достигли таким образом той же высоты, с которой национал-социалисты 14 сентября 1930 г. впервые испугали весь мир.

Волна несчастий не закончилась на этом. В ближайшие недели местные выборы каждое воскресенье давали национал-социалистам все меньшее количество голосов, так что можно было полагать, что на предстоящих выборах в рейхстаг они получат не больше 150 мандатов. Короче говоря, они были теперь крупной партией, но не представляли собой ничего необычного; хуже всего для них было то, что некогда они представляли собой феномен. Было сомнительно, сумеют ли они вообще сохранить существование на нормальных высотах. Начав катиться вниз, они могли окончательно скатиться в бездну.

Напротив, все партии, поддерживавшие правительство Папена, получили прирост голосов. Так, германская национальная партия увеличила число своих голосов почти на 50%, а число своих мандатов с 37 до 50. Вокруг Папена собрались теперь все явно консервативные силы, которые всегда будут задавать тон в буржуазной Германии. Ближайшее рассмотрение результатов голосования показало бы нам, что национал-социалисты потеряли избирателей главным образом в крестьянских районах. Обращаясь на мгновенье к вопросам парламентской тактики, нужно сказать, что Гитлер и Брюнинг—оба злейших врага Папена—потеряли большинство, с помощью которого в прошлом рейхстаге они совместно в состоянии были образовать правительство.

ВТОРОЙ УДАР ПАПЕНА

При таком состоянии национал-социалистской партии Папен счел момент подходящим, чтобы нанести Гитлеру новый удар. По

крайней мере с 13 августа он правил против воли национал-социалистов. Автору телеграммы в Потемпа он заявил, что эта телеграмма совершенно несовместима с претензиями на канцлерский пост. Когда Папен возвещал, что он намерен «затоптать» огонь гражданской войны в Германии, то каждый понимал, кого Папен в данном случае считал поджигателем. После выборов в рейхстаг 6 ноября он замыслил сделать большой шаг. 17 ноября он подал в отставку. Видимой причиной отставки являлись мотивы, которые существовали собственно и раньше. В деловом отношении Папен добился довольно больших успехов. Он устранил «марксистское» правительство в Пруссии и задолго до Гитлера провел действительную унификацию между государством и важнейшей германской провинцией. Далее, он довольно умело и удачно попытался «завести» хозяйство, как в то время говорили в Германии, предоставив ему кредиты в виде обязательств под предстоящие к уплате налоги.

Таким образом отсутствие деловых успехов не могло явиться причиной падения Папена. Разумеется, тот факт, что большинство народа и парламента продолжало относиться к нему с недоверием, служил большой помехой, а при нормальных условиях мог превратиться в решающую помеху для его правительства. Но и в истекшие месяцы положение было точно такое же, что не мешало самонадеянному барону править так, как он считал нужным. Что же внезапно повлияло на него? Ни один разумный человек не мог полагать, что небольшая кучка сторонников Папена в рейхстаге после выборов 6 ноября внезапно превратится в большинство. Успехом являлось уже и то, что его злейшие противники—национал-социалисты и центр—не имели теперь большинства в рейхстаге.

Это-то именно и послужило причиной того, что он очистил свое место на министерской скамье и предложил Гитлеру взять игру в свои руки. Он хотел показать перед всем миром, что Гитлер к этому совершенно не способен, и его затея на этот раз удалась как нельзя лучше. В этом должен был убедиться даже генерал фон Шлейхер, который снова носился с мыслью о свержении министерства и на правах доброго друга советовал Папену подать в отставку. Теперь Гитлер с помпой появился в Берлине, был принят президентом, не испытав на этот раз никаких унижений. Беседа длилась больше часа, причем собеседники, как и полагалось, сидели на стульях. Он ушел от президента с поручением, которого напрасно домогался летом 1932 г.,—с поручением образовать в качестве рейхсканцлера правительство. Разве он не утверждал уже раньше, что справится с этой задачей, не нарушив конституции?

Да, он говорил это летом, когда в союзе с Брюнингом располагал большинством в рейхстаге. Теперь однако у него не было большинства, он ослабел. Ослабел и Брюнинг. Никто в мире не подозревал, как слабы стали национал-социалисты. В Кайзергофе Гитлер сидел со своей свитой и целыми днями писал одно письмо за другим, так как обе стороны желали избежать устных переговоров. Письма эти содержали множество хитрых соображений по вопросам государственного права. Гитлер добивался при этом следующего: так как

он вероятно не в состоянии получить большинства в рейхстаге, то президент должен был назначить его рейхсканцлером, облеченным его особым доверием, т. е. дать ему антипарламентские, быть может даже нарушающие конституцию полномочия. По меньшей мере необходимо было распустить рейхстаг. В ответ на это требование президент дал ему понять, что если бы он захотел выбрать человека, облеченного его личным доверием, то ни в коем случае не остановился бы на господине Гитлере. Что касается Гитлера, то на нем лежит только задача—в этом отношении президент и так пошел ему очень далеко навстречу, вразрез с собственными чувствами—попытаться образовать парламентское правительство. В письменном поручении президент следующим образом выражает эти мысли:

«Вы знаете, что я стою на точке зрения президиального кабинета... который должен находиться под руководством лица беспартийного, а не партийного вождя, и что это лицо должно пользоваться моим исключительным доверием. Вы заявили, что согласны предоставить ваше движение лишь в распоряжение кабинета, во главе которого вы будете находиться сами, его партийный вождь. Если я соглашаюсь с этой мыслью, то я все же должен потребовать, чтобы такой кабинет имел за собой большинство в рейхстаге...». Удар за ударом для Гитлера: я, заявляет президент, вообще не желаю господина Гитлера, ибо я за президиальный кабинет, вы, господин Гитлер, не являетесь лицом, пользующимся моим особым доверием, я предпочел бы вообще не касаться того, чего вы собственно хотите, и если я это все же делаю, то лишь при одном условии, которое вы однако не в состоянии выполнить!

ВТОРИЧНАЯ НЕУДАЧА ГИТЛЕРА

Таким образом президент поручает вождю партии выяснить, в состоянии ли он вообще образовать правительство, опирающееся на прочное работоспособное большинство с единой твердой программой действий. Поручение явно невыполнимое! Для этого Гитлеру пришлось бы объединить под своим руководством Гугенберга и Брюнинга, что невозможно по тысяче причин. Здесь все враждуют друг с другом. Гугенберг является врагом Брюнинга, а втайне и врагом Гитлера. Нечего говорить, что и между Гитлером и Брюнингом продолжает существовать противоречие и что их объединяет лишь ненависть к Папену и Гинденбургу.

Гитлер даже не берется за эту неразрешимую задачу, а продолжает из Кайзергофа писать одно за другим письма президенту, излагая свои соображения; Шлейхер пытается выступить посредником, но Гитлер заявляет ему, что если президент попрежнему настаивает на своем условии о парламентском большинстве, то кабинета Гитлера не будет. Всякий же другой кабинет, под чьим бы руководством он не находился, Гитлер считает недопустимым. Это вероятно пришло на ум и министру рейхсвера Шлейхеру. Очевидно даже рейхсканцлер фон Шлейхер должен был натолкнуться на сопротивление Гитлера. В этом отчасти сказывается упрямство не ви-

дящего выхода, дважды потерпевшего поражение Гитлера. Гитлер возвращает президенту его поручение и снова, тяжело потрясенный, возвращается в Мюнхен.

Одного успеха он все же добился, который, несмотря на значительный неуспех, имел некоторое значение,—он сблизился с президентом. От последнего уносит он заверение: «Во всяком случае теперь мои двери всегда будут открыты для вас».

ПАДЕНИЕ ПАПЕНА

Папен добился своего и одержал верх над Гитлером. Но это не пошло ему впрок: он сам попался в сети, которые расставил ему министр рейхсвера фон Шлейхер. Последний очевидно надеялся, что с помощью переговоров ему удастся до некоторой степени связать национал-социалистского вождя, притти к джентльменскому соглашению с ним, благодаря которому станет возможным правление без помехи со стороны национал-социалистов. Сам он пытался получить такое же обещание Гитлера, какое он в свое время получил в начале образования правительства Папена. Однако Гитлер отказался дать какое-либо обещание. Очевидно он опасался, что его второй раз упрекнут в нарушении слова.

С тех пор Шлейхер считал, что правительству Папена настал конец. Он не хотел больше принимать участия в высшей школе верховой езды по узкой тропинке власти, имевшей лишь две точки опоры: уважение, которым пользовался президент, и оружие рейхсвера. Некоторую роль играл здесь ведомственный фанатизм. Он не хотел пускать в ход во внутренней борьбе оружие рейхсвера. Специалист министерства рейхсвера слишком заботился о блеске своей сабли и боялся поэтому пустить ее в ход. Он знал, что часть рейхсвера питает симпатии к национал-социалистам. Больше всего испугало его другое обстоятельство—берлинская транспортная стачка в начале ноября. Если две тысячи кондукторов автобусов и трамвая, заявил Шлейхер, оказались в состоянии парализовать в течение нескольких дней жизнь столицы, чему государственная власть не могла помешать, то насколько слабым должно оказаться правительство в случае настоящей всеобщей стачки, стачки, в которой примет участие симпатизирующее население. При таких обстоятельствах министр рейхсвера фон Шлейхер не считал себя достаточно сильным, чтобы обещать правительству Папена безусловную поддержку своих пулеметов.

Оставим однако в стороне детали этих интриг. В конце ноября Папен подал в отставку, к искреннему огорчению президента фон Гинденбурга. Последний на прощанье подарил канцлеру, который был ему милее всех прочих, свой портрет с надписью: «Ich hatte einen Kameraden»*.

---

* «Был у меня товарищ»—из немецкой песни.

ШЛЕЙХЕР СТАНОВИТСЯ КАНЦЛЕРОМ

Преемником Папена стал генерал Курт фон Шлейхер. Это вероятно не доставило президенту большой радости. Вероятно Гинденбург не раз подумывал о том, как бы избавиться от этого политически опасного офицера. Прежнее расположение сменилось заметным холодком. Перед ним-то старый господин с некоторым злорадством поставил ту же неблагодарную задачу, при разрешении которой потерпели неудачу оба его предшественника. Папен получил от президента приказ о роспуске рейхстага, на случай если бы парламент проявил несговорчивость. Напротив, Шлейхер не получил от президента этого доказательства его доверия и таким образом с самого начала был осужден на неудачу. Самым позорным во всей этой игре явилось то, что Шлейхер не знал об этом наиболее уязвимом месте своей позиции и только в решающие смертельные мгновенья понял, как жестоко он, этот вечный интриган, сам оказался обманутым.

В первый раз в истории германской республики рейхсканцлером становился генерал. Его правление выглядело совершенно иначе, чем представляло себе это обычно общественное мнение. Генерал фон Шлейхер решительно отказался, и притом не только на словах, от мысли о военной диктатуре. Он сбросил правительство Папена потому, что не хотел диктатуры, а вовсе не из-за неудовлетворенного личного честолюбия. Ибо он не особенно стремился стать канцлером. Его скорее привлекала роль, которую в соседней Польше так успешно играл маршал Пилсудский в качестве простого военного министра. Шлейхер больше полагался на свое политическое искусство, чем на свои пулеметы, и это почти гражданское высокомерие немало содействовало его падению.

Перед ним стояла двойная задача: он должен был быть канцлером активного национализма и вместе с тем руководителем социальной перестройки Германии. С полным основанием его можно назвать канцлером в национал-социалистской атмосфере, рассматривая поединок с Гитлером не только как борьбу за власть, но и как борьбу за то, кому суждено осуществить национал-социалистскую миссию.

ДИЛЕММА ГЕРМАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Германский народ не мог примириться с Версальским миром, который был ему навязан в 1918 г. С течением времени и среди держав-победительниц это стали понимать. Народ мог полагать, что договоры 1918 г. обязаны своим возникновением преходящему настроению держав-победительниц. В таком случае с исчезновением этих настроений должна была открыться возможность пересмотра этих договоров. Никто не сумел в большей степени чем Штреземан разбудить в народе убеждение в психологической возможности пересмотра договоров, особенно в достижимости соглашения с Францией. Наряду с этим существовало и другое представление—что в основе Версальского договора лежит уверенность народов в том, что Германия плохой партнер в деле мира и не может быть членом семьи народов. Если Германия и в самом деле была на таком счету у со-

седних народов, то трудно было рассчитывать на дружественное соглашение с ними. В таком случае только путем борьбы и сопротивления— если не посредством оружия, то с помощью политического чуда, из которых состоит вся мировая история,—Германия в состоянии освободиться от совершенно невыносимых условий договора. Сознательным выразителем этой точки зрения является Гитлер.

УСТАЛЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Внешнеполитической задачей канцлера являлось разрешение этой дилеммы. Ему достался некоторый успех, когда 11 декабря Женевская конференция по разоружению признала одной из своих задач восстановление германского равноправия. Внутриполитической задачей Шлейхера являлось принятие конструктивных мер, чтобы приспособить Германию к великим социальным переменам, которые принес с собой экономический кризис. Общее мнение в стране было таково, что простое выжидание лучшей конъюнктуры равносильно продлению бедственного положения на неопределенное время. При этом нельзя упускать из виду того, насколько были морально скомпрометированы в Германии вожди хозяйства. В 1931 г. обанкротились крупные банки, в результате чего все экономические авторитеты были превращены в кучу развалин. В 1932 г. последовал не столь явный, но все же чувствительный для сведущих лиц кризис доверия к вождям промышленности. Свое выражение этот кризис нашел в крушении самой крупной организации, господствовавшей в тяжелой промышленности: в продаже крупного пакета акций владельцем концерна Фридрихом Фликом. Последний с помощью искусной манипуляции захватил в свои руки большинство акций и оказался фактическим хозяином крупнейшего концерна западногерманской тяжелой промышленности—объединенных стальных заводов. Стальное объединение, с самого начала плохо организованное, в течение ряда лет находилось в тяжелом положении. Курс его акций стоял на бирже очень низко, и Флик, который в состоянии был удерживать большинство акций лишь с помощью банковских кредитов, уже предвидел наступление момента, когда банки откажут ему в кредите под этот сомнительный пакет акций. Он собирался поэтому уступить этот пакет французским капиталистам. С продажей этого пакета акций влиятельные французские круги связывали далеко идущие политические комбинации. Однако такая сделка противоречила стремлению к политической независимости, можно сказать, пуританству правительства Брюнинга. Чтобы помешать переходу акций в французские руки, правительство приобрело у Фридриха Флика решающий пакет акций. Таким образом государство стало владельцем крупнейшего горнозаводского концерна—не в интересах социалистической плановости, а по нужде, не в силу своих конструктивных стремлений, а благодаря усталости капитализма. Пример Флика вызвал у других промышленников совершенно особое настроение: промышленные вожди стали мечтать о том, как они с выгодой для себя будут в один прекрасный день социализированы имен-

но при помощи «социалиста» Гитлера. Хваленая мощь и воля к творчеству угольных и стальных магнатов были таким образом окончательно подорваны ударами кризиса. От комиссии по социализации времен революции, накапливавшей кучами протоколы и не доводившей ни одного дела до конца, до воплей о «социализации», поднятых в 1932 г. крупным капиталом,—таков далекий путь от высокомерия к падению, проделанный послевоенным капитализмом.

Генерал фон Шлейхер высказал по поводу этих сдвигов в хозяйстве ряд мнений, которые были признаны социалистическими. Возможно, это было ошибкой. Скорее всего надо полагать, что как человек военный он не проявлял особой склонности подходить к хозяйственным вопросам как к вопросам мировоззрения и в лице существующего капитала преклоняться перед творческим принципом капитализма. В своей программной речи он высказался в том смысле, что рейхсвер существует вовсе не для того, чтобы защищать ту или иную форму хозяйства. В общем он придавал вероятно очередным политическим задачам гораздо большее значение, чем вопросам принципиальным. Важнейшей задачей являлось окончательное укрощение Гитлера; если Гитлера нельзя было укротить и использовать, то его необходимо было уничтожить.

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ШТУРМОВИКИ

В Коричневом доме, под которым, казалось, заколебалась почва, проблема ставилась следующим образом: кто в предстоящем столкновении окажется слабее—национал-социалисты или правительство Шлейхера? Ибо гитлеровцы сильно ослабели, как это обнаружилось самым роковым образом. Напротив, все не национал-социалистские элементы, не исключая социал-демократии, рассчитывали найти в правительстве генерала Шлейхера некоторую политическую твердость. После ноябрьского поражения потеря голосов Гитлером приняла огромные размеры также в декабре во время выборов в Тюрингии. Еще тяжелее были однако денежные затруднения национал-социалистов. Правда, партийная касса была в порядке, однако многочисленные издательские общества, мастерские, учреждения, поставляющие обмундирование для штурмовиков, отдельные окружные организации с их пышными Коричневыми домами завязли по уши в долгах. Они вынуждены были посылать слезницы своим кредиторам, бесчисленному множеству крупных и мелких поставщиков. Часть этих писем была опубликована во враждебной национал-социалистам прессе. Люди сведущие оценивали задолженность различных партийных организаций примерно в 12 млн. марок. Денежная нужда была так велика, что национал-социалистская фракция прусского ландтага должна была задержать рождественские чаевые служителям ландтага. Тысячи штурмовиков во всей Германии запрудили улицы. С запечатанными кружками обращались они к сострадательной публике, подобно отставным солдатам, которым начальство взамен пенсии выдало разрешение на сбор милостыни. Толпами являлись вожаки штурмовых отрядов к вражеским партиям

и газетам и предлагали им за наличные продать партийные тайны.

Эти нищенствующие штурмовики были в подлинном смысле продуктом германского экономического кризиса, и партии впервые пришлось убедиться в том, что она не только в состоянии, как гриб, разрастаться по мере роста бедственного положении страны, но что это бедственное положение грозит гибелью и партии. Из 600 тыс. штурмовиков наиболее пригодными, всегда находящимися в распоряжении партии были безработные, большей частью молодежь, которых погнала в штурмовики главным образом жесточайшая нужда. Эти безработные, будучи свободны по целым дням, образовали первые боеспособные отряды штурмовиков, и служба стала их главным времяпровождением. Они проводили целые дни в общежитиях штурмовиков, которыми в начале служили преимущественно пивные, за стаканом пива. Позднее эти общежития были перенесены в частные квартиры, где штурмовики проводили свободное время, лежа на своих матрацах или играя в карты. Время от времени, поскольку речь шла о жителях больших городов, штурмовиков посылали на село, где они занимались «полевым спортом». Вообще их начальство, согласно военным правилам, старалось по возможности найти занятие для своих людей и не предоставлять их самим себе. По вечерам штурмовики обычно бывали заняты охраной партийных собраний. Во время своих походов они получали пищу и ночлег у крестьян и помещиков. На селе их появление всегда производило сильное впечатление. Глядя на них, крестьяне считали, что хозяином Германии является Гитлер, ибо рядом со штурмовиками немногочисленная сельская полиция почти совсем стушевывалась. Штурмовики редко получали денежное вознаграждение; большей же частью—в зависимости от добрых чувств местных организаций—они получали еду и ночлег. В принципе они сами должны были оплачивать свое обмундирование, которое стоило всего несколько марок. Партия, т. е. так называемые мастерские, заботилась однако о их кредитовании, и авансы, которые получали штурмовики, в конечном счете превращались в подарки. Большая часть штурмовиков искала таким образом непосредственных материальных выгод и рассчитывала, что будет прочно обеспечена после прихода Гитлера к власти.

Эти нищенствующие штурмовики неоднократно чувствовали себя обманутыми Гитлером, который вечно проявлял нерешительность по отношению к власти. Немудрено, что штурмовики стали постепенно уходить из отрядов. Позднее, после победы Гитлера, «Ангриф» в приятном сознании оставшейся позади опасности следующим образом описал настроения, господствовавшие в декабре 1932 г.:

«Среди периферии все больше распространялось настроение отчаяния. Многие говорили: все равно нам не достигнуть цели, нет смысла поэтому строго придерживаться наших требований, было бы лучше принять любой министерский пост, который нам предлагают». Сам Геббельс публично признался, что его охватили сомнения в том, не идет ли движение к полному развалу.

Среди таких упадочнических настроений нашлись два человека, которые против воли Гитлера решили спасти движение путем соглашения с Шлейхером. Это были Фрик и Штрассер. Когда Гитлер запретил им продолжать переговоры с Шлейхером, Фрик подчинился, Штрассер же проявил непослушание. Он сознавал, что партия находится перед решением, которое может стать для нее роковым. Прежде всего перед его глазами стояла возможность финансового банкротства, и он полагал, что необходимо как-нибудь консолидировать 12-миллионный долг, состоящий из бесчисленного множества мелких и мельчайших требований, с помощью крупной финансовой операции, если только партия не хочет допустить банкротства своих окружных и центральных предприятий. Существовали две возможности такой консолидации. Участие в государственной власти могло укрепить доверие кредиторов, и партия таким образом добилась бы отсрочки платежей. Кроме того она могла в этом случае рассчитывать на полуофициальные средства, находящиеся в распоряжении рейхканцлера, например на средства для «физического развития молодежи» или на «трудовую повинность». Другой путь сводился к санации за счет средств, полученных от частного хозяйства, главным образом от рейнско-вестфальской тяжелой промышленности. Первый путь вынуждал партию к соглашению с Шлейхером, человеком с социальной программой, который якобы с презрением относился к капитализму. Второй метод усиливал зависимость партии от крупной промышленности и банков. Штрассер сознавал, что разрыв с Шлейхером неизбежно заставит партию вступить на второй путь. Это очевидно побудило его начать долго откладывавшееся решительное объяснение с Гитлером.

Беседа эта потрясла Штрассера. Он нашел планы Гитлера циничными, даже антинациональными и выразил свое мнение по этому поводу в письме к вождю партии. В этом письме он жалуется сначала на препятствия, которые ставило ему партийное руководство и которые он очевидно считал несовместимыми со своим положением в партии. Однако кроме того он признавал, что не разделяет основной политической линии национал-социалистской партии, т. е. линии Гитлера. Он объявил себя противником того радикального направления, которое требует применения голого насилия к политическим противникам. Это был глас вопиющего в пустыне, который впервые открыто признавал, что насилие было привнесено в политическую борьбу штурмовиками, а не их противниками. Среди этих противников, заявлял Штрассер, имеются достойные, готовые принять участие в творческой работе элементы, как в рядах социал-демократии, так и среди прочих демократических партий. Их не следует отталкивать и подвергать насилиям; поведение национал-социалистских вождей вообще не соответствует идеалам, которые они проповедуют. Выпад, направленный лично против Гитлера! Место ответственного и ясно сознающего свои цели руководства заняла внутренне лживая демагогия таких людей, как Геббельс. Партия с одобрения вождя ве-

дет политику отчаяния. Она ведет страну к хаосу, к насилию, к превращению Германии в груду развалин.

Здесь совершенно правильно описан путь Гитлера. Однако таков был этот путь с первого же дня. Путь к власти пролегал для Гитлера через «коммунистический путч», т. е. через целый ряд насильственных актов, зачинщиками которых хотели выставить коммунистов. Штрассер забыл, что и сам он некогда бодро шагал по этому же пути. Всего несколько лет назад он возражал против приобретения партией нескольких министерских кресел, ибо, по его мнению, национал-социалисты не должны были поддерживать существующую систему, так как их путь ведет через хаос. Однако с течением времени он в большей мере, чем Гитлер, стал сторонником законности и парламентаризма. Недаром он был техником и руководителем всех хозяйственных предприятий партии. Штрассер был против того, чтобы поставить в предстоящей борьбе под удар весь партийный аппарат. В этом отношении Гитлер, который все еще оставался богемой, был свободнее его. Штрассер исходил их расчета, что социал-демократия благодаря растущим неудачам становится все радикальнее и ввиду этого все непригоднее в качестве союзника для серединных партий, особенно для католического центра. Поэтому серединные партии вынуждены будут искать союза с национал-социалистами, и последние получат таким образом в руки кончик власти. В этом расчете, разумеется, не было предусмотрено, что возможно и другое развитие событий, кроме парламентского.

В результате этого спора Штрассер 8 декабря 1932 г. сложил свои партийные полномочия и предоставил их в распоряжение вождя Гитлера. Был момент, когда Федер также решил взбунтоваться, однако он дал запугать себя угрозой исключения из партии. Штрассер немедленно исчез из поля зрения и в качестве частного лица ушел в отпуск, сохранив однако намерение снова выступить на сцену. Он сохранил контакт с Шлейхером и был принят президентом Гинденбургом. Возник даже план о министерском портфеле для него. Однако до раскола партии дело не дошло, несмотря на то, что у Штрассера было много сторонников, которые сохранили ему верность, например граф Ревентлов или руководитель кенигсбергской окружной организации Эрих Кох. Однако с уходом вождя влияние этого «штрассеровского крыла» было подорвано. Гитлер созвал своих партийных работников и депутатов в Берлин и устроил в дворце Геринга, председателя рейхстага, весьма трогательную манифестацию верности. Это был один из его великих ораторских моментов. Он проливал слезы, и вместе с ним плакали также слушатели. «Я никогда не допускал, что Штрассер может так поступить»,—сказал он и, всхлипывая, положил голову на стол. «Возмутительно, что Штрассер мог так поступить с нашим вождем»,—воскликнул с своего скромного места на задней скамье злорадствующий Штрейхер. Его смертельный враг пал. На следующий день со всех концов страны к Гитлеру стали поступать целые корзины клятв верности.

Власть, которой пользовался до сих пор в партии Штрассер, Гитлер из предосторожности поделил между несколькими санов-

никами. Пост организационного руководителя он предоставил руководителю кельнской окружной организации д-ру Лею, фанатически преданному Гитлеру и в продолжение всей внутренней борьбы против Штрассера стоявшему на стороне вождя партии. Наоборот, политическое руководство округами, т. е. защиту и проведение партийной линии в низовых организациях, он передал вновь образованной «политической центральной комиссии», руководителем которой назначил своего частного секретаря Рудольфа Гесса. После прихода к власти Гесс официально получил титул «заместителя вождя». Этот еще довольно молодой фаворит до сих пор не занимал в партии никакого крупного поста. Из доверенного лица в серале он был превращен в великого визиря. Старые бойцы с громкими именами обязаны были теперь повиноваться ему. Назначение своего частного секретаря политическим заместителем было проявлением безграничного абсолютизма. Таким способом Гитлер после кризиса, вызванного Штрассером, снова утвердил свое самодержавие в партии.

Штрассер остался членом партии. В истории партии он попрежнему является вождем. Геббельс мог считать себя победителем, который после падения своего бывшего начальника, а впоследствии соперника, удержал за собой поле битвы, ибо в борьбе со Штрассером политическая стратегия его и Геринга была признана официальной стратегией партии.

Это была стратегия крутой радикальной хаотической оппозиции—демоническая игра ва-банк, которая должна была кончиться либо полной победой, либо полным поражением. Если национал-социалистская партия распадется, в Германии увеличится на 10 млн. число коммунистов—таков был новый лозунг.

Таким образом национал-социализм, словно истерическая женщина, угрожающая покончить с собой, заставил руководящие германские хозяйственные круги поставить его у власти и тем самым спасти его.

СПАСЕНИЕ ГИТЛЕРА

Сначала группа западногерманских промышленников под руководством одного из влиятельнейших членов Стального объединения покрыла значительную часть национал-социалистских долгов.

Было бы ошибкой полагать, что здесь имел место просто подкуп национал-социализма заинтересованными капиталистами, поворот гитлеровского социализма к капитализму. Разумеется, здесь имелось налицо переплетение интересов, которое существовало и ранее. Однако тут преследовались совершенно особые цели. Крупные промышленники Запада, как мы уже упоминали раньше, давно не были столь крупными и самоуверенными, как в прошлом. Вместо того чтобы попытаться поставить Гитлера под свой контроль и руководство, они сами испытали потребность в руководстве—явный признак банкротства, на этот раз не только материального, но и идейного. С их тоской по сильному государству—после того как во времена своего расцвета они сделали все от них зависящее, чтобы ослабить государство,—было связано немало личных надежд. В част-

ности они надеялись, что это государство освободит их от хозяйственных забот и по высокой цене приобретет у них пакеты акций. Этот «социализм банкротства» стал экономическим символом веры многих и притом не самых мелких предпринимателей, а даже восточнопрусских крупных помещиков. Он был завершением того пагубного и выбитого из колеи либерализма послевоенного времени, который считал священной прерогативой частной инициативы лишь шансы на успех и заранее молчаливо возлагал риск неудачи на государство—по крайней мере поскольку речь шла о самых крупных предприятиях, самых крупных объектах и самых крупных неудачах.

Таким образом в порядке вещей было то, что в конце 1932 г. тонущие национал-социализм и капитализм в последнем напряжении сил помогли друг другу выбраться из беды.

В январе 1933 г. при посредстве сторонника Гитлера, кельнского банкира Шредера, состоялось устроенная в его квартире встреча национал-социалистского вождя с господином фон Папеном. Дело дошло до личного примирения. Папен старался объяснить Гитлеру, что, отказавшись образовать в ноябре парламентское правительство, он должен теперь примкнуть к национальной концентрации, т. е. к объединению всех правых сил, начиная с президента и рейхсвера и кончая Стальным шлемом и Гугенбергом. Папен выступал в данном случае до известной степени как выразитель воли тех хозяйственных кругов, которые уже во время его канцлерства были его верными сторонниками. К нему—барону из Вестфалии и одновременно крупному промышленнику из Саарской области—они относились с бо̀льшими симпатиями, чем к непроницаемому генералу фон Шлейхеру с его социальными идеями. Поэтому им больше всего пришелся бы по сердцу кабинет под руководством Папена с использованием Гитлера.

Беседа однако не внесла ясности в вопрос о будущей совместной положительной работе. В эти дни поражений Гитлер внутренне и внешне совершенно не был способен занять определенную позицию. Больше всего он был заинтересован в том, чтобы с помощью какого-нибудь хотя бы и мелкого частичного успеха поднять свой упавший престиж. Поэтому избирательная кампания в малой до смешного провинции Липпе-Детмольд была для него гораздо важнее всех переговоров. Он ездил из села в село и не отказывался при случае выступать перед двумя сотнями человек. Таким образом ему удалось в этом незначительном районе увеличить число своих голосов по сравнению с ноябрем и декабрем. Разумеется, это был лишь мнимый успех, ибо из-за одного птичьего гнезда был кругом вырублен весь лес. Однако члены партии снова прониклись доверием. Всего несколько дней назад руководитель штурмовиков во Франконии Штегман отложился от Гитлера. Предлогом послужил совершенно недопустимый образ жизни нюрнбергского вождя Юлиуса Штрейхера, которого Гитлер из непонятных побуждений продолжал держать на его посту. Однако этот повод во всей его силе существовал уже 10 лет. То, что он был использован именно теперь, служило доказательством общего кризиса. Кризис этот не закон-

чился и после выборной кампании в Липпе, которая явилась только аргументом в пользу необходимости как-нибудь продержаться.

БОЛЬШАЯ ИГРА ШЛЕЙХЕРА

В то время как Гитлеру приходилось бороться с кризисом своей партии, Шлейхеру приходилось преодолевать кризис своего кабинета. Внезапно, как гром среди ясного неба, ландбунд, могущественная организация аграриев, руководимая крупными землевладельцами, нанесла ему неслыханный по силе удар.

Генерал фон Шлейхер очевидно недостаточно учел влияние крупного землевладения на главу крупных землевладельцев в Германии. Председатель ландбунда, граф Калькрейт, вместе со своими товарищами 12 января был почти демонстративно принят президентом. Одновременно ландбунд опубликовал заявление, в котором обстреливал правительство Шлейхера из пушек крупного калибра. В заявлении шла речь об «ограблении сельского хозяйства в пользу денежных мешков интернационально настроенной экспортной промышленности». Таким образом здесь были противопоставлены обнаженные интересы. В жалобах повторялся все тот же знакомый нам в течение 40 лет рефрен о враждебном сельскому хозяйству канцлере. Вещь совершенно неслыханная в национальном якобы государстве и совершенно недопустимая со стороны правящего генерала, правящего фельдмаршала, особенно со стороны правящего крупного землевладельца!

Чем был вызван этот гнев? Шлейхер при вступлении на пост канцлера дал понять, что и он наравне с Брюнингом собирается отказать в поддержке части восточногерманских крупных поместий, которые оказались нежизнеспособными, и намерен заселить их крестьянами. Этим самым не владеющий земельной собственностью генерал подписал свой смертный приговор.

Шлейхеру не удалось также создать достаточно широкую базу, которая связала бы его кабинет с народом. Им были предприняты попытки, которые свидетельствовали о слабом знакомстве генерала с рабочей средой и о роковой переоценке им роли профсоюзной бюрократии, которая являлась скорее пассивным фактором, нежели активным. Шлейхер, а в еще большей мере его советники, надеялись привлечь стоящие за партиями силы, освободить их из-под влияния механических фракционных объединений рейхстага и использовать для построения сословной Германии. Эти надежды они возлагали на профсоюзы, которые рассчитывали объединить с позитивно настроенной частью национал-социалистской партии и превратить в опору кабинета Шлейхера. В этих планах играл большую роль Грегор Штрассер. При этом не было окончательно решено, должен ли Штрассер открыто выступить против Гитлера. Напротив, Шлейхер вероятно рассчитывал, что Гитлер станет сговорчивее, испугавшись нового фронта. В этих проектах было много хитрости и мало честности. Во всяком случае генералу фон Шлейхеру пришлось испытать на себе правильность утверждения Лассаля, что в больших делах

хитрость может стоить головы. Разумеется, он знал, что перед ним открыт ряд путей и что от него самого зависит выбор пути, на который он намерен вступить. Этот генштабистский образ мыслей по пунктам А, В, С является быть может признаком силы в тех случаях, когда речь идет о выборе определенного метода действия, но не тогда, когда нужно выбирать между двумя принципиальными решениями.

НИЗВЕРГНУТЫЙ ГЕНЕРАЛ

Проекты генерала фон Шлейхера требовали во всяком случае времени для своего осуществления. Для выигрыша же времени он нуждался в отсрочке сессии рейхстага. Генерал надеялся, что сумеет добиться у национал-социалистов этой отсрочки, угрожая им роспуском рейхстага и новыми выборами, во время которых они снова должны были понести урон. Несмотря на успех в Липпе, в этом, собственно говоря, никто не сомневался. В свое время президент предоставил в распоряжение канцлера фон Папена приказ о роспуске рейхстага. Теперь за этим приказом обратился к президенту генерал фон Шлейхер. Почему бы и ему не заручиться этим знаком доверия президента? Однако 28 января изумленный Шлейхер узнал, что президент не намерен предоставить в его распоряжение приказ о роспуске рейхстага. Почему? Накануне Шлейхера посетил Папен. Он уверял Шлейхера, что ему удалось заручиться согласием Гитлера на присоединение к «национальной концентрации». Однако ему все же придется предоставить пост канцлера. Правда, Гинденбург настроен против, но Папен надеется, что при соблюдении всех мер предосторожности ему удастся укротить Гитлера. Так, рейхсвер и министерство иностранных дел должны остаться неприкосновенными для национал-социалистов, национал-социалисты должны располагать в кабинете лишь меньшинством, Папен должен стать вице-канцлером и посредником между правительством и президентом, т. е. лицом, облеченным всей полнотой власти.

Быть может президент в конце концов отклонил бы это предложение, если бы только что смещенный генерал Шлейхер, думая, что поступает особенно хитро, не отсоветовал Гинденбургу назначить Папена канцлером. Такой кабинет, правящий против воли большинства народа, не в состоянии удержаться на долгое время и не может рассчитывать на поддержку рейхсвера—так заявил Шлейхер. Он исходил при этом из следующего расчета. Если Папен не в состоянии будет образовать кабинет, то президент при своем нерасположении к Гитлеру в конце концов сам должен будет обратиться к нему. Ибо за Шлейхером сомкнутыми рядами стоял генералитет министерства рейхсвера, т. е. самая страшная и необходимая сила в государстве.

Генералитет замыслил большую игру. Он видел, что влияние на президента, которым пользовался его вождь и друг, перешло теперь к Папену. Он видел также, что к Папену перебежал полковник фон Гинденбург, бывший друг Шлейхера. «Не предусмотренный конституцией сын», самый влиятельный советник президента, в качестве

юридического владельца Нейдека все больше втягивал своего отца в дружественную аграриям династическую политику. В направленной против крупного землевладения колонизационной политике Шлейхера он видел оскорбление политических симпатий рода Гинденбурга. Возможно, что Шлейхер неосторожно коснулся личных отношений с «сыном», между тем как Папен заботливо поддерживал эти отношения. Папен должен был быть устранен любой ценой. Возник план, отличавшийся военной беспардонностью. Папен и Гитлер должны были быть арестованы по обвинению в государственной измене, и Гинденбург должен был быть поставлен перед совершившимся фактом небольшого государственного переворота. Сейчас нельзя сказать с полной уверенностью, существовала ли связь между дипломатическими визитами Шлейхера к старому господину и воинственными проектами его подчиненных, ибо все участники этого дела предпочитают либо отрицать их существование, либо молчать о них. Во всяком случае предполагаемый переворот привел к результату, противоположному тому, который ожидали его инициаторы. План стал известен. Суетливый политический сплетник, некий господин фон Альвенслебен из Нойгатерслебена, разнес эти слухи и, как говорят, сообщил полковнику фон Гинденбургу, что аресту подлежит его отец.

Сообщение господина фон Альвенслебена показало господину Гитлеру, что он должен торопиться, если не хочет, чтобы двери успеха были окончательно захлопнуты перед ним manu militari (военной рукой).

Расчеты шлейхеровского круга постигла полнейшая неудача. Сравниться с ней может разве только жестокое разочарование, которое готовило правительство Гитлера перехитрившим самих себя творцам.

Когда Папен приступил к переговорам, Гинденбург не хотел и слушать о том, чтобы наряду с Папеном находился Гитлер в качестве рейхсканцлера. Гитлер же не хотел быть рейхсканцлером при Папене и Гугенберге. Это отрицательное отношение с обеих сторон сразу же сменилось готовностью к соглашению, когда стали известны планы генералов. В ноябре 1923 г. Гитлеру в решительный момент было нанесено поражение рейхсвером, в 1933 г. он взял реванш и нанес поражение рейхсверу.

Гитлер видел ловушку, которую собирался расставить ему Папен в кабинете с буржуазным большинством. Он разбил однако эту ловушку оружием, которым умел пользоваться лучше других. В качестве вознаграждения за свою уступчивость он потребовал роспуска рейхстага и назначения новых выборов. Ибо он знал, что хотя по воле Папена и президента он является вначале лишь номинально канцлером, однако для общественности он был теперь победившим народным трибуном, человеком из народа на троне, борцом у цели, бунтовщиком, который оказался прав. За ним была гипнотическая сила успеха. Он располагал теперь орудием, которым не умели пользоваться его предшественники: радио. Гитлер не сомневался, что в борьбе за расположение народа он сумеет разбить своих новых коллег—Папена и Гугенберга.

Это положение было ясно по крайней мере одному из министров: Гугенбергу. Создатель гарцбургского фронта видел наконец перед собой правительство этого фронта. Он понимал однако, что оно должно править с помощью гарцбургских методов, если не хочет превратиться в национал-социалистское правительство. Поэтому Гугенберг потребовал, чтобы рейхстаг был распущен, а новые выборы были отложены. Вместо них должно было быть объявлено исключительное положение—мера, не предусмотренная конституцией, которой именнопоэтому долго добивались любители диктатуры из среды правых. Президент должен был освободиться от стеснительных предписаний конституции. Гитлер не дал однако уговорить себя, и в последний момент разногласия по этому вопросу едва не привели к срыву переговоров. Однако слухи о предполагаемом аресте Папена и предстоящем путче заставили договаривающиеся стороны стать сговорчивее. Была найдена формула: с большой торжественностью Гитлер дал честное слово,—эту сцену позднее описал вождь Стального шлема Дюстерберг,—что «независимо от исхода предстоящих выборов все входящие в этот кабинет министры останутся в нем и после 5 марта» (день выборов). Еще одно честное слово. Какое по счету за эти 14 лет!

В полдень 30 января Гитлер и Папен явились вместе к президенту и сообщили ему, что удалось образовать «национальную концентрацию». Ссылаясь на эту концентрацию, президент поручил господину Адольфу Гитлеру образовать правительство. Он заявил Гитлеру, что не мог дать такого же поручения ему как вождю партии, теперь же Гитлер является представителем всего национального фронта. Кстати сказать, это был фронт, который в то время, да и позднее, насчитывал кроме национал-социалистов всего два десятка депутатов. Однако до чего носители консервативной государственной власти запутались в сетях своих отживших формул! Либо национальный фронт, фронт всех или большинства немцев, совпадал с национал-социалистской партией (именно такова была цель, которой добивался Гитлер, но которой он 30 января еще не достиг), либо национал-социалистская партия не в состоянии была привлечь на свою сторону большинство германского народа. В таком случае и в качестве правительства «национальной концентрации» правительство это было и оставалось лишь правительством одной партии, правительством меньшинства и насилия. «Национальная концентрация» Гинденбурга — только самообман. Это прекрасно сознает канцлер, который получил свое назначение во имя этой концентрации. Сознает ли это также стоящий рядом с ним вице-канцлер? Много обмана и самообмана, много хитрости и задних мыслей было пущено в ход во время этих рукопожатий и взаимных клятв в верности.

У ЦЕЛИ

Гитлер стал рейхсканцлером.

Рядом с ним был создан пост вице-канцлера, который редко встречается в германских кабинетах. Назначенный на этот пост

Франц фон Папен является одновременно министром-президентом Пруссии. Этот вице-канцлер всегда присутствует во время доклада рейхсканцлера президенту—enfant terrible со своей гувернанткой. Разумеется, вождю самой большой партии нельзя было отказать в нескольких важных постах: Фрик становится поэтому имперским министром внутренних дел, а Геринг—прусским министром внутренних дел. Таким образом контроль над провинциями и власть над самой крупной полицейской организацией в Германии попадают в руки национал-социалистов. Всё же считают, что в Пруссии последнее слово осталось за Папеном, а национал-социалисты в имперском, как и в прусском кабинете остались в безнадежном меньшинстве. Правда, в конституции значится, что политику в основных чертах определяет рейхсканцлер, но разве этот чудаковатый господин Гитлер, который ничего не понимает в делах, в состоянии настоять на своем? К тому же президент оговорил, что министерство иностранных дел должно остаться в руках консервативного барона Нейрата, а рейхсвер должен быть доверен испытанному офицеру, генералу фон Бломбергу из Кенигсберга. Последний собирается привести с собой из Кенигсберга собственного начальника канцелярии министерства. Кому придет на ум вспомнить при этом, что этот человек, полковник фон Рейхенау, близок к национал-социалистам!

Кому знакомы своеобразные обстоятельства, благодаря которым генерал фон Бломберг вступил в министерство и этим привел на сторону Гитлера рейхсвер, правда, со многими оговорками в глубине души? В протестантском Кенигсберге в прозаической канцелярии окружного военного командования разыгралась сцена, напоминающая о старо-испанских временах—о нерешительных королях в горностаевых мантиях, осторожно склонившихся перед одетыми в черное духовниками, которые в один прекрасный день в награду за свою мудрость получали кардинальскую шапку. Дивизионным священником рейхсвера в Восточной Пруссии был пастор военного округа Людвиг Мюллер. Он сыграл немалую роль в истории образования кабинета Гитлера. Он, как утверждали, пользовался влиянием на генерала фон Бломберга и уговорил начальника Восточной Пруссии вступить в новое правительство и обеспечить ему таким образом поддержку рейхсвера. Имя Мюллера позднее стало известно в связи с унификацией евангелической церкви, в проведении которой он не проявил особых талантов. Важнее однако та тайная моральная поддержка, которую он еще в настоящее время оказывает в рейхсвере своему партийному вождю. Таким образом сан епископа, пожалованный ему позднее, нельзя считать—разумеется, с точки зрения Гитлера—чрезмерной наградой за оказанные услуги.

Все остальные посты в новом кабинете Гитлера снова достались главным образом испытанным сотрудникам Папена: министром финансов остался заслуживший общее признание как дельный человек граф фон Шверин-Крозигк, министром путей сообщения был назначен барон Эльц фон Рюбенах, а имперским комиссаром по созданию работ—доктор Герике, ближайшее доверенное лицо Гинденбурга.

В свое время он руководил кампанией в пользу избрания фельдмаршала президентом республики. Поэтому-то через несколько недель его ожидал на министерской скамье арест со стороны национал-социалистов. За ним следует бывший министр юстиции баварец д-р Гюртнер. Мы еще не забыли о нем. Папен вызвал его в Берлин, после того как в Баварии он пал жертвой партийных распрей. Это тот самый д-р Гюртнер, который некогда позаботился об отсрочке исполнения приговора о тюремном заключении Гитлера. Два важных министерства—министерства хозяйства и земледелия—достались д-ру Гугенбергу. В его руки перешли также соответствующие ведомства в Пруссии. Теперь он может применить свои таланты специалиста, к чему он уже давно стремился. Он первый из политических министров в кабинете думает не только о пропаганде, но стремится и действительно получает добрую часть работы. В министерстве труда сидит Франц Зельдте, вождь Стального шлема. Для того чтобы и Геринг получил местечко в имперском кабинете, ему, старому военному летчику, предоставляется наряду с постом прусского министра также пост министра авиации. Лишь для одного человека не нашлось пока никакого поста—для Геббельса.

Гитлер в безнадежном меньшинстве! Гитлер под игом! Что ж, посмотрим!

Вечером 30 января национал-социалисты празднуют победу. Развертывается широкая пропаганда, которая немало содействовала успеху выборов 5 марта. 25 тыс. факельщиков в течение нескольких часов движутся по Вильгельмштрассе. У окна своего дворца стоит старый Гинденбург с железным лицом и железной выправкой. В двух шагах от него в окне виден беспокойный подпрыгивающий Гитлер. Таким веселым его не видели с 8 ноября 1923 г.—со времени выступления в мюнхенской пивной Бюргерброй. Он все время торжествующе смеется. Приветствуя толпу, он всем телом перегибается через окно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИНТЕРМЕДИЯ

«Моя задача будет закончена, когда я доведу германский народ до восстания»,—так заявил Гитлер в 1924 г. перед мюнхенским народным судом.

Была ли закончена его задача 30 января 1933 г.? «Мы победили, но это все же не служит основанием, чтобы мы потеряли мужество»,—заявил вечером 30 января один руководящий национал-социалист якобинского направления. Весьма серьезные газеты, с мнением которых считался весь мир, объявили, что из борьбы подлинным победителем вышел Гугенберг. Считая империю и Пруссию, в его распоряжении находилось не менее четырех министерских постов. К тому же это были министерства хозяйства, в которых в эту прозаическую эпоху видели источник политических действий. Весьма далекий от национал-социалистов граф Шверин-Крозигк будет в качестве министра финансов оберегать кассу, в рейхсвере же повидимому еще сильно влияние Шлейхера. Нет, приход этого правительства еще не означал великого национал-социалистского восстания. Это восстание теперь только начиналось. Наступал период не самой тяжелой, но самой великой и жестокой борьбы, которую когда-либо вел Гитлер.

В этой борьбе он преследовал две цели, которым соответствовали два метода борьбы. Путем грандиозной пропаганды нужно было собрать вокруг Гитлера большинство народа. Кстати сказать, лишь вокруг него, а не вокруг пестрых по составу союзников Гитлера. Самым сильным оружием в этой пропаганде был тот факт, что Гитлер стал канцлером. Успех помогал привлечению сторонников. Второй целью борьбы являлось уничтожение всех врагов и конкурентов, начиная с коммунистов и кончая дейч-националами. Это было достигнуто самым грубым по форме, но в то же время весьма искусным использованием находящейся в его распоряжении власти. При этом Гитлер еще не располагал всей властью, которую могло бы предоставить ему государство.

Искусно разыгранная интермедия помогла Гитлеру справиться с последними затруднениями. Президент настоял на том, чтобы Гитлер строго придерживался конституции и сохранял внутренний

мир. Точно так же как и в ноябре прошлого года, он должен был до роспуска рейхстага попытаться получить в существующем парламенте большинство для своего правительства. С этой целью Гитлер завязал переговоры с вождем центра прелатом Каасом. Задачей этих переговоров, как заявил он, являлась отсрочка сессии рейхстага на год. Каас однако отказался от переговоров и по поручению правления партии написал Гитлеру письмо, в котором поставил новому канцлеру не меньше десяти каверзных вопросов. Вопросы эти содержали целую правительственную программу с некоторыми далеко идущими требованиями. Все вместе это представляло собой отказ от консервативной реставрации и от национал-социалистской революции. Вдобавок предъявлённые вопросы партии центра были опубликованы и явились чем-то вроде политического ига, под которым должен был пройти Гитлер. Последнему теперь было нетрудно с согласия своих коллег по кабинету отклонить требования центра. Он написал Каасу вежливое письмо, в котором в елейном тоне заявлял, что лучше прекратить переговоры, чтобы избежать излишнего и нежелательного ожесточения. Перед богом и своей совестью он не видит иного выхода, кроме роспуска рейхстага, что и собирается предложить президенту. Впрочем он надеется, что личные отношения с Брюнингом и Каасом благодаря этому не будут прерваны. Последнее было несомненно выражением уважения, которое этот легко подпадающий под чужое влияние человек питал к мудрым вождям центра. Однако эти мудрецы против собственного желания несомненно помогли развязать руки Гитлеру, который затем прижал к стенке консервативные элементы своей коалиции.

ГЕРИНГ УСТРАИВАЕТСЯ

С замечательной быстротой прогрызли себе национал-социалисты доступ в административный аппарат. Министерства, которые достались официальным членам немецкой национальной партии, представляли собой головы без туловищ. Напротив, из прусского министерства внутренних дел Геринг руководил самым крупным административным аппаратом в Германии. Он немедленно ввел в аппарат большое число так называемых почетных комиссаров, как например вождя особых отрядов Далюге, далее, своего личного адъютанта Халля и Зомерфельда. В качестве юридического советника он привлек в прусское министерство внутренних дел адвоката Гитлера, доктора Лютгебруна. Директором отдела полиции Геринг назначил весьма своеобразного кандидата, а именно прокурора в отставке Грауерта, бывшего управляющего делами союза работодателей Северо-запада, самой непримиримой, однобокой и антисоциальной организации германской тяжелой промышленности. Грауерт уже давно был национал-социалистом и имел большие заслуги по части финансирования своей партии.

Немедленно во всей Пруссии посыпались отставки и новые назначения. Увольнялись или отпускались в длительный отпуск чиновники—от старшего председателя провинции до уголовных комис-

саров,—которые были известны как сторонники левых партий. Их преемниками были большей частью национал-социалисты. Это происходило во всех без исключения ведомствах, имевших отношение к полиции. Многочисленные вожди штурмовиков либо национал-социалистские функционеры были назначены полицей-президентами и притом на посты, которые ранее были заняты весьма правыми чиновниками. Так например берлинский полицей-президент Мельхер, один из главных помощников Папена в день 20 июля 1932 г., во время переворота в Пруссии, был заменен национал-социалистским контр-адмиралом в отставке фон Леветцовом 125. Еще до перевыборов рейхстага 5 марта в Пруссии было смещено несколько сот политических чиновников. Лишь благодаря такому методу действий Геринг в течение каких-нибудь 4 недель укрепил свои позиции настолько, что дейч-националам трудно было бы овладеть ими даже в случае, если бы позднейшие события протекали медленнее и не носили такого резкого характера.

«В ЗАЩИТУ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА»

Для того чтобы этот аппарат мог эффективно работать, ему нужно было предоставить полномочия, которые окончательно устранили бы политические права граждан, сильно ограниченные уже при Папене. С этой целью президент должен был подписать 4 февраля чрезвычайный декрет под красиво звучащим названием: «В защиту германского народа».

Он предоставлял властям право запрещать собрания под открытым небом и ношение форменной одежды. О всяком политическом собрании необходимо было сообщать полиции за 48 часов. Она могла запретить любое собрание, если, по ее мнению, существовала угроза общественному спокойствию. Собрание могло быть распущено, если на нем были произнесены выражения, оскорбительные для высших государственных чиновников. На тех же основаниях могли быть закрыты газеты. Для этого достаточно было, чтобы они «возбуждали» к неповиновению властям или помещали ложные сведения (от чего не была гарантирована ни одна газета). Тем самым национал-социалистские полицей-президенты Геринга получили в свое распоряжение нужные им каучуковые постановления, которые давали им возможность по произволу запрещать любую газету противника и распускать любое избирательное собрание. Эту возможность они широко использовали. В первые недели нового режима, еще до пожара рейхстага, был дважды запрещен «Форвертс», центральный орган германской социал-демократии, причем имперский суд дважды отменил этот запрет. Пятое отделение имперского суда на одном лишь заседании объявило недействительными 7 запрещений газет.

В помощь террору сверху пришел террор снизу. Штурмовики, срывая собрания, не делали никакого различия между своими противниками. Так, в Крефельде штурмовики ворвались на избирательное собрание центра, разогнали собравшихся выстрелами в воздух и избили оратора, бывшего имперского министра труда Штегер-

вальда: Был сорван ряд собраний центра, в том числе собрание, на котором выступал д-р Брюнинг. По официальным отчетам германских информационных бюро, лишь за время до 5 марта в подобных столкновениях был убит 51 противник национал-социалистов, между тем как, по данным самих национал-социалистов, они потеряли только 18 сторонников. Не надо думать, что министр полиции Геринг был особенно возмущен этими эксцессами своих политических друзей. Напротив, Гитлер благодаря протесту Папена и Гинденбурга оказался по меньшей мере в неловком положении. 22 февраля он опубликовал воззвание, в котором, не приводя никаких фактов, утверждал, что за эти эксцессы ответственны провокационные элементы из среды его противников, национал-социалисты должны выступить дисциплинированно против подобных намерений и в частности иметь в виду, что не центр, а марксисты являются врагом, который должен быть разбит. В историческом отношении воззвание это интересно тем, что оно является первым из многих десятков деклараций Гитлера, в которых вождь национал-социалистов пытался избавиться от им же вызванных духов.

ГЕРИНГ ПРИКАЗЫВАЕТ СТРЕЛЯТЬ

Призывы к насилию и благоразумию с тех пор сменяли друг друга с совершенно невероятной быстротой. В то время как Гитлер призывал к спокойствию, Геринг издал 17 февраля свой знаменитый приказ всем полицейским о применении оружия. Приказ этот гласил, что полиция при любых обстоятельствах не должна даже для вида занимать враждебную позицию в отношении штурмовиков и Стального шлема. Напротив, она должна по мере сил поддерживать их во всех выступлениях за национальные цели и в их национальной пропаганде. Против враждебных государству организаций полиция обязана пускать в ход крайние средства. Так, против актов террора и нападений со стороны коммунистов нужно действовать со всей строгостью. «Полицейским чиновникам, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство, независимо от последствий употребления оружия. Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердечие, должен ждать наказания по службе. Всякий чиновник всегда должен помнить, что непринятие мер—больший проступок, чем допущенная ошибка при их проведении».

Это был приказ бешеного человека, который требовал, чтобы и его подчиненные впали в бешенство. Каждый полицейский, который при исполнении своих обязанностей сталкивался со сторонником левых партий, должен был поэтому заранее сказать себе: «Если я не буду стрелять, то вероятно потеряю свой заработок. Если же я буду стрелять, то я его не в коем случае не потеряю».

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ

Спустя несколько недель национал-социализм совершил революционный шаг в области полиции.

22 февраля Геринг издал следующий приказ:

«Наличные полицейские силы, которые в настоящее время не могут быть в достаточной мере увеличены, уже долгое время используются сверх предела возможного и благодаря создавшейся в настоящее время необходимости их использования не по месту службы нередко в любой час снимаются со своего обычного района деятельности. Поэтому в случае нужды нельзя больше отказываться от использования добровольной поддержки подходящих для этой цели вспомогательных полицейских чиновников». Кроме того в приказе говорилось о том, что в качестве вспомогательных полицейских чиновников должны привлекаться добросовестные, пользующиеся избирательными правами и национально мыслящие немцы. Они могут носить собственное платье или форму военных союзов. Их отличительным знаком является белая повязка с официальной печатью и надписью «вспомогательная полиция». Вспомогательные полицейские получают три марки в день. Это являлось удовлетворением их требований. Важнее для правительства было то, что эти люди получили также резиновые дубинки и пистолеты, которые они обязаны были после службы вернуть. Подобные предписания не мешали вспомогательным полицейским, закончив службу, положить повязку в карман и, заткнув за пояс пистолет, продавать в кафе перепуганным посетителям почтовые открытки с фотографией Гитлера.

Этот приказ Геринга означал мобилизацию штурмовиков для национал-социалистской революции. Лишь 20% вспомогательной полиции должны были состоять из членов Стального шлема, 50% должны были состоять из штурмовиков и 30% — из членов слабых еще, но тщательно подбираемых особых отрядов. Всего в Пруссии было вовлечено в вспомогательную полицию около 50 тыс. чел.

КАТАКОМБЫ КОММУНИЗМА

Гитлер хотел уничтожить Германию Веймарской конституции. Отличительным признаком этой веймарской системы было то, что в ее рамках находили себе место все политические группы: от национал-социалистов до коммунистов и от сторонников конституции до ее разрушителей. Этому государству наступал конец с момента, когда в соответствии с его собственными законами большинство избирателей высказывалось за Гитлера. Но и тогда существовала возможность, что из разбитого здания выйдут новые противники, придерживающиеся новых методов борьбы. Эти противники могли оказаться для Гитлера опасней инвалидной веймарской власти. Могли образоваться новые союзы и новые фронты. В то время рабочие сохранили свои политические убеждения и были проникнуты политическим реализмом. Социал-демократические рабочие пошли бы на союз с рейхсвером, чтобы свергнуть диктатуру Гитлера, и вероятно коммунистические рабочие не помешали бы им в этом. В рейхсвере эта возможность обсуждалась без всякой сентиментальности, однако лишь как одна из возможностей наряду со многими другими. Во-

просы подобного рода возникали и в другом политическом лагере, который был ближе всего к генералитету, а именно—среди дейчнационалов. Характерно было однако то, что в своих планах они предусматривали только оборону. Они были готовы к крайним мерам лишь в том случае, если к ним решится прибегнуть их национал-социалистский соперник. Первый ход предоставлялось поэтому сделать национал-социалистам, и они имели всегда возможность захватить врасплох своих противников.

Одной из опор своего сопротивления консерваторы, как это ни странно, считали также коммунистов. В зависимости от числа коммунистических мандатов в будущем рейхстаге решался вопрос о большинстве. И в самом деле, в рейхстаге, избранном 5 марта 1933 г., националисты не получили абсолютного большинства и сумели образовать правительство только вместе с дейч-националами. Однако с исключением коммунистических депутатов национал-социалисты получили бы в рейхстаге абсолютное большинство. Поэтому в последние недели перед выборами важнейшей задачей национал-социализма являлось—«растоптать» коммунистов. Лишь под этим углом зрения можно понять все их действия.

24 февраля полиция проникла в центральный дом коммунистической партии Германии—в дом Карла Либкнехта на площади Бюлова. Руководство коммунистической партии уже несколько недель как оставило это здание и, нужно полагать, удалило оттуда весь компрометирующий материал. И в самом деле полиция ни разу не заявила о том, что нашла в этом здании списки лиц, организационные планы или другие документы, касающиеся партийного аппарата. Позднее при мнимом раскрытии тайных коммунистических организаций полиция всегда открыто хвастала, что в ее руки попали важные документы о построении коммунистических организаций. Однако после трехдневного обыска в доме Карла Либкнехта о подобных находках не было и речи. Это не помешало полиции опубликовать романтический отчет о своих находках в этом «опасном» здании. Ниже мы приводим этот документ, представляющий собой лишь пример ловкой избирательной пропаганды:

«Как сообщает из Берлина бюро Конти, политическая полиция открыла в доме Карла Либкнехта—центральном доме коммунистической партии Германии,—который два дня как опечатан полицией, много подземных помещений, где хранилось большое количество преступных материалов. Далее, открыт подземный ход, через который во время обысков скрывались разыскиваемые полицией лица. Эти катакомбы и подземный ход полиция во время прежних обысков не могла обнаружить. Оказалось, что коммунистическая партия Германии и подчиненные ей союзы вели двойное существование и развивали чрезвычайно активную агитационную деятельность, источник которой оставался скрытым для полиции. Уже в прошлые годы обращало на себя внимание то, что во время политических столкновений лица, разыскиваемые полицией, скрывались в доме Карла Либкнехта, где во время обысков их никогда не удавалось обнаружить. Несмотря на все поиски, до сих пор не удалось открыть,

каким путем разыскиваемые полицией лица оставляли этот дом...

В подземных помещениях находились сотни центнеров преступных материалов, которые очевидно были напечатаны на печатных машинах в доме Карла Либкнехта. В печатных изданиях содержатся призывы к вооруженному перевороту и к кровавой революции. Произведения, касающиеся русской революции, служили для обучения низших коммунистических руководителей. В них говорится, что при возникновении революции нужно раньше всего повсюду арестовывать и расстреливать почтенных граждан».

Эти довольно неопределенные сообщения Геринг через три дня дополнил некоторыми подробностями. Через официальное прусское информационное бюро он заявил: «Германия должна была быть ввергнута в хаос большевизма. Покушения и пр. на отдельных вождей народа и государства, покушения на предприятия первой необходимости и на общественные здания, отравления целых групп людей, вызывавших особые опасения, захват заложников, женщин и детей выдающихся деятелей,—все это должно было привести народ в ужас и смятение и сломить силу сопротивления населения.

Имперский комиссар прусского министерства внутренних дел имперский министр Геринг в самом непродолжительном времени представит общественности документы».

Всякий, кто заинтересован раньше всего в раскрытии истины, признает, что самой важной в этом сообщении является последняя фраза. Официальный полицейский отчет, собственно говоря, сообщал лишь о том, что полиция нашла много печатных изданий, которые размножались в большом количестве и уже по одному этому не предназначались для тайного хранения. Геринг же обещал в самом близком будущем опубликовать подлинные тайные документы, которые не были известны общественности.

В секретных материалах коммунистов находились якобы планы покушений на национал-социалистских вождей и на публичные здания. На основании своей находки Геринг должен был таким образом считаться с возможностью подобных покушений.

ПЫЛАЮЩИЙ РЕЙХСТАГ

25 февраля около 8 часов вечера пожарные, находящиеся в Берлинском замке, заметили в одной из канцелярий на верхнем этаже пожар, который немедленно потушили. На подоконнике и на батарее для отопления они нашли так называемые угольные запалы, что свидетельствовало о поджоге. Об этом пожаре общественность узнала лишь спустя два дня, а именно 27 февраля, когда произошло значительно более серьезное событие. Вечером этого дня весь мир обошло следующее сообщение:

«В понедельник около 21 часа 15 минут вечера пожарная команда была вызвана в рейхстаг, где в части здания с куполом возник пожар. По вызову пожарная команда направилась туда с машинами 10 берлинских пожарных постов. На место пожара явился

большой отряд шупо и оцепил на большом расстоянии здание рейхстага. Прибывшие пожарные команды нашли большой золотой купол рейхстага охваченным пламенем. Вся окрестность была залита дождем искр. Пожарная команда и полиция немедленно проникли в рейхстаг, и здесь им удалось задержать человека, который открыто признался в поджоге. Он заявил, что принадлежит к нидерландской коммунистической партии».

За этим первым беглым отчетом 28 февраля рано утром последовал второй, выпущенный официальным прусским информационным бюро. Он гласил:

«В понедельник вечером загорелся германский рейхстаг. Имперский комиссар прусского министерства внутренних дел имперский министр Геринг немедленно после своего прибытия на место пожара распорядился о принятии мер и взял на себя руководство их проведением. После первого же сообщения о пожаре на место происшествия прибыли рейхсканцлер Адольф Гитлер и вице-канцлер фон Папен.

Вне всякого сомнения здесь имеет место тягчайший случай поджога, который когда-либо знала Германия. Полицейское расследование показало, что во всем здании рейхстага, от подвала до купола, были устроены очаги пожара. Они состояли из препаратов смолы и смоляных факелов, которые были разложены на кожаных креслах, под печатными материалами рейхстага, у дверей, занавесей, деревянных обшивок и в прочих легко воспламеняющихся местах. Полицейский чиновник заметил в темноте несколько человек с горящими факелами. Он немедленно выстрелил в них. Одного из преступников удалось задержать. Речь идет о 24-летнем каменщике ван-дер-Люббе из Лейдена, в Голландии, при котором оказался вполне исправный голландский паспорт. Он признал, что является членом голландской коммунистической партии.

Средняя часть здания рейхстага вся сгорела. Зал заседания со всеми трибунами и ходами уничтожен. Убыток достигает нескольких миллионов. Этот поджог является еще неслыханным до сих пор актом террора со стороны большевизма в Германии. Среди сотен центнеров преступной литературы, которую полиция во время обыска нашла в доме Карла Либкнехта, находились также указания на то, как проводить коммунистический террор по большевистскому образцу.

Согласно этим указаниям, должны поджигаться правительственные здания, замки, музеи и предприятия первой необходимости. Далее дается указание, что во время беспорядков и столкновений впереди террористических групп нужно помещать женщин и детей, по возможности жен и детей полицейских и чиновников.

Обнаружение этих материалов помешало планомерному проведению большевистской революции. Тем не менее пожар рейхстага должен был послужить сигналом к кровавому восстанию и гражданской войне. Во вторник в 4 часа в Берлине должны были произойти большие погромы. Вполне установлено, что в этот день во всей Германии должны были начаться террористические акты против отдель-

ных лиц, против частной собственности, против жизни и имущества мирных граждан и должна была разгореться гражданская война».

Между тем свидетельскими показаниями на имперском суде в Лейпциге установлено, что это официальное сообщение лжет по меньшей мере в трех важнейших пунктах. Так, официальный отчет утверждает, что полиция нашла во всем здании препараты смолы и факелы. Это, судя по показаниям всех свидетелей, полицейских и членов пожарных команд, является ложью: в рейхстаге не было найдено ни смоляных препаратов, ни факелов. Далее отчет утверждает, что ван-дер-Люббе признал себя членом голландской коммунистической партии. И это ложь. Ван-дер-Люббе совершенно твердо заявил, что не принадлежит ни к какой партии. В другом официальном отчете сказано даже, что у него нашли членский билет коммунистической партии. И это утверждение, как выяснилось после показаний полицейского, арестовавшего ван-дер-Люббе, оказалось ложью: при ван-дер-Люббе не было никакого членского билета. Официальный отчет содержал обещание привести впоследствии документальные доказательства. Это обещание и по настоящее время не исполнено. Этим не исчерпываются однако ложные утверждения, при помощи которых официальный отчет вводил в заблуждение общественное мнение. Так он утверждает, что «поджигатель рейхстага сознался в своих связях с германской социал-демократией. Благодаря этому сознанию единый коммунистически-демократический фронт можно считать установленным фактом». И это утверждение ложно.

НЕУДАВШИЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Одно несомненно: пожар рейхстага совпал по времени с первым тяжелым кризисом, который переживало правительство Гитлера. В консервативных кругах в то время возникла мысль о перевороте и назначении правителем государства гогенцоллерновского принца. На эти планы намекнул в своей речи баварский министр-президент д-р Гельд, а именно в своем выступлении 19 февраля в верхнепфальцском городе Амберге. Толкование, которое было дано этой речи,—что здесь дело идет о национал-социалистском плане и имеется в виду принц Август-Вильгельм,—основано на недоразумении. Обе стороны сделали ряд попыток захватить друг друга врасплох при помощи такого рода планов. Так в день выборов национал-социалисты назначили массовые демонстрации штурмовиков во всех германских городах под звучным лозунгом «День пробуждающейся нации». Возникли опасения, что Гитлер собирается устроить дружественное нападение на президента, такое же, какое он 9 лет назад совершил на господина фон Кара. Папен решил было укрыть президента в лагере рейхсвера в Деберице и со своей стороны мобилизовал Стальной шлем. Так как обе стороны приняли меры предосторожности, то ни одна из них не решилась нанести удар. Штурмовики удовольствовались организацией «Дня пробуждающейся нации», Стальной шлем устроил в воскресенье мощную демон-

страцию, образовав некоторым образом заградительную цепь вокруг Вильгельмштрассе, где находился старый господин. Во всяком случае он был на этот раз охранен от неожиданных выпадов штурмовиков.

Так называемый меморандум Оберфорена[126] дает некоторое объяснение связи, существовавшей между этими событиями и пожаром рейхстага. В нем говорится о серьезных разногласиях, возникших после пожара в имперском кабинете. Вся правда об этом станет вероятно известна лишь с течением времени. То, что имеет решающее историческое значение, вполне ясно уже теперь: вместе с пожаром рейхстага «национал-социалистская революция» быстро достигла своего наивысшего пункта.

«В ЗАЩИТУ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА»

И здесь революция сверху шла рука об руку с революцией снизу. Геринг и Рем с успехом выступали совместно.

Вечером 28 февраля президент должен был подписать второй чрезвычайный декрет—«В защиту народа и государства», который отменял важнейшие основные права немецкой конституции и который является с тех пор по существу основным законом управляемой Гитлером Германии. Его важнейший § 1 гласит: «Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 конституции германского народа вплоть до распоряжения объявляются недействительными. Поэтому и за пределами законных ограничений допустимы ограничения личной свободы, права свободно выражать свое мнение, включая свободу печати, свободы союзов и собраний, тайны почтовой и телеграфной переписки и телефонных разговоров, постановления об обысках и конфискациях, а также ограничения собственности». За этим следует список драконовских наказаний, среди которых особенно часто фигурирует смертная казнь. С момента опубликования этого декрета смертная казнь может назначаться за «тяжелое нарушение общественного порядка» в случаях, когда в ход было пущено оружие, либо когда обвиняемый действовал сознательно и в намеренном соучастии с вооруженными людьми. Таким образом смертная казнь полагается и в тех случаях, когда проступок не имел никаких серьезных последствий.

Второй декрет «Против измены германскому народу и преступных происков» угрожал за государственную измену в бесчисленных случаях казнью, а за преступные происки—каторжной тюрьмой.

Это было положение, которое раньше называли исключительным. Однако в таких случаях власть переходила обычно в руки военных. Национал-социалисты на этот раз сумели помешать такому переходу, использовав старый аргумент Шлейхера, что армия не должна быть вовлечена во внутриполитические конфликты. Все полномочия во время этого исключительного положения целиком перешли в руки полиции. В Пруссии, наибольшей из германских провинций, это означало—в руки Геринга.

Полиция немедленно подвергла предварительному аресту всю

коммунистическую фракцию рейхстага, а также значительное число социал-демократических депутатов и прочих левых политиков и журналистов. Она распустила союзы, запретила газеты и закрыла не только коммунистические газеты, но на две недели запретила выход всей социал-демократической прессы. Основание: ван-дер-Люббе признался в своей связи с социал-демократией. Мы знаем уже, что через несколько дней это было признано ложью, тем не менее Геринг каждый раз возобновлял свой запрет, покуда социал-демократическая пресса не обанкротилась и газеты не были наконец отняты у их владельцев. Штурмовики под видом вспомогательной полиции разъезжали на грузовиках по городам, вламывались в квартиры «марксистов», тащили их в общежития штурмовиков, убивали либо избивали до полусмерти своих противников. В течение 48 часов, последовавших за пожаром, в Пруссии были подвергнуты «предварительному аресту» 4 тыс. чел. Когда число это в продолжение ближайших дней увеличилось в несколько раз, штурмовики устроили «концентрационные лагери», в которых, по выражению Фрика, из «марксистов должны были быть воспитаны полезные члены человеческого общества».

МИНИСТР ПРОТИВ СПРАВЕДЛИВОСТИ

27 февраля 1933 г. национал-социалистская революция сверху объединилась с национал-социалистской революцией снизу. С тех пор словно циклон прошел по всей Германии. Со времен крестьянской войны ни одно внутригерманское движение не смело с лица земли столько человеческих жизней и народного достояния.

4 марта в избирательной речи Геринг заявил в Берлине: «Я не нуждаюсь в пожаре рейхстага для принятия мер против коммунистов, и я не выдаю также никакой тайны, что—будь на то воля Гитлера или моя—преступники уже давно качались бы на виселице».

В последней фразе Геринг дает понять, что в кабинете существуют разногласия, о которых говорит и документ Оберфорена.

Национал-социалисты охотно без дальних слов расправились бы с арестованными, не устраивая судебного процесса о поджоге рейхстага. Можно сказать, что катехизисом национал-социалистской революции является речь Геринга, произнесенная им 3 марта во Франкфурте на Майне, где он заявил:

«Юридические сомнения или бюрократия не окажут никакого влияния на мои мероприятия. Моей задачей не является вершить справедливость, а уничтожать и искоренять. Это будет борьба против хаоса, и в этой борьбе я буду пользоваться не только полицейскими средствами. Кулак, который я опускаю на затылок этих преступников, это коричневые рубашки, живые силы народа».

Государственный деятель и начальник полиции без справедливости действительно ультрареволюционная фигура. По крайней мере до сих пор революции всегда происходили во имя справедливости. Геринг сам случайно признался, что в минуты покоя у него возникают сомнения (не укоры ли совести?).

«Когда работа закончена и нервы начинают дрожать, когда перед глазами выступает вся тяжесть ответственности, тогда все снова и снова спрашиваешь себя: суждена ли удача, благословит ли бог твое дело?»—так говорил он 27 июля в зале ратуши в Аахене. Это отчет грешника, получившего на один день отпуск из преисподней, о том, что происходит в аду, когда палача охватывает страх перед самим собой.

ПОДТАСОВАННОЕ БОЛЬШИНСТВО РЕЙХСТАГА

Вначале на Геринга в изобилии посыпались земные награды и слава. Широкие массы поверили ему, что коммунисты подожгли рейхстаг и что социал-демократы помогли им в этом. Этих верующих Геринг отнял главным образом у дейч-националов, которым они, находясь в менее возбужденном состоянии, быть может, отдали бы свои голоса. Дейч-националы вместе со Стальным шлемом объединились для выборов в «черно-бело-красный боевой фронт». Во главе их списков находились Гугенберг, Папен и Зельдте. В некоторых частях Германии они могли рассчитывать на успех, если бы выборы 5 марта не явились одновременно революцией.

Прочие избиратели были запуганы. После того как была отменена тайна частной переписки и телефонных разговоров, они не были уверены и в соблюдении тайны выборов. Избирательные собрания левых партий были теперь невозможны. Лицам, распространявшим листки, по меньшей мере угрожало избиение. Пресса социал-демократов и коммунистов больше не существовала. Перед большинством избирательных участков 5 марта не было даже социал-демократов с избирательными записками и плакатами. Однако избирательные комиссии—по крайней мере в городах—формально были организованы в соответствии с требованиями закона. Коммунистическая партия как таковая не была запрещена. Точно так же поданные за нее голоса не были заранее объявлены недействительными. Радио находилось в последние дни перед выборами, а особенно в день выборов, исключительно на службе у национал-социалистов. В этот день по радио неоднократно распространялось сообщение о том, что Отто Браун, который все еще считался социал-демократическим министром-президентом Пруссии, в день выборов уехал в Швейцарию.

Трудно подвести итоги и проверить все то, что произошло в это время. Во всяком случае с момента подавления общественного мнения в Германии допустимо всякое сомнение, покуда не доказано противное. Разумеется, выборы 5 марта 1933 г. нельзя рассматривать как свободное, не подвергшееся давлению правительства волеизъявление народа. Впрочем национал-социалистское мировоззрение и не добивалось этого.

Участие населения в выборах составило 88% и достигло таким образом чрезвычайно высокого уровня. Это можно было объяснить с одинаковым основанием как внешним давлением, так и внутренней заинтересованностью. Гитлер, который во всех избирательных окру-

гах шел первым в списках своей партии, получил 17,2 млн. голосов, или 43% всего числа поданных голосов. Этим он не только перекрыл урон 6 ноября 1932 г., но и добился значительного прироста голосов со времени 31 июля. Социал-демократы получили 7,1 млн. голосов, коммунисты—4,8, центр—4,4, дейч-националы—только 3,1, а родственная центру баварская народная партия—1 млн. голосов.

647 мандатов после первого подсчета распределялись следующим образом:

	5 марта	6 ноября	13 июля
Национал-социалисты	288	196	230
Социал-демократы	120	121	133
Коммунисты	81	100	89
Центр	73	70	75
Германская национальная партия	52	52	40
Германская народная партия	2	11	7
Германская государственная партия	5	2	4
Христианско-социальный народный союз	4	6	3
Германская крестьянская партия	2	3	2
Вюртембергский крестьянский союз	1	2	1
Всего	647	585	607

В прусском ландтаге, который был переизбран одновременно, национал-социалисты получили из 474 мест 211, а дейч-националы—43.

Таким образом в обоих больших парламентах кабинет «национальной концентрации» едва располагал абсолютным большинством, в рейхстаге же он имел неполных 52% мандатов. Без дейч-националов национал-социалисты не располагали и этим большинством. Неужели же Гугенберг вышел победителем из этой избирательной кампании?

Возможно, что так бы оно и случилось, не будь Геринга и чрезвычайного декрета «в защиту народа и государства». Геринг арестовал коммунистов и этим самым лишил одну восьмую германских избирателей ее законных прав. Право на арест давала Герингу новая конституция «третьей империи», состоящая всего из 6 параграфов. В результате в рейхстаге могли участвовать в голосовании не 647, а только 566 депутатов. Кроме того Геринг по собственному усмотрению мог послать из рейхстага в концентрационный лагерь сколько вздумается депутатов социал-демократов. Это обеспечивало национал-социалистам абсолютное большинство. Именно благодаря этому национал-социалисты вышли победителями из избирательной кампании, и Папен уже 6 марта от имени своих коллег с подозрительной поспешностью выразил благодарность имперского правительства Гитлеру за его действия.

Буржуазные члены в правительстве Гитлера попытались сказать наилучшее о положении, от которого они не ждали для себя ничего хорошего. Они хотели порядка и находились теперь среди революции. Они рассчитывали, что дело ограничится триумфальными шествиями штурмовиков, а не пожаром рейхстага и концентрационными лагерями. Они надеялись, что эти явления носят прехо-

дящий характер, а тем временем притворялись, что ничего не замечают. Когда господину фон Папену были представлены заверенные документы о национал-социалистских эксцессах, он был потрясен и заявил, что он этому не в состоянии поверить. Кругом вздымался потоп, но господа из дейч-националовского фронта лишь сильнее нахлобучили шляпы и вели себя с полным достоинством, как будто они совершали приятную прогулку по воде.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ БАВАРИИ

Наибольшей политической неожиданностью в избирательной кампании 5 марта был триумф национал-социализма в Баварии и Рейнской области. Обе провинции считались политическим владением католических партий. Поэтому казалось, что они служат верным оплотом против превышения власти национал-социалистского центрального правительства. Рейнская область, хотя и являвшаяся свыше 100 лет составной частью Пруссии, всегда питала некоторое стремление к самостоятельности. Правда, об отделении от государства не думал ни один серьезный человек, а лишь об отделении от Пруссии и о возведении вала, через который не могла бы проникнуть полицейская рука Геринга. Чтобы быстро покончить с такого рода стремлениями, национал-социалистский министр полиции вскоре после своего вступления в должность усилил боеспособность полиции запада и поставил ее под начало высших полицейских командиров. Напротив, южногерманские провинции, особенно Бавария, вплоть до 5 марта являлись центрами сопротивления и предметом серьезных забот для Гитлера. Считалось, что эти провинции настолько обеспечены от национал-социалистского наводнения, что социал-демократия перенесла в Мюнхен свои руководящие органы.

Ненависть к Пруссии в течение ряда десятилетий считалась одним из популярных политических чувств в Баварии. Несмотря на это, нарушение прусской самостоятельности 20 июля 1932 г. рейхсканцлером Папеном вызвало в Мюнхене не меньший ропот, чем в Берлине на Унтер ден Линден. Баварцы опасались, что если имперское правительство позволило себе подобное выступление против Пруссии, то оно в один прекрасный день точно так же поступит и с Баварией. Правительство Гитлера—Папена—Гугенберга рассматривалось на юге просто-напросто как создание остэльбской юнкерской клики, которая снова собиралась захватить власть над германским западом и югом. Популярности Гитлера и свастике можно было противопоставить в Баварии человека и символ, которые были здесь еще популярнее, а именно—принца Рупрехта и баварскую корону.

В самом деле, в то время ряд известных баварских деятелей обратился к принцу Рупрехту, зондируя почву об его отношении к провозглашению монархии. В переговорах, которые велись через посредников, между прочим был поставлен даже вопрос о цивильном листе для будущего короля. Далее, с июля 1932 г. возникли планы об объединении самостоятельной Баварии с родственной по крови католической Австрией. Планы эти всплыли в связи с конференцией дунайских государств, происходившей в то время в Мюнхене, и снова оживились в феврале 1933 г. Правительства Гельда и Дольфуса[127] с одинаковым нерасположением относились к правительству Гитлера. Совершенно напрасно в связи с этим Гитлер чуть ли не в качестве первого шага своей правительственной деятельности послал приветственную телеграмму Дольфусу. В баварских планах шла речь даже о собственной валюте нового южного государства.

Проекты эти однако были искусственными и выходили далеко за пределы баварского национального чувства, существования которого никто не мог оспаривать и которое позднее, уже при национал-социалистском господстве, также давало себя знать. В то же время в старой Баварии подросло новое поколение, которое относилось к империи дружелюбнее своих отцов. К тому же главным образом протестантская северная Бавария никогда не согласилась бы на отделение от Германии. Гитлер прекрасно сознавал это, когда в своей речи от 14 февраля заявил авторам баварских сепаратистских планов, что если они будут грозить проведением майнской линии (отделением от севера), то внутри самой Баварии найдутся силы, которые подавят подобную попытку.

«УНИФИКАЦИЯ»

Гитлер оказался прав. 5 марта во время выборов в рейхстаг национал-социалисты выбили всесильную до тех пор в Баварии народную партию из ее позиций, собрав значительно больше голосов, чем она. Так например в нижней Баварии они удвоили число своих голосов.

То же произошло примерно и в других провинциях. Национал-социалисты подождали всего один день. Вслед за тем штурмовики вышли на улицу и смели прежнее правительство. Во всех городах Германии они устроили огромные демонстрации, заняли правительственные здания, разгромили дома профсоюзов и типографии социал-демократических газет. На всех занятых зданиях они водружали свое знамя со свастикой. В Пруссии общинные сутяги, игравшие первую скрипку в национал-социалистских фракциях городских самоуправлений, находясь во главе демонстраций штурмовиков, смещали бургомистров или по телеграфу требовали от Геринга их смещения и назначения национал-социалистских государственных комиссаров. Геринг еще 6 марта предусмотрительно предписал обер-президентам и регирунгс-президентам не чинить никаких помех подобным эксцессам и в частности допускать, чтобы штурмовики вывешивали на общественных зданиях флаги со свастикой. Он охотно

пошел на уступку своему прямому начальству Папену, распорядившись о том, что вывешивание черно-бело-красных флагов также может быть допущено, если бы этого кто-нибудь потребовал. Пусть-де Стальной шлем посмотрит, удастся ли ему вывесить много черно-бело-красных флагов наряду со свастикой!

Такова была прусская революция с разрешения господина министра. Напротив, в других провинциях пришлось преодолеть еще некоторое сопротивление прежней государственной власти. И здесь навстречу насилию снизу приходила легальность сверху, и оба наилучшим образом дополняли друг друга. В то время как штурмовики осаждали правительственные здания, Фрик 6 марта назначил по телеграфу национал-социалистских партийных функционеров имперскими полицейскими комиссарами в Бадене, Вюртемберге, Саксонии и Шаумбург-Липпе. В Бадене был назначен руководитель окружной организации Роберт Вагнер, один из участников гитлеровского путча в 1923 г., в Вюртемберге—один из вождей штурмовиков фон Ягов, а в Саксонии—вождь национал-социалистской фракции ландтага Манфред фон Киллингер, бывший соратник капитана Эрхардта и соучастник убийства Эрцбергера. В других местах дело обошлось без столь явного нарушения законного порядка. Так например в Гамбурге под нажимом национал-социалистского руководителя окружной организации Кауфмана сенат вместе с бургомистром подали в отставку и первым бургомистром был избран национал-социалист Карл-Винцент Крогман.

Уже 11 мая Вагнер заявил в Бадене, что к нему как назначенному министру-президенту переходит вся правительственная власть: Во все пять министерств были назначены национал-социалисты. Первым шагом правительства явилось введение в силу еще не подписанного конкордата Бадена с католической церковью. Бывший председатель правительства Шмит и ряд социал-демократических политиков были арестованы. В Вюртемберге уже 10 марта правительство перешло в руки национал-социалиста Мурра. Полицейский комиссар фон Ягов вскоре снова исчез с горизонта.

Самого блестящего успеха добилась эта превосходно подготовленная и начавшаяся по сигналу революция в Баварии. Здесь 8 марта национал-социалисты потребовали, чтобы правительство Гельда, не подавая формально в отставку, передало всю власть национал-социалисту в чине генерального государственного комиссара. До сих пор в Баварии обычно говорили: «Имперский комиссар, которого нам пошлют, будет арестован уже на границе». Такого комиссара всегда представляли себе «пруссаком», т. е. мало известным в Баварии эмиссаром из Берлина. Национал-социалисты выдвинули на этот раз настоящего баварца, с которым по части популярности не мог поспорить ни один из тогдашних министров, а именно генерала фон Эппа.

Баварский совет министров отклонил это предложение и после совещания телефонировал об этом в Берлин. Между тем штурмовки 9 марта заполнили улицы. Они подняли над ратушей флаг со свастикой, в ландтаге то же самое сделал национал-социалистский пред-

седатель ландтага. Из канцелярии рейхсканцлера баварское правительство получило успокоительные заверения, которые могут служить новым доказательством того, как мало фон Папен знал о намерениях Гитлера.

Быстрота и таинственность, с которыми Гитлер наносил удары, имели свои основания. После выборов 5 марта в Баварии снова оживились монархистские планы. На этот раз принц Рупрехт на легальной основе должен был быть назначен генеральным государственным комиссаром. Днем выступления было назначено 11 марта. Поэтому баварским монархистам показалось до некоторой степени нарушением правил игры, когда их противник нанес свой удар уже 9 марта. Гитлер сконцентрировал в столице Баварии штурмовиков из других провинций. В это время самые влиятельные вожди баварской народной партии, в том числе государственный советник Шеффер, прелат Шарнагль и секретарь партии д-р Пфейфер сидели в одной из боковых комнат пивной Пшорброй, называвшейся «Цум бауернхейзль» (крестьянская избушка), за излюбленной игрой в тарок. Когда какой-то журналист вызвал д-ра Пфейфера по телефону и сообщил ему, что тем временем за пределами этого уютного помещения вопрос был уже решен и всякое сопротивление, как принято говорить, было сломлено, партийный секретарь ответил ему, чтобы он не говорил глупостей.

Что же однако произошло в это время?

Вечером в знаменательный день 9 марта Эпп получил телеграмму из Берлина, которая передавала ему высшую полицейскую власть в Баварии. Штурмовики подняли с постели министра внутренних дел Штацеля и руководителя министерства финансов государственного советника Шеффера и избили их. Эпп назначил комиссарских министров. В министерство внутренних дел он назначил депутата ландтага Вагнера, в министерство юстиции—защитника Гитлера, адвоката д-ра Франка, и в министерство юстиции—обер-бургомистра Зиберта. В качестве так называемых комиссаров по особым делам Эпп назначил Рема и Германа Эссера, человека с дурной славой и с членским билетом № 2, старейшего соратника Гитлера, которого вождь после одной из его многочисленных уголовных проделок направил на низшие партийные амплуа. Эпп, как это ни странно, сохранял в течение этих лет дружеские отношения с Эссером. В качестве начальника баварской государственной канцелярии Эссер проявил большие деловые способности, занявшись развитием баварского туризма.

16 марта правительство Гельда, как официально сообщалось, ушло «в отпуск». 12 марта Гитлер мог уже прилететь в завоеванный Мюнхен. При выходе из самолета он произнес небольшую речь, в которой между прочим заявил: «Много лет вел я отсюда борьбу, первая часть которой может считаться конченной. Произошла невиданная еще унификация политической жизни». Этим самым Гитлер пустил в оборот во внутриполитической борьбе в Германии слово «унификация», которое с тех пор служило прикрытием всех насилий и позорных дел национал-социализма. Что эта унификация является

революцией, Гитлер еще 2 дня назад подчеркнул в одном из воззваний к членам партии, которое начиналось такими словами: «В Германии произошел громадный переворот...» Этот переворот Гитлер отпраздновал в качестве «национальной революции 1933 г.». Впрочем в этом воззвании он умолял своих штурмовиков не грабить магазинов, не красть автомобилей и не убивать штатских лиц, разумеется, употребляя при этом более деликатные выражения, вроде «оскорбления отдельных лиц, задержки автомобилей и нарушения деловой жизни».

КАПИТУЛЯЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ

В своих победных речах национал-социалисты в эти дни постоянно говорили об уничтожении марксизма. В действительности же они добились тогда победы над буржуазной конкуренцией. Подлинным победителем «марксизма», если уже употреблять это выражение, был Папен, а днем его триумфа было 20 июля 1932 г. Напротив, 10 марта 1933 г. Папен понес поражение. 12 марта Гинденбург подписал документ о капитуляции консерваторов. Он подписал приказ, в котором значилось, «что с завтрашнего дня вплоть до окончательного разрешения вопроса о государственном флаге черно-бело-красный флаг и флаг со свастикой должны вывешиваться рядом. Эти флаги связывают славное прошлое германского государства с мощным возрождением германского народа. Взятые вместе они должны явиться олицетворением мощи государства и внутренней связи всех национальных кругов германского народа. На военных зданиях и кораблях вывешивается только имперский военный флаг».

Последняя фраза бросала некоторую тень на победу Гитлера. Рейхсвер еще не позволил, чтобы национальная революция распространилась и на него.

В то время как во всей Германии национал-социалистская революция одерживала блестящие победы, в Берлине ей в упорной и продолжительной борьбе приходилось уничтожать гнезда сопротивления консерваторов. 16 марта председатель Рейхсбанка Лютер после победы Гитлера подал в отставку, и честолюбивый д-р Шахт занял это место, оставленное им 3 года назад. Шахт был личным кандидатом рейхсканцлера. Лютер, который до тех пор являлся одним из наиболее современных олицетворений республиканских иллюзий в Германии, был в качестве посла направлен в Вашингтон и с тех пор с энтузиазмом служит национал-социалистскому государству.

ГЕББЕЛЬС НА ПРОПАГАНДИСТСКИХ ВЫСОТАХ

Вторым этапом национал-социалистской революции было назначение 14 марта Геббельса министром. Чтобы предоставить поле деятельности особым талантам руководителя берлинской окружной организации, было создано имперское министерство народного просвещения и пропаганды, которое в ближайшие месяцы занялось пропагандой в пользу национал-социализма, в пользу Гитлера, а также в пользу его собственного руководителя. Геббельс, который умеет

ценить значение каждой малейшей частицы власти, наряду с новым саном сохранил в своих руках руководство берлинской окружной партийной организацией и пропагандистским аппаратом национал-социалистской партии. В качестве министра пропаганды он изъял из ведомств прочих министерств как национал-социалистских, так и буржуазных довольно значительные части аппарата. У министерства иностранных дел он отнял отдел печати, у министерства почты—радио, у министерства внутренних дел—кино и у прусского министерства культов—высшую политическую школу. Работников печати и кино он старался очаровать приятными застольными речами, весьма средними по идейной глубине, но обязательными по форме и выгодно отличившимися от грубого красноречия пьяной от победы национал-социалистской клики вождей. Когда он говорил о «чудесной стальной романтике» нашего времени или посылал (оставшиеся без ответа) почтительные телеграммы поэту Стефану Георгу, то среди ландскнехтов, какими являлись его соратники, он казался мальчиком с арфой. Постепенно он все больше усваивал роль революционера, принятого в хорошем обществе.

Ибо Геббельс, если взять его собственный стиль, является подлинным сыном «демократии асфальта», настоящим прислужником современной толпы. Этот маленький, весьма темпераментный человечек с крайне убогой внешностью чувствует себя, как дома, скорее в «кажущемся мире» кино и ротационных машин, чем в легендарных областях «крови и земли». Его продвижение в министры производит впечатление приема в общество, против которого он, правда, боролся, но к которому тайно всегда стремился. Хотя он отзывается о евреях с бо́льшим презрением, чем другие, однако в его устах это звучит менее убедительно—лишь как сознательно преувеличенное приспособление к методам пропаганды его партии. В общем он скорее производит впечатление потерпевшего крах филосемита, чем прирожденного антисемита. Эти свойства, которые производят в национал-социалистских кругах несколько чуждое впечатление (поэтому-то Геббельс время от времени старается «показать себя», повторяя, в несколько повышенном тоне, Гитлера), делают из Геббельса наиболее подходящего человека для пропагандистского проникновения в поры вражеского общества с помощью прессы, кино и радио.

Его успехи в этом отношении были сильно преувеличены. Правда, верхушка всей буржуазной прессы (иной, кроме национал-социалистской, в настоящее время нет) вся без исключения унифицирована, для чего к сожалению потребовалась меньшая смена лиц, чем в том случае, если бы эта верхушка состояла из подлинных демократов. Однако внутри редакций сопротивление еще не угасло

Сам министр пропаганды вряд ли будет считать своим успехом тот факт, что благодаря бездарной обработке всех новостей в официальных бюро печати все газеты в качестве источника информации потеряли всякое значение и стали неинтересны. Остается по меньшей мере под вопросом, соответствует ли уменьшение тиража буржуазных газет усилившемуся распространению национал-социалистской

прессы («Фелькишер беобахтер» имеет тираж свыше миллиона экземпляров; значительная часть подписки носит принудительный характер). Разработанный Геббельсом закон о печати от 4 октября ставит, по итальянскому образцу, право заниматься журналистской деятельностью в зависимость от внесения в профессиональные списки, которые ведутся официальной принудительной организацией журналистов. Для внесения в эти списки требуется выполнение ряда условий (гражданские права, специальное образование, соответствующие идейные и моральные качества), которые могут быть использованы для всякого рода произвола. Требуется также арийское происхождение.

Число зрителей в театрах уменьшилось еще в большей степени, чем число читателей буржуазных газет, ибо зрителя в течение долгого времени трудно заставить отдавать предпочтение плохому качеству во имя благонамеренной тенденции. Кроме того публика, ищущая развлечений, вряд ли ценит убеждения, которые преподносятся ей в настоящее время в такой концентрированной форме. Потрясение испытало также кино в связи с переворотом и с необдуманной «унификацией» персонала. Геббельс основал «Фильмбанк», которому крупные банки (т. е. отчасти за государственный счет) могут предоставлять кредиты в размере до 10 млн. марок.

Еженедельная хроника находится конечно целиком на службе национал-социалистской пропаганды. Напротив, в кинокартинах влияние министерства пропаганды еще не сумело утвердиться.

Национал-социалистская пропаганда сумела полностью овладеть радио, которое Геббельс вместе с назначенным им «имперским руководителем радио» Хадамовским совершенно реорганизовал. Правда, однообразная пропаганда надоедает публике, однако публика все же подвергается беспрестанному воздействию этой пропаганды, благодаря чему политическая задача этой пропаганды может считаться в значительной части выполненной. Кроме того отказ от радио практически трудно осуществим, ибо это может повлечь за собой неприятности для абонента.

Руководясь своим верным инстинктом, Геббельс в погоне за властью позаботился о том, чтобы его министерство пропаганды не оказалось головой без туловища, как некоторые другие имперские ведомства. В начале августа он покрыл Германию сетью своих учреждений—13 «областными организациями» и 18 «областными пропагандистскими организациями». Каждая из них имеет в среднем одного руководителя и двух референтов. Вместе с техническим персоналом это дает довольно солидную цифру бюрократических постов. Быть может, самой интересной частью министерства является второе отделение, ведающее пропагандой в узком смысле слова (празднества, шествия, плакатные кампании). Во главе его находится специалист по вопросам рекламы Хегерт, назначенный советником министерства. Именно он является автором многих выдумок, которые прославили Геббельса.

В общем национал-социалистской пропаганде несомненно удалось заполнить доотказа своим гулом опустевшие пространства гер-

манского общественного мнения, в которых не раздается больше ни одного критического голоса. Лишив народ его политической самостоятельности, национал-социалисты стремятся уничтожить и свободу мысли и держат каждого человека даже во время сна в состоянии вечного политического напряжения. Возникла форменная философия пропаганды, которая рассматривает народ лишь как создание утонченной рекламы. Однако нет никаких сомнений, что благодаря чрезмерностям пропаганды применяемые ею средства притупляются, и можно без труда предсказать, что в этом стиле пропаганда долго вестись не сможет.

ДЕНЬ В ПОТСДАМЕ

Первым великим испытанием талантов Геббельса на его новом посту явилось 21 марта—день торжественного открытия нового рейхстага. Яркое символическое значение имел выбор гарнизонной церкви в Потсдаме для первого заседания рейхстага. В этой церкви находится усыпальница Фридриха Великого. Депутаты буржуазных партий расположились, как на торжественном собрании. Гинденбург зачитал краткую речь, в которой сказал, что народ «явным большинством высказался за правительство, призванное к власти моим доверием». Таким образом он подчеркнул, во-первых, что это его правительство, а, во-вторых, дал понять, что таким правительством является лишь э т о правительство, а не чисто национал-социалистское. В его дальнейших словах: «...и дало ему благодаря этому конституционную основу для его деятельности»—на слове «конституционный» было сделано особое ударение. Гитлер ответил, что восстание последних недель «восстановило честь народа». Теперь правительство «восстановит примат политики, призванной организовать жизненную борьбу нации». Это был одновременно отказ от переоценки роли хозяйства и от переоценки роли отдельной личности. Должно быть снова восстановлено единство духа и воли народа. Своего высшего пункта торжество достигло в момент, когда президент спустился в усыпальницу Фридриха Великого и пробыл там несколько минут, в то время как собрание пребывало в полном молчании. Через несколько часов после этого торжественного акта рейхстаг собрался в наскоро оборудованном зале в опере Кроля, где главным украшением являлся огромный знак свастики. Из коммунистических депутатов, большинство которых было брошено в тюрьму, в рейхстаге, разумеется, не появился ни один. Недоставало также больше 20 социал-демократов: большинство из них отсутствовало из-за ареста.

ЗАКОН О ПОЛНОМОЧИЯХ

Главное политическое заседание рейхстага произошло спустя два дня, 23 марта. Цель, которая была поставлена перед ним,—принятие закона о предоставлении полномочий правительству, который должен был послужить легальным прикрытием голого про-

произвола, царящего в Германии с 4 февраля. Этот закон, как и все прочие законы правительства Гитлера, имел звучное название. На этот раз он назывался законом «К устранению бедственного положения народа и государства». Он гласил:

«Рейхстаг принял следующий закон, который опубликовывается с согласия рейхсрата, после того как было установлено, что все требования законодательства об изменении конституции были соблюдены.

Статья 1. Имперские законы, кроме способов, предусмотренных конституцией, могут издаваться имперским правительством. Это распространяется также на законы, предусмотренные в статьях 85-й II и 87-й имперской конституции.

Статья 2. Законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции, поскольку их предметом не является вопрос о рейхстаге и рейхсрате как таковых. Права президента остаются неприкосновенными.

Статья 3. Имперские законы, принятые имперским правительством, изготовляются рейхсканцлером и опубликовываются в имперском сборнике узаконений. Они вступают в силу на следующий день после опубликования, если не содержат иных указаний. Действие статей от 68-й до 77-й имперской конституции не распространяется на законы, принятые имперским правительством.

Статья 4. Договоры с иностранными государствами, относящиеся к вопросам имперского законодательства, на время действия этого закона не нуждаются в одобрении участвующих в законодательстве палат. Имперское правительство издает предписания, необходимые для проведения в жизнь этих договоров.

Статья 5. Данный закон вступает в силу со дня своего опубликования; его действие истекает 1 апреля 1937 года; далее он теряет силу, если нынешнее правительство будет заменено другим».

Большое внимание привлекла последняя фраза. Гугенберг и его сторонники утверждали, что под «нынешним имперским правительством» может подразумеваться лишь такое правительство, в котором представлены и они. На вершине своего триумфа национал-социализм не допускал больше такого толкования.

Каждая статья закона разбивала вдребезги какую-нибудь часть германской конституции. Статья 1 гласила, что законодательные права перешли от избранного народом рейхстага к имперскому правительству. Этим самым парламент упразднял себя. Статья 2 расширяет и без того огромные полномочия правительства, разрешая ему по собственному усмотрению нарушать конституцию. Лишь рейхстаг и рейхсрат в их нынешней форме должны быть сохранены. Не должны быть сужены также права президента. В действительности однако согласно статье 3 не президент, а рейхсканцлер подписывает все законы. Это уничтожение одной из важнейших прерогатив главы государства было объяснено в официозном комментарии, в котором нетрудно было различить саркастический тон Геббельса, желанием правительства разгрузить президента.

Для того чтобы закон был принят, требовалось согласно конституции, чтобы за него высказался рейхстаг большинством в две трети голосов. Это не было, разумеется, подлинное большинство в две трети. Конституция требовала лишь того, чтобы на заседании присутствовали две трети депутатов, а из них опять-таки две трети голосовали за закон. Нетрудно вывести отсюда, что довольно значительная группа депутатов, которая из страха перед террором, быть может, не осмелилась бы открыто выступить против закона, могла тем не менее благодаря своему отсутствию понизить требуемый состав депутатов до нормы, меньшей двух третей. После того как 81 коммунист насильно был удален из рейхстага, для этого было достаточно 120 социал-демократов и около 15 депутатов центра. Разумеется, тайная ярость депутатов центра была достаточно сильна, чтобы мобилизовать для этой цели 15 членов их фракции. От 73 депутатов центра и 19 депутатов близкой ему баварской народной партии зависел отказ правительству Гитлера в диктаторских полномочиях. Они могли достичь этого либо путем открытого отказа, либо попросту отсутствуя на заседании.

С помощью обещаний и угроз Гитлер постарался склонить центр к повиновению. Он обещал его вождю Каасу, что все партии, которые будет голосовать за этот закон, составят рабочую комиссию. Она будет представлять собой как бы уменьшенный и улучшенный парламент, перед которым правительство будет отчитываться в своей деятельности. Это обещание Гитлер нарушил так же, как и многие другие свои обещания, а Каас возможно только сделал вид, что верит ему. Большее значение имело то, что Гитлер включил в свою правительственную декларацию ряд обещаний, касающихся прав церкви. По своей четкости они выгодно отличались от большинства прочих его заявлений, носивших большей частью общий характер. Так как эти обещания были даны иностранной державе, а именно святому престолу, то казалось, что они до известной степени связывают правительство.

О социал-демократии Гитлеру не приходилось беспокоиться, хотя эта партия в то время еще не была окончательно изгнана из политической жизни и в соответствии с национал-социалистской стратегией должна была временно играть роль объекта истязаний. После ожесточенных внутренних споров фракция решила присутствовать на заседании рейхстага и голосовать против закона. Она исходила очевидно из того соображения, что это более мужественное поведение, чем простое отсутствие.

В своей программной речи Гитлер заявил: «Национальное правительство ввиду бедственного положения, в котором находится теперь народ, считает вопрос о монархистской реставрации не подлежащим обсуждению. Попытку разрешить самовольно эту проблему в отдельных провинциях оно будет рассматривать как посягательство на имперское единство». Далее: «Противоречило бы духу национального восстания, если бы правительство вздумало испрашивать

от случая к случаю разрешение рейхстага для своих мероприятий. Авторитет, а вместе с ним и работоспособность правительства пострадали бы, если бы в народе могло возникнуть сомнение в стабильности нового режима». И далее: «Вряд ли какая-либо революция столь большого масштаба протекала в истории столь дисциплинированно и бескровно, как восстание германского народа в эти недели». Далее: «Правительство намерено использовать предоставленные ему полномочия лишь в той мере, в какой это потребуется для проведения жизненно необходимых мероприятий. Ни существование рейхстага, ни существование рейхсрата не должны быть благодаря этому поставлены под угрозу. Положение и права президента остаются неприкосновенными. Высшей задачей правительства явится достижение полного согласия с его волей. Существование провинций не будет отменено, права церквей не будут ограничены, их отношение к государству не будет изменено». И после всех этих заявлений в заключение резкий поворот—несколько фраз, ради которых собственно была произнесена вся речь: «Правительство предлагает партиям возможность спокойного германского развития, а в связи с ним возможность соглашения в будущем. Оно однако в такой же мере готово встретить отказ и вместе с ним и сопротивление. Решайте же сами, господа, быть ли миру или войне».

Война была последним словом Гитлера, его вечная война против второй половины народа. Так как последняя была безоружна, то вначале Гитлер должен был несомненно выиграть эту войну. На трибунах и в проходах между скамьями депутатов были размещены вооруженные до зубов штурмовики. Речь, в которой Отто Вельс обосновал отказ социал-демократов, можно бы при таких обстоятельствах назвать даже мужественной; тем не менее она не содержала ни малейшего указания на действительное положение, создавшееся в стране. Гитлер в ответной речи, которая была довольно пустой по содержанию, но в ораторском отношении являлась безусловно одной из лучших, какие пришлось слышать рейхстагу, разгромил Вельса. Каас, соединяя замешательство со сдержанностью, объяснил, почему центр, несмотря на все свои сомнения, голосует за закон. Он напомнил об обещаниях Гитлера во время переговоров, и свободная от предрассудков национал-социалистская режиссура наградила аплодисментами оратора католической партии, которая казалась в то время еще могущественной. Хлопал даже Гитлер. Рейхстаг принял закон о полномочиях 441 голосом против 94 голосов социал-демократов. Национал-социалистская фракция вскочила после этого со своих мест и пропела песню Хорста Весселя.

НАМЕСТНИКИ

Унификация провинций, т. е. завоевание важных командных высот, продолжалась и после 23 марта. 31 марта кабинет издал «временный закон об унификации в провинциях», который освобождал провинциальные правительства от зависимости от своих ландтагов, точно так же как имперское правительство было освобождено от

этой зависимости законом о полномочиях. Кроме того провинциальные парламенты (за исключением вновь избранного прусского парламента) были распущены и вновь составлены, не прибегая к новым выборам, на основе соотношения голосов 5 марта. При этом голоса, поданные за коммунистов, были просто-напросто отброшены. Партиям было предложено послать в новые представительные органы столько депутатов, сколько им полагалось согласно этому отношению. Таким же путем были вновь составлены общинные самоуправления и другие выборные органы. Одним ударом национал-социалисты в большинстве представительных органов, во всяком случае во всех наиболее важных из них, начиная с последней деревушки и кончая рейхстагом, не только стали самой сильной партией, но с удалением коммунистов добились даже большинства.

Тем не менее судьба провинций не была передана в руки ставших надежными парламентов, а была поставлена в зависимость от имперского правительства. 7 апреля правительство издало окончательный «закон об унификации провинций и империи». Согласно этому закону президент назначает во всех германских провинциях, за исключением Пруссии, имперских наместников. Назначение происходит по представлению рейхсканцлера. Наместника не следует смешивать с министром-президентом, т. е. руководителем кабинета. Он является совершенно новой, до сих пор неизвестной в Германии фигурой. Его задачей является наблюдение в провинциях за проведением политической линии, намечаемой рейхсканцлером. Он назначает и смещает председателя провинциального правительства (министра-президента), а по предложению председателя—всех прочих членов правительства. Он вправе распустить ландтаг и назначить новые выборы (однако вместе с роспуском рейхстага считаются распущенными и все провинциальные парламенты). Наместник подписывает провинциальные законы и опубликовывает их. По предложению провинциального правительства он назначает и смещает зависящих непосредственно от государства чиновников и судей (на основании новых постановлений правительства эти чиновники не являются больше несменяемыми). Ему принадлежит право помилования. На заседаниях провинциального правительства он может председательствовать вместо министра-президента.

Особые правила, имеющие важное значение, установлены для Пруссии: здесь обязанности наместника всегда несет рейхсканцлер, свои обязанности он может возложить на министра-президента.

Формально руководителем прусской политики все еще оставался вице-канцлер фон Папен в чине имперского комиссара. Дейч-националы надеялись, что он станет теперь министром-президентом и благодаря этому сохранит в своих руках полноту власти в Пруссии. Издав закон о наместниках, который для внутреннего и внешнего употребления мотивировался интересами государственного единства, национал-социалисты разрушили эту надежду. Имперский наместник Гитлер заявил, что его министром-президентом господин фон Папен не будет, и последний должен был уйти с поста имперского комиссара. 11 апреля Гитлер назначил министром-президентом министра внутрен-

них дел Геринга. В министерстве юстиции уже в течение нескольких недель находился на правах комиссара судейский чиновник среднего ранга Керль. Точно так же в министерстве культов находился бывший советник министерства Руст. Оба эти национал-социалиста были назначены теперь министрами. Министром финансов остался назначенный Папеном год назад специалист, бывший статс-секретарь в имперском министерстве финансов, д-р Попиц. Национал-социалисты оказались не в состоянии сразу убрать с дороги один из камней преткновения—Гугенберга, который 30 января, сохранив свои имперские посты, получил два прусских министерства—народного хозяйства и земледелия. Гитлер однако отказался назначить его министром, и Гугенберг должен был удовольствоваться чином комиссара.

ВО СЛАВУ ПРУССИИ

Отличительной чертой правления Геринга с тех пор являлось то, что он снова в значительной мере отменил унификацию Пруссии с империей и проводил своевольную, самостоятельную, даже честолюбивую прусскую политику. Этот курс он возвестил уже в своем программном заявлении, с которым выступил 18 мая перед ландтагом. Несмотря на почтительные выражения по адресу вождя, у которого за последние 10 лет он сумел кое-чему научиться, несмотря на все его подчеркивания насчет того, что он правит «раньше всего и в первую очередь как верный паладин моего вождя», его дальнейшие заявления весьма мало совпадали с принципами Гитлера относительно племенной идеологии. «На долю Пруссии выпадает важная миссия, стоявшая перед ней уже в прошлом столетии,—образовать фундамент германского государства»,—заявил Геринг. «Я ни в коем случае не потерплю,—сказал он дальше,—чтобы у Пруссии были отняты ее владения». Это было открытое объявление войны всем стремлениям преобразовать заново Германию, столь неудачно построенную в государственном отношении.

Когда спустя две недели тюрингское правительство осмелилось предложить, чтобы прусская энклава [128] Эрфурт, находящаяся внутри Тюрингии, была поставлена в более тесную хозяйственную связь с тюрингской провинцией, Геринг со всей резкостью заявил, что Эрфурт при всех обстоятельствах останется за Пруссией и что он выступит также против включения Эрфурта в тюрингскую хозяйственную область. Когда в начале июля зашла речь о том, что, превратив в провинцию Восточную Пруссию, окруженную со всех сторон польской территорией, можно было бы теснее связать ее с Германией, Геринг заявил, что всякого, кто будет распространять подобные идеи, он сошлёт в концентрационный лагерь.

Во славу Пруссии и для собственного прославления Геринг уничтожил старый прусский государственный совет и заменил его учреждением, скорее напоминающим бывший коронный совет. Прежний государственный совет был попросту представительством провинции. В конце апреля д-ру Лею, организационному руководителю национал-социалистской партии, удалось

пробраться в его президенты. Соединяя этот государственный пост с одним из высших партийных постов, он надеялся таким образом достигнуть власти. Однако Геринг не потерпел соперника. 8 июля он издал закон, которым прусский государственный совет был превращен в нечто совершенно новое. Его члены назначались впредь министром-президентом, поскольку в качестве министров и статс-секретарей они автоматически, по должности, не входили в его состав. Среди назначенных лиц было много типичных представителей любой нижней палаты—представителей церкви, науки, искусства, а также народного хозяйства и труда, причем под «рабочими» подразумевались вожди штурмовиков и национал-социалистской организации ячеек на предприятиях (НСБО). Геринг подыскал для государственного совета много громких имен, считаясь при этом также с консервативными, а не только с национал-социалистскими высшими кругами. Как и всегда, он в большей мере, чем прочие вожди его партии, стремился опереться на консервативные круги, быть может рассчитывая в будущем на их поддержку в борьбе со своими соперниками. Важнейшей группой в государственном совете являются однако национал-социалистские партийные функционеры. Государственными советниками являются начальник штаба штурмовиков, т. е. Рем, имперский руководитель защитных отрядов, т. е. Химлер, руководитель партийного организационного штаба, т. е. Лей, все руководители окружных партийных организаций в Пруссии, все старшие групповые руководители штурмовиков и все групповые руководители защитных отрядов. Функции государственного совета сводятся лишь к роли совещательного органа при министре-президенте, который является его председателем. Напротив, влияние отдельных членов государственного совета чрезвычайно велико. Обер-регирунгспрезиденты и регирунгспрезиденты провинций и округов обязаны запрашивать их мнение во всех важных вопросах. В случае серьезных изменений в составе персонала, а именно при занятии важных постов, также должно быть запрошено мнение государственного советника, против вето которого обер-президент совершенно бессилен. За разрешением вопроса он может обратиться лишь к министру. С помощью этих постановлений Геринг пытался придать хотя бы тень легальности фактической и часто неограниченной власти, которой пользовались во всей стране могущественные функционеры партии и штурмовики, и постепенно поставить этих сатрапов под свой контроль.

Государственный совет заседает в Берлинском замке, и в связи с этим желающий может вспомнить о коронном совете бывшей гогенцоллернской монархии. Он олицетворяет славу Пруссии, которую баварец Герман Геринг стремится заставить засверкать во всем ее блеске. Не в последний ли раз перед ее близким концом?

КОНСЕРВИРОВАТЬ ИЛИ ЛИКВИДИРОВАТЬ?

И в других провинциях верные паладины Гитлера очень быстро превратились в упорных и ревностных защитников своих новых

владений. Свои позиции они защищали с той же энергией, с какой недавно завоевали их. Невзирая на сопротивление, национал-социалисты повсюду добились того, что наместниками были назначены люди из их среды, которые вслед за тем назначали министрами-президентами своих товарищей по партии. В Баварии наместником стал Эпп. Он назначил Рема своим заместителем, а министра финансов Зиберта—министром-президентом. В Саксонии наместником стал влиятельный руководитель окружной организации Мучман, а Киллингер должен был удовольствоваться постом министра-президента. Вюртембергским наместником стал Мурр, баденским—Вагнер и тюрингским—руководитель окружной партийной организации Заукель. Брауншвейг и Ангальт были объединены в одно наместничество во главе с вождем штурмовиков Лепером. Даже такая маленькая провинция, как Ольденбург, получила своего наместника в лице руководителя окружной организации Ревера. Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Стрелиц и ганзейский город Любек были подчинены национал-социалистскому руководителю сельскохозяйственных рабочих Хильдебрандту, назначенному наместником. В Гессене наместником был назначен руководитель окружной партийной организации Шпрингер. Больше всего споров вызвал вопрос о Гамбурге и Бремене. Здесь общим наместником был назначен руководитель окружной организации Карл Кауфман. Даже обе карликовые провинции Липпе получили наместника в лице депутата прусского ландтага д-ра Мейера.

Таким образом все провинции, вплоть до самых маленьких, получили вместо одной две главы. Несмотря на свое звучное название, наместники—и в этом, собственно говоря, единственное оправдание их существования—являются партийными фогтами, поставленными над государством. Совершенно сознательно наместниками были повсюду назначены руководители окружных организаций национал-социалистской партии. Они обеспечивают решающее влияние партийной бюрократии на государство и, несмотря на свой высокий сан, представляют собой параллельные правительства самого дезорганизаторского характера. В небольших провинциях они выполняют ту же роль, что и государственные советники в прусских провинциях. Они заботятся о том, чтобы господство партии сохранялось во всей его чистоте и неприкосновенности и не растворялось в надпартийной государственной жизни.

Независимо от того, пользуется ли наибольшим влиянием наместник, как в Баварии, или влияние благодаря удельному весу хозяйства и государственных дел сосредоточивается в руках бургомистра, как в Гамбурге,—повсюду с течением времени выступают на первый план частные интересы провинций. Когда гессенский министр-президент Вернер в своей вступительной речи перед ландтагом распространялся насчет своеобразия гессенцев, когда саксонский министр-президент фон Киллингер в тот же день требовал, чтобы Саксонии было оказано предпочтение при распределении имперских налогов, когда тюрингский наместник Заукель со всей силой выступал против раздела между соседями этой в значительной мере це-

кусственно образованной провинции,—то во всех этих случаях на гербе со свастикой лишь проступали старые краски федералистского упрямства. Когда Тюрингия заявляет об одновременной постройке в своей столице Веймаре трех правительственных дворцов: один дворец для наместника, другой—для правительства и третий—для окружного руководства национал-социалистской партии—эта растрата денег прикрывается конечно флагом «создания работ», который служит одновременно прикрытием для всякого бесчинства. Однако подлинной задачей является здесь подведение бетонного фундамента под тюрингскую государственность.

Наконец и в такой провинции, как Бавария, оживилось стремление к собственной государственности. Баварский министр-президент Зиберт самым лучшим образом определил своеобразную роль имперского наместника, заявив 12 апреля, во время своего вступления в должность, что господин фон Эпп на своем высоком посту всегда будет защищать интересы Баварии. Слова о баварских интересах, этот классический боевой клич в борьбе против Пруссии, таким образом не только пережили национал-социалистскую революцию, но и были восприняты ею и теперь из национал-социалистских уст доносятся до Берлина.

Разумеется, национал-социализм считает, что он располагает средством, которое лишает эту борьбу ее политического значения. Средство это заключается в принципиальном отделении идеи государственной власти от всех хозяйственных примесей. Пусть отдельные области защищают свои интересы—чудо государственности постепенно приведет к их исчезновению. Стремления Гитлера противоположны тому, что делает Геринг. Гитлер не присутствовал поэтому на торжественном открытии прусского государственного совета. Когда вождь партии на нюрнбергском партийном съезде заявил, что задачей национал-социализма является не сохранение, а ликвидация провинций, прусский министр-президент прекрасно понимал, на кого именно намекает Гитлер.

Централизм в настоящее время является наиболее сильным направлением в национал-социалистском движении и пытается это доказать на деле. Однако самосознание провинций еще далеко не исчезло. Разумеется, оно приведено к молчанию и, быть может, надолго, однако, как и церковь, оно переживет многих. После баварского переворота принц Рупрехт, чтобы избавиться от участия в дискуссии, а возможно и от неприятностей, направился в путешествие в Грецию. Когда он вернулся, Эпп в своем новом чине имперского наместника нанес ему первый визит. Принц произнес лишь слова: «предатель народа», после чего оставил изумленного наместника.

ОБЩИНЫ

Наряду с провинциями были унифицированы, разумеется, и германские общины. Мы указали уже выше, как были преобразованы их представительства. В настоящее время в Германии нет вероятно ни одной сколько-нибудь крупной общины, бургомистром которой не

являлся бы национал-социалист. Различные объединения общин, важнейшим из которых является германский съезд городов, были вынуждены 22 мая руководством национал-социалистской партии под указку Лея объединиться в съезд германских общин. Руководство союзом перешло к мюнхенскому муниципальному политику Карлу Филеру, которого партийные товарищи назначили мюнхенским обер-бургомистром.

Этот выбор со стороны национал-социалистов был не особенно удачным, ибо нетрудно было подыскать человека получше, чем этот посредственный «старый боец». Национал-социализм не внес в жизнь германских общин чего-либо нового, как например в области государственной конституции или церковной политики. Напротив, под его руководством большие города, как например Берлин, были доведены до скрытого банкротства, за что национал-социализм несет часть вины. Относительно принципов будущей общинной политики повидимому еще не достигнуто единства взглядов. В то время как руководитель вестфальской окружной организации Флориан заявил в середине августа, что бургомистры будут назначаться в будущем в соответствии с принципом вождя, баварский министр-президент Зиберт активно выступил в защиту самоуправления.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРТИЙ

а) Коммунисты

Быстрее, гораздо быстрее, чем это было желательно национал-социалистскому руководству, и во всяком случае быстрее, чем оно это предвидело, революция уничтожила враждебные и конкурирующие партии. Относительно упорнее других держались крайние партии: коммунисты и дейч-националы.

Коммунисты были лучше других подготовлены к тому, что Гитлер и Геринг пустят в ход силу. С 28 февраля компартия Германии становится нелегальной, несмотря на то, что из тактических соображений еще 5 марта учитывались голоса, поданные за коммунистов на выборах в рейхстаг. Большая часть руководителей была арестована, в том числе председатель партии Тельман. Остальные работали подпольно, а часть выехала за границу. В общем и целом массовые аресты не положили конца нелегальной борьбе, поскольку не был устранен ее источник.

б) Социал-демократы

Гораздо быстрее было сломлено сопротивление социал-демократии, несмотря на то, что 5 марта во время выборов в рейхстаг она сверх ожидания добилась хороших результатов. Однако ни она, ни ее армия для массовых выступлений—союз имперского флага—ни в малейшей мере не были подготовлены к методам национал-социалистской революции сверху и снизу. Это обнаружилось между

прочим в заявлениях, которые сделал в конце марта копенгагенским газетам депутат рейхстага д-р Герц. В «Социал-демократен» он заявил: «Социал-демократическая печать запрещена во всей Германии. Срок запрета кончается 28 марта. Геринг же в своей речи в рейхстаге резко выступил против преувеличений, но не против деловой критики нынешних политических методов». По его, Герца, мнению, нет поэтому никаких оснований для продления запрета социал-демократической печати. В газете «Политикен» Герц заявил, что ложные сообщения о национал-социалистском терроре могут только повредить германской демократии в ее борьбе за обратное завоевание свободы. Германская социал-демократия будет вести свою борьбу против фашизма лишь с помощью деловых аргументов.

Тактические цели этого заявления были совершенно ясны. Социал-демократия надеялась, что новый режим допустит по крайней мере существование партии. Разумеется, трудно было понять, какую политическую пользу могла принести подобная оппозиция по милости правительства. В своем стремлении спасти партийный аппарат вождь партии Отто Вельс 30 марта выступил из бюро II Интернационала, ибо последнее опубликовало резкие заявления против гитлеровского режима. Позднее он заявил, что этот выход был лишь тактическим шагом, который однако не оправдал себя. 27 апреля партия сделала новую попытку сохранить свою жизнь, переизбрав свое правление, в котором не было некоторых членов, которые тогда уже находились за границей. В основном однако состав правления был прежним. Одно из решений партии высказывалось за продолжение деятельности в рамках законных возможностей. Спустя две недели, 10 мая, Геринг совершенно точно установил эти законные возможности, заняв партийные дома и помещения газет, закрыв партийные учреждения и конфисковав партийное имущество. Тем не менее 17 марта партия унизилась в рейхстаге до того, что одобрила внешнеполитическую речь Гитлера. Фрик накануне угрожал в сеньорен-конвенте, что жизнь каждого депутата, а также каждого из заключенных в концентрационных лагерях будет поставлена на карту, если в парламенте в этом вопросе не будет достигнуто полное единогласие.

Большинство руководителей партии постепенно эмигрировало. Одним из первых был прежний прусский министр-президент Отто Браун, который оказался настолько бестактен, что переехал границу в день выборов, 5 марта, и доставил этим богатый материал для национал-социалистской радиопропаганды. Руководящие члены партии во главе с Отто Вельсом основали в изгнании, в Праге, центральный комитет партии. Другие, вроде Зеверинга, бывшего председателя рейхстага Лебе [129], члена ЦК Штеллинга и депутата Гейльмана [130], с достойным похвалы мужеством, однако без всякой политической пользы, остались в Германии. Между пражским центральным комитетом партии и оставшейся в Германии группой, во главе которой стоял Лебе, вскоре возникли разногласия. Еще 19 июня был избран новый центральный комитет. Он заявил: «Лишь вновь избранный центральный комитет в Берлине вправе руководить

партией. Члены германской партии, уехавшие за границу, не вправе делать никаких заявлений от имени партии».

Постоянство этих вождей достойно не меньшего удивления, чем их близорукость. Спустя 3 дня, 22 июня, Фрик издал общий «запрет деятельности» социал-демократии, в котором заявлялось, что социал-демократия является партией, враждебной народу и государству, и впредь не вправе претендовать на иное обращение, чем германская коммунистическая партия. Ее депутаты были немедленно исключены из всех парламентов и общинных самоуправлений, выдача содержания депутатам была прекращена, а газеты окончательно закрыты. Большая часть оставшихся депутатов была арестована, в том числе Лебе и Гейльман. Член центрального комитета Иоганн Штеллинг был убит.

Социал-демократия «в рамках законной возможности» больше не существовала. Дальнейшее относится к новой главе истории. Лишь самой истории дано решить, является ли эта глава введением к чему-то новому или простым эпизодом.

в) Либералы

Еще тише угасли либеральные партии. 28 июня руководство некогда могущественной германской государственной партии в заявлении, состоявшем из трех строчек, объявило о ее роспуске. 4 июля точно так же поступил в отношении бывшей партии Штреземана тогдашний председатель германской народной партии д-р Дингельдей. При этом он призвал своих друзей к участию в работе во имя величия и свободы отечества, ибо единство, право и свобода являются также залогом счастья.

г) Центр

Католический центр все еще надеялся, что он сохранит некоторый вес в государстве «национальной концентрации». Его вождь д-р Каас, правда, уже заблаговременно понял всю безнадежность положения. Напротив, Брюнинг еще 6 марта позволил переизбрать себя вместо Кааса и возвестил, что его символом веры являются свобода нравственной личности и ответственность перед богом. 17 и 31 мая Брюнинг дважды был принят Гитлером. Личное уважение, которое нынешний канцлер питал к прежнему канцлеру, а также некоторая общность взглядов, казалось, пробудили надежды Брюнинга. Быть может Гитлер лично и носился с мыслью об использовании преданной ему партии центра в качестве политического фактора, будь то против Ватикана или против Папена, однако волны национал-социалистской революции просто-напросто смыли сопротивление центра.

Судьба последних партий была решена в середине июня. В это время Гитлер собрал в Берлине национал-социалистских вождей и в двух речах возвестил им, что революция продолжается. События последних месяцев, сказал он 15 июня в своей речи, укрепили в нем

уверенность, что национал-социалистское движение в такой же мере справится с внешнеполитическими и хозяйственными затруднениями, в какой мере оно справляется с внутриполитическими трудностями.

Этим самым он подчеркнул, что партия не нуждается больше в костылях, какими являлись для нее дейч-националы и центр. Центр должен поэтому уйти из политической жизни. Он заявил также, что согласно его твердому убеждению мощное национал-социалистское движение будет длиться столетия и ничто не в состоянии будет уничтожить его.

Слова эти послужили сигналом. 22 июня штурмовики в Баварии обрушились на вождей и партийные помещения баварской народной партии, стали арестовывать, захватывать их помещения, конфисковывать имущество. Аресту подверглись также священники. Поводом послужила мнимая связь партии с австрийскими клерикалами. Вождь партии и министр народного хозяйства граф Квадт-Исни должен был 27 июня выйти из состава кабинета. Центр вне Баварии подвергся менее жестоким гонениям, однако Гитлер дал ему понять, что он не имеет больше права на существование. 5 июля правление заявило о самороспуске центра. За день до того такого рода заявление сделал граф Квадт относительно баварской народной партии. Ликвидацией партии центра занялся по соглашению с Гитлером крупный промышленник д-р Хакельсбергер. Было разрешено, чтобы часть депутатов центра вступила в качестве «вольнослушателей» в национал-социалистскую фракцию. Это был момент личного порядка, не имевший никакого политического значения. Во всяком случае у Ватикана больше не было своей партии в Германии, и в конкордате он признал это новое положение.

д) Стальной шлем

Преодоление сопротивления консервативных элементов произошло по двум линиям: партия дейч-националов была уничтожена, а конкурирующий со штурмовиками Стальной шлем был обессилен и затем приведен в повиновение. Большая часть руководства Стального шлема была недовольна вступлением Зельдте в кабинет Гитлера, в особенности жалкой ролью, которую играл там ее первый руководитель. Вождем этих недовольных был второй руководитель, отставной полковник Дюстерберг. Он говорил вслух лишь то, что многие из его товарищей думали про себя. Свирепствование штурмовиков против их политических противников, утверждал он, часто объясняется мотивами личной мести и еще больше углубляет раскол в народе, чем это имело место до сих пор. Он говорил о «невидимом сером фронте» с времени мировой войны, который должен перешагнуть через партийные разногласия, и высказывался против «отталкивания немцев». С ведома и согласия Дюстерберга многие местные группы Стального шлема стали принимать в свои ряды в большом числе бывших социал-демократов и членов республиканского флага, которые рассчитывали бороться в рядах Стального шлема за свои идеи, т. е. против национал-социалистов. Здесь созда-

вался фронт борьбы, который ждал лишь наступления государственного кризиса, когда президенту и рейхсверу понадобится политическая армия против штурмовиков.

Последствием этого явилось то, что через определенные промежутки времени, впервые в конце марта, вторично в начале апреля и затем в конце июня, штурмовики арестовали ряд руководителей Стального шлема. Многие местные группы Стального шлема были распущены. Еще чаще эти нападения происходили в Брауншвейге. Зельдте, заклиная своих сторонников, среди которых он пользовался небольшим авторитетом, попытался вмешаться в это дело. Он сместил руководителей Стального шлема, против которых были возведены обвинения, признал правоту штурмовиков и заявил, что товарищеское сотрудничество между союзами должно быть укреплено и расширено. Одним из проявлений его угодливости в отношении канцлера явилось смещение Дюстерберга 26 апреля. Никаких объяснений этого смещения он не дал. В действительности оно объяснялось не только мятежом Дюстерберга против курса Гитлера. Против Дюстерберга был использован также арийский параграф, который применялся теперь повсеместно в Германии, ибо дед Дюстерберга с отцовской стороны был еврей. На следующий день Зельдте вошел в национал-социалистскую партию и по радио словами «фронтовой привет Гитлеру» возвестил о подчинении Стального шлема канцлеру.

Осуществление этой капитуляции сопровождалось еще рядом трудностей. Большую часть руководителей Стального шлема пришлось сместить. С другой стороны, Рем потребовал полного подчинения Стального шлема, чего не допускало чувство собственного достоинства «серого фронта». 21 июня был достигнут компромисс. Так называемый основной Стальной шлем остался под руководством Зельдте и в качестве СТ наряду с СА (штурмовики) и СС (защитные отряды) зависел лишь от высшего руководства штурмовиков, т. е. от самого Гитлера. Позднейшие формирования: Молодой Стальной шлем и Защитный Стальной шлем—должны были раствориться в рядах штурмовиков. Члены Стального шлема вправе были принадлежать только к национал-социалистской партии. 2 июля в Рейхенгалле на съезде руководителей это подчинение было оформлено, и Зельдте поклялся Гитлеру в верности «по гроб жизни». Однако «эпизод со Стальным шлемом» внутренне еще не был ликвидирован. Ежегодный «имперский день фронтовика» в 1933 г. был запрещен. Взамен его 24 сентября был устроен в Ганновере «съезд вождей». Парад принимал Рем, а Зельдте вместе с руководством Стального шлема продефилировал мимо него. Таким образом стало очевидным, кто из них является военным командиром, а кто военачальником.

е) Дейч-националы

Вместе со Стальным шлемом Гугенберг лишился опоры, которая однако и без того стала ненадежной. Статс-секретарь фон Бисмарк попытался создать замену Стальному шлему. Этот статс-се-

кретарь, который получил свой пост лишь с приходом Геринга, был смещен им уже 9 апреля. Его преемником был назначен Грауэрт. Мотивом этого смещения явились монархические убеждения Бисмарка, которые побудили его заявить публично, что «святым долгом и обязанностью» является восстановление гогенцоллерновской наследственной монархии божьей милостью. Со времени своей отставки Бисмарк посвятил себя организации «дейч-националовского боевого союза», который состоял из молодых людей в зеленых рубашках и должен был явиться опорой консервативных элементов наряду со штурмовиками и Стальным шлемом. И в остальном дейч-националы старались приспособиться к современным политическим формам. Так, в середине апреля они ввели в действие в своей партийной организации принцип вождя и назывались уже не партией, а «дейч-националовским фронтом». К числу соответствующих духу времени мероприятий относилось и то, что их организации, подобно Стальному шлему, принимали сторонников бывших левых партий.

Дальше история разыгралась, как по нотам. Полицей-президент Дортмунда, бывший руководитель штурмовиков, нанес первый удар и 14 июня распустил тамошний «боевой союз». 21 июня штурмовики нанесли этой организации совершенно неожиданный удар во всей Германии. Вместе с полицией они заняли повсюду общежития и помещения «боевого союза», т. е. одновременно и помещения партии дейч-националов. В некоторых местах произошла перестрелка и были убитые. Напрасно Гугенберг протестовал на одном из бурных заседаний кабинета. Красный от гнева, он выбежал из зала заседаний и приказал немедленно послать курьера в Нейдек, где в своем поместье под надежной охраной местной группы штурмовиков имени Розенберга находился президент. Тем временем дейч-националовский фронт сам собой начал распадаться во всей стране. 27 июня Гугенберг заявил о своей отставке, а 28 июня доктор фон Винтерфельдт и два других члена правления партии направились к Гитлеру, который продиктовал им роспуск партии. Требование это было немедленно осуществлено.

Спустя две недели, 14 июля, рейхстаг принял закон «против образования новых партий». Пункт 1-й этого закона гласил:

«В Германии существует лишь одна единственная политическая партия—национал-социалистская германская рабочая партия».

РЕЙХСВЕР, НАМЕСТНИКИ И ШТУРМОВИКИ

Было ли государство, где существовала лишь одна партия, действительно государством этой партии? Исчезновение дейч-националов было важно не потому, что теперь в парламенте у национал-социалистов было 52 противниками меньше, а потому, что эта партия являлась парламентской основой консервативного колосса, который в политической жизни все еще стоял рядом с новой национал-социалистской знатью. Главной опорой этого блока являлись президент и рейхсвер, которые в тот момент еще не были

«унифицированы». Опираясь на эту неподвижную силу, господин фон Папен пытался еще принимать участие в управлении страной.

Никто не сможет понять роли рейхсвера в национал-социалистском государстве, не приняв во внимание того, что генерал фон Бломберг сознательно хотел быть неполитическим министром рейхсвера. Уже Шлейхер больше шантажировал, ссылаясь на внутриполитическую мощь рейхсвера, чем действительно пускал ее в ход. Бесславный конец Шлейхера доказал отсутствие политических целей и слабость этих носящих оружие чиновников. Рейхсвер снова уделяет внимание преимущественно военным вопросам и честно служит своему верховному командующему, которым сегодня еще является Гинденбург, а завтра может стать Гитлер. Нетрудно притти к выводу, что отношения между рейхсвером и штурмовиками остаются напряженными, даже если бы это не показывали бесчисленные мелкие, а иногда и более серьезные случаи. Однако в сознании солдат и офицеров штурмовики не становятся на одну доску с Гитлером или Герингом—и мы вскоре увидим почему. Ревностно защищая свое особое военное положение от притязаний штурмовиков, рейхсвер в то же время старается предоставить национал-социалистскому правительству все, в чем оно нуждается для поддержания своего престижа.

В ряде речей Бломберг уже с начала нового режима подчеркнул особое положение рейхсвера как военной силы. 23 февраля в речи перед мюнхенским гарнизоном он сказал: «Мы являемся и останемся единственной вооруженной силой в Германии». Однако одновременно он провозгласил «ура» за союз «с миллионами решительных людей, которые, как и мы, готовы жить и умереть за отечество». 15 марта он ввел для рейхсвера черно-бело-красную кокарду и удалил с имперского военного флага его черно-красно-золотой угол. О свастике покуда не было и речи. В солдатском государстве не обратило на себя никакого внимания то, что 28 апреля были снова введены старые военные суды. Напротив, ряд всевозможных предположений был связан с другим законом, изданным в тот же день. Закон этот гласил: «Члены штурмовых и защитных отрядов за служебные преступления подлежат ведению публично-правовых судов в соответствии с предписаниями, которые издаст рейхсканцлер как верховный руководитель штурмовиков». Предписания о проведении в жизнь этого любопытного закона до сих пор остались неизвестны. Мы вероятно не забыли, что когда десять лет назад Рем хотел превратить штурмовые отряды в регулярную армию, то этому воспротивился Гитлер, заявив, что войско никуда не годится, если его начальник не вправе налагать наказания на своих подчиненных. Теперь это право было ему предоставлено.

Мелкими педагогическими дозами армия была приучена к новому тотальному государству. Приказом от 20 мая Бломберг ввел «взаимное приветствие» офицеров и солдат «с национальными союзами как выражение товарищеской связи между ними». Спустя четверть года был издан приказ, чтобы чиновники и прочие сотрудники рейхсвера, носящие штатскую одежду, пользовались при встрече «при-

ветствием Гитлера». Вопросом такта являлось, как указывал приказ, чтобы младшие по возрасту или по чину первыми приветствовали старших. Таким образом лейтенант рейхсвера первым отдает честь групповому руководителю штурмовиков. Арийский параграф закона о чиновниках в общем не был распространен на рейхсвер, так как очевидно опасались создать в офицерском корпусе второе дело Дюстерберга. Однако в начале августа особым приказом офицерам была запрещена женитьба на неарийках. Этот союз стал еще теснее после пожалования Герингу генеральского мундира и после хвалебной речи Бломберга по адресу Гитлера, произнесенной в начале сентября перед ульмским гарнизоном. При этом был обойден один из национал-социалистских руководителей, который своими военными заслугами больше всего заслужил генеральские лампасы, а именно Рем.

Изменения, внесенные в военный устав 23 июля, уполномочивают наместника (до сих пор эти полномочия принадлежали провинциальным правительствам) призывать на помощь рейхсвер во время общественных бедствий и беспорядков. Это означает не столько усиление влияния гражданской власти на рейхсвер, которое в принципе существовало и раньше, сколько усиление влияния Гитлера на случай ослушания руководства штурмовиков. Ибо имперские наместники являются людьми, пользующимися его особым доверием, и назначаются преимущественно из функционеров гражданской организации национал-социалистской партии.

Именно в этом оттеснении начальников штурмовиков наместниками усматриваем мы один из моментов для волнений и постоянных столкновений в рядах национал-социалистской партии. Явлением того же порядка служит укрощение командиров штурмовиков путем предоставления им постов, как например в государственном совете Геринга, где имеется больше подчиненных Геринга, чем Рема. В свою очередь Рем в своем приказе против ханжества, который запрещает выступления штурмовиков против курящих женщин и даже против проституток, позволил себе обратиться с прямым приказом к полицей-президентам на том основании, что они в первую очередь являются начальниками штурмовых отрядов. Тут возникает ведомственный конфликт, из которого Рем вряд ли может выйти победителем. Однако ропот оставшихся не у дел ландскнехтов продолжает усиливаться, особенно благодаря неясному поведению Гитлера. 7 мая Гитлер в выступлении перед шлезвиг-голштинскими штурмовиками в Киле заявил: «Час расплаты настал. Оставаясь холодными, как лед, мы сделаем отсюда все выводы. Око за око, зуб за зуб». Еще в середине июня он проповедывал продолжение революции. И вдруг, спустя всего две недели, 2 июля, на съезде в Рейхенгалле он возвестил, что самым беспощадным образом выступит против так называемой второй революции.

Шаг за шагом штурмовики оттеснялись все дальше. Уже 9 мая Геринг строго-настрого запретил своим полицейским состоять в штурмовых и защитных отрядах или в Стальном шлеме, участвовать в политических демонстрациях иначе, чем организованными отря-

дами, и носить свастику—разве только на новых стальных шлемах. В начале августа он рискнул пойти еще дальше и распустил по домам вспомогательную полицию из штурмовиков. В Баварии Эпп испросил и 17 июля получил от Гитлера исключительные полномочия против эксцессов штурмовиков, которые Рем не хотел запретить.

Рем не был человеком, способным подавить свой гнев. 6 августа, в тот самый день, когда Гитлер в своей вилле в Оберзальцберге снова устроил съезд национал-социалистских вождей, Рем созвал на Темпельгофском поле всех штурмовиков Берлина, всего 82 тыс. чел., и произнес перед ними взволнованную речь, смысл которой был выражен в фразе: «Кто думает, что задачи штурмовиков уже выполнены, должен считаться с тем, что мы еще существуем». Это заявление было направлено против Геринга, против крупного промышленника Тиссена и против министра народного хозяйства Шмитта. Быть может Рем думал при этом и о Гинденбурге, из-за отрицательного отношения которого он остался на задворках. В кабинете также происходили вначале выпады против Рема в связи с его известными наклонностями. После этого Гитлер, подавляя слезы, произнес речь, в которой говорил о верности вождя и о солдатской верности. Все были растроганы, и, считаясь с товарищескими чувствами канцлера, решено было не касаться больше истории с Ремом. Все чаще стал Рем систематически ссылаться на слова Гитлера, что штурмовики являются гарантами победоносной революции. На съезде вождей в Годесберге 20 августа он обиженно заявил, что посторонние люди не вправе вмешиваться в вопрос о задачах штурмовиков, которые попрежнему должны удерживать в повиновении побежденного врага и в случае необходимости искоренить его.

МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ПРУССИЕЙ

Утешением во всех этих огорчениях могло служить для Рема то, что он и его войско все же были необходимы Гитлеру и что при изменившемся положении он снова мог выступить на передний план. Развитие власти наместников укрепляло, разумеется, состояние легальности, чего Гитлер добивался хотя бы из экономических соображений. Однако благодаря этому наместники, выступавшие против буйствующих гарантов революции, становились слишком своевольными, а в один прекрасный день могли стать опасными. Как только бывший агитатор Геринг уверился в надежности своей полиции и своих консервативных государственных советников, он не захотел больше знать штурмовиков. Высшим же руководителем штурмовиков оставался в конечном счете Гитлер.

Нельзя недооценивать значения возникающих в связи с этим противоречий. Барометром партийных настроений, как известно, является Геббельс, который заранее чувствует, как именно должен разрешиться вопрос. Его недостаточно почетная, но зато выгодная задача всегда заключалась в том, чтобы во время конфликта между двумя самыми могущественными в партии лицами быть третьим лицом, которое заблаговременно присоединяется к сильнейшему. В своей

публичной полемике против Геринга он скрытым образом намекнул на назревающее решение этого вопроса. Путем консервирования прусской государственной власти и всякого рода льгот в отношении господствующего слоя Геринг стремится создать себе политическое положение, одной из опор которого является также старый президент благодаря своим симпатиям к старой Пруссии. Политика, которую в данном случае ведет Геринг, направлена против духа национал-социализма: она является нарушением пункта 1-го, как и пункта 25-го партийной программы. Мы видели уже, как Гитлер в публичной речи выступил против этого партикуляристского своеволия.

Вся политика Геринга, поскольку она заслуживает это имя,— имеет предел, который автоматически приближается, а именно— близкую смерть Гинденбурга.

Вероятно только Гитлер и, разумеется, Геббельс знают, каким образом захватит национал-социализм последние остатки власти после смерти Гинденбурга[131]. Незадолго до назначения Гитлера канцлером рейхстаг спешно принял закон, который предусматривал, что выборы нового президента не произойдут немедленно, а заместителем главы государства должен явиться временно председатель имперского суда на срок бо́льший, чем это предусмотрено конституцией. Практическое значение этого закона было значительно ослаблено уже благодаря закону о полномочиях от 23 марта, который устраняет президента от участия в законодательстве. Еще большее значение будет иметь в этот решительный момент закон 14 июля 1933 г., который предоставляет имперскому правительству право опрашивать народ по поводу каждого своего мероприятия. Согласно параграфу 2-му «решает большинство поданных действительных голосов. Это относится также к тем случаям, когда голосование производится по поводу закона, содержащего изменения конституции». Правительство вправе опросить народ, не должен ли быть назначен регент взамен президента. Оно может выдвинуть также план, который предложил Альфред Розенберг в последнем издании своего «Мифа XX столетия». «Задачей нового основателя государства является образовать союз мужей, скажем, германский орден, который будет состоять из лиц, принимавших руководящее участие в обновлении германского народа... Глава государства—президент, император или король—будет избран пожизненно из состава совета ордена, либо большинством голосов этого совета». Пожизненный глава государства, быть может, даже выборный император, хотя именно этот романтический оборот не пользуется особыми симпатиями национал-социалистского вождя. Во всяком случае закон гласит, что Гитлер вправе спросить народ обо всем, что ему вздумается, и народ ответит, разумеется, именно то, что хочет Гитлер.

Поставит ли он когда-нибудь перед народом вопрос, не должна ли династия Гогенцоллернов снова связать каким-либо образом свои судьбы с судьбами германского народа? Вильгельм II, экс-кайзер в Доорне, участвовал в финансировании Гитлера. Его старший сын в частной беседе привел это обстоятельство в оправдание того, что сам он должен поддерживать Гитлера, хотя это противоречит

его симпатиям. Но благодарность, как известно, не политическое понятие. Какую пользу, собственно говоря, может извлечь национал-социализм из реставрации Гогенцоллернов? В спокойный период он не нуждается для собственной опоры в монархе или регенте, принадлежащем к династии. Напротив, в неустойчивое и опасное время он должен опасаться того, что монарх пожертвует им для привлечения на свою сторону расположения народа. Если же монарх не будет достаточно силен, чтобы свергнуть в таких условиях национал-социалистский режим, то и его помощь национал-социалистам окажется слишком слабой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОБОРОНЯЕТСЯ

Национал-социалистская волна, прокатившаяся по провинциям и партиям, затопила также бесчисленное множество объединений и профсоюзов, в которых было самостоятельно организовано германское народное хозяйство. В короткий сравнительно срок национал-социализм частью захватил, частью уничтожил, частью перестроил союзы работодателей, рабочих и лиц свободных профессий. Господствующая и задающая тон в Германии идеология потребовала того, чтобы это завоевание командных высот было изображено как «сословная перестройка». Однако ни о каком плане перестройки до сих пор ничего не слышно. Поэтому приходится остановиться только на процессе унификации этих организаций, который происходил в основном в трех направлениях: против предпринимательских союзов, против рабочих организаций и против крестьянства.

Из трех подвергшихся нападению групп успешней всего устояли союзы промышленников, где дело свелось лишь к некоторому изменению в составе руководящего персонала. Та борьба, которую с 1 апреля повел хозяйственный референт национал-социалистской партии д-р Отто Вагенер против германской промышленности, закончился ужасающим поражением нападающей стороны. Она не только стоила Вагенеру его поста, но и привела ряд его друзей в концентрационный лагерь. Имперский союз промышленности после вступления Гитлера на пост канцлера холодно заявил, что его отношение к правительству будет зависеть от мероприятий последнего. После этого Вагенер потребовал не только включения национал-социалистских доверенных лиц в правление имперского союза, но и отставки его председателя Круппа фон Болена и ухода управляющего делами тайного советника Кастля. Правда, эта могущественная организация была вполне готова сделать известные уступки правительству, необходимые для поддержания его престижа. Она выпустила отличавшееся весьма сдержанным энтузиазмом заявление по поводу возвещенного Гитлером национального празднества в день 1 мая. Точно так же, присоединившись в середине июня к лозунгу дня и переименовавшись в «имперское сословие германской промышленности», она этим самым исправила один из дефектов

организации германских работодателей и слилась с объединением германских союзов работодателей. Кастль оставил свой пост, на котором и без того не хотел оставаться. Напротив, Крупп остался председателем и в новом «имперском сословии промышленности». Правда, президиум с перепуга подал 6 апреля в отставку, однако вскоре с помощью Фрица Тиссена, пользующегося влиянием на Гитлера, Крупп одержал победу над комиссарами из Коричневого дома. Некоторое время Вагенер со своими коллегами Меллером и фон Люкке вмешивался в дела имперского союза. Когда же в конце июня министром народного хозяйства стал д-р Курт Шмитт, доверенное лицо хозяйства, то этому был положен конец. Вагенер хотел объединить имперский союз с профессиональными союзами в одну сословную организацию промышленности и упрекал Круппа в том, что он осмелился назвать имперским сословием лишь одну организацию работодателей. Этот протест был одним из последних должностных действий Вагенера на его посту. Его преемник по руководству этим отделом национал-социалистской партии Вильгельм Кеплер был доверенным лицом промышленников. 13 июля Гитлер ввел его в качестве уполномоченного по экономическим вопросам как в Коричневый дом, так и в правительство.

Несколько большим успехом увенчалась национал-социалистская атака на самые могущественные объединения предпринимателей Запада, на союз, который ввиду своего длинного названия— «Союз для защиты хозяйственных интересов в Рейнской области и Вестфалии»—обычно назывался «Союз с длинным именем». Руководство этим союзом, в течение ряда лет оказывавшим крупное влияние на германскую политику, принадлежало честолюбивому д-ру Шленкеру, который был раньше политически близок германской народной партии, а затем дейч-националам. Его соперником был прежний руководитель другой могущественной организации этого угольного и железорудного района, союза работодателей Северо-запада. Это был тот самый прокурор в отставке Грауэрт, которого Геринг сделал своим сотрудником в министерстве внутренних дел. Национал-социалистская атака была направлена теперь против Шленкера. Он должен был согласиться с тем, чтобы в сотрудники, т. е. фактически в качестве контролера, ему был дан один из младших командиров штурмовиков. Разумеется, такое положение долго продолжаться не могло. В конце июня Шленкер ушел. Выгоду отсюда в конечном счете извлек Фриц Тиссен, крупный акционер Стального объединения, самого крупного концерна германской тяжелой промышленности, друг Геринга, оказывавший большую финансовую помощь Гитлеру. Он старался получить в дар от правительства господство над Стальным объединением, которое в свое время Фридрих Флик захватил в свои руки и затем снова продал правительству. С помощью целого ряда слияний правительство, которое владело большинством важнейших акций концерна, должно было остаться в меньшинстве и потерять всякое влияние, а вместе с ним и 125 млн. марок, предоставленных в помощь концерну.

Уже через несколько недель после прихода Гитлера к власти все знали, что величайшие выгоды от национальной революции 1933 г. достанутся Фрицу Тиссену. После ухода Шленкера подал в отставку в начале июля также номинальный председатель «Союза с длинным именем» д-р Шпрингорум, который одновременно являлся председателем союза работодателей северо-запада. Его преемником на обоих постах стал Тиссен. О сословной организации хозяйства больше не было и речи. Кто не в состоянии был обойтись без идеологии, мог утешиться тем, что в настоящее время и в народном хозяйстве был введен принцип вождя в его чистой форме, без всякого демократического аппарата, и что вождем промышленности в важнейшей германской промышленной области является Тиссен, издавна снабжавший Гитлера деньгами и оттеснивший на задний план даже Круппа. Вдобавок Геринг ввел Тиссена в свой государственный совет. Тем самым Тиссен стал одним из могущественных людей, перед которыми должны дрожать обер-президенты. Руководители 4 национал-социалистских окружных организаций, на которые простирается власть Тиссена, поспешили поэтому в середине июля обратиться к этому крупному промышленнику с письмами одинакового содержания, в которых выражали ему свою преданность.

«Вы являетесь,—гласили письма,—высшей государственной властью в экономических вопросах нашего округа. В соответствии с этим я приказал своим органам обращаться по всем вопросам экономической политики, за исключением вопросов сельскохозяйственных, только к вам и считать ваши решения обязательными».

Преисполненный гордости, Тиссен опубликовал это письмо, угрожая рабочим организациям и требуя, чтобы они не смели нарушать мир на предприятиях. Хотя это и был вполне национал-социалистский лозунг, однако слова Тиссена вызвали раздражение среди национал-социалистских вождей и побудили имперского министра труда Зельдте выступить 21 июля с высокомерным контрзаявлением, в котором за Тиссеном (имя его при этом не было названо) отрицалось право вмешательства в вопросы труда, а Герингу напоминалось, что в данном случае речь идет о вопросах, касающихся всей Германии, а не одной лишь прусской провинции.

ОГЛУШЕННОЕ СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ

Печальнее всего кончилась национал-социалистская атака на торговые организации, производившаяся из рядов среднего сословия; печально не для главных ее действующих лиц, а для самого дела. В 1932 г. в рамках национал-социалистской партии был основан «Боевой союз промышленного среднего сословия», руководителем которого являлся бывший вождь национал-социалистской молодежи д-р Теодор-Адриан фон Рентельн. С Боевым союзом была связана для миллионов национал-социалистских избирателей великая надежда, во имя которой они отдали Гитлеру свои голоса. Мелкие лавочники расхаживали в 1932 г. по большим универсальным магазинам, высматривая себе там отдельные местечки, где, в соот-

ветствии с пунктом 16-м партийной программы, «третья империя» должна была устроить для них прилавки. 16-й пункт, как известно, обещал «немедленную муниципализацию крупных торговых предприятий и их сдачу в наем по дешевым ценам мелким промышленникам».

Своего первого «успеха» Боевой союз добился 28 марта, когда Главное объединение германского союза розничной торговли предоставило в своем правлении членам национал-социалистской партии 51% голосов. 4 мая это объединение слилось с прочими оптовыми и розничными торговыми союзами в единое «имперское сословие германской торговли». Вождем этого имперского сословия был избран сам д-р фон Рентельн. За день до того он был избран также вождем нового «имперского сословия германского ремесла», как был переименован прежний имперский союз. Заместителем Рентельна и фактическим руководителем этого союза стал д-р Целени.

После некоторого сопротивления, исходившего от Гугенберга, Боевой союз завоевал также «Съезд германской промышленности и торговли». Съезд представлял собой объединение всех германских торговых палат. Последние являются органами публично-правового порядка, представляющими перед правительством интересы всего хозяйства какого-либо округа. Кроме того они располагают некоторыми правами контроля над хозяйством.

22 июня Съезд промышленности и торговли избрал д-ра фон Рентельна своим единственным председателем. Его прежний председатель д-р Грунд объяснил свою отставку тем, что «необходимо пойти навстречу требованиям времени». В своей вступительной речи д-р фон Рентельн обещал повести завоеванную им организацию навстречу счастливым временам; для этого его полномочия должны быть расширены, хозяйство в соответствии с национал-социалистской идеей должно само управлять собой и торговые палаты должны стать краеугольными камнями грядущего сословного переустройства Германии.

Это были неосторожные слова, ибо в национал-социалистском движении имелись люди, более могущественные, чем д-р фон Рентельн, которые совершенно иначе представляли себе краеугольные камни сословного переустройства. Организационный руководитель партии д-р Лей предназначал для этой цели рабочие организации. Наконец самый сильный из них, Гитлер, положил конец этому спору. Гитлер приостановил сословную перестройку и на время отложил покровительственную политику в отношении среднего сословия. Это ужасное разочарование, о котором мы будем говорить подробнее ниже, вызвало ряд манифестаций протеста, во время которых не были соблюдены даже внешние формы вежливости в отношении национал-социализма. Лей воспользовался этим, чтобы в силу своих партийных полномочий и с согласия Гитлера избавиться от конкурента. 7 августа он объявил Боевой союз промышленного среднего сословия распущенным. Он разбил его на две различных организации. Первая из них называлась «Национал-социалистская

ремесленная, торговая и промышленная организация», вторая— «Объединенный союз германского ремесла, торговли и промышленности». Первая из них объединяет тех членов, которые вступили в прежний боевой союз до 1 мая, вторая—всех остальных. Практически это разделение означало не что иное, как исключение всех «конъюнктурных национал-социалистов», а вместе с тем серьезное ослабление роли среднего сословия внутри партии. Тем самым движение среднего сословия, которое стало стеснительным для национал-социалистских вождей, было оглушено ими; умерло ли оно, покажет будущее.

ЗАВОЕВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ

Самый бурный и помпезный характер носило вступление национал-социализма в рабочие организации. Профсоюзы всех направлений, включая близко стоявшие к социал-демократии, пытались мирно ужиться с национал-социализмом, выразив ему свою преданность. В день вступления Гитлера в должность канцлера Теодор Лейпарт, председатель свободных профсоюзов, выставил следующий лозунг: «Правда, мы находимся в оппозиции к новому правительству, однако лозунгом дня является организация, а не демонстрация». После 5 марта свободные профсоюзы отказались даже от этой умеренной оппозиции. Штурмовики заняли профсоюзные дома. 7 апреля Лейпарт в речи, произнесенной в комитете Всеобщего объединения германских профсоюзов, заявил, что профсоюзы вправе потребовать признания со стороны правительства, ибо и они в свою очередь признали великую цель, преследуемую правительством, а именно—построение внутренней и внешней свободы нации, базируясь на творческих силах всего народа.

Самое слабое сопротивление национал-социалистам оказали союзы служащих, ибо здесь наибольшим политическим влиянием с давних пор пользовался крайне правый антисемитский союз— «Германский национальный союз приказчиков». 29 марта ушел в отставку основатель и вождь Всеобщего свободного союза служащих, социал-демократ и депутат рейхстага Ауфгейзер. Спустя месяц союз распался сам собой. Напротив, рабочие профсоюзы, несмотря на тактику предупредительности в отношении правительства, оказались жизнеспособнее, чем союзы служащих, занимающие колеблющуюся политическую линию. Перевыборы фабзавкомов, которые произошли 2 марта на берлинских коммунальных предприятиях, показали, что господство свободных профсоюзов далеко не было сломлено. Наряду с ними утвердились только коммунисты, между тем как национал-социалисты получили всего несколько процентов голосов.

То, с чем не справилась революция снизу, было довершено сверху. 5 апреля имперское правительство издало «закон о представительстве на предприятиях и в хозяйственных объединениях». Он давал работодателю право увольнять любого рабочего «по подозрению в противогосударственных взглядах». Частью добровольно,

частью под нажимом «коричневых рубашек» многие работодатели выбросили после этого на улицу своих «марксистов». Закон этот сломил сопротивление на предприятиях. Единственной рабочей организацией национал-социалистов были национал-социалистские ячейки на предприятиях, которые, судя уже по названию, охватывали только национал-социалистов в отдельных предприятиях и вели с их помощью пропаганду. При такой организации они не в состоянии были выступать в вопросах заработной платы в какой-нибудь отрасли производства. Вожди организации национал-социалистских ячеек на предприятиях хотели того же самого, чем занимались ранее национал-социалистские вожди среднего сословия: они хотели сохранить профсоюзы и занять в них руководящие посты. Некоторые рассчитывали, что этого удастся добиться мирным путем и уговаривали Лейпарта, равно как и его коллегу Грасмана, добровольно и без шума уйти со своих постов. Лейпарт не пришел по этому поводу ни к какому решению.

ПЕРВОЕ МАЯ

Лейпарт безусловно примирился с новым политическим положением. Национал-социалисты возымели блестящую пропагандистскую мысль объявить первое мая, давний рабочий праздник, национальным праздником и на законном основании приостановить в этот день работу, чего социал-демократы не могли добиться даже во времена республики. 20 апреля свободные профсоюзы приняли решение, в котором приветствовали введенный законом первомайский праздник национального труда и предложили своим членам повсеместно участвовать в устраиваемом по инициативе правительства празднике, «в полном сознании своих пионерских заслуг в деле первого мая, в почитании созидательного труда и вполне заслуженном вовлечении рабочих в государство».

Первого мая «национальный праздник» был отпразднован с большой пышностью. Речь Гитлера многих разочаровала. Ее никак нельзя считать одной из лучших его речей. Раньше всего она не содержала того, что надеялись услышать многие: конкретной программы хозяйственного развития и создания работ. Указание на второстепенный по существу проект, а именно на постройку автомобильных дорог, подействовало на массы раздражающе. Основная мысль его речи заключалась в том, что физический труд должен быть освобожден от того пренебрежительного отношения, с которым к нему еще относятся в обществе. «Чтите труд и уважайте рабочих». В общем эта идея оказала более сильное, можно сказать, романтическое влияние на слои народа, не занимающиеся физическим трудом, чем на рабочих, которые больше заинтересованы в получении справедливо оплачиваемой работы и в человеческом рабочем дне. Таким образом речь эта являлась по существу обходом социального вопроса. Это было совершенно неуместное важничание, пренебрегавшее вопросами хлеба насущного во имя социальной чести, а возможно лишь во имя снисходительного отношения к меньшему брату. Эти взгляды

«Фелькишер беобахтер» несколько лет назад поэтически выразил следующим образом:

«Bruder im Gold und Seid,
Bruder im Arbeitskleid,
Reicht euch die Hand!»*

Почему вообще существует разница между золотом, шелком и грубым сукном—этого Гитлер первого мая не сумел объяснить.

«ГЕРМАНСКИЙ РАБОЧИЙ ФРОНТ»

За блестящими кулисами этого национального праздника уже стояли наготове подрывные команды, которые должны были взорвать профсоюзы. 2 мая между 10 и 11 часами утра ко всем профсоюзным домам в Германии подъехали грузовики с членами штурмовых и защитных отрядов. Они заняли помещения союзов и арестовали их вождей. Лейпарт, Грасман и бывший министр труда Виссель были арестованы, избиты и отведены в концентрационный лагерь. Этим выступлением руководил доктор Лей, шеф национал-социалистской партийной организации. Он выпустил воззвание, в котором заявил:

«Рабочий, твои учреждения священны и неприкосновенны для нас, национал-социалистов. Сам я бедный крестьянский сын и знаю нужду. Рабочий, клянусь тебе, мы не только сохраним для тебя все, что существует теперь, но и расширим охрану и права рабочего, чтобы он стал в новом, национал-социалистском государстве полноценным и почетным членом народа».

Все профсоюзы были объединены в один «Германский рабочий фронт». Это было воинственное название, весьма странное для организации, которая должна была знаменовать собой конец классовой борьбы. 10 мая в Берлине на имперском конгрессе этого фронта Гитлер произнес речь, в которой призывал рабочих «устранить у миллионов, стоящих по другую сторону, мнение, будто они остаются внутренне чуждыми германскому народу и его восстанию». Тогда якобы в Германии все люди, стремящиеся только к величию своего народа, обретут друг друга.

Как просто разрешится в таком случае социальный вопрос— «они уже как-нибудь столкуются между собой, и если бы от случая к случаю снова возникли сомнения и суровая действительность разыграла какую-нибудь из своих шуток, то почетнейшая задача правительства в качестве честного маклера будет состоять в том, чтобы снова соединить готовые опуститься руки».

И в отношении профсоюзов преобразовательная деятельность национал-социалистов свелась до настоящего времени лишь к их внешнему завоеванию. Параллельные организации, которые возникли в хаосе различных направлений, были постепенно слиты. Таким образом в конце июня существовали только 14 рабочих союзов для такого же количества отраслей промышленности. Они представляли собой столпы германского рабочего фронта. Наряду с ними из объединения различных организаций служащих возник еще один столп этого

* «Брат в золоте и в шелку, брат в рабочем платье, подайте друг другу руки!»

фронта. Даже предпринимателей Лей хотел включить в свой рабочий фронт, однако его односторонний «приказ» практически не дал никаких результатов. Обоими столпами рабочего фронта управляет центральное бюро, которое до известной степени является личным бюро Лея. Управлением в непосредственном смысле слова ведает «малый рабочий конвент». Представители различных союзов образуют «большой рабочий конвент». Заместителем Лея, который несет обязанности и по партийной линии, является его старый сотрудник, депутат рейхстага Шмеер. Наряду с новым профсоюзным аппаратом сохранилась прежняя организация национал-социалистских ячеек на предприятиях, значение которой сильно уменьшилось. Она продолжает заниматься вербовочной работой для национал-социалистской партии и находится под руководством депутата рейхстага Шумана.

Доктор Лей рассчитывал, что германский рабочий фронт явится для него позицией, которая поможет ему стать первым человеком в государстве после Гитлера и превзойти Геринга. Однако здесь его ждало полное разочарование. Геринг всяческими способами дал ему почувствовать свое превосходство. Сам Лей своевременно понял, что он должен пойти навстречу предпринимателям. В статье, помещенной в «Фелькишер беобахтер», он обещал работодателям, что они снова станут хозяевами в своем доме, если только согласятся стать слугами народа в целом. Иными словами, национал-социалистские профсоюзы не будут чинить помех предпринимателям, если последние будут политически поддерживать правительство. Лей мечтал о том, что рабочий фронт станет равнозначущим великой сословной перестройке, к которой сведется вся политическая жизнь Германии.

Эти надежды оказались тщетными благодаря двум событиям. Профсоюзы утратили большую часть своего значения в связи с «законом о доверенных лицах труда», который имперское правительство издало 19 мая. Эти доверенные лица, которых рейхсканцлер назначает по предложению провинциальных правительств для крупных экономических районов, должны быть «честными маклерами», о которых говорил Гитлер. Закон этот отменял самовластие Лея, который вместе с Вагенером, имперским комиссаром народного хозяйства, назначенным национал-социалистской партией, рассадил повсюду своих так называемых окружных руководителей. С помощью этих руководителей национал-социалистская партия хотела сохранить за собой право вмешательства в конфликты между трудом и капиталом и намеревалась не допускать открытой борьбы. Теперь государство отнимало у них эти полномочия. Доверенные лица вплоть до «нового урегулирования социального законодательства» устанавливают вместо профсоюзов и союзов предпринимателей условия коллективных договоров, обязательность которых остается неприкосновенной. Следует избегать, чтобы обе стороны в будущем противостояли друг другу как классовые противники; однако нынешние организации еще не созрели для этого идеального состояния. Это было свидетельством о неспособности Лея, который в середине июня

на международной рабочей конференции своим грубым и бессмысленным выступлением вызвал всеобщее возмущение и насмешки. Все, что последовало за тем, является, собственно говоря, лишь прелюдией к его неизбежному падению.

Ведомственная бюрократия с помощью этого закона уничтожила в настоящее время значение профсоюзов. Поворот в экономической политике, происшедший в начале июля, разбил все надежды Лея на будущее. Был издан ряд распоряжений относительно того, что подготовительные работы по сословной перестройке Германии должны быть приостановлены. Больше того, под конец даже дискуссия о сословной перестройке была взята под подозрение как саботаж. С тех пор Германский рабочий фронт существует скорее для представительных целей. Он стал принудительной организацией, которая временно обеспечивает своим членам их место работы и за свои услуги получает довольно значительные доходы.

БОРЬБА ЗА ПАШНЮ

В области аграрной политики национал-социализм и после прихода Гитлера к власти оставался долгое время в оппозиции, ибо сельскохозяйственное ведомство досталось Гугенбергу. Уже тогда в распоряжении национал-социалистов находилась численно самая крупная крестьянская организация в Германии—так называемый «Аграрно-политический аппарат национал-социалистской партии», весьма циничное название для союза, состоящего из живых людей. В названии этом совершенно бессознательно отразилась холодная погоня его творцов за властью. Гугенберг хотел улучшить бедственное положение германского народного хозяйства путем повышения цен на аграрные продукты. Напротив, вождь «Аграрно-политического аппарата» Дарре в соответствии с национал-социалистскими установками видел исцеление в понижении процентной ставки по крестьянским долгам, которую он хотел понизить до 2%. Сначала Гугенберг невозбранно проводил свои планы. Путем ревизии таможенных ставок он еще до выборов в рейхстаг сильно поднял цены на молоко и жиры. Одновременно он издал постановление, согласно которому охрана сельского хозяйства от продажи имущества за долги, которая уже существовала в восточных провинциях, была распространена на всю Германию. Продажа с молотка земли и сельскохозяйственного инвентаря была временно—до 31 октября—просто-напросто запрещена. Впрочем общим убеждением дейчнационалов и национал-социалистов являлось то, что крестьянство должно быть спасено за счет других частей народа. 5 апреля в своей речи перед германским сельскохозяйственным советом Гитлер заявил, что считает своей важнейшей опорой крестьянское сословие, в котором сосредоточено будущее нации. Германский народ может обойтись без городских жителей, но не без крестьян. Ради них нужно запастись мужеством, не боясь стать до известной степени непопулярным.

Между тем Гугенберг продолжал гнать вверх цены и облегчать

налоговое бремя, стараясь по возможноети не нарушить системы кредита. К концу апреля он разработал законопроект об уменьшении долгов сельского хозяйства, который согласно капиталистическим принципам являлся нарушением договоров с разрешения закона. Сельскохозяйственные долги, превышавшие известную сумму, должны быть уменьшены на 50%, а процентная ставка должна была быть снижена до $4^{1}/_{2}$%. Однако и это Дарре счел недостаточным. Во время торжественного государственного визита, который он нанес Гугенбергу и его сотруднику, государственному секретарю фон Рору, Дарре потребовал снижения процентной ставки до 2%. Гугенберг воскликнул, что благодаря своим таможенным ставкам он поднял цену на молоко на 1 пфенниг и этот лишний пфенниг гораздо важнее для сельского хозяйства, чем уменьшение процентной ставки на 2%. Противники расстались непримиренными. Совершенно неожиданно в борьбу вмешался Шахт, однако не с тем, чтобы оказать поддержку Гугенбергу или Дарре. Он нашел слишком смелым даже понижение процентной ставки до $4^{1}/_{2}$%. Однако Гугенберг настоял на своем, и его предложение о сложении задолженности стало 1 июня законом. Это было самым крупным актом в его министерской деятельности.

«КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВОРЯНСТВО»

Тем временем Дарре в другом месте, где он пользовался большим влиянием, успел провести свой излюбленный план. Прусское министерство юстиции, находившееся в национал-социалистских руках, опубликовало разработанный им «закон о наследственных дворах». Целью этого закона являлось—сделать заповедными дворы издавна оседлых крестьянских родов. Эти дворы нельзя было продавать, и они должны были оставаться в роду неделимыми. Таким образом Дарре рассчитывал положить конец «номадизированию» земли и воспитать из крестьянства, которое он считал ядром народа, на охраняемых законом крестьянских дворах новое «дворянство крови и земли». Главною целью закона было—не допускать впредь продажи и обременения долгами крестьянских дворов и навязать это благодеяние целому ряду поколений даже против воли нынешнего поколения. Закон этот в конце сентября был распространен на всю Германию. Вместе с законом о наследственных дворах во всей Германии была создана новая форма крестьянского землевладения, которая до сих пор существовала только в отдельных местностях.

Покуда Гугенберг держал в своих руках министерство сельского хозяйства, подобное законодательство являлось лишь романтической прогулкой, затрагивавшей эту проблему только стороной. Главным занятием Дарре в то время являлась революция снизу против министра дейч-националов. 4 апреля он заставил все еще влиятельную сельскохозяйственную организацию—имперский ландбунд—слиться воедино с крестьянскими союзами и с его собственным Аграрно-политическим аппаратом. Во главе этого объединения было поставлено «Имперское руководство германского крестьян-

ского сословия». Его верховным покровителем был Гитлер, а председателем—Дарре, который тем самым стал хозяином всего германского крестьянского движения. Спустя месяц национал-социалисты сместили председателя ландбунда графа Калькройта якобы по подозрению в продажности, которое позже оказалось несостоятельным. Его место занял сотрудник Дарре Мейнберг. Германский сельскохозяйственный совет—публично-правовой орган в области сельского хозяйства, наподобие съезда промышленности и торговли,—избрал в середине мая своим председателем Дарре. Таким образом все сельскохозяйственные организации находились уже в его руках, когда в конце июня политическая борьба между национал-социалистами и дейч-националами кончилась уничтожением последних и Гугенберг ушел с поста министра.

АГРАРНАЯ ДИКТАТУРА ДАРРЕ

Гитлер назначил Дарре, которого он считал реформатором исторического масштаба в области сельского хозяйства, на пост имперского министра народного питания и прусского министра сельского хозяйства. Депутат рейхстага национал-социалист Виликенс был назначен государственным секретарем прусского министерства сельского хозяйства. В имперском министерстве народного питания, где Дарре до конца сентября должен был примириться с пребыванием сотрудника Гугенберга фон Рора в качестве статс-секретаря, ибо этого желал Гинденбург, лицом, пользующимся его доверием, являлся Бакке, комиссар для особых поручений.

Первым делом Дарре после вступления в должность было заявление, что обещанное им понижение процентной ставки не может быть проведено. Отношение-де его, Дарре, к закону Гугенберга о сложении задолженности известно, однако немедленное изменение этого закона невозможно. Верно здесь было то, что назначенный одновременно с Дарре министр народного хозяйства Шмитт отказался бы занять свой пост, если бы его коллега по сельскохозяйственному ведомству позволил себе хоть словом обмолвиться о снижении ставки до 2%. Положение германского хозяйства в конце июня 1933 г. было столь катастрофическим, что Гитлер в данный момент скорее мог обойтись без реформатора Дарре, чем без специалиста Шмитта. Дарре же считал, что министерство стоит каких-нибудь 2%.

Вальтер Дарре родился в 1895 г. Как и многие руководящие национал-социалисты, он является заграничным немцем. Родом он из Аргентины. В течение нескольких лет Дарре находился на имперской и прусской государственной службе в качестве сельскохозяйственного эксперта по прибалтийским странам. Знакомство с крестьянским укладом в северных странах привело его к изучению проблемы, которая благодаря его формулировке «о связи между кровью и землей» приобрела известность политического лозунга. По возрасту он может поспорить со своим коллегой Геббельсом, по своему тщеславию он, пожалуй, превосходит его. Спустя несколько

дней после своего назначения министром он согласился на то, чтобы нассауские крестьяне вблизи Висбадена, где Дарре написал свою книгу о «Крестьянстве как источнике северной расы», поставили ему, человеку едва достигшему 38 лет, базальтовый памятник весом в 120 центнеров со следующей надписью: «Р.-В. Дарре благодарное крестьянство его родного нассауского округа». Он сам произнес речь при освящении своего собственного памятника. О своих задачах Дарре говорит с огромным пафосом. Ведь дошел же он до того, чтобы в месте своего летнего отдыха запретить представление оперетты «Веселый крестьянин», так как содержащаяся в ней сатира не совместима с идеей о том, что крестьянство является основой новой Германии.

При своем вступлении в должность Дарре возвестил, что его задачей как национал-социалиста явятся поддержание в деревне духа народности и забота об увеличении численности крестьянства. Города-де являются только «народными потребителями». Сохранение народности—вот основное мероприятие, благодаря которому крестьянство должно быть спасено. Другим мероприятием является обеспечение независимости пропитания народа. При этом не следует односторонне уделять внимание аграрным ценам. С помощью одних лишь хозяйственных мероприятий нельзя помешать тому, чтобы германское крестьянство не очутилось через несколько десятилетий в том же положении, в котором оно находится в настоящее время. Вообще согласно национал-социалистским представлениям не хозяйство, а человек и культура играют главную роль. Сохранение крестьянства не является вопросом о ценах, а о государственном праве. Дарре хочет таким образом путем принуждения со стороны государства, началом которого является закон о наследственных дворах, прикрепить крестьянина к земле даже ценой жертв с его стороны, хочет заставить его принять участие в жертвах, которые несет народ во имя сохранения крестьянского сословия. Иными словами, он хочет заставить его остаться крестьянином, хотя бы он больше не хотел им быть. Во имя какой высшей цели он требует этого от крестьянина? Во имя того, что мировую войну Германия в значительной мере проиграла не будучи в состоянии сама прокормить себя.

После своего назначения министром Дарре надеялся, что легко сможет овладеть движением цен на хлебном рынке. Богатый урожай, вызванное им падение цен, а также не совсем благоприятное для развития цен устранение еврейской посреднической торговли вынудили его солиднее взяться за дело.

В середине сентября имперский закон предоставил ему полномочия включить в «имперское сословие питания» не только сельское хозяйство, но и потребителей, объединенных в общества, которые носят характер принудительных синдикатов. В первую очередь министр в праве диктовать цены на пшеницу и рожь и ограничивать размеры посевной площади. Эти полномочия так сильно нарушили восхваляемую Гитлером свободу хозяйства, что имперское правительство по требованию Шмитта должно было выступить с успокои-

тельными заверениями: о подобном регулировании остального хозяйства оно-де не помышляет. Таким образом сельское хозяйство, чьи долги были заморожены государством, было изъято также из-под влияния естественного хозяйственного процесса.

Хозяйство должно быть свободно, но сельское хозяйство имеет все же диктатора.

Дарре очень осторожно высказал свое мнение по поводу колонизации и крупного землевладения. Он-де полагает, что некоторые крупные землевладельцы, быть может, предпочтут избавиться от своих переобремененных долгами поместий и удовольствуются взамен них крестьянскими наследственными дворами. Однако гугенберговский закон о запрете продажи имений с молотка, а также закон о сложении задолженности способствовали сохранению многих поместий, которые были не жизнеспособны. Никогда еще на земельном рынке в германских восточных провинциях, который раньше был наводнен предложениями о продаже просроченных поместий, не предлагалось так мало земли для колонизации, как в 1933 г. Руководитель померанской окружной национал-социалистской организации государственный советник Карпенштейн грубо, но выразительно потребовал, чтобы крупные землевладельцы добровольно предоставили свою землю для колонизации. Помещики в Восточной Пруссии заблаговременно, без публичного напоминания, сами заявили о своей готовности уступить свою землю, однако лишь при условии, что она достанется в первую очередь их местным безземельным крестьянам. В общем и целом переселение крестьян при национал-социализме по настоящее время развивается далеко не в соответствии с обещаниями бранденбургского обер-президента Кубе, который заявил, что его программа колонизации будет «значительнее, чем освобождение крестьян бароном фон Штейном». Официальная политика скорее следует советам Геринга, который заявил 17 марта в Штеттине на собрании померанского ланбунда, что в соответствии со здравым смыслом он понимает вещи следующим образом: «Не нужно, с одной стороны, заниматься колонизацией, а с другой—разрешать, чтобы имения гибли. Прежде всего нужно позаботиться о сохранении того, что уже существует».

Это были слова, которые нашли глубокий отклик в сердцах крупных землевладельцев. За этими словами последовал символический жест. Заключался он в том, что 28 августа Геринг подарил главе всех крупных землевладельцев в Германии, старому президенту, принадлежавшее государству поместье Лангенау, которое было присоединено к его прежним владениям. Гитлер удвоил ценность этого подарка, освободив имение от налогов на все время, пока оно будет находиться во владении мужской линии рода Гинденбургов.

СКАЧКА НА ВОСТОК

Заселение германского Востока крестьянами взамен крупного землевладения было в Германии одной из самых популярных эко-

номических идей. При этом люди большей частью недооценивали существующие трудности. Национал-социалистские агитаторы охотно пользовались лозунгом о колонизации. Руководство же, а именно Гитлер, вело себя сдержанно, выдвигая, правда, совершенно необычный аргумент. Так, Гитлер в своей книге пишет:

«Для нас, немцев, лозунг „внутренней колонизации“ вреден уже потому, что он укрепляет среди нас мнение, будто мы открыли средство, которое в соответствии с пацифистскими взглядами позволяет в спокойной полусонной жизни „доработаться“ до лучшего существования. Это учение, если бы мы отнеслись к нему серьезно, означает конец всякому усилию добыть себе место на этом свете, которое нам подобает... Во всяком случае такая земельная политика не может быть осуществлена где-нибудь в Камеруне, а может быть осуществлена в настоящее время только в Европе. Нужно совершенно холодно и трезво стать на ту точку зрения, что, разумеется, не небеса распорядились о том, чтобы один народ получил на этом свете в 50 раз больше земли, чем другой. В таких случаях нельзя позволить, чтобы политические границы отвели нас в сторону от границ вечного права. Если на этой земле действительно есть место для всех, то пусть же нам дадут столько земли, сколько нам необходимо для жизни».

Таким образом «колонизационная политика» национал-социализма заключается не в разделении и парцелляции крупного землевладения в Восточной Германии, а в завоевании новых земель в Восточной Европе. Завоевание—вот мысль, которая меньше всего способна заставить побледнеть Гитлера. Ибо в том же разделе своей книги он заявляет:

«Либо мир управляется согласно представлениям нашей современной демократии, и тогда в каждом решении центр тяжести склоняется в пользу наиболее многочисленных рас, либо мир управляется по законам естественного соотношения сил, и тогда побеждают народы с более жестокой волей и притом не народы, способные к самоограничению. Не приходится сомневаться, что этому миру придется когда-нибудь пережить ожесточенную борьбу за существование человечества. В конечном счете побеждает всегда только инстинкт самосохранения. Под его влиянием так называемая гуманность, представляющая собою смесь глупости, трусости и мнимого всезнайства, тает, словно снег под лучами мартовского солнца. Человечество стало великим в вечной борьбе—при вечном мире оно погибнет».

В основе всех этих мыслей лежит ложная предпосылка. Гитлер исходит из предположения, что численность германского народа в течение одного столетия достигнет 250 млн. чел. В действительности германский народ не размножается в такой пропорции. Напротив, его численность постепенно уменьшается. По подсчетам имперского статистического бюро, в 1980 г. Германия будет насчитывать только 50 млн. жителей. В связи с этим земельная политика Гитлера лишается своих предпосылок. Что же касается вечной борьбы, то тем временем сам рейхсканцлер Гитлер должен был понять, что в соответствии с новейшими успехами в этой области кривая роста германского

населения может в результате этой борьбы пасть гораздо ниже, чем при сохранении «неестественного» мира.

МЕЛКИЙ ЛАВОЧНИК ПРОИГРЫВАЕТ СРАЖЕНИЕ

Мы можем коснуться здесь лишь некоторых важнейших пунктов экономической политики национал-социалистского государства. Важнейшим событием и для германского хозяйства явилось в 1933 г. крушение Лондонской мировой экономической конференции. Оно свело на-нет величайший экономический шанс правительства Гитлера, а именно надежду, что начало национал-социалистского режима совпадает с естественным оживлением мирового хозяйства. Это оживление не наступило ни на мировом рынке, ни—с помощью какого-нибудь чуда—на германском внутреннем рынке. Тем временем сократилась германская внешняя торговля частью вследствие политического бойкота, а в еще большей степени благодаря растущей во всем мире тенденции к автаркии. В связи с этим председатель Рейхсбанка д-р Шахт после бесплодных переговоров с иностранными кредиторами объявил 8 июля об отказе Германии платить по своим долгам, что было названо мораторием трансфера. Фактически это означало, что Германия не уплачивала больше процентов по большинству своих иностранных долгов. Отдельные же должники внутри страны должны были независимо от этого вносить проценты и платежи в погашение долга. Эти взносы использовались для предоставления субсидий германским экспортерам, с тем чтобы они могли понизить цены и побить иностранную конкуренцию. С помощью картелирования эта возможность «демпинга» была использована еще в большей мере.

В общем Гитлер в первые месяцы своего правления, когда борьба за власть казалась ему важнее, чем укрепление хозяйства, предоставил руководство экономической политикой Гугенбергу. Этим самым он также отдавал дань своим основным взглядам, а именно тому, что политика важнее хозяйства. «Капитал служит хозяйству, а хозяйство народу»—таково было несколько банальное экономическое учение, содержащееся в речи, с которой он выступил в рейхстаге 23 марта. Национал-социалисты встретили эти слова бурными аплодисментами. Что же касается экономических методов, то «правительство будет стремиться оживить экономические интересы народа не посредством организованной государством хозяйственной бюрократии, а с помощью максимального поощрения частной инициативы на основе признания частной собственности». После этих слов, согласно отчету рейхстага, следуют уже не бурные аплодисменты «коричневых рубашек», а только «оживленное одобрение справа и в центре». Гитлер предоставлял капитализму новый шанс укрепить свое существование. Покуда правил Гугенберг, активность национал-социалистов в области экономической политики сводилась преимущественно к выступлениям ее организаций среднего сословия. Проводился бойкот универсальных магазинов и потребительских обществ, которые были доведены до разорения; при случае их руководители подвергались

арестам; жестокие преследования грозили тем, кто, невзирая на этот бойкот, покупал в этих магазинах. Это разрушение функционирующих хозяйственных организаций называлось сословной перестройкой Германии! Еще 31 мая Гитлер обещал представителям среднего сословия выпустить в скором времени общий закон о сословной перестройке. Однако он тогда уже намекнул, что не следует связывать с этим слишком больших надежд: жизнь-де нельзя втиснуть в определенные рамки, сословная перестройка должна совершиться органически снизу. В то время как вожди среднего сословия хотели разрушить универсальные магазины, а неразумные провинциальные правительства в погоне за популярностью оказывали им в этом поддержку, имперское правительство предоставляло универсальным магазинам кредиты из государственных средств, достигавшие многих миллионов марок.

Это нежелание национал-социалистского государства портить из-за среднего сословия свои отношения с заправилами хозяйства сказалось уже в издании противоречивых законов и в способе их применения. Один из законов об охране среднего сословия, который был разработан министерством народного хозяйства в середине марта и удовлетворял интересам розничных торговцев, так и остался на бумаге. В начале апреля действительно был издан закон «в защиту розничной торговли». Важнейший пункт его сводился однако лишь к запрету открывать новые розничные магазины до 1 ноября 1933 г. В универсальных магазинах была запрещена продажа прохладительных напитков и отменены мастерские. Закон 15 июля предоставлял провинциям право ввести налог на универсальные магазины. Однако самая крупная из провинций, Пруссия, не воспользовалась этим законом. Чтобы довести до крайнего предела разочарование среднего сословия, заместитель вождя национал-социалистской партии Гесс, ближайший сотрудник Гитлера, опубликовал 7 июля заявление, которое гласило:

«Отношение национал-социалистской партии к вопросу об универсальных магазинах принципиально остается неизменным. Его разрешение последует в свое время в духе национал-социалистской программы. Ввиду общего хозяйственного положения партийное руководство считает недопустимыми активные выступления, ставящие себе целью заставить закрыться универсальные магазины и другие подобные им предприятия. Членам национал-социалистской партии впредь запрещается предпринимать какие-либо действия против универсальных магазинов и подобных им предприятий».

Еще ревностнее выступил Лей на защиту столь ненавистных ранее потребительских обществ. Со времени «унификации» они принадлежали Германскому рабочему фронту. Тем самым национал-социализм внезапно оказался заинтересованным в этих обществах—как и во многом другом, против чего до захвата власти он так легкомысленно выступал. Еще 29 мая Лей просил у своих друзей, чтобы те предоставили ему лишь немного времени для органического «распутывания» потребительских обществ. Кое-что он успел тем временем

сделать: «Я распорядился, чтобы в течение 8 дней по возможности все места были заняты убежденными национал-социалистами». После этой реформаторской деятельности все разыгралось, как по нотам. 5 июля Лей обрушился на Боевой союз среднего сословия, выступив против его вмешательств в деятельность потребительских обществ: «то, что благодаря такому вмешательству полмиллиона людей может остаться без хлеба, повидимому, совершенно безразлично этим эгоистическим элементам». Наконец 19 июля имперский министр хозяйства в согласии с рейхсканцлером официально сообщил в циркуляре провинциальным правительствам, «...что нет никаких политических сомнений по поводу дальнейшего существования потребительских обществ». Для компенсации среднего сословия—как говорилось в циркуляре—в соответствующий момент будут приняты нужные меры.

Таким образом потребительские общества и универсальные магазины были спасены, а среднее сословие утратило еще одну надежду.

ХЛЕБ ВАЖНЕЕ УНИФИКАЦИИ

Тем временем произошел великий политический сдвиг, который 27 июня привел к отставке Гугенберга. Его преемником в имперском министерстве народного хозяйства стал генеральный директор страхового концерна Алианц д-р Курт Шмитт, который не так уж давно состоял в национал-социалистской партии. Во всяком случае он стоял ближе к Гитлеру, чем многие другие представители хозяйства, хотя сам он все еще не мог считаться таким представителем. Национал-социалисты крайне нуждались в новом человеке, которому можно было бы доверить хозяйство. После 5 марта многие предприниматели снова обрели мужество и стали надеяться на близкую стабилизацию. Это обещало уже давно невиданное повышение биржевых курсов. За ним однако последовало новое падение, в котором повинно было враждебное отношение заграницы. Оно сказалось особенно со времени бойкота евреев, проведенного 1 апреля. Далее в этом были повинны также внешнеполитические осложнения, слухи о войне, разгул штурмовиков и боевых союзов, а также явная неспособность Гитлера положить им предел. Доверие было поколеблено, и это также можно было проследить по движению биржевых курсов. Вступление Шмитта в правительство было ознаменовано поэтому генеральной чисткой среди экономических вождей партии и торжественным отказом от «революции».

В трех речах Гитлер возвестил этот отказ. 2 июля на съезде вождей штурмовиков в Рейхенгале он заявил, что существуют 4 фазы национал-социалистской революции: 1) подготовка; 2) завоевание политической власти (эта фаза близится к концу); 3) восстановление тотальности государства (эта фаза очевидно должна быть отсрочена) и 4) разрешение проблемы безработицы, вокруг которой сегодня должны быть сконцентрированы все силы, ибо она имеет решающее значение для успеха. Он, Гитлер, будет беспощадно бороться против так называемой второй революции, ибо она ведет к хаосу. Это был явный выговор

Геббельсу и баварскому министру Вагенеру, которые проповедывали вторую революцию.

7 июля Гитлер заявил имперским наместникам, что революция не является перманентным состоянием. «Не следует смещать хозяйственника, если он хороший хозяйственник, но еще не национал-социалист, особенно в том случае, если национал-социалист, которого хотят посадить на его место, ничего не смыслит в хозяйстве. С помощью теоретической унификации мы не создадим хлеба для рабочего. С помощью хозяйственных комиссий, организаций, построений и теорий мы не устраним безработицы. Речь идет не о программах и идеях, а о хлебе насущном для 70 миллионов людей».

Это было признание в пользу материализма. Совершенно неожиданно для самого себя Гитлер признал таким образом примат экономики над политикой. Он заговорил затем о носителях революционных бацилл, которые проникают в хозяйство, имея очевидно в виду носителей «бацилл коммунизма», и далее сказал: «Не следует отказываться от практического опыта лишь потому, что он направлен против определенной идеи. Если мы выступаем перед народом с реформами, то мы должны также доказать, что мы понимаем дело и в состоянии с ним справиться». Это соображение, пожалуй, было не бесполезно еще до 30 января. После этого срока оно несомненно запоздало, ибо подлинный дилетантизм ничему не в состоянии научиться. Никуда не годится, заявил Гитлер, что известные организации или партийные инстанции присваивают себе правительственные полномочия, смещают отдельных лиц и занимают посты. Снова строгий выговор—на этот раз Лею и Рентельну. «Партия,—заявил в заключение Гитлер,—стала теперь государством. В руках имперского правительства находится вся власть. Нужно воспрепятствовать тому, чтобы центр тяжести германской жизни снова сосредоточился в отдельных областях или даже отдельных организациях. Нет больше авторитета, который исходил бы из какой-нибудь части империи, а не от германского народа». Последние слова должен был себе зарубить на носу Геринг, выступающий с столь большим авторитетом господин Пруссии.

В третьей речи, перед руководителями окружных организаций и доверенными по труду, произнесенной 13 июля, Гитлер повторил свои нравоучения и в качестве принципа национал-социалистской партии выдвинул следующее положение: «Ни одного поста не следует занимать до тех пор, покуда для этой цели нет испытанного работника». То, что некоторые организации занимаются этими вопросами, не служит доказательством их пригодности к этим занятиям.

Об этих принципах Шмитт рассказал предпринимателям к их общему утешению и успокоению в речи, произнесенной также 13 июля. Он официально заявил, что сословная перестройка, «которая в нашем государстве должна, разумеется, произойти и отсутствие которой именно теперь воспринимается очень болезненно, в настоящий момент приостанавливается и откладывается, ибо существует опас-

ность, что непригодные для этой цели элементы займутся экспериментами в этой области».

Такова была цепь унижений, которая постигла национал-социалистских вождей среднего сословия на глазах их приверженцев. Шмитт обеспечил себе руководящее влияние также на официальную социальную политику. Зельдте не вправе был больше ничего предпринимать без его согласия. Это было установлено в приказе, изданном в середине июня. Кроме того Зельдте должен был примириться с тем, что в имперское министерство труда был направлен из имперского министерства народного хозяйства открыто симпатизирующий предпринимателям советник министерства. Последний, д-р Поль, стал во главе отделения III. В. (социальная политика и политика заработной платы), которому были подчинены также доверенные по труду, т. е. самого важного отделения министерства. При этом Поль продолжал оставаться чиновником имперского министерства народного хозяйства. Это происшествие, которое общественность почти целиком замолчала, принадлежит к важнейшим поворотным пунктам в развитии национал-социалистской политики.

ЗАМОРОЖЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Романтика «сословной перестройки» пала жертвой требований момента; однако интересы, которые скрывались за этой громкой фразой, не остались в накладе. Хозяйство, неспособное больше выдержать свободную конкуренцию, требовало охраны своего существования. Новое государство не могло отказать ему в этом требовании.

15 июля был издан закон об организации принудительных картелей, который предоставлял имперскому министру народного хозяйства право организовать принудительные картели и запрещать в пределах той или иной отрасли хозяйства организацию новых предприятий или их расширение. С другой стороны, в связи с изменением существующего положения о картелях ему было также предоставлено право распускать без суда существующие картели. Важнее всего был первый закон. Министру лишь весьма редко приходилось пускать в ход свое право. Одной угрозы применения закона почти всегда было достаточно, чтобы привести к повиновению непокорных одиночек. Таким образом со времени издания закона до поздней осени возникло до 300 картелей во всевозможных отраслях промышленности, часто лишь с совершенно отчетливо выраженной целью—поднять цены, как например в бумажной промышленности, промышленности строительных материалов и текстильной промышленности. Дело дошло даже до организации Центрального германского рынка по продаже карпов в Бреславле. Оптовый индекс на предметы потребления возрос с 109,2 в апреле до 113,3 в сентябре. В текстильной промышленности цены на некоторые товары повысились на 50 и больше процентов. Это стало настолько невыносимым, что промышленность и торговля должны были под конец учредить комитет для наблюдения за ценами, которому временно удалось замедлить их повышение.

«Создание работ» обрушилось на германское хозяйство подобно волне, которая с течением времени должна оказать скорее разрушительное, чем оплодотворяющее действие.

Национал-социалистские короли областей устремились в эту «битву труда», образовали «фронты» против безработицы, завоевывали «участки фронта» и призывали не успокаиваться на достигнутых «победах». Закрытые цехи были снова пущены в действие, а ряд машин был выведен из строя и вместо них был введен ручной труд. Это произошло например в производстве бутылок в Тюрингии, а также—в порядке имперского закона—в производстве сигар. Подлинный подъем начался в строительной промышленности, которая оживилась в связи с займами, предоставляемыми государством лицам, вступающим в брак. Отсюда этот подъем распространился на некоторые смежные отрасли. Текстильная промышленность получила новые заказы в связи с поставками обмундирования для новых членов штурмовых отрядов и национал-социалистских ячеек на предприятиях. Безработным работа была предоставлена главным образом в связи с сокращением рабочего времени до 40 часов в неделю. Правда, в связи с этим уменьшилась зарплата уже работающих. Больше всего насилий в области хозяйства произошло в восточных провинциях. Восточная Пруссия, Померания и Силезия соревновались между собой в том, кто первый освободится от безработицы. Безработных посылали на осушение болот, частью на сельскохозяйственные работы в крупные и средние поместья. Здесь они работали не получая зарплаты, частью даже при финансовой поддержке, оказываемой государством помещикам, в качестве дешевой или даже бесплатной рабочей силы. В Восточной Пруссии ввиду недопущения сезонных рабочих из Польши нужда в рабочей силе во время уборки урожая была настолько велика, что для уборки были в принудительном порядке привлечены студенты первых двух семестров. Именно этим объясняется мнимый успех создания работ в восточных провинциях в летние месяцы.

При помощи «политических увольнений» вне всякого сомнения было освобождено от «марксистов» много мест, которые достались лицам, верным режиму, т. е. штурмовикам. Повсюду местные партийные организации добивались того, чтобы заслуженные борцы национал-социалистской партии получили работу. Наряду с этим партия провела общее мероприятие, целью которого являлось предоставление работы по меньшей мере всем штурмовикам за номером от 1 до 100 000. За лето число безработных, по статистическим данным, уменьшилось таким образом на 2,4 млн. В данных этих немало ошибок, происходящих, разумеется, не из-за неправильного арифметического подсчета. Сюда относится удаление из числа получающих пособие «государственных врагов», самое строгое применение правил, запрещающих членам одной и той же семьи пользоваться общественной помощью, а также искусственная задержка текучести рабочей силы.

Создание работ в 1933 г. сводится главным образом к предоставлению безработным малопродуктивных занятий при соответственно низком вознаграждении, а также к распределению уже существующей продуктивной работы между бо́льшим количеством людей, и наконец, в меньшем объеме, к простой смене лиц на работе. Весьма неуместное честолюбие руководителей окружных организаций и оберпрезидентов в восточных провинциях, стремившихся в своих «победных реляциях» похвастаться тем, «что Восточная Пруссия свободна от безработицы», вынудило имперского министра народного хозяйства Шмитта выступить с открытым порицанием по их адресу. 13 августа в Кельне на съезде «Рейнского рабочего фронта» он заявил, что подобные победные реляции не в состоянии разрешить огромной проблемы действительного устранения безработицы. Хозяйство вовсе не идет от победы к победе, и всего хуже было бы новое падение, с которым новое германское государство не в состоянии было бы справиться. Когда прусский обер-президент Кох, не дав запугать себя этой речью, телеграфировал 16 августа президенту и рейхсканцлеру о том, что в Восточной Пруссии безработица окончательно устранена, Гитлер, правда, сердечно поздравил его, но сопроводил эти поздравления язвительной фразой: «Желаю вам одновременно полного успеха в работе по сохранению достигнутой цели».

Кох был давним учеником и приверженцем Грегора Штрассера. Однако не только он, но и значительная часть национал-социалистских вождей представляют себе хозяйственное положение таким, каким представлял его себе сам Гитлер в своей большой речи, произнесенной в рейхстаге в мае 1932 г.,—нужно уметь требовать от хозяйства, чтобы оно оказалось в состоянии предоставить каждому работу и хлеб.

ИНФЛЯЦИЯ?

При своем назначении министром Шмитт нашел уже готовую программу создания работ, которую имперский кабинет принял 1 июня. Ее главными украшениями служили такие пункты, как предоставление займов лицам, вступающим в брак, что должно было устранить женщин с рынка труда и помочь оживлению строительной промышленности и связанных с нею отраслей, далее, освобождение от налогов и наконец излюбленный план Гитлера, имеющий и военное значение, а именно постройка больших автомобильных дорог. Средства для этого, по замыслу Рейнгардта, национал-социалистского государственного секретаря в имперском министерстве финансов, должны были быть добыты путем выпуска билетов имперского казначейства на сумму в 1 млрд. марок.

Этот миллиард представляет собой однако лишь часть средств, которые в виде кредитов на искусственное «создание работ» были переданы германскому хозяйству. При Брюнинге такая программа предусматривала затрату более скромной суммы в 135 млн., Папен увеличил ее до 207 млн., а комиссар по созданию работ Герике (при Шлейхере и в первые месяцы после прихода к власти Гитлера)—до 600 млн. марок. Германские железные дороги

в 1933 г. выступили с программой работ на 280 млн., а почтовое ведомство—на 34 млн. марок. Непосредственно из государственного бюджета и средств имперской организации по страхованию от безработицы было отпущено в 1932/33 г. около 500 млн. марок. К ним нужно присоединить программу в 1 млрд. марок, выдвинутую Гитлером и Рейнгардтом, а также две новые программы—железных дорог в размере 560 млн. и почтового ведомства в размере 76 млн. марок. Это составит в целом кругленькую сумму в 3,39 млрд. марок. Если прибавить сюда знаменитые налоговые облигации Папена, которые также должны будут оказать влияние на конъюнктуру ближайших лет, то сумма эта превысит 4 млрд. марок. К счастью бремя этой сомнительной благодати обрушилось на германское хозяйство не сразу, иначе инфляция наступила бы уже давно. Конечно все эти манипуляции с течением времени не отвратят инфляции, если только в связи с естественным оживлением эти искусственные ценности не превратятся в ценности настоящие.

Шахт вначале пытался задержать ход событий и устранил Готфрида Федера, духовного отца всех этих планов, который после продолжительных ожиданий стал наконец государственным секретарем при Шмитте. В конце сентября Федер был послан в командировку в Италию. Наряду с открытым предоставлением кредитов правительство пыталось прибегнуть и к более утонченным формам кредитной помощи. Рейхсбанк с этой целью изменил свои статуты и стал закупать рентные бумаги, которые впредь могут служить покрытием для эмиссии. Целью этого мероприятия является поднятие биржевого курса, укрепление общественного доверия, а благодаря этому вовлечение в оборот лежащих без дела денег и превращение их в производительный капитал. Эти мероприятия могут дать и прямо противоположный результат, что, разумеется, прекрасно известно Рейхсбанку хотя бы из примера Америки в 1932 г. Публика может постараться сбросить все свои ценные бумаги Рейхсбанку, вместо того чтобы купить новые, благодаря чему общая сумма лежащего без применения капитала только возрастет. Защитой от такого поведения публики служит только скрытая угроза инфляции, ибо Рейхсбанк должен финансировать свое мероприятие, как указывает его измененный статут, с помощью выпуска новых денег. Все это в целом называется: успокоение хозяйства и укрепление доверия. Самым лучшим средством, заявил Шмитт 26 сентября в Мюнхене, является все же твердое руководство Гитлера.

Какие только авантюры не приходится прикрывать именем Гитлера! В момент, когда налоговые поступления уменьшаются, Геббельс открывает свой пропагандистский поход против «голода и холода», с тем чтобы добыть от хозяйства в виде пожертвований не меньше 300 млн. марок. Ни один султан не поставил на такую широкую ногу систему принудительных подарков, как это сделал национал-социализм. Однако и национал-социализм не может на пороге осени отрицать, что хотя рабочий рынок и перестроился, однако народу не живется лучше. Характерен в этом отношении отчет о государственных доходах за апрель—август 1933 г., опубликованный

имперским министерством финансов. Согласно отчету доход от налога на торговые обороты в сравнении с тем же периодом прошлого года увеличился на 54 млн., а на перевозку грузов—на 2,6 млн. марок. Напротив, подоходный налог уменьшился на 35,7 млн., налог на табак—на 13 млн. и налог на пиво—на 15,7 млн. марок. Картина ясна: налицо усиленная деятельность хозяйства при уменьшившейся доходности. Производство товаров и обороты увеличиваются, а общий доход и потребление народа уменьшаются. Вслед за обманчивым ростом производства текстиля летом 1933 г. последовало сокращение производства, как это показывают доклады отдельных отраслей текстильной промышленности. Дело лишь за последним покупателем—за потребителем. Поэтому розничная торговля, имея полные склады, не делает никаких заказов, и производство сокращается.

Сильное государство, разумеется, в состоянии устоять, несмотря на нищету и бедствия своих подданных. Пусть цены в Германии поднимаются и доля потребителя в национальном доходе благодаря этому уменьшается, либо пусть удерживаемые насильно на низком уровне цены оказывают тем самым давление на заработную плату—все равно Германия, чьи связи с мировой торговлей значительно ослабли, приближается к такому уровню жизни, который Шахт, единственное из ответственных лиц, отличающееся некоторой откровенностью, охарактеризовал следующим образом: «Экономическое самоограничение и готовность удовлетвориться меньшими расходами на предметы роскоши».

Гитлер в своей речи на генеральном совете германского хозяйства нашел сильные слова против примитивности жизни и отсутствия потребностей. Однако если вдуматься поглубже в его слова и обратить внимание на такие выражения, как «завистливые убеждения», то сразу же станет ясно, что Гитлер гораздо меньше имел в виду подъем общего уровня потребностей, чем повышение потребностей отдельных лиц. Он хочет сохранить различие между богатыми и бедными, ибо оно служит побудительным мотивом деятельности. Напротив, для среднего человека в качестве идеала национал-социализма сохраняются самоограничение и низкое вознаграждение. Его государство будущего покоится на всеобщей бедности, скрашенной энтузиазмом и скованной с помощью террора. Это—сильное государство хозяйственной неряшливости.

ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ

Особым разделом великой показной борьбы против безработицы является трудовая повинность. Уже до Гитлера были сделаны попытки занять безработную молодежь в добровольном порядке на работах по прокладке дорог и улучшению почвы. Национал-социалисты уже давно требовали превращения этой добровольной трудовой повинности в обязательную. Однако до сих пор это не было осуществлено. Правда, принуждение, которому подвергаются известные категории молодых безработных, по своему действию может вполне заменить обязательные предписания закона.

Трудовой повинностью в настоящее время руководит национал-социалистский депутат рейхстага отставной полковник Константин Хирль. Изданное 3 мая [1933 г.] «распоряжение о подготовке трудовой повинности» предусматривало организацию кадровых групп безработных для трудовой повинности. Руководители должны были состоять на 60 % из национал-социалистов или членов Стального шлема, которые принадлежали к этим группам до 30 января 1933 г. Только национал-социалисты или члены Стального шлема могли быть лицами, несущими службу, т. е. руководителями рабочих лагерей. После 25 июля, когда Стальной шлем потерял свою самостоятельность и в этой области осталось лишь национал-социалистское «Имперское объединение германских союзов трудовой повинности», Хирль неоднократно заявлял, что официальная трудовая повинность будет введена с 1 января 1934 г. и что будет привлечен контингент молодежи, которой в 1934 г. исполнится 19 лет. Привлечен будет не весь контингент сразу. Он будет поделен на 2 части с таким расчетом, чтобы каждый раз трудовую повинность отбывали 270 тыс. чел. Каждый немец должен получить все гражданские права лишь после отбытия трудовой повинности. Весь этот институт, по словам Хирля, представляет собою «счастливое сочетание солдатчины, рабочего духа и молодости». Существующие уже кадровые группы должны к 1 декабря 1933 г. разбиться на 6 отделений каждая, в том числе 3 отделения руководителей и 3 отделения добровольцев, т. е. рядовых. Последние будут распределены в различных трудовых лагерях и образуют кадры обязательной трудовой повинности. К 1 декабря должно быть образовано 1 620 таких отделений.

Нередко ставился вопрос, чем собственно заняты лица, привлеченные к трудовой повинности. До 30 января 1933 г. они действительно выполняли тяжелые работы. Так называемые полевые упражнения и прочие военные игры, которыми они занимались в свободное время, не имели решающего значения. В настоящее время они играют в некоторых лагерях вероятно большую роль. С другой стороны, возможность таких занятий находится в зависимости от расходов. Разумеется, для такого человека, как полковник Хирль, трудовая повинность является подготовкой к военному обучению. Он признал это совершенно открыто. Однако трудовая повинность еще не является военным обучением в прямом смысле слова.

Вопрос о трудовой повинности—это в первую очередь вопрос денег. Наибольшую трудность представляет собой вопрос о том, как достать требующиеся для трудовой повинности средства. Уже во времена республики не всегда можно было разобраться в назначении ее фондов, в «третьей империи» это стало еще гораздо труднее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРЕСТ ПРОТИВ СВАСТИКИ

Унификация протестантизма

Решительную внешнюю и весьма сомнительную внутреннюю победу национал-социалистская революция одержала в области церкви. 23 марта в своей речи в рейхстаге Гитлер указал, что «политическое и моральное обеззараживание общественной жизни национал-социализмом одновременно отвечает требованиям церкви». «Национальное правительство,—заявил он,—видит в обоих христианских исповеданиях важные факторы для сохранения нашего народа. Оно будет соблюдать договоры, заключенные между ними и провинциями, однако оно рассчитывает и надеется, что его работа в области нравственного обновления германского народа встретит должное внимание и у этих христианских церквей. За этими исповеданиями будет обеспечено право на участие в деятельности школ». Далее он сказал, что имперское правительство придает величайшее значение сохранению и развитию дружественных отношений с папским престолом.

Епископы и суперинтенданты, которые поверили этим обещаниям и понадеялись, что национал-социализм не будет вмешиваться в жизнь церкви, не поняли очевидно своеобразных моральных возможностей Гитлера, который в качестве рейхсканцлера мог давать обещания, а в качестве партийного вождя не должен был их исполнять. Государственная власть могла давать твердые обещания, а национал-социалистская революция, оказывая давление снизу, сводила их на-нет. Рейхсканцлер вел переговоры с церковью, однако когда революция партийного вождя проникала в церковь и мирным либо насильственным путем преобразовывала ее, то это нисколько не касалось рейхсканцлера. В тотальном государстве действует, разумеется, лишь воля вождя. Однако государство многообразно и зависит не только от авторитета свыше, но и от давления снизу. Поэтому и воля вождя должна быть многообразной, должна, смотря по обстоятельствам, быть либо твердой, либо эластичной, приспособляясь к давлению снизу. Она должна при этом всегда сохранять видимость единства, которого в действительности нет.

Национал-социалистская революция была привнесена в еван-

гелическую церковь Германии при посредстве возникшего в июне 1932 г. так называемого религиозного движения «германских христиан», во главе которых находился радикальный пастор Хоссенфельдер. Он был передовым борцом «немецкого» лютеранства против «чуждого» кальвинизма.

Сила сопротивления германских теологов Хоссенфельдеру была достаточно велика, чтобы заставить национал-социализм пойти на уступки. Гитлер сместил Хоссенфельдера и назначил высшим руководителем германских христиан пастора рейхсвера Людвига Мюллера из Восточной Пруссии, с которым лично состоял в дружественных отношениях. Во время трехдневной «религиозной беседы», с 16 по 19 мая, состоявшейся в бывшем фризском монастыре Локкум, Мюллер признал свободу церкви от государственной опеки. После этого уполномоченные церкви 26 мая в Берлине назначили имперским епископом испытанного теолога пастора Фридриха фон Бодельшвинга. Гитлер отклонил кандидатуру Бодельшвинга, а прусский министр культов Руст по настоянию Геринга назначил «церковным комиссаром» директора департамента Егера, который силами светской власти сместил высших сановников церкви и назначил Мюллера руководителем германского евангелического церковного союза. Бодельшвинг подал в отставку, и в воскресенье 2 июля на евангелических церквах были подняты знамена со свастикой.

Однако Егер перегнул палку. Подвергшаяся притеснениям церковь нашла защитников у президента, который принял 29 июня Гитлера в своем восточнопрусском поместье Нейдек и сделал ему ряд серьезных замечаний не только в вопросах церкви. Он даже изложил их письменно в открытом письме, которое представляло собой первое публичное порицание президентом его национал-социалистского канцлера. Он говорил в этом письме о своих «заботах по поводу внутренней свободы церкви. Продолжение, а тем более обострение нынешнего состояния должно было нанести тягчайший вред народу и отечеству и отразиться на национальном единстве». Он требовал, чтобы диктаторским методам был положен конец и чтобы путем переговоров был снова восстановлен мир в евангелической церкви. Гитлер передал ведение переговоров в несколько более мягкие руки, а именно Фрику. Самый дикий зачинщик драки, пастор Хоссенфельдер, должен был передать руководство «германскими христианами» Мюллеру, а затем через несколько времени оставить недавно занятый им пост духовного вице-председателя высшего церковного совета. Это было уступкой прежним вождям церкви. Другой уступкой явилась отмена самодержавного приказа Мюллера, согласно которому «унифицированные» церковные соборы назначаются сверху. Отменено было также действие арийского параграфа, поскольку речь шла о принадлежности отдельных лиц к церкви; для духовенства он остался в силе. Была сохранена самостоятельность провинциальных церквей в вопросах исповедания и культа, а лютеранам было предоставлено право ставить во главе провинциальных церквей лютеранских имперских епископов. Дух прежней церкви был сохранен в формуле, что церковь будет действовать в соответствии с «свя-

щенным писанием и реформатским учением». Напротив, «германские христиане» получили удовлетворение в словах, говоривших о цели, стоящей перед церковью,—«свои особые заботы посвящает она германскому народу». 13 июля Гитлер сообщил президенту, что соглашение достигнуто; 14 июля комиссар Егер вместе со своими подчиненными комиссарами подал в отставку, часть произведенных им увольнений была отменена, а 23 июля произошли выборы в церковные соборы.

Назначение этих выборов должно было успокоить совесть старого президента, который при наличии подобного диктаторского вмешательства в жизнь церкви хотел увериться, что он не нарушил своей присяги конституции. Фактически о свободных выборах в данном случае можно говорить еще в меньшей степени, чем в отношении выборов в рейхстаг 5 марта. Публичная борьба вокруг избирательного лозунга «евангелие и церковь», направленного против «германских христиан» сторонниками церковной свободы, была невозможна. Радио находилось целиком в распоряжении «германских христиан». Даже католик Гитлер выступил в их защиту; во многих местностях приверженцы старой церкви не осмелились открыто выступить против партии, на стороне которой находились штурмовики. Были выдвинуты в ряде мест общие списки обеих партий, в которых подавляющее большинство уж заранее было отведено кандидатам «германских христиан». В тех местностях, где они находились в явном меньшинстве, «германские христиане», несмотря на это, получили 51% мест. Это произошло например в Гамбурге и Вюртемберге. Тем не менее избирательная победа «германских христиан», хотя количественно и была велика, не являлась все же полной, как этого можно было ожидать, судя по разнузданной пропаганде Хоссенфельдера. Они не повсюду сумели добиться большинства в две трети голосов.

Реорганизация евангелической церкви снова затормозилась. Правда, в старопрусской провинциальной церкви, самой крупной церковной организации протестантской Германии, «германские христиане» одержали решительную победу. 5 августа церковный совет избрал Мюллера председателем высшего церковного совета с титулом «провинциального епископа». Хоссенфельдер был снова назначен духовным вице-председателем. Спустя месяц генеральный синод этой церкви ввел для пасторов арийский параграф.

27 сентября национальный синод в Вюртемберге единогласно избрал Мюллера имперским епископом. После избрания в своей программной речи он заявил: «Мы не собираемся разорвать вечное единство церкви христовой, нашу общность в писании и таинствах с людьми, принадлежащими к другим нациям и расам. Однако равенство перед богом не исключает неравенства людей между собой, что также исходит от воли божией».

Рим уклоняется от борьбы

В прошлом католические епископы по канонам своей церкви прокляли воинствующий национал-социализм. Поэтому католиче-

ский рейхсканцлер Гитлер 21 марта в день Потсдама отомстил им. Вместе с Геббельсом он демонстративно отсутствовал на торжественном католическом богослужении и вместо этого отправился на Луизенштетское кладбище в Берлине, где возложил венок на могилу убитых штурмовиков. «Германские христиане» распространяли даже слухи о том, что Гитлер перейдет в евангелическую церковь. Однако это было решительно опровергнуто.

Католическая церковь поспешила отменить свое проклятие, вынесенное национал-социализму. Конференция епископов в Фульде, куда входят все германские епископы, опубликовала 28 марта заявление, в котором признавала, что высший представитель имперского правительства, одновременно являющийся авторитетным вождем национал-социалистского движения, сделал в рейхстаге успокоительные заверения, не отменяя прежнего решения, осуждающего определенные религиозно-нравственные лжеучения, — «епископы поэтому надеются, что они в праве считать, что упомянутые выше общие запреты и предостережения не будут больше необходимы». Далее епископы призывали к повиновению законной власти, а также предписывали, чтобы в домах божьих из уважения к их святости не производились политические демонстрации. Это было направлено против освящения в церквах знамен штурмовиков.

Национал-социализм вскоре показал, что он не склонен допускать подобных противоречий даже со стороны церкви. Один из двух крупных католических рабочих союзов—католический союз подмастерьев—хотел устроить 11 и 12 июня съезд в Мюнхене. В то время когда господин фон Папен в своей речи призывал преодолеть идею классовой борьбы и восстановить общественный порядок, «коричневые рубашки» напали на улице на подмастерьев и избили их. Они объясняли это в частности тем, что подмастерья были одеты в оранжевые рубашки. Под конец штурмовики заняли даже выходы из зала заседания и стянули с гостей их рубашки. После этого кардинал Фаульгабер отказался совершить епископскую службу, и съезд закрылся раньше времени. Обратный путь к вокзалу для многих участников съезда снова стал тернистым путем.

Спустя 2 недели был нанесен ряд новых ударов, которые на этот раз еще в большей мере непосредственно затрагивали церковь. Партия центра и баварская народная партия под давлением национал-социалистов были распущены. При этом руководитель окружной пфальцской организации приказал арестовать также ряд католических священников. Однако церковь в национал-социалистской Германии в такой же мере, как и в фашистской Италии, не питала никакой склонности к тому, чтобы стать страдающей и преследуемой, как это советовал ей Брюнинг. С конца июня Папен в качестве германского представителя вел в Риме переговоры с Ватиканом о конкордате. Того, чего католическому барону год назад во время его рейхсканцлерства не удалось добиться от вождей германской партии центра, он добился теперь от римских кардиналов: толерирования.

8 июля был подписан проект договора, который является первым

государственным договором между католической церковью и германским государством. 20 июля в Ватикане во время торжественного подписания конкордата можно было в задних рядах заметить также прелата д-ра Кааса, который некоторое время назад сошел с германской политической сцены. Находясь вне досягаемости для национал-социалистских властителей, он в качестве слуги своей церкви перенес свою деятельность в Рим. Немалое участие принял он в составлении конкордата.

Содержание конкордата лучше всего характеризует то, что немедленно после его подписания между германским правительством и папским престолом возникли горячие споры о его истолковании. Договор между Ватиканом и фашистской Италией каждая из сторон также истолковывала по собственному усмотрению. Однако церковное толкование осталось лишь протестом, а государственное—стало действительностью.

По конкордату церковь не получила ничего, чем она не владела бы ранее. Напротив, она сдала много важных позиций, которые ранее никем у нее не оспаривались. Ей была предоставлена свобода исповедания и публичного отправления религиозной службы. За ней было признано право церковного законодательства в рамках законодательства общего. Подтверждена была тайна исповеди перед судом. Кроме того за церковью была признана свобода ее внутреннего управления, а священники были освобождены от некоторых государственных обязанностей. С другой стороны, церковь в соответствии с 32-й статьей конкордата обязалась запретить духовенству и членам духовных орденов всякую политическую деятельность; назначая епископов и архиепископов, она должна предварительно справляться у имперского наместника, нет ли против них возражений общеполитического характера; епископ должен приносить присягу верности германскому государству и соответствующей провинции и обещать повиноваться правительству. В вопросах о католических факультетах, о преподавании закона божьего и т. д. сохранен в основном прежний порядок. Сохранены также уже существующие конкордаты с провинциями, которые в этих пунктах часто идут дальше навстречу интересам церкви.

Церковная дипломатия усматривала свой особый успех в том, что 33-я статья конкордата относила к компетенции канонического права все те церковные вопросы, которые остались неурегулированными в государственном договоре. Однако с германской стороны этому не придавали большого значения. Уступкой с германской стороны являлось то, что один из протоколов содержал обещание, согласно которому некатолическим (т. е. протестантским) священникам в Германии должна быть запрещена политическая деятельность. За церковью была признана свобода многочисленных католических союзов; какие трудности возникают при осуществлении этой свободы, можно судить по требованиям, предъявленным д-ром Леем, о подчинении его руководству католических рабочих союзов. Поэтому Ватикан лишь после больших колебаний согласился окончательно ратифицировать договор.

23 марта в своей большой речи в рейхстаге Гитлер произнес характерную фразу. После хвалебных замечаний по адресу обоих христианских исповеданий он сказал: «Правительство отнесется с объективной справедливостью ко всем прочим исповеданиям. Оно не может однако допустить, чтобы принадлежность к какой-нибудь определенной религии или расе освобождала от повиновения установленным законам или служила охранной грамотой для терпимого отношения».

Под «другими исповеданиями» подразумевались в первую очередь евреи. Что же означала в отношении них «объективная справедливость»? Согласно программе национал-социализма и прежним речам и писаниям Гитлера это должно было означать, что евреи в искупление зла, нанесенного ими германскому народу, должны быть совершенно изгнаны из политической жизни, а также в значительной мере удалены с работы и занимаемых ими должностей. Националисты в этом отношении собственно никогда не проповедывали объективной справедливости, а требовали охраны германской народности, совершенно не считаясь с обычным понятием справедливости. Среди германских евреев было широко распространено мнение, что руководящие вожди национал-социалистской партии на деле не относятся серьезно к антисемитизму; они полагали, что антисемитские требования программы не будут осуществлены.

Это также было одной из многочисленных ошибок, в которые впали сторонние наблюдатели национал-социализма. Уже летом 1932 г. евреи, живущие в сельских местностях и небольших городах, подвергались большим неприятностям. Часто в отношении евреев проводились систематический бойкот, общественная изоляция, а также избиения, особенно в Восточной Германии и в Северной Баварии. Даже на улицах Берлина евреи-прохожие все чаще подвергались нападениям. Из этих настроений через несколько недель после прихода Гитлера к власти возникло систематическое преследование евреев.

Сигналом к этим преследованиям явился пожар рейхстага. Хотя большинство арестованных после 27 февраля были неевреи, тем не менее начались поиски «еврейских верховодов». Своего высшего пункта антисемитские эксцессы достигли между 5 и 20 марта. Эксцессы направлялись большей частью против еврейских универсальных магазинов и главным образом против евреев, имеющих определенное занятие. За «визитами» штурмовиков в еврейские квартиры, за уводом и избиениями лиц еврейской национальности скрывались часто личные экономические мотивы.

Число жертв кровавого террора было значительно больше среди главным образом нееврейских функционеров и членов трех социалистических партий, чем среди лиц еврейского вероисповедания, принадлежащих преимущественно к буржуазному классу. Тем не менее эксцессы против евреев вызвали за границей гораздо более сильный отклик, ибо там в состоянии были еще понять преследование «марксистов», которое в буржуазных кругах даже не вызвало возражений, а не нападение на группу людей за их принадлежность

к определенной расе. Свое классическое выражение это возмущение нашло 13 апреля, в страстной четверг, в прениях английской палаты общин. Бывший министр иностранных дел сэр Остин Чемберлен выразил мнение общества и официальных кругов Великобритании, заявив, что события в Германии делают совершенно излишними дальнейшие разговоры о ревизии Версальского договора. Ново-германский националистский дух, заявил он,—это «злейший прусский империализм, еще более жестокий, отличающийся расовым высокомерием и сознанием своей исключительности, которая отказывает согражданам не чисто северного происхождения в равноправии и гражданских правах». Чемберлен заявил далее, что, считаясь с происшедшими событиями, Германии нельзя вернуть каких либо областей с ненемецким населением. «В Польском коридоре живут поляки,—сказал Чемберлен,—неужели мы позволим, чтобы хоть еще один поляк попал под сапог германского правительства?»

Национал-социалисты очень скоро поняли, какую внешнеполитическую опасность представляют для них такие настроения за границей. Часть национал-социалистских вождей рассчитывала, что с помощью усиленного нажима на германское еврейство удастся заставить замолчать как его, так и заграницу. Выразителем этих настроений явился Геббельс. 27 марта он посетил Гитлера в его загородном доме в Берхтесгадене и предложил ему разрешить партии устроить небывалый до сих пор боевой праздник. Все евреи в Германии, занятые в торговле и промышленности, а также лица свободных профессий должны были в результате грандиозных террористических мероприятий партийного аппарата подвергнуться бойкоту, все чиновники и служащие еврейского происхождения должны были быть удалены со службы. Вначале предполагалось, что бойкот должен был длиться неограниченное время. Было ясно, что в течение немногих недель он должен будет привести к полному экономическому разорению всего германского еврейства.

Против этого плана однако немедленно выступили лица, более дальновидные. Одним из них был председатель Рейхсбанка доктор Шахт, который поставил вопрос о своем пребывании в кабинете. Послы великих держав выступили с предупреждениями, и под этим давлением Гитлер решился приостановить бойкот.

Чтобы удовлетворить своих приверженцев, он согласился однако на однодневный пробный бойкот под руководством нюрнбергского депутата Штрейхера. В субботу 1 апреля у магазинов, а также у входа в бюро и частные квартиры расположились штурмовики, которые должны были требовать от покупателей, чтобы они не входили в еврейские магазины; в действительности же всех, кто осмеливался ослушаться, они удаляли силой. К витринам они приклеили плакаты частью с надписью «не покупайте у евреев», частью же с грубыми ругательствами.

Для видимости после первого дня бойкот был «отложен» до 5 апреля. Если бы до того времени «травля по поводу ужасов» в Германии не прекратилась, то бойкот должен был возобновиться. В действительности он официально больше не возобновлялся. Штрейхер

жаловался, что национал-социалисты к сожалению капитулировали перед «мировым еврейством». Сам он утверждал, что якобы лишь во время бойкота впервые заметил, как сильно связано между собой интернациональное еврейство.

После приостановления бойкота национал-социализм занялся изгнанием евреев из свободных профессий. Гитлер, который долгое время был довольно скуп по части антисемитских деклараций, на этот раз дал руководящие указания в речи, произнесенной им 6 апреля перед депутацией унифицированных союзов врачей. Он заявил, «что путем скорейшего удаления из культурной и духовной жизни Германии слишком большого числа евреев, занимающихся умственным трудом, нужно удовлетворить естественное требование Германии о самобытном духовном руководстве. Допущение слишком большого числа выходцев из других рас может быть истолковано как признание духовного превосходства других рас, чего нельзя допустить».

В соответствии с этой программой быстро и основательно заработала страшная национал-социалистская законодательная машина. Программа была осуществлена в 4 больших законах. Были изданы: «Закон для восстановления чиновничества», опубликованный 7 апреля, «Закон о допущении к занятию адвокатурой» от 10 апреля, «Закон о засорении чуждыми элементами германских школ и университетов» от 26 апреля и распоряжение имперского министра труда «О допущении врачей к работе в больничных кассах».

Закон о чиновниках по своему значению, принципиальному и практическому, выходит далеко за пределы вопроса о чиновниках-евреях. Важнейшее постановление о чиновниках-евреях содержится в параграфе 3-м. Он гласит:

«Чиновники неарийского происхождения подлежат увольнению; поскольку речь идет о лицах, занимающих почетные должности, эти лица должны быть освобождены от своих обязанностей.

Первый пункт не распространяется на чиновников, которые находились на службе уже до 1 августа 1914 г., либо сражались в мировую войну на фронте за германскую империю или за ее союзников, либо чьи отцы или сыновья пали во время мировой войны. Прочие изъятия могут разрешаться имперским министром внутренних дел по соглашению с соответствующими ведомственными министрами или высшими провинциальными властями для чиновников за границей».

Последняя фраза предусматривает особое положение для чиновников, находящихся на дипломатической службе, ибо при чрезвычайно широком толковании понятия о неарийцах довольно большое число этих чиновников подпадало бы под действие закона. Здесь сказалось особое положение министерства иностранных дел, которое сумело вначале, при президентстве Гинденбурга, устоять в национал-социалистском государстве. Решающее значение для применения закона, который является духовным детищем Фрика, имело первое постановление о порядке его проведения, опубликованное 12 апреля. Оно определило понятие «неарийский» так, как этого ожидали

знатоки национал-социалистской идеологии, и именно поэтому весьма поразило всю общественность. Второй раздел этого постановления гласит:

«1. Неарийцем считается тот, кто происходит от неарийских, особенно от еврейских, родителей, либо деда и бабки. Достаточно, если один из родителей, либо дед или бабка неарийцы. Это особенно относится к тем случаям, когда один из родителей, либо дед или бабка принадлежали к еврейской религии.

2. Если чиновник не был уже чиновником до 1 августа 1914 г., то он должен доказать, что он арийского происхождения или был на фронте, либо что он сын или отец павшего в мировой войне. Доказательством служат предъявленные документы (свидетельство о рождении и свидетельство о браке родителей, воинские документы).

3. Если арийское происхождение вызывает сомнения, то необходима экспертиза экспертов по расовым вопросам при имперском министерстве внутренних дел».

Мы вынуждены воздержаться от критики этих проникающих в еще неслыханные глубины постановлений; для этого нам нехватило бы места. Политически неожиданным и ниспровергающим общественные основы в новом законодательстве была даже не опала, которой подвергалась еврейская часть населения (с ней все равно приходилось считаться), а то, что исследование родословной вплоть до третьего колена распространялось на круги, которые давно уж не причисляли себя к еврейству, частью не знали о своем происхождении, частью же благодаря активности, возможно вызванной их смешанной кровью, принадлежали к самым влиятельным кругам общества; среди них находились также дворянские семьи с громкими именами.

Далее, согласно указаниям имперского министра внутренних дел от 30 июня, требовалось, чтобы каждый вновь назначенный чиновник доказал арийское происхождение своей жены, а каждый уже находящийся на службе чиновник, если он собирался жениться, привел те же доказательства в отношении своей невесты. Действию закона о чиновниках подлежали провинции, общины и другие публично-правовые организации. Постановления этого закона распространялись также на рабочих общественных предприятий. До сих пор закон этот официально не был распространен на частное хозяйство. Однако в трудовых судах был вынесен ряд решений, допускавших увольнение за неарийское происхождение.

Вопрос о допущении еврейских адвокатов был разрешен законом от 7 апреля, так же как и вопрос о чиновниках. По данным прусского министерства юстиции от 12 мая, в Пруссии насчитывалось 11 814 адвокатов, в том числе 3 513 неарийцев. Из них были вновь допущены к занятию своей профессией 2 158 чел. Деятельность еврейских врачей была по закону урегулирована несколько иначе, чем деятельность чиновников и адвокатов. Главным источником заработка большинства врачей является в настоящее время обслуживание членов больничных касс. Поэтому упомянутый выше приказ министра труда принципиально устанавливает, что врачи неарий-

ского происхождения, либо занимавшиеся коммунистической деятельностью, должны быть уволены. Приглашение таких врачей в больничные кассы больше не разрешается. И здесь делаются такие же изъятия, как в законе о чиновниках. По официальным данным, в Германии имеется около 50 тыс. врачей, в том числе 7 тыс. евреев, больничных врачей—40 тыс., в том числе евреев 6 тыс.

Все эти постановления с их льготами и изъятиями должны создать переходное состояние, ибо категория «временно допускаемых», согласно существующим представлениям, не должна пополняться. Кроме того под арийский параграф подведен фундамент в области воспитания, на котором в будущем должна быть воздвигнута свободная от евреев пирамида германских свободных профессий. Параграф 4-й упомянутого уже «закона о засорении чуждыми элементами», опубликованного 26 апреля, гласит: «При приеме нужно обращать внимание на то, чтобы число немцев, которые по смыслу закона о восстановлении чиновничества... неарийского происхождения, не превышало среди посетителей каждой школы и каждого факультета той доли, которую составляют неарийцы среди немецкого населения. Для территории всей империи устанавливается одинаковая норма (1,5%)». Число учащихся в укомплектованных выше нормы школах или факультетах может быть сокращено, причем число уже принятых еврейских учеников может быть снижено до 5%.

Бесполезно было бы рассчитывать на улучшение положения евреев в Германии, покуда там правит национал-социализм. Многие антисемитские исключительные законы, как например законы, направленные против адвокатов, врачей, нужно рассматривать в первую очередь как выражение зависти конкурентов, что является следствием переполненного рынка труда. Перенесенная с частного на общее эта зависть становится под охрану идеи о защите расы; она становится таким образом вопросом мировоззрения, к которому все ответственные в новом государстве лица относятся очень серьезно. Весной 1933 г. видный иностранный дипломат посетил канцлера и нашел его сговорчивым в ряде пунктов, по поводу которых весь мир держится иного мнения, чем Германия. В еврейском же вопросе он встретил со стороны Гитлера упорное сопротивление. Когда этот иностранец обратился к Гитлеру с вопросом, был ли он лично знаком с каким-нибудь евреем, канцлер ответил, что сам он почти никогда не сталкивался с евреями, однако в своей юности он вынес плохое представление об одном еврее, автомобильном торговце, с которым жил в одном доме. Затем Гитлер перевел разговор на другую тему и дал понять, что он считает бесцельной всякую дискуссию по еврейскому вопросу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЕРМАНИЯ И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Мы уже рассказали о внешнеполитическом учении национал-социализма в период его возникновения; внешней политики правящего национал-социализма мы хотим коснуться лишь в ее важнейших чертах.

Можно было заранее предвидеть, что Гитлер натолкнется за границей на недоверие, ибо то, что он до сих пор проповедывал, было, сколько бы он не отпирался, реваншем. Конечно так уже водится, что длинный путь от агитации к ответственности оказывает охлаждающее влияние на чувства. Французская внешняя политика последних лет, выразителем которой являлся французский посол в Берлине Франсуа Понсэ, выдвинула вопрос, правда, не о сердечном союзе, но о возможности определенного modus vivendi с германским национализмом. Партнером с германской стороны и сторонником этой политики был фон Папен, все еще состоявший вице-канцлером в кабинете Гитлера. Такой консервативной европейской политике Гитлер, занятый истреблением коммунизма, вполне импонировал. Эти возможности уничтожил однако еврейский бойкот 1 апреля. Он явился для заграницы доказательством, что правящий национал-социализм не намерен отказаться даже от наиболее сомнительных учений своего раннего периода. Гитлер, который, несмотря на свое мнимое благоразумие государственного человека, проводит в такой резкой форме свою антисемитскую программу, может в один прекрасный день попытаться провести и свою программу реванша. При этом в обоих случаях совершенно безразлично, сделает ли он это из собственных побуждений или под давлением своих приверженцев. О соображениях гуманности здесь не приходится и говорить. Сам национал-социализм никогда не утверждал, что он исходит из других соображений, кроме эгоистических.

В общем германская внешняя политика хотела бы избежать столкновения на западной границе, так как здесь для нее возможны большие потери. Напротив, на востоке, по ее мнению, еще имеются свободные пространства. Доступ к этим пространствам может в один

прекрасный день открыться, если бы на территории Советского союза произошли серьезные перемены. Украинские проекты Гитлера и Розенберга известны. Серьезные перемены на Ближнем и Дальнем Востоке должны послужить моментом, которого дожидается эта политика. Воспользовавшись осложнениями и поводами, которые могут возникнуть при таких обстоятельствах, Германия хочет испробовать свои силы в качестве третьей стороны, от которой будет зависеть исход борьбы. Она хочет не напасть первой, а вмешаться. Если бы Советский союз потерпел крушение,—а Гитлер убежден, что это случится,—то Германия с согласия и при участии Польши хочет стать орднером Восточной Европы, ее третейским судьей и господином. Советский союз ответил на эту политику целой системой пактов.

Таким образом германская иностранная политика внешне развивалась неблагоприятно и вообще может быть понята лишь в связи с ее великими перспективами. Она исходит из убеждения, что существующее распределение власти над миром продлится недолго и что при предстоящей перемене Германия должна выиграть, ибо она ничего не может проиграть. Действительно ли это так? Во всяком случае Германия может еще и теперь проиграть одно, а именно свое единство. Правда, она стремится доказать миру, что только существование Германии охраняет мир от хаоса; при этом однако упускается из виду, что неизбежный германский порядок в духе Гитлера для Европы вряд ли привлекательнее, чем возможный хаос.

Ради этого великого дня Германия сознательно идет навстречу большим опасностям. Руководитель каждого ведомства, особенно в национал-социалистском аппарате, в узком смысле слова, будь-то спорт, организации молодежи или трудовая повинность, считает себя Шарнгорстом наших дней.

Не подлежит никакому сомнению, что германская молодежь становится более подготовленной в военном отношении. Иной вопрос, надеются ли ответственные за германскую политику инстанции в ближайшее время так далеко довести военную подготовку молодежи, чтобы ради этого брать на себя риск конфликта с державами. Весь расчет строится тут очевидно на том, что из-за нерешительности и дипломатических разногласий в лагере противника удастся долгое время избежать конфликта. Это напоминает поведение лыжника возле нависшей лавины, который изо всех сил несется в опасной зоне в надежде, что он успеет миновать ее до того, как тронется лавина.

Во всяком случае этот опасный бег привел Германию на край пропасти. Формула, которой правительство Шлейхера 11 декабря 1932 г. добилось в Женеве от Англии, Франции, Италии и Америки, гласила: германское равноправие в рамках безопасности. Теперь же, в 1933 г., многие указывают на то, что международная безопасность после нового поворота Германии находится под большей угрозой, чем раньше. Штреземан добился очищения Рейнской области, Брюнинг—отмены репараций, Папен и Шлейхер—равноправия.

Гитлер же снова потерял равноправие. Это была бы одна из самых тяжелых неудач германской послевоенной политики, если бы отношения застыли на этом пункте.

Германское правительство осознало свою внешнеполитическую изоляцию, разумеется, не с 14 октября 1933 г. Оно давно уже знало, что утратило прежнюю поддержку английского общественного мнения; оно видело, что и Италия начинает следовать английскому примеру, и сделало отсюда свои выводы. Покинув в этот день конференцию по разоружению и заявив о своем выходе из Лиги наций, оно нисколько не ухудшило своего положения, ибо дальнейшее ухудшение было невозможно.

Обращаясь к руководящей идее германской внешней политики, мы можем установить полное соответствие между внутренне- и внешнеполитическими методами национал-социализма. Национал-социалистская партия добилась власти в Германии путем предостережений по адресу руководящего слоя общества, что после развала национал-социализма придет большевизм. Эту игру повторяет она теперь, предостерегая соседей Германии, что после свержения Гитлера большевизм укрепится на Рейне и вскоре перешагнет через него. За этим предостережением скрывается принуждение: партнеры Германии должны принципиально сделать выбор между фашизмом и большевизмом. Разумеется, Германия не может заставить их сделать этот выбор. Но она рассчитывает на внутренний распад нынешнего политического уклада западных демократий, который *заставит* их сделать этот выбор. И она не сомневается, что предпочтение в этом случае будет отдано фашизму.

Одновременно делается попытка оказать пропагандистское влияние на англо-саксонский и латинский мир, которая сопровождается хорошо рассчитанной стратегией в отношении правительств этих стран. В день, когда Германия оставила Женеву, «Фелькишер беобахтер» выступил с лозунгом, заявив, что Гитлер—«великий европеец», который желает добра народам в большей мере, чем их собственные политические деятели. Больше шансов на успех имеет, правда, не попытка посеять рознь между народами и их правительствами, а попытка разъединить между собой правительства. Национал-социалистская партия во внутриполитической борьбе была слабее своих противников вместе взятых; но так как ее противники не только не объединили своих сил, но и продолжали бороться между собой, то в результате сильнее всех оказались национал-социалисты. Из того же расчета исходит правящий национал-социализм в отношении своих внешнеполитических партнеров: если в случае конфликта они не сумеют договориться о своем поведении в отношении Германии, то последняя благодаря своей непоколебимой энергии должна будет оказаться сильнее фронта, составленного из отдельных частей своих противников. Сюда присоединяются те обстоятельства, что Франция, согласно этим представлениям, осуждена с течением времени на внутреннюю слабость и на низведение до уровня второстепенной державы; что в настоящее время Франция психологически не в состоянии больше воевать с Германией; что Германия таким образом может

себе позволить любое нарушение договоров, вызвав этим только словесные протесты.

Если мы освободим эту политику из хилиастического тумана[132] и рассмотрим ее при свете дня, еще продолжающегося за пределами Германии, то увидим, что Гитлер возвращается к той же политике, из-за которой потерпели крушение Вильгельм II и его канцлер Бюлов. Однако методы, с помощью которых национал-социализм разъединил своих внутриполитических противников, неприменимы во внешней политике уже потому, что здесь соперниками выступают не немцы. Они превосходят немцев не политической фантазией, а своей политической трезвостью. Национал-социализм, который в теории проповедует различие между нациями, на практике забывает о своем учении. Он обращается с чужими народами так, как будто они немцы, и на этом он должен потерпеть крах.

* * *

Кто скажет правду народу?

Правда, справедливость и свобода в настоящее время не в почете в Германии. И в других странах их ждут, быть может, тяжелые испытания. Тяжелым испытаниям подвергается в наши дни также подлинность политических убеждений. В качестве личного признания я должен здесь сказать, что это несомненно к лучшему. Ужасы этого времени велики, но велики также и его возможности. Снова мы очутились перед положением, когда мы можем потерять только цепи, а завоевать можем весь мир.

Здесь мы касаемся вопроса, о котором необходимо говорить всегда и при всякой возможности. Есть люди, пострадавшие от национал-социализма, которые в настоящее время относятся враждебно к своему народу. Здесь совершается коренная ошибка. Именно потому, что мы неизменно любим Германию, мы боремся за нее; если мы не будем бороться за нее, мы не будем испытывать чувства подлинной любви к ней.

Другие, напротив, ненавидят сегодняшних властителей Германии, но не хотят бороться против них, ибо они полагают, что эта борьба в конечном счете направлена против Германии. Они исходят примерно из того, что свержение нынешнего режима приведет к хаосу и будет концом Германии. Однако по причинам, которые мы уже отчасти изложили, никакие сделки со своей совестью и никакие акты отчаяния не в состоянии помешать падению этих властителей. Когда же наступит день этого падения, налицо должны иметься люди, которые готовились к нему, которые ждали его прихода и не оказались захваченными врасплох. Должно существовать движение, которое в состоянии будет вступить в ужасную брешь, которую оставят после себя низвергнутые. Тогда, но лишь тогда, день этого падения не будет днем хаоса и днем гибели Германии.

Фашизм может выбирать только между нищетой и войной. И то и другое приведет к его уничтожению. Мы хотим надеяться, что гибель эта произойдет на первом пути, но мы должны быть готовы

и ко второму исходу. Каждый, кто любит свободу, должен внести свою лепту, чтобы конец фашизма явился не концом, а началом Европы. Эта Европа, когда пробьет ее час в истории, должна уже существовать в наших сердцах и головах. До тех же пор мы должны вести себя так, чтобы грядущее поколение могло сказать о нас: «Их жизнь была прекрасна, им дано было сражаться за свободу, которой мы пользуемся».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эрнст Рем—профессионал-военный. В 1918 г. в чине капитана служил при генеральном штабе. Типичный «ландскнехт». Один из тех германских офицеров, которые после мировой войны предлагали свои услуги всевозможным экзотическим правительствам в качестве военных инструкторов и в первую очередь для использования современной военной техники в борьбе с «врагом внутренним». Пожалуй, самый откровенный монархист в руководстве национал-социалистов, всегда откровенно высказывавшийся за восстановление монархии. В октябре 1932 г. «Мюнхенер пост» и другие газеты опубликовали письма Рема к молодым людям, из которых видно, что Рем—педераст. «Коричневая книга» приводит документы, изобличающие Рема в том, что он был знаком с ван дер Люббе. Посредником между ними был убитый впоследствии фашистами д-р Белл, который «был не только советником Рема по вопросам внешней политики, но и обделывал его амурные дела» («Коричневая книга», стр. 48). Вплоть до 30 июня 1934 г.—начальник штаба штурмовых и защитных отрядов, а также унифицированного «Стального шлема». Рем (как и Розенберг) входил в имперский кабинет министров.

Во время событий 30 июня—2 июля Рем был захвачен в Мюнхене и казнен; по официальной версии, Рем организовал заговор против Гитлера и должен был возглавить «вторую революцию» штурмовиков, направленную к свержению теперешнего руководства.

[2] Коричневый дом—помещение, где находятся партийные организации национал-социалистов.

[3] Раабе—депутат рейхстага, член германской народной партии

[4] Вальтер Ратенау (1867—1922)—крупный промышленник, председатель правления германской АЭГ (Всеобщей компании электричества); демократ. Министр восстановления в 1921 г., а затем в 1922 г. министр иностранных дел в кабинете Вирта. Сторонник сближения с с.-д., а в отношении Франции и союзников сторонник так называемой политики выполнения. Участник Генуэзской конференции и один из инициаторов заключения Раппальского договора с СССР. Автор книг, в которых проводил идеи о «конструктивном» построении государства. 24 июня 1922 г. убит террористами из правого лагеря.

[5] Дизраэли—лорд Биконсфильд (1804—1881)—английский политический деятель, министр финансов и премьер кабинетов тори.

[6] В немецком языке для слова «народный» имеется общепринятое выражение «националь»—национальный. Слово «фелькиш»—германизированное «национальный». Оно введено в обиход в 900-х годах со времени возникновения расистского и антисемитского Всегерманского союза. «Фелькиш» употребляется для характеристики крайне правых взглядов с антисемитским налетом. После революции 1918—1919 гг. этим термином пользуется германский фашизм (в том числе и национал-социалисты), особенно северогерманский, выпячивающий на первый план не «социальную», а «национальную» демагогию. Движение «фелькише» выступает часто рядом с национал-социализмом в качестве его конкурента и соперника. В конце 1922 г. из консервативной партии выделилась группа Вулле, Генинга и Грефе, образовавшая немецкую народную партию свободы (дейч-

фелькише фрейгайрте-партай). В 1924 г., когда Гитлер сидел в Ландсбергской крепости, было образовано против его воли «фелькише арбейтсгемейншафт». В выборах 1928 г. «Фелькишер кампфблок» выступает конкурентом национал-социалистов и терпит поражение. После 1928 г. Гитлер занял монопольное положение в фашистском лагере, заставив вожаков отдельных групп «фелькише» отказаться от претензий на самостоятельную руководящую роль и раствориться в национал-социалистской партии.

[7] Франц Эпп—профессионал-военный. Дослужился за время империалистической войны только до поста полкового командира и лишь в результате участия в гражданской войне в Германии был возведен в чин генерал-лейтенанта и получил командование седьмым баварским военным округом. Как повествует официальная фашистская история (цитируем по «Жизнеописанию наших вождей» из Национал-социалистского справочника), Эпп в 1919 г. был вожаком «добровольческого отряда Эпп» и «являлся освободителем Мюнхена от еврейско-коммунистической советской власти». О его роли в руководстве национал-социалистов довольно подробно рассказывает Гейден. В 1928 г. в его ведении находились военные дела национал-социалистов. В «третьей империи» является наместником Баварии.

[8] Федер Готфрид—партийный теоретик, признанный учитель Гитлера, автор национал-социалистской программы и министр финансов в «правительстве» Гитлера во время путча 1923 г. В «третьей империи» одно время был товарищем министра народного хозяйства при Шмитте, а сейчас остался совершенно не у дел. Это объясняется не столько его прежними связями с братьями Штрассерами, сколько огромной дистанцией между «уничтожением процентного рабства», провозглашенного в свое время Федером, и нынешней политикой Гитлера и его хозяйственного диктатора Шахта.

[9] Пер Гюнт—герой одноименной пьесы Генриха Ибсена.

[10] «Фелькишер беобахтер» (народный наблюдатель)—центральный орган национал-социалистской партии.

[11] Граф Бадени—в 1895—1897 гг. австрийский министр-президент и министр внутренних дел. При нем были проведены избирательная реформа и закон о равноправии немецкого и чешского языков в Богемии и Моравии.

[12] Шенерер и Вольф—руководители немецкой национальной партии в Австрии (немецкое национальное движение). Партия эта имела резко выраженный антисемитский характер и вела борьбу за присоединение Австрии к Германии, против Габсбургов и политического влияния римской церкви. В 900-х годах Шенерер основал движение «Прочь от Рима».

[13] Карл Люэгер—подвизался в Вене, как и Шенерер, начиная с 80-х годов прошлого века. С 1897 по 1910 г.—бургомистр Вены. Ему и его партии—христианско-социальной—удалось развернуть в Вене массовое движение мелкой буржуазии под лозунгом антисемитизма, окрашенного в якобы антикапиталистические тона. У христианско-социальной партии, как и у партии германского центра, имелись свои «христианские» профсоюзы и своя аудитория, главным образом ремесленных рабочих. Гитлер в своей книге «Моя борьба» упрекает Шенерера в том, что, стоя на правильной позиции в национальном вопросе, он не сумел привлечь к себе масс умелой демагогией на манер христианско-социальной партии. Наоборот, Люэгера он упрекает в том, что последний не был последовательным антисемитом и не стал в этом вопросе на «расовую» точку зрения. Так или иначе, Гитлер весьма многое заимствовал из тактического и идейного арсенала австрийских кристлих-социале.

Наследником дейч-национале в Австрии явилась так называемая великогерманская партия, почти целиком утратившая влияние, которое перешло к национал-социалистам. Христианско-социальная партия является правящей возглавляющей черный фашистский фронт.

[14] Константин Хирль—в империалистическую войну работал в генеральном штабе, а под конец—в штабе баварского резервного армейского корпуса. В период с 1921 по 1924 г. служил в военном министерстве. Автор военных программ национал-социалистов, докладчик на их съездах по военным вопросам. В 1929 г.—руководитель отдела трудовой повинности в партии национал-социалистов. Член рейхстага.

[15] Партикуляризм в противовес централизму означает стрем-

ление сохранить местные или областные особенности и автономные права. В данном случае речь идет о баварском партикуляризме, представленном по преимуществу династией Вительсбахов и клерикально-кулацкими элементами.

[16] Э с с е р—в «третьей империи» променял перо журналиста на более «солидную» деятельность. Своими скандальными историями сумел заслужить громкую известность даже среди фашистов. О его хозяйственных способностях Гейден упоминает в связи с историей, обошедшей в свое время всю германскую печать. Речь идет о весьма оригинальном способе, при помощи которого он добывал средства для вождя. По собственным утверждениям, Эссер поддерживал связь с одной из мюнхенских дам лишь для того, чтобы иметь возможность выуживать деньги у ее мужа. За прошлые заслуги был назначен министром народного хозяйства в Баварии. Последнее время за новые «художества» снят с поста и впал в немилость.

[17] Ю л и у с Ш т р е й х е р—по профессии учитель, офицер в империалистическую войну. Один из самых ярых хулиганствующих антисемитов даже среди вождей национал-социалистов. После захвата власти фашистами—организатор еврейского бойкота. Состоял руководителем франконской окружной организации национал-социалистов.

[18] П у т ч К а п п а (в 1920 г.) был попыткой монархических элементов, в первую очередь оставшегося не у дел монархического офицерства, сбросить правительство социал-демократа Эберта и установить диктатуру. В тесной связи с путчистами находился Людендорф. В марте отряды капитана Эрхардта и генерала Лютвица заняли без боя Берлин. Эберт со своим правительством бежал в Штутгарт. Главой нового «правительства» был объявлен Капп, продержавшийся в Берлине 4 дня. Всеобщая стачка смела это правительство. Капп вынужден был бежать. Значительная часть германской буржуазии держала в это время курс на стабилизацию послевоенной Германии с помощью Эберта и его политических друзей и не поддержала Каппа. Путч Каппа послужил для Эберта лишь поводом для подавления с помощью военной силы революционного рабочего движения, которое особенно широко развернулось в Руре.

[19] И о г а н н Г о ф м а н—член баварской с.-д. большинства; был министром культов в кабинете Курта Эйснера. После убийства Эйснера в марте образовал коалиционное правительство вместе с кулацким баварским крестьянским союзом и независимцами. При образовании советской власти в Мюнхене бежал со своим правительством в Бамберг. Вернулся в Мюнхен, после того как контрреволюционные «добровольческие» отряды свергли советскую власть. Образовал после этого правительство на «более широкой основе» с привлечением демократов и баварской народной партии (баварский центр).

[20] Ф о н К а р—бывший министр-президент Баварии и ее генеральный государственный комиссар (1923 г.). Участник пивного путча 1923 г. Как картинно описывает Гейден в своей книге, «Гитлер под угрозой револьвера заставил Кара войти в свое правительство». «Изменивший» Кар 30 июня 1933 г. пал жертвой мести национал-социалистов.

[21] П е н е р—впоследствии министр-президент Баварии в «правительстве» Гитлера во время пивного путча. Через некоторое время после выхода из Ландсбергской крепости погиб при автомобильной катастрофе.

[22] В и л ь г е л ь м Ф р и к—полицейский чиновник в Пармазенсе с 1907 по 1917 г., а затем в Мюнхене—с 1917 по 1930 г. Покровитель Гитлера в период организации национал-социалистской партии и активный участник мюнхенского путча. Привлеченный к суду вместе с Гитлером, был осужден, но затем в административном порядке был освобожден от наказания. В январе 1930 г. в первой коалиции национал-социалистов с правобуржуазными партиями Фрик вошел в качестве министра внутренних дел в тюрингенский кабинет. Он отличился на своем посту приказами по части введения новых школьных молитв, сочиненных фашистами, и другими «культурными» мероприятиями. В бытность министром Тюрингии Фрик назначил Гитлера жандармским комиссаром в одном из тюрингенских городов, чтобы таким образом предоставить ему германское гражданство (Гитлер до последнего времени был австрийским гражданином). 30 января с образованием кабинета Гитлера—Гугенберга Фрик был назначен германским министром внутренних дел. Председатель фракции фашистов в рейхстаге.

[23] Г е й д е л ь б е р г с к а я п р о г р а м м а—была принята на съезде

с.-д. в 1925 г. Гейден нисколько не преувеличивает, утверждая, что тезисы фашистов могли свободно войти в гейдельбергскую программу с.-д. Правые вместе с независимцами во вновь принятой программе выбросили содержавшуюся в Эрфуртской программе фразу о том, что «преобразование общества может быть делом только рабочего класса». Буржуазная республика была провозглашена самым ценным достоянием германского рабочего класса. Устами Гильфердинга—докладчика по вопросу о программе—германская с.-д. заявляла, что путь к социализму лежит лишь через хозяйственную демократию.

[24] Пауль Антон Лагард (1827—1891)—немецкий ориенталист и философ. По политическим взглядам—консерватор и сторонник «Великой Германии». Лагард выступал в своих книгах, особенно после франко-прусской войны, в эпоху грюндерства, против «духа либерализма и материализма», за создание немецкой «национальной религии» и против «влияния евреев» на хозяйственную жизнь.

Из последователей француза Гобино, автора теорий об арийском человечестве, наибольшую известность снискал Г. Ст. Чемберлен (немец с англизированной фамилией), которого Розенберг в своих писаниях признает идеологом немецких фашистов по части расовых «теорий». На склоне лет этот «теоретик» и «философ», начавший подвизаться еще в 80-х годах прошлого века, вошел в национал-социалистскую партию.

Освальд Шпенглер—идеолог германского империализма, «философ», автор нашумевшей книги «Закат Европы», вышедшей вскоре после окончания мировой империалистической войны и отразившей глубочайший идеологический кризис, переживаемый послевоенным капитализмом и особенно капитализмом германским. «Философия» истории Шпенглера сводится к тому, что никакой общечеловеческой истории и культуры нет. Существует только культура отдельных народов, определяемая географической средой, расой и «судьбой». Культура каждого народа развивается, циклически проходя через одни и те же стадии развития. Нынешний этап развития народов Западной Европы—стадия «техники»—знаменует собой упадок, закат ее культуры. По Шпенглеру, история не есть царство причинности, а царство «судьбы», притом не «судьбы» народов, а их правящей верхушки или даже отдельных героев. В другой книге, вышедшей в 1920 г. и озаглавленной «Пруссачество и социализм», Шпенглер противопоставляет марксизму «германский социализм». Нетрудно отыскать в этих построениях ряд положений, которые вошли в железный фонд «идеологии» германского фашизма и нашли отражение в таких трудах, как «Моя борьба» Гитлера или «Миф XX века» Розенберга. Будучи одним из духовных отцов германского фашизма, Шпенглер занимает якобы критическую позицию в отношении национал-социалистов. Его книга «Решающие годы», вышедшая уже при правительстве Гитлера, вызвала ряд полемических выпадов со стороны фашистских «публицистов». В своей книге Шпенглер, свысока и не стесняясь в выражениях, упрекает фашистов в том, что и они не свободны от «азиатского коллективизма» и придерживаются «культа масс». Фашист Шпенглер, отражая опасения буржуазии, предлагает национал-социалистам крепче держать в руках массы и полагаться больше на кулак, чем на демагогию.

[25] Альфред Розенберг—белоэмигрант, прибалтийский немец. В «третьей империи» занимает одновременно пост руководителя внешней политики национал-социалистов и ее легальной и полулегальной национал-социалистской агентуры за границей и партийного «идеолога». Вскоре после прихода Гитлера к власти он был назначен руководителем внешнеполитического отдела национал-социалистской партии. В этом чине он является собственно комиссаром над германским министерством иностранных дел. Его поездка в Лондон и Рим, связи с Детердингом и кругами сочувствующих гитлеровцам твердолобых, выступления с планами «обмена» Польского коридора на Украину и крайне неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу национал-социалистов, нанявшись в ландскнехты к английскому империализму для вооруженного похода против Советского союза,—были широко освещены в иностранной и советской печати. В ряде случаев (достаточно вспомнить о его миссии в Лондон вскоре после прихода Гитлера к власти) «дипломатия» Розенберга превратила его в посмешище мировой печати. Основным трудом Розенберга является его книга «Миф XX века», где изложены его политическое и философское кредо.

С 1934 г. Розенберг назначен руководителем «духовного и идеологического воспитания» фашистской партии. В этой роли он возглавляет фашистский культуркампф. Розенберг принадлежит к числу ближайших советников Гитлера.

[26] Артур Меллер ван дер Брук—писатель, расист, автор ряда книг, откуда национал-социалисты заимствовали ряд своих лозунгов и политических словечек. Им же пущен в оборот термин «третья империя» (книга «Третья империя» издана им в 1923 г.) в том смысле, в каком его употребляют наци.

[27] Курт Эйснер—видный германский с.-д. В 1918 г.—центрист, вождь независимых с.-д. в Мюнхене. В период революции 1918—1919 гг.—министр-председатель баварской «народной» республики. Навлек на себя ненависть контрреволюционных кругов, которые считали его одним из виновников стачки рабочих военной промышленности в январе 1918 г. 21 февраля 1919 г. был застрелен на улице черносотенным студентом графом Арко, который впоследствии был амнистирован. Семья Эйснера после прихода фашистов к власти подверглась жестоким гонениям.

[28] *Эссер*—см. прим. 16.

[29] Речь идет о том самом Арнольде Рехберге, которому т. Сталин на XVI партсъезде дал исчерпывающую характеристику: «Я имею в виду известного «промышленника» Рехберга, который, собственно, мало похож на промышленника и скорее всего напоминает «промышленника» среди литераторов и «литератора» среди промышленников» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 491, изд. 1933 г.). Своей ролью «литератора» Рехберг обязан своему брату, крупному промышленнику без кавычек, владельцу калийных копей. Германские калийные промышленники, чьи интересы особенно тесно переплетаются с интересами французского капитала, были непосредственно заинтересованы в сближении с Францией. Этим в первую очередь объясняются маклерская роль и прожекты Рехберга, предлагавшего французским военным и промышленным кругам общий поход на большевиков.

[30] Перед приходом Гитлера к власти Людендорф отошел на задний план, растеряв значительную часть того колоссального авторитета в офицерско-монархических кругах, которым он пользовался в первые годы после империалистической войны и благодаря которому он естественно являлся одним из вождей каждой контрреволюционной попытки переворота (путч Каппа, пивной путч Гитлера). В 1924 г. был кандидатом лагеря «фелькише» на выборах президента республики и собрал около четверти миллиона голосов. С 1926 г. издает в Мюнхене газету «Фольксварте», в которой нападает на масонов, евреев, на расслабляющую германский дух христианскую религию, особенно на римскую церковь, на национал-социалистское руководство и т. д. Вместе со своей женой является основателем новой религиозной секты «Дейчглаубе» (немецкая вера). Весной 1933 г. его газетка была закрыта фашистскими властями на 3 месяца. Авторитет Людендорфа как одного из руководителей германской армии в империалистическую войну был вновь высоко поднят фашистами после отмены ими пятого раздела Версальского договора и введения всеобщей воинской повинности. Его семидесятилетие (9/IV 1935 г.) было отпраздновано с большой помпой всей фашистской Германией.

[31] Кон (Оскар) и Леви (Пауль)—германские социал-демократы. Пауль Леви—ренегат. Будучи независимцем, перешел в германскую компартию, где оставался с 1920 до 1924 г. Из компартии перекочевал обратно в с.-д. партию. Умер в 1930 г.

[31a] Кобленц—германский город в Рейнской области недалеко от французской границы. Во время Великой французской революции был центром контрреволюционной дворянской эмиграции. Отсюда нарицательное значение слова Кобленц как центра всякой белой эмиграции.

[31б] Протоколы сионских мудрецов—апокриф, в котором описывается «еврейский заговор» о захвате всего мира. Авторами «протоколов» являются русские черносотенцы. Из России «протоколы» попали во Францию, а оттуда были заимствованы германскими расистами и антисемитами и составили украшение таких «трудов», как «Моя борьба» Гитлера.

[32] Правительство Гофмана пало в дни капповского путча, когда генерал фон Мель вынудил его подать в отставку (14 марта 1920 г.). Место Гофмана занял монархист, верный слуга династии Вительсбахов фон Кар.

[32a] Рудольф Гесс—родился в Южной Америке; в империалистическую войну—офицер-летчик. Один из активных участников свержения советской власти в Баварии и мюнхенского путча 9 ноября 1923 г. Вместе с Гитлером был приговорен к заключению в крепость. «Вышел в люди» в качестве фактотума Гитлера. В 1925 г.—частный секретарь и 1-й адъютант «вождя». В 1932 г.—председатель политического центрального комитета. С апреля 1933 г.—заместитель Гитлера (см. «Путеводитель по национал-социализму», раздел «Жизнеописание наших вождей»).

[33] Капитан Мюкке—в настоящее время порвал с фашистами по тем причинам, что национал-социалистская партия, как он заявил при выходе, является капиталистической организацией.

[34] Виктор Копп—советский полпред в Берлине в 1920—1921 гг.

[35] Зеверинг и Герзинг—Карл Зеверинг—германский социал-демократ, долголетний министр внутренних дел Пруссии, заменявший министра-президента Брауна накануне разгона фон Папеном прусского с.-д. правительства. Зеверинг сыграл одну из первых ролей в борьбе с революционным рабочим движением, преследовании компартии и запрете союза красных фронтовиков, покровительствуя и прикрывая своей политикой фашистов. При Гитлере был арестован, но через некоторое время был освобожден. Получает пенсию от фашистского правительства. Герзинг—руководитель республиканского флага, правый социал-демократ, после прихода гитлеровцев к власти эмигрировал.

[36] Аман—в настоящее время руководитель партийных издательств национал-социалистов и председатель имперской палаты по делам печати. Близкий друг Гитлера.

[37] Геринг (родился в 1893 г.)—один из ближайших сподвижников Гитлера. Происходит из помещичьей семьи. С Гитлером сошелся в Мюнхене; располагая состоянием, «вкупился» в партию. Принимал участие в мюнхенском путче, был ранен; бежал затем в Тироль, а оттуда перебрался в Рим. В биографиях Геринга особо отмечается, что в период 1924—1925 гг. он находился в личных отношениях с Муссолини. В 1927 г., после амнистии, вернулся в Германию. В 1928 г. был избран от национал-социалистов в рейхстаг. После бунта штурмовиков в Берлине и попытки Стенеса—заместителя главного начальника штурмовых отрядов—отделаться от мюнхенского руководства был назначен весной 1931 г. политическим комиссаром района с чрезвычайными полномочиями.

Другой заслугой Геринга перед фашистским руководством является поддержка, оказанная им Гитлеру летом 1932 г. в его борьбе против Грегора Штрассера, когда последний готов был пойти на соглашение с «социальным» генералом Шлейхером, сменившим фон Папена на посту канцлера, и принять из его рук министерский портфель. После парламентских выборов 31 июля 1932 г. был избран председателем рейхстага. С приходом Гитлера к власти был назначен министром авиации и министром внутренних дел, а затем председателем прусского кабинета министров. Его приказом от 2 февраля 1933 г. была запрещена германская компартия. Герингом же были проведены полицейские меры по разгрому рабочих организаций и закреплению фашистской «революции»—установление сотрудничества полиции с штурмовыми и защитными отрядами, образование вспомогательной полиции и т. д. Геринг—глава фашистской тайной полиции, руководитель палаческой расправы с коммунистами. За эти заслуги бывший капитан был возведен Гинденбургом в «генералы». В руководстве национал-социалистов Геринг—один из наиболее ярких представителей помещичьих элементов. В «Коричневой книге», в которой собран огромный материал о зверствах германских фашистов, Герингу, на основании ряда свидетельских показаний и документов, было предъявлено обвинение как инициатору и руководителю грандиозной провокации с поджогом германского рейхстага. На суде в Лейпциге председатель суда, прокурор и официальные «защитники» открыто полемизировали с выводами «Коричневой книги», стремясь опровергнуть приведенные ею факты. Неуклюжесть и неубедительность этих попыток были отмечены значительной частью международной буржуазной прессы всех направлений. В той же «Коричневой книге» приведены документы о содержании Геринга в лечебнице для душевнобольных в 1925 г. в Швеции. В экспертизе стокгольмского судебного врача, относящейся к 1926 г., указано, что Геринг морфинист. В дни 30 июня—2 июля Геринг был одним из руководителей и непосред-

ственным исполнителем расправы с вожаками штурмовиков и прочих бессудных казней.

[37a] Отто Бисмарк, князь (1815—1898)—герой националистской Германии, основатель Германской империи. С 1861 по 1890 г.—рейхсканцлер. «Кровью и железом», по его собственному выражению, объединил вокруг прусской монархии и создал нынешнюю Германию в войнах с Данией (в 1864 г.), у которой отнял Шлезвиг-Голштинию, с Австрией (в 1866 г.) и с Францией (в 1870—1871 гг.), у которой были захвачены Эльзас и Лотарингия. Он был творцом закона против социалистов в 1878 г. Исключительные законы оказались не в состоянии приостановить победоносное развитие рабочего движения, которое послужило одной из главных причин падения «железного канцлера». Бисмарк канонизирован Гитлером в его книге «Моя борьба». При этом Гитлер по вполне понятным причинам совершенно умалчивает о том, что Бисмарк, во-первых, не был антисемитом в гитлеровском понимании этого слова и имел «друзей» евреев (банкир Блейхредер), во-вторых, не искал «земель на Востоке», а опирался на союз с царской Россией.

[38] Фон Лоссов—по некоторым данным убит фашистами после событий 30 июня.

[39] «Моя борьба»—книга в двух частях, содержащая свыше 700 страниц, написана Гитлером во время его сиденья в Ландсбергской крепости; впервые увидела свет в 1925 г. Книга эта является одновременно автобиографией и изложением истории национал-социализма, «теоретических» взглядов «вождя», его практических поучений и выводов на будущее. Одна из основных задач книги—доказать читателю, что «судьба» заранее уготовила Гитлеру великую миссию. Книга проповедует самый разнузданный антисемитизм и содержит ряд ожесточенных выпадов против СССР и советской власти. После 1925 г. книга выдержала ряд изданий, причем даже в издании 1934 г., т. е. через год после прихода Гитлера к власти, в книгу эту не было внесено никаких существенных изменений (в том числе и в букет ругательных выражений, направленных по адресу СССР).

[40] Гарцбургский блок образован немецкой национальной партией, «Стальным шлемом», ландбундом, патриотическими союзами и национал-социалистами 11/X 1931 г. на съезде в Гарцбурге. Задачей этого блока, созданного в значительной мере Гугенбергом и использованного Гитлером, была совместная борьба против правительства Брюнинга. Гарцбургским фронтом был организован плебисцит (9/VIII 1931 г.) за роспуск прусского правительства, окончившийся провалом. Официально блок распался ко времени президентских выборов, в 1932 г., на которых национал-социалисты выставили кандидатуру Гитлера.

[41] Грегор Штрассер—бывший аптекарь. В прошлом руководитель северогерманских фашистов. Один из тех, кто наиболее упорно и с наибольшими шансами на успех оспаривал пост «вождя» у Гитлера. После образования кабинета генерала Шлейхера считал, что наступил удобный момент для получения министерского портфеля и для открытой борьбы против Гитлера. За ним последовала однако лишь небольшая кучка сторонников. В связи с этим выступлением Штрассер был удален из руководства национал-социалистов. До событий 30 июня Штрассер считался в отпуску и состоял одним из директоров И. Г. Фарбениндустри. В свое время, еще накануне захвата власти фашистами, заигрывал с Лейпартом и прочими реформистскими вожаками. После опалы и удаления от партийных дел Грегор Штрассер представлял собой все же угрозу нынешнему руководству национал-социалистов. Он был ввиду этого вместе с рядом начальников-штурмовиков казнен в дни 30 июня—2 июля.

Отто Штрассер—брат Грегора Штрассера—бывший социал-демократ. В 1930 г. образовал группу так называемых «революционных» национал-социалистов, издавал газету «Черный фронт». Сущность демагогических приемов Отто Штрассера в общем изложена у Гейдена. После фашистской «революции» эмигрировал за границу. Продолжает издавать свой «Черный фронт».

[42] Альфред Гугенберг—крупнейший промышленник, до конца 1918 г. председатель правления заводов Круппа в Эссене. В период инфляции создал свой промышленный концерн, в котором видное место принадлежало газетному и кинофильмовому концерну. В его распоряжении находились многие десятки столичных и провинциальных газет, в том числе «Локаль анцейгер»,

«Таг», телеграфное агентство Тель унион и т. д. Приобрел крупное политическое влияние в стране, особенно в период, когда германская буржуазия к концу капиталистической стабилизации взяла более агрессивный внешнеполитический курс (борьба за вооружения, за пересмотр Версаля, за возврат колоний, против политики выполнения). Гугенберг, возглавлявший правое, близкое к «фелькише» крыло немецкой национальной партии, после поражения на парламентских выборах 1928 г. сменил Вестарпа на посту председателя партии. Он берет линию на сближение с национал-социалистами и вместе с ними организует кампанию против правительства с.-д. Германа Мюллера и внешней политики Штреземана, организуя плебисцит против плана Юнга. В союзе с национал-социалистами Гугенберг ведет борьбу за открытую фашистскую диктатуру. Резкое обострение кризиса приводит к развалу немецкой национальной и других буржуазных партий, к «радикализации» мелкобуржуазной массы и переходу ее на фашистские рельсы. На выборах 4 сентября немецкая национальная партия вторично потерпела сильнейшее поражение, получив всего около одной трети мандатов (41 мандат) против 1924 г. В итоге в рядах немецкой национальной партии произошел раскол. С падением правительства «социального» генерала Шлейхера президент Гинденбург поручает образование кабинета Гитлеру и Гугенбергу. Монополистический капитал в этот период решает вопрос о передаче власти Гитлеру. После выборов 5 марта 1933 г. Гугенберг был удален из правительства, которое переходит безраздельно в руки национал-социалистов. В отношении СССР Гугенберг занимает интервенционистскую позицию. Свою точку зрения по этому поводу Гугенберг выразил в известном меморандуме, зачитанном им в 1933 г. на Лондонской международной экономической конференции. Фашистскому правительству поневоле пришлось дезавуировать своего официального представителя и заявить, что Гугенберг выразил только свою «частную» точку зрения.

В настоящее время Гугенберг не у дел. Концерн его после «унификации» газетного дела пришел в упадок.

[43] В деле Бармат-Кутискер был тяжело скомпрометирован ряд видных германских социал-демократов, в том числе бывший министр продовольствия и канцлер Бауер. Юлий Бармат и его братья в период инфляции в Германии (1923—1924 гг.), спекулируя на средствах, предоставленных им в кредит государством, образовали крупный концерн. Юлий Бармат прикармливал и раздавал крупные денежные суммы ряду вожаков германских социал-демократов (Браун, Гейльман, Бауер и т. д.). В 1925 г. Юлий Бармат и его братья были арестованы и заключены в тюрьму по обвинению в подкупе чиновников и подлогах. Их арест повлек за собой разоблачения связей, существовавших между ними и верхушкой социал-демократов. Делом этим долгое время занималась особая парламентская комиссия. В результате социал-демократ Ба[illegible] нужден был отказаться от мандата в рейхстаг. Через некоторое время [illegible] он получил от партийного руководства социал-демократов полное пр[illegible]

[44] Парвус (А. Л. Гольфанд)—видный теоретик германской [illegible] демократии. В 90-х годах эмигрировал из России в Германию. Вместе с Ро[illegible] ксембург примыкал к левому крылу германской социал-демократии. В [illegible] вернулся в Россию и вошел в президиум петербургского совета рабочих [illegible] тов. Автор известной теории перманентной революции, использованной Т[illegible] Во время войны ярый социал-шовинист и агент германского импери[illegible] Составил себе состояние, спекулируя на военных поставках. После вой[illegible] шел от политической деятельности.

[45] Скляр и Якоб Гольдшмидт—крупные еврейские ба[illegible] нисколько не пострадавшие при «третьей империи». Якоб Гольдшмидт [illegible] седатель Данатбанка. По газетным данным, ведет в Нью-Йорке перего[illegible] предоставлении кредитов фашистской Германии.

[46] Имеется очевидно в виду Курт Розенфельд, левый с.-д., а[illegible] бывший член рейхстага, которого Гитлер причислил к «миллионерам».

[47] Грефе—крупный мекленбургский помещик, член немецкой [illegible] нальной партии. В 1922 г. вышел из нее и образовал собственную «тевто[illegible] группу. Потерпел поражение на парламентских выборах 1928 г. и отоше[illegible] литической борьбы.

[48] Гергард Шарнгорст (1755—1813)—автор и проводни[illegible] ской военной реформы и организатор прусской армии (в основу реформ[illegible]

положены в известной мере принципы, выдвинутые Великой французской революцией) в период наполеоновских войн. Эта реформа сыграла важнейшую роль в освободительной войне Германии и последовавшем затем поражении Наполеона.

[49] Георг Гейм—баварский партикулярист, представитель кулацких слоев, в период русской оккупации—сторонник образования независимой Баварии с помощью Франции. Во время ноябрьской революции 1918 г. Гейм явился инициатором образования баварской народной партии путем откола от католической партии центра.

[50] Генрих Гельд—баварский партикулярист, вождь католической партии центра в Баварии, а после раскола—вождь баварской народной партии. С 1924 г.—министр-президент Баварии. Правительство Гельда (баварская народная партия) бессменно управляло Баварией начиная с июня 1924 г., т. е. с подавления гитлеровского путча. Оно было разогнано фашистом—генералом Эппом, захватившим власть в Баварии после мартовских выборов 1933 г.

[51] Кронпринц Рупрехт—в империалистическую войну начальник германской 6-й армии. Живет по настоящее время в Баварии в своих огромных поместьях, получая огромные доходы. О его подлинной роли можно судить по тому, что еще в 1924 г. фон Кар, глава баварского правительства (убит в дни 30 июня—2 июля), совершенно официально признавал себя ставленником Рупрехта. В период, когда национал-социалисты и «патриотические союзы» готовили «поход на Берлин», вел переговоры с французскими агентами о выделении Баварии из Германии и даже об образовании самостоятельного союза со включением Рейнской области, Ганновера, Шлезвиг-Голштинии и Верхней Силезии, направленного против Пруссии. В свое время Людендорф выдвинул против Рупрехта обвинение в том, что последний приказал Кару нарушить слово, данное им Гитлеру в день путча, и выступить против Людендорфа и Гитлера. Для позиций Рупрехта характерно также, что он отказался в 1929 г. поддержать кампанию фашистов и немецкой национальной партии, организовавших плебисцит против плана Юнга.

[52] Кардинал Фаульгабер—архиепископ Мюнхена и Фрейзинга. В Баварии, где до прихода Гитлера стояла у власти клерикальная баварская народная партия, Фаульгабер пользовался большим политическим влиянием. Как сторонник династии Витерьсбахов и сановник римской церкви, в свое время активный участник планов об отделении Баварии Фаульгабер находился в весьма прохладных отношениях с лагерем «фелькише» и национал-социалистами. Весной 1934 г. сам Альфред Розенберг в статье предостерегающе напоминал Фаульгаберу, что только благодаря Гитлеру Фаульгабер «имеет еще возможность выступать с проповедями в Германии». В первых числах января 1934 г. на Фаульгабера было произведено покушение. Стрелявший в него «неизвестный» так и не был разыскан фашистской властью. Фаульгабер—один из первых католических попов в Германии, открывших самую ожесточенную травлю Советского союза.

[53] Иосиф Вирт—принадлежал, как и Эрцбергер, к левому крылу распущенной ныне капиталистической партии центра. Сторонник Веймарской республики и сотрудничества с социал-демократами. В 1920—1921 гг.—министр финансов, в 1921—1922 гг.—рейхсканцлер. Участник Генуэзской конференции. Вместе с Ратенау заключил с СССР Рапальский договор. В 1929 г.—министр оккупированных областей, в 1930 г.—министр внутренних дел. После прихода к власти Гитлера эмигрировал из Германии.

[54] Пункт 17 национал-социалистской программы текстуально гласит: «Мы требуем земельной реформы, отвечающей национальным потребностям, издания закона о безвозмездной конфискации земли для общеполезных целей, отмены поземельной ренты и запрета всякой спекуляции землей». К этому по прошествии нескольких лет сам Гитлер присоединил следующее «разъяснение», вошедшее в виде примечания к пункту 17 программы: «В противовес лживому изложению пункта 17 программы национал-социалистов со стороны наших противников необходимо заявить: так как национал-социалистская германская рабочая партия стоит на почве частной собственности, то само собой понятно, что слова «безвозмездная конфискация» относятся только к созданию законных возможностей конфисковать в случае необходимости землю, которая была приобретена незаконным

путем или не используется, как это требуется с точки зрения национального блага. Это направлено следовательно в первую очередь против еврейских обществ, спекулирующих земельными участками». Так была «уточнена» в интересах помещиков и кулаков земельная «реформа».

[55] Ницше (1844—1900)—германский философ, певец сверхиндивидуализма. В своей более поздней работе «Так говорил Заратустра» занимается «переоценкой всех ценностей». «Морали рабов», «идеалу равенства», «христианскому учению о милосердии», «морали социализма о человеческом счастье» Ницше противопоставляет «мораль господ», новое учение «о воле к власти», находящее свое выражение в сверхчеловеке. Это учение о сверхчеловеке, не связанном узами «морали рабов», являлось отражением той «переоценки ценностей», которую проделывали в ту эпоху монархически-юнкерская верхушка и правящие буржуазные круги Германии, вступавшей в империалистический этап развития.

[56] «Тысячами валяются яйца Колумба вокруг нас, но только Колумбы встречаются редко». Этой неуклюжей фразой Гитлер в книге «Моя борьба» устанавливает свой приоритет на открытие теории об арийском человечестве и неравенстве рас. Нужно однако сказать, что в данном случае, как и в ряде других, мы имеем дело только с плагиатом. Творцом теории о неравенстве рас как основной движущей силе в развитии человечества является француз Гобино— граф и поэт, дипломат и социолог. Его книга «Очерк о неравенстве человеческих рас» вышла в свет в 1853—1855 гг. По утверждению Гобино, избранной в отношении черной и желтой рас является белая—арийская раса. Наиболее ценной и благородной частью последней является белокурая и голубоглазая германская раса. Культура развивается по мере того, как белая раса устанавливает свое господство над низшими расами. Однако, подчинив себе низшие расы, арийцы сами смешиваются с ними. «Нечистота крови» ведет к снижению культуры и к неизбежной катастрофе. Такова судьба, которая ждет человечество. Одним из продуктов смешения рас и снижения культуры является демократия. В основе этих «теорий», как мы видим, лежат реакционные взгляды дворянина, представителя отживших классов, на мир и на общество, где иерархическое устройство и аристократический принцип являются изначальным непреложным законом. Гобино нашел ряд последователей во Франции и Германии. В частности он оказал влияние и на Ницше, чье духовное родство признают германские фашисты. Очень много списали Гитлер и прочие вожди национал-социалистов у последователя Гобино—француза Лапужа, например его рассуждения о расовой гигиене, стерилизации и т. д.

[57] Медисен Грант—писатель-расист.

[58] Граф Лерхенфельд — председатель баварского правительства в период с 11 сентября 1921 г. до 27 октября 1922 г. Сменил на этом посту Кара, который вышел в отставку в связи с отказом ввести в Баварии по требованию имперского правительства исключительное положение.

[59] Конрад Борзиг—член правления Рейхсбанка, владелец паровозостроительных заводов Борзигверке, один из руководителей германского союза промышленников. Оказывал значительную денежную поддержку национал-социалистам. Пользовался большим влиянием на Гитлера. В 1913 г. в связи с обострившимся кризисом обанкротился и был «санирован», причем его предприятия фактически перешли в другие руки.

[60] Лорд Нортклиф (Альфред Гармсворт)—английский журналист и газетный «король», основатель крупнейшей английской бульварной газеты «Дейли мейль» и владелец ряда других газет, в том числе консервативного «Таймса». В 1918 г.—во время империалистической войны—директор союзного бюро пропаганды во враждебных странах. Методы этой пропаганды особенно высоко расценивает Гитлер в своей книге «Моя борьба», противопоставляя их незадачливым приемам тогдашней германской военной пропаганды. Нортклиф умер в 1922 г. Его газетный концерн унаследовал его брат лорд Ротермир, крайний реакционер, поддерживающий тесные связи с фашистами в побежденных в мировую войну странах. Пользовался в свое время особыми симпатиями со стороны венгерских фашистов и расистов за свои выступления в защиту внешнеполитических притязаний венгерской реакции. Ротермир бывал в Мюнхене и покровительствовал Розенбергу во время приезда последнего с дипломатической миссией в Лондон, вскоре после прихода Гитлера к власти. Вел

в английской реакционной печати кампанию за сближение с гитлеровской Германией.

[61] Лорд Ротермир—см. лорд Нортклиф.

[62] Куно—руководитель крупнейшего германского пароходного общества Гамбург—Америка линия. В 1929 г. в период рурской оккупации, был поставлен во главе германского правительства, организовавшего в Руре «пассивное сопротивление», на самом же деле вместе с оккупационными войсками жестоко подавлявшего возникшее в Руре массовое рабочее движение. Правительство Куно пало 12 августа 1923 г. в результате всеобщей политической стачки. Гитлер в своей книге «Моя борьба» резко нападает на Куно за его соглашение с руководством реформистских профсоюзов.

[63] Шлагетер—германский национальный активист и диверсант. Во время рурской оккупации, в 1933 г., был арестован французами и казнен как германский шпион.

[64] По Сен-Жерменскому договору Южный Тироль—часть австрийской провинции, где население ряда районов сплошь немецкое,—отошел после империалистической войны к Италии. Ведя линию на воссоединение всех немцев в «немецком отечестве», германский фашизм тем не менее «временно» отказывается от Южного Тироля, рассматривая немцев этих районов как разменную монету в своих торгах с итальянским фашизмом.

[65] Пачелли—папский нунций в Баварии с 1917 г. В 1920 г. нунций в Германии, дуаен (старшина) дипломатического корпуса в Берлине. Заключил в 1924 г. конкордат с Баварией, а в 1922 г. с Пруссией, во главе правительства которой стоял тогда с.-д. Отто Браун.

[66] Ультрамонтанство—политика католических кругов, направленная к расширению прав и защите интересов католической церкви и папской власти. Ультрамонтанство происходит от латинских слов—ultra montes—по ту сторону гор, ибо Рим, местопребывание папы, находился для большинства европейских стран по ту сторону Альп.

[67] Рейнгольд Вулле—один из вожаков северогерманских фашистов и основателей так называемой «немецкой национальной партии свободы». Северогерманские фашисты отличались в тот период от своих мюнхенских собратьев—национал-социалистов—тем, что в гораздо меньшей степени подчеркивали «социальный» момент в своей агитации, выступая как крайние реакционеры и антисемиты. В 1926 г. Вулле привлекался к суду по обвинению в причастности к политическим убийствам. Сейчас сошел со сцены и никакой политической роли не играет.

[68] Граф Эрнст Ревентлов, вместе с Вулле и Грефе перешедший к национал-социалистам. Редактор «Рейхсварт», в которой в прошлом высказывался за политику сближения с СССР.

[69] Генерал Сект—один из крупнейших военных авторитетов нынешней Германии, организатор рейхсвера. Будучи таким же монархистом и заклятым врагом пролетариата, как и Людендорф, Сект в отличие от последнего держал в годы германской революции курс на сохранение ноябрьской республики. Генералы рейхсвера и решающие круги германской буржуазии поступали таким образом как из внешнеполитических соображений, так и ввиду того, что они не без основания рассчитывали с помощью социал-демократии лучше справиться с революцией и укрепить свою власть. Благодаря этой ориентации значительной части командования рейхсвера авантюра Каппа—Лютвица, как и путч Людендорфа—Гитлера, очень быстро закончилась крахом. В период рурской оккупации, получив власть из рук Эберта, Сект громил революционное движение в Саксонии и Тюрингии и подавлял поднятое компартией восстание в Гамбурге. После провала путча Людендорфа—Гитлера Сект на время получил фактически диктаторскую власть, выступая в качестве палача германских рабочих и одновременно «спасителя» республики. Отношение Секта к национал-социалистам характеризуется тем, что он, как впрочем и Гренер и ряд других генералов рейхсвера, игравших активную роль в политической жизни послевоенной Германии, стоял за самое тесное сотрудничество с фашистами. В 1930 г. Сект был избран в рейхстаг от народной партии (представительница интересов тяжелой промышленности). С приходом к власти Гитлера остался не у дел. Провел несколько лет в Китае, куда он, по сообщениям печати, выехал якобы для улажения споров

между германскими офицерами, нанявшимися на службу к Чан Кай-ши. Сект сыграл выдающуюся роль в качестве военного советника Чан Кай-ши в так называемом 6-м походе против советских районов и блокаде Цзянси, которая оказалась однако не в состоянии уничтожить живые силы китайской красной армии. В 1934 г. Сект вернулся в Германию.

[70] К а п у а—город в Южной Италии, куда Ганнибал после победы над римскими армиями при Каннах отвел свои войска на летние квартиры, вместо того чтобы предпринять поход на Рим.

[71] Б р а н д е н б у р г с к и е в о р о т а в Берлине, неподалеку от здания рейхстага.

[72] Г у с т а в Ш т р е з е м а н (1878—1929)—один из наиболее видных буржуазных политических деятелей послевоенной Германии. Политическую карьеру начал будучи синдиком (юрисконсультом) союза саксонских промышленников. В 1907 г. был избран в рейхстаг и с небольшими перерывами оставался его членом вплоть до смерти. До мировой войны был одним из самых махровых поборников завоевательной программы германского империализма, политики вооружений и строительства морского флота. При поддержке короля военных шиберов Стиннеса основал после войны «германскую народную партию», представлявшую интересы тяжелой промышленности. Своей позиции ярого махрового представителя германского империализма и тесным связям с тяжелой промышленностью Штреземан был обязан тем, что в 1923 г., в период рурской оккупации, именно он был призван сменить Куно на посту канцлера, имея задачей ликвидацию пассивного сопротивления. В 1923 г., в эпоху высокого подъема революционного движения в Германии, угрожавшего снести твердыни капитализма, показал себя искусным защитником интересов буржуазии. Умело лавировал, откупаясь мелкими уступками. Открыто заявил, что его правительство явится последним легальным буржуазным правительством, если объединенными силами буржуазии и с.-д. не будет раздавлено революционное движение рабочих. За свои предвоенные заслуги и за «заслуги» в 1923 г. дальновидными кругами буржуазии был признан одним из спасителей буржуазной Германии. Первый кабинет его скоро пал; сам он до смерти оставался министром иностранных дел во всех сменявших друг друга кабинетах. Стремился добиться восстановления могущества буржуазной Германии путем соглашения с союзниками, в первую очередь с Францией. Результатом этого курса явился Локарнский акт, которым Германия добровольно признавала версальские границы на западе, и вступление Германии в Лигу наций. Смерть Штреземана совпала с концом капиталистической стабилизации, в период которой протекала его деятельность как мининдела, заслужившая ему, наряду с Брианом, славу великого «миротворца». Конец капиталистической стабилизации знаменовал собой также уничтожение материальных предпосылок, лежавших в основе всей так называемой политики «выполнения». С наступлением мирового экономического кризиса рушилась одна из основ периода относительной стабилизации—сговор Америки, Англии и Франции «о способах и размерах ограбления Германии» (С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 113, изд. 1933 г.). Штреземан в прямых интересах Германии стремился укрепить политические отношения с СССР и явился одним из инициаторов Берлинского договора 1926 г.

[73] К ю с т р и н с к и й п у т ч относится ко времени рурской оккупации 1923 г. Участниками путча были остатки добровольческих контрреволюционных отрядов, созданных с помощью Носке в 1919 г. для подавления революции,—так называемый черный рейхсвер. Черный рейхсвер был расположен в восточных провинциях, прилегающих к Польше, и должен был якобы выступить вместе с рейхсвером на случай военного нападения Польши. Путч, о котором был осведомлен и рейхсвер, произошел в небольшой крепости Кюстрине. Он не удался, так же как и мюнхенский путч Гитлера, в связи с той ставкой, которую командование рейхсвера и решающие круги германской буржуазии делали в этот период на консолидацию ноябрьской республики.

[74] М и н у—финансовый директор стиннесовского концерна.

[75] В и т ф е л ь т и ф о н Г а й л ь—крупные германские промышленники.

[76] Г у г о С т и н н е с—король германских шиберов, военных спекулянтов в годы катастрофического обесценения марки, владелец гигантского концерна

охватывавшего свыше 1 500 самых разнообразных предприятий; оказывал большое влияние на политическую жизнь Германии и являлся в этот период ее «некоронованным королем». Умер в 1929 г. С стабилизацией марки и началом дефляции его концерн попал в денежные затруднения, обанкротился и совершенно развалился.

[77] Мельхиор и Варбург—директора крупных германских банков.

[78] Микум—франко-бельгийская комиссия, образованная в 1923 г., в период оккупации Рура, для эксплоатации металлургических заводов и угольных копей. Рурские промышленники заключали с комиссией так называемые микумдоговоры на поставку натурой в счет репарационных платежей. Впоследствии, после принятия плана Дауэса, промышленники на этом «заработали» огромные деньги, получив от германского правительства в уплату около 600 млн. марок.

[79] Леон Гамбетта (1838—1882)—французский политический деятель. После поражения Наполеона III и падения Седана во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. провозгласил республику и возглавил национальную оборону страны. Гамбетта—один из организаторов «третьей республики».

[80] Гельдорф, граф—во время поджога рейхстага полицей-президент Берлина. Согласно письму Эрнста, убитого 30 июня 1933 г., начальника одного из штурмовых отрядов, Гельдорф сам был активным участником поджога. После 30 июня устранен со своего поста якобы за те же проступки против морали, что и Рем (Гельдорф—педераст, как впрочем и Бальдур фон Шпрах и другие остающиеся у власти фашистские сановники). В июле 1935 г. вновь назначен полицей-президентом Берлина.

[81] Клятва на горе Рютли, скрепившая союз швейцарских лесных кантонов Швиц и Ури в их борьбе за независимость. Эта клятва представляет один из эпизодов в легенде о Вильгельме Телле. Подлинное историческое событие (образование союза лесных кантонов) относится к несколько более позднему времени.

[82] Георг Бернгард—до прихода Гитлера к власти редактор «Фоссише цейтунг», директор ульштейновского издательского концерна и председатель имперского союза германской печати. От демократической партии Бернгард в 1928 г. был избран в рейхстаг. После прихода фашистов к власти эмигрировал.

[83] Карл Штерн (1757—1831)—имперский барон и прусский министр в период наполеоновских войн, инициатор ряда реформ (отмена крепостного права в Пруссии, реформа городского самоуправления и т. д.), которые вместе с военной реформой были обязаны своим появлением французской революции. Реформы ставили себе целью подвести современную базу под прусское королевство и сделать его способным к сопротивлению Наполеону. Штерн вскоре впал в немилость и был приглашен советником в Россию к Александру I.

[84] Хергт—председатель немецкой национальной партии со времени ее основания. После принятия рейхстагом в 1925 г. плана Дауэса, прохождение которого было обеспечено голосами дейч-националов, был сменен на посту председателя представителем правого аграрного крыла партии—графом Вестарпом.

[85] Выборы в рейхстаг 7 декабря 1924 г. были проведены после того, как в Германии стали сказываться результаты недавно принятого плана Дауэса. Иллюзии, возникшие в связи с несколько улучшившимся по сравнению с недавним инфляционным периодом положением масс, замедлили процесс перехода рабочих на сторону компартии. Одновременно стабилизация вызвала отлив мелкобуржуазных масс от национал-социалистов. По сравнению с выборами от 4 мая 1924 г. национал-социалисты потеряли свыше миллиона голосов (907 тыс. против 1 917 тыс.) и 18 мандатов (14 против 32). Компартия также потеряла около миллиона голосов (2 709 тыс. против 3 693 тыс.) и 17 мандатов (45 против 62). Прирост голосов с.-д. составил около $1^1/_4$ млн. Буржуазные партии в результате выборов получили возможность образовать правительство так называемого буржуазного блока (от демократов до немецкой национальной партии) во главе с «беспартийным» Лютером.

[86] Планом Дауэса называется временное соглашение о германских репарационных платежах, принятое 16 августа 1924 г. на конференции союзных держав в Лондоне. Решающее влияние в переговорах имели США, которые

в результате империалистической войны превратились в главного кредитора союзников. По имени представителя США генерала Дауэса и был назван принятый союзниками проект. Сущность плана Дауэса сводилась к тому, что в обеспечение репарационных платежей (около 2 млрд. марок в год) поступали государственные налоги, обложение промышленности и доходы с железных дорог, которые были переданы в распоряжение специального акционерного общества. Планом Дауэса устанавливался иностранный контроль над хозяйством Германии. Этот контроль осуществлялся через союзных комиссаров во главе с репарационным агентом (американец Паркер Гильберт). Репарационные платежи начиная с 1924/25 г. должны были повыситься с 1 млрд. марок до «нормального» взноса в 2,5 млрд. марок в 1929 г. Окончательный размер общей суммы и срок платежей планом Дауэса установлены не были. Было оговорено, что этот план будет пересмотрен в 1929 г.; фактически пересмотр состоялся еще в 1928 г., причем план Дауэса был заменен новым соглашением, известным под названием плана Юнга. При всей тяжести репарационных платежей, предусмотренных планом Дауэса и ложившихся в первую очередь на плечи германских трудящихся масс, этот план представлял для германской буржуазии известные выгоды. Он положил конец применению санкций (насильственных мер воздействия главным образом со стороны Франции за невзнос репараций), открыл для Германии возможность получения иностранных кредитов, в первую очередь в США; самый план Дауэса предусматривал предоставление займа Германии (так называемый дауэсовский заем), помог правящим кругам стабилизовать марку и сбалансировать государственный бюджет. План Дауэса был принят рейхстагом при участии всех буржуазных партий, начиная с социал-демократии и кончая германской национальной партией. С разгромом революционного движении в Руре, Саксонии и Тюрингии и с вступлением в силу плана Дауэса послевоенная Германия вступила в период относительной стабилизации.

Национал-социалисты, которые из демагогических целей выступали на словах как самые ярые противники «дауэсовской дани», на деле вместе со своим ближайшим соседом—немецкой национальной партией—поддерживали план Дауэса. Германской компартии неоднократно удавалось устанавливать это, когда она вносила в рейхстаг предложения об отказе от уплаты репараций. Фашисты в таких случаях неизменно голосовали против предложений об аннулировании платежей.

87 Билет на дальнее расстояние, т. е. бесплатный железнодорожный проезд по всей Германии, получали депутаты рейхстага, в то время как депутаты ландтагов пользовались бесплатным проездом только в пределах провинции, где они были избраны.

88 Эрих Мюзам—германский пролетарский поэт. В 1919 г., после свержения советской власти в Мюнхене, Мюзам был арестован и приговорен к 15 годам крепости. С приходом гитлеровцев к власти Мюзам был заключен в концентрационный лагерь. После страшных мучений и издевательств убит фашистскими палачами 9/VII 1933 г. в концлагере в Ораниенбауме. Фашистские власти пустили в ход обычную версию о том, что Мюзам якобы покончил самоубийством.

89 Диадохи (по-гречески наследники)—полководцы, между которыми Александр Македонский поделил свою мировую империю.

90 Эдмунд Гейнес—офицер в годы империалистической войны, затем участник добровольческого отряда Россбаха в Верхней Силезии. По обвинению в политическом убийстве был присужден к 15 годам тюрьмы. Был выпущен до срока и снова попал в милость к Гитлеру. Состоял до 30 июня 1934 г. командиром штурмовиков, членом государственного совета в Пруссии, членом рейхстага и начальником полиции в Бреславле. «Коричневая книга» указывает на него как на руководителя отряда штурмовиков, поджегших здание рейхстага. Вместе с Ремом Гейнес был захвачен 30 июня в Мюнхене и расстрелян агентами Гитлера. В лице Гейнеса был уничтожен человек, который знал во всех подробностях, как был подожжен рейхстаг, и которому другой казненный начальник штурмовиков, Эрнст, участвовавший в поджоге, направил свои разоблачения об этом деле.

91 Речь идет о зверском убийстве коммуниста в местечке Потемпе в Верхней Силезии в декабре 1932 г. Его убийцы—штурмовики—были присуждены к смерт-

ной казни в связи с исключительным законом, принятым в 1932 г. и направленным против компартии. Осуждение штурмовиков к смертной казни было единственным случаем в практике германских судов этого времени. Национал-социалисты подняли кампанию за амнистию убийц. Сам Гитлер открыто солидаризировался с убийцами и назвал их в телеграмме «товарищами». Правительство фон Папена отменило смертный приговор. Сейчас же после 5 марта, еще до объявления амнистии фашистам, убийцы были выпущены на свободу.

[92] К а р л Я р р е с—крайний реакционер, кандидат правого блока на президентских выборах 1925 г. Его кандидатура была противопоставлена кандидатуре с.-д. Отто Брауна и представителя партии центра Маркса. Собрал 10 млн. голосов. Во втором туре был заменен Гинденбургом. Долголетний обербургомистр Дуисбурга. В период с ноября 1923 г. по январь 1925 г.—министр внутренних дел в кабинете Штреземана.

[93] Г е л ь м у т Б р ю к н е р—в прошлом бреславльский студент и офицер в период империалистической войны. Подвизался главным образом в Силезии, где был впоследствии поставлен руководителем окружной организации фашистов. Член прусского государственного совета, активный участник расстрелов 30 июня—2 июля.

[94] М а р т и н М у ч м а н—текстильный фабрикант, в период империалистической войны—офицер. Гейден рассказал, как Мучман купил себе за деньги пост руководителя саксонской окружной фашистской организации В 1933 г. Мучман был назначен наместником Саксонии.

[95] Г е б б е л ь с—нынешний руководитель министерства пропаганды в фашистской Германии. В 1925 г. вместе с Грегором Штрассером основал «Национал-социалистише брифе». С 1926 г.—руководитель берлинской окружной организации национал-социалистов. В 1927 г. стал издавать «Ангриф». В 1929 г. был назначен руководителем отдела пропаганды национал-социалистской партии.

[96] Б е р н г а р д Р у с т—прусский министр народного просвещения при Гитлере. Бывший чиновник министерства просвещения в Ганновере и руководитель ганноверской фашистской организации.

[97] Л е й—руководитель «трудового фронта», который при фашистах должен был заменить разгромленные профсоюзы. В настоящее время оттеснен на задний план.

[98] Д е л ю г е—полицейский генерал.

[99] А н а б а с и с—отступление (от моря внутрь страны) 10 тыс. греков в экспедиции Кира Младшего. «Анабасис»,—описывающее этот поход известное сочинение древности, написанное греком Ксенофонтом.

[100] Х о р с т В е с с е л ь—пасторский сынок, студент и сутенер, долгое время живший на содержании у берлинской проститутки. Был связан с уголовным миром воров и сутенеров в Берлине. У фашистов дослужился до поста руководителя штурмового отряда. Вместе со своей бандой занимался нападениями из-за угла и избиениями рабочих-коммунистов. В 1930 г. был убит другим сутенером, Али Хенером, по мотивам далеко не политическим. Это не помешало фашистам и в первую очередь Геббельсу распустить слух, что Весселя якобы убили коммунисты. Вокруг имени этого студента-сутенера была создана посмертная легенда, как об этом рассказывает и Гейден. Порнографический писатель Эверс по поручению своих заказчиков—фашистов—написал роман, изображающий жизнь Весселя в идиллических тонах; на ту же тему был состряпан фашистский кинофильм. Песня в честь Хорста Весселя является официальным гимном штурмовых и защитных отрядов. Фашисты имели наглость именем этого сутенера назвать дом Карла Либкнехта, где помещался до фашистского разгрома ЦК германской компартии.

[101] Т е о д о р М о м м з е н (1817—1903)—видный немецкий историк, национал-либерал.

[102] М а р а у н—предводитель добровольческих контрреволюционных отрядов в период германской революции 1918—1919 гг. Организатор и затем «гроссмейстер» военного союза «Младонемецкий орден», который политически примыкал к Штреземану.

[103] Г е н р и х Х и м м л е р—принадлежит к младшему поколению фашистов. В империалистическую войну в 1917 г. был призван юнкером, имея от роду 17 лет. Участник вооруженной борьбы против власти советов в Мюнхене.

Во время путча Гитлера находился в отряде Рема, когда последний захватил здание военного министерства в Мюнхене. С 1930 г.—имперский руководитель защитных отрядов. В 1933 г. был назначен начальником полиции в Мюнхене. Начальник тайной полиции (Гестапо) в Германии. Одна из опор гитлеровского режима, особенно после событий 30 июня.

[104] П а р л а м е н т с к и е в ы б о р ы 1928 г. происходили в обстановке значительного полевения рабочих масс и разочарования мелкой буржуазии в политике правящих буржуазных партий. Приближался конец относительной стабилизации, и это выражалось, с одной стороны, в усилившемся наступлении капитала на жизненный уровень масс, с другой—в обострении классовой борьбы и росте стачечного движения. У власти накануне выборов находилось правобуржуазное правительство Маркса. На выборах потерпели сильное поражение правые партии, особенно немецкая национальная, потерявшая около 2 млн. голосов и 30 мандатов из 103, имевшихся у нее в прошлом рейхстаге. Значительные потери понесли и прочие буржуазные партии. Гитлеровцы собрали всего 810 тыс. голосов против 907 тыс. на предыдущих выборах и потеряли два мандата. Наибольший прирост голосов был у социал-демократии—снова на $1^1/_4$ млн. против декабрьских выборов 1929 г. Заметно усилилась компартия, собравшая 3 263 тыс. голосов против 2 709 тыс. на предыдущих выборах. Результаты выборов послужили отправным пунктом для образования «левого» правительства во главе с социал-демократом Германом Мюллером, Гильфердингом и др., которое монополистический капитал использовал в первую очередь для проведения своей экономической программы и борьбы с левеющими пролетарскими массами.

[105] Б а л ь д у р ф о н Ш и р а х—недоучившийся студент, с 18 лет (с 1925 г.)—штурмовик в Берлине. Вожак фашистского студенческого союза, а с 1931 г.—руководитель «Имперского союза молодежи». В 1932 г. избран в рейхстаг.

[106] В а л ь т е р Д а р р е сравнительно поздно примкнул к фашистам. Был использован ими «по специальности» (он окончил лишь в 1925 г. с.-х. институт). С 1929 г. руководит национал-социалистскими газетами, предназначенными для деревни, впоследствии возглавляет с.-х. отдел в аппарате фашистов и их крестьянскую и «сословную» организации. Летом 1933 г. был назначен германским министром продовольствия и сельского хозяйства и одновременно прусским министром сельского хозяйства. Сейчас—на амплуа «вождя» крестьянства.

[107] Э р в и н Ш р е д и н г е р—профессор теоретической физики берлинского университета (с 1929 г.), известен своими исследованиями по математической теории цвета и работами по созданию волновой, или квантовой, механики. В своих философских взглядах примыкает к Маху.

[108] Ч е р н ы й р е й х с в е р—см. Кюстринский путч.

[109] К у н о В е с т а р п, граф—один из вождей немецкой национальной партии—ее правого аграрного крыла, редактор реакционной «Крестовой газеты», монархист, сторонник вооруженной интервенции против СССР. В 1925 г. был избран председателем немецкой национальной партии.

[11] П л а н Ю н г а, сменивший план Дауэса о репарационных платежах Германии, был принят в первой половине 1929 г. комитетом экспертов под председательством американского банкира Юнга и при участии в качестве второго американского делегата самого Моргана. В сравнении с планом Дауэса план Юнга предоставлял Германии некоторые облегчения. Срок платежей был установлен в 59 лет, причем наивысшие ежегодные платежи достигали 2 млрд. марок против 2½ млрд., предусмотренных планом Дауэса. Наибольшие льготы по части платежей Германия получала в первые десять лет существования плана. Ухудшением против плана Дауэса являлось то, что значительная часть платежей была лишена так называемой трансферной защиты, т. е. германская марка лишалась прежней охраны, которая лежала на обязанности репарационного агента. План Юнга отменял прямой контроль союзников над хозяйством Германии, в том числе институт союзных комиссаров и репарационного агента, и предусматривал капитализацию значительной части репарационного долга. Органом, регулирующим репарационные платежи, стал, согласно плану Юнга, Банк международных расчетов (в Базеле). Для США, пытавшихся обеспечить за собой руководящее влияние в этом банке, последний был одним из средств в борьбе против стремлений союзников связать репарационную проблему с вопросом о межсо-

юзнических военных долгах. С обострением мирового экономического кризиса оказался несостоятельным и план Юнга. В 1931 г. в связи с грозящим банкротством Германии платежи были приостановлены (гуверовский мораторий). Вскоре репарационная проблема была снова пересмотрена, и сумма платежей была снижена до 3 млрд. марок. Последнее было поставлено в зависимость от готовности США пересмотреть военные долги, на что США до настоящего времени не дали формального согласия.

[111] Феглер—промышленный директор Стиннеса, в настоящее время один из директоров Тиссена, член высшего хозяйственного совета.

[112] Хиальмар Шахт—председатель Рейхсбанка, старый банковский делец. На пост председателя Рейхсбанка попал в 1923 г.—в период, когда Германия приступала к стабилизации марки и когда наступала полоса дефляции. В 1929 г. при разработке плана Юнга Шахт выступает одним из застрельщиков германского трестированного капитала в борьбе за новую ориентацию германской внешней политики. Его меморандум против финансовой политики правительства Германа Мюллера вызвал уход министра финансов социал-фашиста Гильфердинга. Будучи германским делегатом на конференции в Гааге, он отказался подписать план Юнга и вышел в марте 1930 г. в отставку. Его сменил на посту председателя Рейхсбанка Лютер (ныне посол Германии в США). С приходом Гитлера к власти был вновь назначен (март 1933 г.) председателем Рейхсбанка. С 1934 г. в качестве доверенного лица монополистического капитала занял пост хозяйственного диктатора.

[113] Плебисцит—народное голосование. Германская конституция предоставляла право народной инициативы, заключающееся в частности в том, что не менее одной десятой всех избирателей могут потребовать постановки на плебисцит (на народное голосование) того или иного законопроекта. В данном случае «народная инициатива» (Volksbegehren) собрала 10,06% голосов избирателей, после чего законопроект был поставлен на плебисцит (Volksentscheid) и провалился, не собрав абсолютного большинства голосов.

[114] Содержание своей беседы с Гитлером Отто Штрассер изложил в брошюре, озаглавленной «Министерские кресла или революция», изданной в 1931 г.

[115] Отто Браун—в отдаленном прошлом наборщик, один из виднейших германских социал-фашистов, кандидат германской с.-д. на выборах президента республики и долголетний председатель прусского кабинета министров. В 1912 г.—секретарь ЦК германской с.-д. В 1914 г.—депутат прусского ландтага. Во время империалистической войны Браун занимал откровенно социал-шовинистскую позицию. После ноябрьской революции 1918 г. как «народный уполномоченный» Браун был назначен министром земледелия в прусском правительстве. С 1920 г. с перерывами—председатель прусского правительства, созданного на основе веймарской коалиции, т. е. со включением кроме с.-д. представителей партии центра и демократов. Браун сыграл крупнейшую роль в борьбе против германской компартии и в подготовке победы Гитлера в Германии, являясь одной из главных опор правительства Брюнинга в его беспощадном наступлении на рабочий класс. После падения Брюнинга и прихода к власти фон Папена мавру, сделавшему свое дело, было предложено убраться. 20 июля 1932 г. Папен приказом сместил Брауна с его поста. Кабинет был разогнан одним полицейским офицером в сопровождении четырех солдат. Предложение германской компартии об объявлении всеобщей политической стачки в ответ на государственный переворот было отклонено. С.-д. Браун и его партия сманеврировали перед массами, обратившись с жалобой на фон Папена в верховный суд. 27 марта 1933 г., уже после прихода Гитлера к власти, фактически давно прекратившее существование правительство Брауна формально заявило о своем уходе. Сам Браун предпочел уйти еще раньше. В настоящее время он живет в Швейцарии, вблизи Локарно, в имении, заранее приобретенном на имя жены, о чем еще в 1932 г. поспешила рассказать «Крестовая газета».

[116] Генрих Брюнинг—один из вождей католической партии центра в период, когда процесс фашизации Германии двинулся вперед ускоренными темпами. В годы революционного кризиса, последовавшего вслед за поражением Германии в мировой войне, партия центра—одна из наиболее империалистических партий довоенной Германии—наряду с социал-демократией играет видную роль в спасении капиталистического режима и образовании ноябрь-

ской республики. Представители центра вместе с с.-д. принимают активное участие в ликвидации империалистической войны и заключении Версальского мира. Вместе с с.-д. и демократами они составляют большинство в учредительном собрании в Веймаре (его председателем был представитель центра Ференбах), давшем стране так называемую Веймарскую конституцию. Вместе с с.-д. и демократами центр составляет веймарскую коалицию, правившую Германией в годы революционного кризиса, а Пруссией—вплоть до прихода к власти фон Папена. Этой роли центра способствовал состав партии, которая на основе католического «мировоззрения» объединяла под буржуазным знаменем самые разнородные элементы, начиная с магнатов капитала, кулацкой части села, городских «средних классов» и кончая некоторой отсталой прослойкой рабочих. Партия располагала собственными «христианскими» профсоюзами и в рабочей среде пользовалась наибольшим влиянием в католических рейнских провинциях. К концу войны и в годы революционного кризиса в партии на передний план выступает ее «левое» крыло, вождем которого был Эрцбергер—талантливый демагог, выступавший в рейхстаге за принятие Версальского договора. Будучи министром финансов в кабинете с.-д. Бауэра, Эрцбергер под нажимом масс провел закон, который пытался возложить частицу налоговых тягот на плечи имущих классов. Эрцбергер, как несколько позднее и демократ Ратенау, был устранен офицерской контрреволюцией, которая боролась за восстановление старого режима. Он был застрелен в 1921 г. двумя бывшими офицерами—Тиллисеном и Шульцем (последний после амнистии играл роль у национал-социалистов). Еще в 1925 г. на выборах президента республики центр возглавляет «республиканский» фронт. Во втором туре выборов кандидатура вождя центра—«республиканца» Маркса, поддерживаемого с.-д. против кандидатуры т. Тельмана, была противопоставлена кандидатуре правого блока—вильгельмовскому генерал-фельдмаршалу Гинденбургу. К концу капиталистической стабилизации в Германии тот же центр наряду с с.-д. играл роль силы, призванной проложить путь открытой фашистской диктатуре. Правительство Генриха Брюнинга, нового вождя центра, пришедшее к власти после падения кабинета с.-д. Германа Мюллера, просуществовало с 27 апреля 1930 г. по 30 мая 1932 г. Оно было составлено из представителей так называемой малой коалиции (немецкая народная партия, центр и демократы), располагавшей в рейхстаге меньшинством голосов. Брюнинг в период своего канцлерства стремился доказать трестированному капиталу, что можно по-фашистски править страной, сохраняя тень легальности, не устраняя формально парламента и опираясь на ту же Веймарскую конституцию. Приобревший громкую известность § 48 этой «демократической» конституции предоставлял президенту республики право в исключительных случаях, минуя рейхстаг, издавать постановления, имеющие силу закона. Пользуясь этим параграфом, Брюнинг сводит роль парламента к нулю. С помощью чрезвычайных декретов (Notoferordnungen) Брюнинг проводит повсеместное снижение зарплаты и лишение пособий безработных, предоставляет миллиардные субсидии на «санирование» банков и концернов, принимает драконовские меры против свободы печати и раньше всего против германской компартии. Мнимая борьба Брюнинга с фашистами (формальное запрещение штурмовых отрядов и т. д.) лишь способствовала росту фашизма и укреплению его влияния в государственном аппарате. Одной из главных опор Брюнинга в фашизации Германии и жесточайшем наступлении на жизненный уровень трудящихся масс была германская социал-демократия, располагавшая в 1930 г. почти одной третью голосов в рейхстаге (153 места). Она особенно широко использовала для обмана масс в этот период свою известную тактику наименьшего зла («Брюнинг—меньшее зло, чем Гитлер»), проводя в отношении Брюнинга политику «толерирования», т. е. «терпимого отношения», фактически же открытой поддержки Брюнинга.

Брюнинг выдвинулся во время своего пребывания председателем парламентской фракции центра в рейхстаге, когда он обнаружил незаурядные способности и гибкость в закулисных переговорах между фракциями. Он сыграл крупную роль в падении кабинета с.-д. Германа Мюллера, расчистив себе таким образом путь к власти. После отставки своего кабинета и ухода с поста председателя партии центра прелата Кааса занял председательское место в партии. Оставался на этом посту до «самороспуска» партии центра, который произошел под давлением фашистов. В первый период после прихода к власти Гитлера в иностранную пе-

чать проникли слухи о том, будто Брюнинг был арестован. Находился все время под неусыпным наблюдением агентов «третьей империи». Эмигрировал в Англию.

[117] Генерал Гренер—в настоящее время на активной службе в рейхсвере.

[118] Статс-секретарь Мейснер — тип бюрократа-приспособленца. Сохранил свой пост при трех президентах, оставаясь «незаменимым»,—при с.-д. Эберте, фельдмаршале Гинденбурге и рейхсканцлере «третьей империи» Гитлере.

[119] Речь идет об интервью Вильгельма II, появившемся в «Дейли телеграф» без ведома Бюлова, бывшего тогда рейхсканцлером. Интервью содержало ряд грубых бестактностей. Так, Вильгельм заявил, что сам он симпатизирует Англии, но германское общественное мнение и народ против Англии. Парламентский скандал, последовавший за этим интервью, побудил Бюлова выступить публично с указанием, что интервью Вильгельма должны предварительно согласовываться с мининделом. Это выступление стоило Бюлову канцлерства, в чем Гейден усматривает сходство данной истории с судьбой Гренера.

[120] Деревянный конь, якобы построенный ахейцами (греками) при осаде Трои по совету легендарного героя Одиссея. В нем спрятались воины, которые ночью, после того как конь был втащен троянцами в город, выбрались наружу, открыли городские ворота и помогли ахейцам захватить город.

[121] 18 марта 1848 г.—день баррикадных боев в Берлине против прусского абсолютизма, когда берлинский пролетариат заставил короля вывести из города стрелявшие в народ войска и дать «конституцию».

[122] Гжезинский и Вейс эмигрировали, пытались поступить на службу «по специальности» к Чан Кай-ши, но потерпели неудачу.

[123] По мифологии греков—река, которую должны перейти души грешников по пути в преисподнюю. «Двинуть Ахерон»—то же, что обратить против кого-нибудь «все силы ада».

[124] Лейпарт после кратковременного ареста был освобожден.

[125] В июле 1935 г. этот ставленник Геринга был смещен и заменен графом Гельдорфом.

[126] Оберфорен—депутат рейхстага, член народной партии, автор меморандума, разоблачающего фашистов как подлинных виновников поджога рейхстага. Меморандум попал за границу и явился одним из документов, наиболее компрометирующих фашистских поджигателей. Вскоре после этого Оберфорен, по официальной версии, «покончил самоубийством», а на самом деле был убит фашистами.

[127] Дольфус—австрийский канцлер, один из деятелей клерикальной (христианской социальной) партии, совершивший вместе с хеймверами (фашистскими боевыми дружинами) фашистский переворот в Австрии. Дольфус боролся против «унификации» Австрии, т. е. против поглощения ее гитлеровцами, опираясь в своей борьбе на Францию и фашистскую Италию. Во время национал-социалистского путча в Австрии 25 июля 1934 г., организованного и руководимого из Германии, Дольфус был захвачен и застрелян путчистами.

[128] Энклава—владение, находящееся на чужой территории.

[129] Лебе после непродолжительного времени был выпущен на свободу. Состоит пенсионером «третьей империи».

[130] Гейльман убит фашистами в тюрьме.

[131] В день смерти Гинденбурга (2 августа 1934 г.) Гитлер был объявлен одновременно рейхсканцлером и президентом. Было опубликовано явно апокрифическое «завещание» Гинденбурга, в котором последний вручал якобы Гитлеру судьбы Германии.

[132] Хилия—по-гречески тысяча; слово хилиастический употребляется здесь в отношении надежды на приход мистического тысячелетнего царства.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *А. Белкин* Техн. ред. *В. Мартынюк* и *О. Прохорова*

Сдано в набор 20/XI 1934 г. Подписано к печати 9/X 1935 г. Формат 62×95¹/₁₆.
27 п. л. 45 500 знаков в 1 п. л. ОГИЗ № 1430.
Москва. Уполномоченный Главлита Б 1727 Зак. № 1186. 10 000 экз.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., д. 9

Цена 6 руб. 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

во все магазины и киоски Когиза, Почтовые заказы направлять без задатка: Блюхеровский пер., 8, Могиз «Книга—почтой».

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Сектор партийной и комсомольской литературы Когиза, Москва, Блюхеровский пер., 8.

2015187617